ИСТОРІЯ
ГЕРМАНСКОЙ СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТІИ.

Томъ третій.

ДО ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЫ.

ПЕРЕВОДЪ СО 2-ГО НѢМЕЦКАГО ИЗДАНІЯ
М. Е. ЛАНДАУ.

МОСКВА.
Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ и К°".
1906.

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Пименовская ул., соб. домъ.
Москва—1906 г.

Оглавленіе.

Книга III. Агитація Лассаля.

Книга IV. Раздоры между фракціями.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

АГИТАЦІЯ ЛАССАЛЯ.

Глава I.

Лассаль и лейпцигскій Центральный Комитетъ.

---

1. Германскій пролетаріатъ около 1863 г.

При быстрыхъ успѣхахъ, которые германская промышленность сдѣлала со времени мартовской революціи, въ рабочихъ классахъ произошли крупныя измѣненія.

Правда, земледѣльческій пролетаріатъ еще значительно превосходилъ численностью пролетаріатъ промышленный. На $3^1/_2$ милліона лицъ, занятыхъ въ прусскомъ сельскомъ хозяйствѣ, приходились едва $^3/_4$ милліона лицъ, занятыхъ въ прусской фабричной промышленности. Въ предѣлахъ самого промышленнаго населенія ремесленное производство было представлено сильнѣе фабричнаго; въ Пруссіи числилось свыше 1 милліона лицъ, занятыхъ въ ремесленномъ производствѣ. Въ германскихъ государствахъ Пруссія, Саксонія, Кургессенъ, Баварія, Вюртембергъ и Баденъ таблица ремесленниковъ показывала свыше 2 милліоновъ душъ, а въ фабричной таблицѣ не было и $1^1/_2$ милл. При этомъ не слѣдуетъ, однако, упускать изъ виду, что приведенныя цифры вообще имѣютъ лишь приблизительное значеніе, а въ частности—что масса лицъ, записанныхъ какъ ремесленники, были въ экономической дѣйствительности капиталистически эксплуатируемыми кустарями.

Несомнѣненъ былъ, во всякомъ случаѣ, одинъ фактъ: что въ значительнѣйшей части Германіи ремесленное производство еще преобладало надъ фабричнымъ, а сельско-хозяйственное—надъ ними обоими вмѣстѣ взятыми. Обратное отношеніе существовало лишь въ одномъ нѣмецкомъ государствѣ—королевствѣ Саксонія, которое быстро превращалось въ большой, широко раскинувшійся городъ съ умѣренной земледѣльческой окраиной. Приблизительно на такой же ступени промышленнаго развитія находился

прусскій округъ Дюссельдорфъ. Относительно прочихъ мѣстъ статистика начала 60-хъ гг. могла, при всемъ своемъ несовершенствѣ, доставить приверженцамъ стараго добраго времени утѣшеніе, что еще много воды утечетъ, пока Германія станетъ большимъ промышленнымъ государствомъ.

Фактически, однако, въ этомъ утѣшеніи было столько же проку, какъ если бы какой-нибудь мудрый ѳивянинъ утверждалъ на другой день послѣ битвы при Іенѣ, что фридриховская Пруссія стоитъ твердо на ногахъ, такъ какъ ни одинъ французскій солдатъ не ступилъ еще на правый берегъ Эльбы. Жребій былъ брошенъ, и никакая сила въ мірѣ не могла больше задержать быстраго развитія крупной промышленности. Гекатомбы человѣческихъ жертвъ отмѣчали собою ея побѣдное шествіе. 84.286 ручныхъ прядильщиковъ, насчитывавшихся еще въ 1849 г., какъ небольшой остатокъ отъ прежнихъ сотенъ тысячъ прядильщиковъ, растаяли до 14.557 въ 1861 г. Всюду, гдѣ крупная промышленность пускала прочные корни, накопленіе и концентрація капитала, повышая интенсивность труда, тотчасъ же обнаруживали свое опустошительное дѣйствіе. Въ одномъ прусскомъ бумаготкацкомъ дѣлѣ введеніе механическаго ткацкаго станка уменьшило съ 1846 до 1861 г. число ручныхъ станковъ съ 75.666 до 4.777, а число рабочихъ съ 82.193 до 12.541. А вѣдь это только двѣ, три цифры изъ военныхъ бюллетеней крупной промышленности.

Если смерть и разрушеніе шли по слѣдамъ крупной индустріи, то блѣдный ужасъ предшествовалъ ей. Ремесленное производство трещало по всѣмъ швамъ. Даже тамъ, гдѣ ему не угрожала еще непосредственная опасность отъ крупной промышленности, оно со смутной тревогой чувствовало, что его часъ пробилъ, что крупная индустрія, переворачивая вверхъ дномъ всѣ отношенія производства и обмѣна, вырываетъ у него почву изъ-подъ ногъ. Рядъ ландратскихъ отчетовъ, печатавшихся съ 1858 до 1866 г. въ одной офиціальной прусской газетѣ, исполненъ жалобъ на неудержимое паденіе ремесла, даже въ такихъ мѣстностяхъ, которыя—подобно провинціи Познань—лежали еще пока далеко отъ огня.

Въ рядахъ мелкой буржуазіи банкротство стало постояннымъ гостемъ. Неспособный оторваться отъ почвы буржуазнаго общества, несмотря на то, что конвульсивныя содроганія послѣдняго не оставляли ему ни одного часа спокойствія, этотъ классъ слѣдовалъ политикѣ, столь же противорѣчивой, какъ его соціальное положеніе. Старозавѣтные мелкіе бюргеры попрежнему давали

себя морочить средневѣковыми миражами. Они основали въ 1862 г. въ Веймарѣ ремесленный союзъ съ цеховой программой,—въ то самое время, какъ въ Баденѣ, Вюртембергѣ и Саксоніи экономическое развитіе съ непреодолимой силой разрушало послѣдніе остатки цехового устройства, а въ Пруссіи осязательно чувствовался тяжкій вредъ, нанесенный ремеслу реакціоннымъ пересмотромъ прусскаго Промышленнаго устава. Это направленіе нѣмецкаго мѣщанства имѣло своего вождя въ лицѣ сапожнаго мастера Панзе и свою покровительницу въ лицѣ восточно-прусской реакціи. Братецъ-юнкеръ нѣжно обнималъ братца - ремесленника, а братецъ-попъ елейно объявлялъ, что ремесло есть сословіе, отмѣченное благодатью и особенно угодное Богу. Губеръ съ презрительнымъ недоумѣніемъ охарактеризовалъ этотъ шабашъ призраковъ библейскими словами: развѣ и слѣпой можетъ быть поводыремъ у слѣпого?

Самъ Губеръ выступалъ дѣятельно въ пользу кооперативныхъ товариществъ, но безъ того политическаго привкуса и безъ тѣхъ неумѣренныхъ иллюзій, которыя вкладывалъ въ свою кооперативную агитацію Шульце-Деличъ. Послѣдняя быстро распространилась въ началѣ 60-хъ гг., особенно въ рядахъ мелкихъ торговцевъ и среди той мелкой буржуазіи, которая въ начальныхъ стадіяхъ развитія крупной промышленности процвѣтаетъ подъ ея сѣнью, какъ быстро размножающееся и столь же быстро вянущее растеніе. Въ отдѣльныхъ исключительныхъ случаяхъ кредитныя и сырьевыя товарищества, основанныя Шульце-Деличемъ, дали, конечно, возможность мелкимъ промышленникамъ расширить свое предпріятіе въ фабрику, но классу, какъ цѣлому, они не могли дать ничего, кромѣ нѣкотораго замедленія его предсмертной борьбы. Всего менѣе можно было открыть въ этихъ товариществахъ преобразовательный соціальный принципъ. Это были чисто капиталистическіе палліативы, которымъ стоило только разрастись, чтобы сдѣлаться жертвою капиталистическаго духа спекуляціи, не взирая на всѣ предостереженія Шульце. Крахъ этихъ товариществъ не разъ имѣлъ своимъ послѣдствіемъ разореніе цѣлыхъ маленькихъ городовъ. Но пока что значительная часть мелкой буржуазіи вѣрила въ это цѣлебное средство и шла подъ знамя прогрессистской партіи, гдѣ оно было начертано на самомъ видномъ мѣстѣ.

Подобно ремесленнымъ мастерамъ, ремесленные подмастерья также занимали промежуточное положеніе между буржуазіей и пролетаріатомъ, но къ послѣднему они стояли тѣмъ ближе, чѣмъ

болѣе уменьшались ихъ шансы на достиженіе хозяйственной самостоятельности. За уходящее отъ нихъ матеріальное благополучіе реакція обильно расточала имъ духовное утѣшеніе. Евангелическіе „ферейны юношей и дѣвицъ", проникнутые ханжескими тенденціями, были сравнительно многочисленны, но пастыри собирали въ нихъ лишь небольшія стада, да и тѣ смѣнялись какъ зыбучій песокъ. Напротивъ, католическіе союзы подмастерьевъ, призванные къ жизни съ 1849 г. священникомъ Колпингомъ, бывшимъ сапожнымъ подмастерьемъ, могли уже претендовать на извѣстное вниманіе. Они были особенно широко распространены въ южной и западной Германіи. Католическое духовенство благоразумно остереглось вносить религіозную пропаганду въ эти союзы. Напротивъ, молодые капеляны отлично веселились и развлекались вмѣстѣ съ подмастерьями, не заботясь объ ихъ вѣроисповѣданіи, такъ что въ католическіе союзы подмастерьевъ поступали и многіе протестантскіе подмастерья, искавшіе въ эту пору мертваго затишья удовлетворенія своей живой потребности въ духовномъ общеніи.

Болѣе развитыхъ подмастерьевъ эти союзы не могли, конечно, вполнѣ удовлетворить. Черта, дѣлавшая честь нѣмецкимъ ремесленнымъ подмастерьямъ въ 30-хъ и 40-хъ гг., выступила еще гораздо сильнѣе въ 60-хъ: они поняли безнадежность своего классоваго положенія и не имѣли надобности опускаться прежде въ ряды пролетаріата для того, чтобы убѣдиться, насколько единственное спасеніе ихъ заключается въ пролетарской классовой борьбѣ. Обязательное странствованіе все болѣе становилось высшей школой, которой они превосходно умѣли пользоваться; въ своихъ головахъ они приносили домой гораздо болѣе реальныя сокровища, чѣмъ „фабрикантскій жезлъ", который имъ слѣдовало носить въ своихъ ранцахъ, по благожелательному увѣренію ихъ могущественныхъ покровителей изъ прогрессистской партіи.

Еще меньшихъ результатовъ можно было достигнуть этимъ благодушнымъ обѣщаніемъ у промышленнаго пролетаріата, скоплявшагося слишкомъ большими массами, чтобы не сообразить наконецъ, въ какомъ положеніи находится его дѣло. Его страданія становились все болѣе невыносимыми. Мы не знаемъ ни одного факта изъ жизни англійскихъ рабочихъ во время капиталистическаго періода „бури и натиска", которому нельзя было бы найти полной аналогіи въ рейнской крупной промышленности 60-хъ гг. Ахенская торговая палата, официальное представительство фабри-

кантовъ, назвала положеніе рабочихъ въ ахенскомъ округѣ просто безотраднымъ. Описывая эльберфельдскія прядильни, одинъ высокопоставленный чиновникъ свидѣтельствуетъ, что въ ихъ тѣсныхъ, не провѣтриваемыхъ помѣщеніяхъ, наполненныхъ истинно-адскимъ шумомъ, рабочимъ—изсѣра блѣднымъ, съ дряблыми мускулами—не предоставляли при 15-часовомъ рабочемъ днѣ малѣйшаго перерыва для принятія пищи; вмѣсто этого у нихъ былъ повѣшенъ на шеѣ особый жестяной приборъ, откуда они могли проглотить нѣсколько кусковъ въ теченіе тѣхъ немногихъ секундъ, когда обрывалась какая-нибудь нить. Примѣненіе женскаго и дѣтскаго труда увеличивалось въ гигантскихъ размѣрахъ. Съ циничной откровенностью отчеты рейнскихъ торговыхъ палатъ заявляли свои „справедливыя" жалобы на обязательность начальнаго образованія, мѣшавшую имъ эксплуатировать подростающее поколѣніе.

При этомъ надо еще имѣть въ виду, что трехчасовое обученіе въ школѣ, предписанное фабричнымъ закономъ 1853 г. для занятыхъ на фабрикахъ дѣтей, существовало въ общемъ только на бумагѣ, да и сама эта бумага была продырявлена во многихъ мѣстахъ толкованіемъ высшаго трибунала. Такъ, высшее прусское судилище додумалось до рѣшенія, что паровыя точильни въ Золингенѣ, какъ ремесленныя якобы заведенія, не подлежатъ дѣйствію фабричныхъ законовъ. Въ этихъ точильняхъ дѣвушекъ заставляли, для сбереженія расходовъ на предохранительные аппараты, снимать свои развѣвающіяся платья и работать въ мужскихъ костюмахъ, что̂ вело къ самымъ прискорбнымъ результатамъ. Когда фабричный инспекторъ осмѣлился въ легкой формѣ протестовать противъ такого порядка, то ландратъ и все бюргерство были глубоко возмущены столь отсталой сантиментальностью, и понадобилось вести въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ борьбу, пока это безобразіе было устранено. Вообще же министерство Бисмарка спѣшило удалить всѣ помѣхи съ пути капиталистической эксплуатаціи. Свою соціально-реформаторскую дѣятельность и спасеніе государства оно начало съ устраненія тѣхъ слабыхъ слѣдовъ государственнаго фабричнаго надзора, какіе еще существовали при его предшественникахъ.

При одинаковой степени нужды германскій пролетаріатъ 60-хъ гг. уступалъ, однако, англійскому пролетаріату 40-хъ гг. въ томъ отношеніи, что у него была отнята почти всякая возможность свободнаго движенія. Его связывали по рукамъ и ногамъ не только по-

литическіе принудительные законы: въ хозяйственной области ему также ставили на каждомъ шагу преграды остатки феодально-цехового общества. Экономическое законодательство Германіи отличалось еще большей пестротой, чѣмъ ея географическая карта: это была обширная область, полная развалинъ, только въ немногихъ мѣстахъ обращенная въ ровное и чистое поле, на которомъ пролетаріатъ могъ начать свою исполинскую борьбу съ буржуазіей; вообще же она была усѣяна большими и малыми каменными глыбами, которыя преграждали рабочему классу путь къ самостоятельной борьбѣ. Правда, промышленный пролетаріатъ началъ смыкать свои ряды, но въ самихъ этихъ рядахъ существовали весьма различныя ступени пробуждающагося классоваго сознанія. Промышленный пролетаріатъ былъ въ извѣстномъ смыслѣ авангардомъ всего нѣмецкаго пролетаріата, и когда первые отряды этого авангарда развернулись уже на аренѣ борьбы, масса его еще только протискивалась понемногу впередъ изъ феодально-цеховыхъ тѣснинъ.

Даже среди рейнскаго пролетаріата были весьма замѣтныя градаціи. Въ Ахенскомъ округѣ, напримѣръ, рабочіе стояли безъ шапки предъ строгимъ г-номъ фабрикантомъ, который дѣлалъ ихъ смирными при помощи голода, и предъ строгимъ г-номъ капеляномъ, достигавшимъ той же цѣли при помощи ада. Постепенно и медленно, безъ рѣзкихъ скачковъ, подъ постояннымъ гнетомъ святошъ возникъ этотъ пролетаріатъ. Онъ былъ лишенъ всякаго пониманія современности; третируемый en canaille богатыми выскочками—предпринимателями, онъ въ минуты крайняго отчаянія разбивалъ своимъ мучителямъ окна или ломалъ имъ машины, чтобы затѣмъ снова погрузиться въ прежнюю спячку. Торговый кризисъ 1857 г. и губительная болѣзнь шелковичныхъ червей въ 1859 г. явились для крефельдскихъ ткачей суровымъ пробужденіемъ отъ патріархальныхъ грёзъ о положеніи независимаго мастера; опутанные „золотой цѣпью“ тяжелой системы ссудъ, они были отданы въ жертву всѣмъ притязаніямъ своихъ „кормильцевъ“ и находились въ зависимомъ положеніи, которое, по словамъ самого правительства, ничѣмъ не отличалось отъ крѣпостного состоянія прежнихъ столѣтій. Но все-таки они не могли освоиться съ мыслью, что они не болѣе какъ кустарные наемные рабочіе, и оставались неорганизованной массой, неспособной ни къ какому стойкому сопротивленію. Сильнѣе всего классовое сознаніе было развито въ пролетаріатѣ промышленнаго округа Бергишъ-

Маркъ, гдѣ сохранились также наиболѣе живо преданія мартовской революціи. Среди здѣшнихъ рабочихъ вели пропаганду нѣкоторые предводители майскихъ возстаній 1849 г.: напр. Гуго Гильманъ, открывшій по возвращеніи изъ 11-лѣтняго изгнанія трактиръ въ Эльберфельдѣ, и Карлъ Вильгельмъ Тельке въ Изерлонѣ, который въ до-мартовскую эпоху былъ мелкимъ судейскимъ чиновникомъ, былъ преданъ суду за участіе въ изерлонской борьбѣ на баррикадахъ и оправданъ присяжными, но затѣмъ приговоренъ ученымъ коронныымъ судомъ къ денежному штрафу и лишенію права носить національную кокарду—подъ предлогомъ мнимаго „недочета", якобы найденнаго въ одной управляемой имъ кассѣ во время его подслѣдственнаго заключенія. Съ тѣхъ поръ Тельке сталъ вести, въ качествѣ „подпольнаго адвоката", т.-е. истиннаго защитника массъ, партизанскую войну съ придирчивыми властями,—войну, столь же забавную, сколько успѣшную.

Въ восточной Германіи бѣлый терроръ сумѣлъ задушить всѣ революціонныя традиціи. Лишь въ нѣкоторыхъ торгово-промышленныхъ центрахъ горѣли еще небольшіе огоньки. Въ Гамбургѣ продолжали существовать слабые намеки на рабочую организацію подъ покровомъ невинныхъ образовательныхъ ферейновъ и кооперативныхъ товариществъ; здѣсь съ непоколебимой вѣрностью поддерживалъ старое знамя Яковъ Аудорфъ, несмотря на жестокую борьбу за существованіе воспитавшій въ томъ же духѣ своихъ сыновей. Подобно Аудорфу, обращенному нѣкогда въ коммунизмъ Вейтлингомъ, сочиненіями Вейтлинга питались теперь нѣкоторые лейпцигскіе рабочіе и ремесленные подмастерья: табачникъ Фридрихъ Вильгельмъ Фрицше, сапожникъ Юліусъ Вальтейхъ и другіе. Все же ихъ было очень немного; среди преобладающаго большинства рабочихъ Гамбурга и Лейпцига господствовала та же неясность взглядовъ, какъ въ прочихъ мѣстахъ.

Къ тому же воспоминанія о мартовской революціи и тѣмъ менѣе коммунизмъ Вейтлинга не могли стать лозунгами пролетарскаго массоваго движенія при совершенно измѣнившихся условіяхъ. Необходимы были иные двигатели, чтобы толкнуть рабочихъ въ политическое движеніе, и ихъ дала буржуазія.

---

2. Рабочая политика прогрессистской партіи.

Буржуазія всегда сама обучаетъ рабочихъ для той политической борьбы, которая должна неизбѣжно кончиться ея пораженіемъ.

Безъ помощи массъ буржуазія не можетъ побѣдить абсолютизма и феодализма, и отъ ея собственнаго благоразумія зависитъ, въ теченіе какого времени пролетаріатъ будетъ стоять рядомъ съ нею, какъ союзникъ, и какъ скоро онъ станетъ противъ нея, какъ непріятель.

Для нѣмецкой буржуазіи обстоятельства сложились въ началѣ 60-хъ гг. необыкновенно благопріятно. Въ Германіи оставалось еще вымести такъ безконечно много стараго сора, что она могла бы надолго обезпечить себѣ надежный союзъ рабочихъ. Мужественное проведеніе прусскаго конституціоннаго конфликта, искреннее признаніе всеобщаго избирательнаго права, свободы печати и союзовъ, коротко говоря — прямодушное установленіе современнаго гражданскаго общества предохранило бы ее отъ тревоги, которою такъ скоро началъ смущать сны ея нечистой совѣсти призракъ всякихъ „государствъ будущаго". Самодержавно-феодальная реакція буквально толкала буржуазію на правильный тактическій путь тѣмъ, что начала заигрывать съ рабочими уже въ самыхъ раннихъ стадіяхъ прусской конституціонной распри. Не то, чтобы существовала какая-нибудь опасность, что рабочіе позволятъ себя одурачить этими любовно-нѣжными взорами: напротивъ— именно потому, что рабочіе были весьма далеки отъ мысли покинуть буржуазію въ ея борьбѣ съ реакціей, партія прогрессистовъ должна была рѣшиться исполнить въ сколько-нибудь крупномъ стилѣ свой историческій долгъ и такимъ образомъ заплатить цѣну, за которую можно было получить и побѣду надъ реакціей, и союзъ съ пролетаріатомъ на многіе годы.

Этой цѣны она не захотѣла, однако, платить, а то, что она предложила рабочимъ, ускорило процессъ разобщенія между буржуазіей и пролетаріатомъ, вмѣсто того, чтобы замедлить его. „Національный союзъ" ревниво слѣдилъ за тѣмъ, чтобы остаться чистой организаціей буржуазіи. Онъ въ оскорбительной формѣ исключилъ рабочихъ, не позволивъ частичной уплаты годового членскаго взноса; господа Беннигсены и компанія не желали, чтобы ихъ дипломатическое дѣло портили всякія непредвидѣнныя большинства, которыя могли бы оказаться въ общихъ собраніяхъ на основаніи мѣсячныхъ взносовъ. Зато „Національный союзъ" взялъ на себя благожелательное покровительство надъ рабочими, которое — именно потому, что оно было благожелательнымъ покровительствомъ—должно было очень скоро возбудить въ уважающихъ себя пролетаріяхъ чувство оскорбленія.

Въ экономическомъ отношенiи буржуазiя, слѣдуя Шульце, превозносила кооперативныя товарищества, какъ панацею для всѣхъ пролетарскихъ страданiй. Она проповѣдывала самопомощь въ томъ частно-хозяйственномъ смыслѣ, что каждый рабочiй долженъ помогать себѣ самъ, дѣлая сбереженiя, тогда какъ о самопомощи въ смыслѣ политическомъ—т.-е. что рабочiй *классъ* долженъ помочь себѣ самъ—говорилось съ высоко поднятыми бровями, какъ о роковомъ и ложномъ пути. Однако, всѣ практическiя испытанiя этой теорiи неизбѣжно убѣждали рабочихъ въ ея несостоятельности, и, несмотря на весь шумъ, который буржуазiя производила по поводу своей панацеи, товарищества Шульце никогда не встрѣчали особой симпатiи среди рабочаго класса. Въ кредитныхъ и сырьевыхъ товариществахъ рабочимъ не позволяла участвовать уже пустота ихъ кармановъ, а потребительныя общества, которыя были прежде всего разсчитаны на нихъ, всегда оставались далеко позади упомянутыхъ выше товариществъ. Самъ Шульце зналъ въ 1863 г. рядомъ съ 500 кредитными и 200 сырьевыми товариществами не болѣе 100 потребительныхъ обществъ; въ 1864 г. ихъ было только 96, изъ которыхъ 38 доставили о себѣ свѣдѣнiя Шульце. Въ этихъ 38 обществахъ было 7.709 членовъ, такъ что на каждое общество приходилось 202 человѣка. Такъ какъ далеко не всѣ члены потребительныхъ обществъ были рабочими, то ясно, что товарищества Шульце получили сравнительно весьма небольшое распространенiе среди тогдашняго пролетарiата. Къ потребительнымъ обществамъ, руководимымъ фабрикантами, рабочiе питали инстинктивное недовѣрiе, а на потребительныя общества, основанныя рабочими, смотрѣли косо „образованные" вожди кооперативнаго движенiя.

Гораздо болѣе глубокiе корни, чѣмъ потребительныя общества, пустили въ пролетарiатѣ ферейны для распространенiя образованiя среди рабочихъ, призванные къ жизни „Нацiональнымъ союзомъ" приблизительно съ 1860 г. Правда, въ 1863 г. ихъ числилось всего 104, тогда какъ реакцiя располагала еще 368 евангелическими „Союзами молодежи" и 188 католическими союзами подмастерьевъ. Все же образовательные ферейны сравнительно быстро распространялись по Германiи и прiобрѣли симпатiи болѣе дѣятельныхъ рабочихъ слоевъ, несмотря на всѣ безобразiя, которыя творила въ нихъ буржуазiя. Чтобы удостовѣрить ихъ характеръ истинныхъ дѣтищъ капитализма, ихъ окрестили названiемъ „товариществъ для прiобрѣтенiя и прiумноженiя духовнаго

капитала своихъ членовъ". До насъ дошелъ формуляръ, составленный однимъ свѣдущимъ лицомъ для статистической переписи этихъ союзовъ: мы находимъ тутъ всевозможные вопросы — занимаются ли союзы обученіемъ, имѣютъ ли они библіотеки, устраиваютъ ли они семейныя собранія, гимнастическія экскурсіи, концерты, театральныя представленія, раздачу рождественскихъ подарковъ,—но нѣтъ ни одного вопроса, который хотя бы отдаленнымъ образомъ указывалъ на то, что союзы занимаются политическими и соціальными интересами рабочаго класса. „Образованіе", отпускавшееся патронами этихъ союзовъ, было очень часто крайне скудное; именно потому, что нѣмецкая народная школа, стоявшая на извѣстной высотѣ въ 20-хъ и 30-хъ годахъ, была разгромлена реакціей 40-хъ и 50-хъ гг., являлось положительной насмѣшкой надъ рабочими, когда ихъ хотѣли „просвѣтить" для правильнаго пользованія всеобщей подачей голосовъ, поднося имъ поверхностную болтовню объ Уландѣ и нѣмецкой романтикѣ, о Шекспирѣ и Лессингѣ и даже „о Самуилѣ Джонсонѣ и его біографѣ Маколеѣ". Въ концѣ-концовъ противъ этихъ порядковъ выступилъ въ „Еженедѣльникѣ Національнаго союза" даже одинъ фабрикантъ. Онъ писалъ, что отъ страшной учености рабочіе не узнаютъ больше своихъ собственныхъ отцовъ и самихъ себя; ихъ память пичкаютъ до такой степени, что они становятся все глупѣе и о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ либо ничего не умѣютъ сказать, либо говорятъ совершеннѣйшую безсмыслицу.

Это рѣзкое сужденіе было преувеличено въ двоякомъ смыслѣ. Во-первыхъ, если буржуазія при учрежденіи образовательныхъ ферейновъ и стремилась сдѣлать рабочихъ глупцами въ политическо-соціальномъ отношеніи, то она не стремилась все-таки, или не исключительно стремилась, сдѣлать ихъ вообще глупыми людьми; во-вторыхъ, насколько она задавалась такой цѣлью, рабочіе были очень далеки отъ того, чтобы спокойно допустить надъ собой подобную операцію.

Буржуазія — мы не говоримъ о фабрикантахъ-кровопійцахъ, которымъ ненавистно, конечно, всякое школьное обученіе — нуждается въ многочисленномъ штабѣ интеллигентныхъ рабочихъ, которыхъ народная школа перестала поставлять ей при господствѣ ортодоксальной церкви. Буржуазія стремилась поэтому соединить по возможности съ образовательными ферейнами профессіональныя и дополнительныя школы, которыя могли принести пользу рабочимъ и дѣйствительно принесли ее. Если бы ей удалось такимъ путемъ

пропитать избранную часть рабочихъ своимъ духомъ, который эти фельдфебели буржуазіи переносили бы затѣмъ дальше въ рабочія массы, то она извлекла бы двойную выгоду; эта цѣль несомнѣнно имѣлась также въ виду буржуазіей. Лейпцигскій бургомистръ откровенно высказалъ разъ въ офиціальной рѣчи, что цѣль образовательныхъ рабочихъ ферейновъ — создать рабочую аристократію, и городскія власти поддерживали тамошній образовательный рабочій ферейнъ порядочной годовой субсидіей, пока тотъ не отказался съ благодарностью отъ всякаго „аристократическаго" характера. Наряду съ этимъ было, однако, довольно много буржуазныхъ идеологовъ, не понимавшихъ классоваго антагонизма между буржуазіей и пролетаріатомъ, или же понимавшихъ его неправильно въ томъ смыслѣ, что его можно сгладить путемъ повышенія образовательнаго уровня рабочихъ; они честно старались поэтому удержать образовательные рабочіе ферейны на извѣстной высотѣ и не дать имъ выродиться въ простую забаву или что-нибудь худшее еще.

Въ особенности достойныя признанія заслуги предъ этими ферейнами пріобрѣли нѣкоторые дѣльные естествоиспытатели: Теодоръ Мюллеръ во Франкфуртѣ на М., Людвигъ Бюхнеръ въ Дармштадтѣ, Росмесслеръ въ Лейпцигѣ. Они были также въ большей или меньшей степени демократическими политическими дѣятелями, но одностороннее естественно-научное міровоззрѣніе мѣшало имъ отчетливо понимать общественные порядки. Росмесслеръ любилъ говорить рабочимъ: „Образовательные ферейны позволяютъ вамъ глубоко проникнуть своимъ взоромъ въ природу, вы можете поэтому стать всѣ изобрѣтателями, и тогда хлѣба у васъ будетъ въ изобиліи". Только въ одномъ изъ этихъ людей сочеталось основательное естественно-научное съ основательнымъ общественно-научнымъ образованіемъ: его имя было Фридрихъ Альбертъ Ланге.

Ланге происходилъ изъ вестфальскихъ крестьянъ. Его отецъ, благодаря своей упорной энергіи, поднялся вверхъ изъ сельскихъ батраковъ и извозчиковъ до положенія ортодоксальнаго пастора и профессора богословія. Онъ преподавалъ одно время въ цюрихскомъ университетѣ, и въ Швейцаріи Альбертъ Ланге получилъ опредѣляющія впечатлѣнія своей молодости. Свободнымъ и безпристрастнымъ взоромъ онъ проникалъ въ нѣмецкую жизнь, когда занимался своей педагогической профессіей, то при гимназіи, то при университетѣ, въ прирейнскихъ городахъ, въ Кёльнѣ,

Боннѣ, Дуисбургѣ: прямой юноша и мужъ, у котораго честность и прямодушіе были написаны на лицѣ, отличавшійся той истинной любезностью, которая не всѣмъ даетъ все, но воздаетъ каждому то, чего онъ заслуживаетъ, прирожденный педагогъ, полный напряженной духовной силы, и при этомъ мастеръ во всѣхъ физическихъ упражненіяхъ, ученый изслѣдователь и, однако, всего менѣе кабинетный человѣкъ, одинаково многосторонній въ научной теоріи и въ практической дѣятельности, Ланге былъ типомъ человѣка, надѣленнаго прекрасной соразмѣрностью всѣхъ способностей, — человѣкомъ, призваннымъ разрѣшить всякую задачу, поставленную ему жизнью.

Онъ мужественно и храбро разрѣшилъ всѣ эти задачи. Онъ бросилъ въ лицо бюрократамъ кобленцскаго провинціальнаго училищнаго совѣта свою должность гимназическаго преподавателя въ Дуисбургѣ, когда они захотѣли „сдѣлать ему строгій выговоръ“ за то, что онъ не подчинился недостойнымъ избирательнымъ циркулярамъ министра фонъ-Мюлера. Затѣмъ онъ столь же рѣшительно порвалъ съ буржуазіей, когда увидѣлъ, что забота о своихъ матеріальныхъ интересахъ стоитъ для нея гораздо выше политической борьбы за народныя права. Онъ не побоялся выступить за рабочее дѣло въ такое время, когда подобное честное заявленіе о своихъ взглядахъ было еще сопряжено съ тяжелыми жертвами для всякаго члена буржуазнаго класса. Однако и Ланге не вполнѣ ушелъ отъ роковой судьбы, выраженной въ глубокомысленномъ словѣ, которое начертано на памятникѣ послѣдняго нѣмецкаго папы въ Римѣ: сколь много зависитъ, отъ того, въ какую эпоху попадаетъ даже наилучшій человѣкъ!

Его гармонической натурѣ недоставало той суровой односторонности, которой принадлежитъ рѣшающее слово въ дни, когда можно только становиться либо на ту, либо на другую сторону. Въ своей „*Исторіи матеріализма*“ Ланге подвергъ рѣзкой критикѣ естественно-научный матеріализмъ 50-хъ гг., который онъ признавалъ „пригодной максимой для изслѣдованія природы“, но отвергалъ какъ „плоскую философію“. Однако, онъ не пошелъ впередъ къ историческому матеріализму, а назадъ къ Канту, и всякое познаніе разрѣшалось для него въ „высшее и послѣднее сомнѣніе“. Заключая въ себѣ много богатыхъ мыслями изслѣдованій, его главное произведеніе попадаетъ, однако, мимо своей конечной цѣли. И подобно тому какъ у философа Ланге оставалось послѣднее сомнѣніе, оно оставалось и у соціальнаго по-

литика Ланге. Раньше чѣмъ какой бы то ни было другой представитель нѣмецкой учености онъ оцѣнилъ значеніе Лассаля, Маркса и Энгельса; ему часто приходилось высказывать замѣчательно тонкія и вѣрныя сужденія о трудѣ ихъ жизни, чтобы затѣмъ, однако, непостижимымъ образомъ давать ему опять неправильное истолкованіе. Ланге былъ совершенно свободенъ отъ своекорыстныхъ предразсудковъ буржуазіи, но идеалистическое образованіе и воспитаніе, полученное въ евангелическомъ пасторскомъ домѣ, всегда нѣсколько суживало его мысль. Будучи всего менѣе лѣнивымъ примирителемъ ходячаго покоя, онъ до извѣстной степени испыталъ, однако, участь такихъ примирителей—быстрое забвеніе, потому что онъ продолжалъ биться со своими сомнѣніями въ такой моментъ, когда великій поворотъ въ исторіи требовалъ прямого „да" или „нѣтъ".

Когда въ образовательныхъ рабочихъ ферейнахъ работали люди въ родѣ Росмесслера, Ланге и т. п., то ихъ побуждалъ къ этому гражданско-идеалистическій образъ мыслей, который уже въ качествѣ таковаго находился въ сильномъ подозрѣніи у партіи прогрессистовъ. Между обоими участниками просвѣтительнаго дѣла существовали отнюдь не нѣжныя отношенія, и вожди, которыхъ прогрессистская партія предлагала рабочимъ, были люди совсѣмъ другого сорта. Несмотря на серьезный въ извѣстномъ смыслѣ интересъ, который она обнаруживала къ образовательнымъ рабочимъ ферейнамъ, она не въ состояніи была, однако, настолько подавить свое буржуазное самомнѣніе, чтобы считать лучшихъ своихъ людей вполнѣ подходящими для воспитанія рабочихъ. За исключеніемъ Шульце-Делича, которому соціальный вопросъ былъ сданъ въ откупъ, и пожалуй еще Франца Дункера, пріобрѣвшаго заслуги своимъ участіемъ въ образовательныхъ начинаніяхъ большого Союза ремесленниковъ въ Берлинѣ, вожди партіи считали ниже своего достоинства возиться съ рабочими. Эта часть ихъ дѣловой политики была передана агитаторамъ третьяго или четвертаго ранга, составлявшимъ довольно таки разношерстную компанію.

Во Франкфуртѣ на М. по части народнаго образованія орудовалъ Зоннеманъ, банкиръ и собственникъ газеты, пользовавшейся большимъ и все возраставшимъ вліяніемъ, особенно въ южной Германіи. Тамъ же намыливалъ рабочихъ жидкой пѣной манчестерства Максъ Виртъ, подражатель Бастіа, подготовлявшій на свой ладъ бонапартизированіе нѣмецкой буржуазіи, прославляя кровавыя

завоеванія авантюриста, какъ особенно трудную и потому особенно прибыльную работу. Въ Магдебургѣ рабочихъ поучалъ проповѣдникъ Свободной общины Улихъ, честный человѣкъ, но въ политическомъ отношеніи путаная голова; рядомъ съ нимъ стоялъ Максъ Гиршъ, молодой человѣкъ изъ крупной торговли продуктами, „хорошій парень и плохой музыкантъ", не лишенный слабой симпатіи къ пролетаріату, и потому всегда слегка подозрительный въ глазахъ буржуазіи, но слишкомъ тщеславный, чтобы прямо примкнуть къ рабочему классу, и недостаточно самоувѣренный, чтобы не съеживаться всякій разъ, какъ прогрессистская партія нахмуритъ лобъ. Даже „Пригородный союзъ ремесленниковъ" въ Берлинѣ, предъ которымъ Лассаль читалъ свою „Программу работниковъ", имѣлъ въ лицѣ Фридриха Стефани предсѣдателя, которымъ нельзя было особенно похвалиться. Потерпѣвъ неудачу въ ученой профессіи, Стефани нѣсколько лѣтъ кокетничалъ съ рабочими, чтобы затѣмъ въ теченіе стольких же десятилѣтій осыпать бранью рабочее движеніе, состоя на службѣ у капиталистической печати.

Но хороши или дурны были намѣренія прогрессистской партіи при учрежденіи образовательныхъ рабочихъ ферейновъ, для самихъ рабочихъ это было первое мѣсто, гдѣ они могли столковаться относительно своихъ интересовъ. Реакціонное законодательство Германскаго союза, какъ и всѣхъ почти государствъ, входившихъ въ его составъ, чрезвычайно затрудняло рабочимъ ихъ политическую организацію и дѣлало почти невозможной для нихъ организацію профессіональную. Они и стали поэтому упражняться на учебномъ плацу, который открыла имъ прогрессистская партія. Хорошія и дурныя стороны образовательныхъ ферейновъ одинаково способствовали ихъ просвѣщенію. Профессіональное обученіе разжигало жажду знанія, которая глубоко сидитъ въ современныхъ пролетаріяхъ, а вмѣстѣ съ повышеніемъ уровня ихъ пониманія рабочіе начинали испытывать отвращеніе отъ пустословія, слишкомъ часто процвѣтавшаго въ образовательныхъ ферейнахъ. Ихъ классовое сознаніе пробуждалось медленно, но неудержимо, и въ своемъ смутномъ стремленіи впередъ оно инстинктивно чувствовало, гдѣ лежитъ настоящая дорога. Рабочіе брали изъ даровъ прогрессистской партіи то, что подходило имъ, а то, что имъ не подходило, настраивало ихъ на тѣмъ болѣе подозрительный ладъ по отношенію къ благодѣтелямъ. Прогрессистская партія потерпѣла крушеніе о невозможную задачу—организовать

пролетаріатъ, какъ вспомогательный отрядъ, одновременно энергичный и безвольный въ политическомъ отношеніи; утята всегда пускаются по водѣ, хотя бы высидѣвшей ихъ курицѣ хотѣлось водить ихъ гулять только берегомъ.

---

3. Самостоятельныя движенія пролетаріата.

Въ 1862 г. нѣкоторыя, сами по себѣ довольно случайныя событія дали толчекъ самостоятельному движенію нѣмецкихъ рабочихъ.

Во-первыхъ, „Національный союзъ", съ весьма скромной затратой въ 1.200 талеровъ, но съ тѣмъ болѣе шумной рекламой, послалъ на лондонскую всемірную выставку 12 рабочихъ, которые по своемъ возвращеніи должны были дать товарищамъ отчетъ о своихъ наблюденіяхъ. Затѣмъ происходившій въ Веймарѣ конгрессъ приверженцевъ цеховыхъ идеаловъ вызвалъ возмущеніе среди болѣе развитыхъ рабочихъ, такъ какъ онъ превзошелъ себя въ экономически реакціонныхъ требованіяхъ; въ частности, онъ требовалъ возстановленія цехового устройства, упраздненнаго въ значительнѣйшей части Германіи, по крайней мѣрѣ—въ наиболѣе грубыхъ его формахъ. Въ Баваріи, гдѣ оно существовало еще во всемъ своемъ средневѣковомъ блескѣ, былъ созванъ на 1-ое ноября въ Нюрнбергъ рабочій съѣздъ, чтобы протестовать противъ конгресса цеховиковъ.

Берлинскіе рабочіе собрались впервые 25 августа, чтобы выслушать отчетъ товарищей, посланныхъ на лондонскую всемірную выставку. Уже на этомъ собраніи возникла мысль созвать общегерманскій рабочій съѣздъ. Рядъ рабочихъ собраній, состоявшихся въ различныхъ частяхъ города Берлина, отнесся сочувственно къ этой идеѣ, и въ заключительномъ собраніи отъ 7 октября былъ выбранъ комитетъ изъ 25 лицъ, чтобы подготовить рабочій конгрессъ. Предсѣдателемъ этого комитета былъ маляръ Эйхлеръ, служившій въ качествѣ рабочаго у акціонерной компаніи по поставкѣ различныхъ предметовъ для желѣзныхъ дорогъ, причемъ спеціальнымъ его занятіемъ было рисованіе нумеровъ на дверяхъ желѣзнодорожныхъ вагоновъ. 9 октября Эйхлеръ обратился отъ имени комитета въ саксонское министерство съ ходатайствомъ о разрѣшеніи устроить въ ноябрѣ конгрессъ въ Лейпцигѣ и получилъ 28 октября утвердительный отвѣтъ, подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы созваніе и устройство конгресса было, согласно

предписаніямъ саксонскаго закона о союзахъ, предоставлено саксонскимъ подданнымъ.

Еще раньше чѣмъ былъ данъ этотъ отвѣтъ, берлинскій комитетъ созвалъ конгрессъ на 18 ноября въ Лейпцигъ посредствомъ воззванія, появившагося 22 октября въ берлинской „*Volkszeitung*". Конгрессъ долженъ былъ продолжаться 6 дней; въ программѣ его занятій значились: промысловая свобода и свобода передвиженія по всей Германіи, ассоціаціи и инвалидныя кассы для всѣхъ рабочихъ, всемірная выставка въ Берлинѣ, наконецъ—техническія сообщенія рабочихъ, посѣтившихъ лондонскую всемірную выставку. Именно эти сообщенія и веймарскій съѣздъ цеховиковъ были указаны въ воззваніи, какъ побудительныя причины, по которымъ созывается конгрессъ; затѣмъ въ воззваніи говорилось лишь, что солнце новой жизни, подъ согрѣвающими лучами котораго проснулись къ новой дѣятельности всѣ классы населенія, должно разбудить и рабочихъ, спавшихъ до тѣхъ поръ въ разслабляющемъ сознаніи, что о нихъ уже позаботятся, и что если бы они даже пожелали принять участіе въ разрѣшеніи вопросовъ, представляющихъ для нихъ самый высокій интересъ, то изъ этого все равно не вышло бы никакого толка. Какихъ-либо вылазокъ противъ буржуазіи воззваніе не содержало; напротивъ, въ немъ указывалось даже, что съ заявленіями о желаніи участвовать въ конгрессѣ нужно обращаться въ редакціи берлинскихъ либеральныхъ газетъ. По полученіи этихъ заявленій будетъ объявлено во всеобщее свѣдѣні въ какомъ помѣщеніи состоится конгрессъ въ Лейпцигѣ; допускаться туда будутъ только делегаты, доказавшіе свои полномочія. Относительно способа легитимаціи, выбора делегатовъ и пр. возваніе не содержало никакихъ указаній.

Хотя это воззваніе не могло ровно ничѣмъ задѣть буржуазную оппозицію, однако, „*Народная Газета*" напечатала его только въ отдѣлѣ объявленій, тогда какъ въ редакціонномъ отдѣлѣ того же номера она помѣстила статью Штрекфуса, направленную противъ рабочаго конгресса. Штрекфусъ заявлялъ, что среди той духовной борьбы, которая ведется за прусскую конституцію, рабочее движеніе совершенно неумѣстно; оно оказываетъ реакціи если не сознательную, то безсознательную услугу, такъ какъ даетъ ей отличный предлогъ загнать при помощи призрака красной республики въ свой реакціонный лагерь колеблющихся сторонниковъ конституціонной партіи. Да и какая вообще цѣль преслѣдуется всѣмъ этимъ несвоевременнымъ движеніемъ? Вопросы, входящіе

въ программу устраиваемаго рабочаго конгресса, поднимаются виднѣйшими людьми науки и практики на народно-хозяйственныхъ конгрессахъ и въ палатахъ депутатовъ самыхъ различныхъ нѣмецкихъ государствъ; поддерживаемые народомъ, эти люди навѣрно достигнутъ побѣды, между тѣмъ какъ „незначущій рабочій конгрессъ" не можетъ принести никакой пользы въ этомъ направленіи. Статья вызвала понятное неудовольствіе и въ берлинскихъ и въ лейпцигскихъ рабочихъ кругахъ.

Дѣло въ томъ, что и въ Лейпцигѣ началось самостоятельное рабочее движеніе. Въ февралѣ 1861 г. здѣсь былъ основанъ образовательный рабочій ферейнъ, притомъ въ формѣ „промышленнаго образовательнаго ферейна" при Политехническомъ Обществѣ, состоявшемъ изъ самостоятельныхъ промышленниковъ. Основаніемъ или предлогомъ для такой формы буржуазные учредители ферейна выставили реакціонный союзный законъ 1854 г., направленный противъ рабочихъ союзовъ, но своимъ образомъ дѣйствій они вызвали тотчасъ же энергичный протестъ Фрицше и Вальтейха. Если протестъ на первыхъ порахъ и остался безрезультатнымъ, то онъ произвелъ все-таки большое впечатлѣніе на присутствующихъ рабочихъ, въ особенности на молодого токаря Бебеля, впервые участвовавшаго въ народномъ собраніи.

Бебель—сынъ прусскаго солдата. Его отецъ, будучи прусскимъ солдатомъ, перешелъ изъ Острова въ союзную крѣпость Майнцъ и здѣсь, уже въ унтеръ-офицерскомъ чинѣ, женился на дѣвушкѣ изъ маленькаго города Вецлара. Послѣ этого онъ перевелся въ Кельнъ, гдѣ родился Августъ Бебель и гдѣ два года спустя его отецъ умеръ. Мать вышла послѣ того замужъ за своего деверя, который былъ тюремнымъ надзирателемъ, а когда и онъ умеръ, она вернулась назадъ въ родной Вецларъ. Образованіе Бебель получилъ въ мѣстной школѣ для бѣдныхъ, притомъ въ качествѣ стипендіата сиротскаго фонда, послѣ того какъ его мать умерла еще раньше, чѣмъ ему исполнилось 12 лѣтъ. Въ 14 лѣтъ онъ поступилъ въ ученики къ токарю. Отличаясь бойкимъ умомъ и живымъ темпераментомъ, онъ старался пополнить свое умственное образованіе, но не имѣлъ никакой возможности для этого въ жалкомъ филистерскомъ гнѣздѣ, даже если бы 20 грошеновъ недѣльной платы, которые онъ получалъ у мастера сверхъ стола и квартиры, позволяли ему особенно разгуляться.

Съ февраля 1858 г. до марта 1860 г. Бебель странствовалъ въ качествѣ ремесленнаго подмастерья по южной Германіи, а также

2*

по части Австріи и Швейцаріи. Онъ работалъ довольно долго въ Фрейбургѣ (Баденъ), Регенсбургѣ и Зальцбургѣ, гдѣ католическіе союзы подмастерьевъ давали повсюду пищу его уму и вліяли на его общественные взгляды. Патріотическій образъ мыслей Бебеля не былъ еще тогда затронутъ ничѣмъ, и когда во время его пребыванія въ Зальцбургѣ вспыхнула война 1859 г., то онъ пожелалъ вступить въ волонтерскій отрядъ тирольскихъ егерей, но получилъ отказъ въ виду того, что не былъ кореннымъ тирольцемъ. Какъ только Пруссія стала мобилизировать войска, Бебель поспѣшилъ на родину, чтобы предложить свои услуги въ качествѣ добровольца, но быстрое заключеніе мира помѣшало исполниться и этому намѣренію. Въ слѣдующемъ году онъ явился къ исполненію воинской повинности и былъ забракованъ по „общей физической слабости"; это навсегда положило конецъ его военнымъ планамъ. Онъ направился въ Лейпцигъ, чтобы поискать работы, которую и нашелъ тамъ.

Въ Промышленномъ Образовательномъ Ферейнѣ его способности быстро развились. Если принять во вниманіе умственныя впечатлѣнія, которыя онъ получалъ съ дѣтства, и его ненасытную жажду знанія, то становится понятнымъ, почему онъ особенно ревностно отдался образовательнымъ задачамъ союза и держался въ сторонѣ отъ неутомимой агитаціи Фрицше и Вальтейха противъ сибаритствующей буржуазной оппозиціи. Рѣчь, произнесенная Вальтейхомъ весною 1862 г. въ торжественномъ годовомъ собраніи ферейна, повела къ тому, что скрытыя до тѣхъ поръ противорѣчія выступили наружу, и во вновь избранномъ правленіи, гдѣ засѣдалъ теперь и Бебель, обѣ противныя партіи оказались въ равномъ числѣ. Однако на экстренномъ общемъ собраніи Фрицше и Вальтейхъ были разбиты значительнымъ большинствомъ, и тогда они основали союзъ „Впередъ" („Vorwärts"), который отказался отъ образовательныхъ цѣлей, а всецѣло посвятилъ себя пропагандѣ, въ частности же сталъ устраивать рабочія собранія для обсужденія политическихъ и соціальныхъ вопросовъ дня. Изъ этихъ собраній возникъ затѣмъ, какъ и въ Берлинѣ, комитетъ, на который возложено было спеціальное порученіе—созвать всеобщій рабочій съѣздъ.

Къ этому комитету и обратился Эйхлеръ 23 октября, на слѣдующій день послѣ того, какъ берлинскій комитетъ обнародовалъ свое воззваніе о присылкѣ делегатовъ на рабочій конгрессъ. Эйхлеръ лично пріѣхалъ въ Лейпцигъ съ цѣлью развить тамош-

нимъ рабочимъ свои „принципы", состоявшіе въ удивительномъ разоблаченіи, что новое министерство Бисмарка проникнуто симпатіей къ рабочимъ и заступится за ихъ дѣло, если только они повернутся раньше спиною къ прогрессистской партіи; Бисмаркъ готовъ-де отпустить на первыхъ порахъ машиностроительнымъ рабочимъ значительныя денежныя средства для основанія производительной ассоціаціи. Эти странныя сообщенія были разъяснены происходившимъ одновременно въ Берлинѣ общимъ собраніемъ „Прусскаго Народнаго Союза", феодальнаго pendant къ буржуазному „Національному Союзу". Изъ двухъ довѣренныхъ друзей Бисмарка одинъ, Бланкенбургъ, заявилъ здѣсь, что рабочее движеніе требованіемъ всеобщаго избирательнаго права задастъ суровый экзаменъ прогрессистской партіи, а другой, Вагенеръ, что денежный мѣшокъ не долженъ имѣть преимуществъ предъ налогомъ кровью, уплачиваемымъ массами: необходимо ввести всеобщее избирательное право, чтобы создать истинное, распредѣленное по сословіямъ народное представительство.

Лейпцигскимъ рабочимъ „принципы" Эйхлера, однако, совсѣмъ не понравились; подтвердивъ на общемъ собраніи отъ 30 октября свое намѣреніе созвать рабочій съѣздъ, они послали Фрицше и Вальтейха въ Берлинъ, чтобы разстроить закулисную игру Эйхлера и честно столковаться съ буржуазной оппозиціей.

Тѣмъ временемъ названная оппозиція убѣдилась по впечатлѣнію, произведенному на рабочихъ безтактной выходкой Штрекфуса, что если она хочетъ извлечь всякое жало изъ рабочаго движенія,—а таково было по прежнему ея намѣреніе,—то ей необходимо приняться за дѣло болѣе тонко. Она тѣмъ болѣе должна была укрѣпиться въ этомъ мнѣніи, что своимъ разоблаченіемъ Эйхлера лейпцигскіе рабочіе практически доказали, какъ далека отъ нихъ мысль напасть на прогрессистскую партію съ тыла въ ея борьбѣ съ Бисмаркомъ. На предварительномъ совѣщаніи, происходившемъ въ домѣ Унру, Фрицше и Вальтейхъ нашли прогрессистскихъ вождей еще очень сдержанными, тѣмъ не менѣе былъ достигнутъ компромиссъ, характеръ котораго выяснился на большомъ рабочемъ собраніи, происходившемъ 2-го ноября. Фрицше и Вальтейхъ заявили здѣсь, что они будутъ поддерживать буржуазную оппозицію въ борьбѣ съ абсолютистско-феодальной реакціей. Они и въ этомъ собраніи произвели большое впечатлѣніе и обнаружили свое превосходство надъ берлинскими рабочими, которые—поскольку они принимали участіе въ дебатахъ—

либо вообще сторонились отъ всякой политики, либо предлагали просто плыть на буксирѣ у прогресистской партіи. Напротивъ, Шульце-Деличъ объявилъ пустой фразой всякую демократію, которая не умѣетъ настолько поднять матеріальныя условія жизни рабочихъ, чтобы вся масса рабочаго населенія могла вступить въ политическое движеніе, какъ активная носительница его. Конечно, онъ призывалъ къ обдуманности въ дѣйствіяхъ, напоминая, подобно Штрекфусу, что среди буржуазіи существуютъ боязливые люди, питающіе совершенно неосновательную, правда, но все же непреодолимую пока антипатію ко всякому рабочему движенію. Сверхъ того Шульце привелъ противъ всякой чрезмѣрной поспѣшности еще другой доводъ, который долженъ былъ представляться убѣдительнымъ и для рабочихъ. Было очевидно, что въ дѣлѣ созыва конгресса берлинскій комитетъ дѣйствовалъ въ значительной мѣрѣ наугадъ, и Шульце высказалъ мнѣніе, что когда соберется нѣсколько сотъ рабочихъ, и они начнутъ безъ подготовки обсуждать столь крупные вопросы, то получится своего рода вавилонское столпотвореніе; рабочій конгрессъ требуетъ основательной подготовки, и рабочимъ не должно быть стыдно поучаться по этому предмету у людей свѣдущихъ. Самъ Шульце вызвался читать рабочимъ лекціи о капиталѣ и трудѣ. Сообразно съ этимъ собраніе отъ 2 ноября постановило, не отказываясь отъ созыва конгресса съ берлинской программой (изъ нея былъ лишь вычеркнутъ по взаимному соглашенію пунктъ объ устройствѣ всемірной выставки въ Берлинѣ), отложить его на нѣкоторое время, а принятіе подготовительныхъ мѣръ предоставить лейпцигскому комитету,—чтó было необходимо уже вслѣдствіе отвѣта саксонскаго министерства и, сверхъ того, затрудняло берлинской реакціи дальнѣйшее распространеніе смуты въ умахъ.

Берлинская „*Volkszeitung*“ со вздохомъ облегченія заканчивала свой отчетъ объ этомъ собраніи словами, что усилія реакціи завлечь въ свои сѣти рабочее сословіе остались тщетными. Такого же мнѣнія была, повидимому, и реакція; въ связи съ ея разочарованіемъ находилось, безъ сомнѣнія, то обстоятельство, что два дня спустя, 4 ноября, противъ Лассаля было возбуждено судебное преслѣдованіе за его „Программу работниковъ“, когда прошло уже болѣе 4 мѣсяцевъ со дня ея конфискаціи. Досада Бисмарка и его слугъ была совершенно понятна: рабочіе больше знать не хотѣли ихъ фактотума. Правда, Эйхлеръ предсѣдательствовалъ еще на рабочемъ собраніи 2 ноября, но уже 7 ноября

онъ вынужденъ былъ опубликовать туманное заявленіе, гдѣ онъ оспаривалъ тяготѣющее надъ нимъ подозрѣніе и упрекалъ „гг. лейпцигскихъ делегатовъ", что они высказали обвиненіе, не имѣя никакихъ доказательствъ его правильности. Однако даже ссылка Эйхлера на излишнюю жестокость, съ которой онъ былъ выброшенъ на мостовую своимъ хозяиномъ фонъ-Унру, не реабилитировала его въ глазахъ рабочихъ.

---

4. Лейпцигскій Центральный Комитетъ.

Тѣмъ временемъ лейпцигскій Центральный комитетъ спѣшилъ съ подготовкой рабочаго конгресса. Комитетъ состоялъ изъ 10-ти или 12-ти лицъ, имена которыхъ нельзя теперь установить съ точностью. Кромѣ Фрицше и Вальтейха въ него входили Отто Даммеръ, молодой естествоиспытатель изъ Помераніи, читавшій лекціи по химіи въ „Промышленномъ образовательномъ ферейнѣ", и фортепіанный фабрикантъ Дольге. Дѣятель 48-го года, Дольге за участіе въ дрезденскомъ майскомъ возстаніи былъ приговоренъ къ смертной казни и затѣмъ, когда онъ твердо отклонилъ всякую просьбу о помилованіи, осужденъ на продолжительное заключеніе въ каторжной тюрьмѣ, изъ котораго отбылъ 6 ужасныхъ лѣтъ въ Вальдгеймѣ. Среди членовъ комитета упоминается также имя владѣльца чугунно-литейнаго завода Гётца, впослѣдствіи ставшаго націоналъ-либеральнымъ депутатомъ рейхстага. Сюда прибавились еще „довѣренныя лица", которыми комитетъ пополнилъ свой составъ въ духѣ берлинскаго компромисса: старшій учитель Альбрехтъ, адвокатъ Винтеръ и, въ особенности, старый Росмеслеръ, который въ 1848 г. былъ членомъ франкфуртскаго парламента и въ реакціонные годы стоялъ на сторонѣ преслѣдуемыхъ рабочихъ. Вѣрный другъ рабочихъ, съ гораздо болѣе правильными и глубокими взглядами на народное образованіе, чѣмъ такъ наз. „образованная" буржуазія, онъ былъ также въ политическомъ отношеніи болѣе радикаленъ, чѣмъ банальный прогрессизмъ, но при всемъ томъ не могъ вырваться изъ-подъ власти буржуазныхъ воззрѣній.

Въ серединѣ ноября Центральный комитетъ выпустилъ свое воззваніе къ нѣмецкимъ рабочимъ. Опираясь на резолюціи лейпцигскихъ рабочихъ отъ 30-го октября и берлинскихъ рабочихъ отъ 2-го ноября, равно какъ нюрнбергскаго съѣзда рабочихъ отъ

1-го ноября, комитетъ приглашалъ прислать делегатовъ на рабочій конгрессъ съ берлинской программой; съ этой цѣлью онъ рекомендовалъ образовывать мѣстные комитеты, устраивать поучительныя лекціи, наконецъ—основывать кассы, чтобы имѣть возможность справиться, какъ слѣдуетъ, съ обширными подготовительными работами „безъ личныхъ жертвъ для лицъ, которымъ это будетъ поручено,—какъ это принято въ Англіи". Мѣстные комитеты должны были войти въ сношенія съ Центральнымъ комитетомъ и сообщить до средины февраля въ Лейпцигъ о результатѣ своихъ подготовительныхъ работъ; затѣмъ слѣдовало возможно скорѣе созвать рабочій конгрессъ. 22-го ноября Центральный комитетъ обратился къ саксонскому министерству съ ходатайствомъ распространить на съѣздъ, который будетъ созванъ въ мартѣ, разрѣшеніе, данное для неудавшагося ноябрьскаго съѣзда, и отмѣнить изданное въ 1855 г. распоряженіе, которымъ воспрещено было выступать въ публичныхъ собраніяхъ бывшему окружному судьѣ Шульце, имѣвшему тогда жительство въ Деличѣ, а нынѣ живущему въ Потсдамѣ.

Одновременно съ этимъ Центральный комитетъ распространилъ своего рода програмную книжку,—рѣчь, которую Росмеслеръ произнесъ 18 ноября предъ рабочимъ собраніемъ въ Одеонѣ и затѣмъ издалъ въ видѣ брошюры. Въ началѣ брошюры „прямо" констатируется, что королевско-саксонское правительство своимъ отвѣтомъ отъ 28-го октября разрѣшило „въ принципѣ" рабочій конгрессъ; не будучи, собственно говоря, необходимымъ, такое разрѣшеніе все же представляетъ величайшую важность. Затѣмъ Росмеслеръ рекомендуетъ рабочимъ пріобрѣтать образованіе и знанія, которыхъ не даетъ имъ народная школа, находящаяся подъ руководствомъ ортодоксальной церкви, но въ то же время онъ энергично подчеркиваетъ, что рабочіе должны удержать свое дѣло въ своихъ же рукахъ и не отступать предъ необходимыми для этого расходами. „Руководство рабочимъ движеніемъ должно остаться въ вашихъ собственныхъ рукахъ, исключенія могутъ быть допускаемы только въ отдѣльныхъ случаяхъ, при безусловномъ отсутствіи подходящаго лица изъ вашей среды. Человѣкъ долженъ быть самостоятельнымъ! Если все рабочее движеніе имѣетъ какую-нибудь цѣну въ вашихъ глазахъ, то не пугайтесь сопряженныхъ съ нимъ расходовъ. Иначе оставьте его совсѣмъ". Соотвѣтственно съ этимъ свободнымъ воззрѣніемъ Росмеслеръ хотѣлъ, чтобы центръ тяжести движенія былъ перенесенъ въ рабочія *собранія*,

а не въ рабочіе *ферейны*, которые уже изъ-за реакціоннаго закона о союзахъ не имѣли права вступать въ сношенія другъ съ другомъ.

Наряду съ этимъ Росмеслеръ предостерегалъ однако, рабочихъ отъ „политическихъ излишествъ" и почти впадалъ въ скучный нравоучительный тонъ Штрекфуса, на „извѣстную, но неправильно толкуемую" статью котораго онъ прямо ссылался. Въ особенности онъ слышать не хотѣлъ о различіи между рабочими и предпринимателями. Юридически это различіе было устранено имперской конституціей и имперскимъ избирательнымъ закономъ 1849 г.; борьбой за возстановленіе этой конституціи и этого избирательнаго закона исчерпывается вся задача рабочихъ въ политической области, если не считать того, что имъ придется, быть можетъ, проводить также всеобщее избирательное право въ отдѣльныхъ государствахъ. Вообще же нѣтъ никакой разницы между мастеромъ и подмастерьемъ, между самостоятельнымъ и несамостоятельнымъ трудомъ; рабочіе располагаютъ даже большей финансовой самостоятельностью и болѣе свободнымъ положеніемъ, чѣмъ очень многіе мастера. Нужно надѣяться, однако, что и самые крупные мастера не откажутся, къ своей чести, отъ почетнаго званія рабочаго, хотя бы и не въ томъ смыслѣ, въ какомъ теперь начинается рабочее движеніе.

Такимъ образомъ брошюра, при всей доброй волѣ автора, сводилась въ концѣ-концовъ къ страшной путаницѣ. Но въ то же время лейпцигскій Центральный комитетъ распространилъ памфлетъ совершенно иного содержанія—„Программу работниковъ" Лассаля, которая послѣ конфискаціи ея въ Берлинѣ была снова выпущена въ Лейпцигѣ. На лассалевскую брошюру обратилъ вниманіе Даммера его пріятель Людвигъ Лёве, впослѣдствіи прогрессистскій депутатъ, но въ описываемый моментъ между Лассалемъ и Центральнымъ комитетомъ не завязались еще личныя сношенія: когда Фрицше и Вальтейхъ пріѣзжали въ Берлинъ, Лассаль былъ какъ разъ въ отъѣздѣ. Его брошюра и теперь еще, когда она распространялась рабочей организаціей, встрѣчала у рабочихъ весьма различный пріемъ. Въ Гамбургѣ ее читали, правда, съ большимъ интересомъ и объявляли, что она имѣетъ „гораздо большій успѣхъ", чѣмъ брошюра Росмеслера, расходившаяся въ большемъ количествѣ только благодаря своей болѣе дешевой цѣнѣ. Но гарбургскій столяръ Теодоръ Іоркъ, принадлежавшій къ самымъ развитымъ пролетаріямъ того времени, пи-

салъ 25 февраля 1863 г. въ Лейпцигъ: „Что касается брошюръ, то я долженъ признаться, что росмеслеровская гораздо популярнѣе и сулитъ гораздо болѣе вѣрный успѣхъ нашимъ стремленіямъ, чѣмъ другая, которой многіе совсѣмъ не понимаютъ и которой пока еще нельзя давать большой массѣ". А между тѣмъ Іоркъ, входившій въ число рабочихъ делегатовъ, посланныхъ на Лондонскую всемірную выставку, уже здѣсь попалъ въ „Коммунистическій союзъ для самообразованія рабочихъ". Однако, дѣлать ему упрекъ изъ его шатаній не приходится, если принять въ соображеніе, что даже лейпцигскій Центральный комитетъ распространялъ одновременно памфлеты Лассаля и Росмеслера, несмотря на то, что они и по своимъ предпосылкамъ, и по своимъ конечнымъ выводамъ были различны другъ отъ друга, какъ небо отъ земли.

Практика встряхнула скоро эту неясность теоретическихъ взглядовъ. Мы уже упоминали выше, что, считаясь съ реакціоннымъ законодательствомъ о союзахъ, Росмеслеръ, по примѣру Центральнаго комитета, рекомендовалъ перенести центръ тяжести рабочаго движенія изъ рабочихъ *ферейновъ* въ рабочія *собранія*, другими словами—въ рабочія массы. Но тутъ сразу возникалъ вопросъ, кого же считать рабочимъ, и на него Росмеслеръ сумѣлъ отвѣтить только пустыми разговорами,—разговорами, подъ расплывчатой, туманной оболочкой которыхъ могъ вступить въ товарищескій союзъ съ современнымъ пролетаріемъ ремесленникъ, проникнутый цеховыми идеалами, и даже капиталистъ-буржуа.

Особенно сильные раздоры возникли изъ-за этого въ Гамбургѣ. Отъ тамошняго образовательнаго рабочаго ферейна, руководимаго проповѣдникомъ „Свободной общины" Бальцеромъ и плывшимъ всецѣло на буксирѣ у „Національнаго союза", еще раньше откололась маленькая радикальная фракція; наиболѣе видными членами ея были Августъ Перль, бухгалтеръ въ одномъ изъ двухъ гамбургскихъ потребительныхъ обществъ, въ то время самыхъ крупныхъ въ Германіи, и механикъ Яковъ Аудорфъ, отецъ котораго, носившій то же имя, участвовалъ уже въ „Союзѣ коммунистовъ". Эта фракція радостно привѣтствовала воззваніе лейпцигскаго Центральнаго комитета и, дѣйствуя въ его духѣ, она тотчасъ же созвала открытыя рабочія собранія для выбора мѣстнаго комитета. Напротивъ, гамбургскій образовательный рабочій ферейнъ назначилъ коммиссію, которая должна была, войдя въ сношенія съ гамбургскими потребительными обществами, кассой страхованія на случай старости, народнымъ банкомъ и альтонскимъ рабочимъ

ферейномъ, подготовить отправку делегатовъ на конгрессъ. Въ интересѣ единства Перль и его товарищи попытались сблизиться съ этой коммиссіей, но поставленное ими условіе, чтобы въ Лейпцигъ посылались лишь такіе делегаты, которые служатъ у другого, было весьма рѣшительно отклонено, и изъ задуманнаго объединенія получилась только страстная вражда. Такъ какъ фракція Перля ссылалась на одно письмо Даммера, гдѣ тотъ будто-бы одобрилъ отъ имени Центральнаго комитета ихъ взглядъ на дѣло, то Бальцеръ пожаловался Росмеслеру, который поспѣшилъ немедленно выступить въ походъ противъ Даммера. Онъ потребовалъ, чтобы воззрѣніе послѣдняго было объявлено чисто личнымъ его дѣломъ; Росмеслеръ доказывалъ, что, одобривъ его брошюру, Центральный комитетъ, какъ таковой, рѣшилъ вопросъ о томъ, кто есть рабочій, иначе, чѣмъ Даммеръ. Такимъ образомъ Центральный комитетъ былъ поставленъ предъ рѣшительнымъ вопросомъ, который грозилъ повести къ его распаденію. На время трещина въ зданіи была кое-какъ замазана компромиссомъ. Согласно черновику, набросанному рукою Росмеслера, Вальтейхъ отвѣтилъ на письмо Бальцера, что Даммеръ не хотѣлъ поднимать никакого принципіальнаго вопроса, а только практически содѣйствовать тому, чтобы несамостоятельные рабочіе, какъ наиболѣе угнетенный классъ народа, были достаточно представлены на рабочемъ съѣздѣ, что нисколько не противорѣчитъ взглядамъ Росмеслера. Нужно предоставить рабочимъ каждаго города самимъ опредѣлить, кого они хотятъ послать на конгрессъ; Центральный комитетъ не имѣетъ въ этомъ вопросѣ никакого рѣшающаго голоса. Если Даммеръ одобрилъ тактику Перля и товарищей, то онъ поступилъ совершенно правильно; Бальцеру слѣдуетъ возможно скорѣе столковаться съ Перлемъ о созваніи общаго рабочаго собранія, которое выбрало бы признаваемый всѣми мѣстный комитетъ.

Хотя такъ рѣзко, какъ въ Гамбургѣ, пролетарская нотка не выдѣлялась еще нигдѣ изъ скрытой неясности взглядовъ тогдашняго рабочаго движенія, но сама эта неясность парализовала усилія лейпцигскаго Центральнаго комитета. Его воззваніе нашло, правда, откликъ во многихъ мѣстахъ, но этотъ откликъ оставался болѣе или менѣе платонической симпатіей. Сердечнѣе всѣхъ почти отвѣтилъ старый демократъ Деммлеръ въ Шверлинѣ, но откуда же было ему взять мекленбургскихъ рабочихъ? Даже Нюрнбергъ, который вмѣстѣ съ Берлиномъ и Лейпцигомъ былъ первоначальной родиной движенія, объявилъ, что не можетъ ничего сдѣлать,

отчасти вслѣдствіе полицейскихъ затрудненій, отчасти изъ-заистощенія средствъ у нюрнбергскихъ рабочихъ, которымъ ихъ рабочій съѣздъ обошелся въ 120 талеровъ. Возможно, что здѣсь сыграло уже нѣкоторую роль буржуазное вліяні во всякомъ случаѣ бреславльскій ремесленный ферейнъ ссылался на Шульце-Делича, когда онъ насмѣшливо писалъ 5-го декабря въ Лейпцигъ, что тамъ, повидимому, все еще очень торопятся; чтó собственно должны дѣлать мѣстные комитеты, собирать статистическія данныя или что-нибудь другое? Буржуазія довольно скоро оріентировалась въ положеніи вещей и безъ колебаній стала дѣйствовать. Она съ самаго начала только нехотя согласилась на рабочій конгрессъ, „пріятно улыбаясь при скверной игрѣ“, и сдѣлала это лишь затѣмъ, чтобы успѣшнѣе разстроить его. На ея сторонѣ было то преимущество, что она отдавала себѣ ясный отчетъ въ своихъ классовыхъ интересахъ, и это преимущество она основательно использовала.

Уже въ началѣ декабря козелъ съ наивной дерзостью отрекомендовался огородникомъ; Шульце-Деличъ писалъ своему „превосходному г. Вальтейху“: „смотря по тому, на какое время вы назначите конгрессъ, мнѣ, быть можетъ, удастся прочитать вамъ докладъ по этому необычайно важному и трудному вопросу, выступить нѣкоторымъ образомъ какъ вашъ докладчикъ“. Въ Берлинѣ Шульце приступилъ уже къ чтеніямъ, которыя получили печальную извѣстность благодаря позднѣйшей полемической работѣ Лассаля; въ нихъ Шульце старался пустыми софизмами обмануть рабочихъ относительно ихъ классовыхъ интересовъ. Затѣмъ въ Кобургѣ, главной квартирѣ „Національнаго Союза“, открылся новый ферейнъ для распространенія образованія среди рабочихъ и тамъ же появился въ концѣ года пробный номеръ еженедѣльной „*Всеобщей Нѣмецкой Рабочей Газеты*“ („*Allgemeine Deutsche Arbeiterzeitung*“), которая издавалась и редактировалась адвокатомъ Штрейтомъ, секретаремъ „Національнаго Союза“. Штрейтъ былъ дѣятелемъ 48-го года, приблизительно направлені Струве, слѣдовательно—радикальнѣе берлинскихъ прогрессистовъ; въ новомъ своемъ органѣ онъ выступилъ противъ юнкеровъ и поповъ съ большей горячностью, чѣмъ это было принято среди буржуазной оппозиціи, занялъ также доброжелательную позицію относительно лейпцигскаго Центральнаго комитета и переписывался даже „дружески преданный“ съ Лассалемъ,—но все это въ предположеніи, что рабочіе останутся на политическомъ буксирѣ

у буржуазіи и удовольствуются соціальными рецептами, которые прописалъ имъ Шульце-Деличъ. Газетѣ едва минуло 8 дней, какъ кобургскій ферейнъ для распространенія образованія среди рабочихъ сообщалъ уже 8-го января 1863 г. въ Лейпцигъ, что въ различныхъ корреспонденціяхъ, особенно изъ южной Германіи, высказываются сомнѣнія насчетъ цѣлесообразности рабочаго конгресса,—сомнѣнія, которыя во всякомъ случаѣ заслуживаютъ самаго серьезнаго обсужденія и самаго тщательнаго обмѣна мыслей. Затѣмъ центральный комитетъ образовательныхъ рабочихъ ферейновъ Франкфурта на М., Оффенбаха, Бокенгейма, Флёрсгейма, Борнгейма, объединившихся въ одну федерацію, объявилъ 30-го января отъ своего имени, а также отъ имени ферейновъ Майнца и Маннгейма, что на съѣздѣ въ Оффенбахѣ рѣшено было: 1) лейпцигскій Центральный комитетъ долженъ отложить рабочій конгрессъ; 2) онъ долженъ снестись съ образовательными рабочими ферейнами относительно устройства предварительнаго совѣщанія для подготовки большого, общенѣмецкаго рабочаго съѣзда; совѣщаніе могло бы состояться въ августѣ 1863 г. въ какомъ-нибудь центрально расположенномъ мѣстѣ, напр., Эйзенахѣ, Готѣ или Веймарѣ. Этотъ пароль былъ тотчасъ же живо подхваченъ въ Кобургѣ и тамошнимъ ферейномъ и тамошней газетой.

Все это вполнѣ раскрывало карты буржуазіи. Она хотѣла отнять рычагъ движенія у лейпцигскаго Центральнаго комитета и отдать его въ руки образовательныхъ рабочихъ ферейновъ, находившихся еще въ полной зависимости отъ нея. Разъ рабочій конгрессъ откладывался вообще въ долгій ящикъ оффенбахскими постановленіями, то проектируемое предварительное совѣщаніе въ Эйзенахѣ, Готѣ или Веймарѣ не могло уже внушать буржуазіи никакихъ опасеній. Напротивъ! Если бы ферейны для распространенія образованія среди рабочихъ объединились въ федерацію, то ихъ положеніе въ смыслѣ нѣмецкихъ законовъ о союзахъ стало бы еще болѣе труднымъ, все ихъ существованіе еще больше зависѣло бы отъ милости правительствъ, и буржуазіи тѣмъ легче было бы тогда оберегать рабочихъ отъ „политическихъ излишествъ“, не переставая въ то же время высказывать горькія жалобы по поводу проклятой реакціи.

Извѣстіе объ оффенбахскихъ постановленіяхъ прибыло въ Лейпцигъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда гамбургскій споръ обнаружилъ зародышъ разлада въ самомъ Центральномъ комитетѣ. Въ

виду серьезности положенія Вальтейхъ составилъ воззваніе, чтобы разсѣять „многоразличныя сомнѣнія и путаницу во взглядахъ", къ которымъ подало поводъ первое воззваніе комитета. Онъ началъ съ категорическаго заявленія, что ферейны для распространенія образованія среди рабочихъ ни въ какомъ случаѣ не должны стать узловыми пунктами рабочаго движенія: „органами рабочаго движенія являются исключительно комитеты, выбранные открытыми рабочими собраніями". Гораздо менѣе рѣшительно воззваніе отвѣчало на вопросъ, кого надо считать рабочимъ, ограничиваясь уклончивыми словами: „значительное большинство членовъ Центральнаго комитета—не самостоятельные рабочіе, т.-е. они предлагаютъ свой трудъ не большой публикѣ, а отдѣльнымъ работодателямъ, небольшая же часть ихъ—рабочіе, стоящіе во многихъ отношеніяхъ близко къ первымъ". Вотъ почему Центральный комитетъ и обратился ближайшимъ образомъ къ *своимъ* товарищамъ.

Далѣе воззваніе переходило къ возраженію, что рабочему съѣзду нѣтъ, молъ, смысла заниматься программой, требованія которой отстаиваются также буржуазіей и давно проведены во многихъ странахъ. На это Вальтейхъ отвѣчалъ, что въ подобныхъ, высоко важныхъ для нихъ вопросахъ рабочіе хотятъ все-таки сказать и свое слово. Они тѣмъ болѣе хотятъ этого, что до сихъ поръ ихъ мнѣнія совершенно не спрашивали; они тѣмъ энергичнѣе желаютъ доказать свою зрѣлость, чѣмъ меньше свѣтъ вѣритъ въ нее. При этомъ великомъ начинаніи они не руководятся никакими мелочными соображеніями. Конгрессъ отнюдь не долженъ явиться демонстраціей противъ веймарскаго съѣзда поклонниковъ цехового строя; рабочимъ нечего дѣлать съ этимъ полумертвымъ противникомъ, они желаютъ поднятія своего сословія во-внутрь и вовнѣ. Они хотятъ высказать свое мнѣніе относительно того, дѣйствительно ли достаточны *та* свобода передвиженія и *та* свобода промысла, которыя уже дарованы, они хотятъ узнать, насколько рабочіе созрѣли для кооперативныхъ товариществъ, и ускорить эту зрѣлость. „Мы знаемъ духовную и матеріальную нужду своихъ товарищей и принимаемъ ее близко къ сердцу; мы хотимъ, друзья, чтобы вы заявили, наконецъ, какъ сильно гнететъ васъ эта нужда, и конгрессъ долженъ быть вашими устами. Онъ долженъ доказать, что нѣмецкое рабочее сословіе стало совершеннолѣтнимъ и чувствуетъ себя призваннымъ, если не дать окончательное разрѣшеніе высоко важнаго соціальнаго вопроса, то, по крайней мѣрѣ, положить ему начало и подвинуть его впередъ

Рабочее сословіе соединяетъ въ себѣ необходимыя для этого ясность ума, богатство чувства, обдуманность и выдержку въ дѣйствіяхъ, оно одинаково чуждо стяжательному матеріализму англичанина и утопическому идеализму француза, оно обладаетъ способностью и желаніемъ трудолюбиво завоевывать себѣ свое освобожденіе, продолжая спокойно строить на основѣ данныхъ отношеній". Въ этихъ предложеніяхъ лежалъ центръ тяжести воззванія, которое затѣмъ еще разъ горячо призывало заниматься энергично подготовленіемъ конгресса, избрать мѣстные комитеты и въ особенности, устраивать денежные сборы. Оно давало также совѣтъ—при наличныхъ условіяхъ весьма обоюдоострый—привлекать со стороны „довѣренныхъ лицъ"; счастье, по крайней мѣрѣ, что сами совѣтчики сумѣли надлежащимъ образомъ использовать его.

Воззваніе не было опубликовано, и несомнѣнно, что обнародованіе его не вывело бы Центральнаго комитета изъ того труднаго положенія, въ которое онъ попалъ вслѣдствіе вѣроломной политики буржуазіи. Воззваніе дышало уже тѣмъ здоровымъ классовымъ сознаніемъ современнаго пролетаріата, котораго съ полнымъ основаніемъ боялась буржуазія, но въ немъ не было еще того яснаго классоваго сознанія современнаго пролетаріата, предъ которымъ пасуютъ всѣ уловки и ухищренія буржуазіи. Топору недоставало еще рукоятки. Рабочіе съ горечью видѣли, что буржуазія отказываетъ имъ въ томъ объявленіи совершеннолѣтними, на которое они притязали, но они не умѣли еще развить своего притязанія въ соціально-политическую программу. Мы не можемъ теперь съ точностью установить, въ это ли время или еще раньше въ „Національный союзъ" была подана просьба разрѣшить уплату годовыхъ взносовъ мѣсячными долями, такъ чтобы рабочіе получили возможность вступить въ союзъ. Извѣстенъ лишь отрицательный отвѣтъ на эту просьбу, обоснованный тѣмъ соображеніемъ, что рабочіе могутъ-де смотрѣть на себя какъ на „духовныхъ почетныхъ членовъ", или въ лучшемъ случаѣ — что рабочіе ферейны могутъ платить годовые взносы за своихъ предсѣдателей, которыми они будутъ затѣмъ представлены въ „Національномъ союзѣ".

Подобнымъ же образомъ буржуазія ходила вокругъ и около требованія о всеобщемъ избирательномъ правѣ. „Національный союзъ" ссылался на то, что онъ отстаиваетъ это право, требуя имперской конституціи 1849 года, гдѣ оно содержится; выставлять

сверхъ того еще особое требованіе о всеобщей подачѣ голосовъ нелѣпо, какъ разъяснилъ уже въ своей брошюрѣ Росмеслеръ. И хотя прусская прогрессистская партія принципіально вычеркнула изъ своей программы всеобщее избирательное право, однако когда ей приходилось обращаться къ рабочимъ, она пускала въ ходъ всякія уклончивыя фразы; такъ, Шульце-Деличъ заявлялъ, что „можно", конечно, дать его, какъ требованіе равноправія, но рабочія массы должны раньше пріобрѣсти образованіе, чтобы правильно пользоваться имъ. Указаніе на опытъ, сдѣланный со всеобщимъ избирательнымъ правомъ при второй имперіи, оказало при этомъ превосходную услугу прогрессистамъ, и именно среди наиболѣе развитыхъ рабочихъ. Подобно тому такъ Бебель высказался въ февралѣ 1863 г. противъ всеобщаго избирательнаго права, такъ Іоркъ писалъ около того же времени лейпцигскому Центральному комитету: „Желать при настоящихъ обстоятельствахъ работать въ пользу всеобщей подачи голосовъ было бы болѣе чѣмъ рисковано, во-первыхъ, потому, что сейчасъ этимъ ничего не было бы выиграно, во-вторыхъ, она представляется мнѣ черезчуръ обоюдоострымъ оружіемъ, которое слишкомъ легко можетъ быть обращено противъ свободы,—до тѣхъ поръ именно, пока образованіе находится въ меньшинствѣ, какъ мы еще видимъ это теперь". Поднять просто знамя всеобщаго избирательнаго права значило бы скорѣе затруднить, чѣмъ облегчить положеніе Центральнаго комитета, и Вальтейхъ даже не упомянулъ о немъ въ проектѣ новаго воззванія.

Вмѣсто того, чтобы выпустить это воззваніе, Центральный комитетъ предпочелъ обратиться къ надлежащему совѣтчику, единственному человѣку во всей Германіи, который могъ ему помочь. Лассалевская „Программа работниковъ" постепенно произвела все-таки свое дѣйствіе. Въ началѣ февраля 1863 г. Вальтейхъ и Даммеръ, оба предсѣдателя Центральнаго комитета, поѣхали въ Берлинъ, чтобы посовѣтоваться съ Лассалемъ. Свиданіе произошло на квартирѣ у Лассаля, въ присутствіи Людвига Лѣве. Соглашеніе было скоро достигнуто, и результатъ его виденъ изъ постановленій, принятыхъ Центральнымъ комитетомъ 10-го февраля. Комитетъ помѣстилъ въ „*Кобургской Рабочей Газетѣ*" воззвані , которое признавало необходимость конгресса, но предостерегало противъ чрезмѣрной поспѣшности: о созваніи конгресса можно будетъ серьезно подумать только тогда, когда значительное большинство нѣмецкихъ рабочихъ будетъ съ этимъ согласно и само

потребуетъ его. „Мы желаемъ хорошо подготовленнаго конгресса и такихъ представителей нѣмецкаго рабочаго сословія, которые отдаютъ себѣ совершенно ясный отчетъ во всемъ". Въ обсужденіе какихъ-либо принципіальныхъ вопросовъ воззваніе не вдавалось, но Центральный комитетъ обратился одновременно къ Лассалю съ оффиціальнымъ приглашеніемъ высказаться въ формѣ, какая покажется ему подходящей, относительно рабочаго движенія и тѣхъ средствъ, которыми оно должно пользоваться, въ особенности—о цѣнности ассоціацій для совершенно неимущаго класса.

Лассаль отвѣтилъ своимъ „Отвѣтнымъ открытымъ письмомъ" („Offenes Antwortschreiben"), которое помѣчено 1-мъ марта и появилось въ свѣтъ около середины этого мѣсяца.

---

5. „Открытое письмо" Лассаля.

„Открытое письмо" исходитъ изъ признанія одинаковой ложности взгляда, по которому рабочимъ вообще нѣтъ дѣла до политики, и взгляда, по которому они должны составить безкорыстный хоръ для прогрессистской партіи. Рабочій можетъ ожидать удовлетворенія своихъ законныхъ интересовъ только отъ политической свободы, между тѣмъ прогрессистская партія своимъ поведеніемъ во время прусскаго конституціоннаго конфликта показала, что она совершенно неспособна добиться хотя бы малѣйшаго реальнаго развитія свободы. Рабочее сословіе должно организоваться въ самостоятельную политическую партію, сдѣлавъ лозунгомъ и знаменемъ этой партіи всеобщее, равное и прямое избирательное право. Только представительство рабочаго сословія въ законодательныхъ собраніяхъ Германіи можетъ удовлетворить въ политическомъ отношеніи его законные интересы. Открыть для этой цѣли мирную и законную агитацію при помощи всѣхъ законныхъ средствъ — такова политическая программа рабочей партіи. Отсюда сама собой вытекаетъ тактика рабочей партіи по отношенію къ прогрессистамъ: она всюду должна выступать какъ самостоятельная партія, поддерживая въ то же время прогрессистскую партію въ вопросахъ, гдѣ у нихъ есть общій интересъ, и рѣшительно поворачиваясь къ прогрессистамъ спиною, выступая противъ нихъ, какъ только они удаляются отъ этого интереса; рабочая партія заставитъ тѣмъ самымъ прогрессистскую партію либо развиваться впередъ и подняться выше прогрессистскаго уровня, либо

погружаться все глубже въ болото ничтожества и безсилі , которое она уже по колѣни увязла.

Лассаль отвѣчаетъ затѣмъ на соціальные вопросы, которые предложилъ ему лейпцигскій комитетъ. Онъ объясняетъ, что пренія о свободѣ передвиженія и свободѣ промысла неумѣстны въ программѣ занятій рабочаго конгресса; они имѣютъ, по меньшей мѣрѣ, тотъ недостатокъ, что опоздали на 50 лѣтъ. Свободу передвиженія и свободу промысла безмолвно декретируютъ въ законодательномъ собраніи, но ихъ не дебатируютъ больше. Что касается сберегательныхъ, инвалидныхъ, больничныхъ кассъ и кассъ взаимопомощи, то онѣ могутъ сдѣлать болѣе сноснымъ бѣдственное положеніе единичныхъ рабочихъ, но онѣ совершенно безсильны какъ средство улучшить нормальное положеніе всего рабочаго сословія. Лассаль ссылается на однородное воззрѣніе Губера, чтобы при помощи свидѣтельства этого человѣка, стоящаго въ политическомъ отношеніи на совершенно противоположной, а въ экономическомъ— на совершенно различной отъ него точкѣ зрѣнія, устранить наиболѣе короткимъ путемъ подозрѣніе, будто незначительная цѣнность, которую онъ придаетъ названнымъ кассамъ, является только слѣдствіемъ предвзятыхъ политическихъ тенденцій.

Затѣмъ слѣдуютъ ассоціаціи Шульце-Делича. Лассаль проходитъ бережно мимо политическаго дѣятеля и экономиста - теоретика Шульце, чтобы тепло пожать руку „отцу и основателю нѣмецкаго кооперативнаго дѣла". Но на вопросъ, могутъ ли ассоціаціи Шульце улучшить положеніе рабочаго сословія, онъ отвѣчаетъ рѣшительнымъ „нѣтъ". Самое большое, что̀ кредитныя и сырьевыя товарищества въ состояніи сдѣлать, это—поставить неимущаго ремесленнаго мастера въ равныя условія съ зажиточнымъ ремесленникомъ, который, въ свою очередь, не въ состояніи больше выдержать конкурренцію крупнаго капитала и массоваго фабричнаго производства. Товарищества могутъ продлить агонію мелкаго ремесленника, умножить, такимъ образомъ, муки этой предсмертной борьбы и безъ пользы задержать развитіе нашей культуры: настоящаго, занятаго въ крупной промышленности и безпрерывно возрастающаго рабочаго сословія они вообще не затрагиваютъ.

Что касается потребительныхъ обществъ Шульце, то они могли бы, конечно, охватить все рабочее сословіе, но и они совершенно неспособны улучшить его положеніе. Ложно уже то, что рабочему хотятъ помочь, какъ потребителю, вмѣсто того, чтобы помочь ему съ той стороны, гдѣ башмакъ дѣйствительно жметъ его, т.-е.,

какъ производителю. Правда, рабочій страдаетъ и какъ потребитель отъ необходимости покупать предметы своего потребленія по мелочамъ и становиться, такимъ образомъ, жертвою ростовщичества мелочной лавки; противъ этого потребительные союзы помогаютъ до извѣстной степени и на извѣстное время. Этотъ второстепенный недугъ не имѣетъ, однако, ничего общаго съ тѣмъ главнымъ недугомъ, той язвой, которая гнететъ рабочаго.

Лассаль развиваетъ далѣе „желѣзный экономическій законъ", которымъ опредѣляется заработная плата при настоящихъ условіяхъ, когда трудъ составляетъ предметъ спроса и предложенія: законъ этотъ ограничиваетъ среднюю заработную плату минимумомъ средствъ, требующихся среди даннаго народа въ силу обычая для поддержанія существованія рабочаго и продолженія его рода. „Заработная плата не можетъ надолго подняться *выше* этой средней, такъ какъ иначе вслѣдствіе болѣе легкаго, лучшаго положенія рабочихъ произошло бы увеличеніе числа браковъ среди нихъ и усиленное ихъ размноженіе, т.-е. увеличеніе рабочаго населенія и, слѣдовательно, предложенія рабочихъ рукъ, которое снова понизило бы заработную плату *до* ея прежняго уровня и даже *ниже* его. Заработная плата не можетъ также надолго упасть значительно ниже этихъ безусловно необходимыхъ средствъ существованія, потому что тогда начинаются эмиграція, безбрачіе, воздержаніе отъ дѣторожденія и, наконецъ, порождаемое нищетою уменьшеніе числа рабочихъ, которое еще больше сокращаетъ предложеніе рабочихъ рукъ и потому приводитъ заработную плату опять къ ея прежнему уровню. Дѣйствительная средняя заработная плата безпрерывно колеблется, такимъ образомъ, около своего центра тяжести, къ которому должна всегда возвращаться; она стоитъ то нѣсколько выше него (періодъ процвѣтанія во всѣхъ или въ отдѣльныхъ отрасляхъ труда), то нѣсколько ниже (періодъ болѣе или менѣе общей нужды и кризисовъ)".

Лассаль говоритъ, что либеральная экономическая школа сама открыла и доказала этотъ законъ; онъ можетъ привести въ его пользу столько же авторитетовъ, сколько въ экономической наукѣ имѣется великихъ и знаменитыхъ именъ. Лассаль совѣтуетъ рабочимъ спрашивать всякаго, кто хочетъ улучшить ихъ положеніе, признаетъ ли онъ этотъ законъ или нѣтъ, и поворачиваться къ нему спиною, какъ къ пустому болтуну, если онъ не признаетъ этого закона или не знаетъ, какъ его устранить. Дѣйствіе желѣзнаго закона Лассаль резюмируетъ слѣдующимъ образомъ: „изъ

продукта труда (производства) сначала вычитывается и дѣлится между рабочими столько, сколько необходимо для поддержанія ихъ существованія (заработная плата). Весь излишекъ производства— продукта труда — достается на долю предпринимателя". Рабочіе представляютъ собою классъ обездоленныхъ, такъ какъ они неизбѣжно устраняются даже отъ выгодъ увеличенія производительности труда, обусловливаемаго успѣхами цивилизаціи, т.-е. отъ выгодъ увеличенія продукта труда, увеличенія доходности ихъ собственнаго труда. На ихъ долю достается всегда лишь безусловно необходимый минимумъ средствъ къ существованію, на долю предпринимателя — все, что производится трудомъ сверхъ этого минимума.

Лассаль допускаетъ, что если бы при значительномъ увеличеніи производительности труда многія промышленныя издѣлія стали необыкновенно дешевыми, и въ то же время наступилъ продолжительный періодъ поднимающагося спроса на рабочія руки, то объемъ минимума, который, согласно обычаю даннаго народа, признается необходимымъ для существованія, можетъ расшириться; что если сравнить между собой различныя эпохи, то положеніе рабочаго сословія въ позднѣйшую эпоху *можетъ* оказаться нѣсколько лучшимъ, чѣмъ въ болѣе раннюю. Лассаль дѣлаетъ это маленькое отступленіе потому, что подобное незначительное улучшеніе на протяженіи столѣтій всегда является пунктомъ, къ которому возвращаются, по примѣру Бастіа, всѣ господа, склонные пускать рабочимъ пыль въ глаза столь же дешевыми, сколько пустыми декламаціями. *Дѣйствительно ли* общее положеніе рабочаго сословія улучшалось непрерывно въ теченіе вѣковъ, это вопросъ очень трудный, очень запутанный и требующій слишкомъ ученаго изслѣдованія, чтобы къ нему хотя въ слабой степени были способны люди, не перестающіе забавлять рабочихъ разсужденіями о томъ, какъ дорогъ былъ ситецъ въ прошломъ столѣтіи, и сколько ситцевыхъ платьевъ они могутъ теперь потреблять. Самъ онъ не можетъ заняться сейчасъ этимъ изслѣдованіемъ, такъ какъ вынужденъ давать рабочимъ положенія не только абсолютно установленныя, но и легко могущія быть обоснованными; но если даже допустить, что такое улучшеніе произошло, то этимъ дается только ложная постановка вопросу, о которомъ идетъ дѣло. Рабочихъ обманываютъ, ихъ хотятъ одурачить.

Когда рабочіе говорятъ объ улучшеніи своего положенія, то мѣриломъ являются для нихъ современныя жизненныя привычки.

А ихъ забавляютъ сравненіями ихъ положенія съ положеніемъ рабочихъ въ прежніе вѣка! Что рабочимъ живется теперь лучше, чѣмъ ботокудамъ и дикарямъ-людоѣдамъ, это несомнѣнно доказанный фактъ. Но каждое человѣческое удовлетвореніе зависитъ всегда только отъ отношенія между средствами къ удовлетворенію и жизненными потребностями, которыя стали уже обычными въ данное время; повышенный минимумъ крайнихъ жизненныхъ потребностей можетъ причинять страданія и лишенія, которыхъ совершенно не знали прежнія эпохи. „Какое лишеніе испытываетъ ботокудъ оттого, что не можетъ покупать мыла, какое лишеніе испытываетъ дикій людоѣдъ оттого, что онъ не можетъ носить приличнаго сюртука, какое лишеніе испытывалъ рабочій до открытія Америки, когда онъ не могъ курить табаку, или предъ изобрѣтеніемъ книгопечатанія, когда онъ не могъ пріобрѣсти себѣ полезной книги?" Слѣдовательно, если бы удалось даже самымъ твердымъ образомъ установить, что уровень необходимыхъ жизненныхъ условій повысился въ различныя эпохи, то человѣческое положеніе рабочихъ оставалось бы все-таки въ эти различныя времена однимъ и тѣмъ же: имъ всегда приходилось бы плясать на низшей границѣ средствъ, безусловно требующихся для жизни въ силу обычая даннаго времени, стоять то немного выше нея, то немного ниже.

Сдѣлавъ это отступленіе, Лассаль резюмируетъ свое сужденіе о потребительныхъ обществахъ слѣдующимъ образомъ: пока потребительныя общества составляются лишь отдѣльными кругами рабочихъ, до тѣхъ поръ они не оказываютъ вліянія на общую заработную плату, до тѣхъ поръ, слѣдовательно, они могутъ, удешевляя потребленіе, доставить небольшое облегченіе вступающимъ въ нихъ рабочимъ, какъ потребителямъ. Но какъ только они начинаютъ охватывать все рабочее сословіе, желѣзный законъ заработной платы приводитъ къ тому, что эта плата должна понизиться ровно настолько, насколько жизнь стала дешевле благодаря потребительнымъ обществамъ; такимъ образомъ, падаетъ до нуля и то незначительное облегченіе, которое потребительныя общества приносили раньше отдѣльнымъ рабочимъ кругамъ.

Итакъ, всѣ организаціи Шульце не могутъ помочь рабочему сословію, какъ таковому. „Какъ такъ? Неужели принципъ свободной, индивидуальной ассоціаціи рабочихъ не въ состояніи произвести улучшеніе въ бытѣ рабочаго сословія?" На это Лассаль отвѣчаетъ: „Конечно, онъ въ состояніи это сдѣлать, но лишь при

условіи его распространенія на крупное фабричное производство. Сдѣлать рабочее сословіе своимъ собственнымъ предпринимателемъ — вотъ средство, при помощи котораго — и только его одного — можно было бы устранить желѣзный и жестокій законъ, опредѣляющій заработную плату! Разъ рабочее сословіе становится собственнымъ предпринимателемъ, то отпадаетъ указанное раздѣленіе между заработной платой и предпринимательской прибылью, а заодно съ нимъ вообще самая заработная плата: вмѣсто нея вознагражденіемъ труда становится весь продуктъ труда!" Упраздненіе предпринимательской прибыли самымъ мирнымъ, самымъ легальнымъ и самымъ простымъ образомъ, вслѣдствіе того, что рабочее сословіе организуется посредствомъ добровольныхъ ассоціацій, какъ свой собственный предприниматель,— вотъ единственно истинное, единственное непризрачное улучшеніе быта рабочаго сослові оно одно отвѣчаетъ его справедливымъ притязаніямъ.

Но какъ этого достигнуть?—задаетъ себѣ опять вопросъ Лассаль. Достаточно бросить взглядъ, съ одной стороны, на желѣзныя дороги, машиностроительные заводы, судостроительныя верфи, бумагопрядильни, ситцевыя фабрики и т. д., и съ другой—на пустые карманы рабочихъ, чтобы убѣдиться въ полной невозможности для рабочихъ вести крупное промышленное производство на собственный счетъ, если бы имъ пришлось ограничиться исключительно своими изолированными усиліями, какъ индивидовъ. „Именно потому дѣло и задача государства—дать вамъ возможность къ этому, взять въ свои руки, поощряя и развивая его, великое дѣло свободной индивидуальной организаціи рабочаго сословія; оно должно сдѣлать своей священнѣйшей обязанностью доставленіе вамъ средствъ и возможности къ этой вашей самоорганизаціи и самоассоціаціи".

Лассаль показываетъ затѣмъ, насколько неосновательны вопли тѣхъ, которые говорятъ, что всякое такое вмѣшательство государства упраздняетъ общественную самопомощь. Вѣдь не мѣшаетъ же государство молодежи просвѣщать себя собственными силами, если оно содержитъ для нея учителей, школы и библіотеки? Пусть отдѣльныя лица пріобрѣли образованіе безъ учителей, школъ и библіотекъ, пусть при нѣкоторыхъ особыхъ условіяхъ отдѣльные круги рабочихъ (напр. въ Англіи) путемъ ассоціаціи, возникшей только ихъ собственными усиліями, улучшили нѣсколько свое положеніе въ нѣкоторыхъ, менѣе значительныхъ

отрасляхъ крупнаго производства и въ извѣстномъ небольшомъ объемѣ; однако, эти исключенія только подтверждаютъ правило, что для всего рабочаго сословія дѣйствительное улучшеніе его быта можетъ быть осуществлено лишь при помощи государства.

Рабочіе не должны также давать себя обманывать дешевыми фразами насчетъ соціализма и коммунизма. „Нѣтъ ничего болѣе далекаго отъ такъ назыв. соціализма и коммунизма, чѣмъ изложенное выше требованіе, при которомъ рабочіе классы сохраняютъ, какъ теперь, свою индивидуальную свободу, свой индивидуальный образъ жизни, свое индивидуальное вознагражденіе, и все ихъ отношеніе къ государству ограничивается тѣмъ, что они получаютъ черезъ него капиталъ или кредитъ, требующійся для ихъ ассоціаціи. Но задача и назначеніе государства именно въ томъ и состоитъ, чтобы облегчать великіе культурные успѣхи человѣчества и служить ихъ проводникомъ. Это — его призваніе, для этой цѣли оно существуетъ, этому оно всегда служило и должно было служить". Чтобы доказать свое положеніе, Лассаль, вмѣсто сотни примѣровъ, которые могли бы дать ему каналы, шоссейныя дороги, почты, почтовыя пароходныя линіи, телеграфы, рентные банки, меліораціи, введеніе новыхъ отраслей фабричнаго производства и т. д., обращается къ государственной гарантіи процентовъ для желѣзнодорожныхъ предпріятій. Она являлась чрезвычайно сильнымъ вмѣшательствомъ государства, притомъ въ пользу богатыхъ и состоятельныхъ классовъ, которые и безъ того имѣли въ своемъ распоряженіи весь капиталъ и весь кредитъ и гораздо легче рабочихъ могли бы обойтись безъ государственнаго вмѣшательства, но тѣмъ не менѣе потребовали его. Тогда вмѣшательство государства считали вполнѣ допустимымъ, но какъ только дѣло зашло о вмѣшательствѣ въ пользу нуждающихся классовъ, въ пользу неизмѣримаго большинства, оно вдругъ, оказалось „чистѣйшимъ соціализмомъ и коммунизмомъ". А между тѣмъ, можетъ ли сравниться культурный прогрессъ, обусловленный желѣзными дорогами, какъ бы великъ онъ ни былъ, съ тѣмъ колоссальнѣйшимъ культурнымъ прогрессомъ, который былъ бы осуществленъ ассоціаціей рабочаго класса!

Въ примѣчаніи къ этому мѣсту Лассаль говоритъ: чтобы отвѣтить на вопросъ, насколько легко было бы достать капиталъ или скорѣе кредитъ, требующійся для ассоціаціи, которая съ теченіемъ времени охватила бы постепенно все рабочее сословіе, — потребовалось бы предварительно финансово-теоретическое разъяс-

неніе соціальной функціи денегъ и кредита. Всякое такое разъясненіе способа исполненія было бы, сверхъ того, совершенно излишне и безплодно въ настоящій моментъ: практическую цѣнность оно получитъ лишь тогда, когда можно будетъ подумать объ осуществленіи требованія. Пока что Лассаль довольствуется слѣдующими намеками: „Эти ассоціаціи охватили бы, конечно, рабочее сословіе лишь постепенно, съ теченіемъ времени. Онѣ должны были бы устраиваться сначала въ такихъ отрасляхъ промышленности, которыя наиболѣе пригодны для ассоціаціи по своей природѣ, занимая сравнительно наибольшее число рабочихъ. Онѣ должны были бы устраиваться на первыхъ порахъ въ такихъ округахъ и мѣстностяхъ, которыя болѣе другихъ подходятъ для ассоціаціи по роду своей промышленной дѣятельности, по густотѣ своего населенія, также какъ по добровольному расположенію послѣдняго къ ассоціаціи — три обыкновенно совпадающихъ момента. Какъ только нѣсколько такихъ ассоціацій существовало бы, ихъ все легче было бы вводить для всѣхъ другихъ промышленныхъ отраслей и мѣстностей, такъ какъ всѣ ассоціаціи, основывающіяся при помощи государства, естественно должны были бы вступить и вступили бы въ одинъ кредитный союзъ. Кромѣ кредитнаго союза различныя ассоціаціи могли бы объединяться еще въ страховой союзъ, который путемъ распредѣленія возможныхъ убытковъ по операціямъ выравнивалъ бы ихъ до незамѣтныхъ размѣровъ. Наконецъ, государству отнюдь не пришлось бы играть роли диктатора при этихъ обществахъ, а ему принадлежали бы только опредѣленіе или утвержденіе уставовъ и достаточный для обезпеченія его интересовъ контроль надъ веденіемъ дѣла. Еженедѣльно пришлось бы выплачивать рабочимъ обычную въ данной мѣстности и данномъ промыслѣ заработную плату, а въ концѣ года распредѣлять между ними, какъ дивидендъ, прибыль ассоціаціи". Чтобы иллюстрировать практическую осуществимость, чрезвычайную прибыльность и жизнеспособность такихъ ассоціацій Лассаль указываетъ на англійскія и французскія рабочія ассоціаціи, достигшія высокаго процвѣтанія, несмотря на то, что, возникши при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, безъ всякой посторонней помощи и поддержки, онѣ вынуждены были разсчитывать исключительно на усилія изолированныхъ рабочихъ. Всѣ эти общества были настоящими піонерами будущаго: они твердой рукой пробили дорогу, и поразительными практическими результатами, которыхъ они достигли, несмотря на встрѣтившіяся имъ невозмож-

ныя условія, они показали, какихъ неизмѣримо бóльшихъ результатовъ можно будетъ достигнуть, если государство подастъ свою руку помощи для преодолѣнія указанныхъ препятствій.

Но что такое государство? Оффиціальное статистическое бюро королевства Пруссія опубликовало въ 1851 г. расчетъ о распредѣленіи населенія по доходамъ, основанный на оффиціальныхъ податныхъ спискахъ. Результаты этого исчисленія Лассаль воспроизводитъ съ буквальной точностью и резюмируетъ ихъ затѣмъ слѣдующимъ образомъ: „$72^{3}/_{4}$ процента населенія съ доходомъ ниже 100 талеровъ, слѣдовательно въ самомъ жалкомъ положеніи! Далѣе, $16^{3}/_{4}$ процента населенія съ доходомъ отъ 100 до 200 талеровъ, слѣдовательно—врядъ ли въ лучшемъ, т.-е. все еще жалкомъ положеніи. Затѣмъ, $7^{1}/_{4}$ процента населенія съ доходомъ отъ 200 до 400 талеровъ, т.-е. все еще въ стѣсненномъ положеніи; $3^{1}/_{4}$ процента населенія съ доходомъ отъ 400 до 1000 талеровъ, слѣдовательно — частью въ сносномъ, частью въ зажиточномъ положеніи; наконецъ, $^{1}/_{2}$ процента населенія на всевозможныхъ ступеняхъ богатства. Такимъ образомъ, оба низшихъ класса, находящихся въ самомъ стѣсненномъ положеніи, образуютъ одни 89% населенія, и если прибавить сюда еще $7^{1}/_{4}$% третьяго, все еще неимущаго и стѣсненнаго класса, то вы получите $96^{1}/_{4}$% населенія въ стѣсненныхъ и скудныхъ матеріальныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ, государство принадлежитъ вамъ, нуждающимся классамъ, а не намъ, высшимъ сословіямъ, ибо изъ васъ оно состоитъ. Чтó такое государство? спрашиваю я, и изъ немногихъ цифръ вы видите теперь осязательнѣе, чѣмъ изъ толстыхъ книгъ: ваша великая ассоціація, ассоціація бѣдныхъ классовъ,— вотъ что есть государство!“ Почему бы, спрашивается, этой большой ассоціаціи рабочихъ не дѣйствовать теперь развивающимъ и плодотворнымъ образомъ на ихъ меньшіе ассоціаціонные круги?

Лассаль приводитъ еще затѣмъ спеціальное доказательство невозможности улучшить положеніе рабочаго сословія иначе, какъ путемъ свободной ассоціаціи при поддержкѣ государства. Онъ обращается съ этой цѣлью къ примѣру рочдельскихъ піонеровъ, самой знаменитой изъ англійскихъ рабочихъ ассоціацій, и подчеркиваетъ фактъ, что среди нихъ возникла агитація за устраненіе рабочихъ, не состоящихъ одновременно акціонерами, отъ участія въ прибыли: рабочіе со средствами рабочихъ и предпринимательскимъ образомъ мыслей — такова противная карикатура, въ которую выродились рочдельскіе піонеры. Далѣе, при

1.600 акціонерахъ-рабочихъ на фабрикѣ рочдельскихъ піонеровъ занято только 500 рабочихъ; если не представлять себѣ рабочихъ прямо-таки богатыми людьми—предположеніе, при которомъ всѣ вопросы разрѣшаются, конечно, въ иллюзію,—то число рабочихъ, занятыхъ на всякой фабрикѣ, никогда не будетъ достаточнымъ, чтобы собрать изъ своихъ собственныхъ кармановъ требующійся для нея основной капиталъ; для этого требовалось бы всегда гораздо большее число другихъ, не занятыхъ на этой фабрикѣ акціонеровъ-рабочихъ. Отношеніе 1 : 3, существующее у рочдельскихъ піонеровъ, является даже поразительно благопріятнымъ и можетъ быть объяснено только особыми, исключительными условіями. Къ тому же указанное отношеніе должно еще въ громадной степени возрасти вмѣстѣ съ развитіемъ промышленности, ибо успѣхи цивилизаціи именно въ томъ и состоятъ, что ежедневно человѣческій трудъ все больше замѣняется мертвой силой природы, т.-е. машинами; что ежедневно, слѣдовательно, отношеніе между размѣрами основного капитала и количествомъ человѣческаго труда выражается все большей дробью. Если хотятъ, чтобы ассоціація распространилась на все рабочее сословіе, откуда же взять тогда тройное или еще большее число акціонеровъ-рабочихъ, которые должны стоять за занятыми на фабрикахъ рабочими, чтобы устроить эти фабрики?

Такимъ образомъ, представляется прямо математической невозможностью освободить рабочее сословіе этимъ путемъ, т.-е. посредствомъ усилій его членовъ, какъ изолированныхъ индивидовъ; единственный путь, который можетъ вывести его изъ пустыни, это — свободная индивидуальная ассоціація, осуществленная при содѣйствіи и поддержкѣ государства. Но какъ побудить государство къ подобному вмѣшательству? Отвѣтъ ясенъ, какъ Божій день: это можетъ быть сдѣлано только посредствомъ всеобщаго и прямого избирательнаго права. Если бы законодательныя собранія Германіи составлялись на основѣ такого избирательнаго права, тогда, и только тогда, рабочіе могли бы побудить государство исполнить свою обязанность. „Тогда это требованіе будетъ поднято въ законодательныхъ собраніяхъ, тогда можно будетъ при помощи разума и науки обсуждать границы, формы и средства этого вмѣшательства, тогда — можете быть покойными на этотъ счетъ — люди, понимающіе ваше положеніе и преданные вашему дѣлу, сумѣютъ съ оружіемъ науки въ рукахъ помогать вамъ и защищать ваши интересы! И тогда вы, неимущіе классы

общества, должны будете винить только себя и свои плохіе выборы, если представители вашего дѣла будутъ оставаться въ меньшинствѣ". Всеобщее избирательное право есть не только политическій, но и соціальный основной принципъ рабочаго сословія, основное условіе всякой соціальной помощи.

Но какъ достигнуть введенія всеобщаго избирательнаго права? Лассаль ссылается на болѣе чѣмъ пятилѣтнюю агитацію противъ англійскихъ хлѣбныхъ пошлинъ, которыя консервативному министерству пришлось въ концѣ-концовъ отмѣнить. „Организуйтесь какъ всеобщій германскій рабочій союзъ для законной и мирной, но неутомимой, безпрестанной агитаціи въ пользу введенія всеобщаго и прямого избирательнаго права во всѣхъ нѣмецкихъ странахъ! Съ того момента, какъ этотъ союзъ будетъ обнимать хотя бы 100.000 нѣмецкихъ рабочихъ, онъ будетъ уже силой, съ которой всякій принужденъ будетъ считаться". Рабочіе должны разносить этотъ кличъ въ каждую мастерскую, каждую деревню, каждую хижину. Городскіе рабочіе должны передавать свое лучшее пониманіе и образованіе сельскохозяйственнымъ рабочимъ, повсюду дебатировать и обсуждать необходимость всеобщаго избирательнаго права, ежедневно, неотступно, безпрестанно. Рабочіе должны учреждать кассы, которыя, несмотря на незначительность взносовъ, составятъ громадную финансовую силу для агитаціонныхъ цѣлей, основывать при помощи этихъ кассъ газеты, распространять летучіе листки, разсылать агентовъ. Они должны ежедневно и неутомимо повторять одно и то же, опять то же, всегда то же. „Все искусство практическихъ успѣховъ заключается въ томъ, чтобы въ каждый данный моментъ сосредоточить всю силу на одномъ пунктѣ, на самомъ важномъ пунктѣ, и не смотрѣть ни вправо, ни влѣво. Не смотрите ни вправо, ни влѣво, будьте глухи ко всему, что̀ не зовется всеобщимъ и прямымъ избирательнымъ правомъ, что не находится въ связи съ нимъ или не можетъ вести къ нему". Если этотъ кличъ будетъ, дѣйствительно, распространенъ среди 89—96% населенія, образуемыхъ бѣдными и неимущими классами общества,—что̀ можетъ удаться въ теченіе немногихъ лѣтъ—то долго противиться ему нельзя будетъ.

Правительства могутъ препираться и ссориться съ буржуазіей изъ-за политическихъ правъ. При томъ полуравнодушіи, съ которымъ всѣ относятся теперь къ политическимъ правамъ, они могутъ даже отказывать рабочимъ въ политическихъ правахъ и,

слѣдовательно, также во всеобщемъ избирательномъ правѣ. „Но когда всеобщее избирательное право 89—96% населенія начнетъ разсматриваться какъ вопросъ желудка и потому распространяться также со свойственной желудку теплотою по всему національному организму,—будьте покойны, господа, нѣтъ такой силы, которая могла бы долго противиться ему. Вотъ знамя, которое вы должны поднять. Вотъ знакъ, подъ которымъ вы побѣдите! Другого для васъ нѣтъ!“ Такъ заканчивается „Открытое письмо“.

---

6. Боевой планъ Лассаля.

„Открытое письмо“ Лассаля относится къ его „Программѣ работниковъ“, какъ тактика къ стратегіи, какъ планъ сраженія къ плану кампаніи. Это ordre de bataille для первой битвы въ великой освободительной борьбѣ нѣмецкаго пролетаріата. Какъ рабочій агитаторъ, Лассаль сказалъ въ немъ не послѣднее, а первое свое слово. Онъ зналъ, что массы, которыя онъ собирался вести въ бой, состояли изъ очень неопытныхъ рекрутовъ: ихъ еще только приходилось обучать подъ огнемъ, а міровоззрѣніе и сила пониманія ихъ были довольно ограничены. Лассаль вынужденъ былъ также обращать тщательное вниманіе на мѣстность, по которой онъ шелъ, на устройство и расположеніе окоповъ, которые онъ бралъ приступомъ, на калибръ орудій, изъ которыхъ стрѣлялъ непріятель. Ему приходилось теперь преодолѣвать на практикѣ то діалектическое противорѣчіе всякаго революціоннаго дѣйствованія, которое онъ сдѣлалъ трагической идеей своего „Зикингена“. Требовалось соединить исчерпывающую послѣдовательность принципа съ необходимой односторонностью политики.

Лассаль не могъ сохранить „естественную связь съ прежнимъ рабочимъ движеніемъ“, по крайней мѣрѣ, не могъ сдѣлать этого такъ, какъ требовалъ отъ него Марксъ. Трудно представить себѣ болѣе различныя времена, чѣмъ дни Коммунистическаго Манифеста и дни „Открытаго письма“. Марксъ и Энгельсъ обращались къ небольшой, избранной части международнаго пролетаріата, жившей цѣлые годы и даже десятилѣтія въ главныхъ центрахъ европейскаго экономическаго оборота, освоившейся съ труднѣйшими проблемами нѣмецкой философіи и англійско-французскаго соціализма, объединенной въ тайномъ обществѣ для пропаганды и готовившейся наканунѣ революціи вербовать привер-

женцевъ коммунизму среди охваченныхъ броженіемъ европейскихъ массъ. Напротивъ, Лассаль обращался къ рабочему классу страны, еще очень отсталой экономически и политически,—къ классу, который далеко еще не сбросилъ съ себя кошмара гнетущей реакціи и не могъ разсчитывать въ близкомъ будущемъ на быстрое развитіе, получаемое обыкновенно пролетарскимъ классовымъ сознаніемъ благодаря огненному крещенію революціи; къ классу, который долженъ былъ бороться, какъ массовая партія, на почвѣ современнаго буржуазнаго общества, между тѣмъ какъ даже самые передовые его члены едва имѣли представленіе о существѣ этого общества. Если бы оставалось какое-либо сомнѣніе относительно того, что къ тогдашнимъ нѣмецкимъ рабочимъ можно было подойти только со стороны самыхъ ближайшихъ ихъ интересовъ, то его долженъ былъ разсѣять для Лассаля пріемъ, оказанный его „Программѣ работниковъ“: она не вызвала никакого отклика въ рабочемъ классѣ, несмотря на то, что идеи Коммунистическаго Манифеста были вѣдь приспособлены уже ею къ германскимъ условіямъ.

Лассаль не хотѣлъ предписывать германскому рабочему движенію его хода согласно доктринерскому рецепту, а взялъ реальной основой для своей агитаціи, вполнѣ въ духѣ Маркса, дѣйствительное классовое движеніе, поскольку оно имѣлось налицо въ Германіи. Онъ взялъ своимъ отправнымъ пунктомъ всеобщее избирательное право и стремленія къ ассоціаціи,—двѣ идеи, начавшія приводить въ движеніе германскій пролетаріатъ. Требованію всеобщаго избирательнаго права онъ тотчасъ же придалъ исчерпывающую послѣдовательность принципа, разъяснивъ нѣмецкимъ рабочимъ, что оно является для нихъ единственнымъ средствомъ завоевать политическую власть, безъ обладанія которой они никогда не сумѣютъ удовлетворить своихъ классовыхъ интересовъ. Насколько Лассаль правильно судилъ въ этомъ отношеніи о нѣмецкихъ дѣлахъ, это доказали 40 лѣтъ германской исторіи. Его заслуга должна быть оцѣнена тѣмъ выше, что въ то время, когда онъ сдѣлалъ всеобщее избирательное право лозунгомъ германскаго рабочаго движенія, оно не пользовалось чрезмѣрно хорошей репутаціей. Если масса буржуазіи отвергала его изъ недовѣрчиваго классоваго инстинкта, то плоды всеобщаго избирательнаго права при второй имперіи заставляли недовѣрчиво относиться къ нему и людей совершенно другого рода—не только Ланге и Родбертуса, но и Маркса и Энгельса.

Правда, Лассаль переоцѣнилъ значеніе всеобщаго избирательнаго права. Хотя онъ и заявлялъ напередъ, что это не волшебный жезлъ, хотя онъ и приписывалъ ему рѣшающее значеніе не сейчасъ же, а лишь съ теченіемъ времени, однако срокъ этотъ фактически оказался болѣе продолжительнымъ, чѣмъ онъ думалъ. Въ этомъ отношеніи Лассаль сдѣлался жертвою того оптическаго обмана смѣлыхъ и дальнозоркихъ мыслителей, которому не разъ поддавались также Марксъ и Энгельсъ. Но сказанное нисколько не мѣняетъ самого факта, что Лассаль стоялъ на правильной точкѣ зрѣнія, когда полагалъ, что при данныхъ историческихъ условіяхъ всеобщее избирательное право есть то оружіе, при помощи котораго германскій пролетаріатъ долженъ и будетъ бороться, пока онъ не станетъ непреодолимой силой. Съ какой бы запальчивостью и какими бы вліятельными людьми ни оспаривалось иногда это воззрѣніе, однако сила фактовъ не переставала каждый разъ вновь толкать германскую соціалъ-демократію на тотъ путь, который предначерталъ ей Лассаль. Насколько она выросла именно благодаря всеобщему избирательному праву, какъ самому подходящему и дѣйствительному своему оружію, это краснорѣчивѣе, чѣмъ кто-либо, объяснилъ Энгельсъ въ своей послѣдней работѣ *).

Вторымъ отправнымъ пунктомъ Лассаль взялъ кооперативное дѣло. Всѣ иллюзіи относительно этой мнимой панацеи для рабочаго класса онъ разсѣялъ въ прахъ закономъ заработной платы, формулированнымъ самой буржуазной экономіей. Онъ побилъ угнетателей пролетаріата ихъ собственнымъ оружіемъ. Въ послѣдующихъ своихъ рѣчахъ и сочиненіяхъ Лассаль неопровержимо доказалъ, что всѣ видные представители буржуазной экономіи признавали формулированный имъ законъ заработной платы въ капиталистическомъ обществѣ. Но соціалистическая экономія показала впослѣдствіи несостоятельность „желѣзнаго" характера этого закона,—характера, на который особенно напиралъ Лассаль, и потому представляется важнымъ изслѣдовать, дѣйствительно ли вѣрилъ въ него Лассаль, и если да, то съ какимъ историческимъ правомъ.

Прежде всего невѣрно то, что Марксъ писалъ разъ въ минуту сильнѣйшаго раздражені „если я принимаю законъ съ печатью

*) Въ предисловіи къ новому изданію (1895) „Классовой борьбы во Франціи" Маркса. *Прим. перев.*

Лассаля и, слѣдовательно, въ его смыслѣ, то я долженъ принимать его и съ обоснованіемъ Лассаля. А что оно представляетъ изъ себя? Какъ уже показалъ Ланге вскорѣ послѣ смерти Лассаля: теорію народонаселенія Мальтуса (проповѣдуемую самимъ Ланге). Но разъ эта теорія правильна, то я опять-таки *не* могу уничтожить упомянутаго выше закона, хотя бы я стократъ уничтожилъ наемный трудъ, ибо законъ господствуетъ въ такомъ случаѣ не только надъ системой наемнаго труда, но надъ *всякой* общественной системой. Основываясь именно на этомъ, экономисты доказывали въ теченіе 50 лѣтъ и болѣе, что соціализмъ не можетъ уничтожить нищеты, коренящейся въ природѣ, а можетъ лишь сдѣлать ее всеобщей, распредѣлить ее одновременно по всей поверхности общества". Въ это противорѣчіе Лассаль никогда не впадалъ. Къ мальтусовской теоріи Лассаль относился не какъ Ланге и буржуазные экономисты, а какъ Марксъ и Энгельсъ, и охарактеризовалъ ее почти рѣзче еще, чѣмъ они оба. Ея сущность—утвержденіе, что люди имѣютъ тенденцію размножаться быстрѣе пищевыхъ средствъ—онъ отвергалъ, какъ „давно опровергнутое заблужденіе", а выводимую отсюда теорію „благоразумныхъ ограниченій" дѣторожденія онъ осмѣивалъ какъ дѣтскую, безнравственную, безчеловѣчную, противоестественную теорію, какъ „настоящее свинство". Въ противоположность Мальтусу, Лассаль говорилъ: чѣмъ больше рабочихъ рукъ, тѣмъ больше богатства; если мы этого пока еще не видимъ, то вина лежитъ въ „экономическомъ антагонизмѣ" капиталистическаго общества. Соотвѣтственно съ этимъ Лассаль подчеркиваетъ въ „Открытомъ письмѣ", что установленный буржуазной экономіей законъ заработной платы имѣетъ силу „при теперешнихъ условіяхъ, когда трудъ составляетъ предметъ спроса и предложенія". Лассаль не смотрѣлъ на упомянутый законъ какъ на законъ природы, подобно мальтузіанцамъ, а видѣлъ въ немъ законъ соціальный и потому могъ, нисколько не впадая въ противорѣчіе съ самимъ собою, говорить о возможности его устраненія другой организаціей общества.

Этотъ взглядъ находился, впрочемъ, въ полномъ согласіи съ тѣмъ способомъ пониманія желѣзнаго закона, который Марксъ и Энгельсъ выражали въ болѣе раннихъ своихъ произведеніяхъ, до Коммунистическаго Манифеста включительно. Энгельсъ развивалъ уже въ „*Deutsch-Französ. Jahrbücher*" ту мысль, что количество населенія давитъ не на *пищевыя средства* въ природѣ, а

на *средства для найма рабочихъ* въ капиталистическомъ обществѣ; въ этомъ обществѣ производство рабочей силы регулируется закономъ конкурренціи. Въ своей книгѣ о положеніи англійскихъ рабочихъ Энгельсъ разъясняетъ законъ заработной платы почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ Лассаль въ „Открытомъ письмѣ", да Энгельсъ и не отрицалъ, что Лассаль позаимствовалъ законъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ самъ и Марксъ понимали его въ 40-хъ гг., т.-е. какъ экономическій законъ буржуазнаго общества, а не какъ законъ природы въ смыслѣ мальтузіанцевъ. Къ слову сказать, и Ланге не говорилъ, что Лассаль обосновываетъ законъ заработной платы теоріей Мальтуса: напротивъ, онъ ставитъ въ упрекъ Лассалю, что тотъ упускаетъ изъ виду эту теорію и выводитъ свой законъ, подобно Марксу, изъ капиталистическаго способа производства.

Но и съ этимъ ограниченіемъ „желѣзный" характеръ закона заработной платы оспаривался Марксомъ, точнѣе сказать—Марксъ научно и неопровержимымъ образомъ доказалъ его несостоятельность для развитого капиталистическаго общества. Марксъ показываетъ въ первомъ томѣ „Капитала", что современная промышленность, съ ея правильной смѣной періодовъ, регулируетъ свою потребность въ рабочихъ рукахъ не посредствомъ абсолютнаго движенія народонаселенія, а при помощи относительнаго перенаселенія, при помощи резервной промышленной арміи, которую капиталъ, смотря по своему расширенію или сжатію, притягиваетъ или отталкиваетъ. „Раньше, чѣмъ вслѣдствіе повышенія заработной платы могло бы наступить какое-либо положительное возрастаніе дѣйствительно работоспособнаго населенія, прошелъ бы не одинъ разъ срокъ, въ теченіе котораго должна быть сдѣлана промышленная кампанія, дана и рѣшена битва". Желѣзный законъ заработной платы, господствовавшій въ начальныхъ стадіяхъ капиталистическаго способа производства, сталъ на высшей ступени капитализма эластичнымъ закономъ. Къ верху ему ставитъ предѣлъ потребность капитала въ прибыльномъ помѣщеніи, къ низу—та мѣра нужды, которую рабочій можетъ перенести, не умирая тутъ же голодною смертью. Въ этихъ предѣлахъ высота заработной платы опредѣляется не естественнымъ движеніемъ народонаселенія, а сопротивленіемъ, которое рабочіе могутъ оказать постоянной тенденціи капитала выжимать изъ ихъ рабочей силы возможно большее количество неоплаченнаго труда. Если эта тенденція не встрѣчаетъ никакого противодѣйствія, то она приводитъ къ голод-

ной платѣ, которой не повышаетъ опять никакая игра „желѣзнаго закона". Если она встрѣчаетъ противодѣйствіе, то уничтожается, смотря по силѣ и мѣрѣ этого противодѣйствія; вотъ почему фабричные законы, профессіональные рабочіе союзы и все прочее, что́ можетъ увеличить силу сопротивленія рабочихъ, отнюдь не является тѣмъ безнадежнымъ „праніемъ противъ рожна", какимъ оно должно бы быть согласно теоріи желѣзнаго закона заработной платы. Однако все противодѣйствіе рабочихъ не въ силахъ помѣшать безпрерывному накопленію капитала, безпрерывному росту резервной промышленной арміи и, слѣдовательно, постоянному ухудшенію пролетарскаго классоваго положенія. „Законъ, которымъ относительный избытокъ населенія или запасная промышленная армія постоянно удерживается въ равновѣсіи съ размѣромъ и силою накопленія, приковываетъ рабочаго къ капиталу крѣпче, чѣмъ молотъ Гефеста приковалъ къ скалѣ Прометея. Этотъ законъ обусловливаетъ накопленіе нищеты соотвѣтственно накопленію капитала. Накопленіе богатства на одномъ полюсѣ означаетъ одновременное накопленіе нищеты, муки труда, рабства, невѣжества, огрубѣнія и нравственнаго униженія на другомъ полюсѣ,—т.-е. на сторонѣ класса, производящаго свой собственный продуктъ въ видѣ капитала". Вотъ дѣйствительный законъ заработной платы въ капиталистическомъ обществѣ, какъ его развилъ Марксъ въ первомъ томѣ „Капитала", т.-е. черезъ 3 года послѣ смерти Лассаля.

Если Лассаль былъ, такимъ образомъ, вправѣ сказать въ то время, когда онъ выставилъ желѣзный законъ заработной платы, что это никѣмъ не оспариваемый научный законъ, и если не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что онъ вѣрилъ въ его правильность, то слѣдуетъ все-таки прибавить, что Марксъ и Энгельсъ уже въ 40-хъ гг. указали на резервную промышленную армію и на давленіе, производимое ею на заработную плату, что они предсказали неудержимый упадокъ пролетаріата до положенія пауперовъ, что именно отсюда они сдѣлали въ Коммунистическомъ Манифестѣ выводъ о неспособности буржуазіи къ господству, такъ какъ она неспособна обезпечить существованіе своему рабу даже въ предѣлахъ его рабства. На эту необезпеченность существованія, которою положеніе современнаго пролетаріата невыгодно отличается отъ положенія всѣхъ прежнихъ угнетенныхъ классовъ, мы находимъ прямыя указанія и въ позднѣйшихъ работахъ Лассаля, особенно въ его главномъ экономическомъ трудѣ „Бастіа-Шульце". Если онъ не

выдвинулъ ея уже въ „Открытомъ письмѣ", то причиной было желаніе дать лишь „безусловно установленное и легко могущее быть обоснованнымъ". Поэтому онъ совершенно оставилъ въ сторонѣ вопросъ, происходитъ ли въ положеніи рабочихъ современнаго буржуазнаго общества постоянное улучшеніе или ухудшеніе, и ограничился тѣмъ фактомъ, что положеніе рабочихъ невыносимо даже тогда, когда принимается гипотеза, наиболѣе благопріятная для капиталистическаго способа производства.

Этого факта нисколько не мѣняетъ, конечно, законъ заработной платы, развитый Марксомъ. Напротивъ! Чтобы пояснить дѣло на цифровомъ примѣрѣ: желѣзный законъ Лассаля говоритъ, что капиталистическое общество должно пролетаріату 100, а эластичный законъ Маркса говоритъ: нѣтъ, оно должно ему 1000. Буржуазныя жалобы по поводу того, что нѣмецкая соціалъ-демократія отреклась отъ желѣзнаго закона заработной платы, не посыпавъ пепломъ главу за „несправедливость", которую она такъ долго причиняла капиталистическому обществу, опираясь на „обманчивый" авторитетъ Лассаля, — эти жалобы лишены всякаго основанія. Болѣе серьезной была бы жалоба, что Лассаль, увлекаясь логическими выводами изъ желѣзнаго закона заработной платы, преуменьшилъ значеніе законодательства объ охранѣ труда и профессіональной организаціи для рабочаго класса, еслибы только подобная жалоба не была практически лишена всякаго содержанія. Профессіональное движеніе было до поры до времени невозможно въ Германіи не изъ-за теоретическихъ заблужденій Лассаля, а потому, что всѣ почти германскія правительства и представительныя собранія упорно не желали отказаться отъ запрещенія коалицій. Молить эти высокопоставленныя инстанціи о фабричномъ законодательствѣ, вмѣсто того, чтобы вынудить его у нихъ путемъ грознаго массоваго движенія, было бы ребячествомъ, на которое Лассаль былъ бы неспособенъ даже въ томъ случаѣ, если бы онъ дѣйствительно не преуменьшилъ значенія законодательной охраны труда.

Для тогдашней практики могли имѣть значеніе лишь тѣ выводы изъ желѣзнаго закона заработной платы, которые Лассаль сдѣлалъ въ примѣненіи къ потребительнымъ обществамъ. Онъ былъ совершенно правъ въ томъ отношеніи, что желать помочь рабочимъ, какъ потребителямъ, значило „запрягать лошадей позади воза", но при всемъ ограниченномъ значеніи этой помощи она все-таки не настолько призрачна, какъ утверждалъ Лассаль на основаніи желѣзнаго закона заработной платы. Однако онъ отнюдь не удер-

живалъ рабочихъ отъ основыванія шульцевскихъ ассоціацій; онъ говорилъ имъ только, чтобы они всегда пользовались этими средствами лишь поскольку послѣднія могутъ оказать извѣстную помощь отдѣльнымъ рабочимъ или рабочимъ кругамъ. Лассаль возставалъ не противъ ассоціаціи, не противъ кооперативнаго производства и потребленія, составлявшихъ со времени Сенъ-Симона центральный пунктъ соціализма, а только противъ того буржуазнаго искаженія, которое идея ассоціаціи претерпѣла во время реакціи 50-хъ годовъ. Въ оцѣнкѣ того, что̀ эта идея сумѣла все-таки дать, Лассаль заходилъ скорѣе слишкомъ далеко, чѣмъ недостаточно далеко: свидѣтельствомъ можетъ служить его отзывъ объ англійскихъ и французскихъ рабочихъ ассоціаціяхъ и теплое рукопожатіе, съ которымъ онъ обратился къ „отцу и основателю нѣмецкаго кооперативнаго дѣла".

Упомянутое искаженіе состояло въ томъ, что у идеи ассоціаціи была отнята ея политическая сторона, что рабочихъ добросовѣстно или недобросовѣстно убѣждали, будто они не нуждаются въ политической власти для своего освобожденія, а могутъ помочь себѣ сами, какъ частные индивиды. Этой „самопомощи" Лассаль противопоставилъ „государственную помощь". Онъ настойчиво внушалъ рабочимъ, что пробить себѣ дорогу изъ пустыни они могутъ только какъ политически организованная партія. Безъ сомнѣнія, эта мысль не была оригинальнымъ открытіемъ, а только возрожденіемъ пролетарской классовой борьбы, безсознательно развившейся въ 40-хъ гг. и освѣщенной затѣмъ въ Коммунистическомъ Манифестѣ во всемъ ея всемірно-историческомъ значеніи. Но именно потому идея государственной помощи не была плагіатомъ у Бюше или Луи-Блана, или какого-либо другого представителя „такъ называемаго соціализма и коммунизма", желавшаго построить новое общество согласно тому или иному искусственному плану, не соображая того, что человѣческое общество есть живой организмъ, для управленія которымъ необходимо познать законы его движенія въ каждый данный моментъ. Какъ это явствуетъ изъ контекста, Лассаль подъ „такъ назыв. соціализмомъ и коммунизмомъ" разумѣлъ именно подобные утопическіе проекты.

Въ вопросѣ объ ассоціаціи Лассаль стоялъ на одной почвѣ съ Марксомъ и Энгельсомъ. Въ 1864 г., уже послѣ смерти Лассаля, Марксъ писалъ во вступительномъ адресѣ Интернаціонала: „Опыты, сдѣланные въ періодъ съ 1848 г. до 1864 г., безспорно доказали,

что кооперативный трудъ, какъ бы онъ ни былъ превосходенъ въ принципѣ и полезенъ на практикѣ, никогда не въ состояніи будетъ задержать совершающійся въ геометрической прогрессіи ростъ монополіи, не въ состояніи будетъ освободить массы или хотя бы только замѣтно облегчить ихъ тяжелую нужду, покуда онъ ограничивается узкимъ кругомъ случайныхъ попытокъ отдѣльныхъ рабочихъ... Чтобы спасти промышленныхъ рабочихъ, необходимо было бы развить кооперативный трудъ до національныхъ размѣровъ и, слѣдовательно, содѣйствовать ему государственными средствами". Въ томъ же смыслѣ женевскій конгрессъ Интернаціонала постановилъ въ 1866 г., по предложенію, составленному, вѣроятно, Марксомъ: „кооперативное движеніе, ограниченное тѣми карликовыми формами, которыя могутъ ему дать соединенія индивидуальныхъ наемныхъ рабочихъ, не въ состояніи собственными силами преобразовать капиталистическое общество. Чтобы превратить соціальное производство въ великую и гармоническую систему свободнаго, кооперативнаго труда, нужны общія соціальныя измѣненія, измѣненія общихъ условій общества, которыя никогда не могутъ быть осуществлены безъ организованныхъ властей общества: государственная власть должна быть отнята у капиталистовъ и земельныхъ собственниковъ и осуществляться самими рабочими". Производительныя ассоціаціи при содѣйствіи государственнаго кредита фигурируютъ уже въ Коммунистическомъ Манифестѣ, гдѣ въ числѣ разнообразныхъ мѣръ, которыя организованный пролетаріатъ долженъ принять послѣ завоеванія политической власти, названы также сосредоточеніе кредита въ рукахъ государства и устройство національныхъ фабрикъ.

Былъ однако въ этомъ вопросѣ одинъ пунктъ, въ которомъ Лассаль, отступая отъ воззрѣній современнаго научнаго коммунизма, вернулся назадъ къ представленіямъ мелкобуржуазнаго соціализма. Только произошло это не въ томъ смыслѣ, что агитаторъ сбилъ съ толку теоретика или, по выраженію Родбертуса, „экзотерическій" Лассаль—„эзотерическаго" Лассаля. Какъ разъ наоборотъ. Еслибы среди многоразличныхъ задачъ, исторически возложенныхъ на диктатуру пролетаріата, Лассаль выдвинулъ изъ агитаторскихъ видовъ на первый планъ именно производительныя ассоціаціи, то само по себѣ это не могло бы вызывать никакихъ возраженій. Такъ какъ Шульце-Деличъ самъ объявлялъ производительную ассоціацію „вершиною" всякой рабочей ассоціаціи, то лучшимъ опроверженіемъ его было простое указаніе, что несмотря

на 10-лѣтнія усилія ему не удалось создать ни одной производительной ассоціаціи, по крайней мѣрѣ—ни одной сколько-нибудь заслуживающей вниманія. Какимъ бы умственнымъ пигмеемъ ни былъ Шульце-Деличъ, но въ Германіи онъ считался „королемъ въ соціальномъ царствѣ", и его нужно было низложить, если хотѣли призвать къ жизни самостоятельное классовое движеніе германскаго пролетаріата. Для тогдашняго положенія вещей характерно, что Шульце былъ возведенъ въ королевское достоинство въ главномъ городѣ Рейнской провинціи, вдобавокъ — двумя старыми товарищами Маркса: Георгомъ Юнгомъ, сотрудничавшимъ когда-то въ „*Рейнской Газетѣ*", и Генрихомъ Бюргерсомъ, работавшимъ еще даже въ „*Новой Рейнской Газетѣ*" и приговореннымъ въ процессѣ коммунистовъ къ долголѣтнему заключенію въ крѣпости.

Но направляя вниманіе рабочихъ ближайшимъ образомъ на производительныя ассоціаціи при содѣйствіи государственнаго кредита, Лассаль дѣлалъ это не изъ агитаторскихъ, по крайней мѣрѣ—не изъ однѣхъ агитаторскихъ цѣлей. Онъ хотѣлъ предложить рабочимъ нѣчто практически-осязательное и не могъ написать на своемъ знамени свою конечную цѣль, упраздненіе частной собственности на землю и капиталъ, не рискуя доставить „mob" 'у *) своихъ прогрессистско-манчестерскихъ противниковъ желанный случай отдѣлать его предъ совершенно непросвѣщенными еще массами, какъ сумасброднаго мечтателя. Не имѣя пока возможности раскрыть свою цѣль, Лассаль выбралъ производительныя ассоціаціи при содѣйствіи государственнаго кредита какъ средство, всецѣло проникнутое характеромъ самой цѣли. Косвенно Лассаль уже въ „Открытомъ письмѣ" высказывается въ томъ смыслѣ, что коллективную работу общества необходимо вести при помощи его коллективныхъ авансовъ, а продуктъ производства нужно распредѣлять между всѣми содѣйствовавшими ему лицами соразмѣрно этому содѣйствію; то же самое онъ прямо говоритъ въ „*Бастіа-Шульце*". „Переходнымъ средствомъ къ этому строю, самымъ легкимъ и мягкимъ переходнымъ средствомъ, являются производительныя ассоціаціи рабочихъ при содѣйствіи государственнаго кредита... Это еще отнюдь не „рѣшеніе соціальнаго вопроса", которое потребуетъ работы поколѣній, это горчичное сѣмя, которое органически, неудержимо будетъ толкать ко всякому дальнѣйшему развитію, осуществляя его извнутри самого себя". Въ примѣчаніи къ этимъ

*) mob (англ.)—чернь, сбродъ.

положеніямъ Лассаль говоритъ, что именно мягкій характеръ и практическая осуществимость его переходнаго средства, содержащаго, однако, въ себѣ органическій зародышъ всякаго дальнѣйшаго развитія, вызвали необыкновенно яростный вой буржуазіи, которая спокойно замолчала бы его, какъ неопаснаго сектанта, если бы онъ выставилъ какое-нибудь болѣе крайнее, отвлеченное требованіе. Теоретическая работа и практическая агитаціи, подобная той, которую онъ открылъ своимъ „Открытымъ письмомъ", подчиняются въ одномъ отношеніи совершенно противоположнымъ законамъ. Теоретическая работа тѣмъ лучше, чѣмъ полнѣе она дѣлаетъ всѣ, даже самые послѣдніе и отдаленные выводы изъ развитаго въ ней принципа. Наоборотъ, практическая агитація тѣмъ могущественнѣе, чѣмъ больше она сосредоточивается на первомъ пунктѣ, изъ котораго вытекаетъ затѣмъ все дальнѣйшее. Только пунктъ долженъ быть именно таковъ, чтобы онъ заключалъ уже въ себѣ всѣ дальнѣйшіе выводы, и чтобы они развивались изъ него съ органической необходимостью.

Совершенно такъ же Лассаль высказался въ своихъ письмахъ къ Родбертусу. Онъ прямо говоритъ здѣсь, что для него производительныя ассоціаціи при помощи государственнаго кредита только средство къ достиженію цѣли, къ обобществленію производства, и что онъ охотно готовъ перемѣнить свое мнѣніе, если Родбертусъ знаетъ лучшее средство для достиженія той же цѣли. Самъ онъ не знаетъ лучшаго средства, онъ убѣжденъ, что государственный кредитъ для рабочихъ ассоціацій есть мизинецъ, который съ послѣдовательностью развивающейся изъ себя жизни, долженъ привести постепенно—безъ сомнѣнія, лишь черезъ сто, двѣсти лѣтъ—къ выкупу собственности на землю и капиталъ.

О добросовѣстности и чистотѣ мотивовъ, руководившихъ Лассалемъ, когда онъ требовалъ производительныхъ ассоціацій при содѣйствіи государственнаго кредита, не стоитъ поэтому больше толковать. Въ томъ свѣтѣ, въ какомъ онъ видѣлъ это требованіе, онъ безспорно имѣлъ право выступить ближайшимъ образомъ только за него. Но при этомъ Лассаль впалъ въ теоретическую ошибку: онъ впалъ въ ошибку мелкобуржуазнаго соціализма, предположивъ, что законы товарнаго производства могутъ быть упразднены на почвѣ товарнаго же производства. Если исходить изъ предположенія о завоеваніи политической власти пролетаріатомъ, то производительныя ассоціаціи съ помощью государственнаго кредита относятся, по выраженію Коммунистическаго Манифеста, къ

тѣмъ „мѣропріятіямъ, которыя кажутся экономически недостаточными и несостоятельными, но которыя вмѣстѣ съ ходомъ движенія толкаютъ къ дальнѣйшимъ шагамъ и необходимы, какъ средства для революціонированія всего способа производства". Другими словами, ассоціаціи не могутъ сами по себѣ перевести капиталистическій способъ производства въ соціалистическій; онѣ производятъ товары и, предоставленныя послѣдствіямъ саморазвивающейся жизни, онѣ должны подпасть законамъ товарнаго производства. Если Бухеръ замѣтилъ, что онѣ создаютъ только новыхъ собственниковъ, то Родбертусъ сказалъ, что эта новая корпоративная собственность явится еще гораздо большимъ препятствіемъ для обобществленія производства, чѣмъ индивидуальная собственность капиталистовъ. Правда, Лассаль возражалъ, что онъ вовсе не хочетъ, чтобы земля, капиталъ и продуктъ труда *принадлежали* рабочимъ; онъ желаетъ общественнаго производства въ томъ смыслѣ, чтобы „продуктомъ труда" („Arbeitsertrag") отдѣльнаго лица была доля во всей общественной производительности, опредѣляющаяся отношеніемъ между количествомъ труда отдѣльнаго лица и количествомъ труда всего общества. Но хотя справедливо, что такова была его конечная цѣль, однако онъ не замѣчалъ, что его средство не годится для этой конечной цѣли. „Продуктъ труда" рабочихъ, которые были бы обращены въ „своихъ собственныхъ предпринимателей" въ предоставленныхъ собственному развитію производительныхъ ассоціаціяхъ съ помощью государственнаго кредита,— этотъ „продуктъ труда" представлялъ бы собою, какъ указалъ Родбертусъ, земельную ренту + прибыль на капиталъ + заработную плату; слѣдовательно, по выраженію Бухера, онъ ничего не измѣнилъ бы въ химическихъ свойствахъ собственности.

Могутъ сказать, что эта теоретическая ошибка Лассаля сводится въ концѣ-концовъ къ спору о выѣденномъ яйцѣ. Разъ рабочіе завоевали бы уже политическую власть, какъ одинаково предполагалось и Коммунистическимъ Манифестомъ и „Открытымъ письмомъ", то они давно научились бы логикѣ настолько, чтобы видѣть въ производительныхъ ассоціаціяхъ при содѣйствіи государственнаго кредита средство для освобожденія ихъ класса только въ смыслѣ Коммунистическаго Манифеста, а не въ смыслѣ „Открытаго письма"; къ такому выводу ихъ привела бы во всякомъ случаѣ очень скоро логика фактовъ. Однако заблужденіе Лассаля все-таки имѣло практическія послѣдствія. Если производительныя ассоціаціи при содѣйствіи государственнаго кредита были „органическимъ зародышемъ

всякаго дальнѣйшаго развитія", то въ концѣ-концовъ представлялось безразличнымъ, кто положилъ этотъ зародышъ, и, такимъ образомъ, широко раскрывались двери для всевозможныхъ реакціонныхъ махинацій. Съ другой стороны, буржуазные противники Лассаля слишкомъ хорошо знали всѣ уловки и штуки капиталистическаго общества, чтобы не разглядѣть тотчасъ же слабаго пункта его вооруженія. Въ этомъ пунктѣ они могли бы даже прижать его сильнѣе, чѣмъ они дѣйствительно сдѣлали, если бы только не имѣли путъ на своихъ длинныхъ прогрессивныхъ ногахъ. Чтобы вскрыть заблужденіе Лассаля съ той основательностью, которая была доступна даже для нихъ и именно для нихъ, имъ пришлось бы разоблачить красоты „лучшаго изъ всѣхъ міровъ" съ большей откровенностью, чѣмъ они считали благоразумнымъ; поэтому они удовольствовались возраженіями, либо совсѣмъ не касавшимися сути дѣла, либо касавшимися ея настолько поверхностно, что для Лассаля представлялось сравнительно легкимъ дѣломъ разбить ихъ, — обстоятельство, въ свою очередь укрѣплявшее его въ неправильномъ воззрѣніи.

Къ тому же Лассаль обладалъ слишкомъ яснымъ и острымъ умомъ, чтобы его идея производительныхъ ассоціацій съ помощью государственнаго кредита была просто навѣяна на него извнѣ и легко могла быть отдѣлена отъ него. Она тѣсно переплеталась, напротивъ, со всѣмъ его экономическимъ мышленіемъ. Лассаль правильно разсматривалъ земельную ренту и прибыль на капиталъ, какъ вычеты изъ продукта труда, но онъ видѣлъ въ нихъ лишь „обсчитываніе" рабочаго класса; образованіе прибавочной цѣнности онъ, въ отличіе отъ Маркса, понималъ какъ философско-правовой вопросъ, а не какъ экономическій фактъ, дающій ключъ къ пониманію всего капиталистическаго способа производства и призванный совершить переворотъ во всей экономіи. Хотя Лассаль и стоялъ въ общемъ на почвѣ Коммунистическаго Манифеста, все же онъ не вполнѣ разорвалъ узы, связывавшія его съ до-мартовскимъ соціализмомъ. И въ „Программѣ работниковъ", и въ позднѣйшихъ агитаціонныхъ писаніяхъ Лассаля нельзя не замѣтить извѣстной близости къ французскому соціализму,— близости, которую потому нельзя игнорировать, что ее часто страшно преувеличивали.

Лассаль имѣлъ полное право думать, что его экономическія воззрѣнія и взгляды Луи Блана „весьма значительно расходятся между собою"; его производительныя ассоціаціи при содѣйствіи госу-

дарственнаго кредита настолько отличаются отъ общественныхъ мастерскихъ Луи Блана, что только нѣмецкіе профессора, осужденные вѣчно не видѣть лѣса изъ-за деревьевъ, могли свалить въ одну кучу обѣ организаціи, — противъ чего предостерегалъ уже въ 1865 г. Альбертъ Ланге. Лассаль примкнулъ къ французской соціалъ-демократіи 40-хъ гг., не отказываясь отъ права — какъ это сказано въ Коммунистическомъ Манифестѣ — относиться критически къ ея иллюзіямъ. Онъ и преодолѣлъ эти иллюзіи, исключая того, что связь экономическихъ явленій рисовалась ему все-таки въ юридическихъ, философскихъ, вообще — идеологическихъ формахъ. Какъ экономическій факторъ, прибавочная цѣнность революціонируетъ капиталистическое общество, но какъ „обсчитываніе" рабочихъ она не можетъ быть устранена хотя бы идеальнѣйшимъ государствомъ. Въ своихъ юридическихъ и философскихъ представленіяхъ Лассаль также исходилъ изъ совершенно другихъ точекъ зрѣнія и приходилъ къ совершенно инымъ результатамъ, чѣмъ французскіе соціалисты; онъ пришелъ отъ Фихте и Гегеля, какъ Бюше отъ Сенъ-Симона и Луи Бланъ отъ Фурье. Но, защищая планъ производительныхъ ассоціацій при содѣйствіи государственнаго кредита, Лассаль запутался въ рядѣ противорѣчій, напоминающихъ то Бюше, то Луи Блана — не потому, чтобы онъ копировалъ того или другого, а потому, что всѣ попытки разрѣшить одно и то же неразрѣшимое противорѣчіе по необходимости должны представлять извѣстное сходство между собою.

Въ связи съ идеологически-схематичнымъ воззрѣніемъ Лассаля на общество находились также ложные выводы, которые онъ дѣлалъ изъ прусской статистики доходовъ. Правда, положеніе, которое онъ непосредственно хотѣлъ доказать ею, онъ доказалъ, вопреки безчисленнымъ возраженіямъ, которыя справедливо или несправедливо выставлялись противъ субъективнаго истолкованія и объективной правильности сообщенныхъ имъ цифръ. Всѣ добросовѣстныя и недобросовѣстныя выкладки не были въ состояніи поколебать того факта, что въ странахъ съ капиталистическимъ способомъ производства значительное большинство живетъ въ болѣе или менѣе жалкихъ условіяхъ, сравнительно небольшое меньшинство живетъ болѣе или менѣе сносно, а абсолютно и относительно ничтожная часть населенія — болѣе или менѣе богато. Какъ Лассаль выразился въ одной изъ своихъ защитительныхъ рѣчей, всякая статистика отражаетъ мрачный удѣлъ безконечнаго большинства, „изъ темной пучины котораго имущіе выдаются только

какъ отдѣльныя сваи, словно для того, чтобы показать, насколько мрачна эта пучина и какъ она бездонна". Но совершенно ложенъ былъ выводъ, который Лассаль дѣлалъ изъ этихъ цифръ, — что въ немногіе годы можно собрать вокругъ знамени пролетарскаго освободительнаго движенія тѣ 89—96 процентовъ всего населенія, которые бѣдны или небогаты; эта ошибка уготовила ему самому жестокія разочарованія.

Не надо смѣшивать двѣ совершенно различныя вещи: народъ, противопоставлявшійся буржуазіи французскимъ соціализмомъ 40-хъ гг., и современный рабочій классъ, который противопоставлялся ей Коммунистическимъ Манифестомъ. Лассаль упустилъ изъ виду сложное строеніе капиталистическаго общества. Онъ упустилъ изъ виду, что наемные рабочіе современной индустріи составляли пока сравнительно небольшую часть бѣдныхъ классовъ, и изъ этой сравнительно небольшой части опять-таки лишь сравнительно небольшая часть проснулась къ пролетарскому классовому сознанію; что преобладающее большинство классовъ, изъ которыхъ состояла бѣдная масса населенія, земледѣльческій пролетаріатъ, батраки, мелкіе крестьяне, мелкіе служащіе, мелкіе ремесленники, за исключеніемъ небольшой части подмастерьевъ, относились враждебно или, по крайней мѣрѣ, равнодушно къ освободительной борьбѣ промышленныхъ рабочихъ; что міровоззрѣніе и способъ мышленія этихъ различныхъ классовъ опредѣлялся ихъ особымъ классовымъ положеніемъ, и что нужны были еще большіе перевороты въ капиталистическомъ способѣ производства, чтобы вдолбить имъ въ голову ту экономическую діалектику, которой не могло имъ пока внушить самое убѣдительное краснорѣчіе. Лассаль хотѣлъ идеологическими факторами достигнуть того, что̀ могли совершить только экономическіе факторы.

Такимъ образомъ, въ „Открытомъ письмѣ" немало односторонностей и слабыхъ сторонъ, а между тѣмъ именно эти односторонности и слабыя стороны скорѣе усилили, чѣмъ ослабили его ближайшее дѣйствіе. Желѣзный законъ заработной платы, нравственно-правовое осужденіе прибавочной цѣнности, статистика доходовъ съ ея захватывающими цифрами воспламенили сотни тысячъ преданныхъ сердецъ и закалили сотни тысячъ сильныхъ рукъ. Мы не говоримъ этого въ какомъ-нибудь извиняющемъ смыслѣ, а только въ видѣ поясненія. Если бы Лассаль кинулъ въ массы какія-нибудь положенія не потому, что онъ считалъ ихъ вѣрными, а только потому, что они могли, по его мнѣнію,

произвести извѣстное дѣйствіе, то его нельзя было бы извинить, а такъ какъ онъ считалъ ихъ вѣрными, то онъ не нуждается въ извиненіяхъ. Но подобно тому какъ односторонности и слабыя стороны „Открытаго письма" вытекаютъ всѣ въ конечномъ счетѣ изъ одного источника, — изъ того, что Лассаль не позналъ еще развитаго капиталистическаго общества въ полной игрѣ его имманентныхъ законовъ, — такъ и сильное дѣйствіе ихъ объясняется тѣмъ, что развитое капиталистическое общество тогда еще вообще отсутствовало въ Германіи. Недоставалъ тотъ практическій масштабъ, на которомъ можно было бы опредѣлить, что было ошибочнаго въ положеніяхъ Лассаля; по отношенію же къ паутинѣ лжи, которой буржуазія опутывала пролетаріатъ, Лассаль все еще былъ трижды правъ, даже тогда, когда онъ, по теперешнему состоянію науки, неправъ въ одномъ пунктѣ. Онъ былъ какъ разъ тѣмъ піонеромъ, который нуженъ былъ германскому рабочему классу при тогдашнихъ историческихъ условіяхъ, и потому онъ былъ силенъ даже въ своихъ слабостяхъ.

Но помимо этого—какъ ничтожны были слабыя стороны „Открытаго письма" въ сравненіи съ его сильными сторонами! Лассаль въ первомъ же боевомъ планѣ далъ рабочему движенію такое широкое и глубокое построеніе, что всѣмъ сектантскимъ отклоненіямъ въ сторону былъ заранѣе прегражденъ путь. Онъ организовалъ движеніе, какъ политическую классовую борьбу, въ видѣ столь сомкнутой фаланги, что оно всегда могло идти впередъ и сражаться только на твердой почвѣ современнаго буржуазнаго общества. Со временемъ долженъ былъ наступить моментъ, когда теоретическія односторонности Лассаля стали помѣхой для поступательнаго движенія пролетаріата, проникнутаго классовымъ сознаніемъ, но эти препятствія были стерты въ порошокъ массовымъ шагомъ полковъ, организованныхъ великимъ мыслителемъ и борцомъ.

Лассаль не преувеличилъ, а умалилъ значеніе своей агитаціи, когда сравнилъ „Открытое письмо" съ тезисами Лютера противъ индульгенцій. Тезисы зажгли огонь быстрѣе и непосредственнѣе, но, подобно искрѣ, падающей въ открытую бочку пороха, они путемъ сильнаго взрыва вызвали среди нѣмецкихъ массъ XVI вѣка только безпорядочное движеніе. Въ сравненіи съ ними „Открытое письмо" Лассаля было факеломъ, на цѣлыя десятилѣтія впередъ указавшимъ пути и цѣли германскому массовому движенію XIX вѣка. Лютеръ былъ самъ пораженъ, какъ неожиданностью,

эффектомъ своего поступка, Лассаль же вполнѣ ясно сознавалъ, что онъ дѣлалъ. Онъ надѣялся, что своимъ манифестомъ привелъ рабочихъ къ внутреннему пониманію своего экономическаго положенія и укрѣпилъ ихъ противъ всякой лжи, иллюзій и обмановъ. „Вся вещь,—писалъ Лассаль своему пріятелю, дюссельдорфскому купцу Леви, по поводу „Открытаго письма",—читается настолько легко, что у рабочаго сразу же должно явиться такое чувство, какъ будто онъ давно ужъ это зналъ, и что никто не будетъ больше въ состояніи отнять это у него или устранить ложными умозаключеніями и софизмами". Однако далѣе онъ прибавлялъ: „рабочее сословіе въ общемъ не созрѣло еще, быть можетъ, до ясности въ воззрѣніяхъ; если это такъ, то я несомнѣнно погибшій человѣкъ, и прогрессистская партія можетъ ликовать, что я свернулъ себѣ шею". Лассаль рискнулъ, но онъ рискнулъ не легкомысленно и необдуманно, а слѣдуя велѣнію великаго историческаго долга.

Когда Бухеръ и Циглеръ захотѣли въ послѣдній моментъ еще удержать его, онъ имъ отвѣтилъ: „рабочая агитація существуетъ, необходимо дать ей теоретическое пониманіе и практическій лозунгъ, хотя бы за это пришлось 33 раза поплатиться головою". Этими словами Лассаль обезпечилъ себѣ подобающее мѣсто среди современниковъ и славу среди потомства.

---

7. Первые успѣхи и неудачи.

17-го марта лейпцигскій Центральный комитетъ обсудилъ програмную брошюру Лассаля и принялъ ее 6 голосами противъ 4, какъ манифестъ германскаго рабочаго движенія, вопреки рѣзкимъ возраженіямъ Росмеслера, Дольге и Штрекфуса, присутствовавшаго въ качествѣ гостя. Изъ меньшинства двое хотѣли дать лишь свое условное согласіе, а два другихъ—просто рекомендовать брошюру рабочимъ. Эти два выступили изъ комитета, въ томъ числѣ Дольге; точно такъ же сложили съ себя свои обязанности „довѣренныхъ лицъ" Росмеслеръ и Винтеръ. Ставъ на сторону лассалевскаго манифеста, большинство Центральнаго комитета отказалось отъ рабочаго конгресса съ берлинской программой и высказалось за основаніе большого рабочаго союза съ программой, развитой Лассалемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Центральный комитетъ прекратилъ свое существованіе. Ровно день спустя пришло запоздалое распоряже-

ніе саксонскаго правительства отъ 18-го марта о томъ, что комитеты, выбранные рабочими собраніями, должны смотрѣть на себя, какъ на союзы, и соблюдать предписаніе закона о союзахъ, въ силу котораго они не вправѣ поддерживать дѣловыя сношенія съ другими союзами.

24-го марта Центральный комитетъ сложилъ свои полномочія въ руки общаго рабочаго собранія, состоявшагося въ Одеонѣ. Опять Дольге и Росмеслеръ выступили съ предостереженіями; еще рѣзче ихъ говорилъ прогрессистъ Шильдбахъ. Однако собраніе 1.350 голосами противъ 2 высказалось въ пользу Лассаля и назначило новый комитетъ чтобы подготовить большой рабочій союзъ.

Въ прочихъ отношеніяхъ „Открытое письмо" произвело впечатлѣніе брошенной бомбы, но одобреній оно встрѣтило гораздо меньше, чѣмъ возраженій. Какъ на Лассаля, такъ и на лейпцигскій Центральный комитетъ обрушился потокъ упрековъ. Первыми поддержали ихъ честные гамбуржцы, которые уже 28 марта одобрили въ общемъ рабочемъ собраніи лейпцигскія постановленія. Отъ имени этого собранія Перль и Аудорфъ послали въ „*Кобургскую Рабочую Газету*" великолѣпное заявленіе, гдѣ они безпощадно раскрывали хитрую игру, которую буржаузія вела съ рабочимъ классомъ. „Настоящимъ заявленіемъ, — писали они въ заключеніе,—мы протягиваемъ вамъ руку для союза, мужественные граждане Лейпцига, также внесшимъ въ свою программу всеобщее и прямое избирательное право; вы, столько потрудившіеся—хотя, быть можетъ, и тщетно—для устройства всеобщаго германскаго рабочаго конгресса, примите нашу сердечную благодарность. Пусть эта признательность наша вознаградитъ васъ за ту неблагодарность, которую вамъ пришлось испытать отъ другой стороны. Пусть до поры до времени и не будетъ достигнуто то, что составляетъ наше общее желаніе, но вамъ принадлежитъ слава, что вы первые дали толчокъ движенію, которое, надѣемся, не замретъ больше, а родитъ великіе плоды, хотя, быть можетъ, и не въ ближайшемъ будущемъ". „*Кобургская Газета*" открыла свой „почтовый ящикъ" для этого заявленія, занявшаго два столбца, — правда, для того лишь, чтобы похоронить его въ 9 столбцахъ редакціонныхъ примѣчаній, которыя представляли собою безпорядочную смѣсь видимой благожелательности и сдержанной ярости; въ заключеніе ихъ редакція „кивала головой на колъ", перепечатывая дословно реакціонный законъ о союзахъ и собраніяхъ, изданный союзнымъ сеймомъ въ 1854 г.

Затѣмъ 11 апрѣля за Лассаля высказалось собраніе рабочихъ въ Дюссельдорфѣ; одобрительное постановленіе, посланное ими въ Лейпцигъ, было подписано 60 участниками собственноручно. Въ тотъ же день принялъ однородное рѣшеніе образовательный рабочій ферейнъ въ Золингенѣ. На слѣдующій день, 12 апрѣля, въ Кельнѣ состоялся провинціальный съѣздъ ремесленниковъ и рабочихъ, въ программу занятій котораго были внесены лейпцигскія постановленія. На съѣздъ пріѣхали делегаты изъ Кельна, Дюссельдорфа, Золингена и Эльберфельда и четырехъ менѣе значительныхъ городовъ; золингенцы привезли съ собою почтовыхъ голубей, чтобы имѣть возможность тотчасъ же передать домой результатъ, котораго тамъ ожидали съ самымъ напряженнымъ интересомъ. На этомъ съѣздѣ боролись между собою почти исключительно люди, уже принимавшіе участіе въ рабочемъ движеніи революціонной эпохи: Бюргерсъ, Риттингтаузенъ, купецъ Леви изъ Дюссельдорфа, находившійся 15 лѣтъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Лассалемъ, и Гуго Гильманъ. Бюргерсъ успѣлъ съ 1848 г. продѣлать обратную эволюцію въ мягкаго прогрессиста и выступилъ противъ Лассаля, а Риттингтаузенъ отнесся къ послѣднему свысока, какъ къ человѣку съ довольно хорошими намѣреніями, но подогрѣвающему негодные старые рецепты и не понявшему еще, что всеисцѣляющимъ лѣкарствомъ является прямое народное законодательство. Только Леви и Гильманъ энергично заступились за Лассаля и въ концѣ-концовъ одержали побѣду, правда—всего 64 голосами противъ 57. Затѣмъ 19-го апрѣля къ лейпцигскимъ постановленіямъ присоединился еще Вуппертальскій рабочій ферейнъ въ Эльберфельдѣ, гдѣ предсѣдательствовалъ Гильманъ.

Но это было все, между тѣмъ какъ контръ-манифестаціи были гораздо многочисленнѣе. 20 марта Людвигъ Лёве сообщалъ лейпцигцамъ, что Шульце-Деличъ извѣщенъ Штрекфусомъ о постановленіи отъ 17-го марта, и продолжалъ: „Шульце взбѣшенъ противъ васъ, охотно уничтожилъ бы лейпцигскій Центральный комитетъ, надѣется на раздоры въ Лейпцигѣ и даже въ самомъ комитетѣ, и пошлетъ въ Оффенбахъ, Пфорцгеймъ и Нюрнбергъ пароль противъ лассалевской брошюры". Дѣйствительно, нюрнбергскій рабочій ферейнъ тотчасъ же горячо взялся за дѣло и 12 апрѣля объявилъ Лассаля „наемнымъ орудіемъ реакціи", что, впрочемъ, показалось болѣе хитрымъ головамъ буржуазіи слишкомъ грубымъ пріемомъ. Они прибѣгли къ иной тактикѣ: подъ ихъ

вліяніемъ негодующія резолюціи образовательныхъ рабочихъ ферейновъ, посыпавшіяся дюжинами въ апрѣлѣ 1863 г. отъ Штеттина до Карлсруэ, были настроены на тотъ тонъ, что брошюра Лассаля—„неразумная стряпня“, на которую совсѣмъ не стоило бы обращать вниманія, если бы опрометчивое присоединеніе такъ называемаго лейпцигскаго Центральнаго комитета не внесло въ рабочее движеніе стремленій, оказывающихъ „сознательно или безсознательно несравненную услугу врагамъ всякаго развитія въ духѣ свободы“.

Буржуазія слишкомъ хорошо сознавала свои классовые интересы, чтобы не понять тотчасъ же, какъ много было поставлено для нея на карту, и она ни минуты не поколебалась открыть по всей линіи походъ противъ Лассаля. Началась травля, какой еще не видѣла Германія, и буржуазная печать съ большимъ успѣхомъ доказала, что она способна еще превзойти тотъ недостойный способъ борьбы, которымъ доносчики феодальной прессы всего 10 годами раньше преслѣдовали ея собственныхъ героевъ.

Сравнительно наиболѣе приличнымъ и достойнымъ образомъ свелъ свои счеты съ Лассалемъ Шульце-Деличъ, какъ ни былъ правъ Лассаль, когда говорилъ о „жалкомъ отвѣтѣ“ Шульце. На рыцарское возраженіе Лассаля Шульце отвѣтилъ весьма не по рыцарски: онъ осыпалъ бранью „ярмарочнаго шарлатана“ съ его „хвастливыми рѣчами“ и „чудодѣйственными пилюлями“ и въ своемъ самомнѣніи заявлялъ, что нужно обладать „всей дерзостью и всѣмъ полузнаніемъ г-на Лассаля“, чтобы утверждать, будто всѣ авторитеты экономической науки признали желѣзный законъ заработной платы. Но Шульце допускалъ еще милостиво возможность, что Лассаль служитъ реакціи безсознательнымъ орудіемъ, и правильно передавалъ воззрѣнія Лассаля въ томъ, по крайней мѣрѣ, пунктѣ, что рабочій классъ долженъ завоевать политическую власть, раньше чѣмъ станутъ возможными великія соціальныя реформы. Это не мѣшало ему, конечно, дѣлать видъ, будто Лассаль хочетъ, чтобы рабочіе очертя голову бросились въ производительныя ассоціаціи при содѣйствіи государственнаго кредита и погубили свое достоинство мужей унизительнымъ государственнымъ рабствомъ. Возможно, что Шульце, у котораго въ концѣ-концовъ уши не росли вѣдь выше лба, не извращалъ при этомъ намѣренно; во всякомъ случаѣ онъ вслѣдствіе грубаго недоразумѣнія обломилъ остріе своей полемики именно тамъ, гдѣ она скорѣе всего могла бы нанести рану противнику. Онъ правильнѣе

Лассаля оцѣнилъ практическія трудности, которыя при тогдашнемъ уровнѣ развитія германскаго рабочаго класса стояли на пути его кооперативной организаціи, и этимъ пунктомъ ему слѣдовало ограничиться, если онъ вообще хотѣлъ что-нибудь доказать. Но принципіальное утвержденіе Шульце, что мелкобуржуазное гешефтмахерство индивидуальныхъ рабочихъ болѣе пригодно для воспитанія рабочаго класса, нежели его выступленіе въ активной политической роли, было по просту комично. Оно не становилось серьезнымъ и отъ того, что Шульце дѣлалъ видъ, будто Лассаль совѣтуетъ рабочимъ положить руки въ карманы и лишь отъ времени до времени опускать взносы въ избирательную кассу и избирательные бюллетени въ урну, послѣ чего жареные рябчики сами полетятъ имъ въ ротъ.

Подобнымъ же образомъ Шульце притупилъ собственное оружіе въ своихъ нападкахъ на производительныя ассоціаціи при содѣйствіи государственнаго кредита. Какъ практическій знатокъ капиталистическаго общества онъ видѣлъ, что на почвѣ этого общества такого рода ассоціаціи должны подпасть законамъ конкурренціи, что онѣ будутъ нести рискъ непланомѣрнаго способа производства и, слѣдовательно, предполагаютъ въ своихъ членахъ такія качества, которыя можно найти скорѣе у продувныхъ биржевиковъ, чѣмъ у революціонныхъ пролетаріевъ. Но Шульце не могъ, конечно, признать ошибку Лассаля въ томъ, что онъ недостаточно глубоко захватилъ корень зла, и вотъ онъ напалъ на блестящую мысль—объявить капиталистическій рискъ верхомъ человѣческой свободы и человѣческаго благополучія. Онъ говорилъ: такъ какъ государство сниметъ всякій рискъ съ производительныхъ ассоціацій, предлагаемыхъ Лассалемъ, то онѣ должны привести къ полной деморализаціи рабочихъ, входящихъ въ ихъ составъ, и къ полному упадку всего производства хозяйственныхъ благъ. Измѣняя своему лучшему прошлому, Шульце заявилъ, что „наука не знаетъ такой вещи, какъ предпринимательская прибыль“. То, что принято называть этимъ терминомъ, есть, во-первыхъ, вознагражденіе предпринимателя за его трудъ и, во-вторыхъ, премія за рискъ. Предприниматель—есть тотъ рабочій, который исполняетъ наибольшій и самый тяжелый трудъ и потому долженъ также получать болѣе высокое вознагражденіе; съ другой стороны, ему принадлежитъ право на премію за то, что онъ помѣщаетъ свой капиталъ, плодъ прежняго труда, въ новое предпріятіе съ рискомъ потерять его. Этой возвышенной мыслью

„король въ соціальномъ царствѣ“ побилъ соціальнаго „шарлатана“ Лассаля.

Столь же возвышенна была полемика Шульце противъ политической программы Лассаля. Лучше чѣмъ кому-либо, ему было извѣстно, насколько прогрессистская партія и „Національный союзъ“ сейчасъ передъ этимъ третировали рабочихъ, какъ политическихъ илотовъ, а теперь онъ осмѣливался говорить, что Лассаль своей критикой прогрессистской партіи оскорбляетъ рабочихъ, представляющихъ собою „не придатокъ, а большую и существенную часть“ этой партіи. Далѣе онъ указывалъ, однако, на то, что самостоятельныя движенія пролетаріата въ 1848 г. „основательно или безъ основанія“ толкнули въ лагерь реакціи „имущіе и образованные классы“. Этотъ прелестный аргументъ былъ въ то время вообще главнымъ политическимъ козыремъ прогрессистской партіи противъ Лассаля, — подносился ли онъ какъ болѣе или менѣе аллегорическая угроза, или какъ слезливая іереміада. Такъ, Росмеслеръ плакался: „Теперь прусская буржуазія поставлена, наконецъ, на ноги противъ короны и юнкерства, но стоитъ рабочимъ начать самостоятельную политику, и буржуазія тотчасъ же упадетъ опять“. Добряки подтверждали, такимъ образомъ, то, что Лассаль писалъ Леви при опубликованіи „Открытаго письма“: „Повѣрьте мнѣ, я самымъ тщательнымъ образомъ изучилъ здѣсь прогрессистскую партію, ея первое и главное правило: только никакой революціи снизу, лучше ужъ деспотизмъ сверху!“. Въ этомъ отношеніи обѣ стороны были согласны. Вопросъ заключался лишь въ одномъ: для того ли Германія,—какъ выразился Лассаль въ одной изъ своихъ судебныхъ рѣчей, — билась десятилѣтіями въ тяжелыхъ судорогахъ, чтобы господа фонъ-Унру и фонъ-Финке могли перебраниваться съ королемъ и министрами и воображать, что они важныя персоны? Этотъ вопросъ столь же рѣшительно разрѣшался Лассалемъ въ отрицательномъ смыслѣ, какъ буржуазія отвѣчала на него утвердительно.

Послѣ такихъ подвиговъ Шульце читателю могутъ показаться странными сказанныя выше слова, что среди противниковъ Лассаля онъ еще выдѣлялся приличіемъ и сдержанностью. А между тѣмъ это такъ. Прогрессистскія газеты объявили Лассаля никому неизвѣстной бездарностью,—человѣкомъ, не умѣющимъ разбирать статистическихъ данныхъ, желающимъ „въ вывернутыхъ на изнанку штанахъ“ портного Вейтлинга подогрѣть соціальныя ма-

стерскія Луи Блана, потерпѣвшія уже крушеніе въ 1848 г.,—человѣкомъ, пережевывающимъ гнилой и давно опровергнутый законъ заработной платы Рикардо и не имѣющимъ представленія о политической экономіи. Или же онѣ расправлялись съ нимъ еще короче, называя его ренегатомъ, перебѣжчикомъ, желающимъ предать рабочій классъ министерству Бисмарка, купленнымъ орудіемъ реакціи. Изображая „государственную помощь" Лассаля въ извращенномъ видѣ чечевичной похлебки, за которую рабочіе должны продаться коронѣ и юнкерству, онѣ пытались раздразнить противъ Лассаля и отвести такимъ путемъ отъ себя демократическій духъ современнаго пролетаріата, предъ которымъ сами онѣ испытывали священный ужасъ. Когда Лассаль говорилъ, что ежедневно изъ сотенъ помойныхъ ямъ противъ него направляются неслыханнѣйшая ложь, извращенія и низости, то его слова были лишь выраженіемъ вполнѣ справедливаго негодованія.

Къ счастью, ни Лассаль, ни члены лейпцигскаго комитета не были такими людьми, чтобы растеряться отъ этихъ нападокъ Они изо всѣхъ силъ работали противъ теченія, но при несломленномъ еще вліяніи либеральной печати на рабочихъ они съ трудомъ подвигались впередъ. Нити, которыя были брошены ими по всѣмъ направленіямъ горизонта, почти нигдѣ не зацѣпились, если не считать полудесятка городовъ, среди рабочаго населенія которыхъ „Открытое письмо" тотчасъ же произвело свое зажигательное дѣйствіе. Единственнымъ достойнымъ упоминанія успѣхомъ первыхъ недѣль было открытое письмо, съ которымъ обратился къ лейпцигскому комитету Родбертусъ. Подтверждая все, что́ было сказано Лассалемъ въ смыслѣ критики буржуазной экономіи, Родбертусъ отвергъ, однако, не только производительныя ассоціаціи при содѣйствіи государственнаго кредита, но и предостерегъ особенно настойчиво противъ того, что́ было для Лассаля рѣшающимъ, главнымъ вопросомъ: противъ политической организаціи рабочаго класса. Противъ всеобщаго избирательнаго права, какъ такового, онъ ничего не имѣлъ, но онъ не хотѣлъ признать его „необходимымъ предварительнымъ условіемъ для рѣшенія соціальнаго вопроса". Родбертусъ совѣтовалъ рабочимъ не идти окольнымъ политическимъ путемъ, а прямо составить соціальную партію, потребовать себѣ категорически лучшаго положенія въ обществѣ и обсудить въ своемъ новомъ союзѣ, какъ имъ достигнуть этого положенія. Если рабочимъ можетъ помочь только общій законъ государственной власти, то законъ этотъ дол-

женъ быть изданъ все-таки самымъ мирнымъ путемъ, съ согласія всѣхъ другихъ классовъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Родбертусъ былъ вполнѣ искрененъ, и что его совѣтъ вытекалъ изъ убѣжденій, которыя онъ исповѣдывалъ въ теченіе 20 лѣтъ. Сверхъ того, нельзя не признать мужественнымъ поступкомъ его открытое письмо, убѣдительно разоблачившее, прямо въ лицо прогрессистамъ, истинный характеръ манчестерскаго шарлатанства. Однако агитаціи Лассаля этотъ помощникъ давалъ одной рукой лишь то, что отнималъ у нея другою. Оживленная переписка, которую Лассаль и Родбертусъ вели между собою въ теченіе нѣскольких мѣсяцевъ, не сблизила ихъ ни на шагъ, несмотря на всѣ симпатіи, которыя они питали другъ къ другу. Такъ какъ Родбертусъ осторожно не выдвигалъ своей государственно-соціалистической утопіи, то Лассаль такъ и не узналъ вполнѣ, насколько глубоки противорѣчія, которыя ихъ раздѣляютъ, какъ непреодолима антипатія утописта Родбертуса къ политической классовой борьбѣ пролетаріата. Онъ долго надѣялся, что своимъ бурнымъ краснорѣчіемъ и любезностью сумѣетъ всецѣло привлечь на свою сторону „негласнаго компаньона", и съ немалой досадой оборвалъ затѣмъ сношенія, когда все его ухаживанье оказалось тщетнымъ. Но если Родбертусъ далъ, по крайней мѣрѣ, искренній и ясный съ его точки зрѣнія отзывъ, то другіе запросы лейпцигскаго комитета имѣли еще меньшій успѣхъ: Бухеръ пока совершенно отмалчивался, а Вутке отвѣтилъ въ общихъ выраженіяхъ изъявленіемъ сочувствія, свободнымъ, правда, отъ тѣхъ оговорокъ, которыя сдѣлалъ Родбертусъ, но свободнымъ также и отъ суровой критики, которой Родбертусъ подвергъ фритредерско-прогрессистскую политику.

Самъ Лассаль удовлетворилъ просьбу лейпцигскаго комитета— составить проектъ устава учреждаемаго союза и лично привезти его лейпцигскимъ рабочимъ. На большомъ собраніи, состоявшемся 16 апрѣля, онъ опровергъ возраженія, которыя были выставлены противниками противъ его „Открытаго письма". Онъ доказалъ безспорными цитатами изъ Ад. Смита, Рикардо, Стюарта Милля, Сэя, Рошера, что буржуазная экономія въ лицѣ самыхъ выдающихся своихъ представителей признала желѣзный законъ заработной платы. Онъ вскрылъ ложность утвержденія, что національныя мастерскія, устроенныя въ 1848 г. временнымъ правительствомъ французской республики съ враждебными для рабочихъ намѣреніями, были тождественны съ общественными ма-

стерскими Луи Блана или съ его собственными производительными ассоціаціями. Онъ въ пухъ и прахъ разбилъ доктрину, по которой государство не должно вмѣшиваться въ хозяйственныя отношенія, и доказалъ ея вздорность именно на англійской исторіи, которую особенно охотно приводили въ примѣръ нѣмецкіе фритредеры. Какъ разъ тогда хлопковый кризисъ, возникшій вслѣдствіе американской междоусобной войны, вызвалъ сильную нужду въ англійскихъ, также какъ въ нѣмецкихъ ткацкихъ округахъ, и Лассаль имѣлъ возможность указать на тотъ фактъ, что именно англійскіе манчестерцы оглушительно вопили о государственномъ вмѣшательствѣ съ цѣлью удержать оставшихся безъ хлѣба рабочихъ отъ эмиграціи. Цитируя Родбертуса, онъ подчеркнулъ высокій цивилизаторскій характеръ своей агитаціи, стремящейся вполнѣ мирнымъ путемъ освободить рабочихъ отъ сковывающихъ ихъ цѣпей; онъ предостерегалъ противъ ненависти и презрѣнія къ буржуазіи, которая сама является лишь безвольнымъ продуктомъ господствующихъ экономическихъ отношеній, но въ отличіе отъ Родбертуса онъ объявилъ себя радикальнымъ демократомъ: онъ нападаетъ на прогрессистскую партію только потому, что она обнаружила свою неспособность покончить съ реакціей, онъ поддерживаетъ ее, поскольку она выступаетъ противъ реакціи, онъ стремится толкать ее впередъ и заставить ее выйти изъ своего нерѣшительнаго положенія. Рѣчь имѣла полный успѣхъ, и 1.300 голосовъ противъ 7 высказались за Лассаля. Его проектъ устава былъ отпечатанъ и такъ же ревностно пущенъ въ обращеніе, какъ „Открытое письмо"; срокомъ для учредительнаго собранія новаго союза былъ намѣченъ сначала мѣсяцъ іюнь, но затѣмъ назначено 23-е мая.

Однако уже 19 апрѣля, черезъ 3 дня послѣ лейпцигскаго собранія, послѣдовалъ сильный отбой. Рабочее собраніе въ Берлинѣ высказалось противъ Лассаля. Оно было созвано прогрессистскими вождями, по увѣренію которыхъ, оспариваемому другой стороной, на немъ присутствовали 1.200 рабочихъ. Предсѣдательствовалъ наборщикъ Дитманъ, а докладывалъ о спорѣ между Лассалемъ и Шульце-Деличемъ нѣкій Гаазе, служащій Борзига. Повидимому, болѣе извѣстные представители прогрессистской партіи постыдились взять на себя лично ту роль, которую долженъ былъ выполнить въ ихъ интересахъ этотъ неизвѣстный въ прочихъ отношеніяхъ Гаазе. Онъ третировалъ Лассаля какъ глупца, объявилъ государственную помощь покушеніемъ на индивидуаль-

ную свободу и общую нравственность,—что было особенно мило со стороны служащаго борзиговскихъ заводовъ, выросшихъ благодаря самой щедрой помощи государства, — и опровергъ желѣзный законъ заработной платы негодующимъ восклицаніемъ: развѣ преданный нѣмецкій мужчина, который хочетъ жениться на преданной нѣмецкой дѣвушкѣ, станетъ заботиться о томъ, составляетъ ли его поденная плата однимъ зильбергрошеномъ больше или меньше! Затѣмъ этотъ милый передовой боецъ прогрессистской партіи сказалъ, что хотя Лассаль и оправданъ рейнскими присяжными по обвиненію въ кражѣ шкатулки, но всѣмъ извѣстно, что даже самые искусные юристы не могутъ справиться съ „господиномъ Лассалемъ"; сверхъ того еще не выяснено, насколько Лассаль былъ замѣшанъ въ судьбѣ одной женщины, которую недавно убили въ его сосѣдствѣ, чтобы ограбить у нея 25 талеровъ. Всему этому фанатизированная толпа вторила криками „ура". Правда, среди общаго шума можно было разобрать, что Эйхлера, желавшаго снова воспользоваться случаемъ для своей реабилитаціи, заставили криками сойти съ трибуны, но зато и демократа Людвига Лёве, который даже не хотѣлъ отстаивать теоріи Лассаля, а лишь защитить его личный характеръ отъ инсинуацій докладчика, публика заставила замолчать такими убѣдительными аргументами, какъ „бей его!", „вонъ его!" Когда врачъ Эйснеръ, действительный приверженецъ Лассаля, внесъ резолюцію, чтобы собраніе уклонилось пока отъ сужденія по соціальному вопросу, но высказалось, по крайней мѣрѣ, въ пользу всеобщаго избирательнаго права, то ее просто бросили подъ столъ. Такъ наз. „народный судъ" осудилъ народнаго соблазнителя Лассаля, и берлинскія газеты съ великимъ шумомъ и торжествомъ оповѣстили весь міръ объ этомъ возвышенномъ культурномъ дѣяніи.

Вся эта отвратительная комедія вывела Бухера изъ его боязливой сдержанности. Ссылаясь на нее, онъ написалъ на слѣдующій день лейпцигскому комитету, что въ виду даннаго изъ Берлина примѣра—терроризировать присутствующихъ и вводить въ обманъ отсутствующихъ—представляется вдвойнѣ необходимымъ стать открыто подъ то или иное знамя. Онъ обѣщалъ прочесть въ Лейпцигѣ докладъ, съ цѣлью доказать, что ученіе манчестерской школы, будто государство должно заботиться только о личной безопасности, предоставляя все остальное собственному теченію,—что это ученіе не выдерживаетъ критики ни съ научной,

ни съ исторической, ни съ практической точки зрѣнія. Едва это письмо появилось въ печати, какъ буржуазія затянула петлю, которую она еще раньше наложила на шею Бухера. Уже 26 апрѣля Бухеръ писалъ Лассалю, что письмо къ лейпцигскому комитету причинило ему „весьма серьезныя непріятности". Онъ вынужденъ прекратить дружескія сношенія съ Лассалемъ, такъ какъ иначе Лассаль рано или поздно втянулъ бы его въ тяжкія затрудненія или поставилъ бы его въ такое положеніе, что „ему пришлось бы самому ринуться въ непріятныя исторіи". Онъ обѣщалъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это будетъ необходимо, признать просто, что онъ устранился въ сознаніи своей слабости. Отъ лейпцигскаго комитета Бухеръ отдѣлался обѣщаніемъ дать вмѣсто доклада, гдѣ нельзя исчерпать вопроса, маленькую брошюру, которую онъ будто бы уже началъ, но которой онъ такъ и не опубликовалъ. Этимъ Бухеръ совершенно устранился отъ движенія. Впослѣдствіи онъ опять завязалъ личныя сношенія съ Лассалемъ, но, какъ это явствуетъ изъ многихъ документальныхъ доказательствъ, онъ никогда не имѣлъ больше вліянія на политическія рѣшенія Лассаля.

Съ чисто человѣческой точки зрѣнія Лассаль полагалъ, повидимому, что бо̀льшая часть вины Бухера падаетъ на мучительскіе таланты буржуазіи. Всегда преданнѣйшій другъ своихъ друзей и слишкомъ великій идеалистъ, чтобы быть хорошимъ знатокомъ людей, онъ до конца дарилъ этого слабаго человѣка большимъ личнымъ довѣріемъ, которое тотъ, къ сожалѣнію, довольно плохо оправдалъ.

---

8. Франкфуртскій съѣздъ.

На слѣдующій день послѣ берлинскаго собранія Лассаль обратился въ редакцію „*Volkszeitung*" съ письмомъ, гдѣ онъ констатировалъ, что на собраніи не дали даже сказать слова двумъ его знакомымъ, которые по его порученію должны были заявить объ его готовности разъяснить берлинскимъ рабочимъ свои предложенія, если они пригласятъ его, другими словами—если они хотятъ спокойно выслушать его. Вмѣстѣ съ тѣмъ Лассаль повторилъ свое предложеніе говорить въ Берлинѣ, если рабочіе только хотятъ слушать его, но прогрессистскіе вожди слишкомъ боялись этой опасной пробы, чтобы рискнуть на нее.

Однако то, что имъ удалось въ Берлинѣ, не удалось имъ одно-

временно во Франкфуртѣ. Того же 19 апрѣля, когда берлинское рабочее собраніе убило агитацію Лассаля для восточной Германіи, рабочій съѣздъ въ Рёдельгеймѣ долженъ былъ разрѣшить ту же задачу для западной Германіи. Правда, большинство образовательныхъ рабочихъ ферейновъ, входившихъ въ федерацію майнской области, уже высказалось противъ Лассаля, но Зоннеманъ и Максъ Виртъ считали полезнымъ, чтобы и федерація, какъ таковая, предала Лассаля анаѳемѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они внесли предложеніе, согласно которому комитетъ майнской области долженъ былъ парализовать дальнѣйшую дѣятельность лейпцигскаго комитета, осуществивъ съ этой цѣлью принятое еще въ Оффенбахѣ рѣшеніе и централизовавъ образовательные рабочіе ферейны въ прогрессистско-манчестерскомъ духѣ. Именно для этого и былъ созванъ въ Рёдельгеймѣ рабочій съѣздъ, и на него явилось довольно много народу; образовательные рабочіе ферейны Ганау, Майнца, Оффенбаха, Франкфурта, Боккенгейма, Рюссельсгейма, Дармштадта и Остгофена были представлены приблизительно 200 делегатами.

Но въ хитро придуманномъ расчетѣ оказалась дыра или даже двѣ дыры. Во-первыхъ, не всѣ предсѣдатели собравшихся въ Рёдельгеймѣ образовательныхъ рабочихъ ферейновъ плясали по дудкѣ устроителей съѣзда. Людвигъ Бюхнеръ и Теодоръ Мюллеръ, изъ которыхъ первый руководилъ дармштадтскимъ образовательнымъ ферейномъ, а второй—франкфуртскимъ, не были расположены слѣпо идти за Зоннеманомъ и Максомъ Виртомъ. Хотя оба они весьма мало сочувствовали экономисту и политическому дѣятелю Лассалю, личность котораго скорѣе отталкивала ихъ, чѣмъ привлекала, но они были слишкомъ образованы и слишкомъ честно относились къ образовательнымъ стремленіямъ рабочихъ, чтобы не осуждать травли прогрессистской партіи противъ Лассаля. Теодоръ Мюллеръ, уже два года спустя умершій отъ чахотки, не былъ боевой, а напротивъ—тихой и мягкой натурой, но въ вопросахъ чести это былъ твердый человѣкъ; онъ не далъ руководимому имъ ферейну выступить противъ Лассаля и безпощадно осудилъ жалкія махинаціи, при помощи которыхъ предполагалось покончить съ Лассалемъ. Подобнымъ же образомъ держался Людвигъ Бюхнеръ какъ докладчикъ на Рёдельгеймскомъ съѣздѣ. Металлическій звонъ лассалевскаго боевого клича отпугивалъ его, ему казалось, что разрывъ между буржуазіей и пролетаріатомъ грозитъ большой опасностью образовательнымъ стремленіямъ ра-

бочихъ, и противъ предложеній Лассаля у него былъ длинный рядъ возраженій, большею частью обнаруживавшихъ въ немъ профана. Но онъ все-таки объективно излагалъ эти предложенія, онъ предостерегалъ рабочихъ, чтобы они не давали запугивать себя словами „соціализмъ" и „коммунизмъ", и рекомендовалъ имъ очень серьезно взвѣсить „Открытое письмо": Лассаль обнаружилъ во всякомъ случаѣ горячую симпатію къ народу и заслуживаетъ тѣмъ большей признательности, что подвергъ себя въ интересахъ праваго дѣла всевозможнымъ опасностямъ и непріятностямъ. Лассаль грѣшитъ, можетъ быть, лишь въ томъ отношеніи, что хочетъ достигнуть однимъ ударомъ того, для чего требуются столѣтія, во всякомъ случаѣ десятилѣтія подготовительной работы.

Во-вторыхъ, среди собравшихся въ Рёдельгеймѣ рабочихъ господствовало весьма строптивое настроеніе противъ „Національнаго союза". Дѣло шло здѣсь объ антагонизмѣ еще болѣе рѣзкомъ, чѣмъ тотъ антагонизмъ, который вообще существовалъ между велико-нѣмецкими стремленіями южной Германіи и мало-нѣмецкой программой „Національнаго союза". Современная крупная промышленность была еще далеко не настолько развита въ майнской области, чтобы пробудить въ рабочихъ массахъ пролетарское классовое сознаніе, да и вообще самъ Франкфуртъ былъ денежнымъ, а не фабричнымъ городомъ. Однако, этотъ городъ съ самаго 1848 г. считался идеальной столицей Германіи; онъ былъ излюбленнымъ мѣстомъ для всевозможныхъ празднествъ и съѣздовъ, здѣсь энергичнѣе всего билась—по крайней мѣрѣ, громче всего шумѣла—тогдашняя политическая жизнь. Подобно тому какъ соціалистическія преданія ожили именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ рабочее движеніе достигло извѣстной высоты въ 1848 году—на Рейнѣ, въ Гамбургѣ, Лейпцигѣ, такъ и мелко-буржуазныя традиціи баденско-пфальцскаго возстанія воскресли въ юго-западной Германіи. „Національный союзъ" вообразилъ сначала, что можетъ играть съ этимъ огнемъ: на его общемъ собраніи, происходившемъ въ 1861 г. въ Гейдельбергѣ, рѣшено было основать ополченскіе ферейны, съ привлеченіемъ „надлежащихъ спеціалистовъ", и въ то же время организовать сборы для сооруженія нѣмецкаго флота, причемъ собранныя суммы предположено было передать прусскому правительству, чтобы волей или неволей привязать прусскую корону къ дѣлу германскаго единства. Храбрая буржуазія прославляла эти рѣшенія, какъ „нѣмецкую сцену въ Jeu de paume", конечно съ молчаливой оговоркой, что г-ну фонъ-Бенниг-

сену, какъ Мирабо люнебургской степи, никогда не придется подражать вызывающе смѣлому поведенію своего французскаго прообраза.

Но тутъ опять повторилась исторія съ курицей, высидѣвшей утятъ. Рѣшеніе „Національнаго союза" вызвало къ жизни среди мелкобуржуазной молодежи юго-западной Германіи значительное число стрѣлковыхъ, гимнастическихъ и ополченскихъ ферейновъ; общества эти слишкомъ много знали о „картечномъ принцѣ", чтобы вообразить себѣ, будто можно при помощи подачки на чай сдѣлать прусское правительство передовымъ борцомъ за германское единство, но они все-таки брали хорошее всюду, гдѣ находили его, и потому охотно послѣдовали совѣту „Національнаго союза"— привлекать для своего обученія и снаряженія „надлежащихъ спеціалистовъ". Такого спеціалиста они усмотрѣли въ Рюстовѣ, который сдѣлалъ имъ практическій намекъ, что ополченскіе ферейны должны прежде всего имѣть оружіе. Ополченскіе ферейны поняли разумность совѣта; настроеніе ихъ становилось все бодрѣе, и на франкфуртскомъ празднествѣ стрѣлковыхъ обществъ 1862 г. нѣкоторые изъ нихъ поклялись, что въ слѣдующемъ году они понесутъ противъ датскаго угнетателя траурное знамя „покинутаго братскаго племени". Сколько ребяческаго ни было въ этой клятвѣ, и какъ ни было ошибочно мнѣніе Рюстова, что гнилой режимъ союзнаго сейма въ Германіи можетъ и долженъ быть свергнутъ тѣми же средствами, какъ гнилой режимъ Бурбоновъ въ южной Италіи, однако это движеніе свидѣтельствовало все-таки о добромъ желаніи вырваться, наконецъ, изъ трясины пустого разглагольствованія. Нѣкоторый интересъ къ описываемому движенію обнаружилъ и Лассаль: онъ снабдилъ лѣтомъ 1862 г. рекомендательной карточкой къ Марксу капитана Швейгерта, который служилъ когда-то подъ начальствомъ Гарибальди и Рюстова и хотѣлъ теперь собрать въ Англіи деньги, чтобы пріобрѣсти нѣсколько тысячъ ружей для ополченскихъ союзовъ.

Однако то, чѣмъ ополченскіе ферейны могли заинтересовать серьезныхъ людей, поразило паническимъ ужасомъ вождей „Національнаго союза". Всѣ органы печати, находившіеся подъ ихъ начальствомъ, получили приказъ открыть кампанію противъ попытокъ „незрѣлой" молодежи заниматься политикой въ стрѣлковыхъ, гимнастическихъ и ополченскихъ Обществахъ; дозволительными для нея могли быть только физическія упражненія и еще, пожалуй, безсмысленное бражничанье, которымъ доводитъ себя до

отупѣнія „образованное юношество" высшихъ учебныхъ заведеній. До открытаго разрыва дѣло дошло на съѣздѣ делегатовъ отъ ополченскихъ союзовъ, происходившемъ осенью 1862 г. въ Гейдельбергѣ; на съѣздѣ присутствовалъ Рюстовъ и нѣкоторые изъ заправилъ „Національнаго союза". Рюстовъ предложилъ, чтобы деньги, собранныя на сооруженіе германскаго военнаго флота, были употреблены для пріобрѣтенія оружія; выдать ихъ прусскому правительству, это—„измѣна разуму". Присутствовавшіе государственные мужи „Національнаго союза" потребовали, чтобы „оскорбительныя" слова были взяты обратно, и когда Рюстовъ отказался сдѣлать это, они поспѣшно покинули съѣздъ. Тотчасъ вслѣдъ за этимъ „Національный союзъ" на своемъ общемъ собраніи въ Кобургѣ выразилъ платоническое сочувствіе патріотическимъ стремленіямъ стрѣлковыхъ, гимнастическихъ и ополченскихъ Обществъ, но отклонилъ „всѣ болѣе крайнія предложенія" съ той осторожностью, которая всегда была для него лучшей долей храбрости.

Этотъ и подобные ему инциденты создали среди „незрѣлой молодежи" юго-западной Германіи настроеніе, весьма явственно выразившееся на рабочемъ съѣздѣ въ Рёдельгеймѣ. Докладъ Бюхнера имѣлъ большой успѣхъ, и когда затѣмъ Зонneманъ, Максъ Виртъ и другіе бойцы „Національнаго союза" начали громить Лассаля, то рабочіе очень хладнокровно заявили, что захватить себя врасплохъ они ни въ какомъ случаѣ не позволятъ. Столяръ Гейманъ изъ Франкфурта сказалъ, что этимъ господамъ слѣдовало бы быть сдержанными въ выраженіяхъ: какими бы умницами они себя ни считали, все-таки они могутъ еще многому научиться у Лассаля; часовщикъ Шепплеръ изъ Майнца прибавилъ, что у Лассаля есть, по крайней мѣрѣ, одна заслуга: онъ встряхнулъ нѣмцевъ изъ мечтательнаго опьяненія, въ которое погружалъ ихъ „Національный союзъ". Послѣдовавшіе затѣмъ рѣзкіе дебаты показали режиссерамъ задуманнаго народнаго суда, что на этотъ разъ они слишкомъ рано подняли занавѣсъ. Они поспѣшили поэтому изобразить „пріятную мину при скверной игрѣ". Зонneманъ взялъ назадъ свои предложенія, направленныя къ уничтоженію Лассаля, и спросилъ съ хорошо разыграннымъ негодованіемъ, можно ли предполагать, чтобы у такихъ безупречныхъ людей, какъ онъ и ему подобные, было желаніе захватить кого-либо врасплохъ? Не рѣшая этого щекотливаго вопроса, рабочій съѣздъ постановилъ пригласить Лассаля и Шульце-Делича на новый ра-

бочій съѣздъ, который рѣшено было созвать на 17 мая въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ.

Шульце отклонилъ предложеніе подъ предлогомъ парламентскихъ занятій, — врядъ ли потому, что считалъ нестоющимъ дѣломъ диспутировать съ Лассалемъ, а гораздо вѣроятнѣе потому, что съ полнымъ основаніемъ боялся слишкомъ близко подойти къ шпагѣ Лассаля. Напротивъ, Лассаль тотчасъ же согласился, хотя всѣ его друзья не совѣтовали ему принимать поединокъ на почвѣ, гдѣ всѣ условія были заранѣе противъ него. Лассаль охватилъ вѣрнымъ взглядомъ все положеніе вещей: ему хорошо извѣстно,— писалъ онъ Родбертусу,— что подобные ораторскіе турниры ничего не рѣшаютъ, но въ виду того способа, какимъ эксплуатируется противъ него берлинская комедія съ рабочими, ему нужно что-нибудь громкое. Онъ хочетъ снова тряхнуть своей старой революціонной гривой и поставить все на карту, чтобы побѣдить. Неблагопріятныя условія почвы возвысятъ тріумфъ, а въ случаѣ пораженія смягчатъ его обидный характеръ.

Въ числѣ основаній, побудившихъ Лассаля принять приглашеніе, не послѣднюю роль играло то обстоятельство, что полу-поворотъ въ его пользу, происшедшій въ Рёдельгеймѣ, былъ вызванъ не столько экономическими, сколько политическими мотивами. Изъ всѣхъ прогрессистскихъ клеветъ Лассалю всего больше вредила у рабочихъ сплетня, будто у него на умѣ какіе-то реакціонные замыслы. Она становилась тѣмъ опаснѣе, что реакціонная печать начала теперь обнаруживать весьма подозрительный интересъ къ агитаціи Лассаля. Поединокъ, въ которомъ демократическіе рабочіе майнской области присудили бы ему побѣдный призъ, могъ дать могучій толчокъ затихавшему движенію.

Но и помимо того Лассалю нуженъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ какой-нибудь громкій успѣхъ. Его рѣчи о конституціи, „Открытое письмо“, лейпцигская рѣчь, судебныя рѣчи въ процессахъ по поводу „Программы работниковъ“ содержали изобиліе самаго поучительнаго и захватывающаго агитаціоннаго матеріала; самое незначительное изъ этихъ заявленій открывало возможность глубже заглянуть въ сущность общества и государства, чѣмъ вся мудрость прогрессистской партіи. Однако, какъ мастерски ни умѣлъ Лассаль излагать въ удобопонятной формѣ труднѣйшіе вопросы, его памфлетная и ораторская борьба была все-таки борьбою тяжело вооруженнаго воина съ несмѣтными полчищами легковооруженныхъ башибузуковъ, ежедневно возобновлявшихъ свои атаки противъ

него. При всей неистощимой работоспособности Лассаля его пушечные удары гремѣли лишь черезъ порядочные промежутки времени и такимъ образомъ замирали среди непрерывнаго треска ружейной стрѣльбы, которую ежедневно направляла противъ него прогрессистская печать.

Для такой партизанской войны Лассаль не былъ вооруженъ. Въ одномъ или двухъ случаяхъ ему удалось заставить печать враждебнаго лагеря помѣстить у себя возраженія на ея нападки: такъ, въ „*Vossische Zeitung*" онъ пригвоздилъ стараго Рау къ тѣмъ „если" и „но", которыми этотъ профессорскій авторитетъ хотѣлъ оспорить желѣзный законъ заработной платы, въ дѣйствительности только подкрѣпляя его. Единственной либеральной газетой, съ нѣкоторой готовностью помѣщавшей присылки Лассаля, была „*Deutsche Allgemeine Zeitung*" въ Лейпцигѣ, у издателя которой (Брокгауза) вышла „Система пріобрѣтенныхъ правъ". Лассаль воспользовался этой аудиторіей,—открытой для него не изъ политическихъ симпатій, а въ видѣ личнаго одолженія, и потому весьма недостаточной,—чтобы установить документальную истину относительно французскихъ національныхъ мастерскихъ 1848 г., которыя по грубому невѣжеству или въ цѣляхъ вѣроломнаго извращенія фактовъ подносились ему безпрерывно, какъ устрашающій прототипъ его производительныхъ ассоціацій при содѣйствіи государственнаго кредита. Кромѣ названной газеты въ распоряженіи Лассаля было только нѣсколько мелкихъ и мало распространенныхъ мѣстныхъ листковъ, либо находившихся при послѣднемъ издыханіи, какъ „*Nordstern*" въ Гамбургѣ, „*Zeitgeist*" въ Лейпцигѣ и „*Fränkische Volkszeitung*" въ Нюрнбергѣ, либо старавшихся продлить свое жалкое существованіе путемъ полу-дружественнаго отношенія къ рабочимъ, какъ „*Volksfreund*" во Франкфуртѣ, „*Schwäbische Volkszeitung*" въ Штутгартѣ и „*Gradaus*" въ Эслингенѣ. Съ такими слабыми публицистическими вспомогательными средствами въ рукахъ нельзя было одолѣть либеральную газетную банду, очень мало сокрушавшуюся, если Лассаль казнилъ морально одного, другого изъ ея среды. Буржуазія никогда не испытываетъ недостатка въ наемныхъ писакахъ, охотно жертвующихъ своей легковѣсной честью за тяжеловѣсное золото. Тѣмъ большее значеніе Лассаль долженъ былъ придавать завоеванію рѣшительнаго успѣха въ самомъ лагерѣ противниковъ,—успѣха, который нельзя было бы тогда скрыть никакой ложью.

Такимъ образомъ Бюхнеръ могъ безъ особаго преувеличенія

сказать, что глаза половины Германіи обращены на рабочій съѣздъ, открывшійся 17 мая во Франкфуртѣ. Комитетъ майнской области принялъ всѣ мѣры, чтобы заранѣе обезпечить пораженіе Лассаля. Франкфуртскій образовательный рабочій ферейнъ становился все болѣе несговорчивымъ; его предсѣдатель не давалъ себя приручить, а среди членовъ агитировалъ за Лассаля печатно и устно Бернгардъ Беккеръ, политическій эмигрантъ 1848 г., только что вернувшійся назадъ изъ Англіи. Поэтому въ противовѣсъ имъ были наскоро образованы нѣсколько новыхъ ферейновъ изъ зависимыхъ рабочихъ, которыхъ въ рѣшительный день подогрѣли обильнымъ возліяніемъ для борьбы за святое дѣло капитала. Въ нижнее помѣщеніе зала, гдѣ должно было происходить засѣданіе, допускались только члены образовательныхъ рабочихъ ферейновъ, въ значительной своей части уже подававшіе раньше голосъ противъ Лассаля; затѣмъ одинъ изъ сотрудниковъ Зоннемана заботился, въ качествѣ официальнаго распорядителя, о томъ, чтобы среди овецъ не затесались какія-нибудь козлища. Всѣ рабочіе, не принадлежавшіе ни къ какому ферейну, должны были отправиться на галерею, безъ права подавать голосъ, но съ обязанностью заплатить по 6 крейцеровъ съ человѣка для покрытія расходовъ по съѣзду. Затѣмъ 15 человѣкъ „уже заранѣе", какъ говоритъ Бюхнеръ, внесли свои фамиліи въ списокъ ораторовъ, для того, чтобы тотчасъ по окончаніи рѣчи Лассаля стереть его въ порошокъ при помощи испытанныхъ тирадъ прогрессистской партіи. Формально комитетъ майнской области имѣлъ, конечно, право устроить созванное имъ собраніе такъ, какъ ему было угодно, но по существу дѣла Лассаль былъ правъ, когда сказалъ, что болѣе нелояльное употребленіе изъ своего формальнаго права Зонеманъ и Виртъ съ ихъ присными врядъ ли могли сдѣлать.

Разумѣется, такъ легко Лассаля нельзя было оставить въ дуракахъ. Онъ принялъ предохранительныя мѣры, поскольку считалъ это необходимымъ, и взялъ съ Бюхнера обѣщаніе, что ему дадутъ говорить сколько угодно, не прерывая его. На слово Бюхнера онъ могъ положиться, а больше и не нужно было ему, вѣрившему въ правоту своего дѣла и свою счастливую звѣзду. Его большая рѣчь была отлично принаровлена къ случаю. Бѣдная новыми мыслями, представляя въ значительной своей части лишь дальнѣйшее разъясненіе и обоснованіе того, что Лассаль уже сказалъ въ своемъ „Открытомъ письмѣ" и въ лейпцигской рѣчи, она была богата мѣткими оборотами, которые должны были привлечь на сторону

оратора введенныхъ въ заблужденіе слушателей и обезоружить его хитрыхъ враговъ.

Съ самаго же начала Лассаль смутилъ собраніе доказательствомъ, что Максъ Виртъ, ругавшій въ теченіе многихъ недѣль желѣзный законъ заработной платы, какъ недостойное орудіе обмана, — что этотъ господинъ самъ провозгласилъ его неопровержимой истиной въ „научномъ", такъ сказать, трудѣ. „Вы видите, господа,— сказалъ Лассаль,— наемный рабочій составляетъ для меня нѣчто весьма почтенное, но наемный писака — это совсѣмъ другого рода дѣло". Съ ѣдкимъ сарказмомъ Лассаль прибавилъ, что онъ не читалъ сочиненія Макса Вирта, а съ досадой бросилъ его въ сторону, когда, начавъ перелистывать только-что вышедшую книгу, сразу разглядѣлъ „безтолковаго компилятора". Но одинъ изъ его друзей обратилъ его вниманіе на то мѣсто, гдѣ Максъ Виртъ признаетъ желѣзный законъ заработной платы. Этотъ другъ былъ Родбертусъ, которому Лассаль высказалъ такимъ образомъ свою благодарность въ формѣ, тѣмъ больше унизившей несчастнаго Макса Вирта. Тщетно закулисные дѣятели комитета пытались отомстить за присутствовавшаго тутъ же соратника шумными криками: „довольно!" Изъ среды собранія поднялся энергичный протестъ противъ скандалистовъ: оно хотѣло слушать дальше интереснаго оратора.

Затѣмъ Лассаль перешелъ къ защитѣ статистическихъ цифръ „Открытаго письма", противъ которыхъ поднялось „море сомнѣній и буря негодованія", такъ какъ предъ неимущими классами хотятъ замолчать ихъ численность, чтобы замолчать предъ ними ихъ силу. Въ особенности отъ Лассаля досталось нѣкоему Вакернагелю, мелкому литератору изъ Эльберфельда, не давшему ни раньше, ни впослѣдствіи ничего цѣннаго, но котораго превозносили тогда, какъ великое свѣтило статистики, на томъ основаніи, что онъ попытался опровергнуть цифры Лассаля, выставивъ противъ нихъ нѣсколько возраженій, правильныхъ больше по формѣ, чѣмъ по существу, и прибѣгнувъ сверхъ того къ беззастѣнчивому прикрашиванію дѣйствительности. Лассаль доказалъ затѣмъ при помощи другихъ, болѣе точныхъ данныхъ офиціальной статистики, что въ существенныхъ чертахъ дѣло остается при томъ результатѣ, который онъ установилъ въ „Открытомъ письмѣ". При помощи ужасающихъ цифръ смертности среди пролетаріата Лассаль освѣтилъ возраженіе Бюхнера, что непонятно, какъ половина населенія Пруссіи не вымерла давно отъ голода, если цифры офиціальной

статистики дѣйствительно правильны. Тутъ Лассаль прибавилъ со вздохомъ: „Вы, нѣмецкіе рабочіе, удивительные люди! Если бы я имѣлъ дѣло съ французскими и англійскими рабочими, то имъ пришлось бы объяснять, какъ можно пособить ихъ печальному положенію, вамъ же нужно еще раньше доказывать, что вы находитесь въ печальномъ положеніи. Покуда у васъ есть еще кусокъ дрянной колбасы и стаканъ пива, вы совершенно не замѣчаете этого и не знаете даже, что вамъ чего-то недостаетъ. Все это происходитъ, однако, отъ вашей проклятой нетребовательности". Далѣе Лассаль при ничѣмъ уже не нарушаемомъ одобреніи собранія развилъ мысль, что отсутствіе потребностей есть добродѣтель для индійскаго столпника и христіанскаго монаха, но не для историка и политико-эконома, которые видятъ въ ростѣ потребностей всякаго народа стимулъ его развитія и культуры.

На принципѣ государственной помощи Лассаль остановился такъ же подробно, какъ въ Лейпцигѣ, приведя еще болѣе детальныя и разительныя свидѣтельства духовной нищеты, изъ которой вытекали общія мѣста манчестерцевъ. На вопросъ, откуда государство возьметъ капиталъ или кредитъ для производительныхъ ассоціацій рабочихъ, Лассаль отвѣтилъ, что для этого не понадобились бы „тысячи милліоновъ", какъ утверждаетъ Шульце: на первое время было бы за глаза довольно и ста милліоновъ талеровъ, при помоши которыхъ могли бы объединиться въ ассоціаціи 400,000 рабочихъ. Онъ прямо оговорилъ, что даетъ эту цифру только какъ примѣръ; это не помѣшало, конечно, противникамъ Лассаля злоупотреблять съ тѣхъ поръ приведенной имъ примѣрной цифрой, чтобы сдѣлать смѣшной самую идею. Одинъ многообѣщающій юноша, который тогда еще только выступилъ на литературное поприще въ качествѣ вѣрнаго прислужника капитала (имя его было Евгеній Рихтеръ), вскорѣ послѣ того писалъ какъ переряженный рабочій: „Такимъ образомъ каждый изъ 400,000 рабочихъ, которыхъ отыщутъ себѣ будущіе министры, получитъ со временемъ изъ этихъ 100 милліоновъ талеровъ взаймы подъ проценты 200 талеровъ, съ которыми онъ долженъ будетъ работать въ производительной ассоціаціи подъ полицейскимъ надзоромъ? Больше ничего? Благодарю покорно!" Мнимый рабочій высчитывалъ, что онъ можетъ скопить себѣ эти 200 талеровъ въ шульцевскомъ потребительномъ Обществѣ за 7 лѣтъ и 4 мѣсяца, и тогда они будутъ принадлежать ему въ полную собственность, между тѣмъ какъ въ качествѣ государственной помощи

ему придется брать ихъ взаймы у соціалъ-демократическаго министра, и то если у него есть удача и добрыя тетушки. „И ради этого жертвовать еще своей свободой и работать подъ полицейскимъ надзоромъ? Нѣтъ, это слишкомъ глупо!" Полемика Рихтера противъ Лассаля была, безъ сомнѣнія, черезчуръ глупа; если бы спорщики при всей своей безсовѣстности имѣли хоть каплю ума, то они полемизировали бы скорѣе противъ кредитной операціи Лассаля, страдавшей такимъ же недостаткомъ, какъ его производительная ассоціація вообще: тѣмъ, что она хотѣла призвать къ жизни новое общество, словно новую желѣзную дорогу, при помощи государственныхъ займовъ. Но на несчастье этихъ геніальныхъ мыслителей они были трижды неправы даже тогда, когда Лассаль бывалъ разъ неправъ, и потому ему легко было побѣдоносно разбить ихъ безсмысленный бредъ насчетъ невозможности пособить рабочему классу при помощи государства. „Представьте себѣ все дѣло, для примѣра, въ грубомъ и невѣрномъ видѣ,— сказалъ онъ: представьте себѣ, что государство вынуждено положить на столъ эти 100 милліоновъ талеровъ. Но вѣдь не было еще, господа, такой войны, которая не стоила бы вдвое больше этой суммы, а изъ-за чего только не вели войнъ? Въ прошломъ столѣтіи ихъ вели за каждую фаворитку, въ настоящемъ вѣкѣ ихъ ведутъ еще за всякую завоевательную манію государей или за какой-нибудь ограниченный интересъ буржуазіи въ сбытѣ товаровъ. Война, которую Англія вела въ 40-хъ гг. съ Китаемъ, обошлась навѣрно по меньшей мѣрѣ вдвое больше 100 милліоновъ талеровъ, а между тѣмъ она велась только для того, чтобы заставить китайцевъ употреблять опіумъ, слѣдовательно— ради совершенно спеціальнаго интереса буржуазіи въ рынкѣ для сбыта. Такимъ образомъ для всего на свѣтѣ эти сто милліоновъ имѣлись даже въ двойномъ количествѣ, для всякаго ограниченнаго рыночнаго интереса имущаго класса, какъ и для всякой прихоти государей, и только когда дѣло идетъ о спасеніи человѣчества, вдругъ нельзя достать этихъ денегъ?"

Лассаль дошелъ до этого мѣста при все усиливающихся знакахъ одобренія со стороны аудиторіи, и противники его поняли, что дальнѣйшее промедленіе грозитъ имъ величайшей опасностью. Собраніе все болѣе воодушевлялось въ пользу Лассаля, и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезала надежда, что послѣ его рѣчи, длившейся уже 4 часа, удастся еще говорить другимъ ораторамъ. Правда, Лассаль выразилъ готовность выступить въ такомъ случаѣ въ новомъ

собраніи и отвѣчать тамъ своимъ противникамъ, но они не безъ основанія могли опасаться, что именно тогда и останутся въ накладѣ, если рѣчь Лассаля безпрепятственно произведетъ свое дѣйствіе. Поэтому они устроили скандалъ, заставившій Лассаля оборвать свою рѣчь. Послѣ краткихъ переговоровъ съ ораторомъ Гейманъ заявилъ съ трибуны, что Лассаль двумя днями позже закончитъ свою рѣчь въ залѣ образовательнаго рабочаго ферейна.

На слѣдующій день органы франкфуртской буржуазіи утверждали, что „преобладающая масса" рабочихъ покинула залъ съ кликами „hoch!" въ честь Шульце-Делича, но при этомъ они забыли принять въ расчетъ честнаго Теодора Мюллера, опубликовавшаго заявленіе, гдѣ были раскрыты „нѣкоторыя цифровыя неправды". Мюллеръ писалъ, что комитетъ майнской области внесъ въ протоколъ 1.300 членовъ образовательныхъ рабочихъ ферейновъ, между тѣмъ какъ по точному подсчету ихъ присутствовало въ собраніи только 527. Изъ этого числа при закрытіи собранія въ залѣ находились еще человѣкъ 250—300, и съ кликами „hoch!" въ честь Шульце вышло не болѣе 60-ти чел. Лассаль имѣлъ полное право писать Родбертусу, чтобы тотъ не смущался невѣрными отчетами либеральной печати, въ нихъ нѣтъ ни слова правды. Собраніе было, напротивъ, рѣшительной побѣдой для него, которая получитъ скоро свое завершеніе, если только интриги противниковъ не будутъ имѣть успѣха, превосходящаго всякія вѣроятныя границы.

Дѣйствительно, второе собраніе, состоявшееся 19 мая, высказалось въ пользу Лассаля 400 голосовъ противъ 40. Въ остальной части своей рѣчи Лассаль остановился главнымъ образомъ на политической сторонѣ вопроса, и довольно правдоподобенъ разсказъ одного очевидца, что успѣхъ обезпечили ему франкфуртскіе члены гимнастическаго Общества, руководившіеся не столько пролетарскимъ классовымъ сознаніемъ, сколько юношескимъ энтузіазмомъ. Въ пламенныхъ выраженіяхъ Лассаль развилъ ту мысль, что именно политическая сторона поднятаго имъ движенія должна заставить рабочихъ съ ликованіемъ встрѣтить послѣднее. „Если вы не демократы,—для чего я разговариваю съ вами? У меня нѣтъ ни охоты, ни призванія обращаться съ рѣчью къ другимъ слушателямъ, кромѣ демократовъ!" Прогрессистское филистерское движеніе не можетъ дать никакихъ результатовъ, хотя бы ихъ стали ждать цѣлыя столѣтія, цѣлые геологическіе періоды.

Съ тѣхъ поръ какъ правительства были достаточно хитры, чтобы удовлетворить матеріальные интересы буржуазіи, этотъ классъ нельзя больше двинуть въ огонь за политическую свободу. За спиною реакціи стоятъ классы, одаренные величайшей энергіей, защищающіе ее когтями и зубами; за политической свободой не стоитъ ни одинъ классъ, не стоитъ никто, кромѣ кучки идеологовъ и людей чувства. Величайшій интересъ политической свободы заключается въ томъ, чтобы позади нея былъ поставленъ какой-нибудь классовый, соціальный интересъ, и именно интересъ неимущихъ классовъ вообще, на сторонѣ которыхъ имѣется столь неизмѣримое преобладаніе въ смыслѣ численности и силы. Кто обвиняетъ оратора въ томъ, что онъ служитъ реакціи, тотъ сознательно и гнусно лжетъ въ противоположную сторону! Не реакціи опасается отъ него либеральная буржуазія, какъ она увѣряетъ, а, наоборотъ, она боится, что изъ настоящей агитаціи разовьется въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ наисерьезнѣйшая противоположность реакціи. „Дайте мнѣ 500.000 нѣмецкихъ рабочихъ, которые вступили бы въ нашъ союзъ — и нашей реакціи нѣтъ больше!" Подъ этимъ знакомъ Лассаль побѣдилъ на франкфуртскомъ съѣздѣ.

Подъ этимъ же знакомъ онъ побѣдилъ день спустя въ Майнцѣ, гдѣ собраніе изъ 700 рабочихъ высказалось единогласно въ его пользу.

9. Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ.

Теперь Лассаль поспѣшилъ въ Лейпцигъ, гдѣ 23 мая 1863 г. былъ основанъ Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ. Увѣряютъ, будто Лассаль сказалъ, что не будь успѣховъ во Франкфуртѣ и Майнцѣ, онъ отступился бы отъ своего предпріятія, но, понятно, что это надо понимать cum grano salis. Не въ характерѣ Лассаля было такъ скоро опускать знамя, которое онъ разъ поднялъ; если принять во вниманіе революціонную отвагу, проникавшую все его существо, то представляется не особенно важнымъ, что̀ онъ, со свойственной ему страстной манерой и измученный борьбою, могъ сказать въ тотъ или иной моментъ объ отдѣльныхъ чувствахъ, толкавшихъ его впередъ или удерживавшихъ его,— чувствахъ, которыя не столько руководили имъ, сколько сопровождали его при рѣшающемъ дѣяніи его жизни. Лассаль и безъ франкфуртской побѣды пошелъ бы, конечно, впередъ по пути, на

который разъ ступилъ, и какъ ни поднялъ его настроенie этотъ успѣхъ, однако онъ не скрывалъ отъ себя громадныхъ трудностей, еще ожидавшихъ его впереди.

Публичное учрежденie Союза произошло въ Пантеонѣ. Представлены были 11 городовъ 12-ю делегатами: Лейпцигъ представляли Вальтейхъ, Даммеръ и Фрицше, Гамбургъ — Аудорфъ и Перль, Гарбургъ—Iоркъ, Кельнъ и Дюссельдорфъ—Леви, Эльберфельдъ, Барменъ и Золингенъ—Гильманъ, Франкфуртъ на М. — Бернгардъ Беккеръ и Гейманъ, Майнцъ—часовщикъ Шепплеръ; наконецъ, во время засѣданiя прибылъ еще сапожникъ Лессигъ изъ Лейпцига, гдѣ дѣло имѣло еще пока немногихъ приверженцевъ. Сверхъ того присутствовало еще нѣсколько сотъ лейпцигскихъ рабочихъ,—гораздо меньше, чѣмъ стекалось на происходившiя зимою рабочiя собранiя въ Одеонѣ. Буржуазныя газеты отпускали дешевыя остроты по этому поводу, такъ же, какъ по поводу выбора помѣщенiя, которое они окрестили „Пандемонiумомъ“. Сравнительно слабое участiе лейпцигскихъ рабочихъ достаточно объясняется однако тѣмъ, что засѣданiе происходило не вечеромъ, а днемъ.

Первый параграфъ устава гласилъ, что цѣль Союза—мирнымъ и законнымъ путемъ, особенно посредствомъ привлеченiя на свою сторону общественнаго мнѣнiя, добиваться установленiя всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права, какъ единственнаго средства, способнаго дать достаточное представительство соцiальныхъ интересовъ германскаго рабочаго сословiя и дѣйствительно устранить классовыя противорѣчiя въ обществѣ.

Организацiонные пункты устава представили бо̀льшiя трудности, чѣмъ провозглашенiе принципа. За нѣкоторое время до того Лассаль обсуждалъ вмѣстѣ съ Циглеромъ—объ организаторскомъ талантѣ котораго онъ былъ высокаго мнѣнiя — планъ общества страхованiя рабочихъ, и затѣмъ, когда этотъ планъ былъ оставленъ, сохранилъ все-таки для своего политическо-соцiальнаго агитацiоннаго союза основныя мысли выработаннаго Циглеромъ устава. Такъ, онъ старался не втискивать заранѣе Союза въ слишкомъ тѣсные параграфы, а, напротивъ, предоставить его руководителямъ возможно бо̀льшую свободу дѣйствiй, по крайней мѣрѣ—обезпечить предсѣдателю прочное положенiе на нѣсколько лѣтъ.

Нельзя отрицать, что совершенно независимо отъ личныхъ наклонностей Лассаля существо самого дѣла требовало возможно

болѣе диктаторскихъ полномочій для перваго президента. И въ ряду причинъ, побуждавшихъ къ этому, отнюдь не занимала главнаго мѣста необходимость считаться съ реакціонными законами о союзахъ, существовавшими почти во всѣхъ германскихъ государствахъ и запрещавшими политическимъ союзамъ вступать въ сношенія другъ съ другомъ,—хотя эта необходимость и толкала къ строгой централизаціи, такъ какъ филіальныхъ отдѣленій нельзя было основывать, а всѣ члены, независимо отъ ихъ мѣста жительства, должны были принадлежать непосредственно къ союзу, офиціальнымъ мѣстонахожденіемъ котораго былъ Лейпцигъ.

Если даже оставить въ сторонѣ указанный мотивъ, то дѣло шло не объ основаніи соціалистическаго общества для пропаганды, какимъ былъ покойный „Союзъ коммунистовъ“, а объ основаніи соціалистической партіи, которая должна была едино мыслить и наносить удары, которая имѣла своей задачей съ возможно большей быстротой бросать на арену политической борьбы прочно организованныя массы рабочаго люда. При тогдашнемъ положеніи вещей этого нельзя было достигнуть иначе, какъ путемъ диктаторскаго руководства одного человѣка, доказавшаго, что онъ лучше другихъ понимаетъ и отстаиваетъ интересы пролетаріата. Изъ людей, на привлеченіе которыхъ могло разсчитывать новое движеніе, лучшимъ матеріаломъ все еще были члены образовательныхъ рабочихъ ферейновъ, т.-е. рабочіе, которые годами привыкли къ пустѣйшей игрѣ въ союзы и которыхъ еще только нужно было воспитать для дѣйствія и борьбы. Лассаль вынужденъ былъ приноравливаться къ даннымъ условіямъ; въ настоящемъ случаѣ, какъ и въ другихъ, требовалось при данныхъ, особыхъ обстоятельствахъ удовлетворить постоянной сущности вещей, тому демократическому духу, который необходимъ всякому пролетарскому движенію, какъ легкія необходимы для дыханія. Въ томъ видѣ, какъ Лассаль организовалъ пролетарскую классовую борьбу, онъ далъ ей силу сравнительно легко и скоро разбить преходящую форму, въ которой только и возможно было организовать ее на первыхъ порахъ. Никто не сумѣлъ съ такимъ краснорѣчіемъ, какъ Лассаль, пробудить дремлющую въ современномъ пролетаріатѣ способность къ самодисциплинѣ. Если необходимость прочной организаціи вошла въ плоть и кровь нѣмецкаго рабочаго класса, если такая организація оказалась въ состояніи функціонировать въ самыя трудныя времена безъ внѣшней поддержки, то заслуга въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ прежде всего Лассалю; столь цѣн-

ное наслѣдіе безъ сомнѣнія не было слишкомъ дорого куплено временными и, въ общемъ счетѣ, весьма преходящими замѣшательствами, которыя вызвала чрезмѣрно рабская приверженность къ буквѣ лассалевскаго устава.

Уставъ этотъ содержалъ слѣдующія правила. Всякій рабочій можетъ путемъ простого заявленія сдѣлаться членомъ Союза, съ полнымъ и равнымъ правомъ голоса, и во всякое время опять выступить изъ него. Въ сомнительныхъ случаяхъ правленіе рѣшаетъ, является ли то или иное лицо рабочимъ въ смыслѣ Союза; правленіе имѣетъ также право принимать въ Союзъ не-рабочихъ или исключать неподходящихъ членовъ, причемъ за послѣдними сохраняется право апеллировать къ общему собранію. При вступленіи всякій членъ долженъ сдѣлать вступительный взносъ въ 2 зильбергрошена, а затѣмъ—по $^1/_2$ зильбергрошена въ недѣлю. Правленіе состоитъ изъ президента и 24 членовъ, въ числѣ коихъ одинъ кассиръ и одинъ платный секретарь съ годовымъ жалованьемъ въ 400 талеровъ. Выбираются они на общемъ собраніи, при чемъ президентъ выбирается абсолютнымъ большинствомъ голосовъ въ первый разъ на 5 лѣтъ, а затѣмъ на 1 годъ. Правленіе ведетъ дѣла Союза и принимаетъ рѣшенія простымъ большинствомъ, но въ нетерпящихъ отлагательства случаяхъ президентъ можетъ самъ сдѣлать необходимыя распоряженія, съ тѣмъ чтобы въ теченіе 3 мѣсяцевъ они были одобрены правленіемъ. Общее собраніе должно происходить разъ въ годъ; мѣсто и время опредѣляются президентомъ, но онъ обязанъ во всякое время созвать въ 6-недѣльный срокъ общее собраніе, если этого письменно потребуетъ большинство правленія или $^1/_4$ всѣхъ членовъ Союза. Точно такъ же президентъ назначаетъ мѣсто и время засѣданій правленія, но онъ обязанъ созвать его въ 4-недѣльный срокъ, если этого потребуетъ большинство правленія. Кассиръ обязанъ производить всѣ расходы, указываемые президентомъ, который въ свою очередь устраняется отъ всякаго контроля надъ отчетностью. Текущими дѣлами завѣдуетъ секретарь Союза. Во главѣ мѣстныхъ членскихъ кружковъ (Mitgliedschaften) стоятъ уполномоченные, назначаемые правленіемъ. Правленіе можетъ смѣщать ихъ во всякое время, президентъ же — лишь временно устранять ихъ отъ должности. Функціи уполномоченныхъ заключаются въ пріемѣ новыхъ членовъ, въ передачѣ кассѣ вступительныхъ и обыкновенныхъ взносовъ, въ представленіи отчетовъ секретарю, въ созваніи и руководствѣ публичными собраніями

мѣстныхъ членовъ Союза. Продолжительность существованія Союза опредѣлена въ 30 лѣтъ, измѣненія устава допускаются лишь послѣ трехлѣтняго существованія Союза и должны быть приняты на общемъ собраніи по меньшей мѣрѣ двумя третями голосовъ.

Ясно, какими широкими полномочіями эти правила облекали президента. Ограниченіе его власти другими 24 членами правленія не имѣло большого практическаго значенія: они были разсѣяны по всей Германіи, чѣмъ сильно уменьшалась, конечно, ихъ способность къ энергичнымъ дѣйствіямъ. Такъ, съ самаго же начала важное право назначенія уполномоченныхъ перешло, какъ нѣчто разумѣющееся само собою, отъ правленія къ президенту. Достойно замѣчанія, однако, что уже въ учредительномъ собраніи поднялась оппозиція противъ слишкомъ безграничной власти президента. Оппозиція эта обнаружилась особенно со стороны делегатовъ отъ Гамбурга и Гарбурга, не знавшихъ еще лично Лассаля. Аудорфъ предложилъ, чтобы первый выборъ президента простирался не на 5, а только на 3 года, и когда предложеніе было отклонено, Іоркъ демонстрировалъ пустой избирательной запиской противъ выбора Лассаля въ президенты, не изъ личнаго недовѣрія къ Лассалю, а раздраженный безтактнымъ замѣчаніемъ Бернгарда Беккера, что президентство долженъ получить, понятно, Лассаль.

Лассаль принялъ избраніе подъ двумя условіями: во-первыхъ, онъ требовалъ, чтобы оно было утверждено въ городахъ, представленныхъ при учрежденіи Союза, путемъ плебисцита среди членовъ Союза; во-вторыхъ, ему должны были предоставить право замѣщать себя вице-президентомъ, когда и на сколько времени онъ пожелаетъ. Кассиромъ былъ выбранъ Леви, секретаремъ — Вальтейхъ. Кромѣ нихъ въ составъ правленія вошли Даммеръ и Нидерлей въ Лейпцигѣ, Лессигъ въ Дрезденѣ, Перль и Аудорфъ въ Гамбургѣ, Іоркъ въ Гарбургѣ, торговецъ сигарами Штраусъ во Франкфуртѣ на М., Шепплеръ въ Майнцѣ, старый пріятель Лассаля наборщикъ Кихняви въ Дюссельдорфѣ, Гильманъ въ Эльберфельдѣ, наконецъ — Клингсъ и Вильмсъ, два оружейныхъ мастера въ Золингенѣ, стоявшіе одновременно во главѣ образовательнаго рабочаго ферейна и потребительнаго Общества и побудившіе оба эти союза примкнуть къ агитаціи Лассаля. Остальныя мѣста въ правленіи были оставлены вакантными для тѣхъ городовъ, которые еще примкнутъ къ Союзу; правленію было

предоставлено посредствомъ простого большинства пополнить свой составъ представителями отъ этихъ городовъ до 25 членовъ. Такимъ путемъ въ правленіе вступили еще адвокатъ Мартини въ Каукеменѣ и сапожный подмастерье Мецнеръ въ Берлинѣ.

Когда Союзъ былъ такимъ образомъ основанъ, Лассаль въ Берлинѣ и Вальтейхъ въ Лейпцигѣ стали развивать усиленную дѣятельность въ видахъ его распространенія, на первыхъ порахъ опять-таки съ весьма незначительнымъ по внѣшности успѣхомъ. Вальтейхъ разослалъ „Открытое письмо" повсюду, гдѣ представлялся хотя малѣйшій шансъ на успѣхъ, но разбросанныя полными пригоршнями сѣмена упали почти вездѣ на неблагодарную почву. Незрѣлость рабочей массы и усиленное давленіе, которое предприниматели пускали въ ходъ, чтобы удержать ее въ сторонѣ отъ агитаціи Лассаля, имѣли своимъ послѣдствіемъ большую сдержанность пролетаріата. 19 іюня Лассаль назначилъ 16 уполномоченныхъ: къ 11-ти городамъ, представленнымъ при основаніи Союза—изъ нихъ Дрезденъ насчитывалъ едва полдесятка членовъ, а Майнцъ началъ уже отпадать, — прибавилось еще 5 новыхъ: Альтена, Берлинъ, Бреславль, Гильдбургтаузенъ и Нюрнбергъ. Въ Альтенѣ и Нюрнбергѣ были только уполномоченные, но не было членовъ, точно такъ же въ Бреславлѣ, гдѣ должность уполномоченнаго взялъ на себя Нотъюнгъ, сломленный продолжительнымъ заключеніемъ въ крѣпости. Въ Гильдбургтаузенѣ было, пожалуй, около десятка членовъ, а въ Берлинѣ обнаруживали нѣкоторыя симпатіи почти одни сапожники: и членъ правленія Метцнеръ, и берлинскій уполномоченный Арндтъ были сапожниками.

Публицистическое вооруженіе Союза было также очень легковѣсное. Среди мелкихъ умирающихъ газетъ, предложившихъ свою поддержку Союзу, официальнымъ органомъ его была временно избрана „*Гамбургская Полярная Звѣзда*" („*Hamburger Nordstern*"), получившая затѣмъ отъ Лассаля денежную субсидію. Эта небольшая еженедѣльная газета находилась до тѣхъ поръ подъ духовнымъ вліяніемъ Гейнцена, Кинкеля, Блинда и другихъ эмигрантовъ, враждебныхъ соціализму; редактировалась она, притомъ очень плохо, Бруномъ—заговорщикомъ 30-хъ и 40-хъ гг., который въ свое время былъ исключенъ изъ „Союза коммунистовъ". „*Полярная Звѣзда*" не стала лучше оттого, что перешла ко Всеобщему Германскому Рабочему Союзу, и шумный оркестръ буржуазной печати совершенно заглушалъ эту тоненькую флейту, на

которой въ довершеніе всего не играли даже въ правильномъ тактѣ.

Самъ Лассаль обратилъ главное свое вниманіе на то, чтобы привлечь къ своей агитаціи возможно большее число извѣстныхъ и образованныхъ людей. Удачи въ этомъ дѣлѣ онъ имѣлъ немного и, безъ сомнѣнія, онъ нѣсколько преувеличивалъ цѣнность такихъ рекрутовъ. Еще до франкфуртскаго съѣзда онъ сдѣлалъ попытку при помощи нѣкоторыхъ натяжекъ истолковать въ пользу своихъ стремленій опубликованное въ печати письмо Губера о кризисѣ въ рабочемъ движеніи; этимъ онъ придалъ голосу Губера значеніе, обратившееся затѣмъ противъ него самого, когда Губеръ выпустилъ брошюру о рабочихъ и ихъ совѣтчикахъ, гдѣ выступилъ гораздо рѣзче противъ Лассаля, чѣмъ противъ Шульце. Полемика Губера противъ Лассаля была, впрочемъ, весьма поверхностна и обоснована отчасти съ легковѣсностью, равной только самомнѣнію, съ которымъ Губеръ разыгралъ роль третейскаго судьи между Лассалемъ и Шульце. Въ сущности онъ заслуживалъ не менѣе суроваго наказанія, чѣмъ бѣдняга Вакернагель, котораго Лассаль какъ разъ около этого времени жестоко отдѣлалъ опять за новую вылазку.

Между тѣмъ Губеру Лассаль написалъ, что, строго говоря, онъ долженъ бы отвѣтить „сурово", но Боже упаси его изъ-за причиненной ему минутной несправедливости поступить жестко съ человѣкомъ, котораго онъ столько лѣтъ и по столь многимъ сочиненіямъ уважаетъ и любитъ,—человѣкомъ, который такъ исполненъ любви и искренней благожелательности къ рабочимъ, такъ безкорыстенъ и способенъ къ самопожертвованію, какъ Губеръ. Лассаль пробовалъ столковаться съ Губеромъ и пытался доказать ему, что фантомъ соціальной монархіи — вещь великолѣпная въ теоріи, но невозможная на практикѣ; эти объясненія оберъ-офиціозъ Бисмарка Ганъ, старый школьный товарищъ Лассаля, извратилъ впослѣдствіи въ томъ смыслѣ, что Лассаль будто бы восторженно мечталъ о соціальной монархіи. Губеръ былъ слишкомъ привязанъ, однако, къ своему консервативному образу мыслей, чтобы краснорѣчіе Лассаля могло убѣдить его; но если эта привязанность была—по крайней мѣрѣ, въ своемъ родѣ—искренней, то Губеръ послѣ смерти Лассаля превзошелъ мѣру необходимаго, посвятивъ некрасивый некрологъ „катилиновской натурѣ" и „богатому выскочкѣ". Въ своихъ отношеніяхъ къ Губеру Лассаль, какъ личность, выступаетъ въ очень выгод-

номъ свѣтѣ со своей любезностью и прямотою, но въ политическомъ смыслѣ попытка отмыть добѣла христіанско-соціальнаго мавра была напраснымъ трудомъ.

Болѣе логичнымъ могло казаться ухаживаніе Лассаля за старыми демократами 1848 г., если бы только о нихъ не было сказано: „Zum Teufel ist der Spiritus, das Phlegma ist geblieben" (спиртъ ушелъ, а барда осталась). Къ тому же немногіе демократы, которыхъ Лассаль привлекъ на свою сторону, обманули его ожиданія. Присоединеніе Мартини казалось ему „чрезвычайно важнымъ фактомъ"; онъ провелъ новаго приверженца не только въ члены правленія, но и назначилъ его главнымъ уполномоченнымъ для провинціи Вост. Пруссія. Мартини остался, однако, генераломъ безъ войска. Ту же роль игралъ Гервегъ, котораго Лассаль, если и не принялъ его въ составъ правленія, то назначилъ главнымъ уполномоченнымъ для Швейцаріи. Съ великимъ трудомъ, послѣ полугода настояній Лассаль вырвалъ у Гервега союзный гимнъ, извѣстное „Bet' unb arbeit'" („Молись и работай")—не лишенное таланта, но слишкомъ рабское подражаніе извѣстному стихотворенію Шелли, не пріобрѣвшее настоящей популярности въ нѣмецкихъ рабочихъ кругахъ, несмотря на отдѣльныя, очень сильныя строфы. Нѣкоторая вина за это падаетъ, можетъ быть, на трудную для пѣнія мелодію, которую сочинилъ для стихотворенія Гервега „композиторъ будущаго" Гансъ ф.-Бюловъ, личный другъ Лассаля.

Несмотря на все это, стремленія Лассаля привлечь къ своей агитаціи образованные элементы буржуазіи имѣли одну весьма важную сторону. Когда Моисей Гессъ выступилъ въ пользу новаго движенія съ лекціей о правахъ труда и взялъ на себя обязанности уполномоченнаго для Кельна, то Лассаль писалъ: „Вотъ это-то очень хорошо и необходимо, чтобы не все говорилось мной однимъ. Иначе все движеніе приметъ въ глазахъ дураковъ образъ одного только лица". Затѣмъ, несмотря на всѣ отказы, Лассаль нашелъ вѣдь все-таки человѣка, который послѣ его внезапной смерти способенъ былъ продолжать его дѣло съ большей удачей, быть можетъ, чѣмъ онъ могъ бы продолжать его самъ. Это былъ франкфуртскій адвокатъ Жанъ-Батистъ фонъ-Швейцеръ, молодой еще человѣкъ лѣтъ 30-ти.

Швейцеръ происходилъ изъ стараго патриціанскаго рода во Франкфуртѣ на М. Онъ выросъ подъ духовнымъ вліяніемъ Шопенгауэра, но уже въ 1861 г. выпустилъ въ свѣтъ обширный

этюдъ о духѣ времени и христіанствѣ, гдѣ отрекся отъ не-исторического квіетизма Шопенгауэра и обратился къ великимъ вопросамъ историческаго развитія, пока еще не въ соціалистическомъ духѣ, но все-таки въ идеологическо-революціонномъ духѣ, скажемъ, Дантона или Робеспьера. Книга эта—юношеское произведеніе, и, какъ таковое, она въ своемъ родѣ значительна; еще неясная въ своихъ цѣляхъ и потому несвободная отъ извѣстной фразистости, она изобилуетъ, однако, мѣткими наблюденіями, свидѣтельствующими столько же объ остромъ умѣ, сколько о познаніяхъ автора. Одновременно Швейцеръ примкнулъ къ агитаціи „Національнаго союза", редактировалъ на франкфуртскомъ праздникѣ стрѣлковыхъ Обществъ 1862 г. официальную газету празднества и выдвинулся также вообще, какъ адъютантъ герцога Кобургскаго, рекламно разыгрывавшаго тогда комическую роль будущаго императора Германіи.

Уже съ этой дѣятельностью Швейцера былъ связанъ темный слухъ, что онъ растратилъ деньги празднества. Доказано это никогда не было, и этого не пытались доказать даже тогда, когда буржуазія много дала бы за то, чтобы морально убить Швейцера, если бы это представлялось сколько-нибудь возможнымъ. Мы вправѣ поэтому считать этотъ слухъ лишь отместкой за то, что Швейцеръ очень скоро отдалъ себѣ ясный отчетъ въ пустой дѣятельности „Національнаго союза". Болѣе жестокій ударъ получила его репутація, когда тотчасъ послѣ франкфуртскаго праздника стрѣлковыхъ Обществъ онъ былъ приговоренъ въ Мангеймѣ къ двухнедѣльному тюремному заключенію за склоненіе одного молодого человѣка къ безнравственному половому дѣянію. Богатое буржуазное общество исторгло его изъ своей среды, причемъ опять-таки мы вправѣ думать, что Швейцеру пришлось пострадать больше за свой демократическій образъ мыслей, чѣмъ за извращенныя половыя чувства: какъ разъ богатое буржуазное общество имѣетъ въ запасѣ много снисходительности для грѣшниковъ по этой части, если только они отличаются въ другихъ отношеніяхъ благонамѣреннымъ образомъ мыслей. Однако демократическія ополченскія и гимнастическія Общества, въ которыхъ Швейцеръ пользовался до тѣхъ поръ большимъ вліяніемъ, также не захотѣли больше имѣть съ нимъ ничего общаго, конечно — изъ болѣе идеальныхъ побужденій. Неудивительно, если франкфуртскіе рабочіе отнюдь не обрадовались Швейцеру, когда онъ

примкнулъ къ Лассалю и тотъ согласился быть воспріемникомъ соціальнаго романа Швейцера.

Лассаль ни минуты не поколебался выступить за Швейцера и противъ франкфуртскихъ рабочихъ. Откровенно высказываясь противъ Швейцера за его „прискорбное и на его, Лассаля, вкусъ непонятное увлеченіе", соглашаясь съ франкфуртскими рабочими, что половая наклонность Швейцера есть „извращеніе нормальнаго чувства", Лассаль полагалъ, однако, что она не имѣетъ ничего общаго съ вѣрностью убѣжденіямъ, честностью и политическимъ характеромъ человѣка. Греческая древность не видѣла рѣшительно ничего зазорнаго въ любви къ мальчикамъ, а вѣдь великіе греческіе мыслители также знали, что такое нравственность. Въ нежеланіи франкфуртскихъ рабочихъ имѣть политическое общеніе съ Швейцеромъ онъ видѣлъ разительное и очень досадное доказательство того, до какой степени нѣмецъ опутанъ еще филистерскими предразсудками и какъ мало онъ умѣетъ отдѣлять политическое отъ приватнаго. Лассаль не задумываясь принялъ посвященіе романа Швейцера „Люцинда или капиталъ и трудъ" и былъ въ большомъ восхищеніи, когда лѣтомъ 1863 г. вышелъ первый томъ. Безпристрастная критика не подпишется, конечно, подъ его восторженнымъ отзывомъ. Въ эстетическомъ отношеніи романъ Швейцера представляетъ собою безформенное чудовище, смѣсь причудливой романтики съ соціально-политическими разсужденіями по рабочему вопросу, обширными выдержками изъ агитаціонныхъ брошюръ Лассаля и историческими картинами изъ эпохи французской революціи. Лучшія части его, это—сатирическія описанія дѣятельности „Національнаго союза", главнымъ образомъ и вызвавшія благопріятный отзывъ Лассаля. Отдѣльные портреты, нарисованные по живымъ оригиналамъ, отлично удались: таковъ, наприм., либеральный банкиръ Итцингеръ, списанный съ Зоннемана; какъ художественное произведеніе, романъ, однако не, удался.

Тѣмъ временемъ наступила пора для лѣтняго путешествія Лассаля. 27-го іюня онъ путемъ публичнаго объявленія назначилъ Даммера вице-президентомъ и передалъ ему на время своего отсутствія руководство Союзомъ. Объявленіе возбудило насмѣшки противниковъ, и даже многіе сторонники Лассаля покачивали головой по его поводу. При всемъ томъ ошибка заключалась не столько въ самой поѣздкѣ, сколько въ формѣ дневного приказа, которымъ Лассаль возвѣщалъ „рабочимъ" о своемъ „отъѣздѣ на

воды въ Швейцарію". Здоровье Лассаля, ненадежное уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, было глубоко расшатано тяжелыми трудами и борьбой истекшаго года, и онъ нуждался въ основательномъ отдыхѣ для еще болѣе тяжелыхъ трудовъ и борьбы наступающаго года. Къ тому же Лассаль не думалъ праздно складывать руки во время предстоящаго досуга. Онъ захватилъ съ собою въ дорогу лекціи, читанныя Шульце берлинскимъ рабочимъ и выпущенныя теперь въ свѣтъ въ видѣ главы изъ катехизиса для нѣмецкихъ рабочихъ: путемъ критическаго опроверженія ихъ Лассаль хотѣлъ составить теоретическій кодексъ для своей агитаціи.

Сначала Лассаль отправился въ Швейцарію, гдѣ его ждало довольно чувствительное пораженіе. Прогрессистская партія осуществила планъ болѣе тѣснаго объединенія оставшихся ей вѣрными образовательныхъ рабочихъ ферейновъ; въ іюнѣ 1863 г. во Франкфуртѣ была учреждена Федерація нѣмецкихъ рабочихъ ферейновъ (Verband deutscher Arbeitervereine), при содѣйствіи Бебеля, Росмеслера, Евгенія Рихтера и Германа Беккера, который, подобно Бюргерсу, превратился изъ коммуниста въ безобиднаго приверженца „самопомощи". На этомъ рабочемъ съѣздѣ обнаружилось, что значительное большинство нѣмецкихъ рабочихъ ферейновъ плыветъ еще на буксирѣ у прогрессистской партіи; въ комитетъ новой Федераціи не были выбраны даже такіе люди, какъ Бебель и Росмеслеръ. Первую скрипку игралъ въ немъ Зонneманъ и Максъ Гиршъ, и „Національный союзъ" отпускалъ изъ своей кассы звонкую годовую субсидію на цѣли Федераціи. И вотъ 36 нѣмецкихъ рабочихъ ферейновъ въ Швейцаріи устроили 19 и 20 іюля „центральное празднество" въ Цюрихѣ, на которомъ должно было обсуждаться также рабочее движеніе въ Германіи. Приглашенія были посланы какъ Федераціи нѣмецкихъ рабочихъ ферейновъ, такъ и Всеобщему Германскому Рабочему Союзу. Главнымъ уполномоченнымъ послѣдняго для Швейцаріи былъ какъ разъ передъ этимъ назначенъ Гервегъ, и въ его обязанности входило представлять Союзъ на цюрихскомъ „центральномъ празднествѣ"—тѣмъ болѣе, что онъ жилъ въ Цюрихѣ. Но ни добровольно взятая на себя обязанность, ни настойчивыя просьбы Лассаля не въ силахъ были заставить этого лѣнтяя сдѣлать то, что требовалось его должностью. Въ оправданіе своего отказа онъ выставилъ какія-то мелочныя сомнѣнія и предпочелъ, чтобы дѣлу былъ нанесенъ тяжкій ущербъ, чѣмъ подвергать свою священную персону суро-

вому, если угодно, сквозняку. „Мы оба не подходящіе люди для этихъ мелкихъ скандальныхъ исторій, къ которымъ начинаетъ сводиться все рабочее дѣло",—сказалъ съ шутливой важностью его другъ Рюстовъ.

Бóльшую проворность обнаружилъ Зонneманъ, котораго послала въ Цюрихъ Федерація нѣмецкихъ рабочихъ ферейновъ. Своимъ злобнымъ докладомъ онъ сумѣлъ побудить швейцарскій рабочій съѣздъ—засѣдавшій, къ слову сказать, подъ предсѣдательствомъ окончательно высохшаго въ мумію Георга Фейна—къ рѣзкому заявленію противъ экономическихъ теорій Лассаля; это заявленіе было затѣмъ въ свою очередь злобно использовано германской буржуазной печатью противъ мнимаго реакціонера Лассаля. Съ цюрихскимъ съѣздомъ повторилась приблизительно та же исторія, что съ франкфуртскимъ: швейцарскіе рабочіе стояли еще слишкомъ далеко отъ условій крупной капиталистической промышленности, чтобы имъ могли внушить энтузіазмъ соціальныя цѣли Лассаля, но политическая оппозиція Лассаля противъ сонливости буржуазной оппозиціи возбуждала ихъ полное сочувствіе. Честный очевидецъ Ладендорфъ говоритъ, что выступленіе Зоннемана было „рѣшительно комическимъ", а комитетъ цюрихскаго „центральнаго празднества" опубликовалъ въ швейцарскихъ газетахъ заявленіе, гдѣ предположеніе Гервега, что отъ швейцарскихъ рабочихъ ферейновъ нельзя было и ожидать безпристрастнаго сужденія, отвергается столь же рѣшительно, какъ и мнимое согласіе этихъ ферейновъ съ Зоннеманомъ. Ферейны высказались только противъ экономическихъ взглядовъ Лассаля, предложеніе же въ пользу прогрессистской партіи не было даже поставлено, а не то что принято. Противниковъ Лассаля отнюдь не пощадили за то, въ чемъ они виноваты передъ нимъ; неслыханная дерзость, съ которою они стараются заглушить всякое мнѣніе, не сходящееся съ ихъ взглядами, способна только разрушить послѣдній остатокъ симпатіи даже у тѣхъ, которые по существу дѣла не приняли еще опредѣленнаго рѣшенія. Но это заявленіе не получило огласки въ Германіи, и такимъ образомъ осталось дурное впечатлѣніе, что швейцарскіе рабочіе отреклись отъ всякой солидарности съ Лассалемъ. Самъ Лассаль отнесся къ виновнику всей бѣды съ той снисходительностью, которую онъ обыкновенно обнаруживалъ по отношенію къ своимъ друзьямъ; въ сердечномъ письмѣ онъ пытается, хотя и безъ всякаго успѣха, снова встряхнуть Гервега изъ мечтательно празднаго ничего-не-дѣланія, которому тотъ предавался.

Лассаль, быть можетъ, потому отнесся легче къ этой непріятной исторіи, что въ концѣ концовъ рѣшеніе зависѣло только отъ вопроса, разовьется ли Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ въ большую силу въ самой Германіи. Еще до своего отъѣзда изъ послѣдней Лассаль писалъ Вальтейху: „Мы можемъ идти лишь при помощи большихъ массъ. Массовое движеніе съ цифрами „Національнаго союза" было бы смѣшнымъ. Мы должны, слѣдовательно, имѣть въ 7 разъ больше членовъ, чѣмъ „Національный союзъ". Иначе мы потерпѣли жалкое крушеніе". Затѣмъ онъ снова писалъ Вальтейху изъ Энгадина, въ отвѣтъ на сообщеніе, что внѣшнія дѣла идутъ отлично: „Ограниченіе лежитъ, мнѣ кажется, въ томъ, что внутри, т.-е. въ смыслѣ числа членовъ, дѣла идутъ не такъ хорошо. Вотъ что было бы хуже всего!... Если агитація не охватитъ массъ, рабочаго сословія, то она, несмотря на все, погибла. Если мы въ теченіе этого года не сумѣемъ предъявить большихъ цифръ, то мы совершенно безсильны, сколько бы идеальныхъ побѣдъ мы ни одержали еще". Такъ какъ противники преувеличивали еще успѣхи агитаціи и говорили о 10 тысячахъ членовъ, то Вальтейхъ хотѣлъ предложить уполномоченнымъ, чтобы они для публики держались этого числа, на что Лассаль возражалъ: „Если рабочіе таковы, какими вы ихъ рисуете, то мы осрамимся несмотря на всѣ мои усилія. Это не подлежитъ сомнѣнію. Мы не можемъ предлагать своимъ уполномоченнымъ говорить какую бы то ни было неправду. Мы не смѣемъ говорить о 10 тысячахъ, когда у насъ имѣется, можетъ быть, тысяча. Можно молчать по этому пункту, но лгать намъ не годится". Затѣмъ въ концѣ августа, т.-е. черезъ три мѣсяца послѣ учрежденія союза, Вальтейхъ писалъ совершенно обезкураженный Лассалю, переѣхавшему тѣмъ временемъ въ Остенде: такъ какъ Союзъ насчитываетъ всего около тысячи членовъ, то лучше распустить его или перестроить на другихъ основаніяхъ.

Эта цифра была бы вполнѣ прилична, если бы дѣло шло о соціалистическомъ обществѣ для пропаганды; „Союзъ коммунистовъ" никогда не имѣлъ такого числа членовъ. Но для политической партіи она была слишкомъ незначительна; число членовъ „Національнаго союза" не только не было превзойдено въ 7 разъ, а достигнуто едва на $^1/_{20}$-ю долю. Лассаль съ извѣстной горечью отвѣчалъ 29 августа: „Итакъ, около тысячи членовъ во всемъ нашемъ Союзѣ! Вотъ пока плоды нашей дѣятельности! Вотъ результаты того, что я исписалъ себѣ всѣ пальцы и выговорилъ всѣ легкі ! Не правда

ли, любезный Вальтейхъ, эта апатія массъ можетъ привести въ отчаяніе! Такая апатія при движеніи, происходящемъ исключительно для нихъ, исключительно въ ихъ интересѣ, и при огромныхъ въ духовномъ отношеніи агитаціонныхъ средствахъ, которыя уже затрачены и которыя у такого народа, какъ французскій, произвели бы уже гигантскіе результаты! Когда же этотъ тупой народъ стряхнетъ съ себя наконецъ свою летаргію?" Но мужества Лассаль все-таки не потерялъ. „Распустить Союзъ, говорите вы? Абсолютно невозможно! Для этого прошло еще пока слишкомъ мало времени. Не минула вѣдь, даже зима. Затѣмъ стыдъ для нашей націи и партіи былъ бы слишкомъ великъ. Вѣдь отъ стыда нельзя было бы глядѣть на свѣтъ Божій! Наконецъ, при настоящихъ политическихъ условіяхъ это было бы громадной ошибкой! Пока дѣла обстоятъ такъ, какъ сейчасъ, я не отброшу меча въ сторону. Правда, могутъ сказать, что при какой-нибудь тысячѣ членовъ этотъ мечъ—деревянный. Однако пока мечъ скрытъ въ ножнахъ, онъ благодаря своей рукояткѣ имѣетъ видъ меча, и бывали уже случаи, что даже меньшимъ удавалось запугать своихъ противниковъ. Поэтому я до ближайшей весны или лѣта не распущу Союза, будь что будетъ". Лассаль обсуждаетъ затѣмъ средства, которыми можно было бы оживить Союзъ, въ особенности—личную агитацію на Рейнѣ, и отвергаетъ мысль о капитуляціи слѣдующими словами: „Раньше я еще трижды полѣзу изъ кожи вонъ. Только не терять мужества!"

Наряду съ вѣрой въ новые способы агитаціи, въ немъ самомъ поддержалъ мужество тотъ оборотъ, который приняла нѣмецкая политика лѣтомъ 1863 года.

Глава II.

Тактическій поворотъ Лассаля.

Распря между Бисмаркомъ и прогрессистской партіей утомительно-скучно тянулась въ прусской палатѣ депутатовъ съ января до мая. Чѣмъ безплоднѣе оказывалось произнесеніе рѣчей въ парламентѣ, тѣмъ больше либеральные герои палаты пытались обмануть себя на этотъ счетъ громкими словами. Самые смирные участники готскаго собранія, какъ Гнейстъ, Симсонъ, Зибель, объявляли Бисмарка Донъ-Кихотомъ, канатнымъ плясуномъ, карикатурой истиннаго государственнаго человѣка; все это не мѣшало, конечно, реакціонному министру дѣлать все, что ему угодно, въ области внутренней и внѣшней политики. Въ концѣ концовъ палата запуталась въ спорѣ о парламентскомъ этикетѣ по поводу вопроса, подлежатъ ли министры дисциплинарной власти президента,—спорѣ, который правительство прекратило, закрывъ преждевременно палату 27-го мая.

Оппозиція организовала тогда большіе банкеты, чтобы ея геройское мужество, испытанное уже въ безбрежномъ краснорѣчіи, могло быть прославлено опять въ столь же безбрежномъ краснорѣчіи. Съ своей стороны, Бисмаркъ нанесъ тяжкій ударъ ея прессѣ, издавъ 1-го Іюня ордонансъ о печати, предоставившій административнымъ властямъ право послѣ двукратнаго предостереженія закрывать навсегда или на время тѣ прусскія газеты, которыя своимъ направленіемъ упорно подвергаютъ опасности общественное благосостояніе. Министерская инструкція разъяснила это полномочіе въ томъ смыслѣ, что газеты не вправѣ публиковать о правительственныхъ мѣропріятіяхъ никакихъ статей, гдѣ подобныя мѣропріятія изображались бы какъ незаконныя и противныя конституціи. Вообще, нападки на внутреннюю или внѣшнюю полити-

ку правительства не должны были впредь допускаться; не допускалось даже обсужденіе внѣшнихъ дѣлъ, поскольку за этимъ скрывается критика прусской политики. Въ подобныхъ случаяхъ административнымъ властямъ предписывалось дѣйствовать безъ колебаній и послабленій; дѣйствительно, шесть берлинскихъ газетъ, протестовавшихъ противъ ордонанса о печати, какъ противоконституціонной мѣры, получили тотчасъ же первое предостереженіе.

Такимъ образомъ прогрессистская партія была снова поставлена предъ альтернативой: вести ли съ самодержавно-феодальной реакціей настоящую войну, или же оставить дѣло при прежней, притворной войнѣ. Въ первомъ случаѣ шансы были для нея довольно благопріятны. Если бы она принудила своего противника серьезно осуществлять на практикѣ ордонансъ о печати, то она могла бы создать для него невыносимыя затрудненія. Трудно было представить себѣ лучшее средство вызвать огромное возбужденіе въ странѣ и двинуть въ походъ матеріальные интересы буржуазіи, переплетающіеся сотнею способовъ съ буржуазной прессой. Задушенныя сегодня газеты могли воскреснуть завтра подъ новымъ названіемъ и продолжать войну съ удвоенной силой. Бисмаркъ могъ ордонансомъ о печати нанести рану отдѣльнымъ капиталистамъ, но въ концѣ концовъ онъ неизбѣжно долженъ былъ потерпѣть пораженіе предъ капиталомъ, рѣшившимся отомстить за дерзновенное посягательство на священную собственность. Такъ какъ можно было предвидѣть, что по возобновленіи сессіи ландтага Бисмарку не удастся отстоять противо-конституціонный ордонансъ предъ протестомъ палаты депутатовъ, то являлось тѣмъ большее основаніе обратить обоюдоострое оружіе противъ груди его творца; чѣмъ упорнѣе было бы сопротивленіе ордонансу, тѣмъ меньшему риску подвергся бы капиталъ, помѣщенный въ либеральныхъ газетахъ. Все это было совершенно ясно, при томъ условіи, если прогрессистская партія хотѣла настоящей войны.

Но если конституціонный конфликтъ долженъ былъ и впредь не выходить за предѣлы парламентско-публицистической потасовки, тогда въ интересѣ прогрессистовъ было, конечно, уклониться отъ удара, направленнаго Бисмаркомъ противъ оппозиціонной печати. Тогда нужно было смириться и отказаться отъ публицистической оппозиціи, пока ландтагъ не соберется вновь и ордонансъ о печати не будетъ устраненъ палатой депутатовъ. Избравъ этотъ путь, прогрессистская партія, нѣтъ спора, дѣйство-

вала на свой ладъ послѣдовательно, только подобный путь никогда не могъ привести къ побѣдѣ. На ряду съ этимъ справедливость требуетъ признать, что она въ данномъ случаѣ не довѣряла своимъ силамъ еще съ большимъ правомъ, чѣмъ въ другихъ случаяхъ. Начиная съ извѣстной ступени своего развитія, буржуазная печать становится вообще неспособной вести до конца политическую борьбу съ отточеннымъ оружіемъ въ рукахъ. При условіяхъ развитой капиталистической конкурренціи ни одна газета не можетъ отважиться на войну, гдѣ можно получить рану, ибо она можетъ быть увѣренной, что если она будетъ ранена, то ее тотчасъ же сожрутъ ея собственные товарищи по борьбѣ. Когда нѣсколько десятилѣтій спустя „*Народная Газета*" пошла на рискъ временнаго запрещенія въ силу закона о соціалистахъ, то конкуррирующія съ ней свободомыслящія газеты, и впереди всѣхъ свободомыслящій папа партіи Евгеній Рихтеръ, алчно содрали мясо съ костей временно оглушенной товарки, натурально — проливая при этомъ крокодиловы слезы по поводу совершеннаго надъ нею насилія. Такая участь постигла бы всякую прогрессистскую газету, которая отважилась бы лѣтомъ 1863 г. открыто и не задумываясь надъ послѣдствіями выступить противъ ордонанса о печати.

Этой справедливой заботой и объясняется фактъ, что печать прогрессистской партіи вела себя тогда съ еще большимъ отсутствіемъ достоинства, чѣмъ ея парламентское представительство. „*Рейнская Газета*" съ негодованіемъ спрашивала, какъ можно требовать отъ издателя, чтобы онъ рисковалъ своимъ капиталомъ, а „*Народная Газета*", чтобы доказать чернымъ на бѣломъ свою политическую безобидность, издала въ отдѣльномъ томѣ всѣ вѣрноподданническія и преисполненныя довѣрія статьи, которыя она опубликовала съ начала „новой эры". Правда, книга была напечатана „на правахъ рукописи", но она не стала красивѣе оттого, что этотъ избытокъ лояльнаго образа мыслей долженъ былъ остаться скрытымъ отъ читателей, принадлежащихъ къ простымъ смертнымъ. Она предназначалась въ особенности для наслѣдника престола и его супруги, усерднѣйшихъ читателей „*Народной Газеты*". Кронпринцъ высказался публично противъ ордонанса о печати, и вѣрные монархисты буржуазіи забили въ литавры по поводу „столь благословленной Господомъ династіи", обѣщающей дать теперь отпрыскъ, который будетъ вполнѣ по сердцу имъ. Ко всѣмъ недугамъ, которыми уже болѣла прогрессистская партія, прибавилось тогда хожденіе на заднихъ лапкахъ предъ „ли-

берализмомъ кронпринца", продолжавшееся цѣлую четверть вѣка, пока пляска шутовъ не превратилась въ пляску смерти въ тотъ самый моментъ, когда имъ казалось, что они пришли къ цѣли.

Въ то время, какъ прогрессистскіе депутаты забавлялись спектаклями на своихъ банкетахъ, а прогрессистскія газеты молчали подъ дамокловымъ мечомъ ордонанса о печати, внезапно появился на сценѣ германскій вопросъ. Австрійское правительство сочло прусскую конституціонную распрю удобнымъ поводомъ, чтобы избавиться отъ прусскаго соперничества въ руководствѣ нѣмецкими дѣлами. Австрійскій императоръ созвалъ во Франкфуртѣ на М. конгрессъ нѣмецкихъ государей, чтобы обсудить реформу Германскаго союза на основѣ превозносимаго до небесъ федеративнаго принципа,—принципа, сводившагося въ конечномъ счетѣ къ увѣковѣченію династическаго партикуляризма и гегемоніи Габсбурговъ. Предлагалось создать, во-первыхъ, союзную директорію, принимающую рѣшенія простымъ большинствомъ голосовъ и состоящую изъ императора австрійскаго, короля прусскаго и двухъ, трехъ среднихъ или мелкихъ государей, которыхъ Австрія заранѣе приготовила въ карманѣ; во-вторыхъ, союзное собраніе, избираемое парламентскими представительствами отдѣльныхъ государствъ. Нѣтъ нужды входить въ подробности этой неуклюжей интриги: цѣлью ея было, съ одной стороны, подавленіе голоса Пруссіи, съ другой—отнятіе верховныхъ правъ у нѣмецкой націи.

Бисмарку нетрудно было отпарировать неловкій ударъ. Онъ не пустилъ короля на фракфуртскій конгрессъ государей и сухо заявилъ, что въ австрійскихъ предложеніяхъ дѣло идетъ о партикуляристскихъ стремленіяхъ, а не объ истинныхъ интересахъ націи. Гарантію этихъ интересовъ можетъ дать только истинно-національное представительство, составленное путемъ прямого участія всей націи. Только подобное представительство дастъ Пруссіи увѣренность, что ей не приходится приносить жертвъ, которыя не пошли бы на пользу всей Германіи. Никакой механизмъ союзныхъ властей, какъ бы искусно онъ ни былъ придуманъ, не можетъ устранить противоположностей династическо-партикуляристскихъ интересовъ, которыя должны найти свой противовѣсъ въ національномъ представительствѣ. Въ отвѣтъ на эту рѣчь прусскаго кабинета австрійское правительство сдѣлало злое замѣчаніе, что, судя по опыту революціонныхъ годовъ „рисковано предполагать", что въ собраніи, полученномъ путемъ прямыхъ выборовъ, спеціально прусская точка зрѣнія совпадетъ съ обще-герман-

ской, — но эта пареянская стрѣла была спущена уже во время бѣгства. При всей „рискованности" своей аргументаціи Бисмаркъ далъ австрійской дипломатіи основательный матъ и отправилъ конгрессъ государей вкупѣ съ федеративной союзной реформой въ ту кучу историческаго мусора, гдѣ имъ было мѣсто.

Гораздо растеряннѣе Бисмарка отнесся къ австрійскимъ планамъ франкфуртскій „съѣздъ депутатовъ",—собраніе, на которое явилось болѣе 300 членовъ различныхъ нѣмецкихъ ландтаговъ. Правда, онъ не пошелъ прямо на удочку, а объявилъ, что полнаго удовлетворенія націи можно ждать только отъ объединенія въ формѣ союзнаго государства, подобнаго тому, какое нашло себѣ юридическое выраженіе въ имперской конституціи 1849 г. Но къ этому съѣздъ прибавилъ, что въ виду внутренняго кризиса и внѣшнихъ вопросовъ онъ не можетъ отнестись къ проекту Австріи только отрицательно. Въ довершеніе всего съѣздъ депутатовъ имѣлъ глупость передать эту резолюцію конгрессу государей; нѣмецкіе народные представители разыграли роль навязчивыхъ просителей у карликоваго династическаго деспотизма, составлявшаго въ теченіе столѣтій проклятіе нѣмецкаго народа и только-что оттасканнаго Бисмаркомъ предъ лицомъ всего свѣта. Конечно, они не смотрѣли серьезно на это стыдливое изъявленіе вѣрноподданническихъ чувствъ и вскорѣ патетически отреклись отъ австрійскаго проекта союзной реформы. Но тѣмъ болѣе близорука была дипломатія, повѣсившая на гвоздь собственные принципы, чтобы досадить Бисмарку обиваніемъ пороговъ у правителей среднихъ и мелкихъ нѣмецкихъ государствъ. Бисмаркъ всего меньше былъ человѣкомъ, способнымъ обращать большое вниманіе на такіе булавочные уколы. Напротивъ, именно теперь онъ впервые выдвинулъ національный вопросъ въ противовѣсъ конституціонному и распустилъ 3 сентября палату депутатовъ, чтобы дать избирателямъ возможность произнести свой приговоръ по поводу покушенія франкфуртскаго конгресса государей на международный престижъ, независимость и достоинство Пруссіи.

Такъ сложились нѣмецкія дѣла лѣтомъ 1863 г. Прусскій конституціонный конфликтъ совершенно измельчалъ, и неспособность прогрессистской партіи довести до серьезнаго разрѣшенія какой бы то ни было серьезный вопросъ обнаружилась съ полной для всѣхъ очевидностью. Напротивъ, на сцену выступилъ національный вопросъ, и перваго же появленія его было достаточно, чтобы толкнуть реакціонное министерство Бисмарка на демократическую,

такъ сказать, точку зрѣнія. Не то, чтобы Лассаль оцѣнивалъ дипломатическій ходъ Бисмарка выше, чѣмъ онъ заслуживалъ! Но, конечно, онъ вѣрилъ въ непреодолимую логику фактовъ и въ то, что у него самого хватитъ силъ помочь этой логикѣ осуществить свое право.

Уже выпуская „Открытое письмо", Лассаль ввелъ въ свой расчетъ національную революцію. Онъ писалъ тогда Леви: „Можетъ случиться, что вслѣдствіе внѣшнихъ конъюнктуръ, напр. вслѣдствіе войны, наступитъ національно-политическая революція; я очень надѣюсь на такой случай и вѣрю въ него: нѣсколько раньше или нѣсколько позже, но онъ наступитъ. Революція эта станетъ, однако, настоящей, энергичной и разумной лишь тогда, если за ней будетъ стоять, двигая ее впередъ, ядро сознательной рабочей партіи. Въ противномъ случаѣ она и въ политическомъ отношеніи кончится слабостью и реакціей... Твердое ядро рабочей партіи, сознательной и революціонной въ силу соціальныхъ основаній,—только такое ядро, двигающее и толкающее впередъ, можетъ обезпечить и въ политически-національномъ отношеніи энергичное и плодотворное теченіе революціи, наступившей вслѣдствіе войны и т. д. Иначе получится опять расплывчатость, неясность, реакція". Такое ядро рабочей партіи Лассаль, не взирая на все, создалъ. И вотъ возникалъ вопросъ: коль скоро Бисмарку пришлось волей или неволей выступить съ программой парламента, избраннаго прямой, народной подачей голосовъ,—то развѣ не стоило двигать его впередъ, развѣ не стоило вырвать у него всеобщее избирательное право, котораго никогда нельзя было бы получить отъ прогрессистской партіи, и такимъ образомъ завоевать для пролетаріата оружіе, могущее удовлетворить его классовые интересы?

Эту тактическую перемѣну фронта Лассаль совершилъ осенью 1863 г. Ея морально-политическое оправданіе не подлежитъ само по себѣ никакому сомнѣнію. Въ дни дѣтства революціоннымъ рабочимъ партіямъ часто приходится эксплуатировать для своихъ цѣлей внутренніе раздоры господствующихъ классовъ; сколько разъ чартисты пользовались торіями, какъ козыремъ противъ виговъ, и наоборотъ! Наконецъ, политика прогрессистской партіи дѣлала тактическій поворотъ Лассаля совершенно неизбѣжнымъ. Эта партія не переставала пренебрежительно отвергать союзъ съ Лассалемъ и рабочими: она съ сжатыми кулаками обрушивалась на самыя скромныя требованія рабочихъ, она противопоставляла справедливымъ притязаніямъ рабочихъ ту вызывающую и стойкую

оппозицію, отъ которой она смиренно отказывалась, когда дѣло шло о самыхъ разнузданныхъ претензіяхъ реакціи. Отъ прогрессистской партіи зависѣло въ любой моментъ снова пріобрѣсти симпатіи рабочихъ путемъ энергичной и осмотрительной политики, хотя бы только съ своей буржуазной точки зрѣнія. Если же она предпочитала, напротивъ, опускаться все глубже въ болото политическаго ничтожества, то она не имѣла никакого права требовать, чтобы и рабочіе погрузились за одно съ нею въ это болото.

Несомнѣнно, примѣненіе такой тактики, какую пустилъ въ ходъ Лассаль, допустимо лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы революціонная рабочая партія использовала для себя внутренніе раздоры господствующихъ классовъ, располагая достаточнымъ для этого превосходствомъ силъ, другими словами — чтобы она одурачила своихъ угнетателей, а не дала себя одурачить имъ. Такъ, гр. Гацфельдтъ писала въ духѣ Лассаля: „Существуетъ въ буквальномъ смыслѣ пропасть между двумя слѣдующими вещами: работать ли для своихъ противниковъ, въ прикрытой или неприкрытой формѣ, или же, какъ великій политикъ, ухватить моментъ, чтобы извлечь выгоду изъ ошибокъ противниковъ, уничтожить одного врага другимъ, толкнуть ихъ на наклонную плоскость и использовать благопріятную для цѣли конъюнктуру, все равно, кѣмъ бы эта конъюнктура ни была создана". Точно такъ же Іоганнъ-Филиппъ Беккеръ, который въ послѣдніе дни Лассаля находился съ нимъ въ частыхъ сношеніяхъ и не такъ легко позволялъ провести себя въ принципіальныхъ вопросахъ,—писалъ: „Лассаль былъ въ своей тактикѣ смѣлымъ, отважнымъ акробатомъ, который при твердой увѣренности въ своей силѣ и ловкости могъ безъ всякой опасности рискнуть на прыжокъ до самаго края пропасти, ибо въ одинъ прыжокъ онъ всегда стоялъ опять посреди своего укрѣпленнаго лагеря. Онъ умѣлъ застигать врасплохъ и импонировать, онъ временами бросалъ реакціи старую кость, чтобы тѣмъ основательнѣе поколотить ее, пока она будетъ ломать себѣ зубы объ эту кость". Лассаль всегда придавалъ большое значеніе тому, чтобы рядомъ съ юнкерствомъ и буржуазіей и надъ ними поставить революціонный рабочій классъ, какъ третью, самостоятельную и превосходную силу. Въ пользу принциповъ этого класса онъ хочетъ заставить свидѣтельствовать королей и епископовъ; когда въ своемъ позднѣйшемъ процессѣ по обвиненію въ государственной измѣнѣ онъ намѣревался раз-

віть мысль, что если Бисмаркъ когда-нибудь даруетъ всеобщее избирательное право, то духовнымъ отцомъ будетъ онъ, Лассаль, и Бухеръ предусмотрительно совѣтовалъ замѣнить „духовнаго отца“ „глашатаемъ“ или „пророкомъ“, чтобы не запугать Бисмарка,—то Лассаль гордо отвергъ этотъ совѣтъ.

Не противъ тактическаго поворота Лассаля и не противъ духа, въ которомъ онъ совершилъ его, а противъ его личной способности къ практическому примѣненію этой тактики можно возразить многое. Наиболѣе чистымъ и прекраснымъ Лассаль выступалъ тамъ, гдѣ онъ отважно облекался въ цвѣта своего собственнаго знамени. Тогда ярко выдѣлялись его достоинства и блѣднѣли его недостатки. Онъ охарактеризовалъ свое глубочайшее существо, когда писалъ наканунѣ своей смерти: „Безъ высшаго могущества ничего нельзя сдѣлать, для дѣтской же игры я слишкомъ старъ и слишкомъ большой человѣкъ... Боюсь, что событія будутъ медленно, медленно развиваться, а для моей пламенной души эти дѣтскія болѣзни и хроническіе процессы не шутка“. Съ осени 1863 г. Лассаль считался съ медленностью, съ дѣтскими болѣзнями и хроническими процессами историческаго развитія, но онъ не всегда въ состояніи былъ принудить свою пламенную душу, свои глубокія страсти къ хладнокровному и спокойному взвѣшиванію, котораго прежде всего требовала его тактика. Сюда прибавились еще крайнее нервное возбужденіе и физическая усталость, охватывавшія его во время постоянной и все разрастающейся борьбы.

Такимъ образомъ недостатки Лассаля стали выступать сильнѣе, а его достоинства слабѣе. Конецъ его агитаціи не отличался больше непосредственной свѣжестью и силой ея первыхъ моментовъ. Правда, огонь его духа еще не разъ вспыхивалъ яркимъ пламенемъ, почти лучезарнѣе, чѣмъ въ лучшіе дни его прошлаго, но наступали опять времена, когда онъ больше коптѣлъ и дымилъ, чѣмъ освѣщалъ и согрѣвалъ.

---

1. Рейнскій смотръ и штурмъ на Берлинъ.

20 сентября Лассаль произвелъ задуманный смотръ рейнскимъ рабочимъ въ Барменѣ, 27-го въ Золингенѣ и 28-го въ Дюссельдорфѣ. Обращенную къ нимъ рѣчь онъ составилъ во время уединенныхъ прогулокъ по берегу моря. Содержаніе ея составляли

банкеты, печать и Франкфуртскій съѣздъ депутатовъ, какъ три симптома общественнаго настроенія.

Исходной точкой Лассаль взялъ въ своей рѣчи политическое происхожденіе своей агитаціи, возмущеніе противъ буржуазной растерянности, вновь подтвержденной указанными тремя симптомами. Поскольку дѣло касалось банкетовъ прогрессистской партіи и ея прессы, было очевидно, что если буржуазія хотѣла „вымыть медвѣдя, не замочивъ шкуры", то ея банкеты и покорное подчиненіе ея газетъ ордонансу о печати находились въ полномъ согласіи со всей ея политикой. Разъ Лассаль отвергалъ эту политику, какъ трусливую и безпомощную, онъ былъ также въ своемъ логическомъ правѣ, когда обрушивался съ ѣдкой насмѣшкой на прогрессистскіе банкеты и прогрессистскую печать.

Оправданіе оппозиціонныхъ политическихъ банкетовъ зависитъ вполнѣ отъ внутренняго характера оппозиціи, которая устраиваетъ ихъ. Если они—только сопутствующія явленія политики, умѣющей дѣйствовать и наносить удары,—въ смыслѣ гетевскаго изреченія: Tages Arbeit, Abends Gäste, Saure Wochen, Frohe Feste (днемъ работа, вечеромъ гости, хмурыя будни, веселые праздники), — то они представляютъ собою дѣйствительное агитаціонное средство, допустимость котораго стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Но если ими хотятъ замѣнить политическую работу, если ихъ задача — шумными тостами замаскировать полное отсутствіе энергіи, то они являются средствомъ развращенія, заслуживающимъ самаго рѣзкаго осужденія. Кельнскому банкету депутатовъ 1865 г. предстояло подтвердить, что Лассаль не сказалъ ни одного несправедливаго слова по адресу кельнскаго банкета депутатовъ 1863 г.

Бóльшія сомнѣнія могла возбуждать въ извѣстномъ смыслѣ полемика Лассаля противъ прогрессистской и вообще буржуазной печати. Правда, мы обнаружили бы слишкомъ одностороннюю требовательность, если бы стали придавать большое значеніе конкретной, такъ сказать, несправедливости, которую Лассаль причинилъ этой прессѣ въ своей рѣчи, напр., черезчуръ суровому приговору, произнесенному имъ надъ такимъ заслуженнымъ во многихъ отношеніяхъ человѣкомъ, какъ Бернштейнъ изъ „*Народной Газеты*". Если собрать вмѣстѣ всю эту несправедливость, то она не достигаетъ и десятой доли несправедливости, которую Лассалю пришлось испытать со стороны буржуазной печати и, въ частности, со стороны того же Бернштейна. Лассаль отнюдь не имѣлъ претензіи принадлежать къ смиреннымъ христіанскимъ страдальцамъ,

подставляющимъ лѣвую щеку, когда ихъ ударили по правой; онъ не былъ бы созданъ изъ плоти и крови, если бы, давая отпоръ невѣроятной ругани противниковъ, соблюдалъ всегда объективно-правильную границу. Къ тому же онъ могъ сослаться на то, что его отрицательное сужденіе о буржуазной прессѣ не вызвано впервые причиненными ему обидами, что онъ бичевалъ ея язвы уже въ своемъ памфлетѣ противъ Юліана Шмидта.

Но онъ безспорно понялъ эти язвы слишкомъ односторонне, заклеймивъ прессу какъ единственную носительницу духовнаго разложенія, неразрывно связаннаго съ капиталистическимъ обществомъ. Несомнѣнно, буржуазная печать представляетъ собою „промышленное помѣщеніе капитала и спекуляцію", но, какъ орудіе опустошенія народнаго духа, она не стоитъ одиноко, а иной разъ— даже не въ первомъ ряду. Буржуазія обратила въ „своего платнаго, наемнаго работника" не только газетнаго писателя, но и— какъ значится въ Коммунистическомъ Манифестѣ—„врача, юриста, священника, поэта, ученаго". Ученые, которыхъ Лассаль противопоставляетъ прессѣ въ этой рѣчи и въ другихъ случаяхъ, заслуживаютъ, какъ классъ, такого же и даже большаго осужденія, чѣмъ „умственный пролетаріатъ" газетной печати. Скоро наступили времена, когда маститые профессора, агитируя въ странѣ за бисмарковскіе планы ограбленія массъ, пытались сломить относительно справедливое сопротивленіе промышленно-капиталистическихъ газетъ при помощи рѣзкихъ отзывовъ Лассаля о либеральной прессѣ.

Лассаль судилъ также черезчуръ односторонне, когда онъ видѣлъ главный источникъ продажности буржуазной прессы въ объявленіяхъ. Печать, корни которой находятся въ почвѣ капиталистическаго общества, должна стать жертвой капиталистической заразы; все равно, помѣщаетъ ли она у себя объявленія, или нѣтъ. Но односторонность была здѣсь больше теоретическая. Для нѣмецкой прессы, которая ближайшимъ образомъ имѣлась въ виду, объявленія безспорно явились дорогой въ бездну. Именно конторы объявленій начали тотчасъ послѣ смерти Лассаля основывать ту совершенно безпринципную, коммерческую прессу, которая, подобно масляному пятну захватывала все больше мѣста кругомъ и стояла еще гораздо ниже печати 60-хъ гг., навлекшей на себя бичеванія Лассаля. Однако предложеніе Лассаля передать дѣло объявленій въ руки государства и такимъ путемъ вернуть печать къ ея истинному призванію представляетъ собою совершенно

разумную мысль, конечно — не для нынѣшняго государства, а для государства соціалъ-демократическаго, которое Лассаль только и имѣлъ въ виду, т.-е. для того времени, когда пролетаріатъ завоюетъ политическое господство и переведетъ капиталистическое общество въ соціалистическое.

Центръ тяжести „смотровой" рѣчи лежалъ въ ея третьемъ отдѣлѣ, въ критикѣ франкфуртскаго съѣзда депутатовъ. Лассаль охарактеризовалъ имперскую конституцію 1849 г. какъ реакціонную утопію, которая никогда не можетъ стать знаменемъ пролетаріата. Но сюда онъ прибавилъ, что разъ прогрессисты и члены „Національнаго союза" избрали это знамя, они не должны были дѣлать себя смѣшными непослѣдовательностью, съ которою они рѣшили не „ограничиваться однимъ отрицательнымъ отношеніемъ" къ австрійскому плану союзной реформы. „Прогрессисты дѣлаютъ глазки государямъ, чтобы... встревожить г. фонъ-Бисмарка. Они надѣются запугать его кокетничаньемъ съ нѣмецкими государями. *Таковы* средства этихъ жалкихъ людей! Но если бы мы обмѣнивались даже ружейными выстрѣлами съ г. фонъ-Бисмаркомъ, то справедливость требовала бы признать еще во время залповъ: онъ мужчина, а они — старыя бабы! И никогда еще старымъ бабамъ не удавалось запугать мужчину, когда они дѣлали глазки по сторонамъ!" Потому-то Бисмаркъ и отвѣтилъ уже прогрессистамъ распущеніемъ палаты депутатовъ.

Отношеніе рабочихъ къ предстоящимъ выборамъ Лассаль формулировалъ въ томъ смыслѣ, что рабочіе не имѣютъ никакого принципіальнаго интереса въ ихъ исходѣ. Всеобщее избирательное право еше не существуетъ или перестало существовать, и у прусской конституціи не было еще ни одного дня юридическаго бытія. Она покоится на рядѣ грубыхъ нарушеній права, при помощи которыхъ корона устранила апрѣльскіе законы 1848 г. Присяги на вѣрность ей недѣйствительны, какъ недѣйствительна данная у алтаря клятва, если какое-нибудь юридическое основаніе дѣлаетъ недѣйствительнымъ заключенный бракъ. Со времени ревизіонной палаты 1849 г. въ Пруссіи не было еще законнаго представительства; прусскія палаты, это—незаконныя собранія узурпаторовъ. Конечно, либеральные парламентскіе герои могли бы собираться и въ незаконныхъ палатахъ, чтобы употребить небольшой остатокъ правъ, оставшійся у народа, какъ оружіе для возвращенія дальнѣйшихъ народныхъ правъ. Но тогда они должны были бы открывать каждую сессію палаты констатиро-

ваніемъ незаконности собственнаго существованія и, такимъ образомъ, вызывать на свѣтъ неотмщенную еще тѣнь народнаго права.

Итакъ, рабочіе не имѣютъ принципіальнаго интереса въ предметѣ борьбы, въ прусской конституціи; они не имѣютъ его и въ борющихся, которые одинаково чужды имъ, реакціонеры ли это, или прогрессисты. Но въ тактическомъ отношеніи рабочіе весьма заинтересованы въ томъ, чтобы борьба между прогрессистской партіей и реакціей продолжалась, поэтому они должны всюду, гдѣ побѣда прогрессистской партіи не стоитъ внѣ сомнѣній, отдавать свои голоса этой партіи, какъ болѣе слабой сторонѣ. Продолженіе борьбы между реакціей и прогрессистской партіей лежитъ въ интересѣ рабочихъ,—не для того, чтобы одна изъ нихъ уничтожила другую, а чтобы онѣ—какъ выразился Гуттенъ, когда Лютеръ возсталъ противъ папы—взаимно пожрали и проглотили другъ друга.

Затѣмъ Лассаль показалъ на рѣчахъ, произнесенныхъ Беннигсеномъ и Шульце-Деличемъ на франкфуртскомъ съѣздѣ депутатовъ, что буржуазія торжественно заявляетъ о эвоемъ нежеланіи революціи, что она безпрестанно грозитъ уйти съ арены борьбы, если рабочіе осмѣлятся проводить самостоятельную классовую политику, что она никогда не согласится улучшить соціальное положеніе рабочаго класса и предпочтетъ, на худой конецъ, отказаться лучше отъ собственной политической свободы, нежели дать рабочимъ всеобщее избирательное право. Онъ заклиналъ рабочихъ, если когда-нибудь, „тѣмъ или инымъ путемъ", наступитъ перемѣна, припомнить прогрессистамъ и членамъ „Національнаго союза", какъ они до послѣдняго момента заявляли, что они *не хотятъ* никакой революціи.

Лассаль говорилъ, слѣдовательно, рабочимъ, что буржуазія становится въ такое же враждебное положеніе къ нимъ, какъ реакція, что ихъ интересъ заключается во взаимномъ истребленіи этихъ партій и въ использованіи всѣхъ выгодъ, которыя могутъ получиться для нихъ изъ распри между господствующими классами. Пусть коренная перемѣна произойдетъ „тѣмъ или инымъ путемъ"—т.-е. пусть рабочіе завоюютъ себѣ всеобщее избирательное право собственными силами, или Бисмаркъ даруетъ его путемъ государственнаго переворота,—во всякомъ случаѣ рабочіе не должны заботиться объ интересахъ буржуазной клики, разъ навсегда отрекшейся отъ всеобщаго избирательнаго права.

Обосновывая такими соображеніями перемѣну своей тактики, Лассаль не отрекался этимъ отъ какой-либо принципіальной точки зрѣнія своего прошлаго. Имперскую конституцію 1849 г. онъ охарактеризовалъ какъ реакціонную утопію уже въ своемъ памфлетѣ объ итальянской войнѣ. Затѣмъ, уже въ своей статьѣ о политическомъ завѣщаніи Фихте онъ писалъ: „Въ сравненіи съ великой противоположностью между федераціей и народнымъ единствомъ представляется относительно неважной даже противоположность между монархіей и республикой, и мы совершенно серьезно думаемъ, что даже тѣ, которые хотятъ наслѣдственной, монархической, единой германской императорской власти при полномъ упраздненіи 35 субъ-суверенитетовъ, хотя бы идеалъ ихъ былъ украшенъ всѣми завитушками, кисточками и сантиментальностями буршеншафтской эпохи,—что эти люди все еще стоятъ на гораздо болѣе высокой ступени интеллигентности и политической истины, нежели наши федеративные республиканцы". Правда, Лассаль, примыкая къ Фихте, понималъ федерализмъ какъ идеологическое начало; въ своей рѣчи онъ выставилъ американскую междоусобную войну какъ доводъ противъ федерализма, упуская при этомъ изъ виду, что политическія формы государства опредѣляются въ конечномъ счетѣ экономическими условіями, изъ которыхъ онѣ выростаютъ, что, слѣдовательно, смотря по состоянію этихъ условій, федерализмъ можетъ быть и разумной и неразумной государственной формой. Но опять-таки эта односторонность имѣла чисто теоретическое значеніе; на практикѣ, именно въ Германіи потребности экономическаго развитія возставали противъ федерализма, какъ доказалъ уже Марксъ въ „*Neue Rheinische Zeitung*", и Лассаль оставался вполнѣ вѣрнымъ себѣ, когда бичевалъ заигрываніе дѣятелей „Національнаго союза" съ австрійско-партикуляристской союзной реформой, какъ заигрываніе съ самой реакціонной и обветшалой точкой зрѣнія, какая только могла существовать въ національномъ вопросѣ.

Фактъ былъ налицо, что Бисмаркъ отразилъ „федералистскую интригу" франкфуртскаго конгресса государей искуснѣе и логичнѣе, чѣмъ партія прогрессистовъ, и рѣзкое сравненіе, которое Лассаль провелъ между мужчиной и старыми бабами, было по существу дѣла вполнѣ подходящимъ. Въ тактическомъ смыслѣ сравненіе было бы неумѣстно лишь въ томъ случаѣ, если бы прогрессистская партія въ прочихъ отношеніяхъ вела серьезную борьбу съ Бисмаркомъ. Но этого-то она и не дѣлала. Своими объясненіями относительно цѣнно-

стипрусской конституціи Лассаль оставался всецѣло на почвѣ своихъ прежнихъ рѣчей о конституціи. Онъ и теперь не стѣснялся называть настоящимъ именемъ насилія надъ правомъ, учиненныя прусской короной, а то, что онъ говорилъ партіи прогрессистовъ, она должна была бы сказать себѣ сама, если бы она хотѣла побѣдоносно довести до конца борьбу за бюджетное право.

Если „смотровая" рѣчь не выходила, такимъ образомъ, изъ предѣловъ тактическаго поворота, то она повела все-таки къ инциденту, при которомъ Лассаль перешелъ границы политическаго такта. Рейнскіе рабочіе не обманули его надеждъ; они съ шумнымъ ликованіемъ встрѣтили стараго товарища революціонныхъ годовъ и вѣрнаго друга въ реакціонную эпоху. Въ Барменѣ Лассаль говорилъ предъ собраніемъ изъ 2—3 тысячъ рабочихъ. Попытка либеральныхъ фабрикантовъ и ихъ прислужниковъ нарушить собраніе скандаломъ кончилась полной неудачей: нарушителей порядка съ быстротой молніи вытолкали изъ зала, причемъ—какъ говорится въ отчетѣ Вальтейха—нѣсколько поднятыхъ стульевъ и брошенныхъ пивныхъ кружекъ ускорили ихъ отступленіе.

Собраніе произвело глубокое впечатлѣніе на Альберта Ланге, пославшаго отчетъ о немъ въ франкфуртскую „*Süddeutsche Zeitung*". Въ статьѣ, напечатанной безъ подписи, но несомнѣнно принадлежащей перу Ланге, говорится, что не стоитъ даже опровергать нелѣпое утвержденіе, будто Лассаль—орудіе и даже слѣпое орудіе реакціи. Реакція работаетъ въ руку ему, а не онъ въ руку реакціи. Число его приверженцевъ безпрерывно растетъ, и точно такъ же растетъ ихъ фанатизмъ. Весь характеръ этой привязанности къ учителю совершенно иной, чѣмъ тихая и безобидная привязанность къ Шульце-Деличу со стороны членовъ кооперативныхъ Обществъ. Пивныя кружки, брошенныя въ Барменѣ въ удаляющихся прогрессистовъ, не были орудіемъ простой грубости; въ Золингенѣ, рабочее населеніе котораго искони извѣстно своимъ вспыльчивымъ характеромъ, готовятся къ такимъ же сценамъ. Со стороны Лассаля не было тщеславнымъ самомнѣніемъ, когда онъ назвалъ свое выступленіе „смотромъ арміи". Двинется ли когда-нибудь въ бой за конституцію армія стрѣлковъ и гимнастовъ, это большой вопросъ, но не подлежитъ сомнѣнью, что лассалевская рабочая армія, если дѣлу дадутъ зайти такъ далеко, не оставитъ камня на камнѣ въ теперешнемъ государственномъ устройствѣ Германіи; всего менѣе она оставитъ на мѣстѣ скипетръ, корону, звѣзды и тому подобныя игрушки.

Предсказаніе Ланге, что въ Золингенѣ повторятся — притомъ въ еще болѣе рѣзкой формѣ — барменскія сцены, подтвердилось. Тысячи рейнскихъ рабочихъ устремились въ Золингенъ, чтобы услышать Лассаля. Громадный залъ былъ переполненъ до того, что можно было задохнуться, и предъ его дверьми тѣснились еще густыя массы народа. Попытки прогрессистовъ прервать Лассаля, едва онъ началъ говорить, были опять подавлены въ зародышѣ, но при этомъ нѣкоторые возмущенные рабочіе забылись настолько, что ранили ножами кое-кого изъ удаленныхъ скандалистовъ. Черезъ полчаса послѣ того, какъ Лассаль началъ свою рѣчь, въ залѣ появился золингенскій бургомистръ съ полудесяткомъ вооруженныхъ полицейскихъ и закрылъ собраніе, ссылаясь на нанесеніе ранъ прогрессистскимъ буянамъ. Тогда Лассаль, окруженный жандармами и сопровождаемый многотысячной толпой рабочихъ, не перестававшей издавать въ его честь бурные клики „hoch", отправился на телеграфъ, гдѣ послалъ Бисмарку депешу, въ которой просилъ министра-президента о „самомъ строгомъ, скоромъ и законномъ удовлетвореніи" по отношенію къ „прогрессистскому бургомистру", распустившему собраніе безъ всякаго законнаго основанія.

Эта телеграмма была тяжкой ошибкой со стороны Лассаля. По нѣмецкой поговоркѣ, „на чорта не жалуются его бабушкѣ". Обращаться къ носителю феодальной реакціи, въ теченіе многихъ лѣтъ попиравшей и продолжавшей постыднѣйшимъ образомъ попирать право союзовъ и собраній, съ просьбой, чтобы онъ покаралъ нарушеніе этого права, былъ ли виновенъ въ немъ прогрессистъ или кто-либо другой,—такой поступокъ всего менѣе приличествовалъ революціонеру. Бисмаркъ не далъ, конечно, просимаго удовлетворенія: феодальная бюрократія не станетъ, понятно отрекаться отъ солидарности съ либеральнымъ бюрократомъ, совершившимъ актъ полицейскаго произвола, а напротивъ—будетъ трижды привѣтствовать его, какъ раскаявшагося грѣшника. Если Лассаля-человѣка извиняетъ до извѣстной степени то обстоятельство, что онъ совершилъ необдуманный поступокъ, будучи до послѣдней крайности раздраженъ прогрессистской партіей, то политическому дѣятелю Лассалю тѣмъ менѣе позволительно было играть въ руку своимъ смертельнымъ врагамъ. Въ распоряженіи прогрессистской партіи оказался, наконецъ, листъ бумаги, который она могла использовать, какъ видимое доказательство союза между Лассалемъ и Бисмаркомъ.

Лассалю пришлось довольно скоро почувствовать непріятныя послѣдствія своей ошибки. Послѣ золингенскаго собранія онъ говорилъ еще — на этотъ разъ безъ помѣхи—въ Дюссельдорфѣ, но затѣмъ въ виду полнаго истощенія своихъ голосовыхъ средствъ принужденъ былъ отказаться отъ намѣренія привѣтствовать также своихъ гамбургскихъ сторонниковъ. 7 октября онъ вернулся въ Берлинъ и совершенно основательно усмотрѣлъ теперь свою важнѣйшую задачу въ завоеваніи этого города. Свой приступъ на Берлинъ онъ началъ обращеніемъ къ берлинскимъ рабочимъ, которое распространилъ въ количествѣ 16.000 экземпляровъ.

Прогрессистская партія намѣревалась сначала совершенно замолчать рейнскіе успѣхи Лассаля; бывшій коммунистъ Беккеръ обработалъ въ этомъ смыслѣ Вильгельма Газенклевера, который изъ подмастерья-кожевника выбился въ редакторы буржуазно-демократической газетки въ Гагенѣ. Но когда оказалось, что замолчать не удастся, тогда прогрессистскія газеты—словно въ подтвержденіе того, что Лассаль не былъ несправедливъ къ нимъ въ своей барменской рѣчи—распустили сказку, что въ Золингенѣ полицейскимъ пришлось защитить Лассаля отъ ярости рабочихъ, возмущенныхъ его демагогическими пріемами. Особенно усердно распространяли эту выдумку „*Народная Газета*“ и „*Берлинская Реформа*“,—газеты, наиболѣе читаемыя въ берлинскихъ рабочихъ кругахъ. Лассаль взялъ этотъ фактъ исходнымъ пунктомъ, чтобы показать берлинскимъ рабочимъ, сколь безпримѣрнымъ образомъ ихъ обманываетъ прогрессистская печать. Онъ воспользовался письмомъ Ланге въ „*Süddeutsche Zeitung*“ въ доказательство того, что когда прогрессисты находятся въ своей компаніи, они не стѣсняются высказывать истину и выдвигаютъ революціонный характеръ его агитаціи. Онъ снова развилъ мысль, что прогрессисты ненавидятъ его не потому, чтобы они ожидали отъ него реакціи, а потому, что они ждутъ отъ него революціи. Отстаиваніе прусской конституціи Лассаль назвалъ реакціоннымъ, а отстаиваніе всеобщаго избирательнаго права революціоннымъ. Онъ съ презрительной насмѣшкой упомянулъ о прогрессистскихъ флюгерахъ, которые успѣли уже понять ошибку, сдѣланную ими на франкфуртскомъ съѣздѣ депутатовъ, и теперь фанатически отрекаются отъ австрійско-партикуляристской реформы Германскаго Союза. Лассаль задавалъ вопросъ, что̀ дѣлать рабочимъ съ людьми, которые въ августѣ щеголяютъ въ черно-желтомъ, а въ октябрѣ— въ черно-бѣломъ цвѣтѣ,—съ людьми, которые въ самыхъ важныхъ

національныхъ вопросахъ не знаютъ, чего они хотятъ, и слѣдовательно еще гораздо меньше могутъ сказать рабочимъ, чего должны желать эти послѣдніе?

Съ особенной рѣзкостью Лассаль протестовалъ противъ утвержденія, что онъ желаетъ отъ государства государственнаго пособія. Онъ напередъ безповоротно осудилъ позднѣйшую „соціальную реформу" Бисмарка, далеко отвергнувъ отъ себя мысль, что рабочіе должны стать пенсіонерами государства и ради нищенской подачки пожертвовать своей самостоятельностью и независимостью. Все, чего онъ желаетъ,—сказалъ Лассаль,—это, чтобы будущее демократическое государство, возрожденное путемъ введенія всеобщаго избирательнаго права, ссудило рабочимъ посредствомъ легкой для него кредитной операціи капиталы, необходимые для образованія производительныхъ ассоціацій. Такая государственная помощь не есть противоположность самопомощи, напротивъ—она представляетъ собою грандіознѣйшую „соціальную самопомощь", она вообще впервые только открываетъ рабочимъ возможность самопомощи. Лассаль напомнилъ берлинскимъ рабочимъ объ ихъ великихъ покойникахъ марта 1848 г. и предостерегъ противъ отвѣтственности, которую они постоянной нерѣшительностью навлекли бы на себя предъ самими собою, предъ своими братьями и передъ исторіей. Важнѣйшіе центры Германіи стали на сторону движенія, прусскія области на Рейнѣ шествуютъ полнымъ боевымъ шагомъ впереди; съ присоединеніемъ Берлина движеніе станетъ непреодолимымъ.

Обращеніе было составлено очень искусно, но не произвело почти никакого дѣйствія. Берлинскій пролетаріатъ находился тогда въ состояніи хаотическаго броженія, составлявшемъ уже въ предшествующемъ году его невыгодное отличіе отъ лейпцигскаго пролетаріата. Прусская столица развивалась лихорадочнымъ темпомъ въ крупный промышленный и торговый центръ, особенно—благодаря все болѣе сгущавшейся сѣти желѣзныхъ дорогъ, которыя расходились отъ нея лучами. Она привлекала съ себѣ массу рабочихъ рукъ изъ прусскихъ захолустій; за промежутокъ времени съ 1860 до 67 г. численность берлинскаго населенія возросла съ 500 тыс. до 700 съ лишнимъ тыс. человѣкъ. Рабочая масса суетливо бросалась въ разныя стороны, очутившись подъ сильнымъ вліяніемъ новыхъ элементовъ, до тѣхъ поръ не имѣвшихъ понятія о политикѣ и теперь мнившихъ прежде всего, что они нашли въ большомъ городѣ золотоносную страну,—людей, которыхъ первыя

неудачи и разочарованія побуждали только тѣмъ судорожнѣе цѣпляться за послѣднія надежды. Къ тому же не было почти никакихъ организацій, которыя расчленяли бы всю эту безпорядочную массу.

Кромѣ большого „Ремесленнаго ферейна", посвящавшаго себя исключительно или главнымъ образомъ просвѣтительнымъ цѣлямъ, и „Берлинскаго рабочаго ферейна", политической твердыни Шульце, существовали еще только три рабочихъ ферейна въ настоящемъ значеніи этого слова: „Ферейнъ старшихъ подмастерьевъ", во главѣ котораго стоялъ сапожникъ, „Ферейнъ подмастерьевъ печатнаго дѣла" и тотъ „Ферейнъ машиностроителей" въ Ораніенбургскомъ предмѣстьѣ, который назывался „Пригороднымъ ремесленнымъ ферейномъ". Участіе этихъ союзовъ въ агитаціи Лассаля проявилось въ очень странной на первый взглядъ формѣ. Среди пяти или—считая также Вальтейха—шести рабочихъ, объявлявшихъ въ концѣ лассалевскаго обращенія о своей готовности принимать записи въ члены „Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза", находилось 4 или 5 сапожниковъ, одинъ наборщикъ и ни одного машиностроительнаго рабочаго. Если принять теперь въ соображеніе, что сапожный промыселъ принадлежалъ къ погибающему ремесленному производству, книгопечатаніе — къ мануфактурѣ, а машиностроеніе—къ современной крупной индустріи, то дѣло получаетъ такой видъ, что берлинскіе рабочіе относились тѣмъ отрицательнѣе къ Союзу, чѣмъ выше была ступень промышленнаго развитія, на которой они стояли.

Однако, внутренняя связь этого страннаго явленія объяснялась довольно просто. Сапожное производство—искони переполненное ремесло, такъ какъ за него легко можно было взяться съ маленькими средствами — стало въ значительной своей части уже съ 40-хъ гг. капиталистически эксплуатируемымъ кустарнымъ промысломъ; голодающій сапожникъ съ многочисленной семьей играетъ съ указаннаго времени выдающуюся роль въ общественномъ призрѣніи Берлина и другихъ большихъ городовъ. Въ 60-хъ гг. надъ этимъ ремесломъ разразилось бѣдствіе въ видѣ машиннаго производства. Въ отчетѣ о парижской выставкѣ 1867 г. съ торжествомъ говорится: „Болѣе трехъ тысячелѣтій, со временъ фараоновъ, башмаки дѣлались всегда ручнымъ способомъ; теперь удалось чисто механическое изготовленіе ихъ". Въ сапожныхъ мастерскихъ прусскаго военнаго вѣдомства работали машинами, которыя одна берлинская фабрика поставляла по 200 талеровъ

за штуку. Въ этомъ ремеслѣ лозунгъ былъ: спасайся, кто можетъ! Вожакомъ цеховаго движенія былъ сапожный мастеръ, среди 200 сырьевыхъ товариществъ Шульце-Делича не менѣе 80-ти состояли изъ сапожныхъ мастеровъ, а къ первымъ и самымъ ревностнымъ приверженцамъ Лассаля принадлежали интеллигентные сапожные подмастерья—Вальтейхъ, Метцнеръ, Арндтъ, Гейтсъ, Фойхтъ.

Въ иномъ положеніи находились подмастерья печатнаго дѣла. Рядъ обстоятельствъ — быстрый расцвѣтъ газетнаго дѣла и его прикрѣпленность къ извѣстному мѣсту, реакціонное опустошеніе школы, ограничившее притокъ рабочихъ силъ къ печатному промыслу, столь сильно нуждающемуся въ интеллигентныхъ работникахъ, временная обезпеченность противъ машиннаго производства и нѣкоторыя другія причины—сдѣлали подмастерьевъ печатнаго дѣла особенно склонными къ организаціи въ профессіональный рабочій союзъ, который, по ихъ правильному расчету, могъ доставить имъ извѣстное вліяніе на высоту заработной платы. Берлинскій союзъ подмастерьевъ печатнаго дѣла, въ который входило 600 членовъ, слѣдовательно — около половины всѣхъ наборщиковъ и печатниковъ Берлина, обратился еще раньше къ владѣльцамъ берлинскихъ типографій съ просьбой пересмотрѣть расцѣнокъ, навязанный подмастерьямъ въ эпоху реакціи и находившійся теперь въ вопіющемъ несоотвѣтствіи съ сильно возросшими цѣнами на предметы первой необходимости. Хозяева, конечно, наотрѣзъ отказали союзу, и онъ сталъ теперь исповѣдывать принципы Лассаля, насколько они ему подходили. Онъ выступилъ съ притязаніемъ на государственную помощь, подавъ въ совѣтъ министровъ петицію объ отмѣнѣ воспрещенія коалицій. Въ мотивировкѣ этой петиціи онъ ссылался на желѣзный законъ заработной платы, но съ тѣмъ ограниченіемъ, что путемъ коалиціи рабочихъ можетъ быть достигнуто „приблизительное уравненіе перевѣса предпринимателя надъ неимущими рабочими". Такимъ образомъ, въ союзѣ подмастерьевъ печатнаго дѣла Лассаль пріобрѣлъ лишь полу-приверженцевъ.

Совершенно отрицательно отнеслись къ его агитаціи машиностроительные рабочіе. Получая при тогдашнемъ расцвѣтѣ машиностроенія хорошую плату, будучи энергичнымъ, живымъ, вполнѣ современнымъ слоемъ рабочаго класса, машиностроители были искренними врагами всякой политической и экономической реакціи. Они могли въ непосредственной близости наблюдать дѣятель-

ность прусскихъ бюрократовъ и поклонниковъ цеховаго строя, и тотъ фактъ, что вождь прошлогодняго рабочаго движенія, вдобавокъ одинъ изъ ихъ собственной среды, оказался орудіемъ правительства, настроилъ ихъ на весьма подозрительный ладъ. Такимъ образомъ, „*Народная Газета*", которая, начиная съ 50-хъ гг., была ихъ любимымъ органомъ, могла сравнительно легко внушить имъ отвращеніе къ „государственной помощи". Къ тому же прогрессистскіе владѣльцы машиностроительныхъ заводовъ обратились къ правительству съ петиціей объ отмѣнѣ запрещенія коалицій, и если дальнѣйшее поведеніе прогрессистской партіи не замедлило показать, что это была только тактическая уловка съ цѣлью задобрить важнѣйшую часть берлинскаго пролетаріата, то въ данную минуту она произвела все-таки требуемое впечатлѣніе. Ко всему этому прибавилась еще теперь несчастная телеграмма Лассаля къ Бисмарку. Машиностроительные рабочіе остались вѣрными прогрессистской партіи, и ихъ поведеніе имѣло рѣшающее значеніе для массы берлинскаго пролетаріата.

Нѣсколькихъ приверженцевъ Лассаль пріобрѣлъ среди буржуазнаго населенія Берлина: врачей Эйснера и Неймана, книгопродавца Рейнгольда Шлингмана, кандидата Алекси. Около этого времени къ нему примкнулъ и Либкнехтъ, уже годъ какъ вернувшійся изъ англійскаго изгнанія. Либкнехтъ работалъ въ теченіе короткаго времени въ „*Norddeutsche Allgemeine Zeitung*", которая была основана ярко-краснымъ республиканцемъ 1848 г. Августомъ Брассомъ, съ велико-нѣмецкой, демократической программой. Газета очень скоро перешла, однако, въ лагерь Бисмарка, и какъ только Либкнехтъ убѣдился въ этомъ, онъ выступилъ изъ нея, чтобы снова начать на берлинской мостовой тяжелую борьбу за существованіе, которую онъ велъ раньше въ теченіе десятка лѣтъ на мостовой Лондона. Ко вступленію во Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ побудило его, по его собственному показанію, желаніе исполнить долгъ чести, открыто выразить Союзу свою симпатію въ виду нападокъ прогрессистской печати. Вообще же онъ раздѣлялъ относительно агитаціи Лассаля мнѣніе Маркса; легко понять, что послѣ плохого опыта съ Брассомъ тактическій поворотъ Лассаля пришелся ему не по душѣ и возбудилъ даже его недовѣріе. Съ другой стороны, нѣмецкія условія стали чужды Либкнехту, и онъ питалъ невѣрное воззрѣніе, что старый коммунистъ Лассаль все-таки далъ завлечь себя въ прогрессистско-демократическое русло и въ велико-прусскій наполеоновскій энту-

зіазмъ 1859 г. Такимъ образомъ, антипатія была взаимна, какъ, повидимому, справедливо предполагалъ Либкнехтъ.

Слабыя силы, съ которыми Лассаль попытался произвести свой штурмъ на Берлинъ, натолкнулись на значительно превосходившее ихъ сопротивленіе. Прогрессистская партія объявила, что въ Берлинѣ соціализмъ поднялъ свою голову и въ Берлинѣ же онъ долженъ быть разбитъ на голову. Чтобы завоевать столь благородные лавры, она не побрезгала помощью полиціи: она опять постаралась оказаться трижды неправой, послѣ того какъ Лассаль со своей депешей къ Бисмарку былъ разъ неправъ. Перехватываніе помѣщеній, при благосклонномъ содѣйствіи полиціи, было ея первымъ средствомъ, а ея вторымъ средствомъ было срываніе митинговъ путемъ шумныхъ скандаловъ, въ чемъ ей опять-таки дѣятельно помогала полиція. Памятуя о своихъ опытахъ на Рейнѣ, Лассаль устраивалъ на первыхъ порахъ закрытыя засѣданія членовъ, чтобы дисциплинировать стойкое ядро своихъ приверженцевъ. Но уже въ первомъ изъ этихъ засѣданій, 22-го октября, пришлось вытолкать 11 прогрессистовъ, записавшихся подъ ложными именами въ члены союза, чтобы имѣть возможность устроить скандалъ. Во второмъ засѣданіи, происходившемъ 2-го ноября, въ залъ вломилась шумная толпа народу, и присутствовавшій для наблюденія полицейскій чиновникъ поспѣшилъ распустить собраніе. Третье засѣданіе, 10-го ноября, прошло сравнительно спокойно; пришлось удалить только двухъ прогрессистскихъ буяновъ, и даже полиція отказала имъ въ просимомъ содѣйствіи. Теперь Лассаль хотѣлъ взять быка за рога и созвалъ публичное собраніе въ большомъ залѣ Эльдорадо. Сильное воспаленіе горла помѣшало ему однако выступить, и прогрессисты торжествуя начали распространять слухъ, что онъ отступилъ изъ страха. Но когда Лассаль появился затѣмъ 22-го ноября въ новомъ публичномъ собраніи, которое онъ опять созвалъ въ Эльдорадо, то ворвалась толпа полицейскихъ, насильно разогнала собравшихся и арестовала Лассаля по обвиненію въ томъ, что въ своемъ обращеніи къ работникамъ Берлина онъ подготовлялъ актъ государственной измѣны. Присутствующіе прогрессисты и, къ сожалѣнію, также рабочіе, одураченные прогрессистами, привѣтствовали этотъ актъ изступленными криками „браво!“

Черезъ три дня Лассаль былъ выпущенъ изъ предварительнаго заключенія подъ залогъ въ 3.000 талеровъ, но онъ убѣдился, что его штурмъ на Берлинъ не удался. Знаки одобренія,

которыми рабочіе встрѣтили его арестъ, доказали ему, что онъ не въ состояніи еще пробудить достаточно большую силу, которая сломила бы общее противодѣйствіе прогрессистской партіи и полиціи. Для поддержанія чести онъ устроилъ еще одно, два собранія, которыхъ не разстраивали больше, потому ли, что въ прогрессистской партіи проснулся остатокъ стыда, или потому, что она была теперь увѣрена въ рабочихъ. Затѣмъ Лассаль отказался отъ агитаціи въ Берлинѣ. Число берлинскихъ членовъ Союза поднялось во время этой ожесточенной борьбы до 200, оно быстро упало опять до 30 или 40, и выше этой цифры оно уже не поднималось при жизни Лассаля.

---

2. Лассаль и Бисмаркъ.

Тѣмъ временемъ новые выборы въ палату депутатовъ доставили прогрессистской партіи новую побѣду, несмотря на самыя судорожныя усилія Бисмарка, несмотря на правительственное давленіе и репрессіи. Правда, число консервативныхъ депутатовъ также возросло съ одной дюжины до трехъ дюжинъ, но не на счетъ прогрессистской партіи, а на счетъ старо-либераловъ и другихъ мелкихъ, промежуточныхъ группъ. Новая палата депутатовъ тотчасъ отмѣнила ордонансъ о печати, и Бисмаркъ пожертвовалъ имъ; его спекуляція на національное чувство не удалась на первый разъ, но обстоятельства сложились такъ, что онъ тотчасъ же могъ повторить ее съ большей надеждой на успѣхъ.

15-го ноября умеръ король датскій, не оставивъ прямыхъ наслѣдниковъ мужского пола, а 18-го ноября была опубликована общая датская конституція, включившая герцогство Шлезвигъ въ королевство Данію вопреки Лондонскому протоколу. Этимъ актомъ былъ снова поставленъ на очередь шлезвигъ-голштинскій вопросъ, въ которомъ уже болѣе полупоколѣнія воплощался, такъ сказать, германскій позоръ. Націю охватило несомнѣнно сильное движеніе. Въ сотняхъ народныхъ собраній была выражена готовность жертвовать кровью и матеріальными средствами для освобожденія герцогства отъ датскаго ига; съ этой цѣлью рѣшено было собирать деньги и вербовать добровольческіе отряды. Противъ движенія рѣзко выступили нѣмецкія великія державы, Австрія и Пруссія, не пожелавшія отступить отъ лондонскаго протокола, который насильственнымъ путемъ устранилъ шлезвигъ-голштин-

скій порядокъ престолонаслѣдія въ пользу датскаго наслѣдника престола. Онѣ заявили, что если онѣ вмѣшаются противъ Даніи, то исключительно въ виду неисполненія ею обязательствъ, которыя она взяла на себя относительно Шлезвигъ-Голштиніи по Лондонскому протоколу; этимъ самымъ онѣ признали юридическую силу документа, уничтоженія котораго бурно требовало національное движеніе. Въ этой мѣрѣ были даны условія для революціонной народной войны за Шлезвигъ-Голштинію, которой Марксъ требовалъ въ 1848 г. и Лассаль въ 1859 году.

Нѣмецкой буржуазіи удалось, однако, въ трогательномъ согласіи съ дипломатіей мелкихъ и среднихъ государствъ, тотчасъ же завести національное движеніе въ тупикъ, выдвинувъ вопросъ о наслѣдственныхъ правахъ августенбургскаго дома,—княжескихъ правахъ, легитимитетъ которыхъ былъ записанъ, вѣроятно, на какой-нибудь средневѣковой бараньей кожѣ, но моральная нетлѣнность и политическое оправданіе которыхъ были записаны на совсѣмъ другомъ листѣ. Самъ августенбургскій претендентъ принадлежалъ къ числу тѣхъ заурядныхъ принцевъ, одинаково ничтожныхъ по характеру и по уму, которыми была наводнена Германія; борьбу за свое „право" онъ началъ попрошайническимъ письмомъ къ Людовику Бонапарту. Въ Германіи самыми усердными защитниками его были герцогъ Кобургъ-готскій, вездѣсущій Иванушка, составлявшій посмѣшище всей Европы, и саксонскій министръ ф.- Бейстъ, позорныя дѣянія котораго по отношенію къ майскимъ борцамъ Дрездена стали предметомъ европейскаго скандала.

Несмотря на этотъ сомнительный союзъ, нѣмецкая буржуазія поспѣшила предоставить къ услугамъ августенбургской агитаціи все свое вліяніе на нѣмецкія массы. Для этой возвышенной задачи соединились мало - и великогерманцы, и новый съѣздъ депутатовъ во Франкфуртѣ на М. назначилъ комитетъ 36-ти, взявшійся посредствомъ громкозвучныхъ заявленій объ юридической ничтожности сжить со свѣта австрійскіе и прусскіе штыки. Дѣло дошло скоро до того, что радикальные элементы самой буржуазіи возмутились противъ этого отталкивающаго шума. Когда возникла мысль поднести „истинно нѣмецкому" министру Бейсту національный подарокъ за его заслуги въ шлезвигъ-голштинскомъ дѣлѣ, то „*Еженедѣльникъ Національнаго союза*" предотвратилъ этотъ избытокъ безчестія, разоблачивъ въ нѣсколькихъ статьяхъ страшныя тайны каторжной тюрьмы въ Вальдгеймѣ. Затѣмъ, когда за августенбургскую затѣю поспѣшила съ восторгомъ

ухватиться прусская прогрессистская партія, то ея лѣвое крыло не пошло на это. Вальдекъ заявилъ, напротивъ, что у прусской палаты депутатовъ нѣтъ рѣшительно никакого основанія воодушевляться въ пользу претендента подобнаго сорта; чѣмъ основывать безсильное карликовое государство въ шлезвигъ-голштинскихъ пограничныхъ маркахъ, было бы уже разумнѣе присоединить ихъ къ Пруссіи. Но именно въ этомъ и заключалась—тайная пока—конечная цѣль Бисмарка, который добивался ея, слѣдуя кривыми путями глубоко реакціонной кабинетской политики, но съ ловкостью, далеко превосходившей соединенные государственные таланты дипломатіи среднихъ и мелкихъ государствъ, также какъ велико-и малогерманской буржуазіи.

Лассаль отнесся такъ же отрицательно къ „шлезвигъ-голштинскому опьяненію", какъ Марксъ въ свое время—къ трактирному энтузіазму по поводу окруженной морями Германіи. Поскольку національное движеніе не было фальшивой пробы, оно охватило и рабочихъ. Въ частности, гамбургскіе члены Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза, жившіе такъ близко къ спорнымъ землямъ, выпустили воззваніе, приглашавшее къ сбору денегъ и вербовкѣ войскъ въ защиту „добраго нѣмецкаго права", при чемъ имѣлась въ виду не прогрессистская политика слѣдованія во хвостѣ у другихъ, а самостоятельный шагъ рабочаго класса. Было очевидно, что при наличныхъ условіяхъ подобный шагъ могъ только дать господствующимъ классамъ желанный поводъ задушить молодое рабочее движеніе, и потому Лассаль поспѣшилъ своевременно предупредить угрожающую опасность. Онъ составилъ резолюцію, въ которой охарактеризовалъ Лондонскій протоколъ какъ насильственный актъ, а легитимное княжеское право какъ фантомъ. Лассаль заявилъ, что долгъ всѣхъ нѣмецкихъ правительствъ—вырвать герцогства изъ подъ власти датской короны, но нужно съ величайшей настойчивостью предостеречь противъ посылки добровольцевъ и членовъ гимнастическихъ Обществъ въ Шлезвигъ-Голштинію. Народъ вслѣдствіе этого потерялъ бы наиболѣе самоотверженныхъ своихъ борцовъ, сплоченіе которыхъ теперь необходимо больше, чѣмъ когда-либо. Въ сравненіи съ грандіозными центральными задачами, которыя должны быть разрѣшены въ самой Германіи, представляется вопросомъ сравнительно второстепеннаго интереса, будетъ ли въ числѣ 30-ти съ чѣмъ-то государей, которые правятъ пока въ Германіи, находиться также одинъ иностранный государь. Приверженцы прогрессистской пар-

тіи и „Національнаго союза“, выступающіе съ такимъ воодушевленіемъ за легитимное право государей, хотятъ повидимому, воспользоваться случаемъ съ Шлезвигъ-Голштиніей, чтобы отвлечь вниманіе отъ внутренняго положенія и, подъ видомъ патріотизма, уклониться отъ разрѣшенія конфликта, превосходящаго ихъ силы. Народъ не долженъ, однако, забывать, что при единствѣ и свободѣ Германіи шлезвигъ-голштинскій вопросъ разрѣшается самъ собой, тогда какъ никакой успѣхъ въ Шлезвигъ-Голштиніи не въ состояніи обезпечить германскаго единства и свободы.

Резолюція была повсюду принята въ Союзѣ. Гамбургскіе члены, первый пылъ которыхъ Лассаль призналъ вполнѣ почтеннымъ, понемногу также успокоились. Изъ двухъ членовъ правленія, жившихъ въ Гамгургѣ, Аудорфъ съ самаго начала сохранилъ хладнокровіе, а Перль получилъ еще особое письмо отъ Лассаля съ настойчивымъ предостереженіемъ не дѣлать ничего для вербовки добровольцевъ. Безъ сомнѣнія взглядъ Лассаля на шлезвигъ-голштинскій вопросъ вполнѣ соотвѣтствовалъ при тогдашнихъ условіяхъ интересамъ пролетаріата; то же самое можно сказать относительно резолюціи, которую Лассаль провелъ около этого времени по польскому вопросу.

Резолюція эта признавала за польскимъ возстаніемъ 1863 г. ту европейскую заслугу, что оно разрушило иллюзію панславизма; вмѣстѣ съ тѣмъ оно лишило почвы прежнее опасеніе многихъ нѣмецкихъ патріотовъ, что между Наполеономъ и Россіей будетъ заключенъ союзъ подъ покровомъ національнаго принципа. Такимъ образомъ исполнена важнѣйшая предварительная работа для солидарной политики европейской демократіи. Предъ Германіей польское возстаніе пріобрѣло ту спеціальную заслугу, что устранило одно изъ могущественнѣйшихъ внѣшнихъ препятствій для установленія германскаго единства, если Германія воспользуется польскимъ возстаніемъ для своего переустройства. Возстановленіе независимой Польши подъ покровительствомъ Германіи представляетъ собою самую законную и славную ея задачу въ области внѣшней политики, а война съ этой цѣлью—самый прямой интересъ Германіи, единственное искупленіе несправедливости, совершенной при раздѣлѣ Польши, и въ то же время истинное освобожденіе отъ гнета, тяготѣющаго надъ ней и съ востока, и съ запада. Единственная оговорка, сдѣланная Лассалемъ, касалась мирной германизаціи нѣкоторыхъ польскихъ областей, которой онъ придавалъ большее значеніе, чѣмъ Марксъ въ „*Новой Рейнской Га-*

зеттъ", оцѣнивая ее приблизительно такъ, какъ Марксъ сдѣлалъ это въ *„Нью-Іоркской Трибунѣ"*. Лассаль видѣлъ въ ней вопросъ факта, зависящій отъ спеціальныхъ изслѣдованій. Съ коммунистически-революціонной точки зрѣнія принципіальное содержаніе его резолюцій по польскому и шлезвигъ-голштинскому вопросамъ не могло встрѣтить возраженій, и обѣ онѣ были дѣйствительно подтверждены коммунистическимъ Образовательнымъ рабочимъ ферейномъ въ Лондонѣ.

Между тѣмъ ходъ политическихъ событій зимою 1863—64 г. былъ въ общихъ чертахъ слѣдующій. Прусская палата депутатовъ отказала въ своемъ согласіи на заемъ въ 12 милл. талеровъ, которыхъ Бисмаркъ требовалъ на экзекуцію противъ Даніи, и снова вычеркнула изъ бюджета на 1864 г. расходы по реорганизаціи арміи. Такъ какъ Бисмаркъ заявилъ напередъ, что онъ будетъ игнорировать эти постановленія палаты, то Якоби предложилъ отказать правительству въ утвержденіи всего бюджета: министерству, намѣренно и принципіально нарушающему конституцію, нельзя вообще довѣрять распоряженія государственными деньгами. Это было въ своемъ родѣ послѣдовательно. Но большинство прогрессистской партіи было также въ своемъ родѣ послѣдовательно, когда оно полагало, что отклоненіе всего бюджета является актомъ чисто-призрачнымъ, что такъ какъ предполагаемое дѣйствіе не послѣдовало бы, то положеніе оппозиціи еще ухудшилось бы, развѣ если бы плательщики налоговъ отказались платить налоги, но объ этомъ и думать нечего. Такимъ образомъ, ограничились тѣмъ, что изъ бюджета въ 135 милл. талеровъ вычеркнули неполныхъ 6 милл. талеровъ, другими словами—игра Бисмарка была выиграна. 25 января 1864 г. онъ распустилъ ландтагъ, съ весьма немилостивымъ выговоромъ палатѣ депутатовъ, и согласно своему обѣщанію взялъ деньги тамъ, гдѣ ихъ можно было достать. Для сравнительно небольшихъ суммъ, о которыхъ шла рѣчь, у него были пока достаточные финансовые рессурсы, а государственныхъ кредиторовъ онъ успокоилъ опубликованнымъ 12 февраля постановленіемъ совѣта министровъ, связывавшимъ финансовое управленіе опредѣленными, твердо ограниченными нормами. Эти событія вновь подтвердили взглядъ Лассаля, что парализовать правительство оппозиція могла бы только посредствомъ полной остановки конституціоннаго механизма. Продолжая парламентировать, палата депутатовъ достигла лишь того, что ее вообще перестали принимать въ расчетъ, какъ политическую силу.

Болѣе того: она стала прямо опорой для своего противника. Изъ-за франкфуртскаго съѣзда государей и шлезвигъ-голштинскаго кризиса Бисмаркъ попалъ подъ перекрестный огонь феодальныхъ и придворныхъ интригъ, и онъ хорошо зналъ, что онѣ все больше будутъ усложняться, чѣмъ болѣе раскроется его германская политика. Королева Августа, ученица Гёте и образованная женщина, всегда недолюбливала остъ-эльбскаго юнкера; наслѣдникъ и его жена были либеральны и въ еще гораздо большей степени настроены въ пользу Августенбурговъ; вліятельная вдовствующая королева боялась всякой ссоры съ Австріей, и такую же боязнь испытывала значительная часть юнкерства. Всѣ эти вліянія обрушивались на нерѣшительный характеръ короля. Всюду повторяли тогда bon mot, будто бы сказанное Бисмаркомъ: „Едва вы шпорами довели стараго мерина до края рва, какъ онъ однимъ могучимъ скачкомъ бросается назадъ". И если Бисмаркъ сохранилъ все-таки благоволеніе короля, то онъ былъ обязанъ этимъ смѣлости, съ которой далъ отпоръ бунтующей палатѣ депутатовъ. Онъ хорошо зналъ, чтȯ дѣлалъ, когда вызывалъ предъ королемъ тѣни 18-го марта, когда, согласно собственному разсказу, сравнивалъ короля съ Карломъ I англійскимъ, себя самого—съ Страффордомъ, а безобидныхъ манчестерцевъ, желавшихъ только обрѣзать немного купонными ножницами „непроизводительные" расходы на армію,—съ сборищемъ кровожадныхъ Кромвелей.

Въ шлезвигъ-голштинскомъ вопросѣ Бисмаркъ дѣйствовалъ на основаніи Лондонскаго протокола, заодно съ Австріей, которая теперь охотно пошла ему на встрѣчу, опасаясь національнаго движенія и, судя по нѣкоторымъ парламентскимъ намекамъ австрійскихъ министровъ, изъ тайнаго также недовѣрія къ самому Бисмарку. На большинство въ союзномъ сеймѣ и уничтожающія резолюціи 36-ти Бисмаркъ не обратилъ никакого вниманія. Политическіе вопросы, говорилъ онъ, суть вопросы силы; нѣмецкія великія державы—теплица, защищающая Германскій Союзъ отъ европейскаго сквозняка; Пруссія не можетъ допустить, чтобы ея голосъ былъ подавленъ большинствомъ, представляющимъ какихъ-нибудь два, три милліона нѣмцевъ. Самое бóльшее, это если онъ пользовался напыщенными резолюціями 36-ти предъ иностранными державами, подобно тому какъ онъ пользовался напыщенными рѣчами прусскихъ депутатовъ предъ королемъ: онъ дѣлалъ видъ, что эти прокламаціи могутъ зажечь революцію въ Германіи, если нѣмецкія великія державы не выступятъ противъ Даніи, по край-

ней мѣрѣ—на основаніи Лондонскаго протокола. Правда, комиссія 36-ти еще превзошла комизмъ этой мистификаціи, выпустивъ новое воззваніе, гдѣ она утѣшалась въ прочихъ своихъ неудачахъ тѣмъ, что „все-таки погнала въ Шлезвигъ Австрію и Пруссію, эти державы, враждебныя дѣлу національной чести и всегда выставляющія на показъ свой принципіальный антагонизмъ по отношенію къ національному теченію".

Въ январѣ 1864 г. Австрія и Пруссія обратились къ Даніи съ требованіемъ, чтобы она взяла назадъ новую общую конституцію, въ противномъ случаѣ онѣ вынуждены будутъ вмѣшаться; если Данія отвѣтитъ на ихъ вмѣшательство вооруженнымъ сопротивленіемъ, то война уничтожитъ всѣ трактаты, и Лондонскій протоколъ придется тогда вообще обсудить снова. Данія заупрямилась, и дѣло дошло до войны. 18-го апрѣля прусскіе полки взяли приступомъ Дюппельскія укрѣпленія. По почину Англіи была затѣмъ созвана въ Лондонѣ международная конференція и на ней сдѣланы новыя попытки добиться соглашенія между воюющими сторонами. Теперь Бисмаркъ совершенно отказался отъ Лондонскаго протокола; одновременно съ этимъ въ Пруссіи и въ самихъ герцогствахъ стали появляться адресы, обращавшіеся къ королю съ стыдливымъ и замаскированнымъ пока требованіемъ о присоединеніи къ Пруссіи, и адресы были милостиво приняты королемъ. Бисмаркъ писалъ по этому поводу одному близкому лицу, что ему кажется цѣлесообразнымъ „спустить всѣхъ собакъ, желающихъ лаять"; „весь громкій лай своры" имѣетъ то конечное дѣйствіе, что иностранцы начинаютъ считать невозможнымъ подчиненіе герцогствъ датчанамъ. Нужно пріучить Августенбуржца и „всѣхъ вѣчно нераздѣльныхъ до самаго Кенигсау" задумываться надъ программами, которыхъ прусское правительство не можетъ имъ принести. Адресы должны отучить герцогства отъ „аферистской манеры" смотрѣть на себя, какъ на имянинниковъ въ нѣмецкой семьѣ, за партикулярные интересы которыхъ Пруссія должна рисковать своимъ существованіемъ. И для „освѣщенія положенія" Бисмаркъ прибавлялъ „наконецъ", что лично для него присоединеніе къ Пруссіи является, если не высшею и необходимою цѣлью, то все же самымъ пріятнымъ результатомъ.

Во время этихъ политическихъ событій между Лассалемъ и Бисмаркомъ происходили личные переговоры. Все, что извѣстно по этому предмету, основано на сообщеніяхъ, сдѣланныхъ въ 1878 г., съ одной стороны, графиней Гацфельдтъ, съ другой—

Бисмаркомъ. Они расходятся во многихъ пунктахъ. Такъ, спорно прежде всего, кто началъ переговоры: по словамъ графини Гацфельдтъ, первые шаги сдѣлалъ Бисмаркъ, по словамъ самого Бисмарка—Лассаль. Ничего вѣрнаго по этому пункту нельзя установить, да оно и не особенно важно, такъ какъ Бисмаркъ признаетъ, что онъ охотно пошелъ на встрѣчу, а Лассаль, разъ онъ считалъ вообще необходимымъ или желательнымъ вступать въ переговоры съ Бисмаркомъ, врядъ ли придавалъ формальному вопросу этикета такое большое значенiе, какъ утверждала потомъ гр. Гацфельдтъ. Происходили ли свиданiя три или четыре раза, какъ говоритъ Бисмаркъ, или гораздо чаще, какъ утверждаетъ графиня Гацфельдтъ, также трудно рѣшить, да оно и довольно безразлично. Въ третьемъ пунктѣ показанiе Бисмарка имѣетъ за себя бóльшую вѣроятность. По словамъ графини Гацфельдтъ, Лассаль оборвалъ отношенiя, такъ какъ Бисмаркъ отказался даровать немедленно всеобщее избирательное право; между тѣмъ по утвержденiю Бисмарка, разрыва никакого не было, и за правдоподобiе этого показанiя говоритъ то, что писанiя Лассаля до конца его жизни посылались, по его распоряженiю, Бисмарку. Однако въ несравненно болѣе важномъ вопросѣ, о чемъ шла рѣчь въ этихъ переговорахъ, гр. Гацфельдтъ несомнѣнно болѣе права, нежели Бисмаркъ, когда говоритъ: о политическихъ дѣлахъ. Увѣренiе Бисмарка, что онъ прiятно болталъ съ Лассалемъ, какъ если бы это былъ остроумный сосѣдъ по имѣнiю, можно считать не болѣе какъ шутливой уверткой.

Нѣтъ ничего забавнѣе поэтому попытки Бисмарка обосновать свое увѣренiе. Въ 1878 г. онъ заявилъ по этому поводу: „Наши отношенiя и не могли имѣть характера политическихъ переговоровъ. Чтò могъ бы Лассаль предложить и дать мнѣ? Онъ ничего не имѣлъ за собою. Во всѣхъ политическихъ переговорахъ въ глубинѣ сцены стоитъ do ut des, хотя бы о немъ изъ приличiя до поры до времени не говорили. Ну, а какъ обстоитъ дѣло, если приходится сказать себѣ: чтò ты можешь дать мнѣ, бѣдняга (armer Teufel)? У Лассаля не было ничего такого, чтò онъ могъ бы дать мнѣ, какъ министру. Чтò у него дѣйствительно было, это — черты, необыкновенно привлекавшiя меня, какъ частнаго человѣка: онъ былъ однимъ изъ остроумнѣйшихъ и милѣйшихъ людей, съ какими я только когда-либо встрѣчался, человѣкъ честолюбивый въ крупномъ стилѣ, отнюдь не республиканецъ; у него былъ весьма ярко выраженный нацiональный и монархи-

ческій образъ мыслей; идеаломъ, къ которому онъ стремился, была германская императорская власть, и въ этомъ заключалась точка нашего соприкосновенія. Лассаль былъ честолюбивъ въ крупномъ стилѣ, и для него представлялось, быть можетъ, сомнительнымъ, должна ли германская императорская власть остановиться окончательно именно на династіи Гогенцоллерновъ или на династіи Лассалей, но монархическимъ его образъ мыслей былъ насквозь". Эти заявленія показываютъ, что въ переговорахъ роль „бѣдняги" сыгралъ Бисмаркъ: его попытка „ѣсть вишни въ компаніи съ соціализмомъ", кончилась дѣйствительно тѣмъ, что ему достались однѣ косточки, какъ это предсказалъ, говорятъ, Лассаль.

Переговоры ихъ вертѣлись, по утвержденію гр. Гацфельдтъ и признанію самого Бисмарка, вокругъ всеобщаго избирательнаго права и производительныхъ ассоціацій при содѣйствіи государственнаго кредита. Можно прибавить, что для Лассаля важно было первое, а для Бисмарка — послѣднее. Одинъ профессоръ-карьеристъ провозгласилъ недавно Дизраэли, Людовика Бонапарта и Бисмарка тремя классическими представителями имперіалистскаго соціализма, причемъ Дизраэли и даже Бонапартъ отдѣлываются съ незаслуженною жестокостью. Если уже хотятъ говорить о соціализмѣ Бисмарка, то его нужно назвать нищенскимъ или лакейскимъ соціализмомъ. Всѣмъ достаточно извѣстно неисправимое упрямство, съ которымъ Бисмаркъ выступалъ не только противъ революціонной освободительной борьбы пролетаріата, что разумѣется само собою, но и противъ всѣхъ соціальныхъ реформъ, способныхъ поднять положеніе рабочаго класса на почвѣ буржуазнаго общества. Прошлое столѣтіе не видѣло ни одного капиталистическаго эксплуататора, который откровеннѣе Бисмарка объявлялъ бы воскресный отдыхъ рабочихъ подаркомъ данайцевъ или клеймилъ бы законодательную регламентацію дѣтскаго труда на фабрикахъ, какъ предосудительное вторженіе во внутреннее святилище семьи. Весь „соціализмъ" Бисмарка вылился въ словахъ, которыми онъ объяснилъ разъ одному изъ своихъ приспѣшниковъ основной мотивъ офиціознаго рѣшенія рабочаго вопроса: „Кто имѣетъ надежду получить пенсію на случай старости или инвалидности, какъ бы мала эта пенсія ни была, тотъ чувствуетъ себя лучше и довольнѣе своей участью, тотъ гораздо послушнѣе и покладистѣе, чѣмъ человѣкъ, который смотритъ въ неизвѣстное будущее. Обратите, напр., вниманіе на разницу между частнымъ слугою и канцелярскимъ или придворнымъ служителемъ: эти послѣдніе поз-

волятъ гораздо больше по отношенію къ себѣ, потому что они гораздо больше перваго привязаны къ своей службѣ, ожидая пенсіи". Соціализмъ Бисмарка, если ужъ хотятъ злоупотреблять этимъ словомъ, всегда имѣлъ цѣлью морочить рабочихъ нищенскими подачками, для того, чтобы они, подобно придворнымъ лакеямъ, были „покладистѣе" и „позволяли больше по отношенію къ себѣ".

Съ этой геніальной точки зрѣнія Бисмаркъ смотрѣлъ и на производительныя ассоціаціи при содѣйствіи государственнаго кредита. Его бонапартистскіе маневры натолкнулись на нѣкоторое сопротивленіе въ совѣтѣ министровъ; старыя бюрократическія косички не понимали еще этой новой моды. Тѣмъ больше основаній было у Бисмарка искать добраго совѣта въ другомъ мѣстѣ. Собственная экономическая мудрость его заключалась въ мутной мѣшанинѣ феодально-средневѣковыхъ остатковъ и начатковъ вульгарной экономіи, въ полномъ соотвѣтствіи съ положеніемъ юнкера, начинающаго соображать прелесть капиталистической наживы. Само собою разумѣется, что Лассаль ни на одну минуту не обманывалъ себя насчетъ соціалистическаго образа мыслей Бисмарка, такъ же точно, какъ Бисмаркъ не обманывалъ себя насчетъ монархическаго образа мыслей Лассаля. Ужасъ, объявшій Лассаля, когда онъ заглянулъ за кулисы нищенскаго и лакейскаго соціализма, довольно явственно отражается въ энергичныхъ протестахъ, которые онъ послѣ этого неоднократно выражалъ противъ всякаго экспериментированія съ его предложеніемъ о производительныхъ ассоціаціяхъ. Самое большее, что можно сказать, это—что Лассаль старался использовать для своихъ цѣлей глупость Бисмарка, какъ напр. весною 1864 г., когда въ Берлинъ явилась депутація изъ трехъ силезскихъ ткачей, чтобы просить короля о защитѣ противъ эксплуатировавшихъ ихъ капиталистовъ.

Хроническая нужда силезскихъ ткачей перешла тогда въ острую катастрофу вслѣдствіе хлопковаго кризиса. Уже въ августѣ 1862 г. фабриканты Рейхенбахскаго уѣзда обратили вниманіе ландрата Олеарія на „серьезность положенія" и просили принять на зиму мѣры противъ нужды среди ткачей. Олеарій отвѣтилъ имъ, что всѣ фабриканты несомнѣнно сами приложатъ всѣ усилія, чтобы изъ собственныхъ средствъ предотвратить угрожающее бѣдствіе; ихъ положеніе въ общемъ улучшилось, между тѣмъ какъ положеніе рабочихъ остается все въ томъ же печальномъ видѣ. Когда фабриканты предложили затѣмъ устроить работный домъ для неимѣющихъ занятія ткачей, то Олеарій насмѣшливо отвѣтилъ, что

это предложеніе „не безъ основанія“ навлечетъ на его иниціаторовъ ненависть рабочихъ; неужели работный домъ есть единственное средство защитить отъ голода населеніе, безъ вины попавшее въ нужду—населеніе, которое врядъ ли имѣло когда-нибудь возможность отложить копѣйку на черный день и трудомъ котораго другіе разбогатѣли? Этотъ ландратъ былъ крошечнымъ Бонапартомъ и потому пришелся вполнѣ по душѣ тому маленькому Бонапарту, который вскорѣ послѣ этого, весною 1862 г., сталъ прусскимъ министромъ-президентомъ. Дѣло обратило на себя нѣкоторое вниманіе и послужило также предметомъ парламентскихъ дебатовъ. Рейхенбахскій уѣздъ, въ которомъ были расположены большія ткацкія села Лангенбилау и Петерсвальдау, представлялъ собою вулканическую почву, а среди тамошнихъ фабрикантовъ находился одинъ изъ вождей прогрессистской партіи Леоноръ Рейхенгеймъ, владѣвшій въ Вюсте-Гирсдорфѣ большой прядильней и ткацкой фабрикой, одной изъ фабрикъ, основанныхъ „Морской торговой компаніей“ въ 40-хъ гг. и спущенныхъ Ганземаномъ за безцѣнокъ въ 1848 г. Рейхенгеймъ былъ фабрикантомъ-капиталистомъ обычнаго типа; онъ не отвѣчалъ эксплуатируемымъ имъ рабочимъ такими глумленіями, какъ нѣкогда братья Цванцигеръ, но утѣшалъ ихъ сберегательными рецептами Шульце, что̀ неблагодарные ткачи также сочли за горькую насмѣшку. Они довольно вѣрно возражали: изъ чего намъ сберегать, не повѣсить ли намъ въ печной трубѣ свои желудки?

И вотъ весною 1864 г. въ Берлинъ пріѣхали изъ Вюсте-Гирсдорфа ткачъ Флоріанъ Пауль съ двумя товарищами, чтобы положить у подножія трона свои жалобы; порученіе дали имъ 300 ткачей, работавшихъ большей частью у Рейхенгейма. Вѣроятно, что этотъ шагъ былъ подсказанъ ткачамъ съ феодальной стороны, иначе нельзя понять, откуда бы у нихъ взялось довѣріе къ королевской власти, которая 20 годами раньше наказала пулями, плетьми, тачками и кандалами ихъ сопротивленіе безпримѣрной эксплуатаціи. Впрочемъ, офиціально ландратъ Олеарій заявилъ, что онъ не можетъ ни содѣйствовать, ни препятствовать намѣренію ткачей. Сердце этого браваго господина было раздѣлено, такъ какъ его непосредственный начальникъ, министръ внутреннихъ дѣлъ и въ то же время министръ торговли, которому была подвѣдомственна промышленная политика, слышать не хотѣлъ о бонапартистскихъ фокусахъ. Прошло дѣйствительно четыре не-

дѣли, пока Бисмаркъ добился своего и доставилъ депутаціи ткачей аудіенцію у короля.

Тѣмъ временемъ ткачи осмотрѣлись въ берлинскихъ рабочихъ кругахъ и, между прочимъ, набрели на извѣстнаго тогда рабочаго Карла Прейссе, принадлежавшаго и къ Всеобщему Германскому Рабочему Союзу Лассаля и къ Берлинскому рабочему ферейну Шульце-Делича. Прогрессисты утверждали, что Прейссе агентъ Вагенера, и стремились свить отсюда веревку для Лассаля, въ домѣ котораго видали Прейссе. Поскольку это утвержденіе возможно провѣрить въ настоящее время, оно представляется ни на чемъ не основаннымъ заподозриваніемъ. Судя по весьма многочисленнымъ рѣчамъ Прейссе, имѣющимся въ тогдашнихъ газетныхъ отчетахъ о берлинскомъ рабочемъ движеніи, это былъ одинъ изъ тѣхъ болтливыхъ, но благомыслящихъ „общественныхъ" людей, которые вездѣ суются впередъ и къ которымъ въ концѣ концовъ всюду начинаютъ относиться со своего рода насмѣшливой терпимостью; когда прогрессисты, чтобы лучше подкрѣпить свое утвержденіе, хотѣли добиться исключенія Прейссе изъ Берлинскаго рабочаго ферейна, то значительное большинство не допустило такого приговора, заявивъ, что Прейссе дѣйствительно порядочный чудакъ, но честный малый. Силезскимъ ткачамъ, обратившимся къ нему за помощью и совѣтомъ, онъ сказалъ, что самъ онъ не ученый, пусть обратятся къ Лассалю, Шульце-Деличу и Вагенеру, настоящимъ ученымъ спеціалистамъ по рабочему вопросу. Когда же ткачи возразили, что рецепты Шульце имъ надоѣли, то онъ вмѣсто апостола бережливости порекомендовалъ имъ наборщика Дитмана, предсѣдателя Берлинскаго рабочаго ферейна.

Лассаль пришелся ткачамъ гораздо больше по душѣ, чѣмъ Дитманъ и Вагенеръ. Флоріанъ Пауль былъ назначенъ уполномоченымъ для Вюсте-Гирсдорфа, и рейхенбахскій уѣздъ сталъ скоро одной изъ самыхъ крѣпкихъ опоръ Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза. Напротивъ, Бисмаркъ вполнѣ сыгралъ роль „бѣдняги", введя депутацію ткачей къ королю. „Соціальная монархія" основательно осрамилась: король обѣщалъ ткачамъ „тотчасъ регулировать вопросъ въ законодательномъ порядкѣ и такимъ образомъ помочь ихъ нуждѣ", но обѣщаніе осталось неисполненнымъ, чиновничья коммиссія, назначенная для разслѣдованія жалобъ, заявленныхъ ткачами, нашла все въ наилучшемъ порядкѣ, а Леоноръ Рейхенгеймъ вышелъ изъ всей этой исторіи со своего рода мученическимъ вѣнцомъ. Тѣмъ временемъ онъ сдѣлалъ страшную разборку

мѣстнымъ ткачамъ, и Бисмаркъ ссудилъ уволеннымъ рабочимъ изъ королевской шкатулки маленькій капиталъ для основанія производительной ассоціаціи. Однако и тутъ Бисмарку не было удачи, такъ какъ это образцовое учрежденіе, въ руководствѣ которымъ долженъ былъ оправдать свои государственные таланты ландратъ Олеарій, черезъ какой-нибудь годъ вылетѣло въ трубу. Размѣры милостыни, при посредствѣ которой Бисмаркъ хотѣлъ обратить силезскихъ ткачей въ придворныхъ лакеевъ, опредѣляются разно— отъ 6000 до 12.000 талеровъ.

Если Бисмаркъ интересовался производительными ассоціаціями при содѣйствіи государственнаго кредита по соображеніямъ демагогическаго свойства, то Лассаля, какъ демократа, интересовало всеобщее избирательное право. Въ переговорахъ съ Бисмаркомъ дѣло шло для него именно объ этомъ оружіи, которымъ онъ твердо разсчитывалъ побить и прогрессистскую партію, и реакцію. Онъ правильно предвидѣлъ, что Бисмарку придется рано или поздно прибѣгнуть ко всеобщему избирательному праву, и заблуждался лишь въ томъ отношеніи, что надѣялся своимъ личнымъ краснорѣчіемъ ускорить этотъ моментъ. Если Бисмаркъ ошибался въ Лассалѣ на манеръ ограниченно-хитраго дѣльца, то Лассаль ошибался въ Бисмаркѣ какъ великій и дальнозоркій идеалистъ, предполагавшій у своего противника точки зрѣнія, которыя были столь же чужды послѣднему, какъ гегелевская философія какому-нибудь папуасу.

О содержаніи того, чтò Лассаль говорилъ Бисмарку, чтобы подвинуть его на дарованіе всеобщаго избирательнаго права, можно съ значительной долей вѣроятія заключить по его позднѣйшимъ рѣчамъ. Исходя изъ взгляда, что прусская конституція не имѣла еще ни одного дня правомѣрнаго существованія, Лассаль видѣлъ въ дарованіи всеобщаго избирательнаго права не нарушеніе, а возстановленіе права, и это толкованіе было вполнѣ пріемлемо для всякаго, кто вообще могъ быть настолько благодушнымъ, чтобы говорить о правѣ въ Пруссіи послѣ безчисленныхъ насилій надъ правомъ, на которыхъ покоилось это благословленное „правовое государство“. Вся аргументація Лассаля была, однако, потеряннымъ трудомъ, поскольку ея цѣлью было произвести впечатлѣніе на Бисмарка и его короля: оба они участвовали въ столь многихъ насиліяхъ надъ правомъ, что для нихъ не могло имѣть значенія, будетъ ли число этихъ насилій однимъ больше или меньше; какъ показало скоро время, они дѣйствительно не придавали этому зна-

ченія. Столь же мало трогалъ ихъ призывъ Лассаля къ „образованнѣйшимъ и интеллигентнѣйшимъ", которые въ своей распрѣ съ буржуазіей должны будутъ признать обращеніе къ народу „исходомъ, имѣющимъ за себя высшую историческую санкцію", или призывъ Лассаля къ королевской власти, которая все еще стоитъ передъ нами, „сдѣланная изъ своего первоначальнаго тѣста" и опираясь на рукоятку меча. Опять-таки и это было для нихъ настоящей китайской грамотой. Они познакомились теперь съ народомъ, котораго Фридрихъ-Вильгельмъ IV еще не зналъ въ началѣ своего царствованія, съ тѣмъ puer robustus et malitiosus, крѣпкимъ и злымъ малымъ, который 18 марта 1848 г. мѣсилъ жесткими кулаками „первоначальное тѣсто" законной королевской власти и разломалъ мечъ принца Прусскаго. И они благоразумно остерегались призывать его преждевременно на сцену. Дѣйствительно, Лассаль забылъ въ этомъ разсужденіи два собственныхъ своихъ тезиса: тезисъ, что „индивиды даются въ обманъ, классы—никогда", и тезисъ—„революціи снизу прогрессистская партія все еще готова предпочесть деспотизмъ сверху". Бисмаркъ былъ не только личностью, но и классомъ, и онъ очень хорошо зналъ, что въ крайнемъ случаѣ можетъ купить буржуазію гораздо дешевле, нежели стоитъ крупная уступка пролетаріату.

Бисмаркъ отнюдь не любилъ трехразрядной избирательной системы, рѣзко обнаружившей въ послѣдніе годы, на ряду со своимъ анти-демократическимъ характеромъ, также свой анти-феодальный характеръ, и ему предстояло вскорѣ охарактеризовать ее „какъ самую жалкую и безсмысленную избирательную систему". Онъ не игнорировалъ также заманчивыхъ сторонъ, которыя имѣетъ для юнкеровъ всеобщее избирательное право, пока сельскій пролетаріатъ находится подъ ихъ началомъ. Но его классовое сознаніе было слишкомъ сильно выражено, чтобы преждевременно испробовать эту обоюдоострую сѣкиру. Прежде всего ему былъ вполнѣ на руку благодушно-сонливый способъ, какимъ прогрессистская партія вела конституціонный конфликтъ; у него не было не только настоятельнаго, но—для ближайшаго времени—вообще никакого повода даровать въ Пруссіи всеобщее избирательное право. Никто вѣдь не доказалъ убѣдительнѣе самого Лассаля безнадежность прогрессистской оппозиціи.

Только когда дѣло дошло до объединенія Германіи, Бисмаркъ пустилъ въ ходъ козырь всеобщаго избирательнаго права, но вопросъ этотъ былъ еще пока глубоко скрытъ въ извилистыхъ на-

чальныхъ стадіяхъ его реакціонной кабинетской политики, въ которую Лассаль не въ состояніи былъ вдохнуть живого увлекающаго духа. Бисмаркъ былъ всецѣло дипломатомъ старой школы, не думавшимъ и даже не осмѣливавшимся думать о томъ, чтобы играть съ картами на столѣ ту сильную игру, которую предлагалъ ему Лассаль. Прямота, которую онъ временами выставлялъ на показъ, чтобы тѣмъ лучше прикрывать свою хитрость, была похожа на ту „сильнѣйшую дипломатію, которой нѣтъ надобности окружать свои расчеты таинственностью, такъ какъ она основана на желѣзной необходимости", но лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ верблюдъ похожъ на лошадь или революція сверху—на революцію снизу. Великопруссія, составлявшая предметъ стремленій Бисмарка, могла нуждаться въ чемъ угодно, только не въ „подъемѣ душевной жизни" и „неизмѣримой экспансивной силѣ" націи, которыя Лассаль обѣщалъ отъ всеобщаго избирательнаго права.

Въ своихъ переговорахъ съ Бисмаркомъ Лассаль пошелъ по ложному пути, на который его увлекли избытокъ личной самоувѣренности и идеологическое преуменьшеніе силы, заключенной въ современной классовой борьбѣ. Безспорно, Лассаль сумѣлъ сохранить по отношенію къ реакціи полную свободу дѣйствій и всегда былъ вправѣ сказать себѣ, что онъ играетъ ею, а не она имъ. Но желаніе проникнуть хитростью въ крѣпость, которую нельзя было еще взять силою, внушило ему все-таки немало словъ, допускавшихъ превратное истолкованіе.

---

3. Борьба Лассаля съ юстиціей и полиціей.

Какъ нелегко было перехитрить старопрусское государство, объ этомъ Лассаль могъ бы судить уже по той ярости, съ которой прусскія власти обрушились на него и его агитацію. Бисмаркъ не взялъ его подъ свою защиту, да и врядъ ли былъ въ силахъ сдѣлать это, если бы даже и хотѣлъ. Полицейское государство имѣетъ свою собственную голову; оно инстинктивно реагируетъ противъ всякой попытки вырвать массы изъ подъ его ферулы, и бравые полицейскіе, желавшіе силою оттолкнуть пролетаріатъ отъ Лассаля къ Шульце-Деличу, были вполнѣ въ своей роли.

Но способъ, которымъ Лассаль велъ борьбу съ юстиціей и полиціей, дѣлаетъ ему величайшую честь. „Um einen Strohhalm

gross sich regen, steht Ehre auf dem Spiel" („поднимать шумъ изъ-за соломенки, разъ на карту поставлена честь"),—таковъ былъ его девизъ въ этой борьбѣ, и онъ часто высказывалъ мысль, которой никогда не постигалъ нѣмецкій либерализмъ,—что полицейское государство лишь тогда можетъ быть превращено въ правовое, если каждое отдѣльное лицо всѣми своими силами, не считаясь ни съ чѣмъ и съ величайшей оглаской преслѣдуетъ всякое насиліе, совершенное надъ нимъ вопреки праву, и не перестаетъ апеллировать къ общественной правовой совѣсти страны. Несмотря на идеологическую форму, въ которой выражена эта мысль, она безконечно практичнѣе образа дѣйствій тѣхъ практичныхъ людей, которые подчиняются всякому полицейскому произволу, на томъ основаніи, что ничего, молъ, противъ этого не подѣлаешь. Если бы буржуазная оппозиція всегда исповѣдывала принципъ Лассаля, то прусская свобода печати, союзовъ и собраній давно представляла бы собою нѣчто лучшее, чѣмъ бумажный параграфъ конституціи, какимъ она является теперь. Вмѣсто этого либерализмъ встрѣчалъ громкимъ или молчаливымъ одобреніемъ всѣ полицейскія придирки, которыми власти старались задушить молодое рабочее движеніе. Тѣмъ большаго уваженія заслуживаетъ Лассаль, старавшійся до истощенія физическихъ и душевныхъ силъ защитить свободу, хотя бы навлекая на себя этимъ ненависть, которая въ концѣ концовъ должна была сразить его, какъ отдѣльную личность.

Война Лассаля съ безправнымъ произволомъ остается типичной до настоящаго дня. Тѣмъ не мнѣе невозможно или именно поэтому не стоитъ прослѣживать ее въ деталяхъ. Полицейскія придирки, которыми преслѣдовали Лассаля и его сторонниковъ, еще слишкомъ знакомы теперь, чтобы нуждаться въ подробномъ изложеніи; кто когда-либо участвовалъ въ пролетарской классовой борьбѣ, тотъ испыталъ ихъ уже на собственной шкурѣ. Обыски и аресты, конфискаціи и отнятіе разрѣшеній на занятіе промысломъ, закрытіе союзовъ и собраній, запрещенія,—все это на основаніи законовъ, открывавшихъ уже сами по себѣ широкій просторъ полицейскому произволу, но безъ стѣсненій нарушавшихся послѣднимъ, какъ только они ставили ему какія-либо границы,—таковы были возвышенныя средства, при помощи которыхъ святая Германдада осуществляла свое призваніе поддерживать общественныя и государственныя основы противъ мирной и законной агитаціи за введеніе всеобщаго избирательнаго права въ интересѣ рабочихъ классовъ.

Юстиція стояла вполнѣ на высотѣ полиціи. Не говоря уже о прокурорахъ, являвшихся безвольными орудіями полицейскаго государства, судьи также зависѣли въ высокой степени отъ этого государства. Они вербовались изъ господствующихъ классовъ, были подчинены суровымъ дисциплинарнымъ законамъ, и даже лучшіе изъ нихъ вынуждались каучуковыми параграфами прусскаго уголовнаго кодекса класть въ основу судебныхъ рѣшеній свои классовые предразсудки. Классовой юстиціи не было надобности обманывать ни себя, ни другихъ сказкой, что Лассаль реакціонеръ. Она охотно выдавала ему удостовѣреніе, что онъ другого сорта человѣкъ, чѣмъ людишки либеральной оппозиціи. Укрѣпившись при помощи ряда позорныхъ насилій надъ правомъ, контръ-революція сообразно тогдашнему сонливому темпу буржуазной классовой борьбы не переходила извѣстной границы при пользованіи услугами развращенной ею юстиціи. Въ 50-хъ гг. сравнительно рѣдко возбуждались обвиненія на основаніи каучуковыхъ параграфовъ уголовнаго кодекса, и приговоры по такимъ дѣламъ были сравнительно мягкіе. Тюремное заключеніе за оскорбленіе властей, за возбужденіе ненависти и презрѣнія, за осмѣяніе государственныхъ учрежденій и т. д. уже тогда являлось событіемъ, и если судъ выносилъ такой приговоръ, то заключеніе ограничивалось днями или, максимумъ, немногими недѣлями. Этотъ порядокъ сразу измѣнился, когда на общественной сценѣ появился рабочій агитаторъ Лассаль. Прокуроры на перебой другъ передъ другомъ возбуждали противъ него судебныя преслѣдованія, причемъ трудно было сказать, что̀ заслуживаетъ большаго удивленія въ этихъ обвинительныхъ актахъ: дѣтская логика обоснованія или свирѣпость предлагаемыхъ наказаній. Девять мѣсяцевъ тюрьмы, два года тюрьмы, три года арестантскихъ ротъ,—вотъ съ какой быстротой слѣдовали другъ за другомъ кары въ теченіе одного года, и судьи не на много отставали отъ прокуроровъ въ стремленіи сдѣлать правосудіе карающимъ мечомъ угрожаемыхъ классовыхъ привилегій.

Въ первомъ и самомъ значительномъ процессѣ, который пришлось вести Лассалю, дѣло шло о „Программѣ работниковъ", возбуждавшей будто бы въ неимущихъ классахъ ненависть и презрѣніе къ имущимъ классамъ. Рѣчи, которыми Лассаль защищался сначала въ городскомъ судѣ, а затѣмъ въ судебной палатѣ, были не только шедеврами судебнаго краснорѣчія, но также цѣннымъ и дѣйствительнымъ оружіемъ для арсенала его соціально-политической агитаціи. Какъ и свою рѣчь предъ судомъ присяж-

ныхъ 1849 г., Лассаль напечаталъ ихъ еще раньше, чѣмъ произнесъ, но онѣ нисколько не потеряли оттого въ своей боевой свѣжести; столь же мало повредила тщательная подготовка ихъ изумительной находчивости, которую Лассаль обнаруживалъ при всѣхъ перемѣнчивыхъ случайностяхъ судебнаго разбирательства. Въ первой инстанціи, предъ городскимъ судомъ, разбирательство носило очень бурный характеръ, и искусство, съ которымъ Лассаль умѣлъ каждый разъ удерживать за собою слово, несмотря на всѣ обрыванія предсѣдателя, было столь же классическимъ, какъ наказаніе, которому онъ подвергъ прокурора фонъ-Шеллинга, прогнавъ его морально сквозь строй цитатъ изъ сочиненій его собственнаго отца, философа Шеллинга.

Подняться на научную высоту „Программы работниковъ" было, конечно, не по силамъ ни прокурору, ни судьямъ. Они вывернулись при помощи галиматьи, относительно которой Лассаль сказалъ въ своей язвительно рѣзкой аппелляціонной жалобѣ, что одно слово поѣдаетъ въ ней другое. Какъ мухи къ клею, они прилипали къ слову „революція", которое умѣли толковать исключительно „въ смыслѣ вилъ", исключительно какъ убійство и рѣзню. Оставаясь вѣрными духу прусскаго „правового государства", они нисколько не скрывали, что предъ рабочими нельзя говорить вещей, которыя при прочихъ обстоятельствахъ можно говорить безнаказанно. Единственный пунктъ, относительно котораго они попытались сказать кое-что по существу дѣла, было оспариваніе факта, что косвенные налоги ложатся несоразмѣрно болѣе тяжелымъ бременемъ на рабочіе классы. Лассаль вправѣ былъ сказать потомъ въ судебной палатѣ: „Тяжело и горько быть наказаннымъ именно за такой пунктъ, который уже въ теченіе трехъ вѣковъ переходилъ въ наукѣ изъ книги въ книгу, кончая всякимъ элементарнымъ учебникомъ,—быть наказаннымъ только потому, что прокуроръ и судъ никогда не брали въ руки учебника финансоваго права". За счетъ этого невѣжества Лассаль былъ приговоренъ къ 4 мѣсяцамъ тюрьмы, послѣ того какъ прокуроръ потребовалъ 9-мѣсячнаго заключенія. Тщетно Лассаль заклиналъ судей вынести ему оправдательный приговоръ ради памяти, которую сохранитъ объ ихъ именахъ исторія; они предпочли записать свои имена—Пильхенъ, Колькъ, ф.-Вульфенъ—на черную страницу неправедныхъ судей. Что касается прокурора фонъ-Шеллинга, то блестящая карьера утѣшила его за испытанное моральное уничтоженіе: онъ дослужился до должности ми-

нистра прусской юстиціи и статсъ-секретаря юстиціи германской.

Свою защитительную рѣчь въ первой инстанціи Лассаль озаглавилъ: „Наука и работники". Суть ея заключается въ слѣдующемъ credo: „Только два элемента остались великими среди всеобщаго упадка, которымъ охвачены всѣ стороны современной общественной жизни въ глазахъ всякаго болѣе глубокаго знатока исторіи; только два элемента остались свѣжими и плодотворными среди хронической язвы своекорыстія, проникшей во всѣ артеріи европейской жизни: это—наука и народъ, наука и работники! Лишь ихъ соединеніе можетъ оплодотворить новой жизнью нѣдра европейскаго общества. Союзъ науки и работниковъ, этихъ двухъ противоположныхъ полюсовъ общества, которые, обнявшись, раздавятъ въ своихъ желѣзныхъ объятіяхъ всѣ препятствія на пути культуры,—вотъ цѣль, которой я рѣшилъ посвятить свою жизнь до послѣдняго вздоха". Рѣчь вполнѣ достойна „Программы работниковъ", въ защиту которой она была произнесена незадолго до того, какъ Лассаль выпустилъ свое „Открытое письмо"; она не свободна отъ избытка идеологіи и въ этомъ отношеніи она также истинно лассалевская рѣчь, но она еще свободна отъ омрачающаго озлобленія: мы словно видимъ предъ собою воина, въ блестящемъ оружіи котораго отражается яркій солнечный свѣтъ, пока на полѣ битвы не поднялись еще густыя тучи пыли.

Этой пылью уже немного покрыта большая рѣчь, въ которой Лассаль оспаривалъ предъ судебной палатой приговоръ городского суда. Она трактуетъ о косвенныхъ налогахъ и положеніи рабочихъ классовъ и доказываетъ, что косвенные налоги являются средствомъ для переложенія податного бремени съ имущихъ на неимущіе классы,—доказываетъ такъ основательно и неопровержимо, какъ это не было сдѣлано ни раньше, ни впослѣдствіи. Въ этомъ отношеніи она сохранила прочную цѣнность и уже сама по себѣ достаточна для опроверженія нелѣпаго утвержденія, что Лассаль былъ дилеттантомъ въ области экономической науки. Не менѣе убѣдительно Лассаль выступилъ противъ злоупотребленія словомъ „революція". Онъ снова опредѣлилъ революцію какъ новый принципъ, вступающій на мѣсто существующаго порядка, безразлично—происходитъ ли это путемъ насилія или безъ него; затѣмъ Лассаль прибавилъ знаменитыя съ тѣхъ поръ слова: „Въ этомъ смыслѣ я могу сказать, что убѣжденъ, конечно, въ будущемъ наступленіи революціи. Она наступитъ или вполнѣ за-

конным путемъ и среди всѣхъ благодѣяній мира, если благоразумно рѣшатся во-время произвести ее сверху, или же она наступитъ черезъ нѣкоторое время, сопровождаемая насильственными потрясеніями и ворвется съ дико развѣвающимися волосами, съ желѣзными сандаліями на ногахъ. Такъ или иначе, она во всякомъ случаѣ придетъ, и когда, уходя отъ повседневной суеты, я погружаюсь въ исторію, то слышу ея приближающіеся шаги". Со жгучей насмѣшкой Лассаль бичевалъ классовую юстицію, осудившую не то, *что* было сказано, а лицо, *которое* сказало, и мѣсто, *гдѣ* это было сказано. Онъ могъ сослаться на то, что одновременно съ „Программой работниковъ" завѣдующій прусскимъ статистическимъ бюро тайный совѣтникъ Энгель прочелъ совершенно аналогичнаго содержанія лекцію предъ буржуазной публикой въ Консерваторіи и не подвергся, однако, судебному преслѣдованію; онъ имѣлъ также возможность прочесть письмо, въ которомъ Энгель мужественно удостовѣрялъ это согласіе во взглядахъ и прозрачно намекалъ, что во всѣхъ процессахъ спеціально-научнаго происхожденія центръ тяжести долженъ заключаться въ экспертизѣ свѣдущихъ людей, совершенно такъ, какъ это водится въ процессахъ техническаго или коммерческаго происхожденія. Такимъ образомъ въ рѣчи Лассаля преобладали значительныя и великія стороны вопроса, но мѣстами чувствуется все-таки, что онъ составилъ ее весною 1863 г., подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ клеветъ которыми осыпала его прогрессистская партія.

Въ особенности получила у Лассаля слишкомъ крайнее выраженіе правильная сама по себѣ мысль, что огромное увеличеніе косвенныхъ налоговъ составляетъ отличительную черту буржуазнаго періода исторіи, обнимающаго въ такой же мѣрѣ современный абсолютизмъ, какъ буржуазную республику: Лассаль противопоставилъ при этомъ манчестерствующей буржуазіи государство, предъ судьями котораго онъ защищался. Онъ сказалъ судьямъ, что они не принадлежатъ, конечно, къ манчестерцамъ, къ тѣмъ новѣйшимъ варварамъ, которые ненавидятъ государство, не ту или иную государственную *форму*, а *государство вообще*, и которые, по ихъ неоднократному собственному признанію, охотнѣе всего упразднили бы всякое государство, сдали бы съ торговъ юстицію и полицію тому, кто потребуетъ наименьшую цѣну, и вели бы войны при посредствѣ акціонерныхъ обществъ, дабы во всемъ мірѣ не осталось нравственнаго пункта, откуда можно, было бы оказать сопротивленіе ихъ эксплуататорской алчности,

вооруженной капиталомъ. „Какъ бы велики ни были различія во взглядахъ, отдѣляющія меня отъ васъ, господа, но противъ этого разложенія всякой нравственности мы идемъ рука объ руку. Вмѣстѣ съ вами я защищаю противъ этихъ современныхъ варваровъ древній священный огонь всякой цивилизаціи—государство!" Это была очень опасная аргументація, которую реакціонная демагогія легко могла употребить во зло; и она дѣйствительно употребила ее во зло 15 годами позже, когда государство, которому служила судебная палата, навалило на рабочій классъ, насильственно связанный по рукамъ и ногамъ, ужасающее новое бремя косвенныхъ налоговъ и одни только „современные варвары", безразлично по какимъ мотивамъ, воспротивились этому ограбленію массъ. Какъ мало основаній было кичиться этимъ государствомъ, Лассаль извѣдалъ тотчасъ же самъ изъ приговора судебной палаты. Правда, высшая судебная инстанція справедливо побоялась осрамиться такъ, какъ низшая, и потому смягчила наказаніе до штрафа въ сто талеровъ, но юридически - чудовищнаго перваго приговора она не отмѣнила и по примѣру первой инстанціи постановила предать „Программу работниковъ" уничтоженію.

Прокуроръ фонъ-Шеллингъ отомстилъ за себя, возбудивъ противъ Лассаля за его защитительную рѣчь въ судѣ первой инстанціи процессъ объ оскорбленіи должностного лица, кончившійся присужденіемъ его къ мѣсяцу тюрьмы; сверхъ того, онъ возбудилъ противъ Лассаля обвиненіе въ государственной измѣнѣ за „Обращеніе къ работникамъ Берлина". Къ этому обвиненію Лассаль отнесся очень хладнокровно: „Это—чистѣйшее идіотство,— писалъ онъ Даммеру, — имѣющее своимъ источникомъ исключительно личную мстительность прокурора ф.-Шеллинга". Процессъ разбирался 12 апрѣля 1864 г. предъ судомъ по государственнымъ преступленіямъ и дѣйствительно кончился оправданіемъ Лассаля по обвиненію въ подготовленіи предпріятія, клонившагося къ насильственному измѣненію прусской конституціи. Зато два другихъ обвиненія—въ осмѣяніи государственныхъ учрежденій и оскорбленіи совѣта министровъ — были переданы названнымъ исключительнымъ трибуналомъ обыкновенному суду; вмѣстѣ съ тѣмъ противъ защитительной рѣчи Лассаля было возбуждено новое судебное преслѣдованіе на основаніи какихъ-то каучуковыхъ параграфовъ. Такимъ образомъ, дѣло было построено на чудесномъ принципѣ: изъ каждаго разбитаго обвиненія выростали два или три новыхъ. Защитительная рѣчь, произнесенная Лассалемъ

въ процессѣ по обвиненію въ государственной измѣнѣ, играючи разбивала въ своей первой части юридическую безсмыслицу старшаго прокурора Аделунга, вторая же часть ея освѣщала политическую сторону обвиненія и при этомъ излагала всѣ соображенія, которыя по мнѣнію Лассаля могли побудить короля и Бисмарка насильственно измѣнить прусскую конституцію путемъ дарованія всеобщаго избирательнаго права.

По этому поводу слѣдуетъ замѣтить то же, что по поводу переговоровъ Лассаля съ Бисмаркомъ. Прогрессистскую партію Лассаль отдѣлываетъ въ своей рѣчи болѣе жестоко, чѣмъ когда-либо раньше: онъ называетъ ее кликой, желающей задушить королевскую власть петлей, которую она свиваетъ изъ ея же милости. Не надо забывать, однако, что излагаемый взглядъ самъ по себѣ вполнѣ соотвѣтствовалъ исторической истинѣ и всегда отстаивался Лассалемъ,—каковы бы ни были возраженія, которыя можно сдѣлать противъ того, что Лассаль высказалъ его именно при этомъ случаѣ и въ этой формѣ. Въ болѣе вѣжливыхъ выраженіяхъ ту же мысль высказывалъ либеральный публицистъ Г. Б. Оппенгеймъ, когда писалъ: „Прусская конституція не явилась въ свѣтъ вооруженной, знаки ея революціоннаго происхожденія давнымъ-давно стерлись, и въ реакціонные годы на нее была наложена рѣзкая печать дара свыше, сдѣланнаго въ силу полноты королевской власти". Именно изъ-за того, что прогрессистская партія ограничила свою мнимую борьбу за свободу и народное право этой уродливой конституціей, возникла ссора между нею и Лассалемъ. Въ своей рѣчи предъ судомъ по государственнымъ преступленіямъ Лассаль не переставалъ затѣмъ подчеркивать, „что онъ подгоняющая сила, а люди у кормила правленія—подгоняемые". Онъ безъ всякихъ стѣсненій говорилъ объ ихъ „бездарности", если бы они не сдѣлали того, чего онъ требуетъ. Подобно тому какъ онъ при другомъ случаѣ отклонилъ просьбу Бухера о болѣе осторожномъ способѣ выраженія, такъ онъ теперь холодно отвѣтилъ: „это неудобно", когда Бухеръ просилъ его удалиться во время совѣщанія суда, чтобы имѣть возможность бѣжать, если онъ все-таки будетъ приговоренъ къ 3-лѣтнему заключенію въ каторжной тюрьмѣ, котораго требовалъ старшій прокуроръ.

Третій большой процессъ возникъ изъ-за рѣчи Лассаля во время „смотра"; отпечатанная рѣчь была конфискована въ Дюссельдорфѣ. Процессъ былъ особенно замѣчателенъ тѣмъ, что происходилъ предъ судебнымъ учрежденіемъ либеральной рейнской

провинціи и прокуроръ черпалъ свои тирады изъ прогрессистской печати. Въ прочихъ отношеніяхъ судебное разбирательство не отличалось отъ лассалевскихъ процессовъ въ Остъ-Эльбіи, ни по несправедливости обвиненія и приговора, ни по тяжести наказанія, предложеннаго прокуроромъ и вынесеннаго судомъ. Для Лассаля оно повлекло за собою еще большія, можетъ быть, непріятности, чѣмъ какой-либо изъ прежнихъ его процессовъ. Заочное разбирательство въ первой инстанціи кончилось присужденіемъ Лассаля къ году тюрьмы; защищаясь лично въ аппелляціонной инстанціи, онъ добился пониженія наказанія на половину, но и тутъ не обошлось безъ обычнаго эпилога: новаго обвиненія на основаніи защитительной рѣчи. По отношенію къ Лассалю они дѣйствительно были всѣ „реакціонной массой", — какъ либеральная, такъ и консервативная юстиція.

Смерть Лассаля кассировала затѣмъ всю эту жалкую гору актовъ. Но когда его смертная часть ушла отъ классовой юстиціи, послѣдняя продолжала неутомимо преслѣдовать безсмертную часть его. Такъ, берлинскій городской судъ рѣшеніемъ отъ 15 февраля 1865 г. постановилъ предать уничтоженію рѣчь о „Наукѣ и работникахъ", на основаніи параграфа о возбужденіи взаимной ненависти и презрѣнія между различными классами населенія. Юстиція и полиція продолжали еще искать пиками и шестами духъ Лассаля, когда на немъ и на нихъ уже сбылось слово поэта:

Dann wird er mitten durch die Schergen
Wie ein erhabnes Wesen gehn.

(„Тогда онъ будетъ шествовать среди полицейскихъ сыщиковъ какъ существо высшаго порядка").

---

4. Бастіа-Шульце.

Среди такихъ трудныхъ обстоятельствъ Лассаль нашелъ силы и время написать свое полемическое сочиненіе противъ Шульце-Делича,—теоретическое произведеніе, въ которомъ онъ сказалъ свое послѣднее слово, какъ рабочій агитаторъ.

Поскольку эта работа, появившаяся въ январѣ 1864 г., полемизируетъ противъ Шульце, къ ней примѣнимо то же замѣчаніе, что къ памфлету противъ Юліана Шмидта: она нерѣдко слишкомъ нападаетъ на личность Шульце, видя въ ней воплощеніе извѣстнаго

гнилого начала. Правда, самъ Шульце съ большимъ самодовольствомъ принялъ на себя роль „короля въ соціальномъ царствѣ", которой его облекли, и готовъ былъ прикрывать своимъ именемъ всякую капиталистическую мерзость; затѣмъ, каждой полемической крайности Лассаля въ это время можетъ вообще служить извиненіемъ, что по сравненію съ грѣхами противниковъ она была дѣтской забавой. Но въ своихъ собственныхъ интересахъ и въ интересахъ защищаемаго имъ дѣла Лассаль поступилъ бы лучше, если бы одну половину своихъ личныхъ нападокъ на Шульце онъ вычеркнулъ, а въ другой половинѣ взялъ вмѣсто страстнаго тона снисходительно презрительный. Отъ этого еще выиграли бы тѣ отдѣлы его памфлета,—а они преобладаютъ,—гдѣ еще разъ развертывается вся побѣдоносная сила лассалевской діалектики, подчасъ увлекательнѣе, чѣмъ когда-либо раньше.

Эти отдѣлы—въ своемъ родѣ истинные образцы положительной критики. Добыть правильныя точки зрѣнія для познанія капиталистическаго общества изъ „Рабочаго катехизиса" Шульце, снова пережевывавшаго расплывчатую болтовню Бастіа, представлялось почти невозможной задачей. Но почти невозможное Лассаль сумѣлъ сдѣлать возможнымъ, и надежда, высказанная имъ въ предисловіи, была, пожалуй, основательна: заставивъ Лассаля изложить важнѣйшія основныя положенія научной политической экономіи въ убѣдительной и живой полемической формѣ, судьба отнеслась къ нему милостивѣе, чѣмъ если бы она позволила ему развить ихъ шагъ за шагомъ въ систематическомъ сочиненіи. Лассаль слишкомъ былъ юристомъ и философомъ, чтобы дать исчерпывающее рѣшеніе этой задачи; рядомъ съ появившимся черезъ нѣсколько лѣтъ экономическимъ трудомъ Маркса его экономическое произведеніе имѣло бы видъ деревяннаго военнаго судна, поставленнаго рядомъ съ броненосцемъ; между тѣмъ „*Бастіа-Шульце*" предшествовалъ этому броненосцу, какъ проворная миноноска, и успѣлъ произвести страшное опустошеніе среди старыхъ, полусгнившихъ сундуковъ непріятельскаго флота.

Въ „*Бастіа-Шульце*" Лассалемъ были разорваны всѣ завѣсы, которыя набрасывались на сущность капиталистическаго общества манчестерскимъ направленіемъ и — на иной ладъ—исторической школой: узкое представленіе, будто порядки капиталистическаго общества являются вѣчнымъ, естественнымъ состояніемъ человѣчества; обманчивое изображеніе самопомощи, благодаря которой индивидуумъ, принужденный полагаться только на себя, становится

будто бы кузнецомъ собственнаго счастья; систематическая фальсификація экономическихъ категорій къ вящшей славѣ буржуазіи; утвержденіе, что капиталы могли возникнуть только путемъ сбереженія, что предпринимательская прибыль есть вознагражденіе за умственный трудъ или моральное воздержаніе и десятокъ тому подобныхъ тенденціозныхъ сказокъ, предлагавшихся тогда во всѣхъ градахъ и весяхъ какъ чистѣйшіе плоды науки. Изъ критическаго анализа ихъ Лассаль вывелъ дѣйствительную истину: онъ показалъ, что капиталистическій способъ производства есть историческая категорія, что это не болѣе какъ опредѣленный періодъ исторіи, возникновеніе и прекращеніе котораго онъ сумѣлъ изобразить съ одинаковой ясностью. Лассаль изложилъ историческій процессъ, при посредствѣ котораго капиталъ обмѣнялся ролями съ рабочимъ и низвелъ живого рабочаго до степени мертваго орудія труда, а себя самого, мертвое орудіе труда, развилъ въ живой органъ воспроизведенія. Онъ показалъ затѣмъ, что существуетъ лишь одинъ способъ разрѣшить вопіющія противорѣчія капиталистическаго общества, и къ нему неизбѣжно толкаютъ сами эти противорѣчія.

Крупное производство всего общества должно снова низвести капиталъ до положенія мертваго, служебнаго орудія труда и вмѣстѣ съ тѣмъ открыть новые источники общественнаго богатства. Именно буржуазная собственность есть анархическій соціализмъ, дѣлежъ собственности по приказу общества, непониманіе общественныхъ связей, которыя мстятъ за это непониманіе какъ грубыя стихійныя силы и обращаютъ капиталистическій способъ производства въ азартную игру, причемъ спина рабочаго класса является зеленымъ столомъ, на которомъ спекуляторы и предприниматели разыгрываютъ свои шансы барышей и убытковъ. Уничтоженіе отвѣтственности каждаго отдѣльнаго лица за свои дѣйствія въ экономической области есть характерная особенность капиталистическаго строя, и именно соціализмъ хочетъ возстановить свободу и вмѣняемость человѣка, отводя надлежащее мѣсто началамъ общности и солидарности въ человѣческомъ обществѣ.

Въ отдѣльныхъ частностяхъ „*Бастіа-Шульце*“ содержитъ кое-что спорное или несостоятельное съ точки зрѣнія теперешняго научнаго познанія, но взятый въ цѣломъ онъ во время своего появленія въ свѣтъ былъ исторически и теоретически работой, которой никто изъ современниковъ — за исключеніемъ одного только Маркса и Энгельса — не могъ бы выполнить лучше или

такъ же хорошо. Нѣтъ ничего болѣе неосновательнаго, какъ попытка Рошера, съ его аккуратно-скучными грудами расплывчатыхъ понятій и безотрадно-сухихъ замѣтокъ, взглянуть сверху внизъ на „фельетониста“ Лассаля. „*Бастіа-Шульце*“ трижды побилъ всю буржуазную ученость, и она отомстила за это достойнымъ ея способомъ, стараясь въ теченіе 30-ти лѣтъ доказать, что исторія политической экономіи не видѣла еще столь замѣчательнаго и многосторонняго плагіатора, какимъ былъ Лассаль.

Къ сожалѣнію, начали эту исторію ближайшіе друзья Лассаля. Циглеръ утверждалъ, что Лассаль заимствовалъ всю свою теорію у фурьериста Тусснеля, а Бухеръ скрылъ (по мнѣнію другихъ— даже уничтожилъ) агитаціонный планъ, найденный въ посмертныхъ бумагахъ Лассаля, въ виду того, что Родбертусу планъ этотъ показался списаннымъ у Прудона. Что Лассаль подражалъ самому Родбертусу, объ этомъ трубили міру съ самыхъ различныхъ сторонъ. Затѣмъ, нѣкоторые говорили, что Лассаль — чистѣйшій Бюшезъ, другіе,—что онъ чистѣйшій Базаръ, наконецъ полсотни другихъ еще—что онъ чистый Луи-Бланъ. Что сверхъ того Лассаль обобралъ еще Маркса, это одна изъ истинъ, образующихъ ходячую мудрость разныхъ подающихъ надежды приватъ-доцентовъ. Болѣе отважные умы среди нихъ соображаютъ, что было бы вполнѣ своевременно прибавить къ старой пѣснѣ новый варіантъ, и вотъ они разсказываютъ, что Лассаль обобралъ статью, которая фактически была опубликована Марксомъ лишь спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти Лассаля. Этимъ геніальнымъ пріемомъ, — что Лассаль умѣлъ обкрадывать не только сочиненія другихъ соціалистовъ, появившіяся до его смерти, но и тѣ, которыя появились послѣ его смерти или еще только появятся въ будущемъ, — этимъ пріемомъ честолюбію буржуазныхъ изслѣдователей открывается необозримое поле для остроумныхъ открытій.

Методъ этихъ изслѣдователей столь же прелестенъ, какъ его результатъ. Такъ какъ соціализмъ со времени Сенъ-Симона и даже Томаса Мора выросъ изъ золъ капиталистическаго способа производства и хочетъ устранить ихъ, то общность происхожденія и цѣли придаетъ, понятно, всѣмъ соціалистамъ новѣйшаго времени извѣстную общность въ направленіи мысли. Въ предѣлахъ этой общности существо, дѣятельность и стремленія отдѣльнаго соціалиста опредѣляются его природными дарованіями, его образованіемъ и воспитаніемъ, степенью развитія капиталистическаго общества и классовой борьбы въ данный моментъ, высотою достигнутаго уже

соціалистическаго познанія, — коротко говоря, всей исторической средой, въ которой онъ мыслитъ, дѣйствуетъ и говоритъ. Все это нужно изслѣдовать, если хотятъ опредѣлить, какое мѣсто должно быть отведено въ исторіи соціализма тому или иному соціалисту. Судить о немъ по общимъ чертамъ, свойственнымъ всему современному соціализму, столь же умно, какъ если бы какой-нибудь естествоиспытатель хотѣлъ утверждать, что левъ и овца или мышь и китъ одни и тѣ же животныя, такъ какъ имъ общи свойства млекопитающихъ. Впрочемъ, надо признать, что этотъ безсмысленный методъ исторической критики имѣетъ свое вѣское основаніе. Чѣмъ осязательнѣе и сильнѣе отдѣльный соціалистъ прижималъ къ стѣнѣ опредѣленный общественный строй, тѣмъ больше апологеты этого общества усиливаются изобразить его безплотнымъ призракомъ, собравшимъ изъ всевозможныхъ закоулковъ всякаго рода общія фразы. Оригинальности теоретически-научныхъ сочиненій Лассаля, не проникшихъ въ массы, не оспаривалъ еще ни одинъ нѣмецкій профессоръ или приватъ-доцентъ; наоборотъ, чѣмъ больше великое теоретическое произведеніе Маркса становится общимъ достояніемъ массъ, тѣмъ чаще появляются университетскія работы, посвященныя утѣшительному доказательству того, что и Марксъ былъ такимъ же жалкимъ плагіаторомъ, какъ Лассаль.

Самъ Лассаль никогда не выдавалъ себя за теоретика соціализма, прокладывающаго новые пути въ наукѣ; даже какъ соціалистическій агитаторъ онъ не утверждалъ, что вноситъ въ массы новыя идеи. Напротивъ! Онъ не устаетъ повторять, что хочетъ дать рабочимъ только „безусловно установленное и легко доказуемое", что онъ не говоритъ имъ ничего такого, что давно не было бы установлено въ наукѣ, что давно не стало бы общимъ мѣстомъ для людей науки. Если Лассаль любилъ при этомъ ссылаться на буржуазные авторитеты, то не изъ желанія скрыть такимъ путемъ какую-нибудь кражу у предшествовавшихъ ему соціалистовъ, а по мотиву, который онъ совершенно откровенно высказывалъ самъ: потому, что такими авторитетами онъ тѣмъ сильнѣе могъ побить своихъ буржуазныхъ противниковъ. Историческій центръ тяжести его агитаціи лежитъ не въ томъ, были ли отдѣльныя его требованія и идеи высказаны уже раньше другими писателями въ болѣе или менѣе сходной формѣ, а въ томъ, правильно ли онъ опредѣлилъ историческій моментъ для организаціи политической классовой борьбы германскаго пролетаріата,

и сумѣлъ ли онъ правильно организовать эту борьбу. Только съ этой оговоркой можетъ вообще идти рѣчь о томъ, всегда ли Лассаль воздавалъ должное въ своихъ агитаціонныхъ сочиненіяхъ тѣмъ представителямъ соціалистической теоріи и практики, у которыхъ онъ дѣлалъ заимствованія.

Фактически Лассаль ничѣмъ не обязанъ утопизму, мелко-буржуазному соціализму онъ обязанъ немногимъ, зато тѣмъ больше—современному научному коммунизму. Былъ ли онъ обязанъ указывать каждый разъ источникъ отдѣльныхъ мыслей или даже оборотовъ рѣчи, которыми онъ примыкалъ къ французской соціалъ-демократіи до-мартовскаго времени,—это вопросъ, который можно было бы рѣшить, только разсматривая каждый конкретный случай отдѣльно. Чтобы добросовѣстно разрѣшить его, пришлось бы затратить больше труда и силъ, нежели онъ въ концѣ концовъ стоитъ. По существу дѣла германская соціалъ-демократія, основанная Лассалемъ, кореннымъ образомъ различалась отъ французской соціалъ-демократіи Луи Блана и товарищей; такимъ образомъ Лассаль, вынужденный остерегаться на каждомъ шагу, чтобы не подать вѣроломнымъ противникамъ новаго повода къ передержкамъ, имѣлъ достаточное основаніе не ссылаться на французскій соціализмъ. Къ тому же, онъ могъ бы сдѣлать это только весьма формальнымъ образомъ и съ большими оговорками, тогда какъ не дѣлать этого было въ худшемъ случаѣ скорѣе невѣжливостью, чѣмъ несправедливостью.

Совершенно въ иномъ видѣ представляется отношеніе Лассаля къ современному научному коммунизму. Его агитація и, въ особенности, „*Бастіа-Шульце*" были немыслимы безъ предварительной умственной работы Маркса. Въ своемъ главномъ экономическомъ трудѣ Лассаль цитируетъ книгу Маркса „*Zur Kritik der politischen Oekonomie*", вышедшую въ 1859 г., и не только цитируетъ ее, но осыпаетъ живѣйшими похвалами, называя ее „въ высшей степени значительной", „мастерской", „превосходной", „открывающей эпоху", „отличной". Въ сравненіи съ этими похвалами—не преувеличенными, но слишкомъ обильными—кажется суровой недружелюбностью, когда Марксъ говоритъ въ предисловіи къ первому тому „Капитала", что Лассаль внесъ „значительныя недоразумѣнія" въ передачу разсужденій о величинѣ цѣнности и субстанціи цѣнности, содержащихся въ „*Zur Kritik*". Еще недружелюбнѣе звучитъ прибавка, которую Марксъ дѣлаетъ „en passant": „Если Ф. Лассаль почти дословно, вплоть до созданной мною

терминологіи, заимствовалъ изъ моихъ сочиненій, притомъ безъ указанія источника, всѣ общія теоретическія положенія своихъ экономическихъ работъ, напр. объ историческомъ характерѣ капитала, о связи между отношеніями производства и способомъ производства и т. д., и т. д., то этотъ образъ дѣйствія былъ, конечно, обусловленъ соображеніями пропаганды. Я не говорю, понятно, объ его детальныхъ разъясненіяхъ и практическихъ приложеніяхъ, до которыхъ мнѣ нѣтъ никакого дѣла". Одинъ буржуазный біографъ Лассаля говоритъ, очевидно имѣя въ виду это мѣсто, что Марксъ лично чувствовалъ себя настолько чуждымъ Лассалю, насколько тяжеловѣсный и злобный умъ бываетъ чуждъ быстрому и краснорѣчивому уму. Но эта вылазка противъ Маркса совершенно неосновательна; достаточно предоставить фактамъ говорить самимъ за себя, чтобы найти объясненіе, которое воздаетъ должное каждому изъ этихъ двухъ лицъ, не будучи несправедливымъ по отношенію къ одному изъ нихъ или къ обоимъ.

Какъ далекъ былъ Лассаль отъ того, чтобы тайно украшать себя перьями Маркса, это явствуетъ уже изъ высокаго значенія, которое онъ всегда придавалъ совмѣстной работѣ съ Марксомъ,— объ этомъ свидѣтельствуетъ стремленіе, которое онъ обнаруживалъ вплоть до лѣта 1862 г., вмѣстѣ съ Марксомъ начать рабочую агитацію въ Германіи. Но если Марксу „не было никакого дѣла" до „детальныхъ разъясненій и практическихъ приложеній" Лассаля, другими словами—если онъ отвергалъ ту частную форму, которую Лассаль счелъ необходимымъ придать нѣмецкому рабочему движенію, то Лассаль очевидно находился въ безвыходномъ положеніи. Онъ не могъ отречься отъ своего научнаго убѣжденія въ томъ, чему онъ научился у Маркса, и, съ другой стороны, не могъ также сослаться на Маркса, не вызывая публичнаго спора по тѣмъ пунктамъ, относительно которыхъ они не были согласны другъ съ другомъ. Въ этой мѣрѣ, но только въ этой мѣрѣ, образъ дѣйствій Лассаля опредѣлялся несомнѣнно „соображеніями пропаганды"; похоже на то, что единственный разъ, когда Лассаль счелъ себя вправѣ сослаться на вполнѣ согласнаго съ нимъ Маркса, онъ хотѣлъ обиліемъ похвалъ загладить вынужденныя опущенія въ другихъ мѣстахъ. Къ этимъ соображеніямъ „пропаганды" Марксъ относился съ уваженіемъ, не только пока Лассаль былъ въ живыхъ, но и послѣ его смерти,—обстоятельство, имѣющее тѣмъ большее значеніе, что въ единственномъ мѣстѣ, гдѣ Лассаль ссылается на Маркса, онъ невѣрно передаетъ воззрѣнія

послѣдняго. Марксъ выяснилъ дѣло только впослѣдствіи, когд въ первой главѣ „*Капитала*" еще разъ резюмировалъ и изло жилъ въ возможно популярной формѣ свои прежнія разсуждені относительно товара и денегъ, именно въ виду „значительных недоразумѣній", внесенныхъ Лассалемъ.

Эти недоразумѣнія имѣли своимъ конечнымъ источникомъ глу бокое различіе, существовавшее между Лассалемъ и Марксомъ различіе между юридическо-философскимъ и экономическо-мате ріалистическимъ воззрѣніемъ. Лассаль подвергъ въ „*Бастіа Шульце*" уничтожающей критикѣ категорію „услуги", которук Бастіа и другіе софисты прибыли на капиталъ подсунули на мѣстс теоріи цѣнности англійской политической экономіи. Онъ снова возстановилъ эту теорію въ ея чистотѣ, въ смыслѣ Рикардо, согласно которому всѣ цѣнности разрѣшаются въ извѣстныя количества труда, а эти послѣднія — въ рабочее время. Затѣмъ Лассаль, слѣдуя Марксу, развилъ мысль, что въ обществѣ, гдѣ отдѣльный человѣкъ производитъ не потребительныя, а мѣновыя цѣнности, гдѣ онъ работаетъ не для своихъ потребностей, а для потребностей всѣхъ другихъ людей, индивидуальное рабочее время создаетъ и измѣряетъ мѣновую цѣнность товаровъ не какъ таковое, а лишь поскольку оно воплощаетъ въ себѣ общественно-необходимое рабочее время, получающее свое самостоятельное бытіе въ деньгахъ. Однако предположеніе Лассаля, что этими разсужденіями о деньгахъ и общественно-необходимомъ рабочемъ времени онъ далъ „идейную квинтъ-эссенцію" сказаннаго Марксомъ относительно величины и субстанціи цѣнности,—это предположеніе безспорно содержало „значительныя недоразумѣнія". Изъ теоріи цѣнности, развитой Марксомъ, онъ взялъ лишь то, что подходило къ его юридическо-философскому міровоззрѣнію: доказательство того положенія, что такъ какъ цѣнность создается общественнымъ рабочимъ временемъ, то для обезпеченія рабочему полнаго продукта его труда необходимо коллективное производство всего общества. Между тѣмъ для Маркса развитая имъ теорія цѣнности была разрѣшеніемъ всѣхъ загадокъ, заключенныхъ въ капиталистическомъ способѣ производства, нить, при помощи которой можно было прослѣдить образованіе цѣнности и прибавочной цѣнности какъ всемірно-историческій процессъ, долженствующій превратить капиталистическое общество въ соціалистическое. Лассаль упустилъ изъ виду различіе между трудомъ, создающимъ потребительныя цѣнности, и трудомъ, создающимъ цѣнности мѣ-

новыя, другими словами—двойственную природу заключеннаго въ товарахъ труда, составляющую центральный пунктъ, вокругъ котораго вертится пониманіе политической экономіи, какъ Марксъ потомъ еще разъ подробно показалъ въ первомъ томѣ „*Капитала*". Лассаль шелъ нѣкоторое разстояніе вмѣстѣ съ Марксомъ по новому пути, проложенному послѣднимъ, чтобы затѣмъ снова закрыть этотъ путь своимъ морально-юридическимъ воззрѣніемъ на теорію цѣнности; вполнѣ понятно, что Марксу пришлось устранить это препятствіе, когда онъ взялся за продолженіе своей работы 1859 г.

Сострадательныя души, сѣтующія теперь по поводу несправедливости, которую Лассаль испыталъ со стороны Маркса, несомнѣнно не понимаютъ Маркса, но еще гораздо менѣе они понимаютъ Лассаля. Онъ былъ слишкомъ искреннимъ и серьезнымъ апостоломъ науки, чтобы не привѣтствовать разъясненія важной ошибки, хотя бы оно послѣдовало на его счетъ. Онъ увидѣлъ бы для себя избавленіе отъ непріятнаго стѣсненія въ томъ, что Марксъ потребовалъ обратно свою духовную собственность. Особенно же спокойно онъ могъ бы отнестись къ тому, что Марксу „не было никакого дѣла до его подробныхъ разъясненій и практическихъ приложеній". Эти приложенія были оружіемъ, которое Лассаль далъ въ руки нѣмецкому пролетаріату, и пробужденіе германскаго рабочаго движенія отъ 15-лѣтней дремоты именно и составляетъ, какъ замѣтилъ по другому случаю Марксъ, безсмертную заслугу Лассаля.

---

5. Лассаль и рабочіе.

Колоссальная работа, которую Лассалю пришлось продѣлать зимою 1863—64 г., вызывалась главнымъ образомъ заботой о Всеобщемъ Германскомъ Рабочемъ Союзѣ. Если бы Союзъ развился въ крупную политическую силу, то главная цѣль была бы достигнута, и всѣ другія удачи и неудачи можно было считать второстепеннымъ дѣломъ. Наоборотъ, если бы это не удалось Союзу, то Лассаль считалъ главную ставку, на которую онъ затратилъ почти сверхчеловѣческую энергію, потерянной. Между тѣмъ въ смыслѣ Лассаля надежды, съ которыми онъ началъ свою агитацію, не сбылись.

Правда, самъ по себѣ Союзъ порядочно выросъ. Тысяча членовъ, которую онъ насчитывалъ осенью 1863 г., почти упятери-

лась въ теченіе одного года. Но при подобномъ ростѣ Союзъ все-таки оставался лишь въ тѣхъ игрушечныхъ границахъ, которыя внушали ужасъ Лассалю; къ тому же ростъ Союза совершался съ такой изнуряющей затратой силъ и такъ мучительно, что въ мрачныя минуты Лассаль становился „полонъ, преисполненъ отвращенія“. Вещи выглядѣли въ дѣйствительности совершенно иначе, чѣмъ Лассаль рисовалъ себѣ ихъ на бумагѣ: создать въ одинъ день, какъ по мановенію волшебнаго жезла, стройную рабочую армію оказалось невозможнымъ.

Если неправда, что агитація Лассаля имѣла своимъ источникомъ его личное честолюбіе, то было бы по меньшей мѣрѣ преувеличеніемъ говорить, что онъ интересовался освободительной борьбой пролетаріата только съ историческо-научной стороны. Существуютъ достаточно убѣдительныя доказательства того факта, что его влекла къ рабочему классу глубокая симпатія, что онъ умѣлъ чувствовать заодно съ нимъ. Но что въ существенныхъ чертахъ осталось чуждымъ Лассалю, это—внутренняя жизнь рабочаго класса, какъ массы, трудная борьба съ нищетой, нуждой и повседневными мелочами, посредствомъ которой рабочему классу приходится выбраться на твердую почву своего современнаго классоваго сознанія, неразлучные съ этимъ неудачные опыты и тягостныя отступленія. Никогда и нигдѣ современная пролетарская революція не можетъ родиться, какъ Паллада-Аѳина, изъ головы смѣлаго мыслителя, а между тѣмъ Лассаль не обладалъ надлежащимъ сочувственнымъ пониманіемъ „ея половинчатыхъ, жалкихъ и слабыхъ первыхъ попытокъ“, по крайней мѣрѣ не обладалъ такимъ глубокимъ пониманіемъ, какъ Марксъ и Энгельсъ.

Германскій пролетаріатъ началъ пробуждаться, и вмѣстѣ съ нимъ сталъ пробуждаться тотъ духъ добровольной дисциплины и солидарности, который долженъ воодушевлять его освободительную борьбу. Пламенному краснорѣчію Лассаля удалось бурнымъ натискомъ увлечь за собой этотъ духъ, но вслѣдъ за быстрымъ приливомъ наступилъ столь же быстрый отливъ. Изъ тысячъ рабочихъ, которые затаивъ дыханіе слушали Лассаля, въ члены Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза записались максимумъ сотни, и изъ этихъ сотенъ врядъ ли десятки исполняли обязанности, взятыя на себя фактомъ вступленія въ Союзъ. Для Лассаля въ этомъ обстоятельствѣ заключалось самое горькое разочарованіе, тогда какъ въ дѣйствительности это былъ совершенно неизбѣжный и по своимъ послѣдствіямъ благотворный процессъ.

Современный рабочій классъ долженъ самъ ковать свою судьбу, чтобы навсегда удержать ее въ крѣпкихъ рукахъ; промежутокъ между его первымъ могучимъ пробужденіемъ и постоянной организаціей его въ боевые кадры долженъ быть пройденъ шагомъ, его нельзя перелетѣть.

Такимъ образомъ вышло, что самъ Лассаль слишкомъ низко оцѣнилъ дѣйствіе своей агитаціи. Разбросанныя имъ искры упали на сырыя еще дрова, и онъ былъ крайне неправъ, считая ихъ потухшими только потому, что онѣ не вспыхнули сразу яркимъ пламенемъ. Дѣйствіе того, что было пущено имъ въ массы, простиралось дальше ближайшаго часа, дня или года. Главное дѣло все-таки удалось Лассалю: онъ создалъ прочное ядро для могучей рабочей арміи. Такого отборнаго войска, какъ Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ, нельзя было уже опрокинуть, и оно не было опрокинуто даже въ худшія минуты бури. Почти въ то самое время, всего нѣсколькими мѣсяцами позже, какъ Лассаль жаловался „на глубокое, жгучее разочарованіе, на гложущую внутреннюю досаду", которую внушаетъ ему равнодушіе и апатія рабочей массы; какъ онъ проклиналъ métier de dupe, заставляющее его до смерти злиться, тѣмъ болѣе, что онъ не можетъ открыто высказать этой досады, а принужденъ задушить ее въ себѣ и часто еще утверждать противоположное,—въ это самое время такой умный и объективный наблюдатель, какъ Фридрихъ-Альбертъ Ланге, писалъ, что Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ является „чрезвычайно успѣшнымъ разсадникомъ руководящихъ умовъ въ рабочемъ классѣ". Кто дѣйствительно вращается среди рабочихъ, прибавлялъ Ланге, тотъ легко можетъ убѣдиться, что вліяніе Союза простирается гораздо дальше его членскихъ списковъ; приверженцевъ Шульце среди рейнскихъ рабочихъ вообще нѣтъ больше въ сколько-нибудь замѣтномъ количествѣ.

Правда, среди этихъ рабочихъ Союзъ былъ представленъ сильнѣе, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ мѣстѣ. Изъ 4.610 членовъ, насчитывавшихся осенью 1864 г., больше половины приходилось на рейнскую область, а изъ этой половины опять-таки больше половины — на Эльберфельдъ-Барменъ и сельскіе форпосты текстильной промышленности, искони сосредоточивавшейся въ долинѣ р. Вупперъ и безпрерывно революціонируемой успѣхами техники и коньюнктурами всемірнаго рынка; особенно много членовъ Союза было въ Ронсдорфѣ и Вермельскирхенѣ. Гуго Гильманъ, уполномоченный для Эльберфельда, неутомимо объ-

ѣзжалъ весь край; это былъ прирожденный агитаторъ и въ политическомъ отношенiи всего менѣе ненадежный соратникъ, какимъ его неосновательно считали одно время въ Лондонѣ, гдѣ онъ жилъ въ качествѣ политическаго эмигранта. Но при разстроенныхъ имущественныхъ дѣлахъ Гильманъ былъ лично не особенно разборчивъ въ средствахъ и потому вызывалъ противъ себя большiя нареканiя. Когда кассиръ Союза жаловался Лассалю на Гильмана, тотъ отвѣтилъ, что относительно Гильмана онъ поставленъ въ такое же положенiе, въ какое Наполеонъ былъ поставленъ относительно Даву: будь у него два такихъ человѣка, ему пришлось бы одного изъ нихъ разстрѣлять, но такъ какъ у него только одинъ, то онъ не можетъ обойтись безъ него.

Кромѣ Эльберфельда-Бармена средоточiемъ рейнскаго движенi былъ Золингенъ, насчитывавшiй 500 членовъ. Здѣсь Лассаль прiобрѣлъ ревностныхъ приверженцевъ въ лицѣ Карла Клингса и Эдуарда Вильмса. Золингенскiй образовательный рабочiй ферейнъ цѣликомъ перешелъ во Всеобщiй Германскiй Рабочiй Союзъ, а золингенское потребительное Общество публично заявило, что въ продолженiе своего $1^1/_2$ годового существованiя оно всегда было далеко отъ „прямо-таки смѣхотворнаго и хвастливаго взгляда", что классовое положенiе рабочихъ можетъ быть поднято потребительными обществами; цѣль Общества всегда заключалась лишь въ огражденiи своихъ членовъ отъ ростовщичества мелочной лавки и все болѣе распространяющейся фальсификацiи всѣхъ предметовъ необходимости. Золингенскiе точильщики, производители ножницъ и оружейники такъ тяжело чувствовали на себѣ руку капитала въ продолженiе десятилѣтiй, что легко и быстро уразумѣли пролетарскую классовую борьбу. Въ Ремшейдѣ, Гагенѣ, Изерлонѣ, такъ же какъ въ Крефельдѣ, на лѣвомъ берегу Рейна, пропаганда сильно затруднялась еще ремесленными представленiями. Зато въ Дуисбургѣ, съ его значительнымъ фабричнымъ населенiемъ, и въ Дюссельдорфѣ, гдѣ извѣстное дѣйствiе оказывали воспоминанiя о жизни Лассаля на Рейнѣ, дѣло подвигалось бойко впередъ; въ каждомъ изъ этихъ двухъ городовъ числилось около 250 членовъ. Медленнѣе развивался Кельнъ, гдѣ рейнская буржуазiя производила сильнѣйшее давленiе въ противоположномъ смыслѣ. Моисей Гессъ вернулся въ декабрѣ 1863 г. въ Парижъ, а его преемникъ по должности уполномоченнаго не сумѣлъ уравновѣсить личнымъ искусствомъ неблагопрiятный характеръ почвы.

Послѣ рейнскихъ областей главной твердыней Союза былъ Гамбургъ и сосѣднiй съ нимъ Гарбургъ. Оба города насчитывали около 700 членовъ. Въ классическомъ средоточiи германской крупной торговли для пролетарской классовой борьбы существовали такiя же благопрiятныя условiя, какъ въ классическомъ центрѣ германской крупной промышленности. Начало гамбургскаго образовательнаго рабочаго ферейна относилось еще къ 1848 г., и подъ пепломъ реакцiонныхъ годовъ онъ продолжалъ питать тлѣющiя революцiонныя искры; рядомъ съ нимъ возникли въ 50-хъ гг. въ Гамбургѣ оба самыхъ крупныхъ потребительныхъ общества Германiи. Когда затѣмъ въ образовательный ферейнъ перебросилось теченiе „Нацiональнаго союза", то въ средѣ его тотчасъ же поднялась энергичная оппозицiя. Вождемъ ея былъ Юргенъ Людерсъ, завѣдывавшiй хозяйственной частью въ образовательномъ ферейнѣ, а главнымъ ея ораторомъ—Августъ Перль, по своей первоначальной профессiи письмоводитель у адвоката, получившiй въ одномъ изъ упомянутыхъ выше потребительныхъ обществъ мѣсто бухгалтера. За свою оппозицiю онъ былъ исключенъ изъ образовательнаго ферейна, а Юргенъ Людерсъ уволенъ отъ должности завѣдующаго хозяйственною частью, послѣ чего онъ открылъ небольшой трактиръ, въ которомъ собирались Перль и его приверженцы. Къ нимъ присоединился въ ноябрѣ 1862 г. молодой Яковъ Аудорфъ, который прошелъ въ качествѣ слесаря 5 тяжелыхъ лѣтъ ученичества у тисковъ и въ кузницѣ, а затѣмъ многое пережилъ и многому научился во время 5-тилѣтняго странствованiя въ Германiи, Швейцарiи, Парижѣ и Лондонѣ. Истинный пролетарiй, онъ стоялъ ближе къ массамъ, чѣмъ Перль,—человѣкъ, не лишенный дарованiй и впослѣдствiи вышедшiй даже въ доктора и адвокаты, но вмѣстѣ съ тѣмъ потерянный для рабочаго движенiя. Въ Гарбургѣ уполномоченнымъ Союза былъ Теодоръ Iоркъ, смѣлый, задорный пролетарiй, мало обращавшiй вниманiе на упрекъ въ упрямствѣ, если дѣло шло объ огражденiи самостоятельности рабочаго движенiя. Изъ Гамбурга перенесъ движенiе въ Бременъ молодой столярный подмастерье Густавъ Деквицъ, но онъ далъ себя запугать бременскому сенату, истолковавшему фактъ отсутствiя въ Бременѣ закона о союзахъ въ томъ смыслѣ, что въ Бременѣ не долженъ быть терпимъ никакой политическiй союзъ. Деквицъ ограничился поэтому тихой агитацiей, давшей Союзу только нѣсколько десятковъ членовъ.

Королевство Саксонiя не было представлено въ Союзѣ соот-

вѣтственно своему промышленному значенію. Оно дало приблизительно столько же членовъ, сколько Гамбургъ и Гарбургъ вмѣстѣ взятые, при чемъ половина приходилась на Лейпцигъ съ его промышленными предмѣстьями Конневицемъ, Штёттерицемъ и Тонбергомъ. До своего переселенія въ Берлинъ, послѣдовавшаго осенью 1863 г., Вальтейхъ распространилъ свою агитацію на Гроссенгайнъ, Гроссбургкъ, Нейгерсдорфъ, Росвайнъ, съ довольно значительнымъ успѣхомъ, который однако быстро упалъ. Въ одномъ сообщеніи изъ Нейгерсдорфа говорится по этому поводу слѣдующее: „Члены Союза изъ-за преслѣдованій не отваживаются публично заявлять о своей приверженности къ Лассалю. Ткачъ давно уже не зарабатываетъ больше 3 зильбергрошеновъ 6 пфенниговъ въ день. Этимъ объясняется также одобрительный пріемъ, оказанный Вальтейху. Всѣ рабочіе думали, что готовится рѣшительный ударъ съ цѣлью улучшить положеніе рабочихъ". Трудно съ большею яркостью, чѣмъ въ этихъ безхитростныхъ словахъ рабочаго, изобразить отвратительные плоды капиталистически эксплоатируемой кустарной промышленности; мы видимъ здѣсь голодную заработную плату въ самомъ ужасающемъ смыслѣ этого слова, подъ вліяніемъ которой душевная жизнь эксплоатируемаго пролетаріата мечется постоянно между рабскимъ страхомъ и дикой жаждой мщенія.

Среди болѣе развитыхъ рабочихъ слоевъ королевства Саксоніи все еще пользовался большимъ вліяніемъ буржуазный радикализмъ, не пришедшій здѣсь къ такому банкротству, какъ на Рейнѣ; густая сѣть образовательныхъ рабочихъ ферейновъ, покрывавшая Саксонію влѣво отъ Эльбы, не могла быть разорвана однимъ ударомъ. Въ Дрезденѣ число членовъ Союза едва достигало дюжины, и среди нихъ мѣдникъ Фёрстерлингъ выдавался не столько талантомъ, сколько усердіемъ. Въ Лейпцигѣ Союзу остался вѣрнымъ Вутке, читавшій членамъ лекціи о французскомъ соціализмѣ. Передаютъ, что онъ не пользовался большимъ успѣхомъ,—обстоятельство, объясняющееся вѣроятно тѣмъ, что его даръ изложенія не стоялъ на одинаковой высотѣ съ его ученостью. Уполномоченнымъ для Лейпцига былъ Даммеръ, молодой ученый, которому приходилось вести тяжелую борьбу за существованіе, такъ какъ онъ получалъ всего 300 талеровъ годового дохода, при быстро увеличивающейся семьѣ; агитація сосредоточивалась поэтому главнымъ образомъ въ крѣпкихъ рукахъ Фрицше, принадлежавшаго къ старой гвардіи дрезденскихъ майнскихъ борцовъ.

Въ ткацкихъ округахъ Силезіи дѣла пошли лучше, чѣмъ въ саксонскихъ, но только послѣ смерти Лассаля. Самому же Лассалю доставилъ много радости безъ надлежащаго основанія и много хлопотъ безъ надлежащихъ результатовъ небольшой кружокъ приверженцевъ, который онъ пріобрѣлъ въ чешскомъ мѣстечкѣ Ашѣ. Кружокъ состоялъ приблизительно изъ сотни вязальщиковъ и ткачей, хорошихъ и честныхъ людей, которые были выброшены машиной на мостовую и видѣли предъ глазами „голодную смерть, какъ исходъ этой комедіи жизни". Но „потомками старыхъ гусситовъ", какъ называлъ ихъ Лассаль, они были скорѣе по своему благочестивому, нежели по революціонному образу мыслей. „Съ Библіей долженъ сообразоваться высшій и низшій, и именно въ этомъ состоитъ тенденція президента г. Лассаля и его свѣтло-мыслящихъ приверженцевъ,—писалъ чулочникъ Мартинъ, котораго Лассаль назначилъ уполномоченнымъ для Аша. Эта полная неясность мысли достаточно свидѣтельствовала о томъ, что въ Ашѣ Лассаль имѣлъ дѣло съ дикимъ росткомъ, а не съ настоящимъ корнемъ агитаціи; понятно, что усилія Лассаля защитить тамошнихъ своихъ сторонниковъ отъ притѣсненій властей и фабрикантовъ, не становились оттого менѣе похвальными.

Въ южной Германіи агитація нашла мало благопріятную почву, что обусловливалось, быть можетъ, отчасти прусскимъ происхожденіемъ агитаціи, отчасти все еще сильнымъ преобладаніемъ южно-германской мелкой буржуазіи. Во Франкфуртѣ на Майнѣ оказалось невозможнымъ уговорить Геймана и Теодора Мюллера, чтобы они приняли должность въ Союзѣ, хотя ихъ симпатіи и оставались на сторонѣ рабочаго дѣла. Франкфуртскій образовательный рабочій ферейнъ также продолжалъ существовать, такъ какъ Мюллеръ прежде всего хотѣлъ содѣйствовать образовательнымъ стремленіямъ рабочихъ, и Лассаль въ виду услугъ, оказанныхъ ему Мюллеромъ, уважалъ эту волю; попытка Лассаля вытѣснить Зоннемана изъ ферейна за его происки на цюрихскомъ рабочемъ съѣздѣ разбилась о большинство въ 2 голоса. Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ началъ свою дѣятельность во Франкфуртѣ съ небольшой цифры въ 67 членовъ, которая медленно, но постоянно росла. На половину это были портные, затѣмъ другіе ремесленники, какъ мѣдникъ Фрицъ Эльнеръ и портфельщикъ Велькеръ; среди членовъ было также нѣсколько журналистовъ, какъ Бернгардъ Беккеръ и молодой Генрихъ Обервиндеръ. Относительно

Швейцера Лассалю не удалось все-таки провести во Франкфуртѣ своего желанія, и Швейцеръ сталъ при его посредствѣ членомъ Союза въ Лейпцигѣ. Послѣ того, какъ первоначальный уполномоченный для Франкфурта, торговецъ сигарами Штраусъ, оказался ненадежнымъ, его мѣсто занялъ Бернгардъ Беккеръ. Гораздо хуже, чѣмъ во Франкфуртѣ, обстояло дѣло въ Майнцѣ, гдѣ часовщикъ Шепплеръ очень скоро вернулся назадъ въ материнскія объятія прогрессистской партіи. То, что произошло въ Майнцѣ, было особенно разительнымъ доказательствомъ быстрой смѣны прилива и отлива, столь часто отличающей начальныя стадіи современнаго рабочаго движенія. Краснорѣчіе Лассаля, казалось, однимъ ударомъ привлекло майнцскихъ рабочихъ на его сторону; затѣмъ наступила настолько полная реакція, что въ продолженіе полутора лѣтъ до смерти Лассаля, набралось лишь 10—12 новыхъ членовъ. Однако, когда черезъ городъ было провезено тѣло Лассаля, майнцскіе рабочіе устроили ему царскую похоронную манифестацію.

Въ рейнскомъ Пфальцѣ, въ Баденѣ, въ Вюртембергѣ, классическихъ областяхъ мелкой буржуазіи, агитаціи нигдѣ не удалось пока утвердиться. Напротивъ, вюртембергскіе образовательные рабочіе ферейны, цѣлый рядъ которыхъ существовалъ въ Штутгартѣ, Эслингенѣ, Ульмѣ, Гейльброннѣ, Гёппингенѣ, Рейтлингенѣ, Гмюндѣ, Канштатѣ и другихъ городахъ, объединились въ іюнѣ 1863 г. въ федерацію для всего Вюртемберга и устроили годомъ позже свое первое собраніе въ Гёппингенѣ. Въ правленіяхъ этихъ ферейновъ засѣдали фабриканты, профессора, учителя, аптекари и прочіе ученые господа, но въ нихъ чрезвычайно рѣдко сидѣли рабочіе. Нѣсколько иначе обстояли дѣла въ Баваріи. По преимуществу земледѣльческая страна и чрезвычайно отсталая въ своемъ промышленномъ законодательствѣ, она располагала однако въ Аугсбургѣ, Мюнхенѣ и Нюренбергѣ отдѣльными центрами производства металлическихъ издѣлій и текстильной промышленности, насчитывавшими тысячи промышленныхъ рабочихъ. Въ особенности привлекъ цѣлую армію рабочихъ Аугсбургъ съ его грандіозными прядильными, ткацкими и ситценабивными фабриками. Аугсбургскіе рабочіе прошли не плохую школу, такъ какъ на первыхъ порахъ текстильные бароны пригласили въ основанныя ими фабрики иностранныхъ рабочихъ изъ Эльзаса и Швейцаріи, чтобы обучить мѣстныхъ рабочихъ; сверхъ того въ Аугсбургѣ жило нѣкоторое число рабочихъ, участвовавшихъ въ

баденско-пфальцскомъ возстаніи и еще глубоко проникнутыхъ революціонными чувствами. Однако и здѣсь всего больше сдѣлала, чтобы толкнуть рабочія массы въ политическую жизнь, баварская буржуазія. Она начала сознавать свою силу и завязала борьбу съ ультрамонтанствомъ, съ плавающими подъ этимъ флагомъ юнкерствомъ и духовенствомъ; въ особенности она хотѣла снести преграды промышленнаго и таможеннаго законодательства, затруднявшія ей участіе въ конкурренціи на всемірномъ рынкѣ. Аугсбургскіе прядильные короли, нынѣ протекціонисты, были тогда ревностными манчестерцами и обѣщали эксплуатируемымъ ими рабочимъ всѣ блаженства рая отъ тысячелѣтняго царства свободной торговли. До поры до времени они могли морочить этимъ пролетаріатъ, хотя въ умахъ наиболѣе развитыхъ рабочихъ шевелилось уже болѣе правильное воззрѣніе на вещи. Когда одинъ аугсбургскій рабочій, механикъ Фридрихъ Дюрръ, примкнувшій въ Гамбургѣ къ агитаціи Лассаля, вернулся въ свой родной городъ, онъ привлекъ на ея сторону нѣсколько десятковъ товарищей. Но дѣло подвигалось впередъ еще очень туго, такъ какъ ощущался недостатокъ въ ораторскихъ силахъ, и анаѳема, которой буржуазная печать предала Лассаля, находила еще слишкомъ большую вѣру среди рабочихъ.

Въ итогѣ дѣятельность Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза распространялась въ моментъ смерти Лассаля приблизительно на 50 германскихъ городовъ; правда, болѣе чѣмъ въ одной трети ихъ Союзъ существовалъ почти на бумагѣ только, а въ другой трети онъ насчитывалъ всего какихъ-нибудь 100 съ лишнимъ членовъ. Внѣ Германіи объявилъ о своей готовности примкнуть къ Союзу коммунистическій образовательный рабочій кружокъ въ Лондонѣ, но Лассаль отнесся къ нему весьма сдержанно, заявивъ, что нѣтъ ничего болѣе труднаго и запутаннаго, какъ лондонскія условія. Вѣроятно, онъ хотѣлъ избѣжать возможности какого бы то ни было столкновенія съ Марксомъ. Въ Швейцаріи выступилъ съ открытымъ письмомъ въ пользу Лассаля Іоганнъ-Филиппъ Беккеръ, жаловавшійся однако на недостаточный успѣхъ, такъ какъ рабочіе ремесленнаго производства еще всецѣло опутаны иллюзіями Шульце и каждый изъ нихъ смотритъ уже на себя какъ на будущаго члена доходнаго кооперативнаго товарищества.

Если территоріальное распространеніе Союза оставалось, такимъ образомъ, далеко позади ожиданій Лассаля, то о внутрен-

немъ развитіи его это можно сказать въ не меньшей, если не въ большей степени. Лассаль и здѣсь хотѣлъ пожинать, едва успѣвъ посѣять. Онъ изъ себя выходилъ отъ нетерпѣнія по поводу нерегулярнаго доставленія отчетовъ уполномоченными, по поводу неаккуратной уплаты и подчасъ совершенной пріостановки членскихъ взносовъ, по поводу „треній, мелочныхъ дрязгъ, интригъ и распрей на манеръ прогрессистовъ", которыми молодая жизнь Союза не была бѣдна. „Игра въ союзъ" вырывала у него безчисленныя проклятія. До правильнаго функціонированія созданнаго имъ организма онъ такъ и не дожилъ, какъ неутомимо онъ ни подгонялъ уполномоченныхъ просьбами, напоминаніями и, въ крайнихъ случаяхъ, даже угрозами. Союзная касса была съ самаго начала обременена крупнымъ и все болѣе увеличивающимся дефицитомъ, который ослаблялся, но не устранялся пожертвованіями Лассаля, доходомъ отъ его агитаціонныхъ сочиненій, добровольными займами у двухъ-трехъ состоятельныхъ членовъ Союза, ссудами кассира и другими финансовыми операціями. Если со своими отчетами и счетами запаздывали даже Гильманъ въ Эльберфельдѣ, Перль въ Гамбургѣ и Даммеръ въ Лейпцигѣ, то чего можно было ожидать отъ тѣхъ уполномоченныхъ, которые имѣли за собою сравнительно немного членовъ, которымъ приходилось заниматься агитаціей послѣ тяжелаго трудового дня, такъ какъ они были простыми рабочими, и затѣмъ еще считать или писать, непривычные къ обращенію съ перомъ?

Чтобы повысить внутреннюю жизнеспособность Союза, Лассаль прибѣгнулъ къ нѣкоторымъ средствамъ, имѣвшимъ цѣлью предоставленіе большей самостоятельности членамъ. Прежде всего онъ ввелъ въ Эльберфельдѣ, Барменѣ и Ронсдорфѣ особыя кассовыя управленія, избираемыя мѣстными членами. Управленіе должно было состоять изъ двухъ кассировъ и двухъ контролеровъ; рядомъ съ ними на двухъ цензоровъ возлагалась задача побуждать членовъ-недоимщиковъ къ уплатѣ своихъ взносовъ. Однако за уполномоченнымъ было сохранено исключительное право дѣлать распоряженія насчетъ мѣстныхъ расходовъ, съ тѣмъ ограниченіемъ, что безъ особаго разрѣшенія президента они никогда не должны были превысить въ теченіе одного мѣсяца половину мѣсячныхъ поступленій. Нѣсколько позже Лассаль издалъ для каждаго изъ трехъ названныхъ выше городовъ и, сверхъ того, для Дюссельдорфа, Золингена и Вермельскирхена распоряженіе, чтобы мѣстные члены выбирали трехъ кандидатовъ на постъ уполномо-

ченнаго, изъ которыхъ президентъ долженъ былъ сдѣлать окончательный выборъ. Обѣ мѣры, распространеніе которыхъ на весь Союзъ было предусмотрѣно съ самаго начала, являлись уступками демократическому принципу. Однако большого улучшенія онѣ, повидимому, не произвели, такъ какъ бѣда заключалась не столько въ томъ, что недостатки организаціи давали себя уже чувствовать, сколько въ томъ, что она вообще еще не утвердилась.

Во всѣхъ этихъ болѣзняхъ дѣтскаго возраста Союзъ показалъ все-таки, что онъ очень здоровое дитя. Въ пользу такого вывода говорили уже многочисленныя доказательства преданности и быстраго пониманія, которыя Лассаль получалъ отъ членовъ. Они не переставали успокаивать его нетерпѣніе и, собственно говоря, должны были наполнить его чувствомъ большого удовлетворенія. Вѣдь все это была избранная часть германскаго пролетаріата, и она въ силу добровольной дисциплины признавала его своимъ вождемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ уже рано обнаружилось, что Союзъ не былъ все-таки сектой, рабски слѣдовавшей за учителемъ, а быстро развивающейся партіей, которая очень скоро начала нетерпѣливо дергать помочи диктаторскаго руководства. Ничѣмъ, правда, не удостовѣренъ разсказъ, будто Лассаль натолкнулся на рѣшительное сопротивленіе своихъ берлинскихъ приверженцевъ, когда онъ хотѣлъ взять съ нихъ обѣщаніе, что въ случаѣ борьбы между королевской властью „Божіей милостью" и либеральной буржуазіей они выступятъ за королевскую власть и противъ буржуазіи. Это приглашеніе, извѣстіе о которомъ дошло до насъ изъ третьихъ рукъ, находится въ столь непримиримомъ противорѣчіи со всѣми удостовѣренными заявленіями Лассаля, что его слѣдуетъ отнести къ области басенъ. Но въ другомъ случаѣ Лассаль, къ сожалѣнію, позволилъ себѣ подвергнуть революціонный образъ мыслей рейнскихъ рабочихъ весьма несправедливому испытанію. Два золингенскихъ точильщика, по имени Молль, и одинъ эльберфельдскій рабочій, по имени Лотцъ, были приговорены весною 1864 г. къ 4-хъ мѣсячному тюремному заключенію за то, что они будто бы ранили ножами нѣсколькихъ прогрессистовъ, пытавшихся устроить скандалъ во время рѣчи Лассаля на рабочемъ „смотру" въ Золингенѣ. Лассаль предложилъ, чтобы осужденные подали королю просьбу о помилованіи, которую нужно поддержать большимъ рабочимъ адресомъ. Однако эти мужественные люди рѣшительно отказались поступить такъ, заявивъ, что если бы имъ даже пришлось сидѣть 4 года, то они все-таки считаютъ несо-

гласнымъ со своими убѣжденіями стать обязанными королю; ихъ товарищи согласились съ ними. Лассаль вынужденъ былъ удовлетвориться категорическимъ „нѣтъ"; онъ принялъ отказъ честнымъ признаніемъ, что вправѣ гордиться, стоя во главѣ такихъ людей. Вполнѣ онъ все еще не былъ, однако, излѣченъ и получилъ вторичный отказъ отъ рабочихъ, когда предложилъ пустить въ ходъ адресъ съ жалобою, безъ просьбы о помилованіи.

Гораздо меньше справедливыхъ основаній, чѣмъ этотъ протестъ золингенскихъ рабочихъ, имѣла оппозиція Вальтейха противъ Лассаля. Вальтейхъ сложилъ съ себя 1 февр. 1864 г. должность секретаря Союза, такъ какъ не могъ ужиться съ Лассалемъ; его мѣсто занялъ Эдуардъ Вильмсъ изъ Золингена, прекрасно поладившій съ президентомъ Союза. Вальтейхъ переѣхалъ въ Дрезденъ, гдѣ взялъ на себя обязанности уполномоченнаго. Предметомъ его стремленій стали теперь децентрализація Союза и большее сближеніе съ болѣе рѣшительнымъ крыломъ буржуазіи; при этомъ онъ не скупился на замѣчанія относительно призрачнаго существованія Союза, относительно весьма опасной комедіи съ президентствомъ и тому подобныя заявленія, несомнѣнно направленныя лично противъ Лассаля. По существу дѣла Вальтейхъ безспорно заблуждался со своими стремленіями; какіе результаты получались отъ сближенія рабочихъ съ прогрессистской партіей, онъ испыталъ вѣдь на собственной шкурѣ. Если даже централизовать Союзъ не удавалось вслѣдствіе того, что рабочіе не умѣли еще приноровиться къ политической партійной организаціи, то децентрализовать его значило просто вынести смертный приговоръ всей агитаціи. Лассаль справедливо видѣлъ въ этомъ не начало конца, а самый конецъ, удобный предлогъ распустить Союзъ, если его дѣйствительно приходится распустить. Разъ Вальтейхъ не вѣрилъ больше въ возможность какого-нибудь успѣха, то именно для него, въ виду его прошлаго, было бы проще выступить изъ Союза, чѣмъ расшатывать его, и вполнѣ понятно, что оппозиція Вальтейха вызывала все большее чувство горечи въ Лассалѣ.

Несмотря на все сказанное, въ этой оппозиціи заключался весьма важный моментъ. Противъ организаціи, которую Лассаль далъ рабочему движенію, издавна раздавалось много несправедливыхъ или, по крайней мѣрѣ, сильно преувеличенныхъ упрековъ. Когда онъ, напр., началъ въ своихъ циркулярахъ называть мѣстные кружки членовъ прямо „общинами" (Gemeinden), то объ этомъ простомъ и правильномъ сокращеніи неуклюжаго

выраженія стали говорить какъ о религіозномъ сектантствѣ; между тѣмъ фактически имъ возрождалось только обозначеніе, употреблявшееся уже „Союзомъ коммунистовъ" для своихъ мѣстныхъ членскихъ кружковъ. Нельзя оспаривать, однако, что опасность образованія секты была присуща организаціи Лассаля, и потому оппозиція, уже рано поднявшаяся противъ Лассаля внутри Союза, была признакомъ внутренней силы, принимала ли она на первыхъ порахъ справедливую форму, какъ въ случаѣ съ золингенскими рабочими, или несправедливую, какъ въ случаѣ съ Вальтейхомъ. Она никогда не затихала больше вполнѣ и прекратилась лишь вмѣстѣ съ опасностью, противъ которой была направлена,—опасностью, сопровождающей всякую личную диктатуру.

Лассаль исходилъ изъ высокой идеи, когда видѣлъ въ пролетарской классовой борьбѣ соединеніе авторитета и свободы, когда усматривалъ въ этомъ прообразъ будущаго общественнаго строя. Несомнѣнно также, что его личная диктатура была благотворна и полезна, пока требовалось пробудить въ пролетаріатѣ сильное классовое сознаніе и устранить растерянность и неурядицу, внесенную въ его ряды прогрессистской партіей. Но разъ эта цѣль была достигнута, личная диктатура превращалась изъ двигателя въ помѣху движенію и подлежала въ свою очередь устраненію. Исторически поднимающійся классъ, сознавшій свою революціонную волю, соединяетъ авторитетъ и свободу въ себѣ самомъ и не имѣетъ надобности отдавать свою волю, какъ молотъ, въ руки одного лица. Истинное оправданіе для такой личной диктатуры, какую примѣнялъ Лассаль, состоитъ въ томъ, что она должна сдѣлать излишней самое себя; съ этой точки зрѣнія мы вправѣ видѣть свидѣтельство самостоятельной энергіи рабочаго движенія въ томъ фактѣ, что передовые рабочіе, въ родѣ Іорка, Вальтейха и золингенскихъ точильщиковъ, уже рано начали отстаивать свою волю противъ диктаторскаго руководства Лассаля.

Еще немало лѣтъ должно было пройти, пока личная диктатура сдѣлала излишней самое себя, и процессъ ея разложенія приводилъ не разъ къ сильнымъ потрясеніямъ. Но въ указанномъ обстоятельствѣ отразился лишь тотъ непритязательный ходъ пролетарской революціи, который даетъ ея противникамъ желанный поводъ къ дешевымъ тріумфамъ, пока не́ оказывается, что онъ былъ условіемъ ея неудержимаго конечнаго успѣха.

Глава III.

Конецъ Лассаля.

---

8 мая 1864 г. Лассаль отправился въ свое лѣтнее путешествіе, изъ котораго ему не суждено было больше вернуться. На этотъ разъ ему не нужно было извиняться въ томъ, что онъ отряхаетъ берлинскій прахъ съ ногъ своихъ. Безпримѣрное напряженіе силъ въ теченіе зимы совершенно расшатало его здоровье. Уже въ февралѣ онъ писалъ уполномоченнымъ: „Я смертельно усталъ, и какъ ни силенъ мой организмъ, но все же онъ шатается до мозга костей. Возбужденіе мое такъ велико, что я совершенно не сплю по ночамъ. Я валяюсь на своемъ ложѣ до 5 часовъ и встаю съ головною болью и глубоко истощенный. Я заработался, перенапрягъ свои силы и переутомленъ въ ужасающей степени". Родбертусу онъ писалъ тогда же: „Отъ чрезмѣрнаго напряженія силъ и крайняго нервнаго возбужденія я такъ опустился, что нервы болтаются у меня, словно веревки, вокругъ тѣла". Дни Лассаля были сочтены: болѣзнь горла, причинявшая ему жестокія страданія уже въ предшествующемъ году во время его агитаціонныхъ рѣчей, должна была, по мнѣнію его дюссельдорфскаго врача, свести его скоро въ могилу.

Тѣмъ не менѣе онъ не хотѣлъ уступать, пока на горизонтѣ мерцалъ еще хоть слабый огонекъ надежды. Онъ все еще разсчитывалъ на то, что ему удастся вырвать у правительства всеобщее избирательное право, и эта мысль все больше становилась движущей силой того, что онъ думалъ и говорилъ въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни. Такъ какъ онъ гнался за блудящимъ огонькомъ, то все больше уклонялся отъ правильнаго пути, хотя никогда не уходилъ такъ далеко, чтобы возвращеніе не оставалось для него возможнымъ въ любой моментъ. Лассалевскія заявленія

этого времени носятъ на себѣ слишкомъ обильные слѣды душевнаго и физическаго переутомленія, но никогда Лассаль не терялъ въ нихъ себя самого, и своему дѣлу онъ не измѣнилъ ни единымъ дыханіемъ. Принципъ его всегда оставался однимъ и тѣмъ же, какіе своеобразные скачки ни дѣлала подчасъ его тактика.

Лассаль употребилъ май мѣсяцъ на новый смотръ своимъ войскамъ. Смотръ начался въ Лейпцигѣ и затѣмъ распространился опять главнымъ образомъ на рейнскія общины, закончившись празднованіемъ годовщины Союза 22 мая 1864 г. въ Ронсдорфѣ. По имени этого мѣста и называютъ обыкновенно рѣчь, которую Лассаль произнесъ, собственно говоря, еще раньше, большей частью—въ сокращенной формѣ: 9 мая въ Лейпцигѣ, 14-го въ Золингенѣ, 15-го въ Барменѣ, 18-го въ Вермельскирхенѣ. Повсюду Лассаль былъ принимаемъ ликующими возгласами рабочихъ массъ, утопая въ тріумфахъ, которые могли вознаградить его за безконечныя мученія. Его истомившееся сердце полными глотками впивало въ себя эти солнечные лучи успѣха, за которыми должна была скоро послѣдовать вѣчная ночь. Созерцая безпредѣльное ликованіе рейнскихъ массъ, онъ казался себѣ Фаустомъ, который стоитъ удовлетворенный у цѣли своего земного поприща, и у него постоянно было такое впечатлѣніе, что такъ, вѣроятно, выглядѣло все при основаніи новыхъ религій. Кто станетъ теперь придираться къ этимъ словамъ умирающаго?

Ронсдорфская рѣчь считается всѣми за слабѣйшую изъ всѣхъ агитаціонныхъ рѣчей, произнесенныхъ Лассалемъ. Отчасти слабость ея обусловлена отсутствіемъ цѣльности въ планѣ, по которому она составлена. Первоначально она должна была явиться „смотромъ вовнутрь", какъ прошлогодняя рѣчь была „смотромъ вовнѣ": она должна была пробудить надлежащій духъ и рвеніе среди членовъ Союза и, въ заключеніе, обрисовать въ краткой, энергичной формѣ политическое положеніе. Но затѣмъ черновой планъ рѣчи подвергся довольно существеннымъ измѣненіямъ вслѣдствіе того, что незадолго до путешествія Лассаля король принялъ депутацію силезскихъ ткачей, и этотъ инцидентъ представлялся въ глазахъ Лассаля отличнымъ поводомъ для примѣненія его новой тактики. Такимъ образомъ рѣчь обратилась все-таки въ „смотръ вовнѣ", какъ это явствуетъ уже изъ ея заглавія: „Агитація Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза и обѣщанія прусскаго короля". Черезъ головы рабочихъ Лассаль обращался къ тѣмъ „двумъ,

тремъ лицамъ въ Берлинѣ", на которыхъ отъ пытался подѣйствовать уже своей прошлогодней „смотровой" рѣчью.

Но чѣмъ сильнѣе становились козыри его тактики, тѣмъ яснѣе раскрывался также ея основной недостатокъ. Съ одной стороны Лассаль хотѣлъ пригвоздить короля къ ничего не говорящимъ фразамъ, которыми тотъ отдѣлался отъ ткачей: „Мы посмотримъ, сдержитъ ли королевская власть это обѣщаніе, исполнитъ ли она слово, данное ею рабочимъ". Лассаль дѣлалъ короля поборникомъ соціалъ-демократическихъ принциповъ, доказывая, что своимъ обѣщаніемъ законодательнаго регулированія рабочаго вопроса Вильгельмъ обѣщалъ уже всеобщее избирательное право, такъ какъ народное представительство, полученное путемъ трехклассныхъ выборовъ, никогда не ассигнуетъ денегъ, необходимыхъ для устраненія рабочей нужды. Если прибавить сюда, что Лассаль употребилъ весьма нецеремонный жестъ относительно экземпляра королевскаго отвѣта, который былъ переданъ депутаціи ткачей изъ офиціозной типографіи, то можно допустить, что тотъ или иной отсталый рабочій ошибался насчетъ насмѣшливаго отношенія Лассаля къ королевской власти, но масса рабочихъ безъ сомнѣнія знала, въ чемъ дѣло. Съ другой стороны, никто не замѣчаетъ обыкновенно насмѣшливаго обращенія такъ быстро, какъ его жертвы; какимъ же образомъ Лассаль могъ надѣяться, что ронсдорфская рѣчь, о пересылкѣ которой Бисмарку онъ настойчиво напоминалъ секретарю Союза, проведетъ этого продувного дипломата!

Точно также описаніе своихъ агитаціонныхъ успѣховъ, которое Лассаль далъ въ этой рѣчи, было разсчитано, повидимому, больше на берлинскихъ особъ, чѣмъ на рейнскихъ рабочихъ. Оно страдало жестокими преувеличеніями. Такъ какъ дѣйствительно большіе результаты его пропаганды существовали, только ихъ нельзя было пока осязать и видѣть, то Лассаль искалъ ея осязательныхъ и видимыхъ плодовъ тамъ, гдѣ ихъ совсѣмъ не было или же не было въ той мѣрѣ, какъ онъ утверждалъ. Онъ далъ карикатурное изображеніе, которое было всего несправедливѣе къ нему самому; насколько ниже великаго историческаго толчка, дѣйствительно даннаго Лассалемъ, стояла эта, временами почти романтическая, легенда! Въ особенности Лассалю справедливо ставили всегда въ упрекъ то, что онъ щеголялъ противъ прогрессистскихъ манчестерцевъ епископомъ майнцскимъ, „княземъ церкви", который считается „на Рейнѣ почти святымъ", который „въ теченіе многихъ лѣтъ занимался

учеными изслѣдованіями" и теперь „считаетъ дѣломъ совѣсти" сказать свое слово по рабочему вопросу. Если епископъ Кеттелеръ въ незначительной брошюркѣ призналъ желѣзный законъ заработной платы, чтобы досадить либеральной буржуазіи, и доказывалъ божественное происхожденіе собственности, чтобы сразить освободительную борьбу пролетаріата, то онъ занимался поповской демагогіей, въ сравненіи съ которой какой-нибудь Шульце-Деличъ могъ казаться „почти святымъ". Именно предъ рейнскими рабочими, изъ которыхъ столь многіе жили еще въ духовной неволѣ ультрамонтанства, Лассалю скорѣе слѣдовало снять овечью шкуру съ этого волка, чѣмъ пускать въ ходъ противъ капитализма такой сомнительный авторитетъ.

Лишь въ заключительной части своей ронсдорфской рѣчи Лассаль поднялся до прежней высоты своего краснорѣчія. Какъ на послѣдній признакъ успѣха онъ указалъ на преслѣдованія, которымъ онъ подвергался. Онъ съ торжествомъ упомянулъ о процессахъ, которые уничтожилъ остріемъ меча, но какъ хорошій знатокъ пролетарской классовой борьбы Лассаль прибавилъ, что противъ извѣстной степени озлобленія одинъ человѣкъ не можетъ устоять, какъ бы силенъ онъ ни былъ. Смерть уже витала надъ головой Лассаля, когда онъ произнесъ свое „Exoriare" *), и при кликахъ энтузіазма слушатели его поклялись поднятіемъ руки, что вмѣстѣ съ личностью Лассаля не погибнетъ грандіозное и національное культурное движеніе, что зажженный имъ пожаръ будетъ распространяться все дальше и дальше, пока живъ хотя одинъ изъ нихъ.

Съ конца мая до конца іюня Лассаль жилъ въ Эмсѣ, гдѣ искалъ исцѣленія отъ своей горловой болѣзни. Здѣсь онъ написалъ возраженіе на рецензію по поводу „*Бастіа-Шульце*", помѣщенную Вагенеромъ въ „*Крестовой Газетѣ*". Среди приспѣшниковъ феодальной партіи Вагенеръ особенно усердно заигрывалъ со всеобщимъ избирательнымъ правомъ; онъ много распространялся насчетъ трусливой буржуазіи, бросившей въ чуланъ свои политическія блага и вольности, чтобы спасти свой денежный мѣшокъ. Самъ онъ, однако, хотѣлъ спасти только „политическія блага и вольности" „христіанскаго общественнаго и государственнаго строя"; уродливая сословная форма, которую онъ хо-

*) „Exoriare aliquis nostris ex ossibus ultor!" (изъ костей нашихъ да возстанетъ мститель!)—*Прим. пер.*

тѣлъ придать всеобщему избирательному праву, сводилась къ феодальному изданію плутократической системы трехклассныхъ выборовъ, октроированіе которой также прикрашивалось, вѣдь, въ свое время тѣмъ соображеніемъ, что она поддерживаетъ въ живыхъ „всеобщее избирательное право".

Вагенеръ слишкомъ глубоко ненавидѣлъ капитализмъ, чтобы не знать его основательно. Онъ понималъ, что возстановленіе феодально-цеховаго общественнаго строя есть нѣчто невозможное, и вслѣдствіе этого оказался въ полномъ разладѣ со старымъ романтикомъ фонъ-Герлахомъ, который нѣкогда посвятилъ его въ тайны феодальнаго соціализма, а теперь, когда дѣло начало загораться не на шутку, готовъ былъ ужъ лучше возиться съ Шульце-Деличемъ, чѣмъ съ Лассалемъ. Точно такъ же Вагенеръ не обманывался, подобно Бисмарку, насчетъ „монархическаго образа мыслей" Лассаля; онъ очень хорошо видѣлъ, что конкретное прусское государство имѣетъ весьма мало общаго съ абстрактной государственной идеей Лассаля. Но Вагенеръ не былъ способенъ разобраться въ такомъ послѣдовательномъ развитіи идей научнаго соціализма, какое содержалъ „*Бастіа-Шульце*", и его рецензія на эту книгу исчерпывалась затасканными фразами объ основахъ христіанскаго государства, о поддержаніи средняго сословія, какъ единственнаго правильнаго сочетанія капитала и труда, и т. п. Вагенеръ сдѣлалъ даже стыдливый заёмъ у самаго ходячаго манчестерства, заявивъ, что дѣло идетъ по меньшей мѣрѣ столько же объ увеличеніи общаго національнаго дохода, сколько объ иномъ его распредѣленіи; его аргументъ, что не всѣ рабочіе герои добродѣтели, а капиталисты не всѣ грѣшники, могъ бы съ такимъ же успѣхомъ красоваться на столбцахъ „*Народной Газеты*", какъ на столбцахъ „*Крестовой Газеты*".

Лассаль поддерживалъ въ Берлинѣ личныя сношенія съ Вагенеромъ и—какъ послѣдній, ухмыляясь, разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ („*Denkwürdigkeiten*")—сдѣлалъ ему будто бы комплиментъ, что три умнѣйшихъ человѣка въ прусской землѣ, это—въ приводимомъ порядкѣ—Лассаль, Бисмаркъ и Вагенеръ. Если Лассаль дѣйствительно позволилъ себѣ эту шутку, то онъ, должно быть, не былъ чрезмѣрно высокаго мнѣнія объ умственныхъ способностяхъ Вагенера, и рецензія Вагенера на „*Бастіа-Шульце*" навѣрно не могла внушить ему болѣе высокаго понятія объ этомъ феодальномъ застрѣльщикѣ. Тѣмъ не менѣе Лассаль рѣшилъ отвѣтить Вагенеру подробно; какъ показываетъ содержаніе возра-

женія, онъ хотѣлъ дать новый толчокъ къ октроированію всеобщаго избирательнаго права. Лассалю не стоило большого труда опровергнуть грубыя ошибки Вагенера; онъ развилъ мысль, что отъ самихъ носителей существующаго общественнаго и государственнаго строя зависитъ, получитъ ли удовлетвореніе повелительная соціально-политическая потребность нашего времени путемъ реформаторскимъ или революціоннымъ. Онъ энергично протестовалъ противъ всякихъ мелкихъ опытовъ съ производительными товариществами и обосновалъ всеобщее избирательное право тѣмъ соображеніемъ, что трудно найти что-либо болѣе способное къ организаціи, чѣмъ народныя массы, и что-либо болѣе интеллигентное, чѣмъ ихъ здравый смыслъ. Все это было, конечно, очень вѣрно, только оно должно было смутить тѣхъ самыхъ людей, которыхъ Лассаль хотѣлъ привлечь на свою сторону: какъ бы ни обстояло дѣло насчетъ „ума" Бисмарка и Вагенера, они были достаточно опытными представителями господствующихъ классовъ, чтобы какъ чумы бояться интеллигентности и организаціи массъ.

Въ концѣ іюня Лассаль отправился въ Дюссельдорфъ, чтобы лично защищаться предъ апелляціонной инстанціей по дѣлу, возбужденному противъ него за прошлогоднюю „смотровую рѣчь". Поскольку его защитительная рѣчь касалась политическихъ темъ, она была отзвукомъ ронсдорфской рѣчи. Затѣмъ Лассаль прожилъ недѣли двѣ во Франкфуртѣ и въ Пфальцѣ, занимаясь въ особенности подготовленіями къ изданію союзной газеты, которая правильно выходила бы въ свѣтъ. Часто ставили вопросъ, почему онъ раньше не подумалъ заполнить этотъ чувствительный пробѣлъ въ своемъ вооруженіи, тѣмъ болѣе, что „*Полярная Звѣзда*" становилась все хуже и хуже. Простой отвѣтъ заключается въ томъ, что Лассалю требовалась до тѣхъ поръ тройная человѣческая сила, чтобы справиться съ задачами, еще болѣе настоятельными. Планомъ союзнаго органа онъ занимался уже съ зимы; предварительныя работы были закончены лѣтомъ 1864 г. Редактированіе газеты долженъ былъ взять на себя Швейцеръ и, рядомъ съ нимъ, Жанъ-Батистъ ф.-Гофштеттенъ, отставной баварскій поручикъ, располагавшій нѣкоторымъ состояніемъ, добродушный и милый человѣкъ, но не особенно даровитый и немного фантазеръ, находившійся всецѣло подъ умственнымъ вліяніемъ Швейцера. Мѣстомъ изданія былъ выбранъ Берлинъ.

Въ серединѣ іюля Лассаль переѣхалъ для лѣченія сывороткою

на Риги-Кальтбадъ, гдѣ его сначала продолжали живо занимать дѣла Союза. Въ своемъ стремленіи произвести „давленіе на событія“ онъ обдумывалъ тогда планъ побудить осенью гамбургскихъ рабочихъ, чтобы они приняли резолюцію, приглашающую Бисмарка присоединить Шлезвигъ-Голштинію къ Пруссіи вопреки волѣ Австріи. Шлезвигъ-голштинская война была теперь окончена. Послѣ неудачи лондонскихъ конференцій прусскія войска взяли 29 іюня островъ Альсенъ, 10 іюля вся Ютландія была въ рукахъ австро-прусской арміи, а 20 іюля датское правительство выразило готовность вступить въ мирные переговоры. Лассаль оказался хорошимъ пророкомъ, такъ какъ онъ предвидѣлъ, что Австрія и Пруссія вцѣпятся въ волосы другъ другу изъ-за общей добычи, и усмотрѣлъ въ подобной распрѣ то внѣшнее осложненіе, въ теченіе котораго Бисмарку придется пустить въ ходъ козырь всеобщаго избирательнаго права. Но этимъ не оправдывалась, конечно, резолюція, которую онъ намѣревался предложить гамбургскимъ рабочимъ. Напротивъ, изъ всѣхъ ложныхъ шаговъ, къ которымъ Лассаль былъ увлеченъ перемѣной своей тактики, она была бы самымъ ложнымъ; никакого „давленія на событія“ она не оказала бы, а только скомпрометтировала бы рабочее движеніе въ пользу прусской завоевательной политики. Впрочемъ, еще весьма спорно, была ли резолюція рѣшеннымъ дѣломъ для Лассаля, какъ утверждали потомъ графиня Гацфельдтъ и другіе. Въ своихъ письмахъ Лассаль упоминаетъ о ней то какъ о „большомъ очень большомъ, быть можетъ дѣйствительно важномъ coup“, то какъ о дѣлѣ, отъ котораго онъ самъ не ждетъ многаго. Въ такомъ видѣ резолюція представляется скорѣе плодомъ чрезмѣрнаго нервнаго раздраженія, какое часто находитъ себѣ выходъ въ интимныхъ письмахъ и бесѣдахъ; это не значитъ, однако, что положенъ уже мостъ отъ мысли къ дѣлу.

Гораздо больше, чѣмъ этимъ весьма смутнымъ еще планомъ, Лассаль былъ занятъ на Риги-Кальтбадѣ своей распрей съ Вальтейхомъ. Взаимное неудовольствіе прорвалось наружу по поводу приготовленій къ первому общему собранію Союза, которое, согласно уставу, должно было состояться еще до конца 1864 г. Относительно состава общаго собранія уставъ предписывалъ, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно происходитъ, всѣ явившіеся члены вотируютъ поголовно, другія же мѣста голосуютъ черезъ выборныхъ делегатовъ, которые имѣютъ столько голосовъ, сколько числится членовъ въ представляемыхъ ими мѣстахъ. О путевыхъ издерж-

кахъ делегатовъ въ уставѣ ничего не говорилось. Было поэтому вполнѣ цѣлесообразно и нисколько не противорѣчило уставу, когда Лассаль, по соглашенію съ Даммеромъ, котораго онъ снова назначилъ вице-президентомъ на время своего отсутствія изъ Германіи, попытался „изъ необходимости сдѣлать добродѣтель". Они предложили, чтобы общины, которыя не могутъ или не хотятъ покрыть путевыхъ издержекъ для особыхъ делегатовъ, поручали свое представительство членамъ, живущимъ въ мѣстѣ общаго собранія или вблизи него. Безспорно, если бы всѣ послѣдовали этому предложенію, значеніе общаго собранія сильно упало бы, но при бѣдности и численной слабости многихъ общинъ не было другой возможности устроить общее собраніе и удовлетворить соотвѣтственному предписанію устава. Во всякомъ случаѣ предложеніе не ограничивало никакого права членовъ, такъ какъ никто не препятствовалъ каждой общинѣ посылать делегатовъ изъ своей среды, если только она могла или хотѣла покрыть расходы на ихъ поѣздку.

Противъ предложенія Лассаля и Даммера выступилъ съ протестомъ Вальтейхъ, въ качествѣ члена правленія. Онъ утверждалъ, что общины ограничиваются такимъ путемъ въ выборѣ своихъ делегатовъ. Вальтейхъ хотѣлъ признать общее собраніе „правильно состоявшимся" только въ томъ случаѣ, если путевые расходы будутъ покрыты либо изъ кассы Союза, либо посредствомъ добавочнаго обложенія членовъ Союза. Но независимо отъ того, что касса Союза была обременена тяжелыми долгами, а добавочный налогъ, при неаккуратности, съ которою члены уплачивали даже свои обыкновенные взносы, былъ заранѣе обреченъ на неудачу, — независимо отъ этого Вальтейхъ не могъ ссылаться въ свою пользу даже на уставъ, нигдѣ не говорившій о томъ, что расходы делегатовъ по поѣздкѣ на общее собраніе должны покрываться изъ средствъ Союза. Вальтейхъ былъ формально и по существу дѣла такъ же неправъ со своимъ предложеніемъ, какъ Лассаль и Даммеръ были правы со своимъ. Вдобавокъ Вальтейхъ употребилъ въ мотивахъ, которыми онъ сопроводилъ свое предложеніе, если не злобный, то все же непріязненный тонъ, который самъ по себѣ способенъ былъ возбудить чувство горечи въ Лассалѣ, тѣмъ болѣе, что поведеніе Вальтейха было очевидно только новымъ звеномъ въ его децентрализаторскихъ стремленіяхъ.

Однако лишь тогдашними физическими страданіями и душевнымъ

возбужденіемъ Лассаля можно объяснить себѣ тотъ фактъ, что въ длинномъ циркулярномъ письмѣ отъ 27-го іюля, обращенномъ ко всѣмъ членамъ правленія, онъ поставилъ кабинетный вопросъ между собою и Вальтейхомъ, что онъ почти открыто угрожалъ сложить съ себя президентскія обязанности, если правленіе не исключитъ Вальтейха изъ Союза. Этотъ весьма недемократическій образъ дѣйствій получилъ еще болѣе некрасивый оттѣнокъ вслѣдствіе нѣкоторыхъ сопутствующихъ явленій: правленіе, почти не функціонировавшее до тѣхъ поръ, должно было впервые выступить въ своего рода полицейской роли, затѣмъ Лассаль одновременно принялъ въ правленіе Бернгарда Беккера и Швейцера, относительно которыхъ ему было извѣстно, что они раздѣляютъ его взгляды, наконецъ—онъ поручилъ секретарю Союза немедленно разослать циркуляръ всѣмъ прочимъ членамъ правленія, Вальтейху же послать его лишь послѣ того, какъ Вильмсъ съѣздитъ въ Дрезденъ и дастъ надлежащія инструкціи Ферстерлингу, чтобы имѣть возможность предупредить „интриги“ Вальтейха въ Дрезденѣ и вообще въ саксонскихъ общинахъ. Въ довершеніе несчастья Лассаль этимъ рѣзкимъ диссонансомъ закончилъ свою дѣятельность для Союза.

Ибо днемъ раньше на Риги-Кальтбадѣ появилась Елена ф.-Дённигесъ, и затѣмъ быстрымъ темпомъ разыгралась драма, кончившаяся 31 августа смертью Лассаля. Самыя событія не имѣютъ непосредственной связи съ исторіей германской соціалъ-демократіи и къ тому же такъ часто разсказывались, что нѣтъ надобности передавать ихъ вновь. Краткаго освѣщенія они заслуживаютъ лишь постольку, поскольку кое-гдѣ обнаруживалось сантиментальное сочувствіе къ этой госпожѣ на счетъ Лассаля.

Дѣвица ф.-Дённигесъ явилась на Риги-Кальтбадъ по собственному почину, и фарисеи вольны порицать, что Лассаль, больной, запертый въ горахъ въ теченіе многихъ ненастныхъ дней, измученный трудомъ и заботами, не уклонился отъ столь большой предупредительности. Затѣмъ эта госпожа капризно разстроила хитроумно задуманный Лассалемъ планъ сватовства, поставивъ ему въ одномъ женевскомъ отелѣ дилемму: либо какъ глупый юнецъ тайно похитить ее, либо проводить ее, какъ почтенный филистеръ, назадъ въ родительскій домъ. Лассаль горько раскаивался потомъ, что вмѣсто бѣгства онъ рѣшился на „комедію великодушія и мѣщанскаго приличія“, но этимъ далеко еще не опровергнуто мнѣніе, что при данныхъ безвыходныхъ обстоятель-

ствахъ онъ поступилъ именно такъ, какъ это еще скорѣе всего подобало его личности и его положенію. Фраза, что этимъ онъ „смертельно оскорбилъ беззавѣтно отдавшееся ему женское сердце", лишь тогда подлежала бы обсужденію, если бы въ дальнѣйшемъ ходѣ вещей дѣвица ф.-Дённигесъ обнаружила чѣмъ-нибудь присутствіе оскорбленнаго женскаго сердца. Въ дѣйствительности ничего подобнаго не было замѣтно. Напротивъ, поведеніе мнимой жертвы Лассаля въ рѣшительной сценѣ драмы, какъ его рисуетъ единодушное свидѣтельство Рюстова и адвоката Генле, оправдывало въ субъективномъ отношеніи оскорбительный эпитетъ, которымъ Лассаль назвалъ эту госпожу, чтобы принудить къ дуэли ея отца и сначала отставленнаго, а теперь снова принятаго на службу жениха.

Несомнѣнно, Лассаль тяжко скомпрометтировалъ себя, чтобы добиться своего, чтобы отвратить отъ себя проклятіе смѣшного пораженія, совершенно невыносимое для него, ненавидѣвшаго, какъ смерть, уже всякое серьезное пораженіе. Шаги, которые онъ сдѣлалъ предъ баварскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и, черезъ графиню Гацфельдтъ, предъ епископомъ майнцскимъ, сама дуэль, до которой Лассаль унизился, несмотря на то, что онъ былъ принципіальнымъ противникомъ дуэли, многія заявленія, сдѣланныя имъ устно и письменно въ эти бурные дни, не могутъ быть оправдываемы. Какъ бы многочисленны ни были извиняющія Лассаля обстоятельства—его обязанность защитить оскорбляемую изъ-за него женщину, пока онъ имѣлъ основанія думать, что она желаетъ этой защиты, разсчитанное оскорбленіе его справедливой гордости надменнымъ поведеніемъ семьи Дённигесъ, безнадежная прострація его физическихъ и душевныхъ силъ, о которой съ потрясающей правдой говоритъ каждая строчка его тогдашнихъ писемъ,—въ концѣ концовъ все-таки остается тягостное впечатлѣніе: Лассаль могъ бы умереть лучшей смертью, и все же — если позволительно заключать отъ содержанія богатой жизни къ тихимъ мыслямъ смертнаго часа, то возможно, что онъ и эту смерть привѣтствовалъ какъ избавительницу.

Онъ не дорожилъ жизнью ради самой жизни; онъ чувствовáлъ страхъ предъ притупляющей старостью, надвигавшейся по его мнѣнію уже съ 40-мъ годомъ жизни, на порогѣ котораго онъ стоялъ. Его ближайшее будущее лежало предъ нимъ неизвѣстное и темное. Тѣ, которые думаютъ, что онъ одѣлъ бы когда-нибудь бисмарковскую ливрею, подобно своему другу Бухеру, судятъ

какъ слѣпой о цвѣтахъ. Поскольку Лассаль вообще строилъ опредѣленные планы относительно будущаго, о нихъ можно судить по заявленіямъ, которыя онъ дѣлалъ въ послѣднія недѣли своей жизни Іоганну-Филиппу Беккеру. По словамъ этого стараго борца за свободу, Лассаль сказалъ, что его сила истощена, онъ долженъ сдѣлать передышку; онъ полагалъ раньше, что сумѣетъ въ теченіе года открыть свободную дорогу соціалистическому движенію, но теперь видитъ, что на это потребуются десятилѣтія; на такой трудъ у него не хватаетъ физическихъ силъ, въ особенности же онъ не перенесетъ предстоящаго ему тюремнаго заключенія. Слова эти носятъ на себѣ печать истины. По совѣту Беккера Лассаль намѣревался пріобрѣсти права гражданства въ Женевѣ, поселившись тамъ на 2 года, и онъ осуществилъ бы, вѣроятно, это намѣреніе, если бы прожилъ дольше. Но и въ такомъ случаѣ Лассаль былъ бы птицей съ разбитыми крыльями, и онъ былъ о себѣ достаточно высокаго мнѣнія, чтобы предпочесть быструю смерть медленному угасанію.

Сказаннымъ нисколько не уменьшается полная неосновательность одной новѣйшей легенды, — что Лассаль своей дуэлью совершилъ „косвенное самоубійство", изъ страха предъ совѣщаніемъ съ Марксомъ и Энгельсомъ, которое должно было состояться осенью и которое поставило бы его предъ альтернативой отреченія и отступленія или борьбы не на жизнь, а на смерть со старыми друзьями. Во всѣхъ имѣющихся документахъ нельзя найти даже самаго слабаго намека на это совѣщаніе; напротивъ, изъ одного письма, посланнаго Лассалемъ Вильмсу еще 29 іюня, недвусмысленно слѣдуетъ, что Лассаль не имѣлъ тогда никакого яснаго представленія о томъ, какого мнѣнія держится Марксъ объ его агитаціи. Не стоитъ труда перечислять всѣ психологическія и прочія невозможности этой легенды, но если ужъ хотятъ дѣлать предположеніе, что такой страшный судъ былъ условленъ,—предположеніе, столь же обидное для Маркса и Энгельса, какъ для Лассаля,—то Лассаль не имѣлъ во всякомъ случаѣ ни малѣйшаго повода спасаться отъ него „косвеннымъ самоубійствомъ". Онъ съ гордо поднятымъ лицомъ могъ защищать свою агитацію предъ кѣмъ угодно, не исключая Маркса и Энгельса. Въ его пользу свидѣтельствовали нѣмецкіе рабочіе, которыхъ онъ пробудилъ къ классовому сознанію, которымъ онъ открылъ дорогу къ грандіозной борьбѣ и побѣдамъ. Они и выступили въ своей массѣ за своего умершаго вождя, когда спустя полгода обнаружилось раз-

номысліе, существовавшее между Лассалемъ и его старыми друзьями, причемъ впереди ихъ всѣхъ шли рейнско-вестфальскіе рабочіе, среди которыхъ находились также бывшіе члены „Союза коммунистовъ".

Можно предоставить буржуазнымъ фабрикантамъ романовъ сочинять себѣ своего Лассаля—то какъ „вѣрнаго слугу Фридолина", благоговѣйно преклоняющаго колѣни предъ трономъ Гогенцоллерновъ, то какъ дикое страшилище, которымъ пугаютъ патріотическихъ дѣтей: историческій Лассаль требуетъ часто суроваго дыханія исторической правды, но его бронзовая статуя не опрокидывается отъ этого. Онъ былъ больнымъ и умирающимъ человѣкомъ, когда нашелъ въ Швейцаріи свой преждевременный все-таки конецъ. Казалось, что пуля валахскаго дворянчика столь безсмысленно оборвала такую великую жизнь, но она убила лишь „то, что было смертнаго въ мыслителѣ и борцѣ Лассалѣ". При тогдашнемъ положеніи вещей и при данной личности Лассаля, онъ выполнилъ свою историческую миссію; его пламенная душа испустила свой послѣдній вздохъ, а все остальное было слишкомъ человѣческой страстью. Въ столь ошибочномъ взглядѣ вѣрныхъ приверженцевъ Лассаля, что онъ палъ за рабочее дѣло, все-таки заключался извѣстный смыслъ. Такъ писалъ и Марксъ въ утѣшеніе графинѣ Гацфельдтъ: „Онъ умеръ молодымъ—тріумфаторомъ—какъ Ахиллъ".

Германскій рабочій классъ съ вѣрнымъ тактомъ всегда отклонялъ отъ себя роль судьи у могилы Лассаля; онъ сохранилъ къ Лассалю глубокую и неизмѣнную привязанность, которая столько же дѣлаетъ честь Лассалю, сколько этому классу.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

РАЗДОРЫ МЕЖДУ ФРАКЦІЯМИ.

Глава I.

Международная Ассоціація Рабочихъ.

Причины, пробудившія вновь рабочее движеніе въ Германіи, дѣйствовали въ одинаковомъ направленіи во всѣхъ промышленно развитыхъ странахъ. Всюду, гдѣ существовалъ европейскій пролетаріатъ, онъ въ началѣ 60-хъ годовъ сталъ организовываться для борьбы за свое освобожденіе, ближайшимъ образомъ—на національной почвѣ. Однако, въ наиболѣе передовыхъ странахъ раскрывался уже и международный характеръ этой борьбы.

Въ Англіи пораженіе континентальной революціи 1848 г. имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что чартизмъ совершенно заглохъ. Къ тому же законодательное установленіе 10-часового рабочаго дня произвело на рабочихъ въ умственномъ, нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ живительное дѣйствіе, которое должно было ощущаться ими какъ своего рода возрожденіе, а развитіе трэдъ-юніоновъ испытало грандіозный подъемъ во время лихорадочнаго промышленнаго оживленія 50-хъ гг. Однако, начиная съ кризиса 1857 г. произошелъ рядъ событій, изъ которыхъ англійскіе рабочіе могли извлечь поученіе, что на почвѣ современнаго буржуазнаго общества для нихъ не уготовано постояннаго мѣста. Эпоху въ этомъ смыслѣ составила, въ особенности, американская междоусобная война, о которой Марксъ сказалъ, что она бьетъ набатъ для европейскаго рабочаго класса, подобно тому, какъ американская война за независимость 18-го вѣка пробила набатъ для европейскаго средняго класса. Хлопковый кризисъ повергъ рабочихъ англійской текстильной промышленности въ ужасающую нужду, и тѣмъ не менѣе англійскій пролетаріатъ обнаружилъ свое превосходство надъ господствующими классами, симпатіи которыхъ къ американскимъ рабовладѣльцамъ разбились объ его

геройское сопротивленіе. Съ другой стороны, у трэдъ-юніоновъ пропала скоро охота почить на лаврахъ, такъ какъ капиталисты начали при каждомъ пререканіи съ рабочими грозить, что они парализуютъ дѣятельность союзовъ путемъ ввоза болѣе дешевыхъ рабочихъ рукъ съ континента. Аристократія англійскаго рабочаго класса, которая въ опасномъ самообольщеніи стала ограничиваться борьбою за заработную плату и продолжительность рабочаго дня, волей или неволей принуждена была вступить въ международную область пролетарской классовой борьбы.

Во Франціи итальянская война доставила лишь непродолжительную отсрочку обреченному на казнь бонапартистскому режиму. Лавина, приведенная въ движеніе героемъ 2-го декабря, продолжала катиться дальше противъ его воли. Онъ вынужденъ былъ сыграть роль орудія въ рукахъ итальянской демократіи, а французская демократія дѣлала ему болѣе сильную оппозицію, чѣмъ когда-либо раньше. Тѣмъ болѣе Бонапартъ стремился овладѣть рабочимъ движеніемъ. Моментъ могъ казаться ему довольно благопріятнымъ. Французскій пролетаріатъ былъ разбитъ на секты; рядомъ со старыми остатками тайныхъ обществъ и утопическихъ школъ существовали бланкисты и прудонисты, изъ которыхъ первые видѣли спасеніе въ борьбѣ на баррикадахъ, а вторые—въ мелкобуржуазныхъ игрушкахъ. Попытка 60-ти парижскихъ рабочихъ принять участіе въ выборахъ въ законодательный корпусъ встрѣтила суровое порицаніе со стороны Прудона, такъ какъ рабочіе примкнули политически къ радикальной буржуазіи, и презрительныя насмѣшки со стороны радикальной буржуазіи, такъ какъ рабочіе обнаружили стремленіе къ самостоятельности. Вообще французскіе рабочіе встрѣтили такое же глумленіе со стороны французской буржуазіи, какое нѣмецкіе рабочіе встрѣтили со стороны буржуазіи нѣмецкой. Это было на руку Бонапарту, и онъ дѣятельно пустилъ въ ходъ свою систему заигрыванія съ рабочими, болѣе искусно, чѣмъ его подражатель Бисмаркъ, но одинаково безуспѣшно. Уже при первомъ ходѣ ему не повезло: разрѣшивъ французскимъ рабочимъ выбрать делегатовъ, которые должны были посѣтить на средства правительства лондонскую всемірную выставку 1862 г., онъ содѣйствовалъ чему угодно, только не осуществленію бывшихъ у него заднихъ мыслей.

Французскіе рабочіе выбрали, конечно, изъ своей среды наиболѣе толковыхъ людей, которые быстро сошлись въ Лондонѣ съ вождями англійскихъ рабочихъ. 5 августа 1862 г. въ Лондонѣ

состоялся „праздникъ международнаго братства", и происходившій здѣсь обмѣнъ мнѣній пробудилъ желаніе устроить постоянную связь между пролетаріями по сю и по ту сторону Ламанша. На первыхъ порахъ эта связь установилась сама собою, такъ какъ нѣкоторые французскіе делегаты остались въ Лондонѣ, гдѣ они нашли работу. Завязанныя сношенія стали болѣе тѣсными, благодаря польскому возстанію 1863 г. Старыя полонофильскія традиціи культурныхъ народовъ Западной Европы проснулись съ наибольшей силой въ западно-европейскомъ пролетаріатѣ. Можно оставить въ сторонѣ вопросъ, дѣйствительно ли Бонапартъ, какъ утверждали многіе, поощрялъ братаніе англійскихъ и французскихъ рабочихъ въ польскомъ дѣлѣ только въ интересахъ своего якобы популярнаго деспотизма; во всякомъ случаѣ нѣсколько французскихъ рабочихъ, появившихся 22 іюля 1863 г. на большомъ польскомъ митингѣ въ Лондонѣ, были посланы не на его счетъ, а на счетъ французскихъ мастерскихъ. Они хотѣли сообща съ англійскими рабочими дѣйствовать въ пользу польскаго возстанія, причемъ опять выдвинулась сама собою идея международнаго рабочаго союза. Комитетъ, въ составъ котораго входили сапожникъ Оджеръ и другіе вожди англійскихъ трэдъ-юніоновъ, выпустилъ воззваніе къ парижскимъ рабочимъ, гдѣ онъ благодарилъ ихъ прежде всего за поддержку въ польскомъ вопросѣ, но затѣмъ указывалъ, что народы непремѣнно должны побрататься для защиты рабочаго дѣла, ибо всякій разъ, какъ англійскіе рабочіе хотятъ улучшить свое соціальное положеніе путемъ сокращенія рабочаго дня или увеличенія заработной платы, капиталисты угрожаютъ имъ ввозомъ французскихъ, нѣмецкихъ, бельгійскихъ и другихъ иностранныхъ рабочихъ; такая низменная конкурренція возможна лишь потому, что между рабочими классами всѣхъ народовъ нѣтъ систематической связи.

Этотъ адресъ, переведенный профессоромъ Бисли (Beesly) на французскій языкъ, произвелъ сильное впечатлѣніе въ парижскихъ мастерскихъ. Началась усердная агитація въ пользу изложенной въ немъ идеи, и новые денежные сборы среди парижскихъ рабочихъ дали возможность послать отвѣтъ ихъ на лондонскій адресъ черезъ особую депутацію. Для пріема депутаціи англійскій комитетъ созвалъ рабочихъ всѣхъ странъ на 28 сентября въ St. Martins Hall, на большой митингъ, въ которомъ предсѣдательствовалъ проф. Бисли. Толенъ прочелъ французскій отвѣтный адресъ, который начиналъ съ польскаго возстанія („снова

Польша задушена въ крови своихъ дѣтей, и мы остались безсильными зрителями") и затѣмъ выставлялъ требованіе, чтобы голосъ народа былъ выслушиваемъ во всѣхъ крупныхъ соціальныхъ и политическихъ вопросахъ. Деспотическая власть капитала—говорилось далѣе въ адресѣ,—должна быть сломлена. Вслѣдствіе раздѣленія труда человѣкъ обращенъ въ механическое орудіе, и свобода торговли безъ солидарности рабочихъ должна привести къ промышленной крѣпостной зависимости, болѣе безжалостной и пагубной, чѣмъ крѣпостное состояніе, сломленное въ дни великой революціи. Рабочіе всѣхъ странъ должны объединиться, чтобы противопоставить непреодолимую преграду этой роковой системѣ, которая дѣлитъ человѣчество на кучку жирныхъ мандариновъ и массу голодающихъ, невѣжественныхъ существъ.

Послѣ оживленныхъ преній митингъ выбралъ комитетъ изъ рабочихъ различныхъ странъ, поручивъ ему выработать временную программу и уставъ международнаго рабочаго общества, которые дѣйствовали бы до тѣхъ поръ, пока международный конгрессъ въ Брюсселѣ не приметъ въ ближайшемъ году окончательнаго рѣшенія по этому предмету. Комитетъ почти всецѣло состоялъ изъ англійскихъ рабочихъ, но въ первомъ своемъ засѣданіи отъ 5-го октября онъ усилилъ свой составъ представителями другихъ національностей. Теперь въ него входило около 50 членовъ. Изъ нихъ около половины все еще составляли англійскіе рабочіе, за которыми были также сохранены должности президента, казначея и секретаря. Вслѣдъ за Англіей шла Германія, представленная 10 членами, большинство которыхъ — Марксъ, Эккаріусъ, Фердинандъ Вольфъ, Леснеръ, Лохнеръ, Пфендеръ—уже принадлежали раньше къ „Союзу коммунистовъ". Франція имѣла 9 представителей, Италія—6, Польша—2 и Швейцарія также 2. Въ корреспондирующіе секретари были назначены Марксъ для Германіи, Ле Любэ—для Франціи, Вольфъ (домашній секретарь Мащини) — для Италіи, Гольторпъ—для Польши и Юнгъ—для Швейцаріи. Комитетъ засѣдалъ въ помѣщеніи Совѣта трэдъ-юніоновъ; его финансовое хозяйство началось 3 фунтами стерлинговъ, собранными въ первомъ засѣданіи.

Важнѣйшая задача комитета состояла прежде всего въ томъ, чтобы выяснить себѣ самому сущность и цѣль проектируемаго союза. Заранѣе представлялось очевиднымъ, что нельзя было и помышлять о разрушительномъ вмѣшательствѣ въ существующія

уже національныя рабочія организаціи; точно такъ же не могло быть рѣчи о созданіи, наряду съ ними, новой организаціи, способной только мѣшать ихъ національному развитію. Такіе вопросы, какъ всеобщее избирательное право, республика и т. п., какъ бы важны они ни были, должны были по прежнему остаться въ вѣдѣніи національныхъ рабочихъ организацій: они имѣли совершенно различное значеніе для нѣмецкихъ и англійскихъ, для французскихъ и итальянскихъ рабочихъ. Требовалось лишь одно: водрузить знамя, котораго никогда не должны были терять изъ виду борющіяся рабочія арміи отдѣльныхъ странъ, разъ онѣ не хотѣли попасть на ложные пути, разъ онѣ хотѣли достигнуть большой и общей побѣдной дороги современнаго пролетаріата. Требовалось создать почву для международныхъ дѣйствій рабочаго класса, организацію, въ предѣлахъ которой нѣмецкіе лассальянцы, французскіе послѣдователи Прудона и англійскіе трэдъ-юніонисты могли бы единодушно работать вмѣстѣ для устраненія препятствій, встрѣчаемыхъ освобожденіемъ рабочихъ въ международной области. Послѣ того, какъ комитетъ уяснилъ себѣ это, былъ назначенъ подкомитетъ для составленія программы и устава.

Въ новомъ засѣданіи отъ 1 ноября этотъ подкомитетъ представилъ свои предположенія. Дѣло шло главнымъ образомъ о выборѣ между двумя проектами, изъ которыхъ одинъ былъ выработанъ Маццини, поручившимъ защиту его въ комитетѣ Вольфу, а другой внесенъ Марксомъ. Маццини пользовался тогда большой популярностью среди англійскихъ рабочихъ, но онъ не понималъ современнаго рабочаго движенія: пролетарская классовая борьба, настоящій пульсъ этого движенія, была ему непонятна и потому ненавистна. Программа его возвышалась максимумъ до нѣсколько соціалистической фразеологіи, отъ которой пролетаріатъ давно уже ушелъ впередъ въ началѣ 60-хъ гг. Точно такъ же его уставъ былъ порожденіемъ духа прошлаго времени: составленный на строго централистскій ладъ заговорщичьихъ политическихъ обществъ, онъ погрѣшалъ противъ жизненныхъ условій трэдъ-юніоновъ и вообще противъ жизненныхъ условій международнаго рабочаго союза, который не долженъ былъ создавать никакого новаго движенія, а только связать существующее, но пока еще разрозненное классовое движеніе пролетаріата въ различныхъ странахъ. Чего не постигалъ Маццини, то превосходно понималъ Марксъ. Его учредительный адресъ (такъ наз. Inauguraladresse) и уставъ были единогласно приняты и сохранили ру-

ководящее значеніе для „Международной Ассоціаціи Рабочихъ“, какъ они окрестили новый союзъ.

Объ учредительномъ адресѣ проф. Бисли сказалъ какъ-то разъ впослѣдствіи, что это, вѣроятно, самое сильное и убѣдительное изложеніе дѣла рабочихъ противъ средняго класса, какое когда-либо было дано на десяткѣ маленькихъ страницъ. Адресъ начинается съ установленія крупнаго основного факта, что нужда рабочаго класса не уменьшилась въ промежутокъ съ 1848 до 1864 г., несмотря на то, что именно этотъ періодъ является безпримѣрнымъ въ лѣтописяхъ исторіи по развитію промышленности и росту торговли. Положеніе это адресъ доказываетъ, сопоставляя документально, съ одной стороны, ужасающую статистику Синихъ книгъ о нищетѣ англійскаго пролетаріата, съ другой—цифры, которыя канцлеръ казначейства Гладстонъ привелъ въ своихъ бюджетныхъ рѣчахъ въ доказательство опьяняющаго роста богатства и могущества, происшедшаго въ указанный періодъ, но всецѣло ограничившагося имущими классами. Адресъ вскрываетъ это вопіющее противорѣчіе на примѣрѣ англійскихъ условій, такъ какъ Англія стоитъ во главѣ европейской промышленности и европейской торговли, но онъ прибавляетъ, что съ другой мѣстной окраской и въ нѣсколько меньшемъ масштабѣ отмѣченное противорѣчіе существуетъ во всѣхъ странахъ континента, гдѣ развивается крупная промышленность.

Повсюду опьяняющій ростъ могущества и богатства ограничился имущими классами, если не считать того, что незначительное число рабочихъ, какъ въ Англіи, стало получать нѣсколько болѣе высокую заработную плату, снова уравновѣшенную однако общимъ повышеніемъ цѣнъ. „Вездѣ и повсюду масса трудящихся классовъ опускалась во все болѣе глубокую нищету, по меньшей мѣрѣ въ той же степени, въ какой высшіе классы поднимались по общественной лѣстницѣ. Во всѣхъ странахъ Европы установлено теперь, какъ неопровержимая истина, несомнѣнная для всякаго безпристрастнаго наблюдателя и оспариваемая только тѣми, у кого есть интересъ возбуждать въ другихъ обманчивыя надежды,—что ни усовершенствованіе машинъ, ни использованіе науки для промышленности и земледѣльческаго производства, ни вспомогательныя средства и изобрѣтенія въ способахъ сообщенія, ни новыя колоніи и эмиграція, ни завоеваніе новыхъ рынковъ, ни свобода торговли, ни всѣ эти вещи вмѣстѣ взятыя не въ состояніи устранить нищету промышленныхъ массъ, что, напротивъ—на ложной

основѣ существующаго всякій новый шагъ въ развитіи творческой силы труда направленъ лишь къ углубленію соціальныхъ противоположностей и обостренію соціальнаго конфликта. Въ столицѣ британскаго королевства смерть отъ голода поднялась въ теченіе этого опьяняющаго періода хозяйственнаго прогресса почти на ступень соціальнаго института. Въ лѣтописяхъ міра этотъ періодъ характеризуется участившимся повтореніемъ, расширеннымъ объемомъ и болѣе смертоносными дѣйствіями соціальной чумы, именуемой торговыми и промышленными кризисами".

Окинувъ взглядомъ пораженіе, испытанное рабочимъ движеніемъ въ 50-хъ гг., адресъ находитъ, что это время имѣетъ и свои искупающія черты. Въ особенности выдвигаются два крупныхъ факта. Во-первыхъ, законодательное установленіе 10-часового рабочаго дня, съ его столь благодѣтельными послѣдствіями для англійскаго пролетаріата. Борьба за законодательное ограниченіе рабочаго дня была прямымъ вмѣшательствомъ въ великую борьбу между слѣпымъ властвованіемъ законовъ спроса и предложенія, составляющихъ политическую экономію буржуазіи, и регулированіемъ общественнаго производства въ общественныхъ интересахъ, составляющимъ содержаніе политической экономіи рабочаго класса. „И потому билль о 10-часовомъ рабочемъ днѣ былъ не только большимъ практическимъ успѣхомъ, но и побѣдою принципа: впервые при яркомъ свѣтѣ дня политическая экономія буржуазіи потерпѣла пораженіе предъ политической экономіей рабочаго класса".

Второй крупный фактъ, въ которомъ выразилась еще бóльшая побѣда политической экономіи труда надъ политической экономіей собственности, это — кооперативное движеніе, это — фабрики, устроенныя на началѣ кооперацiи и призванныя къ жизни немногими смѣлыми „руками", несмотря на отсутствіе посторонней поддержки. Трудно преувеличить цѣнность этихъ великихъ соціальныхъ опытовъ. „Они доказали дѣломъ, вмѣсто теоретическихъ доводовъ, что производство въ крупномъ маштабѣ и согласно требованіямъ современной науки можетъ происходить безъ существованія класса предпринимателей, дающаго занятіе классу рабочихъ; что для плодотворности орудій труда нѣтъ надобности въ монополизированіи ихъ, какъ орудій эксплуатаціи трудящагося и господства надъ нимъ; что наемный трудъ, подобно рабскому труду, подобно крѣпостной зависимости, есть только преходящая и подчиненная форма, которая обречена на гибель и должна исчезнуть предъ

ассоціированнымъ трудомъ, охотно, бодро и радостно исполняющимъ свою тяжелую задачу". Адресъ объясняетъ затѣмъ, что кооперативный трудъ, ограничивающійся случайными опытами отдѣльныхъ рабочихъ, не въ состояніи все-таки сломить капиталистическую монополію. „Быть можетъ, именно по этой причинѣ аристократы съ благороднымъ на первый взглядъ образомъ мыслей, филантропическіе краснобаи буржуазіи и даже дѣловитые политико-экономы стали совершенно неожиданно обращаться съ противными комплиментами къ той самой системѣ кооперативнаго труда, которую они тщетно пытались задушить въ зародышѣ, которую они вышучивали, какъ утопію мечтателей, или клеймили, какъ нечестивую выдумку соціалистовъ". Только расширеніе кооперативнаго труда до національныхъ размѣровъ и содѣйствіе ему государственными средствами можетъ спасти массы. Но собственники земли и капитала будутъ всегда пускать въ ходъ свои политическія привилегіи, чтобы защитить и увѣковѣчить свои экономическія монополіи. Поэтому великій долгъ рабочихъ классовъ состоитъ въ завоеваніи политической власти. Этотъ отдѣлъ адреса вполнѣ сходится по своему смыслу съ положеніями, которыя Лассаль развивалъ въ своемъ „*Открытомъ письмѣ*" относительно значенія кооперативнаго труда для пролетаріата.

Подчеркивая долгъ рабочихъ классовъ завоевать себѣ политическую власть, адресъ говоритъ, что рабочіе, повидимому, сознали этотъ долгъ: доказательствомъ служитъ одновременно наступившее оживленіе въ Англіи, Германіи, Франціи и Италіи, одновременное стремленіе къ политической реорганизаціи рабочей партіи. „Однимъ элементомъ успѣха рабочіе располагаютъ—числами; но числа лишь тогда имѣютъ надлежащій вѣсъ, когда они объединены союзомъ и ведутся къ сознательной цѣли". Опытъ прошлаго учитъ, что игнорированіе братскихъ узъ, которыя бы должны были существовать между рабочими различныхъ странъ и побуждать ихъ твердо поддерживать другъ друга во всѣхъ случаяхъ ихъ освободительной борьбы,—что такое игнорированіе мститъ за себя общей неудачей ихъ разрозненныхъ усилій. Это соображеніе побудило митингъ въ St. Martin's Hall'ѣ къ основанію Международной Ассоціаціи Рабочихъ.

Еще одно убѣжденіе господствовало надъ умами на этомъ митингѣ. Разъ освобожденіе рабочихъ классовъ требуетъ ихъ взаимной братской помощи, то какъ могутъ они выполнить эту великую миссію, когда внѣшняя политика правительствъ преслѣ-

дуетъ преступные замыслы, развиваетъ національные предразсудки и расточаетъ въ разбойничьихъ набѣгахъ кровь и достояніе народа? Адресъ ссылается на американскую междоусобную войну и польское возстаніе. „Такъ какъ захваты варварской державы, голова которой находится въ Петербургѣ, а руки дѣятельно работаютъ во всѣхъ европейскихъ кабинетахъ, ни откуда не встрѣтили противодѣйствія, то для рабочихъ становится яснымъ ихъ долгъ овладѣть самимъ тайнами международнаго государственнаго искусства, слѣдить за дипломатическими ударами своихъ правительствъ, въ случаѣ нужды противодѣйствовать послѣднимъ изо-всѣхъ силъ, а когда они не въ состояніи помѣшать такому удару, соединяться для одновременнаго публичнаго обвиненія и провозглашенія простыхъ законовъ нравственности и права, которые должны въ такой же степени регулировать отношенія отдѣльныхъ лицъ, какъ быть верховными законами для сношеній между націями. Борьба за такую внѣшнюю политику составляетъ часть общей борьбы за освобожденіе рабочихъ классовъ". И учредительный адресъ Международной Ассоціаціи Рабочихъ заканчивается, какъ нѣкогда Коммунистическій Манифестъ, словами: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!"

Уставъ начинается съ мотивовъ, которые могутъ быть резюмированы въ слѣдующихъ положеніяхъ: освобожденіе рабочаго класса должно быть дѣломъ самого рабочаго класса; борьба за него есть борьба не за новыя классовыя привилегіи, а за уничтоженіе всякаго классоваго господства. Экономическое подчиненіе трудового человѣка лицу, присвоившему себѣ орудія труда, т.-е. источники жизни, лежитъ въ основѣ рабства во всѣхъ его формахъ, въ основѣ соціальной нужды, духовной приниженности и политической зависимости. Поэтому экономическое освобожденіе рабочаго класса есть великая цѣль, которой всякое политическое движеніе должно служить только средствомъ. Всѣ попытки, направленныя къ достиженію этой великой цѣли, терпѣли до сихъ поръ неудачу вслѣдствіе отсутствія единства между различными отраслями труда въ одной и той же странѣ и между рабочими классами различныхъ странъ. Освобожденіе рабочаго класса не мѣстная и не національная, а общественная задача: она обнимаетъ всѣ страны, въ которыхъ существуетъ современное общество; она можетъ быть разрѣшена лишь путемъ планомѣрной, совмѣстной работы всѣхъ этихъ странъ. Въ виду этого уставъ заявляетъ, что Международная Ассоціація Рабочихъ и всѣ примыкающія къ

ней общества и отдѣльныя лица признаютъ истину, право и нравственность основой своего поведенія въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ и относительно всѣхъ своихъ ближнихъ безъ различія расы, религіи или національности. Долгъ человѣка—требовать правъ человѣка и гражданина не только для самого себя, но для всякаго, исполняющаго свой долгъ. Нѣтъ правъ безъ обязанностей, нѣтъ обязанностей безъ правъ.

Въ организаціи Интернаціонала главную роль игралъ генеральный совѣтъ, который долженъ былъ состоять изъ рабочихъ различныхъ странъ, представленныхъ въ Ассоціаціи. До перваго конгресса исполненіе функцій генеральнаго совѣта взялъ на себя комитетъ, выбранный въ St. Martin's Hall'ѣ. Генеральный совѣтъ долженъ былъ служить международнымъ посредникомъ между рабочими организаціями различныхъ странъ: освѣдомлять постоянно рабочихъ каждой страны о движеніяхъ ихъ класса въ другихъ странахъ, устраивать статистическія изслѣдованія о положеніи рабочихъ классовъ, ставить на обсужденіе во всѣхъ рабочихъ обществахъ вопросы общаго интереса, въ случаѣ международныхъ столкновеній вызывать однообразные и одновременные шаги ассоціированныхъ Обществъ, издавать періодическіе отчеты и т. под. Генеральный совѣтъ выбирался конгрессомъ, собиравшимся разъ въ годъ. Конгрессъ опредѣлялъ мѣстонахожденіе генеральнаго совѣта, равно какъ мѣсто и время ближайшаго конгресса. Генеральному совѣту предоставлялось, однако, право пополнять свой составъ путемъ кооптаціи и, въ случаѣ нужды, мѣнять мѣсто конгресса, но не откладывать его на болѣе поздній срокъ. Рабочія Общества отдѣльныхъ странъ, примкнувшія къ Интернаціоналу, сохраняли въ неприкосновенности свои особыя организаціи. Ни одному независимому мѣстному обществу не возбранялось сноситься непосредственно съ генеральнымъ совѣтомъ, но какъ необходимое условіе для успѣшной дѣятельности генеральнаго совѣта уставъ рекомендовалъ рабочимъ обществамъ отдѣльныхъ странъ объединяться по мѣрѣ возможности въ національныя корпораціи, представленныя центральными органами.

Учредительный адресъ и уставъ Интернаціонала были составлены съ мастерствомъ, которое призналъ даже человѣкъ, наиболѣе усердно старавшійся впослѣдствіи расшатать союзъ: мы разумѣемъ Бакунина. Марксъ не создалъ Интернаціонала, такъ же какъ Лассаль не создалъ германской соціалъ-демократіи, но подобно тому, какъ Лассаль далъ германскому, такъ Марксъ далъ

международному рабочему движенію форму, въ которой оно могло развернуть мощную дѣятельность. Интернаціоналъ былъ наслѣдникомъ „Союза коммунистовъ", въ манифестѣ котораго уже было высказано, что соединенныя дѣйствія цивилизованныхъ, по крайней мѣрѣ, странъ образуютъ одно изъ существеннѣйшихъ предварительныхъ условій для освобожденія современнаго пролетаріата. Но какъ велико было различіе между Интернаціоналомъ и „Союзомъ коммунистовъ"! Изъ тайнаго общества пропаганды, объявлявшаго безпощадную войну буржуазному обществу, выросъ союзъ, основанный на самой широкой гласности, охватывавшій Общества съ самыми разнообразными тенденціями, лишь бы они написали на своемъ знамени интересы рабочаго класса. Тѣмъ не менѣе оба эти тѣла оживлялъ одинъ духъ, тотъ творческій духъ, который равномѣрно преслѣдовалъ свои великія цѣли при всей смѣнѣ средствъ, требуемой смѣною временъ.

Пока Интернаціоналъ существовалъ, Марксъ былъ его истолкователемъ; еще до того, какъ митингъ въ St. Martin's Hall'ѣ выбралъ Маркса въ учредительный комитетъ, онъ принималъ участіе въ подготовительныхъ шагахъ. Его завѣтнымъ желаніемъ было, какъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ Энгельсъ, вмѣстѣ съ оживленіемъ европейскаго пролетаріата „создать рабочую ассоціацію, которая охватывала бы самыя передовыя страны Европы и Америки и въ воплощенномъ, такъ сказать, видѣ показывала бы международный характеръ соціалистическаго движенія какъ самимъ рабочимъ, такъ и буржуазіи и правительствамъ,—пролетаріату въ ободреніе и укрѣпленіе, его врагамъ—на страхъ". Въ этихъ словахъ мѣтко охарактеризовано также внутреннее существо Интернаціонала. Онъ никогда не былъ тѣмъ тайнымъ союзомъ съ огромными матеріальными средствами, который наполнялъ тревогой угнетателей пролетаріата и одна тѣнь котораго продолжала еще пугать ихъ. Онъ всегда былъ только нравственной силой, подбадривавшей рабочихъ, укрѣплявшей ихъ, ведшей ихъ впередъ, и, какъ таковая, онъ образуетъ выдающійся межевой знакъ въ исторіи XIX вѣка.

Со временъ всемірной римской имперіи идея международнаго братства никогда не угасала вполнѣ. На свой ладъ ее воплощала собою римская церковь среднихъ вѣковъ. Затѣмъ она, казалось, была совершенно затемнена развивающимся капиталистическимъ способомъ производства, который создалъ отдѣльныя націи и въ то же время ввергъ ихъ въ безпощадную войну за всемірный рынокъ.

Тѣмъ не менѣе она не переставала всплывать въ умахъ буржуазныхъ идеологовъ, либо когда буржуазный классъ какой-нибудь націи въ опьяненіи высшими тріумфами казался преодолѣвающимъ національныя рамки, либо когда буржуазный классъ другой націи отчаивался достигнуть когда-нибудь національной самостоятельности. Всемірное гражданство французскихъ революціонеровъ и нѣмецкихъ классиковъ, при всемъ его внѣшнемъ сходствѣ, имѣло совершенно противоположное происхожденіе. Буржуазная международность расплывалась каждый разъ, какъ безплотный призракъ, въ бурѣ и натискѣ національной борьбы, чтобы затѣмъ выплыть все-таки опять наружу. Антагонистическое существо капиталистическаго способа производства выражается, между прочимъ, въ томъ, что онъ все тѣснѣе связываетъ народы земного шара и одновременно проводитъ между ними все болѣе глубокую пропасть.

Этотъ антагонизмъ исчезаетъ вполнѣ только въ современномъ пролетаріатѣ, повсюду имѣющемъ одинаковые интересы. Поэтому идея международнаго братства выступаетъ уже у великихъ утопистовъ гораздо яснѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ у буржуазныхъ мыслителей, мечтавшихъ о всемірномъ гражданствѣ: Сенъ-Симонъ противопоставлялъ союзу феодализма союзъ наиболѣе развитыхъ націй—нѣмцевъ, французовъ и англичанъ—для обезпеченія мира и культуры; Фурье хотѣлъ разрушить старую систему государства при посредствѣ большой федераціи своихъ фаланстеровъ; Оуэнъ основалъ союзъ всѣхъ классовъ и націй для пропаганды идей соціализма, которыя должны принести освобожденіе міру. Чѣмъ яснѣе современный пролетаріатъ сознавалъ свои интересы, тѣмъ рѣшительнѣе онъ долженъ былъ освободить идеалъ всеобщаго братства народовъ отъ всѣхъ туманностей фантастическаго представленія. Интернаціоналъ развился изъ сочувствія національному возстанію и всегда оставался вѣрнымъ другомъ національныхъ освободительныхъ стремлені˘; точно такъ же онъ ухватилъ международную идею тамъ, гдѣ она начала вступать въ міръ дѣйствительности въ образѣ трезвыхъ, практическихъ, реальныхъ фактовъ. Однимъ изъ главныхъ корней его было стремленіе трэдъ юніоновъ оградить себя отъ ввоза дешевыхъ рабочихъ рукъ изъ-за границы.

Вообще англійскія рабочія Общества составляли главную опору Международной Ассоціаціи,—фактъ уже самъ по себѣ достаточный для надлежащей характеристики басенъ, будто Интернаціоналъ былъ обществомъ мечтателей или заговорщиковъ. Когда четыре года спустя нѣмецкая прогрессистская партія напала на остроумную

мысль выставить, какъ доводъ противъ пропаганды Интернаціонала, примѣрныхъ мальчиковъ—англійскихъ рабочихъ, то Марксъ имѣлъ возможность указать, что всѣ сколько-нибудь значительныя партіи движенія среди британскаго пролетаріата представлены своими вождями въ генеральномъ совѣтѣ Интернаціонала: Совѣтъ трэдъ-юніоновъ былъ представленъ Оджеромъ, Апплгартомъ и Гоуэллемъ, остальные примыкавшіе къ нему трэдъ-юніоны—Шоу, Бекли, Кономъ, Гельсомъ и Морисомъ, англійскія кооперативныя общества—Вестономъ и Вильямсомъ, Лига Реформы—Деллемъ, Коуэлль Степнеемъ и Локрафтомъ, Національная Ассоціація Реформы—Вальтономъ и Мильнеромъ, атеистическая народная агитація — Коплендомъ и г-жей Гарріетъ Лоу; затѣмъ „*Beehive*“ (*Улей*), офиціальный органъ трэдъ-юніоновъ, служилъ въ то же время офиціальнымъ органомъ генеральному совѣту Интернаціонала.

Коренясь въ суровой дѣйствительности, Интернаціоналъ принужденъ былъ медленно пробивать себѣ дорогу, пока онъ пріобрѣлъ твердую почву подъ ногами, совершенно аналогично Всеобщему Германскому Рабочему Союзу, съ той только разницей, что Марксъ работалъ гораздо терпѣливѣе и упорнѣе Лассаля. Лишь черезъ два года послѣ своего основанія Интернаціоналъ укрѣпился настолько, что могъ устроить свой первый конгрессъ. Но было бы въ высшей степени неправильно разсматривать его историческую роль, какъ и роль лассалевскаго Союза, только съ матеріальной точки зрѣнія. Финансы генеральнаго совѣта, этотъ нервъ всякой современной войны, были, выражаясь словами Маркса, постоянно возрастающей отрицательной величиной, тогда какъ его умственное и моральное вліяніе представляло, напротивъ, постоянно возрастающую положительную величину. Работа Интернаціонала принесла плоды сторицею, и предъ пролетарской освободительной борьбой онъ имѣетъ непреходящія заслуги.

Это примѣнимо прежде всего къ дѣйствію, оказанному имъ на Германію. Число нѣмецкихъ рабочихъ, непосредственно примкнувшихъ къ Интернаціоналу, всегда было очень незначительно: больше тысячи такихъ рабочихъ врядъ ли насчитывалось въ какой-либо моментъ. Но на развитіе германской соціалъ-демократіи Интернаціоналъ оказалъ благотворное и прочное вліяніе.

— —

Глава II.

Наслѣдники Лассаля.

Злой рокъ, преслѣдовавшій Лассаля въ послѣдніе дни его жизни, не пощадилъ и его завѣщанія. Лассаль отказалъ нѣкоторымъ своимъ друзьямъ порядочныя ренты, очевидно желая поставить этихъ лицъ въ независимое положеніе и дать имъ возможность успѣшно вести агитацію, но цѣль не была достигнута: Бухеръ сталъ чиновникомъ у Бисмарка, кандидатъ Алекси—піетистомъ и реакціонеромъ, а Рюстовъ ничего не сдѣлалъ для пропаганды, хотя и остался честнымъ демократомъ.

Въ этомъ еще не было, впрочемъ, большой бѣды. Гораздо болѣе роковыми оказались тѣ пункты завѣщанія, которые относились непосредственно ко Всеобщему Германскому Рабочему Союзу. Въ преемники себѣ Лассаль рекомендовалъ Союзу франкфуртскаго уполномоченнаго Бернгарда Беккера, а этого послѣдняго онъ настойчиво просилъ сохранить организацію, которая приведетъ Союзъ къ побѣдѣ,—распоряженія, внушенныя, очевидно, оппозиціей Вальтейха, но вызвавшія только новыя осложненія, вмѣсто того, чтобы положить конецъ старымъ. Приблизительно такъ же обстояло дѣло съ тѣмъ пунктомъ завѣщанія, который отказывалъ секретарю Союза Вильмсу—сверхъ личной годовой ренты въ 150 талеровъ „въ награду за его честность"—по 500 талеровъ въ годъ въ теченіе 5 лѣтъ, чтобы онъ по своему усмотрѣнію добросовѣстно употреблялъ ихъ на агитацію въ пользу Союза.

Еще не успѣлъ закрыться гробъ Лассаля, какъ возгорѣлась первая распря между его матерью и графиней Гацфельдтъ. Отецъ Лассаля умеръ незадолго предъ тѣмъ, а остальные члены его семьи—мать, сестра и зять, нѣкій коммерціи совѣтникъ Фридландъ, котораго Лассаль отъ души ненавидѣлъ,—показали послѣ

его смерти, какъ глубоко они еще погрязли въ предразсудкахъ богатаго еврейства. Послѣ долгихъ переговоровъ пришли къ соглашенію, что графинѣ Гацфельдтъ выдается тѣло Лассаля для погребенія въ Берлинѣ, при чемъ она принимаетъ на себя расходы въ 10.000 франковъ и обязательство устроить похороны по еврейскому обряду. Графиня намѣревалась провезти гробъ черезъ большія общины Союза и повсюду устроить торжественныя траурныя церемоніи, но осуществить свое намѣреніе въ импозантной формѣ ей удалось только въ Майнцѣ. Когда гробъ прибылъ на пароходѣ въ Кёльнъ, то полиція, по порученію семьи, заарестовала его и отправила въ Бреславль, гдѣ онъ съ недостойной поспѣшностью былъ тотчасъ же опущенъ въ могилу на еврейскомъ кладбищѣ. Когда на гробъ упалъ послѣдній комъ земли, Фридландъ, ухмыляясь, замѣтилъ: „Теперь великая борьба погребена".

Въ этомъ онъ однако жестоко заблуждался. Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ именно теперь и показалъ, что онъ пустилъ глубокіе корни въ рабочемъ классѣ. Траурныя поминки по Лассалѣ носили во всѣхъ общинахъ серьезный и возвышающій душу характеръ. Внезапная смерть любимаго вождя не произвела нигдѣ обезкураживающаго дѣйствія, напротивъ, она повсюду укрѣпила гордую увѣренность въ побѣдѣ. Культъ личности Лассаля, которому предавались при этомъ, заходилъ подчасъ нѣсколько далеко, но въ общемъ не дальше, чѣмъ это было понятно и извинительно при наличныхъ условіяхъ. Всего рельефнѣе онъ проявился въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ Людвига Вюркерта, клявшихся въ вѣрности „библіи, церкви и Господу" или носившихъ еще болѣе карикатурный оттѣнокъ. Во всемъ этомъ заключалось однако здоровое ядро.

Людвигъ Вюркертъ былъ ветераномъ до-мартовской демократіи; уже пожилой человѣкъ, принадлежавшій въ теченіе четверти вѣка къ лучшимъ духовнымъ проповѣдникамъ королевства Саксоніи и затѣмъ отсидѣвшій 4 года въ каторжной тюрьмѣ за выдающееся участіе въ майскомъ возстаніи, онъ управлялъ теперь „Hôtel de Saxe" — „убѣжищемъ справедливости", какъ его прозвали скоро лейпцигскіе рабочіе. Маститый представитель буржуазнаго радикализма, Вюркертъ вѣрилъ сначала въ сказку о реакціонерѣ Лассалѣ, пока его не смутилъ некрологъ одной демократической газеты, гдѣ было сказано, что „Лассаль все-таки былъ однимъ изъ нашихъ". Тогда Вюркертъ перечиталъ сочиненія Лассаля, и у стараго революціонера спала словно пелена съ глазъ: въ залѣ своего отеля

онъ сталъ теперь говорить предъ густой толпой слушателей о Лассалѣ и прославлять покойнаго генія въ стихотвореніяхъ, благочестивыя сравненія которыхъ имѣли своимъ источникомъ языкъ стараго богослова, а не религіозныя чувства массъ. Все остальное, что появилось въ прозѣ и въ стихахъ по случаю смерти Лассаля, было проникнуто вполнѣ свѣтскимъ, боевымъ настроеніемъ; на поминкахъ въ Гамбургѣ впервые прозвучала „рабочая Марсельеза" молодого Якова Аудорфа, простыя, непритязательныя слова которой раздаются съ тѣхъ поръ на безчисленныхъ рабочихъ собраніяхъ, совершенно оттѣснивъ на заднiй планъ кокетливо отшлифованную „Союзную пѣсню" Гервега.

Ко времени, послѣдовавшему непосредственно за смертью Лассаля, относятся также нѣкоторые успѣхи рабочаго движенія, которые чрезвычайно порадовали бы его, если бы онъ дожилъ до нихъ. Въ октябрѣ 1864 г. долженъ былъ состояться въ Лейпцигѣ второй съѣздъ нѣмецкихъ рабочихъ ферейновъ, и 2-го октября въ Оффенбахѣ собрался рабочій съѣздъ майнскаго края, для обсужденія вопросовъ, которыми слѣдуетъ заняться въ Лейпцигѣ. Въ качествѣ докладчика комитета Зонneманъ расписалъ всѣ великія блага, которыя выпадутъ на долю рабочихъ, если только они останутся послушными слугами буржуазіи, но на этотъ разъ его обычныя громкія фразы не были вознаграждены обычнымъ одобреніемъ. Напротивъ, рабочіе сухо замѣтили, что они отдали бы всѣ обѣщаемыя имъ блага за всеобщее избирательное право. Зоннеманъ возразилъ, что всеобщее избирательное право, какъ показываетъ примѣръ Франціи, не можетъ помочь рабочимъ улучшить свое положеніе, между тѣмъ какъ онъ, Зоннеманъ, готовъ, когда пробьетъ часъ, встать вмѣстѣ съ рабочими на баррикады. Однако это самоотверженное геройство было встрѣчено веселымъ смѣхомъ, и комитетъ майнскаго края уѣхалъ домой съ горестнымъ сознаніемъ, что наступаетъ конецъ тѣмъ днямъ, когда рабочихъ можно было безъ труда водить за носъ.

Дѣйствительно, на лейпцигскомъ съѣздѣ звѣзда буржуазіи стала меркнуть. Уже начало его сопровождалось дурнымъ предзнаменованіемъ. Въ отчетѣ о прошлогоднемъ съѣздѣ, на которомъ будто бы были представлены 17.000 рабочихъ, былъ упомянутъ, въ числѣ участниковъ, одинъ золингенскій рабочій ферейнъ съ 1.500 членами. И вотъ оба единственныхъ рабочихъ ферейна Золингена обратились къ лейпцигскому съѣзду съ рѣзкимъ протестомъ, объявляя „гнусною ложью" утвержденіе, что они „когда-

либо находились въ перепискѣ съ почтенными господами Зонеманомъ и Виртомъ": золингенскіе рабочіе стоятъ на сторонѣ Лассаля, и 1.500 приверженцевъ, которыхъ якобы имѣетъ тамъ Шульце-Деличъ, представляютъ собою плодъ фантазіи. На лейпцигскомъ съѣздѣ, засѣдавшемъ 22 и 23 октября, были представлены 40 образовательныхъ рабочихъ ферейновъ, между делегатами которыхъ было лишь сравнительно немного рабочихъ.

Первый день былъ посвященъ вопросу о свободѣ передвиженія; говорились обычныя фразы объ этомъ мнимомъ средствѣ для уврачеванія золъ, отъ которыхъ страдаютъ рабочіе. Но тутъ поднялся Фрицше, явившійся какъ представитель одного лейпцигскаго ферейна рабочихъ сигарнаго производства, и показалъ, что если свободы передвиженія и необходимо добиваться, какъ естественнаго, прирожденнаго всѣмъ права, то съ соціальными реформами она не имѣетъ все-таки ничего общаго. Единственное, что можетъ помочь рабочимъ, это—всеобщее избирательное право. Краснорѣчивыя разсужденія Фрицше вызвали бурныя одобренія публики, сидѣвшей въ трибунахъ, и делегатовъ отъ рабочихъ. Пришлось уже прибѣгнуть къ „порядку дня", чтобы искусственнымъ путемъ помѣшать Фрицше говорить вторично. На слѣдующій день говорилъ Альбертъ Ланге о потребительныхъ обществахъ. Онъ развилъ мысль, что, отнюдь не представляя собою панацеи, эти общества все же являются довольно полезными учрежденіями, при томъ условіи, если они основываются и управляются рабочими, а не учеными людьми буржуазіи, которые вообще хорошо сдѣлали бы, если бы поменьше вмѣшивались въ рабочія дѣла, такъ какъ рабочіе сами гораздо лучше разбираются въ нихъ. У закулисныхъ дѣятелей съѣзда становилось все болѣе скверно на душѣ, и когда Фрицше захотѣлъ говорить въ засѣданіи, посвященномъ вопросу о производительныхъ товариществахъ, то они отняли у него слово путемъ заблаговременно внесеннаго предложенія прекратить дебаты. По этому поводу возникъ горячій споръ, лишь съ большимъ трудомъ улаженный Альбертомъ Ланге, который одинаково пользовался уваженіемъ обѣихъ сторонъ. Правда, достигнуть дѣйствительнаго примиренія и онъ оказался не въ силахъ: Фрицше покинулъ съѣздъ, заявивъ письменный протестъ противъ „недостойнаго терроризма", которому подверглась свобода слова. Безуспѣшнымъ натискъ Фрицше однако не остался: хотя въ комитетъ съѣзда и были выбраны Зонеманъ и Максъ Гиршъ, но рядомъ съ ними туда попали также Альбертъ Ланге

и Бебель. Такимъ образомъ, плотина, устроенная противъ революціоннаго прилива, дала первыя трещины.

Затѣмъ бомба лопнула и въ майнскомъ краѣ. На рабочемъ съѣздѣ, созванномъ къ 27-му ноября во Франкфуртѣ на Майнѣ для выслушанія отчета о лейпцигскомъ съѣздѣ образовательныхъ ферейновъ, приверженцы Лассаля оказались рѣшительно въ большинствѣ. Они смѣстили старый комитетъ майнскаго края и выбрали сначала временно, а затѣмъ окончательно—на многолюдномъ рабочемъ съѣздѣ 18-го декабря—новый комитетъ, всѣ девять членовъ котораго принадлежали ко Всеобщему Германскому Рабочему Союзу. Велькеръ былъ выбранъ предсѣдателемъ этого комитета, Эльнеръ и Обервиндеръ—его секретарями. Въ то же время рабочій съѣздъ объявилъ, что Шульце-Деличъ, Фаухеръ, Зонеманъ и Максъ Виртъ неспособны быть вождями рабочихъ, такъ какъ они не защищаютъ истинныхъ интересовъ пролетаріата, а занимаются распространеніемъ лжи.

Но если идеи Лассаля все глубже проникали въ рабочій классъ и безпрерывно основывались новыя „общины" Союза, то въ иномъ положеніи находился вопросъ, слѣдуетъ ли сохранить организацію и тактику рабочей партіи въ томъ самомъ видѣ, какой онѣ имѣли при жизни Лассаля. Съ теченіемъ времени и та и другая становились все болѣе приноровленными къ его личности, а между тѣмъ эта личность не могла быть замѣнена никѣмъ, и всего менѣе человѣкомъ, котораго Лассаль рекомендовалъ себѣ въ преемники. Бернгардъ Беккеръ ни по образованію, ни по таланту не возвышался надъ самымъ скромнымъ среднимъ уровнемъ; единственное, что говорило за его кандидатуру, это—репутація честнаго человѣка, которой онъ тогда пользовался.

Нетрудно объяснить себѣ, почему Лассаль остановилъ свой выборъ на Беккерѣ. Его надежды на быстрое развитіе германскаго рабочаго класса въ большую политическую партію сильно упали, и потому онъ могъ считать еще преждевременнымъ ставить рабочаго во главѣ Союза. Но разъ онъ отказывался отъ этого, выборъ его былъ весьма ограниченный. Съ Либкнехтомъ онъ находился въ натянутыхъ отношеніяхъ, о Швейцерѣ же, котораго онъ при иныхъ условіяхъ навѣрно выбралъ бы, нельзя было помышлять при большой непопулярности Швейцера въ рабочихъ кругахъ. Даммеръ лишь въ умѣренной степени оправдалъ свое назначеніе въ качествѣ лейпцигскаго уполномоченнаго. Такимъ образомъ, врядъ ли оставался кто-либо кромѣ Беккера, ко-

торый хорошо велъ франкфуртское отдѣленіе Союза и рѣшительно осудилъ оппозицію Вальтейха. Насколько Лассаль въ состояніи былъ обозрѣть положеніе вещей предъ своей смертью, онъ вправѣ былъ думать, что сдѣлалъ сравнительно лучшій выборъ, но дальнѣйшія событія показали, что выборъ все-таки былъ крайне неудачный.

Сначала Союзъ выполнилъ послѣднюю волю своего основателя. Вальтейхъ былъ исключенъ изъ правленія, вопреки голосамъ Мецнера и Іорка. Если оппозиція Вальтейха не была прежде свободна отъ извѣстнаго упрямства, то теперь онъ, къ своей чести, молчаливо подчинился незаслуженной участи и не предпринялъ никакого враждебнаго дѣйствія противъ Союза. Выборы президента встрѣтили еще нѣкоторыя формальныя затрудненія, но къ 1-му ноября они были произведены въ большинствѣ общинъ. Всѣ поданные голоса пали на Бернгарда Беккера, причемъ онъ былъ выбранъ на срокъ, остававшійся до конца президентства Лассаля. 2-го ноября вице-президентъ Даммеръ передалъ руководство Союзомъ Беккеру, а самъ навсегда удалился отъ агитаціи.

Но теперь только и начались настоящія затрудненія. Споръ изъ-за организаціи и тактики возгорѣлся, когда въ исходѣ 1864 г. состоялось первое общее собраніе въ Дюссельдорфѣ и появились первые номера новаго союзнаго органа.

---

1. Принципіальныя разногласія.

Согласно буржуазному воззрѣнію, исторія германской соціалъ-демократіи въ ближайшіе годы послѣ смерти Лассаля представляла собою хаотическую путаницу личныхъ распрей и мелочныхъ дрязгъ. Если довольствоваться поверхностью вещей, то такое воззрѣніе можетъ показаться вполнѣ правильнымъ; нелегко, дѣйствительно, разобраться во всѣхъ взаимныхъ укорахъ и обвиненіяхъ. Но если смотрѣть вглубь событій,—а иначе историкъ никогда не придетъ къ правильному сужденію,—то сразу виденъ разумный законъ развитія, управлявшій ими.

Вопросъ о томъ, какъ ликвидировать политическое наслѣдіе Лассаля, допускалъ различный отвѣтъ. Ближайшимъ образомъ напрашивался взглядъ, что агитацію нужно продолжать въ томъ самомъ направленіи, въ какомъ она шла въ моментъ смерти Лассаля. Самаго ревностнаго своего защитника этотъ взглядъ имѣлъ

въ лицѣ графини Гацфельдтъ; для нея движеніе было то же, что Лассаль, и Лассаль то же, что движеніе. Въ ея скорби по умершемъ другѣ заключалось дикое величіе страсти, которое въ человѣческомъ смыслѣ глубоко захватывало, но въ политическомъ отношеніи было дурнымъ совѣтчикомъ. Графиня обращала каждое слово Лассаля въ евангеліе, гдѣ недопустимы какія бы то ни было поправки, и эта вѣра въ букву тѣмъ легче должна была сбивать ее съ правильнаго пути, что она пришла не черезъ соціалъ-демократію къ Лассалю, а черезъ Лассаля къ соціалъ-демократіи. Графиня не была бы прирожденной аристократкой, если бы тактическій поворотъ Лассаля не пробудилъ въ ней склонностей и симпатій, отъ которыхъ самъ Лассаль былъ очень далекъ. „Великій министръ", на котораго Лассаль смотрѣлъ какъ на шахматную фигуру, сталъ для нея идеаломъ.

„Какъ лучшій и единственный другъ" Лассаля, графиня считала себя его призваннымъ преемникомъ. Поэтому избраніе Беккера было вполнѣ по душѣ ей. Она надѣялась, что сумѣетъ направлять этого ограниченнаго человѣка по своему желанію, и потому держалась такъ же строго за лассалевскую организацію, какъ за его тактику. Союзъ долженъ былъ остаться орудіемъ Беккера, какъ Беккеръ былъ ея орудіемъ. Самъ Беккеръ „съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и преданностью" прославлялъ графиню какъ спасительницу Союза, который безъ ея помощи распался бы. Эти восхваленія заключали въ себѣ долю истины, поскольку графиня ревностно трудилась надъ сохраненіемъ въ живыхъ лассалевскаго дѣтища, не щадя при этомъ своихъ богатыхъ денежныхъ средствъ. Но столь же вѣрно было и то, что если бы ея намѣренія осуществились, то рабочая партія, которую хотѣлъ создать Лассаль, неминуемо обратилась бы въ фанатическую религіозную секту.

Напротивъ, Швейцеръ хотѣлъ сохранить Союзъ какъ соціалъ-демократическую партію, и онъ былъ достаточно уменъ, чтобы понимать, что вмѣстѣ съ герцогомъ упалъ и плащъ герцога. Швейцеръ съ поразительной быстротой разобрался въ соціалистическихъ теоріяхъ; не будучи самостоятельнымъ теоретикомъ, онъ тѣмъ не менѣе въ продолженіе всего своего участія въ революціонномъ рабочемъ движеніи развивалъ идеи научнаго коммунизма правильнѣе и отчетливѣе, чѣмъ кто бы то ни было другой въ предѣлахъ Германіи. Но что составляло его преимущество даже предъ великими соціалистическими теоретиками, это — его точное знакомство съ тогдашними нѣмецкими дѣлами и ясность

взгляда, съ которой онъ умѣлъ оцѣнивать ихъ политическій смыслъ. Уроженецъ южной Германіи, онъ тотчасъ же оріентировался въ старо-прусской казармѣ съ осмотрительностью, которой могли бы позавидовать старо-прусскіе демократы. Швейцеръ не обладалъ могучими страстями Лассаля, но по этой самой причинѣ онъ не могъ поддаться ихъ увлекающему дѣйствію. Рѣдко политическій дѣятель понималъ такъ хорошо, какъ Швейцеръ, что въ политикѣ не имѣетъ смысла сердиться. Въ немъ было мало огня настоящаго агитатора, въ его агитаціонныхъ заявленіяхъ звучитъ нерѣдко вымученный тонъ, но никто не обладалъ въ большей мѣрѣ способностью растолковать рабочимъ массамъ въ удобопонятной и ясной формѣ данное политическое положеніе или соціальную проблему, никогда не становясь въ то же время плоскимъ.

Отъ иллюзій, которымъ Лассаль предавался въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни, Швейцеръ былъ достаточно огражденъ. Онъ твердо держался того мнѣнія, что политическая организація рабочаго класса есть дѣло безусловной необходимости, и что при данныхъ условіяхъ ея невозможно достигнуть иначе, какъ идя тѣмъ путемъ, на который вступилъ Лассаль. Онъ шелъ еще дальше и признавалъ, что тактическій поворотъ Лассаля былъ вынужденъ силою обстоятельствъ; не отказываясь отъ него вполнѣ, Швейцеръ обставлялъ его, однако, такими ограниченіями, чтобы устранить возможность всякихъ недоразумѣній. Несмотря на настоянія графини Гацфельдтъ, Швейцеръ не согласился отстаивать шлезвигъ-голштинскую резолюцію, которую Лассаль обдумывалъ въ послѣдніе дни своей жизни. Онъ съ величайшей опредѣленностью подчеркивалъ, что рабочіе должны безусловно слѣдовать за прогрессистской партіей, всякій разъ какъ эта партія предпринимаетъ серьезныя дѣйствія для установленія гражданскихъ свободъ. Но покуда прогрессистская партія попросту предавала интересы гражданской свободы и въ своемъ ослѣпленіи нападала на пролетаріатъ съ большей яростью, чѣмъ на правительство, до тѣхъ поръ Швейцеръ защищалъ ту точку зрѣнія, что рабочая партія должна держаться совершенно независимо, какъ по отношенію къ буржуазіи, такъ и относительно юнкерства, что она должна зорко слѣдить за тѣмъ, не можетъ ли она извлечь выгоду изъ взаимныхъ раздоровъ среди классовъ, являющихся угнетателями рабочихъ.

При свойственномъ ему хладнокровіи Швейцеръ ни минуты не воображалъ, что можетъ хитростью или лестью выманить гра-

жданскія вольности у феодальной реакціи. Но онъ разсчитывалъ на то, что Бисмаркъ вынужденъ будетъ провести всеобщее избирательное право и, быть можетъ, также свободу коалицій, а въ этомъ онъ видѣлъ существенную выгоду для рабочаго класса, лишеннаго почти всякихъ законныхъ способовъ партійной организаціи. Избирательное право, которымъ обладалъ рабочій, теряло всякое значеніе вслѣдствіе системы трехклассныхъ выборовъ, свободы коалицій не было почти нигдѣ, свобода печати и союзовъ была отдана въ жертву безграничнѣйшему полицейскому произволу. Для того, чтобы рабочее движеніе стало политическимъ факторомъ, съ которымъ приходится серьезно считаться, оно должно было прежде всего окрѣпнуть, оно должно было создать себѣ признанную закономъ почву, на которой оно могло бы развернуться; но пока буржуазная оппозиція не выполняла своего назначенія, рабочее движеніе могло достигнуть указанной выше цѣли, только принципіально сохраняя полную свою независимость, эксплуатируя тактически борьбу между буржуазіей и юнкерствомъ и не обращая при этомъ вниманія ни на жалобы прогрессистской партіи, что оно служитъ реакціи, ни на жалобы реакціи, что оно даетъ себя водить за носъ прогрессистской партіи. Такимъ образомъ Швейцеръ хотѣлъ строить дальше на фундаментѣ, заложенномъ Лассалемъ, удерживая прежде всего уже пріобрѣтенную позицію и хладнокровно разсчитывая практическіе шансы соціалъ-демократической агитаціи, но всегда готовый пожертвовать словами Лассаля, чтобы тѣмъ прочнѣе и глубже утвердить пролетарское движеніе въ духѣ Лассаля.

Проникнутый этимъ стремленіемъ, Швейцеръ старался столковаться съ Марксомъ, Энгельсомъ и Либкнехтомъ. Чтобы издавать новый органъ Союза, Швейцеръ и Гофштеттенъ переѣхали въ столицу Пруссіи, гдѣ они пріобрѣли прусское право гражданства и право осѣдлости въ Берлинѣ. Еще при жизни Лассаля Швейцеръ отправился къ Либкнехту и тотчасъ завелъ разговоръ о сдержанномъ отношеніи „старыхъ соціалистовъ" къ агитаціи Лассаля. Либкнехтъ изложилъ ему опасенія, которыя эта агитація возбуждала въ старыхъ друзьяхъ Лассаля; въ одномъ позднѣйшемъ заявленіи онъ говоритъ: „Швейцеръ, повидимому, понялъ ихъ правильность". Непосредственно послѣ смерти Лассаля Швейцеръ предложилъ, чтобы Марксъ взялъ на себя президентство во Всеобщемъ Германскомъ Рабочемъ Союзѣ, но Марксъ отклонилъ предложеніе, такъ какъ не хотѣлъ отождествлять себя

съ лассалевскимъ движеніемъ и вообще не желалъ при существующихъ политическихъ условіяхъ возвращаться въ Германію. Въ отвѣтъ на настоятельныя просьбы Швейцера, Марксъ и Энгельсъ выразили готовность сотрудничать въ новомъ органѣ Союза, правда—съ величайшей неохотой и лишь послѣ прямого увѣренія Либкнехта, что можно полагаться на лояльность Швейцера. Самъ Либкнехтъ вступилъ въ редакцію.

Редакторы оказались весьма неравной парой, и не требовалось большой проницательности, чтобы предсказать этому браку немирный конецъ. Съ одной стороны стоялъ Либкнехтъ, революціонеръ 1848 г., боровшійся съ оружіемъ въ рукахъ противъ контръреволюціи и въ тяжкомъ изгнаніи поддерживавшій въ себѣ старую, справедливую ненависть, страстный агитаторъ, предъ взоромъ котораго неизмѣнно свѣтилась великая цѣль; съ другой—Швейцеръ, дитя совершенно иного поколѣнія, чѣмъ то, среди котораго выросъ Либкнехтъ, моложе послѣдняго на цѣлыхъ 10 лѣтъ, организаторъ и политикъ, измѣрявшій пытливымъ взоромъ всѣ препятствія, которыя заграждали путь поступательному движенію рабочаго класса. Оба могли еще, пожалуй, столковаться въ академической бесѣдѣ относительно общихъ принциповъ, но представлялось невозможнымъ, чтобы они шли нога въ ногу въ повседневной практической дѣятельности. Въ концѣ концовъ Либкнехту хотѣлось, вѣдь, больше всего повалить зданіе, воздвигнутое Лассалемъ, и, совершенно не считаясь съ конкретными политическими условіями, такъ или иначе существовавшими въ Германіи, сызнова начать соціалистическую агитацію, исходя изъ радикальныхъ началъ. Впослѣдствіи Либкнехтъ объяснилъ свои тогдашнія намѣренія въ томъ смыслѣ, что онъ хотѣлъ на мѣсто Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза поставить, какъ форму для нѣмецкаго рабочаго движенія, Интернаціоналъ; но это значило обратить политическую рабочую партію Лассаля и Швейцера въ общество для соціалистической пропаганды.

Швейцеръ отнюдь не становился во враждебное отношеніе къ Интернаціоналу; въ первыхъ же номерахъ новаго органа Союза онъ перепечаталъ его учредительный адресъ. На запросъ Фрицше, который говорилъ, что не въ состояніи открыть въ новой Ассоціаціи ни ясной программы, ни единой цѣли, ни опредѣленныхъ средствъ, Швейцеръ совершенно правильно отвѣтилъ, что Интернаціоналъ есть связь, которая должна охватить всѣ европейскія культурныя государства,—извѣстное число странъ, гдѣ усло-

вія въ главныхъ чертахъ *однородны*, но не *одинаковы*. Какова ближайшая цѣль, которую слѣдуетъ себѣ ставить, и къ какимъ средствамъ для ея осуществленія нужно стремиться, — это зависитъ отъ особыхъ условій данной страны, Интернаціоналъ же, при полномъ сохраненіи самостоятельности и своеобразности соціалъ-демократическихъ рабочихъ союзовъ въ различныхъ странахъ, ставитъ себѣ только одну задачу: установить въ общемъ согласованность дѣйствій соціалъ-демократическихъ элементовъ во всѣхъ европейскихъ культурныхъ государствахъ, — что̀, находитъ себѣ оправданіе въ общности народныхъ интересовъ во всѣхъ культурныхъ государствахъ. Противъ этого воззрѣнія Швейцера нельзя было ничего возразить. Присоединеніе къ Интернаціоналу, которое вслѣдствіе нѣмецкаго законодательства о союзахъ было невозможно для Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза, какъ корпораціи, еще ничего не предрѣшало относительно политической организаціи и тактики національной рабочей партіи. Какъ только нѣмецкіе рабочіе ограничивались тѣмъ, что примыкали къ Интернаціоналу и работали въ пользу его принциповъ въ качествѣ отдѣльныхъ лицъ,—а иначе они не могли поступать, — они именно переставали быть политической партіей, готовой и способной бороться на національной почвѣ.

Какой-либо политической программы дѣйствій, приноровленной къ нѣмецкимъ условіямъ, Либкнехтъ не выставлялъ. Впослѣдствіи онъ осудилъ „культъ всеобщаго избирательнаго права" и выразилъ сожалѣніе, что Лассаль не провозгласилъ необходимости отказа отъ уплаты налоговъ, который былъ бы единственнымъ средствомъ усмирить феодальную реакцію. Между тѣмъ Лассаль уже въ своихъ рѣчахъ о конституціи доказалъ при помощи убѣдительнѣйшихъ аргументовъ, что при особыхъ германскихъ условіяхъ отказъ платить налоги не можетъ дать никакихъ цѣнныхъ результатовъ. Эта аргументація никѣмъ съ тѣхъ поръ не была опровергнута, а, напротивъ, признана неопровержимой всѣми знатоками нѣмецкихъ дѣлъ. Въ довершеніе всего, извѣстно, что въ избирательной рѣчи, обратившей на себя значительное вниманіе, Іоганнъ Якоби сдѣлалъ осенью 1863 г. попытку побудить населеніе къ отказу отъ уплаты налоговъ; результатъ свелся къ тому, что самъ Якоби былъ приговоренъ къ 6-мѣсячному тюремному заключенію, а вносить налоги отказалось ровно два плательщика, Джонъ Рейтенбахъ-Пликкенъ въ Восточной Пруссіи и Альбертъ Ланге на Рейнѣ, съ которыхъ налоги были затѣмъ

взысканы путемъ аукціонной продажи ихъ имущества. Столь же неподходящимъ было предложеніе Либкнехта замѣнить президента Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза директоріей изъ трехъ лицъ. Вся организація Союза была пригнана къ диктаторскому руководству; если хотѣли устранить это послѣднее, то нужно было также передѣлать кореннымъ образомъ первую, трехглавая же диктатура была, пожалуй, еще хуже одноглавой. Впрочемъ, этой вскользь брошенной мыслью Либкнехтъ врядъ ли имѣлъ въ виду дать продуманный организаціонный планъ, взятый же самъ по себѣ взглядъ его былъ вполнѣ послѣдователенъ.

Ожиданіе Лассаля, что классовое сознаніе германскаго пролетаріата можно будетъ однимъ усиліемъ разбудить въ непреодолимую силу, оказалось обманчивымъ. Совмѣстныя дѣйствія буржуазіи и пролетаріата были невозможны, это прямо высказалъ въ описываемое время и Марксъ. На годовомъ празднествѣ лондонскаго Коммунистическаго кружка для просвѣщенія рабочихъ Марксъ замѣтилъ, что нѣмецкая буржуазія слишкомъ труслива для проведенія своей собственной программы; когда онъ приглашалъ въ Коммунистическомъ Манифестѣ рабочихъ низвергнуть сообща съ буржуазіей абсолютизмъ, то онъ ожидалъ, что она добьется по крайней мѣрѣ того же, чего добилась англійская буржуазія. Такимъ образомъ, если Либкнехтъ отвергалъ использованіе рабочимъ пролетаріатомъ одного правящаго класса противъ другого, считая это недопустимой тактикой, то дѣйствительно оставалось только придать германскому рабочему движенію форму Общества для соціалистической пропаганды, какъ это было сдѣлано полупоколѣніемъ раньше въ „Союзѣ коммунистовъ“. Ибо законными средствами партійной организаціи—свободой печати, союзовъ, стачекъ, избирательными правами—германскій пролетаріатъ либо все еще не обладалъ, либо онъ имѣлъ ихъ пока только на бумагѣ.

---

2. Борьба мнѣній.

Противоположности, проснувшіяся въ молодомъ рабочемъ движеніи послѣ смерти Лассаля, шумно вырвались наружу прежде всего въ распрѣ между Беккеромъ и графиней Гацфельдтъ. Преувеличенное благоговѣніе Беккера передъ графиней перешло въ столь же преувеличенную ненависть, когда насмѣшки буржуазной печати надъ „юбочнымъ президентомъ“ и всякіе другіе мелкіе

поводы пробудили бѣднягу отъ честолюбивыхъ мечтаній, которыми только начала было опьяняться его маленькая голова. Беккеръ сталъ теперь искать поддержки въ матери Лассаля и выпросилъ у нея 200 талеровъ для Союза, — шагъ, который послѣ гадкаго поведенія семьи Лассаля возбудилъ негодованіе не только графини Гацфельдтъ, но и всѣхъ, чтившихъ память Лассаля. У Беккера была, вѣроятно, еще и другая цѣль, когда онъ попытался привлечь на свою сторону старую госпожу Лассаль: она оспаривала завѣщаніе своего сына, и ея расположеніе имѣло тѣмъ большую цѣнность для Беккера, что онъ спекулировалъ на полученіе ренты въ 500 талеровъ, которую Лассаль завѣщалъ на 5 лѣтъ секретарю Союза Вильмсу для веденія агитаціи въ пользу Союза.

Среди всѣхъ завѣщательныхъ распоряженій Лассаля указанное распоряженіе было если не самымъ неудачнымъ, то наиболѣе непостижимымъ. Онъ зналъ, что Беккеръ бѣденъ, какъ церковная мышь, и что Союзъ не въ состояніи еще пока платить жалованье президенту; если постоянная личная рента въ 150 талеровъ и упомянутый легатъ для цѣлей Союза были, несмотря на это, завѣщаны Лассалемъ не рекомендованному имъ же президенту, а секретарю Союза, уже получавшему годовое жалованье въ 400 талеровъ, то Лассаль долженъ былъ понимать, что онъ даетъ этимъ секретарю Союза опасный перевѣсъ надъ президентомъ. Возможно что ему хотѣлось устроить такъ, чтобы Союзомъ фактически руководилъ Вильмсъ, котораго онъ очень цѣнилъ, а чтобы Беккеръ получилъ, въ качествѣ президента, только своего рода почетный постъ, служилъ въ извѣстномъ смыслѣ буфферомъ, о который могли бы разбиваться мелкія ревнивыя чувства другихъ рабочихъ противъ Вильмса. Но и въ такомъ случаѣ открывался широкій просторъ величайшей неурядицѣ, которая не замедлила наступить, когда 27 декабря 1864 г. въ Дюссельдорфѣ открылось первое общее собраніе Союза.

На этомъ общемъ собраніи были представлены 20 делегатами 34 мѣстности: отъ Берлина явился делегатомъ Мецнеръ, отъ Франкфурта—Эльнеръ, отъ Эльберфельда — Гильманъ, отъ Дюссельдорфа — Леви, отъ Гамбурга — Перль, отъ Гарбурга — Іоркъ, отъ Дрездена—Фёрстерлингъ, отъ Лейпцига—Фрицше. Кассовая наличность Союза составляла 39 талеровъ. Рядъ предложеній былъ принятъ безъ серьезныхъ дебатовъ: постановлено было, что годовщина смерти Лассаля должна торжественно справляться во

всѣхъ общинахъ; что въ силезскихъ ткацкихъ округахъ нужно освободить членовъ отъ половины взносовъ въ виду ихъ бѣдности; что введенную Лассалемъ кассовую организацію слѣдуетъ распространить на весь Союзъ, съ извѣстными упрощеніями для общинъ меньшаго размѣра. Важнѣйшимъ постановленіемъ было сліяніе секретарской должности съ президентской и назначеніе президенту годового жалованья въ 500 талеровъ; оно было принято по предложенію Фрицше, послѣ того какъ Мецнеръ, Іоркъ, Перль, Леви и Фёрстерлингъ выяснили безусловную необходимость этой мѣры.

Такая необходимость безъ сомнѣнія существовала. Было бы невыносимо ставить президента въ зависимость отъ милости графини Гацфельдтъ или госпожи Лассаль. Предъ этимъ соображеніемъ должны были отступить на второй планъ всѣ другія сомнѣнія, какъ бы велики они ни были. Безспорно, что такихъ сомнѣній, и притомъ важныхъ, было не мало. Постановленіе общаго собранія явно нарушало уставъ, буквальный текстъ котораго не допускалъ соединенія секретарской должности съ президентской, а раньше трехъ лѣтъ уставъ не могъ быть измѣненъ. Власть президента была еще усилена, несоотвѣтствіе между способностями Беккера и задачами, которыя возлагались на него, было еще увеличено. Графиня Гацфельдтъ получала удобный предлогъ относиться къ Беккеру, какъ къ незаконному узурпатору, ссылаясь на фактъ грубаго нарушенія организаціи. Наконецъ, постановленіе расшатало золингенскую общину, одну изъ самыхъ старыхъ и надежныхъ твердынь Союза. Вильмсъ не могъ, правда, жаловаться ни на какую формальную несправедливость: если его не выбрали вновь въ секретари по истеченіи срока его службы, то при этомъ было прямо заявлено, что неизбраніе его не имѣетъ смысла вотума недовѣрія, а составляетъ только уступку неумолимому давленію обстоятельствъ. Но онъ не обладалъ той способностью самоотреченія, которую Вальтейхъ обнаружилъ въ болѣе трудномъ положеніи, и такъ какъ его другъ Клингсъ сталъ на его сторону, то въ золингенской общинѣ образовалась сильная оппозиція, распространившаяся затѣмъ также на Гамбургъ, Лейпцигъ и другія общины.

Принципіальныя разногласія проявились съ гораздо большей еще силой въ новомъ органѣ Союза. Первый пробный номеръ вышелъ въ свѣтъ 15 декабря 1864 г. подъ названіемъ: „*Соціалъ-демократъ*, органъ Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза". Изда-

телями-редакторами были Гофштеттенъ и Швейцеръ, въ качествѣ сотрудниковъ были названы Бернгардъ Беккеръ, Іоганнъ-Филиппъ Беккеръ, Энгельсъ, Гервегъ, Гессъ, Либкнехтъ, Марксъ, Рюстовъ и Вутке. Въ программѣ указывались только три крупныхъ пункта руководящаго значенія: солидарность народныхъ интересовъ и народнаго дѣла во всемъ цивилизованномъ мірѣ; вся громадная Германія—единое, свободное народное государство; уничтоженіе владычества капитала. Второй пробный номеръ вышелъ 21-го декабря, третій—30 декабря. Затѣмъ, начиная съ 4-го января, газета стала правильно выходить по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ.

Заправлялъ редакціей Швейцеръ, и онъ повелъ дѣло въ своемъ духѣ. Первая руководящая статья перечисляла заслуги Лассаля предъ рабочимъ классомъ, вторая трактовала о шлезвигъ-голштинскомъ дѣлѣ, развивая тотъ взглядъ, что въ предѣлахъ существующаго порядка всякое возможное рѣшеніе этого вопроса одинаково печально для націи, получитъ ли завоеванную страну Австрія или Пруссія, или же Шлезвигъ-Голштинія станетъ самостоятельнымъ государствомъ. Въ первомъ случаѣ была бы усилена язва Германіи—дуализмъ обѣихъ великихъ державъ, во второмъ были бы вновь закрѣплены жалкіе порядки, связанные съ раздробленіемъ Германіи на мелкія государства. Если страну присоединитъ къ себѣ Пруссія, то во всей этой бѣдѣ будетъ, по крайней мѣрѣ, одно утѣшеніе: у союзнаго сейма, единственнаго органа всей націи, какъ цѣлаго, будетъ умерщвленъ послѣдній жизненный нервъ, и тогда сами условія толкнутъ къ рѣшительному перевороту, къ тому, что нація мужественно воспрянетъ наконецъ изъ теперешняго своего состоянія.

Въ области внутренней политики Швейцеръ подчеркивалъ полную независимость соціалъ-демократической партіи. Правда, въ борьбѣ буржуазіи противъ абсолютизма кулаки пролетаріата справедливо готовы къ ея услугамъ, но если либеральная буржуазная партія занимаетъ по отношенію къ народной партіи столь же и даже болѣе враждебное положеніе, чѣмъ монархическо-абсолютистская партія, то народной партіи остается лишь одно: смотря по наличнымъ обстоятельствамъ, работать для отдѣльныхъ цѣлей и въ опредѣленныхъ конкретныхъ вопросахъ сообща съ той или другой партіей, однако подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы „подобнаго рода совмѣстной работой для достиженія отдѣльныхъ цѣлей не затрагивалось даже въ малѣйшей степени самостоятельное положеніе народной партіи". На вопли либеральной печати

по поводу „связи съ реакціей“ Швейцеръ отвѣчалъ, что эти праздные разговоры вообще не серьезны: „смирные профессора и раздувшіеся денежные мѣшки вмѣстѣ со своими наемными писаками отлично знаютъ, что такое *мы* и что такое *они*“; нѣмецкая соціалъ-демократія вполнѣ самостоятельная партія, ея принципы перейдутъ въ плоть и кровь національной жизни, когда желѣзный ходъ всемірной исторіи давнымъ-давно повергнетъ въ прахъ то, что хвастливо пыжится теперь.

Особенно громкіе либеральные вопли по поводу „связи съ реакціей“ поднялись изъ-за пяти передовыхъ статей о министерствѣ Бисмарка, напечатанныхъ Швейцеромъ въ промежутокъ съ 27 января до 1 марта. На самомъ дѣлѣ статьи свидѣтельствовали только о томъ, что по ясности политическаго пониманія Швейцеръ стоялъ неизмѣримо выше прогрессистской печати. Когда перечитываешь ихъ теперь, то онѣ кажутся въ извѣстномъ смыслѣ весьма тривіальными: событія давнымъ-давно подтвердили все, что Швейцеръ предвидѣлъ въ такое время, когда лишь очень немногіе умы Германіи въ состояніи были возвыситься до столь же проницательнаго пониманія политическаго положенія.

Въ статьяхъ о Бисмаркѣ Швейцеръ изслѣдовалъ исторически, какіе факторы вообще способны къ дѣятельному выступленію въ вопросѣ объ объединеніи Германіи. Такихъ факторовъ онъ находилъ только два: прусскіе штыки и нѣмецкіе пролетарскіе кулаки. Онъ показалъ, что союзный сеймъ, Австрія, среднія и мелкія государства Германіи обнаружили свое полное безсиліе по отношенію къ нѣмецкому вопросу, — въ хорошемъ, какъ и въ дурномъ. Разрѣшить этотъ вопросъ можно только двумя путями: либо нѣмецкая нація поможетъ себѣ сама посредствомъ революціи, и для всякаго демократа это есть безспорное разрѣшеніе нѣмецкаго вопроса въ нѣмецкомъ духѣ; либо Пруссія, вѣрная своимъ историческимъ традиціямъ, слопаетъ остальную Германію, и надъ этимъ способомъ разрѣшенія нѣмецкаго вопроса работаетъ въ данный моментъ съ большимъ успѣхомъ Бисмаркъ. „Отъ его идеала различается кореннымъ образомъ идеалъ, къ которому стремится вся нація: создать нѣмецкое народное государство, покоющееся въ главныхъ чертахъ на современныхъ идеяхъ. По внѣшности оба стремленія имѣютъ между собою то общее, что раздѣленныя до тѣхъ поръ части націи должны быть объединены въ одно цѣлое, но внутреннее различіе ихъ заключается въ слѣдующемъ: въ одномъ случаѣ объединеніе явилось бы только сред-

ствомъ на службѣ у династическо-партикуляристскихъ интересовъ, между тѣмъ какъ во второмъ оно было бы высшей національной самоцѣлью". Но если прусская идея врагъ германской, то она также врагъ „предержащихъ властей" въ Германіи.

На основаніи прусской исторіи Швейцеръ доказывалъ, что прусскій партикуляризмъ, будучи самымъ могущественнымъ, является поэтому въ общественномъ смыслѣ наиболѣе вреднымъ для національнаго развитія, что онъ означаетъ нѣчто совершенно иное, нежели лихтенштейнскій или липпе-детмольдскій, даже нежели баварскій или швабскій партикуляризмъ. Всякій прусскій министръ взявшійся продолжать старыя традиціи прусскаго государства, будетъ самой силою вещей увлекаемъ впередъ, онъ не можетъ повернуть назадъ по этому пути. Политика прогрессистской партіи въ нѣмецкомъ вопросѣ страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, что она не прусская и не германская. Она хочетъ германскаго единства подъ гегемоніей Пруссіи, не понимая, что германское единство можетъ быть достигнуто только посредствомъ германской революціи, а прусская гегемонія можетъ создать только Великопруссію. Доказывать еще теперь проницательность этого историческаго изслѣдованія значило бы ломиться въ открытыя двери.

Тѣмъ не менѣе въ статьяхъ Швейцера о Бисмаркѣ не все обстояло благополучно. Онъ былъ правъ, конечно, когда видѣлъ въ прусскомъ партикуляризмѣ нѣчто особое, для пониманія чего требуется имѣть въ виду историческія условія его происхожденія и существованія, но онъ рисовалъ все-таки своеобразное существо этихъ условій съ живостью, нерѣдко чрезвычайно походившей на прославленіе. То, что Швейцеръ говорилъ о „значительной политикѣ" Бисмарка, было еще самымъ малымъ грѣхомъ. Альбертъ Ланге около того же времени призналъ за этой самой политикой „основныя черты отваги и извѣстной величественной простоты"; эта реакція умныхъ людей противъ наивныхъ ребяческихъ уловокъ, которыми „Національный союзъ" думалъ свалить прусскаго министра, была достаточно понятна. Но то, что Швейцеръ дѣлалъ прусское государство созданіемъ „дѣльныхъ правителей", что онъ восхвалялъ „могучій геній" стараго Фрица, „человѣка во всѣхъ отношеніяхъ достойнаго удивленія", и многое другое было столь же спорно исторически, сколько политически. Злобнымъ противникамъ,—а Швейцеръ не могъ не знать, что ему приходится бороться съ очень злобными противниками—достаточно было вырвать отдѣльныя предложенія изъ общей связи, чтобы возбудить

представленіе, будто авторъ имѣетъ въ виду пруссифицировать молодое рабочее движеніе. Этотъ нетактичный тонъ былъ особенно замѣтенъ въ первыхъ двухъ статьяхъ и гораздо меньше въ послѣднихъ трехъ. Въ промежуткѣ Швейцеру досталась весьма чувствительная головомойка: его политика была публично отвергнута Марксомъ и Энгельсомъ.

Неохота, съ которой Марксъ и Энгельсъ согласились сотрудничать въ „*Соціалъ-демократъ*", имѣла свои солидныя основанія. Разъ агитація Лассаля вызывала въ нихъ тяжелыя сомнѣнія и они не хотѣли взять на себя самихъ руководство германскимъ рабочимъ движеніемъ, то всего разумнѣе было съ ихъ стороны предоставить вещи своему собственному теченію, какъ они уже сдѣлали это при жизни Лассаля. Полуотвѣтственность простого сотрудничества въ органѣ Союза могла привести только ко всякаго рода непріятностямъ. Что у Швейцера было искреннее намѣреніе поставить агитацію на болѣе широкое принципіальное основаніе, отвѣчающее воззрѣніямъ Коммунистическаго Манифеста, это онъ доказалъ, осуществивъ его и послѣ рѣзкой отповѣди отъ авторовъ Манифеста. Марксъ и Энгельсъ не довѣряли ему, однако, и сообщенія Либкнехта усилили скоро это недовѣріе. Если Либкнехтъ писалъ въ Англію въ такомъ же духѣ, въ какомъ онъ вскорѣ послѣ этого высказался публично, то при всей субъективной правдивости корреспондента Марксъ и Энгельсъ не получили объективно вѣрной картины тогдашнихъ лицъ и дѣлъ въ Германіи. Въ своей оцѣнкѣ остъ-эльбскихъ дѣлъ они и безъ того никогда не могли вполнѣ отрѣшиться отъ взглядовъ прирейнскихъ уроженцевъ; это сказалось въ ихъ сужденіи о Лассалѣ и лассалевской агитаціи, это отразилось въ 1848 г. на ихъ сужденіи о Борнѣ и тогдашнемъ рабочемъ движеніи въ Берлинѣ и Лейпцигѣ.

Уже первую передовую статью „*Соціалъ-демократа*" о Лассалѣ Марксъ осудилъ, какъ „раболѣпное славословіе",—приговоръ незаслуженно суровый, хотя мы готовы признать, что не всякое слово этой статьи можетъ быть принято на вѣсъ золота. Швейцеръ просилъ о терпѣніи, увѣряя, что дѣло постепенно наладится. Затѣмъ, когда въ январѣ 1865 г. умеръ Прудонъ, то Марксъ по просьбѣ Швейцера написалъ тотчасъ же некрологъ о покойномъ, не упустивъ однако случая охарактеризировать въ своей превосходной статьѣ „всякій внѣшній компромиссъ съ предержащими властями", какъ нарушеніе „простого нравственнаго такта". Въ то же время Энгельсъ прислалъ переводъ одной старо-датской

крестьянской пѣсни, чтобы въ комментаріи къ ней выяснить нѣмецкимъ рабочимъ необходимость борьбы противъ юнкерства. Само собою разумѣется, что Швейцеръ напечаталъ обѣ замѣтки безъ всякихъ измѣненій. Но затѣмъ у Маркса нашлись новые поводы для замѣчаній: онъ былъ недоволенъ однимъ парижскимъ письмомъ Гесса и отношеніемъ Швейцера къ стачечному движенію, которое начало тогда развиваться въ Германіи. Швейцеръ снова просилъ о терпѣніи. 15-го февраля онъ писалъ Марксу, что съ благодарностью приметъ всякое теоретическое разъясненіе, считая его поучительнымъ для себя, но для того, чтобы судить о практическихъ вопросахъ тактики даннаго момента, необходимо стоять въ центрѣ движенія. Къ этому онъ прибавлялъ: „Не забывайте также, что Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ есть консолидированный организмъ и до извѣстной степени связанъ своими традиціями. Вещи in concreto всегда тащатъ съ собою какой-нибудь мертвый грузъ, мѣшающій ихъ свободному движенію". На это Марксъ и Энгельсъ отвѣтили изъ Лондона и Манчестера публичнымъ заявленіемъ, что тактика, которой слѣдуетъ „*Соціалъ-демократъ*", исключаетъ возможность ихъ дальнѣйшаго сотрудничества въ газетѣ. Въ заявленіи, помѣченномъ 23-мъ февраля, они говорятъ, что ни одной минуты не упускали изъ виду труднаго положенія газеты и не выступали ни съ какими притязаніями, не подходящими для берлинскаго меридіана. Но они неоднократно требовали, чтобы по отношенію къ министерству и феодально-абсолютистской партіи употреблялся столь же смѣлый языкъ, какъ относительно прогрессистской партіи. Свой взглядъ на королевско-прусскій правительственный соціализмъ и на правильное отношеніе рабочей партіи къ подобнымъ надувательскимъ фокусамъ они развили уже въ 1847 г. въ „*Deutsche Brüsseler Zeitung*" и готовы еще теперь подписать каждое слово тогдашняго своего заявленія. Одновременно съ этимъ Либкнехтъ выступилъ изъ редакціи, а нѣсколько дней спустя отъ участія въ газетѣ отказались Гервегъ, Рюстовъ и Іоганнъ-Филиппъ Беккеръ; изъ объявленныхъ сотрудниковъ остались вѣрными ей только Гессъ и Вутке.

Буржуазія ликовала по поводу размолвки, и печатный органъ Зоннемана съ возвышенной точки зрѣнія своей античной нравственности доказывалъ „рабочимъ демократическаго образа мыслей", что они не могутъ быть хорошаго мнѣнія о „такихъ вождяхъ", какъ Марксъ и Энгельсъ, позволившихъ себѣ вступить въ сношенія съ „*Соціалъ-демократомъ*", несмотря на то, что, какъ извѣстно, уже

Лассаль заигрывалъ съ реакціей. По поводу этой остроумной вылазки Швейцеръ замѣтилъ, что самые ядовитые противники лассалевской агитаціи считаютъ все-таки поведеніе Маркса и Энгельса непослѣдовательнымъ. Къ этому тактическому прикрытію не слѣдуетъ относиться особенно строго, но весьма неумѣстна была зато инсинуація Швейцера, будто Марксъ и Энгельсъ ушли, убѣдившись, что они не могутъ играть первой роли въ партіи. Марксъ рѣзко и убѣдительно отвѣтилъ на это въ берлинской „*Реформѣ*", которую редактировалъ тогда Гвидъ Вейссъ. Впрочемъ, Швейцеръ постарался возможно скорѣе перейти отъ „этихъ личныхъ исторій" къ очереднымъ политическимъ вопросамъ. Къ сожалѣнію, онъ не принялъ въ разсчетъ злополучнаго Бернгарда Беккера, предпринявшаго безнадежную попытку выказать себя достойнымъ преемникомъ Лассаля и богатырскими ударами сразить противниковъ Союза. Беккеръ произнесъ 22-го марта предъ гамбургскими рабочими длинную рѣчь, изобиловавшую личными вылазками противъ графини Гацфельдтъ, также какъ противъ Маркса, Энгельса и Либкнехта.

Въ берлинской общинѣ дѣло дошло изъ-за этого до бурныхъ сценъ. Либкнехтъ выступилъ съ рыцарской защитой графини противъ нападокъ Беккера, несмотря на то, что принципіально онъ уже порвалъ съ ней, и опровергъ отвратительныя клеветы, которыя Беккеръ собралъ противъ него, Маркса и Энгельса изъ памфлета Фохта и тому подобныхъ источниковъ. По его предложенію берлинская община почти единогласно рѣшила исключить Бернгарда Беккера изъ Союза, „какъ лжеца, клеветника и безнадежнаго идіота". Разгоряченный сраженіемъ Либкнехтъ, однако, самъ способствовалъ увеличенію сумятицы: на столбцахъ „*Rheinische Zeitung*", злобной противницы рабочаго движенія, онъ опубликовалъ заявленіе, гдѣ между прочимъ говорилось, что ученіе Лассаля представляетъ собою только „слабое и неясное повтореніе" принциповъ, уже много лѣтъ защищаемыхъ имъ и его друзьями. Между тѣмъ незадолго до этого самъ Марксъ отдѣлалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ хвастуна Блинда, который по отношенію къ рабочему классу наигрывалъ на той же струнѣ, какъ „*Rheinische Zeitung*": „Я очень далекъ отъ намѣренія сдѣлать такого человѣка, какъ Лассаль, и дѣйствительный смыслъ его агитаціи понятными смѣшному клоуну, за которымъ не стоитъ ничего, кромѣ его собственной тѣни. Я убѣжденъ, напротивъ, что г. Карлъ Блиндъ только исполняетъ призваніе, возложенное на него природой и

Эзопомъ, когда онъ лягаетъ мертваго льва". Этимъ была, конечно, образцово указана граница, которую непремѣнно нужно было соблюдать, когда о личности и дѣятельности Лассаля приходилось говорить съ буржуазіей.

Во время этой непріятной распри появилась небольшая брошюра о прусскомъ военномъ вопросѣ и германской рабочей партіи, задуманная и, вѣроятно, также написанная Энгельсомъ еще до публичнаго столкновенія; во всякомъ случаѣ, она совершенно свободна отъ полемики, хотя послѣдній отдѣлъ ея составленъ такъ, что постоянно имѣется въ виду тактика Швейцера. Въ первыхъ двухъ отдѣлахъ Энгельсъ освѣтилъ вопросъ о прусской военной реформѣ съ точки зрѣнія правительства и буржуазіи, съ историческимъ безпристрастіемъ научнаго изслѣдователя, которое было непонятно даже для такихъ людей, какъ Рюстовъ и Гессъ, не говоря уже о либеральныхъ политическихъ дѣятеляхъ. Третій отдѣлъ изслѣдовалъ отношеніе пролетаріата къ конфликту между правительствомъ и буржуазіей изъ-за конституціи. Энгельсъ приходилъ къ слѣдующимъ выводамъ: необходимо поддерживать прежде всего рабочую партію въ организованномъ состояніи, насколько это позволяютъ теперешнія условія; толкать прогрессистскую партію впередъ къ дѣйствительному прогрессированію, заставлять ее елико возможно передѣлывать въ болѣе радикальномъ направленіи свою собственную программу, безпощадно бичевать и осмѣивать всякую ея непослѣдовательность, всякую слабую сторону ея; вопросъ о военной реформѣ въ тѣсномъ смыслѣ предоставить своему собственному теченію, въ сознаніи, что рабочая партія также проведетъ когда-нибудь свою собственную, германскую „реорганизацію арміи"; реакціи отвѣчать на ея лицемѣрныя зазыванія гордыми словами старой Гильдебрандовой пѣсни: „Дары надо принимать копьемъ, остріе противъ острія".

Эта программа не заключала въ себѣ, строго говоря, ничего такого, что противорѣчило бы воззрѣнію Швейцера, и Швейцеръ могъ бы даже защищаться ссылкой на Энгельса противъ шумнаго упрека Гервега, что *„Соціалъ-Демократъ"* не принялъ статьи Рюстова о прусской военной реформѣ. Рюстовъ стоялъ въ этомъ вопросѣ на точкѣ зрѣнія, хотя и болѣе радикальной, но по существу одинаковой съ буржуазіей. И Гервегъ, оставаясь вполнѣ послѣдовательнымъ, дѣйствительно напалъ на Энгельса почти столь же рѣзко, какъ на Швейцера. Чтобы открыть истинную разницу между мнѣніями Энгельса и Швейцера, приходится

войти въ нѣсколько болѣе подробное разсмотрѣніе доводовъ, при помощи которыхъ Энгельсъ пришелъ къ своимъ заключительнымъ положеніямъ.

Изобразивъ бонапартистскія замашки прусскаго правительства, Энгельсъ высказалъ въ своей брошюрѣ мнѣніе, что, *если* это правительство октроируетъ всеобщее избирательное право, то обставитъ его такими оговорками, при которыхъ оно именно и перестанетъ быть всеобщимъ избирательнымъ правомъ. Энгельсъ ссылался на опытъ Франціи, заявляя, что въ Германіи слѣдуетъ ожидать еще худшаго. Германскій пролетаріатъ не такъ сосредоточенъ въ немногихъ центрахъ и не имѣетъ такого продолжительнаго боевого опыта, какъ французскій. Затѣмъ въ Германіи общее правило составляетъ не мелкій крестьянскій собственникъ, а крупное землевладѣніе; если треть германскихъ пролетаріевъ находится подъ командой капиталистовъ, то двѣ трети ихъ подчинены командованію феодаловъ. „Пока сельскій пролетаріатъ не будетъ вовлеченъ въ движеніе, до тѣхъ поръ городской пролетаріатъ Германіи не можетъ достигнуть и не достигнетъ ни малѣйшихъ результатовъ, до тѣхъ поръ всеобщее, прямое избирательное право является для пролетаріата не оружіемъ, а западней". Вотъ въ чемъ заключалось дѣйствительное разногласіе между Энгельсомъ и Швейцеромъ. Дальнѣйшія разсужденія Энгельса насчетъ того, что все рабочее движеніе въ Германіи пользуется лишь терпимостью, что правительство ежеминутно можетъ задушить его, не только не оспаривались Швейцеромъ, а напротивъ—этотъ неоспоримый фактъ былъ именно движущей пружиной его тактики. Такъ же мало онъ возражалъ когда-либо противъ того, что рабочій классъ не обязанъ благодарностью реакціи, когда послѣдняя изъ ненависти къ буржуазіи дѣлаетъ соціальныя уступки, вродѣ права коалицій, фабричнаго надзора, максимальнаго рабочаго дня и т. д., или противъ того, что когда буржуазный классъ предаетъ гражданскія свободы, то рабочіе должны все-таки вопреки буржуа продолжать агитацію за свободу печати и право собраній.

Швейцеръ попытался вывернуться какъ-нибудь изъ весьма неудобнаго положенія, въ которое его поставила глупая рѣчь Беккера въ Гамбургѣ. Отречься отъ Беккера ему никакъ нельзя было, если онъ хотѣлъ избѣжать полнаго распаденія того, что еще держалось вмѣстѣ, и потому онъ опять приложилъ всѣ усилія къ возможно скорѣйшему прекращенію личной перебранки.

Какъ только Союзъ перенесъ кризисъ, Швейцеръ сталъ избѣгать всякихъ личныхъ нападокъ, всегда высоко ставилъ Маркса и Энгельса, какъ выдающихся теоретиковъ, и отрицалъ только за ними возможность вѣрнаго сужденія о практическихъ дѣлахъ германской агитаціи. Во время самого кризиса Гессъ, не могшій забыть отдѣла о нѣмецкомъ соціализмѣ въ Коммунистическомъ Манифестѣ, сдѣлалъ въ одномъ своемъ письмѣ изъ Парижа мимоходомъ вылазку противъ памфлета Энгельса, и Швейцеръ пропустилъ ее. Но самъ Швейцеръ отвѣтилъ послѣ кризиса въ совершенно дѣловомъ тонѣ и съ достоинствомъ, не называя по имени Энгельса, который также не назвалъ его.

Противъ всеобщаго избирательнаго права,—писалъ Швейцеръ,— дѣлаются два возраженія. Первое состоитъ въ томъ, что при существующемъ образовательномъ уровнѣ народа, особенно сельскаго населенія, всеобщее избирательное право, даже честно и правильно примѣняемое, можетъ стать опорой реакціонныхъ силъ. Противъ этого можно выставить слѣдующее основное возраженіе: на первыхъ порахъ важно не столько, чтобы въ народное представительство посылалось большинство, сколько чтобы народный голосъ раздавался вообще въ признанныхъ и облеченныхъ формальнымъ авторитетомъ государственныхъ корпораціяхъ,—чтó почти невозможно при трехклассной системѣ выборовъ. Большое, весьма большое пріобрѣтеніе составило бы уже, если бы рабочая партія была представлена въ парламентѣ, хотя бы только въ небольшомъ числѣ.

Второе возраженіе,— что безъ соотвѣтственнаго дополненія полной свободой печати и полной свободой союзовъ всеобщее избирательное право идетъ на пользу не народному дѣлу, а дѣлу угнетателей народа,—въ дѣйствительности совсѣмъ не есть возраженіе. Само собою разумѣется, что рабочая партія требуетъ всеобщаго избирательнаго права только какъ послѣдовательнаго развитія всѣхъ правъ, заключающихся въ понятіи свободнаго государства; безъ этихъ правъ всеобщее избирательное право было бы жалкимъ данаевымъ даромъ отъ враждебнаго народу произвола и деспотизма, скрывающагося подъ мантіей народолюбія. Но и при указываемыхъ условіяхъ представлялось бы еще вопросомъ, не слѣдуетъ ли привѣтствовать даже такое избирательное право, какъ относительный прогрессъ и меньшее зло въ сравненіи съ существующимъ избирательнымъ закономъ?

„На этотъ вопросъ,—говоритъ Швейцеръ,—можно отвѣтить и

„да“ и „нѣтъ“. „Да“, если принять въ соображеніе, что при особой косности массъ такое избирательное право даетъ все-таки въ руки важное орудіе воздѣйствія на нихъ. „Нѣтъ“, если принять въ соображеніе, что обладаніе правомъ, въ значительной мѣрѣ призрачнымъ, можетъ представить для развитія массъ бо́льшую опасность, нежели прямое лишеніе ихъ важнаго права. „И мы дѣйствительно думаемъ, что въ нашей партіи мнѣнія относительно этого „да“ или „нѣтъ“ расходятся. Но насчетъ одного—и въ данномъ случаѣ это самое главное—мы согласны всѣ: что если бы правительствомъ гдѣ-либо было дано всеобщее избирательное право безъ одновременнаго обезпеченія соотвѣтственныхъ прочихъ народныхъ правъ, то первое, даже единственное употребленіе этого права голоса должно было бы состоять въ завоеваніи и гарантированіи упомянутыхъ другихъ правъ. Ибо свобода, свобода нужна намъ прежде всего“. Такимъ образомъ, если Энгельсъ говорилъ, что дарованіе всеобщаго избирательнаго права прусскимъ правительствомъ будетъ не оружіемъ, а западней, то Швейцеръ полагалъ, что изъ него дѣйствительно хотятъ сдѣлать западню, но оно можетъ стать оружіемъ. Вотъ въ чемъ заключалась суть разномыслія, существовавшаго между Энгельсомъ и Марксомъ, съ одной стороны, и Швейцеромъ—съ другой.

Три съ половиною года спустя, 13 октября 1868 г., Марксъ писалъ Швейцеру: „Я признаю безусловно умъ и энергію, отличающія вашу дѣятельность въ рабочемъ движеніи. Этотъ взглядъ свой я не скрывалъ ни отъ кого изъ своихъ друзей“. Прибавляя затѣмъ: „Я не игнорирую трудностей вашего положенія и никогда не забываю, что каждый изъ насъ зависитъ больше отъ обстоятельствъ, чѣмъ отъ своего желанія“, Марксъ въ другихъ выраженіяхъ призналъ ту самую мысль, которую Швейцеръ высказывалъ, когда 15 февраля 1865 г. просилъ Маркса о снисхожденіи,—мысль, что in concreto вещи всегда тащатъ съ собою какой-нибудь мертвый грузъ, мѣшающій ихъ свободному движенію. Въ своемъ чрезвычайно трудномъ положеніи Швейцеръ не всегда соблюдалъ надлежащія границы своей тактики, нарушивъ ихъ, наприм., въ отдѣльныхъ мѣстахъ статей о Бисмаркѣ, но правильность самой тактики подтвердилъ историческій ходъ вещей.

Остается упомянуть еще о борьбѣ мнѣній относительно задачъ рабочей партіи, возгорѣвшейся въ это же время между Альбертомъ Ланге и Швейцеромъ. Примирительное положеніе, занятое Ланге на лейпцигскомъ съѣздѣ нѣмецкихъ рабочихъ ферейновъ, на-

ряду съ избраніемъ его въ комитетъ, побудили его высказаться въ связной формѣ по рабочему вопросу, чтобы не навлечь на себя упрека въ двусмысленномъ поведеніи. Его небольшая книга была чрезвычайно богата тонкими и мѣткими замѣчаніями о рабочемъ движеніи, но страдала тѣмъ основнымъ недостаткомъ, что признавала законъ народонаселенія Мальтуса, получившій какъ будто окончательное подтвержденіе въ теоріи Дарвина, которая стала распространяться какъ разъ въ это время. Естественно-научное образованіе Ланге поставило преграду его соціологическому мышленію, какъ далекъ ни былъ Ланге отъ безнравственныхъ выводовъ, которые дѣлались и дѣлаются изъ Мальтуса вульгарными экономистами.

Въ своихъ практическихъ требованіяхъ Ланге стоялъ гораздо ближе къ Лассалю, чѣмъ къ Шульце. Требованія эти были слѣдующія: полная самостоятельность рабочаго движенія, независимыя дѣйствія рабочаго класса сначала въ политической, а затѣмъ въ кооперативной области, служебное подчиненіе образовательныхъ стремленій этимъ болѣе настоятельнымъ цѣлямъ, демократизація государства путемъ неограниченной свободы ассоціацій и печати, путемъ всеобщаго и безплатнаго обученія всѣмъ необходимымъ и общимъ для всѣхъ гражданъ предметамъ, путемъ финансоваго и законодательнаго содѣйствія производительнымъ товариществамъ, въ особенности товариществамъ для веденія крупнаго хозяйства въ земледѣліи. Относительно дѣйствія всеобщаго избирательнаго права Ланге былъ болѣе скептическаго мнѣнія, чѣмъ Лассаль, но онъ соглашался, что оно должно быть даровано, разъ массы его требуютъ, и признавалъ также, что нѣтъ лучшаго, нѣтъ болѣе справедливаго и обѣщающаго большій успѣхъ агитаціоннаго средства для проведенія соціальныхъ идей. Съ такой программой Ланге сталъ, конечно, невозможенъ для буржуазіи; тѣмъ больше горечи вызывало въ немъ „полное невниманіе, которое его книга встрѣтила въ кругахъ рабочихъ и ихъ вождей". Дѣйствительно, Швейцеръ далъ о книгѣ довольно неблагопріятный отзывъ, далеко не отвѣчавшій ея идейному значенію, и повидимому Ланге не встрѣтилъ также особенно дружелюбнаго пріема, когда изложилъ свои взгляды въ лекціи предъ дуисбургскимъ отдѣленіемъ Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза.

Отчасти эта незаслуженная судьба Ланге объясняется, можетъ быть, появленіемъ его книги какъ разъ въ тотъ моментъ, когда умы были глубоко взволнованы кризисомъ въ Союзѣ. Но съ дру-

гой стороны, причина была также и та, что Ланге хотѣлъ примирять тамъ, гдѣ не было больше мѣста примиренію, какъ искренно онъ ни увѣрялъ, что далекъ отъ всякихъ такихъ намѣреній. Онъ говорилъ тогда о „ново-прусской фальсифицированной соціалъ-демократіи въ Берлинѣ“, чтобы затѣмъ, со своей справедливо взвѣшивающей манерой, попробовать все-таки столковаться со Швейцеромъ, насколько это вообще было возможно.

Въ „*Нижне-рейнскомъ Вѣстникѣ*“ („*Bote vom Niederrhein*“)—газетѣ, выходившей три раза въ недѣлю и издававшейся Ланге въ Дуисбургѣ съ осени 1865 г. до лѣта 1866 г.—онъ объявлялъ ошибкой, хотя и весьма извинительной по наличнымъ условіямъ, что Лассаль слишкомъ односторонне разсматривалъ кооперативное дѣло съ мѣщанско-филистерской точки зрѣнія Шульце, упустивъ при этомъ изъ виду истинно-соціалистическій духъ, пустившій корни въ англійскихъ и французскихъ, а отчасти уже и въ нѣмецкихъ кооперативныхъ товариществахъ рабочихъ. „Когда возвратившіеся изъ изгнанія евреи строили свой храмъ, то они въ одной рукѣ держали мечъ, а въ другой—лопатку. Такъ должны были бы относиться другъ къ другу Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ и кооперативныя товарищества. Ихъ задача не одинакова, но они дополняютъ другъ друга“. Какъ явствовало уже изъ книги Ланге о рабочемъ вопросѣ, это и былъ собственно пунктъ, смущавшій Ланге въ агитаціи Лассаля. Ланге отнюдь не хотѣлъ безпринципнаго затушевыванія противоположностей, онъ не хотѣлъ лишь отказываться отъ соединенія вещей, вполнѣ совмѣстимыхъ. Но онъ упустилъ изъ виду право той односторонности, безъ которой невозможна никакая крупная практическая дѣятельность.

Швейцеръ охотно соглашался, что „ошибка“ Лассаля имѣла свои невыгодныя стороны; но зато она составляла, по его мнѣнію, рѣшительное преимущество лассалевской агитаціонной программы. „Противоположная ошибка была бы въ состояніи вызвать въ лучшемъ случаѣ доктринерскую полемику нѣсколькихъ спеціалистовъ, но не зажигательную рабочую агитацію“. Зло, по поводу котораго скорбитъ Ланге, скоро исправится на практикѣ и уже начинаетъ исправляться. Но никоимъ образомъ не слѣдуетъ поддерживать далеко еще не побѣжденную и не устраненную иллюзію, что кооперативныя товарищества, покоящіяся на такъ назыв. „самопомощи“, способны произвести постоянное и основательное улучшеніе въ классовомъ положеніи пролетаріата. На это Ланге возразилъ, что въ замѣчаніяхъ Швейцера есть, пожалуй, извѣстная доля истины,

но надо имѣть въ виду, что масса рабочихъ страдаетъ не переоцѣнкой самопомощи, а простымъ безучастіемъ. Какъ разъ тѣ рабочіе, которые вовлечены въ настоящее кооперативное дѣло, стоятъ уже вслѣдствіе этого ближе къ стремленіямъ Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза, нежели индифферентная масса.

Въ то же время Ланге выступилъ, однако, противъ нѣкоторыхъ непрошенныхъ замѣчаній, съ которыми въ споръ вмѣшался Зоннеманъ. Этотъ капиталистическій мыслитель утверждалъ, что съѣздъ нѣмецкихъ рабочихъ ферейновъ есть истинная соціалъ-демократія, вполнѣ согласная во взглядахъ съ соціалъ-демократами Англіи, Франціи и Америки, тогда какъ Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ виситъ въ воздухѣ со своей фантастической политикой будущаго, которая, съ одной стороны, требуетъ всеобщаго избирательнаго права, слѣдовательно—господства большинства, а съ другой — хочетъ заранѣе предписать этому большинству опредѣленную соціалистическую программу. Ланге отвѣтилъ Зоннеману, что единомысліе нѣмецкихъ рабочихъ ферейновъ съ американскими, англійскими и французскими соціалъ-демократами еще не сдѣлало большихъ успѣховъ, что оно начинается только вмѣстѣ съ освобожденіемъ ихъ отъ боязливаго и одностороннято руководства Шульце и въ этой мѣрѣ обусловлено косвенно вліяніемъ лассалевской агитаціи. Политика Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза не представляетъ собою ничего неслыханнаго. Приверженцы Лассаля едва ли разсчитываютъ на полную побѣду, если будетъ выбранъ парламентъ на основаніи всеобщаго избирательнаго права. „Позволительно утверждать, однако, что весь характеръ собранія измѣнится, когда въ него войдетъ хотя полдюжины рѣшительныхъ соціалъ-демократовъ. Тотчасъ же измѣнилась бы также вся манера обсужденія соціальнаго вопроса въ печати“. А вѣдь это уже есть нѣкоторый успѣхъ,— тѣмъ болѣе, что при трехклассныхъ выборахъ въ парламентъ не пришелъ бы ни одинъ человѣкъ соціалъ-демократическаго направленія, каковъ бы ни былъ ихъ результатъ въ прочихъ отношеніяхъ.

Эти замѣчанія Ланге Швейцеръ могъ отмѣтить съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія. Его споръ съ Ланге пришелъ къ тому же пункту, къ которому пришелъ его споръ съ Энгельсомъ,— однимъ доказательствомъ больше въ пользу того, что этотъ пунктъ былъ центромъ тяжести всего спора, возгорѣвшагося послѣ смерти Лассаля и разрѣшеннаго рабочими практически задолго до того, какъ онъ былъ поконченъ теоретически.

---

3. Рѣшеніе рабочихъ.

Заявленіе, въ которомъ Марксъ и Энгельсъ отказывались отъ дальнѣйшаго участія въ „*Соціалъ-демократъ*", появилось въ 29-мъ номерѣ этой газеты. Несмотря на короткое время, деревцо успѣло пустить настолько крѣпкіе корни, что благополучно перенесло бурю.

Побѣды, которыя принесъ рабочему дѣлу конецъ 1864 г., продолжались безъ перерыва и въ началѣ 1865 г. Бернгардъ Беккеръ не былъ искуснымъ агитаторомъ, и тѣмъ не менѣе, когда онъ посѣтилъ въ январѣ силезскіе ткацкіе округа, его появленія было достаточно, чтобы привлечь въ Союзъ болѣе тысячи членовъ; скоро тамъ было уже 10 общинъ, изъ которыхъ одна насчитывала 500, другая — 400, а большинство — свыше 200 членовъ. Новый комитетъ майнскаго края созвалъ на первое воскресенье февраля большое собраніе въ Майнцъ, въ курфюрстскую Мраморную залу, гдѣ 2,000 рабочихъ при общемъ ликованіи высказались за принципы Лассаля. Уже раньше Гильманъ съ блестящимъ успѣхомъ произвелъ смѣлый натискъ на Ремшейдъ, Гагенъ, Изерлонъ; среди привлеченныхъ новыхъ членовъ находились Газенклеверъ и Тельке.

То, что происходило въ Изерлонѣ, привлекало къ себѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ общественное вниманіе далеко за предѣлами круговъ, близкихъ къ Союзу. Какъ только какой-нибудь бюрократъ рѣшался расширить полицейскій произволъ до какихъ ему угодно предѣловъ, тотчасъ же оказывалось, что его усмотрѣнію не поставлено никакихъ границъ. Бургомистръ Изерлона Гюльзманъ рѣшилъ попросту не дать рабочему движенію возникнуть тамъ; вездѣ, гдѣ ему мерещился малѣйшій признакъ движенія, онъ запрещалъ, преслѣдовалъ, арестовывалъ. Между прочимъ онъ распорядился, чтобы полицейскіе чиновники, присутствующіе на собраніяхъ, распускали всякое собраніе, въ которыхъ будутъ говорить о „рабочихъ" и „рабочихъ союзахъ". Взоры высшей бюрократіи были, конечно, милостиво направлены на благонамѣреннаго карьериста. Тельке удалось, однако, смирить его, хотя въ борьбѣ съ отчаяннымъ зломъ ему приходилось подчасъ пускать въ ходъ отчаянныя средства.

Такъ, напр., по его иниціативѣ изерлонскій „Рабочій ферейнъ" послалъ 22-го марта королю Вильгельму телеграфное поздравленіе съ днемъ рожденія, а на вечеръ того же дня Тельке созвалъ

„веселое собраніе“ членовъ, чтобы принять королевскій отвѣтъ. Дѣйствительно, отвѣтъ пунктуально прибылъ, но полицейскіе чиновники запретили прочесть его вслухъ на томъ основаніи, что онъ адресованъ „Рабочему ферейну“, а это слово, согласно приказу бургомистра, не должно быть произносимо публично. Тутъ пришлось явиться на сцену ландрату, который не осмѣлился запретить прочтенія депеши и такимъ образомъ противъ воли далъ здороваго щелчка по носу вѣрному слугѣ Гюльзману. Невозможно перечислить всѣ шахматные ходы, при помощи которыхъ Тельке загналъ въ тупикъ бургомистра; въ сентябрѣ 1865 г. бѣдняга дошелъ до того, что издалъ указъ изерлонскимъ трактирщикамъ и кабатчикамъ, угрожавшій имъ отнятіемъ промыслового свидѣтельства, „если окажется, что бывшій вольнонаемный писецъ, нынѣ не имѣющій занятія Карлъ-Вильгельмъ Тельке терпимъ въ помѣщеніяхъ этихъ лицъ или ему отпускаются какія-либо яства и питія“. Всякія оправданія незнакомствомъ съ личностью названнаго Тельке не будутъ принимаемы во вниманіе. Обжалованіе этого распоряженія не возбраняется, правда, но у тѣхъ, которые будутъ жаловаться, будетъ отнято разрѣшеніе на дальнѣйшее занятіе трактирнымъ промысломъ, „какъ у лицъ, недостаточно благонадежныхъ для надлежащаго занятія промысломъ“. Такого избытка комизма не перенесла даже прусская полиція. Скоро Тельке имѣлъ возможность расписаться въ „*Соціалъ-демократѣ*“ въ полученіи громадныхъ вестфальскихъ колбасъ и другихъ приношеній, доставленныхъ ему буржуазными любителями веселой шутки, чтобы спасти его отъ голодной смерти.

Главное же—агитація начала теперь распространяться въ Берлинѣ. Лассаль сказалъ уже въ своей ронсдорфской рѣчи, что „Берлинскій рабочій ферейнъ“ начинаетъ выказывать строптивость противъ прогрессистской партіи. Его обвинили за это въ хвастовствѣ, но послѣ его смерти оказалось, что никакого хвастовства тутъ не было. Чѣмъ больше развивалась крупная промышленность, тѣмъ настоятельнѣе ощущалась рабочими потребность въ свободѣ коалицій; если бы у прогрессистской партіи были хорошіе совѣтники, она своевременно выступила бы въ защиту этого логическаго вывода изъ ея собственнаго ученія о свободѣ торговли. Со свойственною ей половинчатостью она хотѣла, однако, подобно извѣстному филистеру 1848 г., республики съ великимъ герцогомъ во главѣ. Пресловутый „Центральный ферейнъ для блага рабочихъ классовъ“, въ которомъ заправилами были ман-

честерцы, рѣшилъ въ октябрѣ 1864 г. предпринять агитацію въ пользу свободы стачекъ,—но свободы стачекъ съ намордникомъ: предлагалось издать особые уголовные законы противъ злоупотребленія ею. Привлеченные къ совѣщаніямъ рабочіе замѣтили, правда, это скрытое намѣреніе, но еще раньше чѣмъ они успѣли выразить свое недовольство, почтенный Гнейстъ захватилъ ихъ врасплохъ, ловко воспользовавшись для этого порядкомъ дня, и Центральный ферейнъ высказался за такую свободу коалицій, которая фактически не была ею. Раздраженіе по этому поводу все шире распространялось въ рабочемъ мірѣ, и Берлинскій рабочій ферейнъ созвалъ на 22 января 1865 г. массовое собраніе въ Tonhalle, чтобы протестовать противъ резолюцій Центральнаго ферейна, въ особенности—противъ всякаго ограниченія свободы коалицій, не установленнаго общими законами страны.

Этимъ движеніемъ весьма искусно воспользовался „*Соціаль-демократъ*". Не скрывая того, что свобода коалицій есть простой логическій выводъ изъ либеральнаго хозяйственнаго строя и не имѣетъ ничего общаго съ соціализмомъ, онъ защищалъ ее какъ неотъемлемое право рабочаго класса. На рабочее собраніе отъ 22 января были приглашены прогрессистскіе депутаты, но изъ нихъ явилось только человѣкъ 20, и среди этихъ великихъ народолюбцевъ ни одинъ не нашелъ даже словечка, которое согрѣло бы сердца рабочихъ. Они старались изобразить заправилъ Центральнаго ферейна благородными друзьями человѣчества и заявляли, что рабочіе не должны удивляться, если прогрессистская партія отстаиваетъ и другіе интересы, кромѣ интересовъ рабочаго класса. Съ своей стороны рабочіе явственно обнаружили въ своихъ рѣчахъ, что имъ прямо-таки надоѣло предводительство прогрессистовъ. Докладчикъ Дитманъ заявилъ, что культъ благородныхъ народолюбцевъ есть идолопоклонство и что рабочіе не хотятъ больше оставаться подъ властью исключительныхъ законовъ; пусть цѣнность всеобщаго избирательнаго права была преувеличена Лассалемъ, но вѣдь оно все-таки право рабочаго класса, а право должно остаться правомъ. Такъ говорилъ тотъ самый рабочій, который какихъ-нибудь два года назадъ предсѣдательствовалъ въ судѣ, предавшемъ анаѳемѣ Лассаля. Собраніе единогласно приняло предложенный Дитманомъ протестъ, и тогда Шульце вмѣстѣ съ Фаухеромъ дѣйствительно снизошли до внесенія въ палату депутатовъ предложенія, чтобы изъ прусскаго Промышлен-

наго Устава 1845 г. были вычеркнуты параграфы 181 и 182, изъ которыхъ первый запрещалъ стачки предпринимателей, а второй — стачки рабочихъ.

Тутъ вмѣшался однако „*Соціалъ-демократъ*" и раскрылъ непозволительную игру съ рабочими, которую представляло собою это предложеніе: дѣло въ томъ, что Шульце и Фаухеръ умолчали о параграфахъ 183 и 184 Промышленнаго Устава, изъ которыхъ первый угрожалъ денежнымъ штрафомъ и тюремнымъ заключеніемъ за образованіе союзовъ фабричными рабочими, подмастерьями, подручными или учениками, а второй грозилъ тѣми же карами за гражданско-правовое нарушеніе рабочими договора найма, равно какъ за грубое непослушаніе и упорную строптивость ихъ по отношенію къ хозяевамъ. Бернгардъ Беккеръ далъ уполномоченнымъ Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза инструкцію созвать повсюду большія рабочія собранія и провести на нихъ резолюцію о томъ, что предложеніе Шульце-Фаухера не удовлетворяетъ справедливыхъ притязаній рабочаго класса, что рабочіе должны требовать неограниченной свободы коалицій и устраненія всѣхъ исключительныхъ законовъ, содержащихся противъ нихъ въ Промышленномъ Уставѣ.

Попытка иниціаторовъ предложенія оправдать свой хитрый маневръ только подлила масла въ огонь. Шульце заявилъ, что параграфъ 183 уже отмѣненъ, молъ, конституціей, разрѣшающей всѣ союзы, направленіе которыхъ не противно уголовнымъ законамъ; прямо отмѣнить его значило бы подвергнуть сомнѣнію юридическую силу конституціи и посягнуть на священнѣйшія основныя права народа. Отговорка была въ лучшемъ случаѣ печальнымъ доказательствомъ того, что̀ эти господа осмѣливались предлагать рабочимъ. Согласно толкованію высшаго суда—формально обязательному, сколь бы предосудительно оно ни было —ограничительные спеціальные законы не отмѣнялись общими началами конституціи. Устраненіе параграфа 183 не посягало ни на какое „священное основное право", а удаляло только закорючку, дѣлавшую право союзовъ пролетаріата еще болѣе призрачнымъ, чѣмъ право союзовъ буржуазіи. Далѣе Шульце сказалъ, что параграфъ 183, можетъ быть, и отвратителенъ, но онъ не можетъ быть отмѣненъ мимоходомъ, а только вмѣстѣ съ тѣми ограниченіями, которыя вообще еще стѣсняютъ личную свободу. Если Шульце дѣйствительно былъ настолько ограниченъ, чтобы искренно вѣрить въ значеніе этой увертки, то „*Volkszeitung*" была безспорно еще иск-

реннѣе, заявивъ, что прогрессистская партія хочетъ сохранить уголовное наказаніе за нарушеніе договора личнаго найма, натурально—только для рабочихъ. Газета милостиво соглашалась, что наказанія, устанавливаемыя параграфомъ 184, могутъ быть смягчены, но рабочій, нарушающій договоръ, совершаетъ юридическую неправду, а неправда должна быть караема. Только „невѣжественные наускиватели" могутъ утверждать, что уголовныя кары за нарушеніе договора личнаго найма имѣютъ какое-либо отношеніе къ свободѣ коалицій, „и вотъ подобнаго сорта господа натравляютъ васъ, рабочіе, на людей, которые со знаніемъ дѣла, осмотрительно и заботливо отстаиваютъ ваши интересы".

Въ тотъ самый день, какъ разразилось это нравственное негодованіе, „богатые знаніями, осмотрительные и заботливые люди" рѣшили сдѣлать то, чего требовали „невѣжественные наускиватели": комиссія палаты депутатовъ, которой поручено было обсудить предложеніе Шульце-Фаухера, распространила его также на параграфы 183 и 184. Хлыстъ соціалъ-демократовъ поднялъ прогрессистскихъ трибуновъ съ сибаритскаго капиталистическаго ложа; Фаухеръ со вздохомъ призналъ, что „серьезное распространеніе движенія" не допускаетъ дальнѣйшихъ колебаній. Въ серединѣ февраля состоялись въ палатѣ депутатовъ знаменитые дебаты о свободѣ коалицій, вызвавшіе въ этомъ представительствѣ денежныхъ мѣшковъ такое же смѣшеніе языковъ, какъ при вавилонскомъ столпотвореніи. Шульце кричалъ: не разнуздывайте звѣря, Фаухеръ объявлялъ трэдъ-юніоны реакціоннымъ пережиткомъ средневѣковыхъ цеховъ, Леоноръ Рейхенгеймъ разыгрывалъ изъ себя оскорбленную невинность и прославлялъ силезскихъ текстильныхъ фабрикантовъ, какъ любвеобильнѣйшихъ доброжелателей страждущаго человѣчества. Четвертый герой прогресса обѣщалъ, что товарищества Шульце сдѣлаютъ рѣшительно каждаго рабочаго зажиточнымъ бюргеромъ, пятый полагалъ, наоборотъ, что можно помочь отдѣльнымъ рабочимъ, но не рабочему классу, шестой возбуждалъ бурный смѣхъ прелестной остротой, что Альбертъ Ланге относится къ Лассалю, какъ Книппердоллингъ къ Магомету. Опьяненное этими ораторскими тріумфами, прогрессистское большинство хотѣло затѣмъ принять предложеніе комиссіи, но когда оно ближе присмотрѣлось къ своему дѣтищу, то оказалось, что, не понявъ совершенно ясной постановки вопроса президентомъ, оно постановило отмѣнить только параграфы 181 и 182. Вполнѣ естественно, что рабочіе заподозрили въ этомъ смѣхотворномъ казусѣ

коварную уловку; однако *„Соціалъ-демократъ“* успокоилъ ихъ: онъ писалъ, что въ рабочемъ собраніи подобная оплошность была бы, конечно, невозможна, но на этотъ разъ злая воля основательно изгнана изъ прогрессистовъ энергичнымъ выступленіемъ рабочихъ. Великіе парламентаріи хотѣли лишь показать, что тамъ, гдѣ кончается ихъ злая воля, начинается ихъ бездарность.

Консервативная партія и правительство показали себя въ преніяхъ о свободѣ коалицій съ не лучшей стороны, чѣмъ прогрессисты. Вагенеръ выступилъ со своимъ любимымъ конькомъ—всеобщаго, но искаженнаго въ сословномъ направленіи избирательнаго права—и внесъ знаменитое предложеніе побудить правительство, чтобы оно взяло на себя иниціативу въ разрѣшеніи соціальнаго вопроса. Бисмаркъ фантазировалъ на тему о „короляхъ оборванцевъ“ (rois des gueux), которыми будто бы всегда выказывали себя Гогенцоллерны. Министръ торговли ф.-Итценплитцъ офиціально заявилъ, что правительство готово дать свободу коалицій, но этимъ далеко еще не все сдѣлано: предполагается назначить комиссію, куда будутъ привлечены также предприниматели и рабочіе, для обсужденія вопроса о возможности „значительнаго улучшенія матеріальнаго быта рабочихъ“ путемъ развитія современнаго кооперативнаго дѣла, потребительныхъ, кредитныхъ и производительныхъ товариществъ. *„Соціалъ-демократъ“* отнесся серьезно къ этому заявленію или сдѣлалъ видъ, что принимаетъ его въ серьезъ, желая использовать его противъ прогрессистовъ; вѣроятно, это и былъ пунктъ, не понравившійся Марксу въ позиціи, занятой Швейцеромъ относительно стачечнаго движенія. Въ прочихъ отношеніяхъ эта позиція вполнѣ соотвѣтствовала воззрѣніямъ, которыя часто высказывалъ Марксъ.

Какой-либо сектантской тенденціи нельзя открыть и слѣда въ тогдашнемъ *„Соціалъ-демократѣ“*. Повсюду онъ пользовался фактическими движеніями рабочаго класса, чтобы энергично отстаивать пролетарскіе интересы. Онъ помогалъ совѣтомъ и дѣломъ чулочникамъ въ Апольдѣ, суконодѣламъ въ Бургѣ, наборщикамъ въ Лейпцигѣ, вообще вездѣ, гдѣ поднималась борьба за лучшія условія труда. Особенно большое вниманіе обратила на себя лейпцигская стачка наборщиковъ весною 1865 г.; это была первая забастовка, которая могла сколько-нибудь развернуться, такъ какъ въ королевствѣ Саксоніи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ существовала нѣкоторая свобода коалицій. Наборщики добивались повышенія заработной платы, котораго они лишь наполовину до-

стигли послѣ 10-недѣльной борьбы; сила ихъ была сломлена вслѣдствіе того, что книгопечатнямъ удалось привлечь въ достаточномъ числѣ штрейкбрехеровъ. „*Соціалъ-демократъ*“ былъ почти единственной въ Германіи газетой, не нападавшей на забастовщиковъ и не осыпавшей ихъ бранью, и буквально единственной, съ искусствомъ и выдержкой защищавшей ихъ дѣло. Газета краснорѣчиво разъясняла рабочимъ, насколько предосудителенъ образъ дѣйствій срывателей стачекъ, а это что-нибудь значило въ такое время, когда Зоннеманъ и подобные ему друзья рабочихъ восхваляли срываніе стачки, какъ необыкновенно достойный подвигъ, и превозносили, напримѣръ, франкфуртскихъ кузнецовъ, парализовавшихъ, въ качествѣ „черноногихъ“, стачку парижскихъ кузнецовъ.

Этимъ ходомъ вещей вполнѣ объясняется, почему масса Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза высказалась въ пользу тактики Швейцера. Какое-либо пристрастіе къ его личности не играло тутъ никакой роли. Швейцеръ былъ попрежнему очень мало любимъ среди рабочихъ; на дюссельдорфскомъ общемъ собраніи онъ не былъ выбранъ вновь въ правленіе, когда по жребію выступилъ изъ послѣдняго, и признаніе „*Соціалъ-демократа*“ органомъ Союза произошло также не безъ затрудненій. Признавая тактику Швейцера наиболѣе полезной для пролетарскихъ интересовъ, рабочія массы руководились исключительно своимъ естественнымъ классовымъ инстинктомъ. Всего менѣе пугало ихъ мнимое „кокетничанье съ реакціей“. Политика либеральной буржуазіи вызвала въ пролетаріатѣ такое отвращеніе къ этой партіи, что Швейцеръ съ полнымъ правомъ могъ тогда, какъ и впослѣдствіи, отвергнуть отъ себя упрекъ, будто онъ натравливаетъ рабочихъ на буржуазную оппозицію; онъ могъ съ полнымъ правомъ говорить, что не только не разжигаетъ ненависти къ прогрессистской партіи, а напротивъ, довольно часто сдерживаетъ ее по разсудочнымъ мотивамъ политики.

Первое рѣшеніе въ пользу его тактики было вынесено рейнско-вестфальскимъ рабочимъ съѣздомъ, происходившимъ 12 марта въ Барменѣ; на съѣздъ прислали своихъ представителей Дюссельдорфъ, Эльберфельдъ, Вермельскирхенъ, Золингенъ, Изерлонъ и нѣкоторыя меньшія общины. Было постановлено, что рабочіе могутъ быть вполнѣ довольны поведеніемъ „*Соціалъ-демократа*“, такъ какъ онъ оберегаетъ независимость рабочей партіи; вѣрно также, что нужно выждать правительственныхъ предложеній по

рабочему вопросу, прежде чѣмъ судить о нихъ: нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что правительство отмѣнитъ трехклассные выборы и введетъ вмѣсто нихъ всеобщее избирательное право. Изъ трехъ ораторовъ, защищавшихъ эту резолюцію, двое принадлежали къ старымъ революціонерамъ временъ „*Neue Rheinische Zeitung*": это были Гильманъ и Резеръ, не отказавшійся отъ служенія дѣлу коммунизма, какъ это сдѣлали Беккеръ и Бюргерсъ, вмѣстѣ съ которыми онъ былъ осужденъ въ процессѣ коммунистовъ. Резолюція рейнско-вестфальскаго съѣзда партіи получила постепенно одобреніе всѣхъ общинъ Союза. Вторая годовщина Союза, отпразднованная 23 мая 1865 г. во Франкфуртѣ въ присутствіи делегатовъ отъ 32 общинъ, прошла въ приподнятомъ настроеніи; въ то же время „*Соціалъ-демократъ*" объявилъ, что съ 1-го іюля онъ начнетъ выходить ежедневно.

Правда, существовала еще оппозиція, изъ которой развились особыя оппозиціонныя общины въ Берлинѣ, Альтонѣ, Кельнѣ, Золингенѣ, Майнцѣ и другихъ мѣстахъ. Они нашли себѣ общій органъ въ „*Полярной Звѣздѣ*" („*Nordstern*"), предложившей себя въ распоряженіе графини Гацфельдтъ. Если кто хочетъ еще теперь имѣть вещественное, такъ сказать, доказательство того, почему тактика Швейцера должна была побѣдить, то достаточно положить рядомъ „*Соціалъ-демократъ*" и „*Полярную Звѣзду*" за 1865 г. Изъ перваго выпукло и ярко выступаетъ предъ нами все, что жило и дѣйствовало въ тогдашнемъ рабочемъ мірѣ, во второй мы находимъ только немногіе туманные силуэты его. Глубокій смыслъ заключался въ словахъ Лассаля, что духъ массъ, сообрезно ихъ массовому положенію, направленъ всегда на объективныя, дѣловыя цѣли, что голоса отдѣльныхъ, самолюбивыхъ лицъ тонутъ въ этомъ аккордѣ голосовъ, не будучи даже услышаны. Сколько такихъ голосовъ безслѣдно заглохло въ „*Полярной Звѣздѣ*!" Если ограничиться только болѣе извѣстными именами, то помѣщенныя въ этой газетѣ заявленія Гервега и Рюстова были тѣмъ беднѣе содержаніемъ, чѣмъ болѣе пышный видъ они имѣли. Рабочіе могли также весьма равнодушно отнестись къ тому, что Мартини, никогда не интересовавшійся Союзомъ, теперь впервые обмакнулъ свое перо въ чернила, чтобы заявить о своемъ уходѣ изъ него. Даже „откровенное слово", которымъ честный Іоганнъ-Филиппъ Беккеръ донималъ въ рядѣ номеровъ „Бернардика", должно было подѣйствовать въ концѣ концовъ утомляющимъ образомъ. Этотъ старый борецъ попытался, по крайней мѣрѣ, органи-

зовать оппозиціонныя общины. Однако, единственнымъ результатомъ его усилій было то, что онѣ совершенно распались. Противъ его плана обратить президентство Союза въ директорію изъ 3 членовъ, подчиненную контролю комитета изъ 11 членовъ, возстала изо всѣхъ силъ графиня Гацфельдтъ, и дѣло кончилось ничѣмъ, послѣ одного или двухъ делегатскихъ собраній, состоявшихся въ Лейпцигѣ и не давшихъ никакихъ положительныхъ результатовъ. Обломки оппозиціи вернулись затѣмъ большей частью къ старому ядру партіи.

Марксъ и Энгельсъ не имѣли ко всему этому никакого отношенія, но Либкнехтъ столкнулся очень скоро въ берлинской оппозиціонной общинѣ со сторонниками графини Гацфельдтъ, съ которыми онъ, конечно, ни въ какомъ случаѣ не могъ столковаться. Рядомъ съ этимъ Либкнехтъ читалъ въ ферейнѣ типографскихъ подмастерьевъ лекціи о крестьянской войнѣ, о которыхъ „*Соціалъ-демократъ*“ далъ благопріятный и объективный отзывъ. Лѣтомъ 1865 г. Либкнехтъ былъ высланъ изъ Пруссіи и почти въ одно время съ нимъ той же участи подвергся Бернгардъ Беккеръ. Феодальная реакція всегда старается съ чисто материнскою заботливостью о томъ, чтобы одинаково грубымъ своимъ отношеніемъ къ различнымъ направленіямъ рабочаго движенія выяснить этому послѣднему необходимость крѣпко сомкнуть свои ряды.

---

4. Тактика и организація.

Буржуазная оппозиція въ палатѣ депутатовъ покрыла себя своеобразными лаврами не только въ преніяхъ о свободѣ коалицій. Въ шлезвигъ-голштинскомъ вопросѣ она вообще не имѣла больше программы, и всего менѣе она имѣла таковую въ конституціонномъ конфликтѣ. Даже со своими преувеличенно рѣзкими словами она не двигалась больше съ мѣста. Когда Гнейстъ угостилъ военнаго министра „каиновой печатью клятвопреступленія“, и Роонъ сухо возразилъ, что Гнейстъ „нахалъ“, то провинившійся депутатъ смиренно поджалъ хвостъ, а предсѣдательствовавшій въ этотъ моментъ вице-президентъ ф.-Унру удовольствовался тѣмъ, что скорчилъ удивленную физіономію, словно котъ, услышавшій громъ.

Отъ столь жалкаго положенія вещей старому Циглеру, попавшему въ эту компанію, стало разъ не въ моготу, — и въ потря-

сающей рѣчи, какая врядъ ли когда раздавалась въ зданіи палаты, онъ крикнулъ прогрессистской партіи горькія слова Армана Марраста: „Извращенность проникла у васъ въ мозгъ, вы не въ состояніи больше мыслить, какъ слѣдуетъ". Въ берлинской „*Реформѣ*" Гвидо Вейссъ писалъ по поводу рѣчи: „Начавъ въ безобидномъ тонѣ, не спѣша развивая свою мысль, даже дѣлая отступленія въ пестрыхъ картинахъ пережитаго, она вдругъ прыгнула на улыбающагося слушателя и нанесла ему ударъ острыми когтями,—не знаемъ лишь, въ грудь ли, или только въ толстое брюхо". Увы, только въ брюхо. „*Народная Газета*" замолчала рѣчь, отведя ей семь непонятныхъ строчекъ, а въ „*Эльберфельдской Газетѣ*" одинъ офиціозный парламентскій корреспондентъ высказался въ томъ смыслѣ, что Циглеръ—комическій персонажъ палаты: толку отъ его рѣчей немного, но все же онѣ забавны. Это стоячее болото нельзя было больше всколыхнуть, даже когда его хлестали розгами.

Послѣ того, какъ сессія ландтага закрылась въ іюнѣ среди традиціонной перебранки, прогрессистская партія захотѣла по обыкновенію прославить при звонѣ бокаловъ подвиги, которыхъ она не совершила. На этотъ разъ Бисмаркъ разстроилъ, однако, ея планъ, потому ли, что онъ не въ состояніи былъ подавить въ себѣ врожденные насильническіе инстинкты,—предположеніе всегда вѣроятное относительно него, — или потому, что онъ самъ, какъ многіе тогда думали, страдалъ отъ жалкаго состоянія оппозиціи и хотѣлъ немного подстегнуть ее, чтобы сдѣлать себя въ глазахъ короля болѣе необходимымъ въ качествѣ спасителя отечества. 11-го іюля начальникъ кельнской полиціи запретилъ банкетъ депутатовъ, который долженъ былъ состояться въ рейнской столицѣ 22-го и 23-го іюля. Запрещеніе было актомъ чистѣйшаго полицейскаго произвола, оно лишено было всякаго законнаго основанія или хотя бы только кажущагося основанія. Была минута, когда могло показаться, что прогрессистская партія наконецъ рѣшилась вести себя мужественно. Кельнскій комитетъ по устройству празднества, во главѣ котораго стоялъ городской гласный Классенъ-Каппельманъ, объявилъ во всеобщее свѣдѣніе, что празднество, несмотря ни на что, состоится, и изъ 250 приглашенныхъ депутатовъ 160 обѣщали явиться, отчасти въ очень рѣзкихъ письмахъ.

„*Соціалъ-демократъ*" поспѣшилъ, съ своей стороны, обратиться къ рабочимъ съ приглашеніемъ энергично поддержать прогрес-

систскую партію въ томъ случаѣ, если она дѣйствительно хочетъ защищать на праздникѣ одно изъ правъ гражданина. По распоряженію Бернгарда Беккера повсюду въ Германіи, гдѣ былъ представленъ Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ, состоялись 23-го іюля большіе рабочіе митинги, на которыхъ рабочіе выразили свое полное сочувствіе прогрессистской партіи и обѣщали ей свою дѣятельную поддержку въ охраненіи существующаго по закону права собраній. На берлинскомъ митингѣ былъ по предложенію Швейцера выбранъ постоянный комитетъ для обсужденія дальнѣйшихъ шаговъ, и этотъ комитетъ созвалъ на 30-го іюля массовый митингъ въ Альгамбру. Тѣмъ временемъ „*Соціалъ-демократъ*“ почти ежедневно подвергался полицейской конфискаціи, берлинская и магдебургская общины Союза были распущены якобы за нарушеніе закона о союзахъ, а Бернгардъ Беккеръ получилъ приказъ въ теченіе 24 часовъ оставить прусскую территорію. Тѣмъ больше народу привлекло массовое собраніе 30-го іюля; оно выразило энергичный протестъ противъ высылки Беккера и Либкнехта, равно какъ противъ всякаго ограниченія права союзовъ и собраній.

Но буржуазная оппозиція была весьма далека отъ подобной энергіи. Вмѣсто 160 депутатовъ, обѣщавшихъ пріѣхать, въ Кельнъ явилось только 80. Въ особенности замѣтно было отсутствіе президентовъ палаты депутатовъ; взамѣнъ себя Грабовъ прислалъ свой бюстъ вѣсомъ въ 45 фунтовъ, чтобы къ нему могли обращаться съ привѣтственными тостами и кликами „hoch!“ Подобно гостямъ, хозяева празднества также были безъ главы: Классенъ-Каппельманъ уѣхалъ на оба дня празднества въ Бельгію изъ боязни, что его могутъ арестовать. Для публики геройское бѣгство оправдывалось тѣмъ, что арестъ народнаго любимца можетъ вызвать кровопролитную драку, которой во что бы то ни стало нужно избѣжать; по секрету же авгуры были согласны между собою относительно того, что послѣ ареста Классена-Каппельмана испарились бы и тѣ нѣсколько десятковъ депутатовъ, которые еще явились. Пиршеству въ Кельнѣ помѣшали затѣмъ войско и полиція. На слѣдующій день участники празднества отправились въ Оберланштейнъ, гдѣ они устроили свой пиръ безъ помѣхи со стороны нассауской арміи, явившейся на сцену слишкомъ поздно. Однако до протеста противъ полицейскаго произвола дѣло не дошло; ограничились благодарственнымъ письмомъ Классену-Каппельману, подписать которое также отважились

только 46 депутатовъ. Профессоръ Экгардтъ, южно-германскій демократъ, пріѣхавшій въ Кельнъ, чтобы смотрѣть съ восторгомъ на обѣщанные геройскіе подвиги прогрессистовъ, писалъ полусмѣясь, полувозмущенный: „Бисмаркъ, ты можешь спокойно спать! Эти господа не сдѣлаютъ никакой революціи, они хотятъ быть предметомъ безобидныхъ чествованій, спокойно кушать, красиво говорить, фигурировать въ газетахъ, но оказать тебѣ сопротивленіе—нѣтъ, по крайней мѣрѣ—не при помощи оружія, скорѣе—негодованія" *). Съ еще большимъ чувствомъ горечи писалъ либеральный историкъ Баумгартенъ, жившій тогда заграницей: „Я хотѣлъ бы, чтобы господа, устроившіе этотъ банкетъ, были въ теченіе послѣдовавшихъ недѣль заграницей и видѣли, съ какимъ пренебреженіемъ европейскія націи говорили о Германіи".

Подъ Германіей нужно разумѣть, однако, лишь германскую буржуазію, такъ какъ нѣмецкіе рабочіе въ полной мѣрѣ выполнили свой долгъ, не заботясь о благодарности буржуазіи, которой они не требовали и не получили. Въ Берлинѣ *«Народная Газета»* брюзжала по поводу того, что приверженцы Шульце изъ рабочихъ шли въ силу общаго интереса заодно съ приверженцами Лассаля, въ Кельнѣ бравые бюргеры срывали уличныя афиши, приглашавшія рабочихъ на митингъ протеста, а во Франкфуртѣ Зонеманъ писалъ съ нескрываемымъ злорадствомъ: „Соціалъ-демократы играютъ va banque и проиграютъ игру". Для боязливыхъ буржуа, которые ни за что такъ не дрожали, какъ за капиталъ, вложенный въ ихъ газеты, быть можетъ и представлялось проигранной игрой, когда *«Соціалъ-демократъ»* былъ съ небольшими промежутками конфискованъ 12 разъ полиціей и почти столько же разъ подвергся судебнымъ преслѣдованіямъ на основаніи всевозможныхъ каучуковыхъ параграфовъ, принесшихъ отвѣтственному редактору Швейцеру въ общей сложности 16 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія и лишеніе на одинъ годъ почетныхъ гражданскихъ правъ. Но въ политическомъ смыслѣ игра была выиграна, весьма выиграна. Ни одна газета въ Германіи не защищала угрожаемаго права союзовъ хотя бы и въ отдаленной степени съ такой послѣдовательностью и мужествомъ, какъ „*Соціалъ-демократъ*"; въ этой борьбѣ, какъ уже раньше въ борьбѣ за право коалицій, рабочіе нашли въ „*Соціалъ-демократѣ*" вождя,

*) Игра словъ: Rüstung—боевое снаряженіе, Entrüstung—негодованіе.—*Перев.*

на котораго можно было неизмѣримо больше положиться, чѣмъ на всю прогрессистскую печать. Поворотъ въ воззрѣніяхъ рабочихъ выступилъ настолько рѣзко, что когда Берлинскій рабочій ферейнъ пригласилъ Шульце-Делича прочесть 1-го октября публичную лекцію въ Альгамбрѣ, то послѣдній далъ обѣщаніе лишь подъ условіемъ, чтобы лекція не сопровождалась никакими преніями.

Гарантированный противъ всякихъ неудобныхъ возраженій, Шульце закончилъ свою лекцію тонкимъ замѣчаніемъ, что всѣмъ соціалистамъ мѣсто въ сумасшедшемъ домѣ. Ссылаясь на эти слова, Швейцеръ созвалъ берлинскихъ рабочихъ также въ Альгамбру на 8-ое и 15-ое октября, чтобы при полной свободѣ обсужденія развить имъ соціалистическую программу и доказать, что она не такая безумная, какъ утверждаетъ Шульце. Рабочіе явились толпами. Они скоро замѣтили, что предлагаемая имъ умственная пища совершенно иного сорта, нежели заимствованные напѣвы Шульце, и ихъ интересъ такъ быстро возросъ, что упомянутый выше постоянный комитетъ изъ рабочихъ, выбранный по поводу кельнскаго банкета, созвалъ на 6 ноября массовый митингъ въ Альгамбру для преній относительно „обоихъ главныхъ направленій въ соціальномъ вопросѣ". Комитетъ пригласилъ, съ одной стороны, Шульце-Делича, Фаухера, Принсъ-Смита и Михаэлиса, съ другой—Швейцера и Вутке. Шульце и Фаухеръ были въ отъѣздѣ, Вутке не могъ явиться по другой причинѣ, а Михаэлисъ и Принсъ-Смитъ надменно отказались придти. Въ переполненномъ собраніи Швейцеръ не нашелъ больше ни одного противника, который хотя бы сколько-нибудь былъ равенъ ему по силамъ. Онъ совершенно правильно оцѣнилъ свой успѣхъ, сказавъ, что въ виду массы предразсудковъ, распространяемыхъ господствующими классами, трудно, конечно, въ систематической формѣ познакомить рабочихъ съ соціалистическими принципами, но разъ это удается, послѣдніе съ непреодолимой силой достигаютъ все болѣе рѣшительнаго господства. Рядомъ съ такими открытыми для всѣхъ рабочими собраніями, Швейцеръ устраивалъ еще, взамѣнъ распущенной полицейскими властями общины Союза, открытыя собранія соціалъ-демократическихъ рабочихъ, на которыя являлось отъ 400 до 500 лицъ. Къ сожалѣнію, многообѣщающая агитація была скоро прекращена арестомъ Швейцера, послѣдовавшимъ въ послѣднихъ числахъ ноября, тотчасъ послѣ перваго осужденія его.

Все это встревожило въ концѣ концовъ прогрессистскую пар-

тію. По свидѣтельству Альберта Ланге, вожди ея тотчасъ послѣ смерти Лассаля отдали пароль—замалчивать рабочее движеніе, но эта тактика не дала большихъ результатовъ. Затѣмъ, когда защита права союзовъ рабочей партіей произвела глубокое впечатлѣніе во всей Германіи, то противовѣсъ ему долженъ былъ составить слухъ, что въ феодальныхъ кругахъ устраиваются денежные сборы въ пользу Швейцера и Гофштеттена. Дважды пущенная анонимно въ прогрессистскихъ газетахъ, эта жалкая клевета дважды потерпѣла фіаско. Въ третій разъ ее подхватилъ послѣ ареста Швейцера бравый Евгеній Рихтеръ; прибавивъ къ ней нѣсколько фразъ, выхваченныхъ изъ личной полемики, происходившей во время кризиса во Всеобщемъ Германскомъ Рабочемъ Союзѣ, онъ изъ всего этого состряпалъ безсмысленную сплетню, которую издалъ анонимно подъ заглавіемъ *„Исторія соціалъ-демократической партіи въ Германіи послѣ смерти Фердинанда Лассаля“*. Памфлетъ отличался такой же злобностью, какъ характеръ его составителя, тѣмъ не менѣе прогрессистская партія со значительными издержками разослала его всѣмъ доступнымъ для нея рабочимъ ферейнамъ. Фридрихъ Стефани, впослѣдствіи достойный товарищъ Евгенія Рихтера по части осыпанія бранью рабочаго класса, отказался тогда, въ качествѣ предсѣдателя Пригороднаго Ремесленнаго Ферейна, раздать членамъ присланный ему даромъ тюкъ этой грязной брошюры; сверхъ другихъ лестныхъ замѣчаній по адресу автора, онъ сказалъ въ публичномъ заявленіи: „Эта «исторія» соціалъ-демократической партіи представляетъ собою въ высшей степени непріятный, если не прямо отвратительный пасквиль противъ отдѣльныхъ лицъ соціалъ-демократической партіи, въ особенности противъ редактора ф. Швейцера, который сидитъ теперь въ тюрьмѣ и потому не имѣетъ даже возможности защищаться“. Если такъ выражался сомнительный другъ рабочихъ, то легко представить себѣ, какая участь суждена была этой дряни, когда она попадала въ настоящія рабочія руки.

Нечего было дѣлать: „королю въ соціальномъ царствѣ“ приходилось выступить съ „научнымъ“ опроверженіемъ соціализма, если онъ хотѣлъ и впредь импонировать рабочимъ. И вотъ почти черезъ 2 года послѣ появленія лассалевскаго *„Бастіа-Шульце“*, Шульце-Деличъ опубликовалъ свой отвѣтъ подъ заглавіемъ „Упраздненіе предпринимательскаго риска г-омъ Лассалемъ“ (*„Die Abschaffung des geschäftlichen Risiko durch Herrn Lassalle“*). Продолжительность работы, вопреки поговоркѣ, не сдѣлала ея лучшей.

Правда, Шульце удалось выудить одно, два противорѣчія въ разсужденіяхъ Лассаля о производительныхъ ассоціаціяхъ при содѣйствіи государственнаго кредита, поскольку это требованіе Лассаля носило еще на себѣ нѣкоторые слѣды мелкобуржуазнаго соціализма, но даже столь незначительнаго успѣха апостолъ бережливости достигъ только при помощи фикціи, что лассалевскія требованія были вообще разсчитаны на капиталистическое общество, на міръ индивидуальныхъ хозяйствъ, имѣющихъ своимъ основаніемъ капиталъ и спекуляцію. Въ общемъ же обѣ „мысли", на которыхъ покоилась книжка Шульце, угощали другъ друга, подобно двумъ клоунамъ въ циркѣ, звонкими оплеухами. Чтобы расхвалить свою самопомощь, Шульце объявлялъ, что экономическая судьба отдѣльнаго человѣка зависитъ главнымъ образомъ отъ его личныхъ способностей и дѣловитости; для спасенія же предпринимательской прибыли онъ заявлялъ, наоборотъ, что кто вкладываетъ свой трудъ и состояніе въ какое-нибудь дѣло, тотъ постоянно подвергается опасности потерять то и другое и за этотъ неустранимый рискъ долженъ быть вознагражденъ прибылью на капиталъ. Понятно, что буржуазная печать отмѣтила эту пачкотню какъ „блестящее опроверженіе" Лассаля, но въ тѣхъ кругахъ, для которыхъ она собственно предназначалась, она подверглась уничтожающей критикѣ.

Подъ духовнымъ вліяніемъ соціалъ-демократической агитаціи образовательные рабочіе ферейны становились все болѣе строптивыми. Уже на своемъ третьемъ съѣздѣ, происходившемъ въ августѣ 1865 г. въ Штутгартѣ, они приняли резолюцію о томъ, что каждый рабочій долженъ участвовать въ борьбѣ за всеобщее избирательное право, а теперь ихъ органъ, „*Кобургская Рабочая Газета*", всегда такъ храбро бранившій Лассаля и такъ хорошо отзывавшійся о Шульце, разнесъ новѣйшее произведеніе Шульце, какъ смѣсь неисправимой ограниченности и лукаваго обмана. Свою рецензію газета заканчивала слѣдующими словами: „Право, даже не заинтересованный лично критикъ принужденъ сдерживаться изо всѣхъ силъ, чтобы не дать выхода своему оскорбленному чувству справедливости въ сильнѣйшемъ взрывѣ заслуженнѣйшаго негодованія и не бросить автору упрека въ разсчитанномъ вѣроломствѣ. Но какимъ образомъ г. Шульце доходитъ до такихъ вещей, глубоко задѣвающихъ человѣческую совѣсть? Какъ объяснить себѣ фактъ, что человѣкъ, пользовавшійся до сихъ поръ уваженіемъ, оказывается столь безсовѣстнымъ? Очевидно,

что какой-то изъянъ въ головѣ сбиваетъ съ толку его сердце. Мы видимъ только одно рѣшеніе загадки: г. Шульце слѣпо стоитъ на точкѣ зрѣнія предпринимателей и не можетъ себѣ даже представить такого строя, въ которомъ прекратилась бы теперешняя конкурренція индивидуальныхъ капиталовъ, прекратилась спекуляція и война всѣхъ милліоновъ талеровъ между собою. О рабочемъ г. Шульце ничего не знаетъ, такъ таки ни одного слова, хотя онъ удивительнымъ образомъ всегда обращается къ рабочимъ... О борьбѣ крупнаго капитала съ наемнымъ трудомъ, этомъ гигантскомъ вопросѣ, онъ не знаетъ ни аза; онъ ни аза не понимаетъ въ огромномъ кризисѣ 19-го столѣтія. Онъ топчется и бьется надъ второстепеннымъ вопросомъ: при помощи какихъ средствъ можетъ удержаться ремесло противъ распространенія крупной промышленности? Вотъ его спеціальность, тутъ слѣдовало бы предоставить ему полную свободу, тутъ онъ никого не стѣсняетъ. Если бы г. Шульце только зналъ свою колодку, если бы онъ только не утверждалъ всегда, что говоритъ о „рабочемъ вопросѣ" или даже разрѣшаетъ рабочій вопросъ! Мы надѣемся оказать ему настоящей рецензіей ту услугу, что онъ наконецъ познаетъ самого себя и впредь будетъ высказывать свои мнѣнія только относительно практическихъ, государственно-полицейскихъ мѣропріятій, а отъ соціальнаго вопроса будетъ предусмотрительно держать свои пальцы подальше. Ибо если допустить даже, что Лассаль былъ величайшимъ пустомелей своего вѣка, то Шульце-Деличъ не становится еще оттого ни на іоту болѣе толковымъ человѣкомъ". Такимъ образомъ вѣрнѣйшіе вассалы начали бунтовать противъ „короля въ соціальномъ царствѣ".

Послѣ этой подготовительной работы съ буржуазной стороны Щвейцеръ самъ заигралъ къ танцу, на который отважился „мертвый Шульце противъ живого Лассаля". Онъ сдѣлалъ это въ рядѣ блестящихъ статей, написанныхъ въ тюрьмѣ,—единственной, къ сожалѣнію, экономической работѣ его, извѣстной и теперь еще въ большой публикѣ благодаря отдѣльной перепечаткѣ. Швейцеръ обратилъ здѣсь особое вниманіе на практическую осуществимость и громадныя преимущества обобществленнаго производства, а о производительныхъ ассоціаціяхъ при содѣйствіи государственнаго кредита говорилъ какъ о простомъ лишь переходномъ средствѣ; другими словами, онъ опирался гораздо больше на „*Бастіа-Шульце*", чѣмъ на „Открытое письмо" Лассаля. Такъ онъ всегда стремился, разсуждая въ *духѣ* Лассаля, отметать все,

что могло заключаться спорнаго и подающаго поводъ къ недоразумѣніямъ въ *словахъ* Лассаля. Взглядъ, будто Швейцеръ былъ эпигономъ Лассаля въ томъ смыслѣ, что онъ изъ-за скорлупы не видѣлъ ядра, совершенно неоснователенъ: достаточно перелистать старые годы „*Соціалъ-демократа*", чтобы убѣдиться въ полной безпочвенности этого взгляда.

Не то, чтобы Швейцеръ теоретически ушелъ дальше Лассаля, чтобы онъ открылъ точки зрѣнія, только позднѣе развитыя Марксомъ въ „*Капиталѣ*". Въ этомъ отношеніи можно лишь сказать, что Швейцеръ правильнѣе Лассаля сумѣлъ оцѣнить многое изъ болѣе раннихъ сочиненій Маркса. Въ пространной полемикѣ съ „*Norddeutsche Allgem. Zeitung*" онъ перепечаталъ разъ классическую программу историческаго матеріализма, изложенную Марксомъ въ предисловіи къ „*Zur Kritik*" (1859 г.), и сумѣлъ превосходно использовать ее для исторической характеристики великой французской революціи. Точно такъ же онъ разъяснилъ въ духѣ Маркса, что выраженіе „рабочее сословіе", часто употребляемое еще Лассалемъ, неточно, что старыя историческія сословія исчезли въ современномъ буржуазномъ обществѣ и на ихъ мѣсто вступили классы. Но въ вопросахъ, которые Марксъ поставилъ ясно только впослѣдствіи, въ главномъ своемъ трудѣ,— въ вопросахъ о желѣзномъ законѣ заработной платы, о морально-правовомъ воззрѣніи на прибавочную цѣнность и т. п.,—Швейцеръ слѣдовалъ по стопамъ Лассаля, съ тою лишь разницей, что онъ всегда шелъ по нимъ прямо въ направленіи къ ихъ революціонной конечной цѣли,—конечной цѣли, поставленной уже въ Коммунистическомъ Манифестѣ.

Производительныя ассоціаціи при содѣйствіи государственнаго кредита Швейцеръ разсматривалъ какъ клинъ, который долженъ расколоть капиталистическое общество и проложить дорогу соціалистическому. Онъ старательно предупреждалъ недоразумѣніе, будто при помощи указанныхъ ассоціацій предполагается создать новый классъ зажиточныхъ мелкихъ буржуа, и настойчиво подчеркивалъ, что производительныя ассоціаціи по принципамъ Лассаля и Шульце различаются между собою не степенью, а принципіально. Производительныя ассоціаціи, которыхъ хочетъ для рабочихъ буржуазія, представляютъ собою обыкновенныя предпріятія для полученія дохода, обыкновенныя денежныя спекуляціи, лишенныя болѣе глубокаго значенія, между тѣмъ какъ производительныя ассоціаціи, которыхъ добивается для себя пролета-

ріатъ, являются соціальными, охватывающими всего человѣка попытками осуществленія великой цивилизаторской идеи.

Полемизируя съ одной консервативной газетой, Швейцеръ писалъ по поводу лассалевскаго стомилліоннаго плана: „Всякій разумный и честно судящій человѣкъ знаетъ, что Лассаль хотѣлъ лишь показать этимъ, съ какими сравнительно небольшими средствами можно положить начало новому способу производства. Но никогда и нигдѣ онъ не говорилъ, что онъ принялъ бы теперь эти деньги, если бы они были предоставлены въ его распоряженіе, и что онъ желалъ бы употребленія ихъ на такія цѣли". Сообразно съ этимъ Швейцеръ всегда придавалъ большую важность правильному разъясненію идеи всеобщаго избирательнаго права и государственной помощи, которыхъ требовалъ Лассаль. Онъ нисколько не скрывалъ того, что всеобщее избирательное право представляется совершенно различной вещью, смотря по тому, требуетъ ли его буржуазная или соціальная демократія; не скрывалъ онъ также, что государство—вещь совершенно различная, смотря по тому, идетъ ли рѣчь о государствѣ имущаго, или государствѣ неимущаго класса. Для буржуазной демократіи имущихъ классовъ всеобщее избирательное право есть требованіе равноправія, свободной личности, для соціальной же демократіи, для демократіи рабочихъ классовъ, оно означаетъ непосредственное господство надъ всѣми органами государственной власти. Для имущихъ классовъ государство есть средство держать въ покорности неимущіе классы, для неимущихъ же классовъ оно есть средство уничтожить всѣ соціальныя неравенства. Поэтому имущіе классы чрезвычайно заинтересованы въ существованіи сильной государственной власти, но въ этомъ отнюдь не заинтересованы рабочіе классы. Ихъ интересъ заключается не въ томъ, чтобы во главѣ государственной власти стоялъ президентъ и всего менѣе безотвѣтственный президентъ, а — напротивъ, — въ томъ, чтобы самимъ вести государственныя дѣла черезъ отвѣтственные органы и чтобы государство совершенно покрывалось обществомъ. Конституціонная монархія и буржуазная республика представляютъ собою государственныя формы, наиболѣе совмѣстимыя съ интересами имущихъ классовъ, въ интересѣ же неимущихъ классовъ лежитъ соціальная республика, гдѣ верховное положеніе занимаетъ народъ, а не одинъ привилегированный общественный классъ или сильная, самодержавная королевская власть, которая изъ ревности къ могуществу имущихъ классовъ ищетъ себѣ

опоры въ массахъ. Такая монархическая власть не можетъ, конечно, уничтожить основы классоваго антагонизма и не можетъ дать политической свободы. Это возможно только путемъ установленія чистаго, соціальнаго народнаго государства, — идеальнаго государства, которое рабочій классъ долженъ добыть борьбою.

Только въ одномъ случаѣ Швейцеръ не оберегъ духовнаго наслѣдія Лассаля отъ фразъ, способныхъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ, а еще обогатилъ его одной такой фразой. Въ первую годовщину смерти Лассаля онъ напечаталъ черновикъ рѣчи, произнесенной Лассалемъ предъ берлинскими рабочими, гдѣ говорилось слѣдующее: „Насколько я отношусь съ особой враждебностью именно къ реакціи, насколько я отношусь враждебно къ прогрессистской партіи лишь въ той мѣрѣ, въ какой она сама стоитъ еще на одной почвѣ съ реакціей,—объ этомъ вы легче всего можете судить по заявленію, сдѣланному недавно въ палатѣ однимъ реакціоннымъ депутатомъ, графомъ Вартенслебеномъ. Дѣло въ томъ, что г. Вирховъ занесъ въ самое помѣщеніе палаты клевету, будто я нахожусь въ союзѣ съ реакціей. Въ отвѣтъ на это гр. Вартенслебенъ заявилъ буквально слѣдующее: «Лассаль такъ же мало можетъ быть названъ нашимъ союзникомъ, какъ союзникомъ прогрессистской партіи. Онъ стоитъ у воротъ, какъ нашъ общій врагъ". Противъ вѣрности этого заявленія нельзя ничего возразить. Графъ Вартенслебленъ называетъ меня общимъ врагомъ реакціонеровъ и прогрессистской партіи, который подступилъ уже къ воротамъ и котораго они должны, слѣдовательно, отразить общими силами. Предо мною исчезаютъ, такимъ образомъ, различія и противоположности, раздѣляющія въ прочихъ отношеніяхъ реакціонную и прогрессистскую партіи. Несмотря на эти различія, онѣ сливаются предо мною въ одну общую реакціонную партію". На эти слова Лассаля *„Соціалъ-демократъ"* часто ссылался въ ближайшее время, когда каждый почти день приносилъ газетѣ какую-нибудь новую клевету прогрессистовъ и новую полицейскую придирку. Отсюда развилась затѣмъ постепенно фраза о „реакціонной массѣ", будто бы образуемой всѣми другими партіями относительно рабочей партіи,—фраза, которая впослѣдствіи, когда настоящее происхожденіе ея было забыто крайне несправедливо стала разсматриваться какъ принципіальная часть лассалевской политики и въ этомъ смыслѣ вызвала много недоразумѣній. Правда, она вызвала ихъ больше въ теоріи

чѣмъ на практикѣ, ибо буржуазный либерализмъ врядъ ли когда упускалъ случай выказать рабочему движенію по меньшей мѣрѣ столь же яростную вражду, какъ феодальная реакція.

Нисколько не поступаясь соціалъ-демократическимъ принципомъ, Швейцеръ въ теченіе одного года достигъ своей тактикой значительныхъ успѣховъ. Пролетаріатъ майнскаго края, также какъ промышленнаго округа Бергишъ-Маркъ, проникся насквозь соціалистическими стремленіями. Изъ Гамбурга пропаганда проникла въ Шлезвигъ-Голштинію, изъ Дрездена и Лейпцига въ Хемницъ, Глаухау, въ Рудныя горы. Въ Брауншвейгѣ развилась многообѣщающая маленькая община подъ заботливымъ руководствомъ Вильгельма Бракке, молодого купца, который, горя огнемъ чистѣйшаго идеализма за дѣло бѣдныхъ и обездоленныхъ, сочеталъ въ себѣ пылкій энтузіазмъ съ практической энергіей. Въ прусской провинціи Саксонія Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ пустилъ развѣтвленія въ Магдебургѣ, Наумбургѣ, Эрфуртѣ, а отсюда распространился на тюрингенскія мелкія государства, Апольду, Веймаръ, Іену. Въ Остъ-Эльбіи силезскія общины развивались во все болѣе крѣпкую опору Союза, въ Штеттинѣ собирались первые сторонники, особенно же радостныя перспективы открывались въ Берлинѣ. И почти еще болѣе исполненнымъ значенія, чѣмъ непосредственное распространеніе Союза, было теченіе, которымъ пролетарское движеніе все сильнѣе увлекалось на сторону соціализма.

Практически необходимость классовой борьбы вдолбила въ голову рабочимъ массамъ то упорное сопротивленіе, которое встрѣчала со стороны буржуазіи всякая попытка улучшить ихъ жизненный бытъ, теоретически же онѣ были просвѣщены борьбою со своими товарищами соціалъ-демократами, въ которую всячески старалась втянуть ихъ буржуазія. Утвержденіе прогрессистовъ, что только негодные подонки пролетаріата жаждутъ золотого дождя лассалевскихъ казенныхъ денегъ, все больше оказывалось тенденціозной ложью. Фактъ, который тотчасъ же разглядѣлъ Альбертъ Ланге, вынуждены были теперь признать и болѣе умныя буржуазныя газеты, а именно, что въ соціалъ-демократическомъ движеніи участвуютъ какъ разъ наиболѣе интеллигентные и энергичные пролетаріи, что въ лицѣ Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза нарождается совсѣмъ иного рода сила, чѣмъ безобидные образовательные ферейны и потребительныя общества Шульце. Въ качествѣ энергичнаго агитаціоннаго средства не по-

слѣднюю роль сыграли соціалъ-демократическія празднества; проникнутый классовымъ сознаніемъ пролетаріатъ сумѣлъ уже съ первыхъ шаговъ своихъ показать разслабленной отъ старости буржуазіи, какъ должны праздновать свои торжества политическія партіи. Въ рѣчахъ, произносимыхъ на празднествахъ простыми рабочими, прорывалось богатство нарождающейся духовной силы; такъ, напр., рѣчь, произнесенная осенью 1865 г. на поминкахъ по Лассалѣ въ Аугсбургѣ стригалемъ-подмастерьемъ Валемъ, совсѣмъ еще молодымъ человѣкомъ, къ сожалѣнію умершимъ въ слѣдующемъ году отъ рака желудка, обратила на себя значительное вниманіе даже въ буржуазныхъ кругахъ.

Несмотря на всѣ эти успѣхи, задача, поставленная смертью Лассаля, была разрѣшена только на половину. Организація молодой рабочей партіи не стояла на одной высотѣ съ ея тактикой. Правда, строгая централизація Союза обнаружила столь крупныя преимущества при политическихъ выступленіяхъ въ пользу свободы коалицій и права союзовъ, что никому не могло придти въ голову посягнуть на нее. Она произвела моральныя дѣйствія, далеко превосходившія матеріальный политическій вѣсъ Союза. Но моральное дѣйствіе, какъ бы велико оно ни было, далеко еще не есть политическая сила; рядомъ съ духомъ, умѣющимъ просвѣщать и убѣждать, рабочее движеніе нуждалось еще въ тѣлѣ, которое могло бы дѣйствовать и наносить удары.

Въ этомъ отношеніи дѣло обстояло невесело. Какъ политическій организмъ, Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ все еще не стоялъ твердо на ногахъ: попрежнему ему не хватало опоры хорошаго финансоваго управленія. „*Соціалъ-демократъ*“ издавался на частныя средства Гофштеттена; онъ имѣлъ пока только нѣсколько сотъ подписчиковъ и далеко еще не покрывалъ своихъ расходовъ. Личная диктатура Лассаля выродилась въ рукахъ Бернгарда Беккера въ карикатуру. Немногія разумныя распоряженія, сдѣланныя Беккеромъ, были продиктованы ему Швейцеромъ; тамъ, гдѣ онъ пытался дѣйствовать самостоятельно, онъ почти всегда приносилъ только вредъ. Единственной его заслугой предъ Союзомъ осталась агитаціонная поѣздка, предпринятая имъ въ январѣ 1865 г. по ткацкимъ округамъ Силезіи. Подобно тому какъ онъ своимъ личнымъ вмѣшательствомъ обострилъ споръ между Марксомъ и Швейцеромъ, такъ онъ и въ другихъ отношеніяхъ ставилъ Союзъ въ неловкое положеніе, напр., когда разыгралъ изъ себя „президента человѣчества“ или, когда вызвалъ непріятный

трактирный скандалъ во Франкфуртѣ, явившись въ качествѣ непрошеннаго гостя на прогрессистскую пирушку, или когда своимъ безтактнымъ поведеніемъ смутилъ только что привлеченныхъ рабочихъ въ Брауншвейгѣ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Бракке. Такъ дѣла ни въ коемъ случаѣ не могли идти дальше. Прочно удержать за собою завоеванную съ трудомъ почву Союзъ могъ, только сбросивъ съ себя все сектантское и расширившись въ настоящую рабочую партію, которая при всей строгости централизаціи была бы, однако, организована такъ, чтобы случайная неспособность президента не могла парализовать ея дѣятельности. Таково было мнѣніе Швейцера, съ которымъ болѣе или менѣе соглашался рядъ самыхъ дѣльныхъ членовъ Союза, какъ Аудорфъ, Бракке, Фрицше, Іоркъ и другіе.

Антагонизмъ между президентомъ Союза и редакціей союзнаго органа прорвался наружу, когда Беккеръ потребовалъ, чтобы второе общее собраніе было созвано на 25 ноября 1865 г. во Франкфуртѣ, гдѣ онъ жилъ со времени своей высылки изъ Берлина. Формально онъ имѣлъ право сдѣлать это распоряженіе, но фактически оно было дальнѣйшимъ шагомъ къ вырожденію Союза въ секту. Первое общее собраніе происходило въ Дюссельдорфѣ, затѣмъ годовщина основанія Союза, въ нѣкоторомъ родѣ неформальное общее собраніе, праздновалась во Франкфуртѣ, теперь Беккеръ хотѣлъ, чтобы и второе общее собраніе засѣдало на юго-западѣ; между тѣмъ на сѣверо-востокѣ готовилась большая политическая катастрофа, а въ его центральномъ пунктѣ—Берлинѣ начали высоко вздыматься волны рабочаго движенія. Это значило увести Союзъ подальше отъ мѣста, гдѣ рѣшались политическія судьбы Германіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ продлить бездарную диктатуру Беккера по меньшей мѣрѣ на одинъ годъ. Какъ разъ во Франкфуртѣ у него сохранились еще нѣкоторые приверженцы отъ его прежнихъ, лучшихъ дней, и можно было предвидѣть, что на общее собраніе, если оно состоится здѣсь, явится мало народу изъ другихъ городовъ. Въ особенности отъ бѣдныхъ саксонскихъ и силезскихъ общинъ нельзя было требовать, чтобы онѣ на протяженіи одного года послали въ третій разъ своихъ делегатовъ въ сравнительно дорогую и далекую поѣздку. Между тѣмъ для реорганизаціи Союза было необходимо возможно болѣе многолюдное общее собраніе, и потому Швейцеръ предложилъ, чтобы оно засѣдало въ Лейпцигѣ,—мѣстѣ, подходившемъ во всѣхъ отношеніяхъ больше, чѣмъ Франкфуртъ.

Однако письменныя представленія, которыя онъ сдѣлалъ Беккеру, не имѣли никакого успѣха. Беккеръ отвѣтилъ сначала пустыми отговорками, а затѣмъ угрозами. Тогда „*Соціалъ-демократъ*" выступилъ открыто и потребовалъ 19-го ноября перенесенія общаго собранія въ Лейпцигъ, причемъ онъ сослался только на соображенія справедливости, говорившія въ пользу Лейпцига. Требованіе его было принято съ живымъ сочувствіемъ во многихъ общинахъ. Однако Беккеръ отложилъ 21-го ноября общее собраніе на неопредѣленное время и сложилъ съ себя званіе президента, передавъ свои функціи вице-президенту Фрицше.

Хотѣлъ ли этимъ Беккеръ разъ навсегда устраниться отъ дѣлъ, или только создать замѣшательство, которое въ концѣ концовъ доставило бы ему все-таки побѣду,—на этотъ вопросъ тѣмъ труднѣе отвѣтить съ опредѣленностью, что Беккеръ вообще не былъ человѣкомъ ясныхъ рѣшеній. Во всякомъ случаѣ онъ вызвалъ большое замѣшательство, еще усилившееся вслѣдствіе того, что какъ разъ въ эти дни Швейцеръ былъ арестованъ. Фрицше, раздѣлявшій планы Швейцера, отправился 26-го ноября во Франкфуртъ, чтобы принять отъ Беккера акты Союза, но здѣсь онъ засталъ нѣсколькихъ делегатовъ, которые прибыли на отложенное тѣмъ временемъ общее собраніе и теперь добились того, что Фрицше созвалъ на 30-ое ноября во Франкфуртъ новое общее собраніе. Засѣданіе было очень бурное, такъ какъ общему собранію, созванному Фрицше, недоставало даже той формальной юридической силы, на которую все-таки могло притязать общее собраніе, первоначально созванное Беккеромъ. Мотивы, руководившіе поведеніемъ делегатовъ, пріѣхавшихъ во Франкфуртъ, были, повидимому, различнаго свойства: одни, какъ Газенклеверъ и Тельке, полагали и говорили, что забота она ходящемся въ опасности существованіи Союза должна первенствовать надъ всякимъ другимъ требованіемъ; другіе, какъ Гильманъ, судя по ихъ позднѣйшему поведенію, противились основательной реорганизаціи Союза и связанному съ нею устраненію финансовой неурядицы по менѣе почтеннымъ мотивамъ. Намеки Фрицше на необходимость измѣненія устава не встрѣтили сочувственнаго отклика, и когда онъ 30 ноября открылъ созванное имъ общее собраніе, то онъ тотчасъ же получилъ своего рода вотумъ недовѣрія въ формѣ предложенія объ избраніи другого предсѣдателя. Фрицше покинулъ тогда общее собраніе, передавъ свои вице-президентскія функціи Гильману, и отправился назадъ въ Лейпцигъ, чтобы и

тамъ сложить съ себя должность уполномоченнаго. Отнынѣ онъ посвятилъ себя преимущественно организаціи профессіональнаго союза сигарниковъ, къ которой уже дѣлались нѣкоторое время приготовленія.

Франкфуртское общее собраніе засѣдало 30 ноября и 1 декабря. На немъ были представлены 20 делегатами, пріѣхавшими большей частью изъ майнскаго края и промышленнаго округа Бергишъ-Маркъ, 9421 членъ изъ 58 мѣстъ. Послѣ бурныхъ преній былъ принятъ рядъ резолюцій, представлявшихъ собою и компромиссъ и временное рѣшеніе. Общее собраніе выразило „*Соціалъ-демократу*" свое „рѣшительное неодобреніе" за то, что онъ подвергъ публичной критикѣ вполнѣ правомѣрный образъ дѣйствій Беккера относительно назначенія общаго собранія, но на мѣсто Беккера оно выбрало въ президенты Тельке, на срокъ одного года и съ той оговоркой, что избраніе его должно быть утверждено путемъ плебисцита среди членовъ Союза. До тѣхъ поръ дѣлами Союза долженъ завѣдывать вице-президентъ Гильманъ. Въ кассиры Союза былъ выбранъ Фёрстерлингъ, на мѣсто Леви. Эти рѣшенія повлекли еще за собою жестокія распри во многихъ общинахъ, особенно потому, что ихъ юридическая сила была весьма спорна. Однако желаніе обезпечить прежде всего существованіе Союза одержало верхъ надъ всѣми сомнѣніями, и 1 января 1866 г. Тельке получилъ возможность принять на себя руководство Союзомъ, такъ какъ плебисцитомъ его избраніе было утверждено.

„*Соціалъ-демократъ*" также согласился, что до поры до времени нужно признавать постановленія франкфуртскаго общаго собранія, чтобы охранить Союзъ отъ всякаго раскола. Но къ этому онъ прибавилъ, что при первой возможности слѣдуетъ созвать новое общее собраніе съ цѣлью обсудить реорганизацію Союза, и онъ продолжалъ подготовлять эту реорганизацію въ смыслѣ собиранія всѣхъ соціалъ-демократическихъ элементовъ. Альбертъ Ланге, находившійся теперь въ самомъ дружескомъ согласіи съ дуисбургскими членами Союза, мѣтко охарактеризовалъ въ „*Нижне-рейнскомъ Вѣстникѣ*" весь кризисъ, сказавъ, что „*Соціалъ-демократъ*" ставитъ себѣ задачей образованіе соціалъ-демократической партіи и устраненіе односторонностей, мѣшающихъ этому стремленію осуществиться, противники же его считаютъ необходимой какъ бы сектантскую замкнутость Союза. Одинъ золингенскій сектантъ обличилъ его за это какъ „врага рабочихъ", но собраніе рейнско-вестфальскихъ членовъ Союза,

засѣдавшее 17-го декабря въ Дуисбургѣ, дало Ланге почетное удовлетвореніе. Съ такой же точки зрѣнія, какъ Ланге, на положеніе вещей смотрѣлъ Вальтейхъ; онъ прислалъ въ „*Соціалъ-демократъ*" нѣсколько строкъ, гдѣ выразилъ готовность оправдать предъ ближайшимъ общимъ собраніемъ или въ органѣ Союза свое поведеніе въ конфликтѣ съ Лассалемъ. Гильманъ счелъ возможнымъ воспользоваться напечатаніемъ этого коротенькаго, вполнѣ достойнаго по тону заявленія, какъ оружіемъ противъ „*Соціалъ-демократа*", обвинивъ газету въ „низкомъ оскорбленіи нашего великаго учителя Лассаля". Но онъ получилъ такой мѣткій отвѣтъ насчетъ „президентскаго терроризма и сектантскаго фанатизма", что предпочелъ не продолжать спора. Зато онъ въ предпослѣдній день своего вице-президентства безъ дальнихъ разговоровъ отнялъ у „*Соціалъ-демократа*" право именоваться органомъ Союза. Газетѣ это пришлось однако вполнѣ на руку; начиная съ своего послѣдняго номера за 1865 г. она стала именовать себя „органомъ соціалъ-демократической партіи".

Вступленіе въ должность Тельке обѣщало положить конецъ этимъ неурядицамъ. Энергичный и толковый человѣкъ, Тельке былъ созданъ изъ совсѣмъ другого матеріала, чѣмъ Беккеръ: строгій лассальянецъ и насквозь проникнутый сознаніемъ важности централизаціи, онъ не былъ все-таки недоступенъ болѣе широкимъ воззрѣніямъ Швейцера. Въ первомъ же своемъ публичномъ заявленіи онъ обѣщалъ, что за исключеніемъ неотложныхъ случаевъ онъ для всѣхъ важныхъ распоряженій всегда будетъ испрашивать согласіе правленія. Онъ охотно согласился также на планъ пересмотра устава и призналъ „*Соціалъ-демократъ*" органомъ Союза впредь до окончательнаго рѣшенія правленія. Такимъ образомъ, можно было надѣяться, что создана организація, которая позволитъ собрать плоды тактики. Къ сожалѣнію, оставалось еще сдѣлать очень многое, чтобы развить Союзъ въ политическую силу; въ кассѣ Союза находилось ровно шесть талеровъ, когда Тельке принялъ руководство имъ. Должно было пройти много мѣсяцевъ, пока оказалось бы возможнымъ наверстать то, что было упущено при Беккерѣ, и это въ такое время, когда каждый день становился дорогъ.

Ибо на политическомъ горизонтѣ скопились тяжелыя грозовыя тучи, и раньше чѣмъ молодые всходы „революціи снизу" могли быть укрыты отъ опасности прочной оградой, надъ ними разразилась грязнымъ потокомъ „революція сверху".

Глава III.

Революція сверху.

1. Габсбургско-гогенцоллернскій конфликтъ.

Какъ только вѣнскій миръ, заключенный въ октябрѣ 1864 г., отдалъ герцогства Шлезвигъ и Голштинію въ общее владѣніе Австріи и Пруссіи, между этими державами начался раздоръ изъ-за добычи. По своимъ абсолютистскимъ вожделѣніямъ и полному отсутствію національнаго образа мыслей берлинскій и вѣнскій кабинеты стоили другъ друга, но въ шлезвигъ-голштинскомъ вопросѣ Бисмаркъ имѣлъ въ рукахъ болѣе сильные козыри, чѣмъ одинаково реакціонные соперники его на Дунаѣ.

Ослѣпленная завистью и мучимая сверхъ того страхомъ предъ воображаемой „революціей", вѣнская политика при первомъ же появленіи на сцену шлезвигъ-голштинскаго вопроса пошла на прусскую удочку. Этимъ она задѣла партикуляризмъ среднихъ и мелкихъ государствъ Германіи и поставила въ опасное положеніе надежнѣйшую опору своей гегемоніи въ Германскомъ союзѣ. Совладѣніе Шлезвигъ-Голштиніей тѣмъ меньше могло вознаградить ее, что она вообще не знала, какое употребленіе сдѣлать изъ этого непріятнаго дара судьбы. Такимъ образомъ, ей ничего больше не оставалось, какъ съ сердечнымъ сокрушеніемъ вернуться къ своей старой политикѣ и рѣшиться на то, чтобы разрѣшеніе шлезвигъ-голштинскаго вопроса было передано Союзному совѣту, другими словами—чтобы эльбскія герцогства были выданы аугустенбургскому претенденту.

Этого нельзя было, однако, осуществить безъ согласія прусскаго совладѣльца, а между тѣмъ Бисмарку и въ голову не приходило разыгрывать изъ себя великодушіе въ пользу аугустенбуржца. Самое большее, на что онъ соглашался, это — допустить безпо-

мощнаго претендента, какъ прусскаго вассала, но онъ такъ невкусно приготовилъ это блюдо, поданное въ февральскихъ условіяхъ 1865 г., что оно стало несъѣдобнымъ для австрійской ревности; съ другой стороны, онъ, при помощи своихъ офиціозныхъ перьевъ, приправилъ его такими насмѣшками и издѣвательствами, что оно должно было внушить отвращеніе династическому самомнѣнію аугустенбуржца и прочихъ князьковъ Божіей милостью. Прусская дипломатія работала для увеличенія могущества гогенцоллернскаго дома, какъ австрійская—для увеличенія могущества Габсбурговъ; національно-нѣмецкіе мотивы были одинаково чужды той и другой, и упреки въ содѣйствіи „революціи", которыми онѣ бомбардировали другъ друга, слѣдовало относительно обѣихъ сторонъ понимать лишь въ пикквиковскомъ смыслѣ. На сторонѣ Бисмарка было только то преимущество, что сохраненіе режима Союзнаго совѣта и созданіе безсильнаго карликоваго государства въ эльбскихъ герцогствахъ находилось въ вопіющемъ противорѣчіи со всѣми экономическими интересами Германіи,—обстоятельство, благодаря которому прусская политика завоеванія и насилія пріобрѣтала большій смыслъ.

Лѣтомъ 1865 г. дѣла созрѣли уже для полнаго разрыва между Австріей и Пруссіей, но оба противника не чувствовали еще себя достаточно сильными, чтобы рѣшить споръ оружіемъ. Они еще разъ кое-какъ замазали щель гаштейнскимъ договоромъ, сохранившимъ совмѣстное право владѣнія, но отдавшимъ герцогство Голштинію въ управленіе Австріи, а герцогство Шлезвигъ въ управленіе Пруссіи. Всѣ понимали, что этимъ выиграна только короткая отсрочка, и никто не зналъ этого лучше, чѣмъ сами высокія договаривающіяся стороны. Обѣ онѣ искали союзниковъ, и опять-таки Бисмаркъ имѣлъ въ рукѣ болѣе сильные козыри. Россія была расположена къ прусскому правительству за его полицейскія услуги во время польскаго возстанія, что же касается Бонапарта, то жестокія затрудненія во внѣшней и внутренней политикѣ заставили его бросить итальянскому движенію новую кроху въ видѣ Венеціи, отъ которой Австрія не хотѣла отказаться ни за деньги, ни за пріятныя слова. Въ сентябрѣ 1865 г. Бисмаркъ предпринялъ поѣздку ко двору Бонапарта, чтобы получить отъ этого возвышеннаго „защитника національностей" милостивое разрѣшеніе на „германское объединеніе". Заговоры съ иноземными правительствами для династическихъ завоевательныхъ цѣлей были пріемомъ старо-прусской политики, и Бисмаркъ

отнюдь не измѣнялъ славнымъ традиціямъ стараго Фрица, когда думалъ подняться до степени „національнаго героя" наступательнымъ прусско-итальянскимъ союзомъ противъ Австріи подъ благосклоннымъ покровительствомъ Бонапарта. Широко распространенное тогда мнѣніе, что онъ вошелъ въ опредѣленныя обязательства уступить Франціи, въ случаѣ успѣха, часть германской территоріи, было, пожалуй, преувеличенно въ этой формѣ; несомнѣнно лишь одно, что онъ постоянно поддерживалъ аппетитъ Бонапарта къ клочкамъ нѣмецкой земли,—фактъ, совершенно достаточный для характеристики его „нѣмецкаго патріотизма". Не слѣдуетъ, конечно, упускать изъ виду, что всѣ другіе „нѣмецкіе государственные люди", жительствовали ли они въ Вѣнѣ, Мюнхенѣ, Дрезденѣ или другихъ мѣстахъ, поступили бы въ однородномъ случаѣ совершенно такъ же. Приносить національные интересы въ жертву династическимъ цѣлямъ было ихъ исконнымъ ремесломъ, и занимались они имъ съ большой охотой; возможно лишь, что у нихъ не оказалось бы способности Бисмарка въ концѣ концовъ надуть все-таки Бонапарта. Въ нравственномъ отношеніи всѣ они были одного калибра, и если Бисмаркъ въ чемъ-либо превосходилъ ихъ и своего пріятеля на Сенѣ, то въ двухъ качествахъ, весьма много значащихъ въ политикѣ: во-первыхъ онъ имѣлъ волю, во-вторыхъ—цѣль.

Въ тѣснѣйшей связи съ протекторатомъ Бонапарта и итальянскимъ союзомъ находился бисмарковскій планъ преобразованія Германскаго союза. Бисмаркъ сказалъ генералу Говоне, итальянскому уполномоченному, явившемуся для переговоровъ въ Берлинъ, что изъ шлезвигъ-голштинскаго вопроса легко можно создать casus belli, но для большой войны это слишкомъ мелкій поводъ. Необходимо возбудить общій вопросъ о Германіи; разъ дѣло пойдетъ о крупномъ національномъ интересѣ, Европа будетъ тѣмъ спокойнѣе смотрѣть со стороны. Европа означала въ этомъ случаѣ Бонапарта, и союзная реформа Бисмарка выступила на сцену съ бонапартовскимъ клеймомъ. Послѣ того какъ прусско-итальянскій наступательный союзъ противъ Австріи былъ заключенъ 8 апрѣля 1866 г., прусское правительство обратилось 9 апрѣля къ союзному сейму съ предложеніемъ созвать на извѣстный, подлежащій ближайшему опредѣленію день собраніе, которое должно составиться путемъ прямыхъ выборовъ и всеобщаго избирательнаго права всей націи: собраніе должно получить и обсудить предложенія германскихъ правительствъ относительно реформы союз-

ной конституціи; въ промежуточное время слѣдуетъ изготовить эти проекты путемъ соглашенія правительствъ между собою.

Официіальная мотивировка предложенія содержала обычный наборъ фразъ, которымъ всякій бонапартизмъ любитъ прикрывать свою безъидейную, но богатую интригами политику. Всеобщее и прямое избирательное право рекомендовалось какъ консервативный принципъ, который съ консервативной точки зрѣнія заслуживаетъ предпочтенія предъ всякой другой системой выборовъ основанной на искусственныхъ комбинаціяхъ. Дѣйствующая союзная конституція отдаетъ, молъ, Германію во время большихъ европейскихъ кризисовъ либо во власть революціи, либо въ жертву иноземному владычеству; чтобы избѣжать того и другого, необходима реформа Германскаго союза, которая, согласно опыту 1848 г., не можетъ быть достигнута ни посредствомъ одностороннихъ дѣйствій правительствъ, ни посредствомъ одностороннихъ дѣйствій націи; лишь путемъ совмѣстной работы обоихъ факторовъ можетъ возникнуть новое, жизнеспособное твореніе на основѣ и въ предѣлахъ стараго союза. Бисмаркъ рекомендовалъ, такимъ образомъ, какъ непогрѣшимое лѣкарство противъ нѣмецкихъ неурядицъ, пресловутый принципъ соглашенія, о который потерпѣли крушеніе парламенты революціоннаго года. Либо онъ дѣйствительно сдѣлался жертвой одной изъ тѣхъ курьезныхъ ошибокъ, которымъ былъ подверженъ его пристрастный умъ при анализѣ историческихъ событій, либо для него не имѣло значенія, пустить ли въ ходъ для сокрытія своихъ истинныхъ цѣлей кучею фразъ больше или меньше,—чему также можно привести многочисленные примѣры изъ его политической дѣятельности.

Эти истинныя цѣли недвусмысленно вытекали изъ заявленій его официіальной и официозной печати. По бонапартистскому образцу Бисмаркъ игралъ двойную игру, при томъ двойную игру въ двоякомъ отношеніи: во-первыхъ, двойную игру между династіями и націей, во-вторыхъ, двойную игру между буржуазіей и пролетаріатомъ. „*Крестовая Газета*“ говорила правительствамъ среднихъ и мелкихъ государствъ Германіи: берите то, что вы еще можете получить; того, что предлагаетъ вамъ Бисмаркъ, вамъ никогда не предложатъ опять. Собственными силами вы никогда не справитесь съ буржуазно-національнымъ движеніемъ; если вы хотите побить парламентаризмъ его собственнымъ оружіемъ, то вамъ нуженъ германскій парламентъ. Правда, въ немъ только и разыграется настоящимъ образомъ парламентскій спектакль, но

„противъ всѣхъ подобныхъ безчинствъ существуетъ весьма простой рецептъ — на нихъ не обращаютъ вниманія. Что это возможно, убѣдительнѣйшимъ образомъ доказывается послѣдними шестью годами прусской исторіи". Напротивъ „*Norddeutsche Allgemeine Zeitung*" писала: „Пруссіи съ прискорбіемъ приходится констатировать возникновеніе такого представленія, что нѣмецкія правительства становятся какъ будто подъ ружье противъ національной реформы. Совершенно очевидно, что Вюртембергъ, Ганноверъ, Саксонія, Гессенъ-Дармштадтъ и другія союзныя государства не изъ любви къ принцу аугустенбургскому хотятъ ринуться въ борьбу, которая можетъ имъ стоить жизни. Мы будемъ очень близки къ истинѣ, если скажемъ, что вооружающіяся правительства, поднимая грандіозную борьбу противъ Пруссіи, выставляютъ въ то же время войска противъ всякихъ національныхъ требованій, хотя бы самыхъ скромныхъ". Затѣмъ главная офиціозная газета почти безъ стѣсненій грозила „революціей", вѣрнѣе — тѣмъ, что у строптивыхъ деспотовъ-пигмеевъ Пруссі отниметъ силою ихъ владѣнія.

Рядомъ съ этой двойной игрой между династіями и націей шла двойная игра между буржуазіей и пролетаріатомъ. Полу-офиціальная „*Provinzialkorrespondenz*" соблазняла прогрессистскую партію миражемъ, что „преобразованіе" союза, объединивъ германскія военныя силы, переложитъ прусскія военныя тягости на всю Германію и, такимъ образомъ, устранитъ конституціонную распрю. Съ другой стороны, вполнѣ офиціальный „*Staatsanzeiger*" („*Государственный Указатель*") поставилъ на столъ весьма лакомое для буржуазіи блюдо, перечисливъ, въ качествѣ основныхъ чертъ союзной реформы, рядъ экономическихъ реформъ, каковы свобода передвиженія, свобода промысла, единая система монетъ, мѣръ и вѣсовъ, защита германской торговли за границею, германскія консульства и многое другое, обѣщавшее довольно основательно снести преграды, которыя стѣсняли капиталистическій способъ производства.

На тотъ случай, если бы съ буржуазіей дѣло все-таки не выгорѣло, предполагалось поймать на удочку пролетаріатъ при посредствѣ всеобщаго избирательнаго права. Бисмаркъ полагалъ, что можетъ теперь рискнуть и пустить въ ходъ этотъ козырь. Разсчетъ свой онъ основывалъ на массахъ сельскаго населенія Остъ-Эльбіи, жившихъ въ духовной тьмѣ, куда не проникъ еще даже слабый лучъ политической сознательности. Онъ надѣялся

далѣе отказомъ въ жалованьѣ депутатамъ въ такой же мѣрѣ ограничить пассивное избирательное право, въ какой онъ расширялъ активное избирательное право устраненіемъ классныхъ выборовъ. Затѣмъ, онъ все еще убаюкивалъ себя прекрасной мечтой о „монархистѣ“ Лассалѣ. Правда, пробилъ уже не одинъ будильникъ, который могъ бы нарушить эти пріятныя грезы; берлинская полиція впослѣдствіи откровенно признала въ одномъ офиціальномъ докладѣ, что первоначально она считала Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ „разсудительной и законной агитаціей“ и потому терпѣла его, не взирая на нарушеніе § 8 закона о союзахъ (запрещавшаго вступленіе политическихъ союзовъ въ сношенія другъ съ другомъ), но во время исторіи съ кельнскимъ празднествомъ у нея открылись глаза, и она поспѣшила закрыть берлинскую общину Союза. Но что постигъ обыкновенный полицейскій разсудокъ, того далеко еще не постигъ геніальный государственный мужъ. До поры, до времени Бисмаркъ полагалъ, что можетъ играть съ огнемъ.

Коммиссія для обсужденія рабочаго вопроса, назначеніе которой правительство обѣщало во время дебатовъ о свободѣ коалицій, была созвана лѣтомъ 1865 г., но послѣ многословныхъ преній она снова разошлась, не оставивъ послѣ себя ничего, кромѣ кучи негодной макулатуры или — какъ принято выражаться на языкѣ прусской бюрократіи — „цѣннаго матеріала“. Чтобы прогнать красный призракъ, нужны были болѣе сильныя средства. Въ октябрѣ 1865 г. Бухеръ написалъ Марксу, предлагая ему сотрудничество въ офиціальномъ „*Государственномъ Указателѣ*“. Осѣкшись у Маркса, онъ обратился съ тѣмъ же предложеніемъ къ приватъ-доценту Евгенію Дюрингу, какъ разъ тогда сдѣлавшемуся извѣстнымъ, благодаря нѣкоторымъ работамъ по политической экономіи. Дюрингъ подхватилъ старую идею Сисмонди о недостаточномъ потребленіи рабочаго класса, какъ главномъ недугѣ капиталистическаго способа производства, но хотѣлъ лѣчить его не при помощи устанавливаемаго государствомъ нормальнаго рабочаго дня, какъ Родбертусъ, а при посредствѣ самостоятельной иниціативы рабочихъ, которые должны въ свободныхъ коалиціяхъ завоевать себѣ лучшія условія труда. Дюрингъ согласился сотрудничать въ „*Государственномъ Указателѣ*“, но скоро разбранился съ редакціей. Тѣмъ не менѣе въ апрѣлѣ 1866 г. къ нему явился Вагенеръ и заказалъ для „интимнаго употреблені “ совѣта министровъ записку по вопросу о томъ,

нельзя ли „сдѣлать что-нибудь для рабочихъ". Дюрингъ поставилъ и эту работу. Затѣмъ 9 мая получилъ отпускъ изъ тюрьмы Швейцеръ; до тѣхъ поръ всѣ медицинскія свидѣтельства о болѣзни, которыя онъ представилъ въ теченіе зимы, оставались безрезультатными. Наконецъ, съ начала 1866 г. графиня Гацфельдтъ возобновила съ удесятеренной силой свои происки, никогда не прекращавшіеся вполнѣ. Въ своемъ ослѣпленіи она представляла себѣ прусскій проектъ переустройства Германскаго союза, какъ осуществленіе національной программы Лассаля, и ея демагогическая дѣятельность была въ конечномъ счетѣ направлена къ тому, чтобы сдѣлать Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ орудіемъ Бисмарка; находилась ли она въ болѣе близкихъ или болѣе отдаленныхъ отношеніяхъ къ „великому министру", черпала ли она обильныя денежныя средства, которыми швыряла направо и налѣво, изъ своего собственнаго кармана или изъ иныхъ фондовъ,— это не представляетъ особаго значенія.

Такъ выглядѣла „революція сверху". Противъ жалкаго режима союзнаго сейма она была необыкновенно сильно вооружена, и сразить ее можно было только путемъ революціи снизу. Но революція снизу была невозможна. Рабочій классъ, который хотѣлъ сдѣлать ее, не былъ еще въ состояніи ее сдѣлать, а буржуазный классъ, который могъ ее произвести, давнымъ давно не хотѣлъ этого больше даже на словахъ, а не то что на дѣлѣ. Какъ только событія начали принимать оборотъ, указывавшій на близость войны, хваленая сплоченность прогрессистской партіи обратилась въ дикую разноголосицу. У однихъ черезъ всю позолоту національныхъ фразъ пробился прусскій партикуляризмъ. Твестенъ заявлялъ, что нужно „предпочесть всякую альтернативу пораженію прусской политики", а Циглеръ говорилъ своимъ избирателямъ въ Бреславлѣ, что сердце демократіи всегда у знаменъ страны. Другіе опять-таки изливались въ безсильныхъ жалобахъ по поводу опасности, которой угрожающая война подвергаетъ матеріальные интересы буржуазіи, и въ столь же безсильныхъ проклятіяхъ по поводу нарушенія мира въ странѣ. Въ этомъ направленіи особенно выдвигался „Національный союзъ", торжественно осудившій также бисмарковскую реформу Германскаго союза. Честная компанія Беннигсена такъ много сдѣлала для „гегемоніи Пруссіи", что ей почти ничего не осталось больше дѣлать въ этомъ направленіи, а теперь она кричала караулъ, когда „прусская гегемонія" раскрылась такой, какой она была и не могла не быть.

Третью группу образовала Нѣмецкая народная партія, которая, отчаявшись въ успѣхѣ политики прогрессистовъ и „Національнаго союза", уже больше года какъ начала отдѣляться отъ нея. Среди названной партіи было много честныхъ и дѣльныхъ демократовъ, какъ Бюхнеръ, Эккардтъ, Ладендорфъ, Пфау, но были также весьма сомнительные элементы—франкфуртскіе захолустные республиканцы въ родѣ Зоннемана, аугустенбургскіе и вельфскіе партикуляристы, проливавшіе по поводу угрожаемыхъ правъ своихъ наслѣдственныхъ князей такія же, если не болѣе горючія слезы, какъ по поводу прочихъ нечестивыхъ дѣяній Бисмарка. Когда въ сентябрѣ 1865 г. въ Дармшадтѣ состоялось учредительное собраніе Нѣмецкой народной партіи, то сразу же обнаружилось, что по двумъ рѣшающимъ вопросамъ дня, по вопросу національному и соціальному, невозможно никакое единеніе. Партикуляристы упорно держались за свой излюбленный федеративный принципъ, причемъ оставалось еще неизвѣстнымъ, слѣдуетъ ли его понимать въ монархическомъ или въ республиканскомъ смыслѣ, что же касается требованія соціальныхъ реформъ, которымъ Бюхнеръ и Эккардтъ хотѣли положить начало сближенію со Всеобщимъ Германскимъ Рабочимъ Союзомъ, то оно не понравилось биржевымъ демократамъ. Органъ Нѣмецкой народной партіи, издававшійся въ Маннгеймѣ „*Нѣмецкій Еженедѣльникъ*" („*Deutsches Wochenblatt*"), заявилъ, что хочетъ трактовать національный и соціальный вопросы, какъ открытые вопросы!

Въ наиболѣе жгучемъ очередномъ вопросѣ все-таки состоялось извѣстнаго рода соглашеніе: рѣшено было, что „конфедерація среднихъ и мелкихъ государствъ" должна образовать зародышъ нѣмецкаго единства и свободы. Людвигъ Пфау объяснилъ въ особомъ летучемъ листкѣ, что этимъ не имѣется въ виду подогрѣть старую идею тріады—раздѣла Германіи между Австріей, Пруссіей и союзомъ среднихъ и мелкихъ государствъ; эта идея тріады есть „трехголовый уродъ, зачатый на обезчещенномъ ложѣ революціи отъ профессорскаго самомнѣнія и прислужничества предъ государями". Коалиція государствъ средней величины, къ которой стремится Нѣмецкая народная партія, должна быть не конечнымъ пунктомъ, а началомъ, не цѣлью, а средствомъ, первымъ ядромъ, вокругъ котораго могли бы сгруппироваться затѣмъ остальныя племена. Съ другой стороны, Эккардтъ писалъ въ „*Deutsches Wochenblatt*", что Нѣмецкую народную партію напрасно упрекаютъ въ одновременномъ служеніи легитимистскому и республи-

канскому знаменамъ: это противорѣчіе только кажущееся. Члены партіи — республиканцы, но тѣмъ не менѣе ихъ намѣренія искренни, когда они говорятъ о конфедераціи среднихъ и мелкихъ государствъ, составляющей послѣднее предложеніе нѣмецкаго народа своимъ государямъ. Если эти послѣдніе хотятъ монархическаго союзнаго государства, то Нѣмецкая народная партія готова призывать народъ на помощь имъ; если они не хотятъ его, то должны примириться съ перспективой быть съѣденными Бисмаркомъ. Но разъ даже самыя честныя и ясныя головы въ Нѣмецкой народной партіи не могли вырваться изъ круга такихъ, безъ сомнѣнія искреннихъ, но безнадежно туманныхъ представленій, то очевидно, что она далеко не была призвана къ разрѣшенію вопроса объ единствѣ Германіи.

Среди этого дикаго хаоса борющихся интересовъ и мнѣній должна была теперь найти свой путь молодая рабочая партія.

---

2. Рабочій классъ передъ австро-прусской войной.

Со времени статей о Бисмаркѣ „*Соціалъ-демократъ*" послѣдовательно проводилъ одну и ту же политическую программу по нѣмецкому вопросу, съ той лишь разницей, что онъ остерегался теперь отъ двусмысленныхъ арабесковъ, которыми были украшены статьи о Бисмаркѣ. Если тамъ онъ говорилъ о „значительной политикѣ" Бисмарка, то теперь онъ комментировалъ паломничество Бисмарка ко двору Бонапарта насмѣшливымъ вздохомъ насчетъ „бѣдной Пруссіи", которая „полна великихъ плановъ" и въ то же время „предусмотрительно спѣшитъ въ Парижъ", чтобы снискать себѣ милость Бонапарта „цѣною нѣмецкой земли". Отъ старо-прусской демократіи Вальдековъ и Циглеровъ „*Соціалъ-демократъ*" держался совершенно въ сторонѣ. Онъ говорилъ, что прусская гегемонія есть прусская гегемонія, и господствующая путаница еще усилилась бы, если бы она выступала какъ замаскированная реакція, какъ мнимый либерализмъ. Пруссія по своему внутреннему существу абсолютистское государство, либеральной Пруссіи никогда не существовало и не можетъ никогда существовать. „Ожидать, что это можетъ измѣниться, значитъ ждать чего-то внутренне невозможнаго". Съ такимъ же правомъ можно надѣяться, что муфтіи и улемы Турціи начнутъ проповѣдывать христіанскую вѣру.

Столь же рѣзко, какъ противъ „прусскаго абсолютизма", „*Соціалъ-демократъ*" выступилъ противъ „австрійскаго конкордатнаго режима". Австрія—убѣжище нѣмецкой раздробленности, и вотъ почему реакціонныя правительства среднихъ и мелкихъ государствъ Германіи стоятъ на ея сторонѣ. Но если пруссификація и австрификація есть нѣчто общественно-вредное и достойное ненависти, то „тріада" смѣшна и презрѣнна во всѣхъ своихъ формахъ. „*Соціалъ-демократъ*" привѣтствовалъ Нѣмецкую народную партію, какъ заслуживающую въ сущности признанія организаціонную попытку тѣхъ буржуазно-демократическихъ элементовъ, какіе еще сохранились въ Германіи; выразивъ готовность къ совмѣстнымъ съ ней тактическимъ дѣйствіямъ, какъ только этого потребуютъ интересы рабочаго класса, „*Соціалъ-демократъ*" въ то же время безпощадно вскрылъ неясность ея программы по національному и соціальному вопросамъ. Онъ обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что разные Бейсты, Дальвики и прочіе дипломаты среднихъ и мелкихъ государствъ, которые хотѣли теперь разыгрывать изъ себя „чисто германскихъ государственныхъ людей", являются „министрами эпохи самой кровавой и грубой реакціи, княжескими прислужниками до мозга костей". Относительно „конфедераціи среднихъ и мелкихъ государствъ Германіи", къ которой стремилась Нѣмецкая народная партія, газета ограничилась убійственнымъ замѣчаніемъ, что „если бы дѣло приняло серьезный оборотъ, и какимъ - нибудь государямъ пришлось, напримѣръ, окончательно и безповоротно рѣшать вопросъ, отказаться ли имъ отъ своего неограниченнаго суверенитета въ пользу народа или въ пользу какого - нибудь большого княжескаго дома, то эти государи предпочли бы броситься хныча къ ногамъ своего коллеги, чѣмъ проѣхать при ликованіи народа по улицамъ своей столицы".

Единственный путь къ германскому единству и свободѣ „*Соціалъ-демократъ*" видѣлъ въ германской революціи. Такъ какъ послѣдній шансъ такой революціи былъ данъ въ осложненіяхъ, которыя могли быть вызваны вооруженнымъ столкновеніемъ нѣмецкихъ великихъ державъ, то газета не присоединялась къ воплямъ буржуазіи о мирѣ. Точно также Альбертъ Ланге писалъ въ „*Нижне-Рейнскомъ Вѣстникѣ*", что если кто-нибудь изъ болѣе глубокихъ соображеній дѣйствительно желаетъ, чтобы Бисмаркъ попыткой осуществленія своей программы расчистилъ путь республиканской партіи, то онъ скорѣе всего предоставитъ те-

перь Бисмарку идти спокойно своей дорогой, пока возвратъ станетъ невозможнымъ. Затѣмъ на одномъ собраніи лейпцигскихъ прогрессистовъ и членовъ „Національнаго союза", гдѣ раздавались горькія жалобы по поводу угрожающей войны, Бебель заявилъ въ качествѣ единственнаго оппонента, что не надо все-таки быть столь боязливыми: изъ войны можетъ получиться нѣчто совсѣмъ иное, нежели думаютъ воюющіе, народъ поднимается въ надлежащую минуту и окончитъ войну въ желательномъ ему смыслѣ. Стоять насторожѣ, вооруженнымъ къ бою и готовымъ къ дѣйствіямъ, не довѣряя никому, но твердо полагаясь на себя, — такова была политика, которую „*Соціаль-демократъ*" рекомендовалъ рабочему классу во время кризиса 1866 г.

Первую возможность практическаго вмѣшательства онъ усмотрѣлъ въ шахматномъ ходѣ Бисмарка со всеобщимъ избирательнымъ правомъ. Газета не заблуждалась, конечно, насчетъ мотивовъ Бисмарка и на заманиванія официозной печати отвѣчала: „Что касается насъ, то мы отдаемъ себѣ ясный отчетъ въ своихъ желаніяхъ: мы не хотимъ ни Великопруссіи, ни Великоавстріи, а свободной и единой Германіи, свободной и единой по волѣ націи. Если Пруссія хочетъ помочь осуществленію этого желанія,—хорошо, пусть попытается стать прямой противоположностью того, чѣмъ она была до сихъ поръ. Въ этомъ смыслѣ, т.-е. если она сдѣлаетъ свое дѣло нашимъ, мы можемъ впредь до измѣненія обстоятельствъ идти вмѣстѣ съ нею, но ни въ какомъ другомъ... Именно такимъ, не болѣе и не менѣе благопріятнымъ для великопрусской идеи, представляется намъ настроеніе рабочихъ, чтобы охарактеризовать подобающую имъ позицію относительно прусскаго правительства и его властолюбивыхъ вожделѣній. Все остальное принадлежитъ къ области официозныхъ пожеланій и иллюзій". „*Соціаль-демократъ*" открыто высказывалъ, что Бисмаркъ предпринялъ свое „половинчатое и вялое созваніе парламента не въ силу свободной воли, а вынужденный положеніемъ вещей"; столь же открыто газета высказывала, что было бы „верхомъ ничтожества" со стороны рабочихъ, если бы они дали себя обмануть этимъ. Но она совѣтовала использовать затруднительное положеніе прусскаго министра. Историческій прогрессъ никогда еще не былъ достигаемъ по доброй волѣ власть имущихъ, но зато довольно часто онъ совершался благодаря разумно использованнымъ затрудненіямъ ихъ. Рабочій классъ долженъ

воспользоваться представляющимся ему оружіемъ „не такъ, какъ хотятъ они (власть имущіе), а такъ, какъ хотимъ мы". Поэтому „*Соціалъ - демократъ*" отдалъ пароль: „Мы участвуемъ въ выборахъ! мы выбираемъ не *потому*, что Бисмаркъ созвалъ этотъ парламентъ, но столь же мало выбираемъ мы, *не взирая* на то, что онъ созвалъ его. Мы участвуемъ въ выборахъ потому, что отвергаемъ безсильную политику пассивнаго взиранія со стороны; что мы желаемъ принимать участіе во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ и что только мы, рабочая партія, въ состояніи помѣшать трусливому либерализму буржуа вновь предать народное дѣло". Въ то же время „*Соціалъ-демократъ*" рекомендовалъ энергичнѣйшую агитацію въ пользу всеобщаго избирательнаго права, чтобы толкать Бисмарка впередъ по пути, на который онъ вступилъ противъ своего желанія.

Вкратцѣ резюмированная здѣсь тактика проходитъ красною нитью чрезъ всѣ статьи, напечатанныя „*Соціалъ-демократомъ*" по нѣмецкому вопросу до и послѣ ареста Швейцера. Возможно, что отпуская его изъ тюрьмы, правительство руководилось какими-нибудь задними мыслями, но Швейцеръ такъ же мало заплатилъ желаемую цѣну, какъ Марксъ пошелъ на предложеніе Бухера. За все это время въ „*Соціалъ-демократъ*" нельзя найти ни одной фразы, которая прямо или косвенно была бы направлена къ содѣйствію прусской насильнической политикѣ. Политика, которую Швейцеръ рекомендовалъ рабочему классу, была несомнѣнно та самая политика, которую рекомендовалъ бы послѣднему Лассаль, если бы онъ находился еще въ живыхъ.

Не въ тогдашней тактикѣ Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза заключалось его больное мѣсто, а въ его организаціи. Союзъ не былъ еще настолько крѣпко сплоченнымъ организмомъ, чтобы надвигающаяся военная гроза не произвела въ немъ глубокаго потрясенія. Въ преобладающей массѣ нѣмецкихъ рабочихъ еще не проснулось классовое сознаніе, а тамъ гдѣ оно проснулось, рабочіе не отдавали еще себѣ такого яснаго отчета относительно своихъ классовыхъ интересовъ, чтобы не быть вовлеченными въ водоворотъ нѣмецкихъ дѣлъ, стремительно шедшихъ къ общей катастрофѣ. Старое, испытанное войско Союза держалось достаточно храбро, но оно не было достаточно сильнымъ, чтобы справиться съ бурными волнами, которыя подняла „революція сверху".

Нигдѣ въ Германіи національный и соціальный антагонизмъ не проявлялся такъ рѣзко, какъ въ королевствѣ Саксоніи. Буржуа-

зія и пролетаріатъ стояли непосредственно другъ противъ друга въ этой маленькой, но въ промышленномъ отношеніи высоко развитой странѣ, которой теперь угрожала опасность стать театромъ военныхъ дѣйствій, такъ какъ она врѣзалась клиномъ между Пруссіей и Австріей. Саксонской политикой руководилъ австрійскій клевретъ Бейстъ, быть можетъ самый ловкій и во всякомъ случаѣ самый подлый изъ тѣхъ дипломатовъ-пигмеевъ, которые направо и налѣво бросали нѣмецко-національныя фразы, еще не успѣвъ обсохнуть отъ крови и грязи бѣлаго террора. Военныя приготовленія Бейста возбудили недовольство саксонской буржуазіи: она ни за что не хотѣла нарушенія правильнаго хода торгово-промышленныхъ дѣлъ, а отчасти—особенно въ большихъ торговыхъ и промышленныхъ центрахъ страны—ей надоѣли допотопные порядки маленькаго государства и хотѣлось, чтобы ее скушала Пруссія. Саксонскій пролетаріатъ очутился вслѣдствіе этого въ весьма затруднительномъ положеніи: онъ не могъ проникнуться энтузіазмомъ ни въ пользу Бисмарка, ни въ пользу Бейста; онъ не могъ произвести никакой революціи, но съ другой стороны, не могъ столь легко занять положеніе выжидательной готовности, какъ, напр., рейнско - вестфальскій пролетаріатъ, потому что военный пожаръ былъ слишкомъ близокъ отъ него.

Въ другихъ отношеніяхъ саксонскій пролетаріатъ какъ разъ въ это время проходилъ фазисъ весьма отраднаго развитія. Саксонскіе образовательные рабочіе ферейны составляли главное ядро всѣхъ вообще нѣмецкихъ ферейновъ этого рода. Дрезденскій ферейнъ процвѣталъ подъ руководствомъ сапожника Кнефеля, лейпцигскій ферейнъ поддерживалъ на прежней высотѣ Бебель, и среди преподавателей этого ферейна особенно энергично работалъ Либкнехтъ, который послѣ высылки изъ Берлина поселился въ Лейпцигѣ. Благодаря усиліямъ Бебеля саксонскіе образовательные рабочіе ферейны соединились въ областную федерацію, всего—29 ферейновъ съ 4,579 членами, съ которыми былъ связанъ рядъ кооперативныхъ учрежденій—5 сберегательныхъ кассъ, 2 кредитныхъ товарищества, 5 потребительныхъ обществъ, 1 кооперативная пекарня, 4 больничныхъ кассы, 2 кассы для инвалидовъ, 2 похоронныя кассы и 1 ассоціація ткачей. Между этими ферейнами и саксонскими общинами Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза установились уже весьма дружественныя отношені оба направленія устраивали обыкновенно сообща большія на-

родныя собранія, и какъ разъ въ описываемое время лейпцигскій образовательный рабочій ферейнъ весьма рѣшительно порвалъ съ прогрессистско-манчестерской агитаціей „*Народной Газеты*". На первыхъ порахъ и національный вопросъ не подавалъ повода къ разномыслію. 28-го апрѣля въ Дрезденѣ состоялось собраніе изъ 2,500 рабочихъ, созванное Ферстерлингомъ и Кнефелемъ и происходившее подъ ихъ общимъ предсѣдательствомъ. Оно потребовало созванія учредительнаго германскаго парламента на основѣ равнаго и прямого избирательнаго права, при тайной подачѣ голоса и неограниченной избираемости; парламентъ долженъ былъ не только урегулировать политическое положеніе, но и приступить къ соціальному вопросу. Собраніе высказалось также за вооруженіе всего народа для поддержанія учредительнаго парламента. Принципіально эта резолюція вполнѣ совпадала съ образомъ дѣйствій, котораго держалась соціалъ-демократія: она безъ обиняковъ заявляла, что только нѣмецкая революція можетъ спасти нѣмецкое единство и свободу. Но, понятно, этимъ еще ничего не было сказано о тактическомъ положеніи, которое пролетаріатъ долженъ занять относительно борющихся державъ.

Вопросъ этотъ сталъ жгучимъ, когда лейпцигская буржуазія подъ предводительствомъ органовъ городскаго самоуправленія потребовала отъ саксонскаго министерства немедленнаго разоруженія и открыла, такимъ образомъ, пруссофильскую агитацію. Для противодѣйствія ей состоялось 8 мая въ Лейпцигѣ народное собраніе почти изъ 6,000 человѣкъ, въ которомъ, по примѣру дрезденскаго собранія, участвовали оба направленія саксонскаго пролетаріата. Въ собраніи присутствовали Фрицше, Вутке, Бебель и Либкнектъ; предсѣдательствовалъ Штейнертъ, руководившій лейпцигской общиной Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза, какъ преемникъ Фрицше. Въ своемъ справедливомъ сопротивленіи бисмарковскимъ тенденціямъ буржуазныхъ денежныхъ мѣшковъ это собраніе перешло за тѣ границы, которыя хотѣлъ соблюсти „*Соціалъ-демократъ*". Старые демократы 1848 г. заявили, что противъ прошлаго Бейста можно, конечно, сказать многое, но теперь онъ вмѣстѣ съ Австріей стоитъ на нѣмецкой точкѣ зрѣнія. Резолюція, внесенная Бебелемъ, въ существенныхъ чертахъ примыкала еще къ дрезденской резолюціи, но высказывалась уже односторонне противъ прусской завоевательной политики и одобряла вооруженія министерства Бейста, какъ „оборонительныя мѣропріятія"; резолюція, внесенная Вутке, почти безъ оговорокъ

поощряла политику Бейста. Обѣ резолюціи были единогласно приняты, послѣ того какъ въ ихъ пользу говорили, кромѣ инициаторовъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, также Фрицше и Либкнехтъ. Такимъ образомъ произошло первое значительное уклоненіе отъ политики „*Соціаль-демократа*".

Въ майнской области положеніе дѣлъ было приблизительно такое же, какъ въ королевствѣ Саксоніи, съ той лишь разницей, что здѣсь антагонизмъ между буржуазіей и пролетаріатомъ былъ еще далеко не такъ развитъ. Буря, всколыхнувшая до дна нѣмецкую жизнь, показала, что въ юго-западной Германіи мелкобуржуазные элементы еще очень сильны. На народномъ собраніи изъ 3.000 человѣкъ, состоявшемся 20 мая во Франкфуртѣ, господствовала Нѣмецкая народная партія, хотя въ немъ принимали участіе и рабочіе, напр., Бебель отъ образовательныхъ рабочихъ ферейновъ и Велькеръ отъ Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза. Постановленія этого собранія отличались весьма характернымъ образомъ отъ дрезденскихъ и лейпцигскихъ резолюцій. Они высказывались исключительно противъ воинственной политики Бисмарка и называли всякій нейтралитетъ трусостью и предательствомъ. Безусловно отвергая прусскій проектъ переустройства Германскаго союза, они требовали немедленнаго обращенія Шлезвигъ-Голштиніи въ особое государство и затѣмъ, безъ упоминанія о томъ или иномъ избирательномъ правѣ, „учредительнаго парламента, облеченнаго надлежащей властью"; наконецъ они требовали „отъ правительствъ законодательнаго введенія общенароднаго вооруженія",—требованіе, напоминавшее поговорку о „деревянномъ желѣзѣ". Противъ этихъ резолюцій Велькеръ выступилъ уже весьма рѣшительно, тогда какъ Бебель еще одобрялъ ихъ и вошелъ въ комиссію изъ дѣятелей Нѣмецкой народной партіи, которой поручено было выработать программу сопротивленія прусскому властолюбію. Эта программа была вскорѣ обнародована: придерживаясь резолюцій франкфуртскаго собранія, она дѣлала нѣкоторую уступку постольку, поскольку она рядомъ съ гегемоніей Пруссіи отвергала также прямо гегемонію Австріи. Она хотѣла установить нѣмецкое единство въ видѣ федеративнаго союза нѣмецкихъ государствъ на основѣ самоопредѣленія и уменьшить опасность войны со стороны Австріи требованіемъ, чтобы союзники преслѣдовали въ борьбѣ не династическую, а національную политику. Требованіе само по себѣ было превосходно, но, обращенное къ Бейсту съ компаніей, оно не могло

имѣть на практикѣ большаго дѣйствія, чѣмъ обращенное къ гіенамъ приглашеніе не разрывать могилъ, а пастись на лугу, какъ овечки.

Съѣзда нѣмецкихъ рабочихъ ферейновъ въ этомъ году не было въ виду неспокойнаго времени, но комитетъ собрался 10-го іюня въ Маннгеймѣ, гдѣ обнаружилось, что меньшинство склоняется къ точкѣ зрѣнія, дружественной Пруссіи, а большинство—къ точкѣ зрѣнія Нѣмецкой народной партіи. Въ комитетѣ раздавалось много жалобъ на безучастіе образовательныхъ рабочихъ ферейновъ; за значительнымъ большинствомъ ихъ числились недоимки по взносамъ въ кассу. Путаница среди нѣмецкаго пролетаріата казалась настолько великой, что Альбертъ Ланге потерялъ надежду на успѣшную работу и прекратилъ изданіе „*Нижне-рейнскаго Вѣстника*". Въ послѣднемъ номерѣ отъ 29-го іюня онъ писалъ, что всегда стремился подвинуть рабочихъ къ солидарности, къ размышленію и правильному пользованію своей силой; между тѣмъ массы разжигаются теперь агентами, преслѣдующими совершенно иныя цѣли и имѣющими, повидимому, въ своемъ распоряженіи обильныя денежныя средства. Затѣмъ Ланге переѣхалъ осенью въ Швейцарію, откуда ему, къ сожалѣнію, суждено было вернуться въ Германію уже смертельно больнымъ человѣкомъ.

Агенты съ богатыми средствами возбуждали также громкія жалобы „*Соціалъ-демократа*", но онъ называлъ вещи собственнымъ именемъ и обвинялъ графиню Гацфельдтъ въ томъ, что она стоитъ за спиной этихъ агентовъ: она старается привлечь рабочихъ призрачной надеждой на золотыя горы и могущественныхъ покровителей; между тѣмъ Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ никогда не долженъ забывать, что онъ представляетъ собою нѣмецкую демократическую партію, для которой свобода имѣетъ такое же значеніе, какъ равенство, и которая безъ свободы никогда не можетъ достигнуть равенства. Такъ какъ графиня Гацфельдтъ не могла, конечно, выступить предъ рабочими со своими истинными намѣреніями, то она ухватилась за два внѣшнихъ повода. Первымъ поводомъ было то, что полицейскія власти Лейпцига, гдѣ офиціально имѣлъ мѣстопребываніе Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ, не хотѣли признать избранія Тельке въ президенты, пока онъ не докажетъ, что съ потерею прусской національной кокарды онъ не лишился почетныхъ гражданскихъ правъ. Второй поводъ заключался въ сліяніи президентской должности съ секретарской, нарушавшемъ уставъ Союза. 12-го марта

графиня имѣла съ Тельке свиданіе въ Фовинкелѣ близь Эльберфельда и предложила ему здѣсь произвести „спасительный государственный переворотъ": Тельке долженъ былъ путемъ властнаго приказа объявить неимѣющимъ силы все, что произошло въ Союзѣ со времени дюссельдорфскаго общаго собранія, и провозгласить себя непосредственнымъ преемникомъ Лассаля, а Вильмса—секретаремъ Союза. Зато графиня обѣщала устранить противодѣйствіе лейпцигской полиціи его избранію. Тельке остался твердымъ, но чтобы по возможности отнять у графини всякій поводъ къ новому раздору, онъ издалъ 29-го марта распоряженіе, которымъ секретарская должность снова отдѣлялась отъ президентской и секретаремъ Союза назначался Газенклеверъ. 1-го мая Газенклеверъ долженъ былъ переѣхать въ Изерлонъ, мѣстожительство Тельке; насчетъ жалованья между ними состоялось „соглашеніе, не затрогивающее положенія кассы". Далѣе Тельке, впредь до признанія полиціей его избранія, назначилъ вице-президентомъ гамбургскаго уполномоченнаго Перля.

Все это было, конечно, не въ интересахъ графини Гацфельдтъ. Несмотря на то, что во время своихъ переговоровъ съ Тельке она указывала на Гильмана, какъ на главнаго виновника финансовой неурядицы въ Союзѣ, она теперь, смѣло перемѣнивъ фронтъ, сдѣлала своей второй рукой человѣка, противъ котораго выставила столь тяжкія обвиненія, и Гильманъ пошелъ на эту незавидную роль. Гильманъ, графиня Гацфельдтъ и лейпцигская полиція стояли на той точкѣ зрѣнія, что пока избраніе Тельке въ президенты не получило признанія властей, онъ не можетъ также дѣлать въ качествѣ президента никакихъ распоряженій, которыя имѣли бы юридическую силу; единственнымъ законнымъ представителемъ Союза остается тогда Гильманъ, которому франкфуртское общее собраніе довѣрило руководство плебисцитомъ, доставившимъ президентство Тельке.

Поведеніе полицейскихъ властей было въ высокой степени двусмысленно. Пристрастная юстиція ноябрьскаго государственнаго переворота въ Пруссіи лишила національной кокарды не мало честныхъ людей, въ томъ числѣ и стараго Циглера, любившаго отпускать шутки по поводу потери этого драгоцѣннаго украшенія. Но въ то время какъ прусскіе юнкеры просили его не такъ ужъ часто дразнить ихъ старыми глупостями, о которыхъ они неохотно вспоминали, нашлось бюргерско-городское учрежденіе, лейпцигская полиція, которое свило отсюда моральную петлю

для Тельке. Тщетно Тельке доказывалъ судебными постановленіями, что онъ давно находится опять въ обладаніи почетными гражданскими правами, если онъ дѣйствительно когда-либо былъ лишенъ ихъ: лейпцигская полиція требовала удостовѣренія отъ изерлонскихъ полицейскихъ властей, а въ выдачѣ такого удостовѣренія отказывалъ интимный врагъ Тельке, бургомистръ Гюльзманъ. Но этого мало! Чѣмъ усерднѣе лейпцигская полиція искала сучка въ глазу Тельке, тѣмъ больше она оставляла безъ вниманія бревно въ глазу Гильмана: послѣдній уже около года находился подъ конкурсомъ и по саксонскому закону о союзахъ не могъ быть даже членомъ, а не то что предсѣдателемъ политическаго ферейна. Странное поведеніе лейпцигской полиціи объясняется, вѣроятно, тѣмъ самымъ обстоятельствомъ, которое на первый взглядъ придаетъ ему вдвойнѣ странный видъ: въ качествѣ городского учрежденія, полиція была зависима отъ городского совѣта и городскихъ гласныхъ, какъ разъ въ это время начавшихъ благожелательно относиться къ бисмарковской политикѣ,—совершенно такъ, какъ графиня Гацфельдтъ, которая не могла достаточно нахвастаться своимъ вліяніемъ на лейпцигскую полицію.

10-го мая Гильманъ произвелъ переворотъ, на который не согласился Тельке. Онъ назначилъ на 20-е мая выборы новаго президента путемъ плебисцита въ общинахъ Союза, созвалъ на 3 іюня экстренное общее собраніе въ Барменъ и назначилъ Вильмса секретаремъ Союза, поманивъ его соблазнительной перспективой, что онъ получитъ наконецъ легатъ, завѣщанный Лассалемъ. Тельке отвѣтилъ на переворотъ, созвавъ правленіе на 21-ое мая въ Гамбургъ. Тутъ пошла невообразимая сумятица. Старые члены Союза остались, правда, вѣрными знамени, и назначенные Гильманомъ президентскіе выборы были произведены 20-го мая только въ немногихъ общинахъ. Но теперь снова обнаружилось, насколько печальное положеніе финансовой части ослабило способность Союза къ энергичнымъ дѣйствіямъ. „*Соціалъ-демократъ*“ вынужденъ былъ уже къ 1-му апрѣля прекратить ежедневные выпуски и сталъ опять выходить только три раза въ недѣлю, такъ какъ члены Союза не переставали жаловаться на слишкомъ высокую подписную плату. Въ то время какъ графиня Гацфельдтъ сыпала золото пригоршнями, союзная касса была пуста, и Тельке не въ состояніи былъ даже собрать деньги на проѣздъ въ Гамбургъ, чтобы присутствовать

на созванномъ имъ засѣданіи правленія. Правленіе вообще собралось въ недостаточномъ для законности рѣшеній числѣ; налицо было только шесть членовъ его, большинство—изъ самого Гамбурга или близкихъ городовъ: кромѣ Аудорфа и Перля явились еще Іоркъ изъ Гарбурга, Деквицъ изъ Бремена, Бракке изъ Брауншвейга и Фёрстерлингъ изъ Дрездена.

Изъ Берлина прибылъ Швейцеръ, какъ представитель союзнаго органа, но вмѣстѣ съ нимъ пріѣхала и графиня Гацфельдтъ. Теперь она открыто выступила со своими планами. Она обѣщала вывести Союзъ изъ всѣхъ его затрудненій и изъ своего кармана платить жалованье президенту и секретарю, подъ тѣмъ условіемъ, что въ президенты будетъ выбранъ Гильманъ. Большинство присутствующихъ членовъ Союза отвѣтило ей, какъ Ліонель въ „*Орлеанской Дѣвѣ*": „Сударыня, ступайте къ себѣ домой! Мы хотимъ побѣдить при помощи хорошаго оружія, а не при помощи женщинъ". Но графиня все-таки привлекла на свою сторону Деквица и, главное, кассира Союза Фёрстерлинга, который тотчасъ отправился въ рейнскую область къ Гильману и Вильмсу. Организація Союза теперь совершенно распалась въ томъ смыслѣ, что въ немъ не было больше ни одного должностного лица, которое имѣло бы безспорное право на свой постъ.

При такихъ обстоятельствахъ Швейцеръ и оставшіеся вѣрными члены правленія рѣшили, что надо уступить точкѣ зрѣнія лейпцигской полиціи. Они разсчитывали, что большинство членовъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ введено въ обманъ прозрачной игрой графини Гацфельдтъ. Зато разъ общее собраніе откажется выбрать въ президенты креатуру графини Гацфельдтъ, наступившей неурядицѣ будетъ кратчайшимъ способомъ положенъ конецъ. Въ виду того, что Тельке не пріѣхалъ въ Гамбургъ и, слѣдовательно, невозможно было столковаться съ нимъ, рѣшено было черезъ посредство „*Соціалъ-демократа*" предложить публично Перля, какъ кандидата, за котораго должны подать голосъ всѣ члены, не желающіе, чтобы Союзъ попалъ въ руки графини Гацфельдтъ и ея приспѣшниковъ. Исполняя это порученіе, „*Соціалъ-демократъ*" настоятельно убѣждалъ рабочихъ, что они должны наконецъ позаботиться о разумномъ управленіи финансами Союза: недостойно ихъ полагаться на подарки и отказы по завѣщанію. При „неслыханномъ веденіи денежныхъ дѣлъ", господствовавшемъ до тѣхъ поръ въ Союзѣ, нежеланіе рабочихъ жертвовать своими грошенами и пфеннигами представляется

вполнѣ понятнымъ; но отсюда слѣдуетъ только, что они непремѣнно должны создать и поддерживать хорошую финансовую организацію. Германское рабочее движеніе не должно разбиться о такое жалкое препятствіе, о которое никогда еще не терпѣли крушенія англійскіе и французскіе рабочіе союзы.

Энергичное вмѣшательство произвело надлежащее дѣйствіе. Графиня Гацфельдтъ и ея подставныя фигуры направили теперь свои усилія на то, чтобы выиграть еще нѣсколько времени для интригъ; они отложили общее собраніе съ 3-го на 17-ое іюня, и сверхъ того, когда большинство рейнско-вестфальскихъ рабочихъ отвернулось отъ Гильмана, перенесли собраніе изъ Бармена въ Лейпцигъ. Но всѣ эти уловки не помогли дѣлу: 17-го іюня въ Лейпцигѣ съѣхалось третье общее собраніе, и въ президенты былъ выбранъ на остающуюся часть года Перль, получившій 6.082 голоса, противъ Гильмана, за котораго было подано 3.140 голосовъ. На собраніи были представлены 12 делегатами 34 мѣста. Большинство, поданное за Перля, было бы еще гораздо значительнѣе, если бы желѣзнодорожныя сообщенія съ западомъ не были уже прерваны, такъ что изъ рейнско-вестфальскихъ общинъ, почти сплошь голосовавшихъ прежде за Перля, былъ представленъ на общемъ собраніи только Барменъ. Гильманъ обѣщалъ подчиниться рѣшенію большинства и получилъ благодарность общаго собранія за свое поведеніе, что̀ не помѣшало, конечно, ему и его покровительницѣ уже на слѣдующій день начать новыя интриги.

Споръ изъ-за должности секретаря потерялъ свою практическую остроту благодаря тому, что Газенклеверъ и Вильмсъ были оба призваны на военную службу въ качествѣ запасныхъ. Временнымъ секретаремъ былъ назначенъ I. Левіенъ изъ Гамбурга, а кассиромъ — I. М. Гиршъ изъ Эрфурта. Гиршъ служилъ управляющимъ въ одной виноторговлѣ, но несмотря на свою профессію это былъ истинный пролетарій; сынъ ткача, уже съ 4 лѣтъ помогавшій при ткацкомъ станкѣ, онъ прошелъ черезъ всѣ невзгоды класса ткачей, пролетаризованнаго машиннымъ производствомъ, пока благодаря случаю не попалъ въ виноторговлю, на первыхъ порахъ—въ качествѣ мальчика для посылокъ.

Такимъ образомъ Союзъ былъ на время упроченъ опять и могъ снова подумать о политическихъ выступленіяхъ. Въ продолженіе всей этой недѣлями тянувшейся неурядицы былъ парализованъ въ политическомъ смыслѣ и „*Соціалъ-демократъ*"; онъ

оборвалъ посерединѣ начатый рядъ статей о „Габсбургахъ, Гогенцоллернахъ и нѣмецкой соціалъ-демократіи" горькимъ замѣчаніемъ, что смѣшно заниматься соціалъ-демократической политикой, пока Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ изъ ферейна для игры и личныхъ передрягъ не сталъ снова серьезной партіей дѣйствія. Легенда, будто послѣ досрочнаго освобожденія изъ тюрьмы Швейцеръ занимался частью въ „*Соціалъ-демократѣ*", частью во время агитаціонныхъ поѣздокъ по Германіи, предательскими махинаціями въ пользу политики Бисмарка, представляетъ собою дѣйствительно не болѣе какъ легенду. За мѣсяцъ іюнь ему пришлось трижды высказываться публично: въ статьѣ, помѣщенной въ номерахъ „*Соціалъ-демократа*" отъ 6-го и 8-го іюня, въ лекціи, которую онъ читалъ 11-го іюня въ Эрфуртѣ предъ 1.500 рабочими, наконецъ—въ лекціи, которую онъ прочелъ въ Лейпцигѣ 16-го іюня, наканунѣ общаго собранія. Статья и лекціи одинаково свидѣтельствуютъ и объ его честности, и объ его талантѣ.

Статья въ „*Соціалъ-демократѣ*" была посвящена кредитнымъ кассамъ, которыя прусское правительство учредило въ серединѣ мая для выпуска билетовъ на сумму въ 25 милліоновъ талеровъ; билеты должны были приниматься всѣми государственными кассами по полной нарицательной стоимости, но въ сдѣлкахъ между частными лицами пріемъ ихъ не былъ обязателенъ. Цѣлью кассъ было объявлено „удовлетвореніе потребности въ кредитѣ", которая тѣмъ сильнѣе давала себя чувствовать, особенно мелкимъ бюргерамъ, чѣмъ больше политическій кризисъ влекъ за собою кризисъ хозяйственный. Въ этой мѣрѣ кредитныя кассы были несомнѣнно орудіемъ бисмарковской политики. Консервативная и либеральная печать одинаково преувеличивала ихъ значеніе, но въ противоположныхъ направленіяхъ. Консервативныя газеты изображали дѣло въ такомъ видѣ, что учрежденіе кассъ есть удивительно геніальное изобрѣтеніе правительства, которое хочетъ радикально помочь экономическимъ страданіямъ массъ. Напротивъ, либеральныя газеты предостерегали противъ пріема „фальшивыхъ денегъ", такъ какъ конституціонное право правительства на учрежденіе кредитныхъ кассъ по меньшей мѣрѣ весьма сомнительно, а послѣдующаго утвержденія палаты депутатовъ, которое во всякомъ случаѣ необходимо, правительству никогда не удастся получить. Сверхъ того либеральная печать утверждала, что кредитныя кассы будутъ помогать только круп-

ному капиталу, — отъ какового обстоятельства честные господа манчестерцы вдругъ пришли въ необыкновенный ужасъ.

Имѣя предъ собою эту демагогію справа и слѣва, Швейцеръ исполнилъ первый долгъ публициста — разоблачить комедію и просвѣтить массы относительно чрезвычайно важнаго для нихъ вопроса, какъ обстоитъ дѣло съ новыми деньгами. Изслѣдовавъ прежде всего финансово-техническія условія выпуска этихъ денегъ, онъ пришелъ къ заключенію, что хотя клочокъ бумаги не есть деньги, а можетъ только замѣнять деньги, однако билеты кредитныхъ кассъ такъ же надежны, какъ прусскія бумажныя деньги вообще. Выпущена ли одна бумага согласно конституціи, а другая нѣтъ, это безразлично для денежнаго обращенія, интересующагося больше чѣмъ какой бы то ни было другой элементъ человѣческаго общества только реальнымъ положеніемъ дѣла, а не доктринерски-теоретическимъ пререканіемъ, въ которое давно выродился прусскій конституціонный конфликтъ. Если дѣла пойдутъ хорошо для Пруссіи, то пріемъ билетовъ кредитныхъ кассъ не представляетъ никакой опасности, въ противномъ случаѣ нѣтъ, конечно, никакой гарантіи, ибо въ минуты нужды правительства не церемонятся съ обязательствами, которыя они приняли на себя.

Относительно самихъ кредитныхъ кассъ Швейцеръ писалъ, что онѣ представляютъ собою всего меньше геніальное откровеніе: это— неоднократно уже примѣненное правительствами средство принести населенію незначительное облегченіе во время большихъ кризисовъ. Въ общемъ экономическомъ положеніи онѣ рѣшительно ничего не мѣняютъ. Вина за настоящій хозяйственный кризисъ падаетъ на тѣхъ, которые ради династическихъ цѣлей вызвали опасность войны; кредитныя кассы не устраняютъ кризиса, а только немного ослабляютъ его. Крупному капиталу названныя кассы идутъ на пользу лишь постольку, поскольку въ капиталистическомъ обществѣ все идетъ въ концѣ концовъ на пользу этому капиталу; за этой общей оговоркой онѣ приносятъ пользу преимущественно мелкому капиталу, „но, конечно, въ формѣ, единственно возможной при настоящихъ условіяхъ и не весьма утѣшительной". Что касается рабочихъ, то они эксплуатируются капиталомъ, все равно—крупнымъ ли или мелкимъ; имъ кредитныя кассы оказываютъ, пожалуй, ту услугу, что возможность быть предметомъ дальнѣйшей эксплуатаціи все же предпочтительнѣе простого голоданія. Если бы агитація прогрессистовъ

противъ кредитныхъ кассъ могла обезпечить въ результатѣ бюджетное право народнаго представительства, то рабочимъ слѣдовало бы, конечно, стоять въ первыхъ рядахъ борцовъ, но на это нѣтъ ни малѣйшей надежды, послѣ того какъ трусливая либеральная буржуазія давно упустила надлежащій моментъ для рѣшительныхъ дѣйствій.

Лекція, которую Швейцеръ читалъ 11-го іюня въ Эрфуртѣ, касалась соціализма и частной собственности на землю. Швейцеръ объяснилъ въ весьма популярной формѣ существо поземельной ренты и разсѣялъ химерическія фантазіи, въ кругу которыхъ еще теперь продолжаютъ вращаться реформаторы земельной собственности. Онъ показалъ, что только обобществленное производство можетъ исцѣлить тѣ ужасныя страданія, которыя влечетъ за собою для рабочихъ частная собственность на землю. Лекція принадлежитъ не только къ лучшимъ вещамъ Швейцера, но и къ лучшему изъ того, что соціалистическая литература дала до сихъ поръ по земельному вопросу; на одинаково небольшомъ пространствѣ вопросъ этотъ, быть можетъ, никогда еще не былъ изложенъ съ такой прозрачной ясностью.

Наконецъ, лекція Швейцера въ Лейпцигѣ разсматривала задачу соціалъ-демократической партіи въ настоящемъ. Швейцеръ повторилъ вкратцѣ то воззрѣніе на нѣмецкій вопросъ, которое было развито въ „*Соціалъ-демократѣ*". Безконечно печальная особенность положенія, его невыразимое проклятіе заключается въ томъ, что вопросъ идетъ только о господствѣ Пруссіи или Австріи въ Германіи, третій же исходъ невозможенъ больше ни въ настоящій моментъ, ни въ доступномъ предвидѣнію будущемъ. Молодая рабочая партія, существующая всего нѣсколько лѣтъ, не можетъ мановеніемъ волшебнаго жезла измѣнить это положеніе, она въ состояніи только констатировать въ настоящій роковой моментъ, что если возстаніе народа противъ его династій невозможно, то вину за это несетъ мало-нѣмецкая буржуазія, готаизмъ. Рабочая партія не можетъ проникаться энтузіазмомъ ни въ пользу прусскаго абсолютизма, ни въ пользу австрійскаго режима, ставящаго себѣ главной задачей держать народъ въ духовной тьмѣ, она можетъ только направить свои усилія на то, чтобы уступку, вырванную у прусскаго правительства давленіемъ политическаго положенія, сдѣлать дѣйствительнымъ завоеваніемъ. „Во всей Пруссіи, а затѣмъ и во всей Германіи, насколько простирается наше вліяніе, мы должны устраивать массовыя собранія, которыя

властно и даже угрожающе потребовали бы отъ прусскаго правительства всеобщаго избирательнаго права, какъ неотъемлемаго права народа". Что касается вопроса, не слѣдуетъ ли все-таки рабочимъ въ спорѣ между Пруссіей и Австріей стать активно на сторону одной изъ нихъ, то отвѣтъ гласитъ: „Пока еще нѣтъ! Но если намъ удастся подвинуть прусское правительство дальше по пути уступокъ намъ, если дѣла примутъ такой оборотъ, что нашъ операціонный базисъ сможетъ быть только въ Пруссіи, а въ Австріи руки останутся у насъ по прежнему связанными,— тогда, да, тогда мы станемъ на извѣстную сторону, не противъ права и свободы націи, какъ утверждаютъ лжецы и недалекіе болтуны, но безспорно противъ австрійскаго правительства и режима Союзнаго Сейма; тогда мы будемъ надѣяться и желать, тогда мы сдѣлаемъ все зависящее отъ насъ, чтобы побѣда осталась не за знаменами Австріи, а за знаменами Пруссіи, не за знаменами Бенедека, а за знаменами Бисмарка и Гарибальди". Согласно съ этимъ воззрѣніемъ общее собраніе постановило на слѣдующій день, что нужно безотлагательно и со всевозможной энергіей повести агитацію въ пользу всеобщаго избирательнаго права, на основѣ котораго долженъ выбираться не только германскій парламентъ, но и ландтаги отдѣльныхъ странъ.

Когда это постановленіе было принято, жребій нѣмецкаго народа былъ уже брошенъ.

---

3. Рабочій классъ послѣ австро-прусской войны.

Въ теченіе немногихъ недѣль положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось. Быстрыми ударами прусская армія разбила австрійскія военныя силы и войска нѣмецкихъ государствъ средней величины, ставшихъ въ рѣшительный моментъ на сторону Габсбурговъ. Побѣжденныя правительства, включительно съ вѣнскимъ дворомъ и за исключеніемъ баденскаго, проявили свой нѣмецкій патріотизмъ тѣмъ, что бросились въ объятія Бонапарта, прося его помощи. Французскій протестъ остановилъ побѣдное шествіе прусскаго оружія, и миръ былъ заключенъ согласно французскимъ предложеніямъ. „Революція сверху" осталась вѣрной своему характеру и въ томъ отношеніи, что она остановилась на полдорогѣ, сдерживаемая властнымъ словомъ иноземнаго деспота.

Такимъ образомъ, все осталось въ неопредѣленномъ состояні

Австрія отказалась отъ всякаго вмѣшательства въ нѣмецкія дѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ ея нѣмецкія провинціи были потеряны для Германіи. Государства къ сѣверу отъ Майна образовали союзное государство, такъ что могущество прусскаго дома, еще значительно усилившееся благодаря присоединенію Шлезвигъ-Голштиніи, Ганновера, Кургессена, Нассау и Франкфурта, тяготѣло теперь подавляющимъ образомъ надъ множествомъ мелкихъ вассаловъ. Напротивъ, государства къ югу отъ Майна—Баварія, Вюртембергъ, Баденъ и часть Гессенъ-Дармштадта—висѣли въ воздухѣ; отъ ихъ усмотрѣнія всецѣло зависѣло, разыгрывать ли изъ себя, отдѣльно или сообща, роль европейскихъ державъ, или же вступить въ „національную связь" съ Сѣверо-германскимъ союзомъ,—какъ имъ заблагоразсудится.

Съ самаго же начала ясно было, что это состояніе не можетъ долго длиться, и фактически никто не вѣрилъ въ его долговѣчность. Правда, получить всю Германію, включительно съ нѣмецко-австрійскими провинціями, можно было только путемъ революціи снизу,—революціи, которая послѣ подавляющихъ успѣховъ прусскаго оружія отодвинулась въ большую даль, чѣмъ когда-либо со времени мартовскихъ дней 1848 г. Но майнская линія, какъ бы она ни соотвѣтствовала традиціямъ прусскаго государственнаго искусства и какова бы ни была роль, которую она играла въ переговорахъ Бисмарка съ Бонапартомъ, потеряла свой старый смыслъ измѣны отечеству, съ тѣхъ поръ какъ Австрія была выброшена изъ Германіи. Не прусскій народный учитель побѣдилъ при Кёниггретцѣ, какъ хотѣла объяснить побѣды игольчатаго ружья извѣстная риторическая фраза, а таможенный союзъ, создавшій за 30 лѣтъ своего существованія одну большую хозяйственную область. Экономическія потребности этой области, въ которой капиталистическій способъ производства завоевывалъ каждый день новыя полосы,—вотъ что было реальной почвой, изъ которой выросли стремленія къ національному единству. Политическія узы, соединявшія эту хозяйственную область съ Австріей, могли быть разорваны тѣмъ легче, чѣмъ больше онѣ составляли стѣснительныя путы для ея сплоченія въ одно экономическое цѣлое, но по той же причинѣ собственныя экономическія связи ея не могли быть уничтожены путемъ государственно-правовыхъ измышленій. Южно-германскія государства не могли разыгрывать роль европейскихъ державъ, они не могли также стать французскими или австрійскими вассалами,—развѣ если бы

крупная хозяйственная область, сросшаяся за 30 лѣтъ въ одно цѣлое и находившаяся въ восходящемъ періодѣ капиталистическаго развитія, разбилась на тысячу кусковъ. Но это относилось къ категоріи историческихъ невозможностей.

Бисмаркъ понялъ положеніе и съ безспорной ловкостью сумѣлъ приспособить къ нему свою политику. Онъ былъ теперь дѣятельно занятъ осуществленіемъ программы, которую развилъ или будто бы развилъ въ 1864 г. русскому статскому совѣтнику Эверту: „Однихъ я куплю,—сказалъ тогда Бисмаркъ,—другихъ запугаю, третьихъ поколочу и, наконецъ, привлеку всѣхъ на свою сторону, поведя ихъ противъ Франціи". Бисмаркъ укротилъ алчность короля, который прежде ни за что не хотѣлъ воевать, такъ что его изо всѣхъ силъ пришлось толкать къ войнѣ, но который теперь грозилъ отреченіемъ отъ престола, если ему не дадутъ проглотить на старо-прусскій манеръ столько земли и людей, сколько въ данный моментъ находилось въ его власти. Подобно самой Австріи, южно-нѣмецкія государства получили миръ на очень мягкихъ условіяхъ; Бисмаркъ гораздо больше цѣнилъ оборонительно-наступательные союзы, выговоренные у нихъ за это и сохранявшіеся сначала въ тайнѣ, чѣмъ нѣсколько квадратныхъ миль баварской или швабской земли. Что касается честнаго Бонапарта, осторожно зондировавшаго теперь почву насчетъ возможныхъ „компенсацій", то Бисмаркъ повелъ себя согласно правилу: „на одного мошенника полтора"! Отнынѣ онъ началъ разыгрывать изъ себя строгаго блюстителя нѣмецкой чести, не въ силу нѣмецкаго образа мыслей, который всегда былъ чуждъ ему и его королю, а изъ правильно понятаго интереса прусской политики. Онъ попрежнему не стѣснялся примѣнять „медлительную" тактику къ аппетиту Бонапарта на счетъ нѣмецкой территоріи, но эта тактика служила ему теперь только приманкой, чтобы заманить лисицу въ капканъ.

На свой ладъ буржуазія также поняла положеніе, но именно лишь на свой ладъ. Раньше чѣмъ вспыхнула война, Бисмаркъ распустилъ палату депутатовъ, и его спекуляція на національную струнку удалась теперь лучше, чѣмъ въ 1863 г. Въ тотъ самый день, когда произошла главная рѣшающая битва австро-прусской войны, т.-е. 3-го іюля, прогрессистское большинство палаты депутатовъ растаяло на выборахъ первой степени, и вдобавокъ господствовавшая до тѣхъ поръ партія теперь раскололась. Подобно тому какъ отъ старой феодальной партіи отдѣлилась сво-

бодно-консервативная фракція, понявшая наконецъ, что безъ извѣстныхъ уступокъ капитализму нельзя получить опруссаченія Германіи, такъ отъ партіи прогрессистовъ отдѣлилась національлиберальная фракція, отказавшаяся, наконецъ, безъ всякихъ фразъ отъ притязаній буржуазіи на политическое господство, лишь бы удовлетворены были матеріальные интересы этого класса. Она была глубоко тронута, когда Бисмаркъ внесъ предложеніе о снятіи съ правительства отвѣтственности („индемнитетѣ") за веденіе финансоваго хозяйства послѣднихъ лѣтъ безъ утвержденнаго парламентомъ бюджета; не понимая или не желая понимать, насколько этотъ индемнитетъ необходимъ правительству, не сдѣлавъ ни единой попытки измѣнить 99-ую статью конституціи такимъ образомъ, чтобы бюджетное право палаты депутатовъ было недвусмысленно обезпечено на будущее время, значительное большинство палаты депутатовъ вотировало законъ объ индемнитетѣ, чтобы въ награду выслушать затѣмъ отъ короля, что при одинаковыхъ обстоятельствахъ онъ всегда будетъ поступать такъ же, какъ въ годы конституціоннаго конфликта. Вагенеръ былъ не неправъ, когда истолковывалъ этотъ сортъ индемнитета въ томъ смыслѣ, что имъ не заглаживаются противозаконныя дѣйствія правительства, а, напротивъ, подтверждается правота послѣдняго.

Добро бы еще, еслибъ. изъ остатка прогрессистской парті , удержавшаго свое старое названіе и старую программу, развилась мелкобуржуазная демократія! Но и объ этомъ не было рѣчи. Въ растаявшей прогрессистской партіи находились весьма различные элементы; рядомъ съ мелко-буржуазными демократами сидѣли конституціонные зайцы, въ родѣ Классена-Каппельмана, фанатическіе пруссаки въ родѣ Вальдека и Циглера, сикофанты крупнаго капитала въ родѣ Евгенія Рихтера, который рожденъ былъ состоять управляющимъ у Блейхредера и съ горя отъ неудавшагося призванія напалъ на несчастную мысль разыгрывать роль вождя партіи и политическаго дѣятеля. Только одинъ человѣкъ изъ старой прогрессистской партіи, Іоганнъ Якоби, былъ проникнутъ честнымъ и мужественнымъ желаніемъ по прежнему держать высоко знамя бюргерскихъ идеаловъ, наперекоръ побѣдоноснымъ властителямъ; вмѣстѣ съ римскимъ закономъ 12-ти таблицъ онъ говорилъ; contra hostem aeterna auctoritas esto, противъ врага свободы право народа никогда не угасаетъ.

На такую жалкую политику, какой занималась буржуазія, пролетаріатъ не былъ способенъ. Его великія конечныя цѣли вообще

не затрагивались германскимъ переворотомъ, рѣчь могла идти лишь о томъ, не измѣнился ли путь къ этимъ цѣлямъ. И вопросъ получилъ тотчасъ свое разрѣшеніе постольку, поскольку побѣда прусскаго духа означала также побѣду реакціи, и борьба за политическую свободу, безъ которой пролетаріатъ не въ состояніи достигнуть своихъ соціальныхъ цѣлей, стала вслѣдствіе этого еще болѣе трудной и, слѣдовательно, еще болѣе необходимой. Теперь осталось рѣшить лишь одно: какимъ образомъ можно всего успѣшнѣе вести освободительную борьбу пролетаріата, становясь ли на почву новаго порядка, или же внѣ этой почвы? Дѣло шло о правильномъ отвѣтѣ на вопросъ: былъ ли день Кёниггреца историческимъ рѣшеніемъ, или грубой, случайной удачей авантюристской политики; указалъ ли онъ развитію Германіи новый путь, или загналъ его въ тупикъ, откуда его нужно первымъ дѣломъ вывести. Неодинаковое рѣшеніе этого вопроса внесло на много лѣтъ раздоръ въ нѣмецкій рабочій классъ, который заплатилъ, такимъ образомъ, послѣднюю дань жалкой раздробленности Германіи.

Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ рѣшилъ, что надо бороться на почвѣ новаго порядка. Во время самой войны агитація въ пользу всеобщаго избирательнаго права, необходимость которой была признана лейпцигскимъ общимъ собраніемъ, приняла внушительные размѣры. По распоряженію новаго президента Перля, переѣхавшаго временно въ Берлинъ, первыми начали устраивать большія собранія силезскіе члены Союза; собранія происходили въ теченіе первой недѣли іюля въ Эрнсдорфѣ, Дрейссиггубенѣ, Лангенбилау, Петерсвальдау, Штейнзейферсдорфѣ, Штольбергсдорфѣ, Вюсте - Гирсдорфѣ и закончились силезскимъ рабочимъ съѣздомъ въ Вюсте-Вальтерсдорфѣ. На второй недѣлѣ іюля рабочихъ созвали сѣверо-германскія отдѣленія въ Гамбургѣ, Альтонѣ, Килѣ, Пиннебергѣ, Эльмсгорнѣ, Глюкштадтѣ, Итцегоэ, Бременѣ, Гарбургѣ, Ганноверѣ, Брауншвейгѣ, Магдебургѣ, Штеттинѣ; этотъ рядъ собраній заключился сѣверо-германскимъ рабочимъ съѣздомъ въ Гамбургѣ. Во второй половинѣ іюля то же сдѣлали общины Союза въ средней и южной Германіи: Лейпцигъ, Тонбергъ, Штеттерицъ, Нейштадтъ, Оберкендлеръ, Грюна, Плауэншеръ Грундъ, Гроссенгайнъ, Глаухау, Дрезденъ, Лейснигъ, Бёленъ, Наумбургъ, Апольда, Берфельденъ, Эрфуртъ, Майнцъ, Франкфуртъ на М., Оффенбахъ, Аугсбургъ, Ашъ въ Б.; заключеніе составилъ средне- и южно-германскій рабочій съѣздъ въ Лейпцигѣ.

Вслѣдъ за ними двинулись рейнско-вестфальскія общины: Кельнъ, Барменъ, Эльберфельдъ, Ронсдорфъ, Ремшейдъ, Золингенъ, Вальдъ, Вермельскирхенъ, Дюссельдорфъ, Герресгеймъ, Гильденъ, Дерендорфъ, Дуисбургъ, Мейдерихъ, Дюнвальдъ, Мюльгеймъ, Альтена, Гагенъ, Изерлонъ, Гёрде и еще многія другія; въ августѣ вся эта, въ своемъ родѣ грандіозная манифестація закончилась рейнско-вестфальскимъ рабочимъ съѣздомъ въ Барменѣ.

Къ этому времени пороховой дымъ разсѣялся въ достаточной степени, чтобы было можно обозрѣть результаты войны. Ни одна газета въ Германіи не обнаружила при этомъ такую ясность и широту кругозора, какъ „*Соціалъ-демократъ*". Безпощадно бичуя жалкое пресмыкательство австрійскаго кабинета и мелкаго „сброда государствъ" предъ Бонапартомъ, газета въ номерѣ, три раза подъ рядъ конфискованномъ полиціей, отнеслась съ такимъ же суровымъ осужденіемъ къ агитаціи за майнскую линію, которую вели въ трогательномъ согласіи другъ съ другомъ „*Крестовая Газета*" и „*Національная Газета*". „Если вы требовали крови и желѣза только для того, чтобы изъ постыдной раздробленности нашего отечества сдѣлать еще болѣе постыдную разорванность его,— писалъ „*Соціалъ-демократъ*",—то ясно, что вы безсовѣстно проливали драгоцѣнную кровь нашего народа ради презрѣнныхъ династическихъ интересовъ". Наканунѣ заключенія мира „*Соціалъ-демократъ*" отнесся скептически какъ къ пруссофобскому воплю по поводу созданной теперь майнской линіи, такъ и пруссофильскому шуму по поводу созданнаго теперь единства Германіи. „Новая Германія не есть Германія майнской линіи... Проектируемый южно-германскій союзъ можетъ по положенію вещей вести лишь настолько призрачное существованіе въ сравненіи съ сплоченной сѣверо-германской державой, что объ образованіи имъ серьезнаго противовѣса Пруссіи врядъ ли можетъ идти рѣчь; мало того—національныя стремленія и тамъ будутъ съ внутренней необходимостью тяготѣть къ Пруссіи. Весь югъ будетъ побочной страной, испытывающей постоянное внутреннее влеченіе соединиться съ главной страной". Но если нельзя говорить о майнской линіи въ традиціонномъ смыслѣ, то прусское правительство заслуживаетъ тѣмъ не менѣе суроваго порицанія. Оно не можетъ оправдать пролитой крови, если изъ этой войны не получится истинно-національное созданіе. Оффиціальная газета прусскаго правительства требуетъ, какъ своего рода патріотическаго долга, прекращенія агитаціи за созданіе государственнаго организма, обнимающаго

все отечество. „Но въ данномъ случаѣ важно не то, что пріятно или непріятно прусскому правительству и его *„Государственному Указателю"*: важно вѣчное и неотъемлемое право націи. Совершенно вѣрно, что мы не получили никакой майнской линіи, но столь же вѣрно и то, что мы не добились единства Германіи. Національная агитація не должна успокоиться до тѣхъ поръ, пока вся великая Германія не будетъ стоять въ законченномъ видѣ въ сердцѣ Европы".

Точка зрѣнія *„Соціалъ-демократа"* проявилась, быть можетъ, наиболѣе характернымъ образомъ въ его критикѣ рѣчи, которой Іоганнъ Якоби протестовалъ въ прусской палатѣ депутатовъ противъ новаго положенія вещей въ Германіи. *„Соціалъ-демократъ"* напечаталъ рѣчь на самомъ видномъ мѣстѣ газеты, за что опять поплатился полицейской конфискаціей, и прибавилъ: „Какъ этой рѣчи не возбуждать нашего почтительнаго удивленія! Среди отчаяннаго дезертирства и хаотическаго разложенія мы слышимъ, какъ раздается энергичный голосъ человѣка, который, не смущаясь могучимъ впечатлѣніемъ отъ отрывка всемірной исторіи, разыгравшагося предъ его глазами, не смущаясь измѣной и отпаденіемъ въ собственномъ лагерѣ, поднимаетъ старый кличъ свободы— боевой кличъ всей своей долгой жизни". Однако противъ замѣчанія Якоби, что онъ не можетъ радоваться побѣдамъ Пруссіи, что онѣ отодвинули вожделѣнную цѣль нѣмецкаго единства и свободы въ еще большую даль, чѣмъ прежній Союзный сеймъ и режимъ, существовавшій до войны,—противъ этого замѣчанія *„Соціалъ-демократъ"* возразилъ, что тутъ нужно устранить одно недоразумѣніе. Безспорно, прусскія побѣды прискорбны, такъ какъ установленіе нѣмецкаго единства начато династической войной, а не самостоятельнымъ и народнымъ возстаніемъ націи. „Но рѣшительныя событія свершились, мы не можемъ вернуть назадъ всемірную исторію. Обѣ великія державы Германіи вели борьбу за господство надъ нашимъ отечествомъ, побѣда осталась за Пруссіей, отнынѣ существуетъ только *одна* нѣмецкая великая держава. Это не есть то рѣшеніе, котораго мы хотѣли, но это есть рѣшеніе, и именно оно фактически существуетъ. Но разъ положеніе дѣла было таково, что вопросъ былъ поставленъ только между Австріей и Пруссіей, а не между націей и ними, то либеральные элементы Германіи и, въ особенности, рабочій классъ должны радоваться, что пруссаки стояли подъ Вѣною, а не австрійцы подъ Берлиномъ. Мы хотѣли бы, чтобы насъ правильно поняли: что вопросъ

былъ поставленъ только между Габсбургами и Гогенцоллернами, объ этомъ слѣдуетъ глубоко пожалѣть, и не на насъ, новую, едва основанную рабочую партію можетъ пасть вина. Но разъ ужъ вопросъ фактически стоялъ такъ, то лучше было, чтобы побѣдила Пруссія, а не Австрія. Что дала бы намъ побѣда Габсбурга? Новый союзный режимъ со старою слабостью и беззащитностью Германіи противъ другихъ державъ, со смѣхотворно мелочными порядками внутри страны, и вдобавокъ—іезуитство, желѣзный гнетъ и доводящую до отчаянія продажность. Мы хорошо знаемъ, что и Пруссія не приноситъ намъ избытка хорошаго, но здѣсь есть по крайней мѣрѣ надежда на лучшее, и именно къ осуществленію этой надежды должна теперь направиться агитація всѣхъ демократическихъ элементовъ въ Германіи. Нѣтъ, мы не стоимъ дальше отъ единства Германіи, чѣмъ во время союзнаго режима".

Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что этотъ взглядъ на дѣло соотвѣтствовалъ воззрѣніямъ, господствовавшимъ въ рабочихъ массахъ, особенно—въ сѣверно-германскихъ, но отчасти также въ средне - и южно-германскихъ. Послѣ всѣхъ бѣдствій, которыя режимъ Союзнаго Сейма принесъ именно пролетаріату, было вполнѣ естественно, что этотъ классъ отнесся къ обороту дѣлъ, который сулилъ дать ему по крайней мѣрѣ немного больше свободнаго воздуха, какъ къ меньшему изъ двухъ золъ, разъ ужъ нельзя было получить ничего лучшаго. Изъ среды Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза не раздался ни одинъ звукъ протеста противъ позиціи, занятой „*Соціалъ-демократомъ*", но зато было не мало заявленій, становившихся на прусскую сторону гораздо рѣшительнѣе „*Соціалъ-демократа*". Газенклеверъ, который былъ призванъ на службу изъ запаса и находился на постоѣ въ фамильномъ замкѣ герцога Аугустенбургскаго, напечаталъ въ „*Flensburger Zeitung*" стихотвореніе въ честь объединителя Бисмарка, а Тельке развилъ въ длинномъ рядѣ статей партійную программу, клонившуюся къ „полному объединенію Германіи подъ скипетромъ гогенцоллернской имперіи съ полной политической и промышленной свободой". Вмѣшательство Швейцера носило и въ данномъ случаѣ, какъ въ случаѣ антипатіи рабочихъ къ прогрессистской партіи, не разжигающій, а сдерживающій характеръ.

Въ рядѣ статей, озаглавленныхъ „Наша партійная программа", онъ развилъ противъ Тельке мысль, что соціальное требованіе пролетаріата, освобожденіе труда отъ оковъ капитала, стоитъ

выше всякой смѣны политическихъ порядковъ. Столь же ясно, что нѣмецкая соціалъ-демократія можетъ требовать разрѣшенія рабочаго вопроса только отъ народнаго государства, что нѣмецкіе рабочіе никогда не должны становиться орудіями властолюбивыхъ юнкеровъ. Побѣда Пруссіи надъ Австріей сдѣлала реакціонные элементы въ Пруссіи болѣе могущественными, чѣмъ когда-либо, слѣдовательно—по части свободы все остается при старой борьбѣ. Но насчетъ единства произошла перемѣна въ томъ отношеніи, что нѣмецкій дуализмъ устраненъ. „Прусское правительство имѣетъ ту заслугу, что оно создало ядро національной силы, которое не есть еще, правда, основа могущества и величія, но можетъ и должно стать ею, и если нація исполнитъ свой долгъ, непремѣнно станетъ ею". Изъ-за этого не слѣдуетъ, конечно, забывать, что прусское правительство дѣйствуетъ въ интересѣ специфически - прусскаго духа, что интересъ, якобы испытываемый имъ къ нѣмецкому единству, представляетъ собою только пустое увѣреніе. Но такія завѣренія фатальны въ политикѣ: что-нибудь, вѣдь, приходится предпринять, чтобы сдѣлать ихъ правдоподобными. Такъ, прусское правительство выступило съ проектомъ германскаго парламента на основѣ всеобщаго избирательнаго права, отъ этого плана остались вслѣдствіе хода событій однѣ развалины, однако даже сѣверо-германскій парламентъ, какимъ бы слабымъ средствомъ онъ ни былъ противъ столь могущественнаго теперь прусскаго правительства, долженъ быть использованъ рабочимъ классомъ въ интересѣ національнаго дѣла: при извѣстныхъ условіяхъ онъ все-таки можетъ стать силою. Но никоимъ образомъ національная задача не можетъ заключаться въ томъ, чтобы повернуть назадъ событія 1866 г., возстановить старый дуализмъ или поставить на мѣсто реакціонныхъ прусскихъ круговъ еще гораздо болѣе реакціонные австрійскіе круги.

Въ Берлинѣ находится центръ силы, на который нужно воздѣйствовать, чтобы создать нѣмецкое единство. „Не только южно-германскія государства должны быть привлечены къ существующему теперь ядру, нѣмецкая Австрія также принадлежитъ намъ и будетъ принадлежать намъ, пока въ ней звучитъ нѣмецкій языкъ". Но необходимо единое, а не союзное государство. Союзное государство, въ которомъ одно государство могущественнѣе всѣхъ остальныхъ, вмѣстѣ взятыхъ, есть постоянное противорѣчіе въ себѣ самомъ, открытая ложь. Въ особенности оно угрожаетъ дѣлу свободы бо́льшей опасностью, чѣмъ единое госу-

дарство, ибо правительство государства, обладающаго наибольшей силой, имѣетъ фактически всю власть въ своихъ рукахъ, тогда какъ противостоящая ему народная сила неестественно раздѣлена и разобщена. „Возможно, конечно,—и это сбиваетъ многихъ съ толку, — что въ какомъ-нибудь мелкомъ захолустномъ государствѣ дозволяется говорить нѣсколько громче, чѣмъ въ главномъ государствѣ, но не надо забывать слѣдующаго: все, что тамъ говорится и дѣлается, вообще не имѣетъ никакого значенія". Такимъ образомъ, рабочій классъ долженъ поддерживать прусское правительство противъ партикуляристскихъ и габсбурго-дуалистическихъ стремленій, въ особенности же онъ долженъ это дѣлать со всѣмъ пыломъ любви къ отечеству въ возможныхъ конфликтахъ съ иноземными правительствами, падкими до вмѣшательства въ нѣмецкія дѣла. Но вмѣстѣ съ тѣмъ рабочій классъ долженъ всегда помнить, что онъ не имѣетъ дѣла съ свободолюбивымъ народнымъ правительствомъ, онъ долженъ, не смущаясь лживыми панегириками власть имущимъ, сохранять на каждомъ шагу демократическое недовѣріе—этотъ палладіумъ всѣхъ истинно народныхъ партій.

Когда Швейцеръ опубликовалъ изложенную программу, саксонскіе рабочіе сошлись уже подъ вліяніемъ войны на другой программѣ, которая была обсуждена и принята 19 августа 1866 г. на „собраніи саксонской демократіи" въ Хемницѣ. Собраніе состояло исключительно или почти исключительно изъ делегатовъ отъ саксонскихъ рабочихъ ферейновъ; большинство делегатовъ, какъ Росмеслеръ, Бебель, Либкнехтъ, Кнѣфель, адвокаты Шрапсъ и братья Фрейтагъ, были присланы образовательными рабочими ферейнами, а меньшинство—общинами Всеобшаго Германскаго Рабочаго Союза въ Дрезденѣ, Лейпцигѣ, Глаухау, Лимбахѣ и Хемницѣ. Послѣ 6-часового обсужденія была принята программа, рекомендовавшая участвовать въ выборахъ въ сѣверо-германскій парламентъ, но лишь для того, чтобы вести тамъ непримиримую борьбу съ положеніемъ вещей, созданнымъ войною, поддерживать полностью великонѣмецкія демократическія объединительныя стремленія и добиваться созванія учредительнаго парламента съ представителями отъ всѣхъ нѣмецкихъ государствъ, въ томъ числѣ и отъ нѣмецкихъ областей Австріи.

Прочія требованія хемницкой программы сводились къ слѣдующему: полная демократизація государства, всеобщее избирательное право во всѣхъ областяхъ государственной жизни (на выборахъ въ парламентъ, въ палаты отдѣльныхъ государствъ, коммунальныя

представительныя собранія и т. д.), замѣна постояннаго войска народнымъ ополченіемъ, свобода печати, свобода союзовъ и собраній, мѣстное самоуправленіе, независимость судовъ, отдѣленіе школы отъ церкви и церкви отъ государства, реформа народныхъ школъ и т. п. Какъ спеціальныя требованія для пролетаріата выставлялись: освобожденіе труда и рабочихъ отъ всякаго гнета и всякихъ путъ, улучшеніе быта рабочаго класса, свобода передвиженія, свобода промысла, обще-германское право осѣдлости, поощреніе и поддержка кооперативнаго дѣла, въ особенности — производительныхъ товариществъ, чтобы сгладился антагонизмъ между капиталомъ и трудомъ. Всѣ эти требованія соотвѣтствовали по внѣшности программѣ Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза, но существенно отличались отъ нея въ томъ отношеніи, что были выставлены въ буржуазно-демократическомъ смыслѣ: подъ всеобщимъ избирательнымъ правомъ они не подразумѣвали завоеванія государственной власти рабочимъ классомъ; точно такъ же они подъ государственнымъ содѣйствіемъ производительнымъ товариществамъ не разумѣли революціоннаго переворота въ капиталистическомъ способѣ производства. Хемницкая программа была обсуждѐна подъ предсѣдательствомъ того самаго Росмеслера, который въ свое время такъ рѣзко выступилъ противъ программы Лассаля,—теперь онъ былъ достаточно честенъ, чтобы до извѣстной степени признать свою тогдашнюю несправедливость къ Лассалю,—и новая партія назвала себя Саксонской народной партіей, разсматривая себя какъ вѣтвь Нѣмецкой народной партіи.

Такъ какъ главное ядро ея составляли все-таки рабочіе, то въ ней не могло, конечно, быть такой путаницы идей, какъ въ Нѣмецкой народной партіи, которая послѣ своихъ первыхъ запутанныхъ совѣщаній въ Дармштадтѣ и Франкфуртѣ все еще не знала, чего она хочетъ и въ національномъ, и въ соціальномъ вопросѣ. Въ одномъ только Вюртембергѣ Нѣмецкая народная партія до нѣкоторой степени организовалась, и здѣсь ея швабскій партикуляризмъ далъ удивительные плоды. Такъ, главный ея органъ, „*Der Stuttgarter Beobachter*“ („*Штутгартскій Наблюдатель*“), воспользовался случайнымъ фактомъ, что веймарскій ландтагъ вычеркнулъ нѣсколько тысячъ талеровъ изъ герцогскаго цивильнаго листа, чтобы „согласно своей роли вѣрнаго Эккарта“ обратить вниманіе южно-германскихъ государей на великую опасность, угрожающую имъ со стороны сѣверо-германскаго союза; если бы

они рѣшились дѣйствовать сообща съ Нѣмецкой народной партіей и основать парламентскій и военный южно-германскій союзъ, то народъ чувствовалъ бы себя настолько обязаннымъ предъ ними, что „при общеизвѣстномъ образѣ его мыслей потрясеніе экономической основы престоловъ стало бы совершенно невѣроятнымъ". Отъ подобныхъ глупостей Саксонская народная партія была, конечно, застрахована. Ея точку зрѣнія въ нѣмецкомъ вопросѣ совершенно ясно выражали слова программы: „Объединеніе Германіи въ демократической государственной формѣ; не должно быть никакой наслѣдственной центральной власти, никакой малой Германіи подъ гегемоніей Пруссіи, никакой Пруссіи, увеличенной путемъ территоріальныхъ присоединеній, никакой великой Германіи подъ гегемоніей Австріи, никакой тріады. Демократическая партія должна вести самую рѣшительную борьбу съ этими и имъ подобными династическо-партикуляристскими стремленіями, которыя могутъ повести только къ неволѣ, раздробленію и иноземному владычеству". Въ принципѣ это воззрѣніе совпадало со взглядомъ Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза; разница заключалась лишь въ неодинаковомъ отношеніи къ вопросу, не требуется ли измѣнить тактику въ виду коренныхъ перемѣнъ, вызванныхъ 1866 годомъ. Хемницкая программа отвѣчала на этотъ вопросъ отрицательно, тогда какъ „*Соціалъ-демократъ*" давалъ на него утвердительный отвѣтъ.

Члены Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза, участвовавшіе въ обсужденіи хемницкой программы, послали отчетъ о немъ въ органъ Союза, который въ нѣсколькихъ редакціонныхъ примѣчаніяхъ къ корреспонденціямъ рекомендовалъ „осторожность": кто дѣйствительно расположенъ къ рабочимъ, тотъ можетъ просто присоединиться къ соціалъ-демократической партіи. Однако до какой-либо открытой ссоры дѣло не дошло. Да въ сущности обѣ организаціи могли отлично уживаться рядомъ. Хотя соціалистическое рабочее движеніе и взяло свое начало въ королевствѣ Саксоніи, однако именно здѣсь оно не приняло размѣровъ, отвѣчающихъ промышленному процвѣтанію страны, и было далеко не такъ сильно, какъ въ Гамбургѣ, въ рейнской провинціи и Вестфаліи. Нѣкоторые пытались объяснить указанное явленіе тѣмъ, что саксонскіе рабочіе были де слишкомъ просвѣщенны, чтобы на нихъ не дѣйствовалъ отталкивающимъ образомъ пруссофильскій и сектантскій якобы характеръ Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза, но факты противорѣчатъ такому объясненію: какъ

разъ дѣйствительно пруссофильская и дѣйствительно сектантская форма нѣмецкаго рабочаго движенія, правовѣрное лассальянство графини Гацфельдтъ, свила себѣ около этого времени гнѣздо въ Саксоніи и нашла здѣсь болѣе благодарную почву для распространенія, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Гораздо ближе къ истинѣ другое предположеніе, въ пользу котораго говоритъ много обстоятельствъ: что, съ одной стороны, буржуазный радикализмъ былъ еще достаточно здоровъ въ Саксоніи, чтобы удерживать подъ своимъ знаменемъ болѣе передовые рабочіе слои, а съ другой—что значительные слои саксонскаго пролетаріата, особенно среди рабочихъ, занятыхъ въ кустарной промышленности, были еще сравнительно очень неразвиты.

Если это предположеніе вѣрно, то можно было считать отраднымъ прогрессомъ, что демократическіе элементы саксонскаго пролетаріата организовались на основѣ программы, которая по своему содержанію была уже исполнена пролетарскаго духа; стоило ей сбросить съ себя буржуазную форму, чтобы совпасть съ программою Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза. Съ ея иной тактикой по національному вопросу приходилось мириться, какъ съ необходимымъ зломъ, потому что воззрѣніе хемницкой программы несомнѣнно отвѣчало воззрѣніямъ саксонскихъ и вообще многихъ средне-и южно-германскихъ рабочихъ круговъ. Справедливыя опасенія могло возбуждать лишь другое обстоятельство,—что Саксонская народная партія, хорошо понимая, насколько ей не по силамъ одной произвести велико-нѣмецкую революцію, старалась примкнуть къ Нѣмецкой народной партіи, съ которой она въ сущности не имѣла ничего общаго, кромѣ чисто-отрицательнаго свойства—ненависти къ Пруссіи. Къ тому же эта ненависть проистекала тутъ и тамъ изъ совершенно различныхъ источниковъ: у Саксонской народной партіи источникомъ ея былъ главнымъ образомъ демократическо-революціонный образъ мыслей, у Нѣмецкой же народной партіи—преимущественно мелкіе партикуляристскіе предразсудки или другіе мотивы, пользовавшіеся велико-нѣмецкой программой, какъ блестящей маской для весьма темныхъ цѣлей. Къ знамени, подъ которымъ собирались Зоннеманъ и подобные ему враги сознательнаго пролетаріата, члены Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза питали столь же нескрываемую, сколько справедливую антипатію.

Черезъ двѣ недѣли послѣ хемницкаго собранія состоялся первый конгрессъ Интернаціонала. Онъ засѣдалъ въ Женевѣ, гдѣ

Іоганнъ-Филиппъ Беккеръ создалъ организаціонный центръ для нѣмецкихъ секцій Интернаціонала и издавалъ съ начала 1866 г. ежемѣсячникъ „*Der Vorbote*" („*Предвѣстникъ*"), какъ центральный органъ нѣмецкихъ секцій. Въ Германіи существовали еще пока только небольшія и разрозненныя секціи Интернаціонала: въ Силезіи, Саксоніи, Шлезвигъ-Голштиніи, на Рейнѣ. На конгрессѣ, засѣдавшемъ въ теченіе первой недѣли сентября, присутствовало въ общемъ 60 делегатовъ, среди которыхъ было 3 нѣмца, 7 англичанъ, 7 французовъ; большинство составляли, какъ это было вполнѣ естественно, швейцарскіе делегаты. Генеральный совѣтъ былъ представленъ Оджеромъ, Эккаріусомъ и часовщикомъ Юнгомъ; Юнгъ руководилъ засѣданіями конгресса. Программа и уставъ Интернаціонала были окончательно утверждены съ несущественными измѣненіями, при чемъ предложеніе французскихъ делегатовъ, чтобы въ члены Ассоціаціи допускались только рабочіе, было отклонено значительнымъ большинствомъ голосовъ. Подробное изложеніе происходившаго на конгрессѣ относится, однако, къ исторіи Интернаціонала; въ настоящемъ сочиненіи можетъ итти рѣчь только о тѣхъ постановленіяхъ конгресса,—въ нихъ лежалъ, впрочемъ, его центръ тяжести, — которыя поставили общія цѣли общей освободительной борьбѣ международнаго пролетаріата.

Постановленіе объ организаціи самими рабочими статистическаго изслѣдованія о положеніи современнаго рабочаго класса во всѣхъ странахъ могло пока претендовать только на академическую цѣнность плодотворной иниціативы. Относительно кооперативныхъ обществъ конгрессъ принялъ резолюцію въ духѣ „Учредительнаго адреса": крупное значеніе ихъ состоитъ въ томъ, что они наглядно показываютъ, насколько излишне для цѣлей производства подчиненіе труда ярму капитала, но произвести сами переворотъ въ капиталистическомъ обществѣ они не въ силахъ. Чтобы предотвратить вырожденіе кооперативныхъ обществъ въ буржуазныя торговыя предпріятія, конгрессъ рекомендовалъ имъ обращать часть своего общаго дохода въ фондъ для пропаганды и предоставлять равную долю въ прибыляхъ всѣмъ занятымъ у нихъ рабочимъ, все равно—акціонеры ли они, или нѣтъ; только въ видѣ временной мѣры конгрессъ допускалъ выдачу акціонерамъ небольшого процента на ихъ паи.

Наибольшую важность имѣли резолюціи женевскаго конгресса относительно рабочаго законодательства и профессіональныхъ

рабочихъ союзовъ,—того оружія пролетарской освободительной борьбы, значеніе котораго англійскіе рабочіе склонны были преувеличивать, а французскіе и нѣмецкіе—умалять. Конгрессъ выставилъ основное правило, что рабочій классъ долженъ завоевывать себѣ законы объ охранѣ труда. „Добиваясь такихъ законовъ, рабочій классъ отнюдь не укрѣпляетъ предержащей власти. Напротивъ, онъ обращаетъ эту власть, пускаемую теперь въ ходъ противъ него, въ собственное орудіе“. Посредствомъ общаго закона онъ достигаетъ такихъ результатовъ, которыхъ невозможно было бы достигнуть путемъ разрозненныхъ индивидуальныхъ усилій. Конгрессъ рекомендовалъ ограниченіе рабочаго дня, какъ условіе, безъ котораго всѣ другія освободительныя стремленія пролетаріата обречены на неудачу; оно необходимо для возстановленія физической энергіи и здоровья рабочаго класса, для доставленія ему возможности развиваться духовно, поддерживать общественныя сношенія, участвовать активно въ соціальной и политической жизни. Какъ законодательный максимумъ рабочаго дня конгрессъ предложилъ 8 часовъ, которые должны приходиться на опредѣленный періодъ сутокъ, такъ чтобы этотъ періодъ обнималъ указанные 8 часовъ труда и перерывы для принятія пищи. Восьмичасовой рабочій день долженъ имѣть силу для всѣхъ совершеннолѣтнихъ, мужчинъ и женщинъ одинаково, считая совершеннолѣтними всѣхъ, кому исполнилось 18 лѣтъ. Ночныя работы нужно принципіально воспретить, а неустранимыя исключенія должны быть опредѣлены законодательствомъ. Женщинамъ должно строжайшимъ образомъ воспретить ночную работу, равно какъ всякій другой видъ труда, опасный для женскаго организма или противный нравственности женскаго пола.

Въ тенденціи современной промышленности привлекать дѣтей и подростковъ обоего пола къ участію въ общественномъ производствѣ конгрессъ усматривалъ вполнѣ законное явленіе и благотворный прогрессъ, какъ ни отвратительна форма, въ которой она осуществляется при господствѣ капитала. При разумномъ общественномъ устройствѣ каждый ребенокъ, начиная съ 9-лѣтняго возраста, долженъ былъ бы становиться производительнымъ работникомъ, точно такъ, какъ ни для одного взрослаго лица не слѣдовало бы дѣлать исключенія изъ общаго закона природы, который велитъ работать, чтобы имѣть возможность ѣсть, притомъ работать не только одной головой, но и руками. Въ теперешнемъ обществѣ слѣдуетъ раздѣлить дѣтей и подростковъ на

три класса и съ каждымъ изъ нихъ обращаться различно: на дѣтей отъ 9 до 12 лѣтъ, дѣтей отъ 13 до 15 лѣтъ, наконецъ—подростковъ 16 и 17 лѣтъ. Рабочее время перваго класса, въ мастерской или при домашней работѣ, должно ограничиваться двумя часами, второго класса—четырьмя, третьяго—шестью часами, причемъ для третьяго класса необходимо установить по крайней мѣрѣ часовой перерывъ для принятія пищи и отдыха. Но производительный трудъ дѣтей и подростковъ долженъ допускаться лишь въ томъ случаѣ, если онъ связанъ съ образованіемъ, подъ которымъ слѣдуетъ разумѣть три вещи: умственное образованіе, физическую гимнастику и техническое обученіе, которое сообщаетъ общія научныя основы всѣхъ процессовъ производства и въ то же время посвящаетъ подростающее поколѣніе въ способы практическаго употребленія элементарныхъ инструментовъ во всѣхъ отрасляхъ труда.

Что касается рабочихъ союзовъ, то женевскимъ конгрессомъ была принята резолюція, объявляющая ихъ дѣятельность не только дозволительной, но и необходимой. Они являются средствомъ противопоставить концентрированной соціальной силѣ капитала единственную соціальную силу, которой располагаетъ пролетаріатъ: его численность. Покуда существуетъ капиталистическій способъ производства, не только нельзя обойтись безъ рабочихъ союзовъ, но нужно еще придать ихъ дѣятельности всеобщій характеръ путемъ международныхъ соединеній. Сознательно противясь безпрерывнымъ захватамъ капитала, они безсознательно становятся центрами для организаціи рабочаго класса, подобно тому какъ средневѣковыя коммуны стали такими центрами для буржуазнаго класса. Такимъ образомъ, если рабочіе союзы необходимы уже для ежедневной, партизанской борьбы между капиталомъ и трудомъ, то они могутъ имѣть еще гораздо большее значеніе какъ организованныя орудія для уничтоженія системы наемнаго труда. До сихъ поръ рабочіе союзы слишкомъ исключительно были заняты непосредственной борьбой противъ капитала, въ будущемъ они не должны держаться въ сторонѣ отъ общаго политическаго и соціальнаго движенія своего класса. Они достигнутъ наибольшаго распространенія, если масса пролетаріата убѣдится, что ихъ конечная цѣль не только не проникнута узостью и себялюбіемъ, а напротивъ—имѣетъ въ виду общее освобожденіе порабощенныхъ милліоновъ.

Такъ первые международные ассизы современнаго рабочаго

класса, исходя изъ яснаго и широкаго міровоззрѣнія, подготовляли освобожденіе человѣчества, въ то время какъ по Европѣ катилось еще эхо отъ грома битвъ, открывшихъ новую эпоху „крови и желѣза".

---

4. Первая проба всеобщаго избирательнаго права.

При всей громадности достигнутыхъ имъ успѣховъ Бисмарку и думать нельзя было о томъ, чтобы взять назадъ козырь, пущенный имъ въ ходъ передъ войною. Ему нужна была капля демократическаго елея, съ одной стороны—чтобы помазать себя предъ Европой, какъ исполнителя національной воли, съ другой—чтобы смягчить неблагозвучный скрипъ дверей, черезъ которыя должны были войти въ храмъ нѣмецкаго единства князья среднихъ и мелкихъ государствъ сѣверной Германіи.

Сверхъ того, Бисмаркъ не безъ основанія разсчитывалъ, что подъ впечатлѣніемъ побѣдоносной войны всеобщее избирательное право дастъ ему парламентъ, еще болѣе послушный, чѣмъ прусская палата депутатовъ. Это почтенное народное представительство было такого же мнѣнія и старалось обезпечить себя, урѣзавъ полномочія сѣверо-германскаго рейхстага въ еще большей степени, чѣмъ это хотѣлъ сдѣлать Бисмаркъ: прусская палата отняла у рейхстага право „соглашенія" и оставила ему лишь совѣщательный голосъ, сохранивъ за ландтагами отдѣльныхъ государствъ право утвердить или отвергнуть рѣшенія рейхстага. Бисмаркъ согласился на это съ сугубымъ удовольствіемъ: отнынѣ онъ могъ себя чувствовать тѣмъ свободнѣе по отношенію къ сѣверо-германскому рейхстагу, а съ другой стороны, какъ опытный политикъ, онъ очень хорошо зналъ, что разъ правительства столкуются насчетъ конституціи Сѣверо-германскаго союза съ парламентомъ, избраннымъ на основаніи всеобщей подачи голосовъ, то цензовыя представительства отдѣльныхъ государствъ безсильны будутъ измѣнить что-либо въ этомъ.

Для рабочаго класса вопросъ могъ идти лишь о томъ, возможно ли выковать оружіе, пригодное для его цѣлей, изъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, которое давалъ Бисмаркъ. „*Соціалъ-демократъ*" указывалъ, что сѣверогерманскій рейхстагъ, безоружный, безъ надежды сплотить вокругъ себя революціонныя народныя силы, стоитъ лицомъ къ

лицу съ правительствомъ, побѣдоноснымъ внутри и во-внѣ, имѣющимъ въ своемъ распоряженіи большую армію и всѣ другія средства власти большого государства. Не часто встрѣчался парламентъ, въ такой степени лишенный всякой реальной силы. Тѣмъ не менѣе рабочіе должны выбирать и по слѣдующимъ основаніямъ: во-первыхъ, изъ простого ничего-не-дѣланія и пассивнаго взиранія со стороны вообще ничего не выходитъ; во-вторыхъ, очень важно, чтобы рабочіе могли обосновать свои требованія въ правильно-устроенномъ государственномъ собраніи и, такимъ образомъ, пробить брешь въ системѣ замалчиванія и оклеветанія, примѣняемой ихъ противниками; въ-третьихъ, возможно, хотя и не особенно вѣроятно, что обстоятельства, сдѣлавшія парламентъ безсильнымъ, измѣнятся. Слѣдовательно, пароль долженъ быть: выбирать, и не только выбирать, но и выбирать послѣ основательной подготовки.

И Швейцеръ не преминулъ взяться за эту подготовку. Амнистія, объявленная послѣ войны, освободила его отъ неотбытой еще части тюремнаго заключенія и отъ множества новыхъ обвиненій. Руки были у него опять свободны, и онъ дѣятельно пустилъ ихъ въ дѣло. Тамъ, гдѣ общины Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза были закрыты полиціей, какъ напр. въ Берлинѣ, онъ устроилъ соціалъ-демократическіе рабочіе кружки, а чтобы помочь немного кассѣ Союза, онъ прочелъ въ одномъ аристократическомъ отелѣ „Подъ Липами" за входную плату въ 1 талеръ шесть лекцій о трудѣ и капиталѣ, привлекшія многочисленную публику изъ бюргерскихъ круговъ. Все это, какъ и другія пущенныя имъ въ ходъ средства, было однако лишь каплей въ морѣ. Опустошительныя слѣдствія войны всего тяжелѣе отразились на рабочемъ классѣ, и невозможно было ожидать, чтобы онъ принесъ значительныя денежныя жертвы для выборовъ. Трудно было представить себѣ болѣе неблагопріятное время для реорганизаціи Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза, и въ довершеніе всего графиня Гацфельдтъ съ неослабѣвающей энергіей продолжала свои происки. Она объявила избраніе Перля въ президенты не имѣющимъ силы, такъ какъ оно состоялось на общемъ собраніи, а не путемъ плебисцита среди членовъ Союза. Правда, графиня имѣла противъ себя ясный и недвусмысленный текстъ устава, но за искусственными толкованіями, съ цѣлью обратить этотъ смыслъ въ его прямую противоположность, у нея, конечно, дѣло не стало. Говорить въ настоящее время объ ея хитроумныхъ

толкованіяхъ и мудрствованіяхъ значило бы попусту тратить слова; фактически единственной цѣлью графини было избраніе въ президенты Союза одной изъ ея креатуръ, и для достиженія этой цѣли она располагала, къ сожалѣнію, средствами, еще болѣе дѣйствительными, чѣмъ интерпретаторскіе фокусы, по части которыхъ ей могъ бы позавидовать любой правовѣрный богословъ.

Силу ея составляли два фактора: во-первыхъ, престижъ, которымъ она была окружена въ глазахъ многихъ рабочихъ, какъ старая подруга Лассаля, якобы точнѣе всѣхъ знавшая его волю, во-вторыхъ, всегда полная боевая касса, что̀ помогло ей привлечь на свою сторону отдѣльныхъ вліятельныхъ агитаторовъ въ центрахъ движенія—Гильмана на Рейнѣ, Фёрстерлинга въ Саксоніи, Флоріана Пауля въ Силезіи, затѣмъ нѣкоторыхъ членовъ въ Гамбургѣ. При ихъ содѣйствіи она пустила въ массы и провела черезъ рабочія собранія избирательную программу, которая правовѣрно опиралась на отдѣльныя слова Лассаля, но по существу носила наполовину утопически-революціонный, наполовину узко-національный характеръ, и въ своемъ практическомъ выводѣ—„черезъ единство къ свободѣ!"—походила, какъ двѣ капли воды, на националъ-либеральную программу. Графиня надѣялась теперь, что на общемъ собраніи, которое Перль созвалъ на 27 декабря въ Эрфуртъ, она достигнетъ наконецъ своей цѣли и добьется избранія Фёрстерлинга въ президенты.

На четвертомъ общемъ собраніи обнаружилось, однако, что старое ядро Союза было непоколебимо: 12 делегатовъ, представлявшихъ 26 мѣстностей, въ томъ числѣ Аудорфъ, Эльнеръ, Тельке, и не думали плясать подъ дудку графини. Изъ графскихъ оруженосцевъ явилось 6 человѣкъ, среди нихъ Фёрстерлингъ и Деквицъ. Они тотчасъ увидѣли, что ихъ игра проиграна, и, ссылаясь на то, что Перль не можетъ созвать законнаго общаго собранія, отказались предъявить для провѣрки свои полномочія, будто бы полученныя отъ Бремена, Гамбурга, Дрездена и Хемница. Графиня Гацфельдтъ сама также пріѣхала въ Эрфуртъ, и Швейцеръ еще до общаго собранія завязалъ съ нею мирные переговоры, въ которыхъ необыкновенно далеко пошелъ на встрѣчу ея притязаніямъ. Онъ согласился, чтобы президентъ не получалъ впредь никакого жалованья, а содержаніе секретаря было опредѣлено въ 400 талеровъ, какъ при жизни Лассаля, главное же—по его настоянію общее собраніе приняло программу, пущенную графиней

въ массы, произведя въ ней лишь нѣкоторыя—безспорныя, но отнюдь не коренныя—улучшенія. Затѣмъ 12 делегатовъ устроили вмѣстѣ съ шестью сторонниками графини совѣщаніе, гдѣ Аудорфъ выступилъ съ предложеніемъ, чтобы выборы президента, въ которыхъ по предъявленіи и провѣркѣ полномочій должна была принять участіе и оппозиція, были потомъ подвергнуты плебисциту всѣхъ членовъ. Послѣ многихъ часовъ обсужденія Фёрстерлингъ и его товарищи ушли съ этимъ предложеніемъ къ графинѣ, но такъ какъ они до полуночи все не возвращались, то общее собраніе выбрало Перля президентомъ, Аудорфа секретаремъ и І. М. Гирша кассиромъ. Убѣдившись въ томъ, что на избраніе Фёрстерлинга въ президенты нѣтъ никакихъ шансовъ, графиня отказалась отъ всякаго компромисса.

Рекомендованная Швейцеромъ тактика общаго собранія была несомнѣнно крайне рискована. Она стоила „*Соціалъ-демократу*" сотрудничества послѣдняго изъ „старыхъ соціалистовъ", оставшагося еще вѣрнымъ ему: Моисей Гессъ отвергъ эрфуртскую избирательную программу. Дѣйствительно, опасенія могло возбуждать уже то обстоятельство, что первый пунктъ ея—гдѣ говорилось о необходимости устранить всякую федерацію и всякій союзъ государствъ, объединить всѣ нѣмецкія народности въ одно внутренне и органически слившееся государство и шествовать черезъ единство къ свободѣ,—что этотъ пунктъ обнаружилъ столь притягательную силу для разныхъ сомнительныхъ друзей рабочей массы, желавшихъ „въ этомъ главномъ вопросѣ" быть сердцемъ и душою заодно съ пролетаріатомъ. Эти господа заявляли также, что „въ существенныхъ чертахъ" они могутъ принять и остальные пункты избирательной программы: всеобщее избирательное право и жалованье депутатамъ для всѣхъ нѣмецкихъ парламентовъ, обезпеченіе всѣхъ народныхъ свободъ, рѣшающій, а не совѣщательный только голосъ для сѣверо-германскаго рейхстага, свободныя рабочія ассоціаціи согласно принципамъ Лассаля, которыя положили бы начало разрѣшенію соціальнаго вопроса; если они дѣлали какую-либо оговорку, то лишь въ томъ смыслѣ, что съ государственнымъ кредитомъ для рабочихъ ассоціацій нѣтъ надобности особенно торопиться. Несомнѣнно въ этомъ заключалась большая опасность, да и само по себѣ уже было не пріятно, что молодая рабочая партія шла въ первую избирательную битву съ сомнительнымъ знаменемъ. Но Швейцеру казалось еще болѣе опаснымъ выставлять безукоризненную избирательную программу

накануне выборной кампанiи и зажечь, такимъ образомъ, братоубiйственную войну въ средѣ самого пролетарiата; онъ считалъ еще болѣе непрiятнымъ вступать на поле сраженiя съ разсыпавшимися рядами. Разъ графиня Гацфельдтъ была связана своей собственной избирательной программой, то можно было ожидать, что буржуазныя попытки использовать эту программу въ своихъ цѣляхъ разобьются сами собою о дисциплинированное ядро Союза. Сверхъ того, Швейцеръ далъ рабочимъ добрый совѣтъ ставить буржуазнымъ друзьямъ рабочихъ лишь на второмъ мѣстѣ вопросъ объ ихъ отношенiи къ эрфуртской избирательной программѣ, а прежде всего спрашивать ихъ, хотятъ ли они представлять пролетарiатъ, какъ классъ, и въ случаѣ уклончиваго отвѣта тотчасъ же поворачиваться къ нимъ спиною.

Къ счастью, вѣра Швейцера въ здравый смыслъ рабочихъ оправдалась. Какихъ-нибудь практическихъ ошибокъ эрфуртская избирательная программа не повлекла за собой, но зато она совершенно парализовала на время выборовъ агитацiю графини Гацфельдтъ. Графиня излила свою злобу по этому поводу въ недостойной формѣ, постаравшись разрушить всѣ шансы Швейцера въ обоихъ избирательныхъ округахъ, гдѣ онъ могъ выставить свою кандидатуру съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ,—къ великому ликованiю его прогрессистскихъ и реакцiонныхъ противниковъ. Въ Эльберфельдѣ - Барменѣ она натравила на Швейцера Гильмана и наводнила избирательный округъ памфлетомъ, отпечатаннымъ въ Женевѣ и исполненнымъ самыхъ неосновательныхъ обвиненiй противъ Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза; въ Рейхенбахѣ - Нейроде ея агенты открыто агитировали противъ Швейцера и за ландрата Олеарiя. Швейцеру это врядъ ли повредило, но графиня сама уничтожила послѣднiй остатокъ престижа, которымъ она пользовалась еще до тѣхъ поръ въ глазахъ рейнскихъ и силезскихъ рабочихъ.

Изъ - за ея вѣчныхъ интригъ Всеобщiй Германскiй Рабочiй Союзъ вступилъ въ избирательную битву почти невооруженнымъ, подставляя ничѣмъ неприкрытое тѣло пикамъ и копьямъ правительственной власти и множеству невидимыхъ, но тѣмъ болѣе опасныхъ оружiй денежной силы. Недостатокъ внѣшнихъ средствъ рабочiе старались восполнить поистинѣ пламеннымъ рвенiемъ. Правительство лишь очень поздно назначило день выборовъ на 12 февраля 1867 г., и для рѣшительной борьбы соцiалъ-демократiя имѣла въ своемъ распоряженiи всего нѣсколько

недѣль. Сравнительно наибольшій успѣхъ выпалъ на ея долю въ промышленномъ округѣ Бергишъ-Маркъ, гдѣ она получила 18.000 голосовъ. Въ Альтенѣ-Изерлонѣ за Газенклевера было подано 1.124 голоса, въ Гагенѣ получилъ 1.589 голосовъ врачъ Рейнке, самоотверженной дѣятельностью снискавшій себѣ большую любовь среди рабочихъ и ошибочно принявшій свой гуманный образъ мыслей за соціалистическія убѣжденія. Риттинггаузенъ, сохранившій еще нѣкоторыя утопическія слабости до-мартовскаго соціализма и видѣвшій въ прямомъ законодательствѣ народа единственный рычагъ соціалистическаго общества, получилъ въ Кельнѣ 1.095 голосовъ; за Швейцера было подано въ Дюссельдорфѣ 664 голоса, за портного Шоба въ Мюльгеймѣ на Рейнѣ—1.059, за рабочаго Бема въ Дуисбургѣ—1.686, за Мартини въ Золингенѣ—1.437, за Аудорфа въ Леннепѣ-Метманѣ—4.034 и за Швейцера въ Эльберфельдѣ-Барменѣ—4.668 голосовъ.

Въ Эльберфельдѣ-Барменѣ соперниками Швейцера были Бисмаркъ, какъ консервативный кандидатъ, и президентъ прусской палаты депутатовъ Форкенбекъ, какъ кандидатъ либеральной партіи. Въ этой борьбѣ, привлекшей къ себѣ вниманіе всей Германіи, приняли участіе 70% всѣхъ имѣвшихъ право голоса. Ругательства, съ которыми обрушились на Швейцера консервативныя и еще больше—либеральныя газеты, превзошли всякую мѣру; ему не только до тошноты напоминали объ его грѣхахъ молодости, но и бросили обвиненіе въ мошенничествѣ и воровствѣ. И вся злобность его противниковъ изъ буржуазнаго лагеря была почти превзойдена еще клеветническими нападками графини Гацфельдтъ и ея клевретовъ. Однако рабочіе въ Эльберфельдѣ-Барменѣ не дали ни на минуту сбить себя съ толку; они заявили просто: мы подадимъ голосъ за Швейцера, хотя бы онъ былъ убійцей и разбойникомъ. Они очень хорошо знали, почему ихъ кандидатъ сталъ мишенью всѣхъ этихъ нападокъ. Гильманъ, который въ теченіе двухъ лѣтъ былъ самымъ любимымъ агитаторомъ прирейнскаго края, получилъ, въ качествѣ соперничающаго со Швейцеромъ соціалъ-демократическаго кандидата, ровно 52 голоса. Правда, рабочіе не могли еще пока реализовать свою побѣду въ видѣ трофея: Швейцеръ не попалъ даже въ перебаллотировку, такъ какъ Бисмаркъ получилъ 6.523, а Форкенбекъ—6.123 голоса.

Послѣ Рейнской провинціи соціалъ-демократическая избирательная агитація достигла наибольшихъ успѣховъ въ сѣверо-западной

Германіи. Въ обоихъ округахъ города Гамбурга за Перля было подано 3.223 голоса, Іоркъ получилъ въ Гарбургѣ 3.660, а саксонскій писатель Вальстеръ въ Брауншвейгѣ—2.267 голосовъ. За этими 9.000 голосовъ шла Силезія съ ея 4.000 голосовъ, изъ которыхъ 3.109 приходились на Швейцера въ Рейхенбахѣ - Нейроде, а 891—на ткача Генриха Шнабеля въ Вальденбургѣ, стараго ревностнаго члена Союза.

Въ королевствѣ Саксоніи получили приблизительно по тысячѣ голосовъ Вюркертъ, какъ кандидатъ города Лейпцига, и Фрицше, какъ кандидатъ сельскаго округа Лейпцигъ,—первый нѣсколько больше, второй нѣсколько меньше. Сверхъ того за Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ было еще подано въ Саксоніи около 6.000 голосовъ, изъ нихъ 800 въ Дрезденѣ, 1.300 въ Хемницѣ и 3.081 во Фрейбергѣ; почти всѣ они были, однако, получены сторонниками графини Гацфельдтъ. Изъ кандидатовъ Саксонской народной партіи побѣдителями вышли Бебель въ Глаухау-Мееране и Шрапсъ въ Цвиккау-Криммичау, оба—только на перебаллотировкѣ. Либкнехтъ потерпѣлъ еще на этотъ разъ пораженіе въ Штольбергѣ-Шнеебергѣ, вѣроятно потому, что онъ былъ лишенъ возможности вести дѣятельную предвыборную агитацію. Дѣло въ томъ, что послѣ обнародованія прусской амнистіи Либкнехтъ съѣздилъ въ Берлинъ и произнесъ тамъ рѣчь въ ферейнѣ подмастерьевъ печатнаго дѣла; его арестовали и за нарушеніе приказа о высылкѣ предали суду, приговорившему его къ 3-мѣсячному тюремному заключенію, которое ему пришлось полностью отбыть. Такимъ образомъ, первый плодъ „нѣмецкаго единства" оказался довольно горькимъ для Либкнехта. Даже судьи были немного сконфужены скандальнымъ приговоромъ и въ мотивахъ своего рѣшенія пролепетали нѣсколько фразъ въ свое оправданіе, но клоповникъ городской тюрьмы не превратился оттого для Либкнехта въ свѣтлый храмъ нѣмецкой свободы. Въ трехъ избирательныхъ округахъ, въ которыхъ выставили свои кандидатуры Бебель, Шрапсъ и Либкнехтъ, кустарная промышленность вела страшную предсмертную борьбу съ машиннымъ производствомъ: въ Глаухау-Мееране въ 1863 г. работало 30.700 ручныхъ ткацкихъ станковъ, а въ 1880 г.—всего только 3.194; въ теченіе полупоколѣнія механическій ткацкій станокъ сдѣлалъ „лишними" въ одномъ только названномъ округѣ по меньшей мѣрѣ 40.000 человѣкъ. Сколько голосовъ Саксонская народная партія получила всего на февральскихъ выборахъ 1867 г., нельзя съ увѣренностью сказать, такъ

какъ она не имѣла еще тогда собственнаго органа, который точно регистрировалъ бы ея развитіе; насколько можно судить по разбросаннымъ замѣткамъ, за нее было подано отъ 12 до 15 тысячъ голосовъ.

Но Саксонская народная партія имѣла два мандата, тогда какъ Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ со своими 40 тысячами голосовъ не завоевалъ ни одного мѣста. Въ перебаллотировку попалъ только Аудорфъ въ Леннепѣ-Метманѣ; въ нѣсколькихъ другихъ округахъ—Дюссельдорфѣ, Эльберфельдѣ-Барменѣ, Рейхенбахѣ-Нейроде—отъ соціалъ-демократическихъ избирателей зависѣлъ исходъ борьбы между консервативными и либеральными кандидатами. Для выборовъ „*Соціалъ-демократъ*“ отдалъ пароль: ни въ какомъ случаѣ не заключать избирательныхъ компромиссовъ и лучше голосовать согласно своимъ принципамъ и за собственнаго кандидата, хотя бы въ самомъ незначительномъ меньшинствѣ и безъ всякаго шанса на успѣхъ, нежели вступать въ ущербъ принципамъ въ неестественные союзы. Однако „*Соціалъ-демократъ*“ считалъ дозволительнымъ входить, смотря по мѣстнымъ условіямъ, въ такія сдѣлки съ другими партіями, при которыхъ рабочіе могли бы, безъ нарушенія обоюдныхъ принциповъ, голосовать въ одномъ избирательномъ округѣ за кандидата той или иной буржуазной партіи, подъ условіемъ, что эта партія обяжется обезпечить побѣду соціалъ-демократическому кандидату въ другомъ округѣ. На главныхъ выборахъ такого случая вообще не представилось, но на перебаллотировкахъ пришлось серьезно считаться съ этой возможностью. Въ февралѣ 1867 г. положеніе было весьма несложно. Если бы прогрессисты поддержали въ Леннепѣ-Метманѣ соціалъ-демократическаго кандидата противъ бисмарковца Зибеля, то соціалъ-демократы могли доставить либеральнымъ кандидатамъ побѣду противъ консервативныхъ кандидатовъ въ округахъ Дюссельдорфъ, Эльберфельдъ-Барменъ и Рейхенбахъ-Нейроде. Однако бравые прогрессисты уже тогда, какъ и почти всегда впослѣдствіи, исповѣдывали тотъ курьезный взглядъ, что ихъ „непоколебимое достоинство мужей“ отнюдь не будетъ запятнано, если они на перебаллотировкахъ будутъ голосовать лучше за самаго неразумнаго реакціонера, чѣмъ за самаго разумнаго соціалъ-демократа, но что соціалъ-демократическіе избиратели, которые на перебаллотировкахъ не будутъ носить шлейфа прогрессистовъ, заклеймятъ себя, какъ „наемниковъ реакціи“. Прогрессисты рѣшили голосовать въ Леннепѣ-Метманѣ противъ Аудорфа и за Зибеля.

Соціалъ - демократическимъ избирателямъ пришлось, такимъ образомъ, дѣйствовать независимо. Въ Дюссельдорфѣ они голосовали за прогрессистскаго кандидата, находя, что политическая свобода, чрезвычайно важная для народнаго блага вообще, является, въ особенности, необходимымъ фундаментомъ для стремленій рабочаго класса. Напротивъ, въ Эльберфельдѣ-Барменѣ они рѣшили воздержаться на перебаллотировкѣ отъ подачи голоса, такъ какъ за кандидата консервативной партіи рабочая партія не можетъ голосовать по принципіальнымъ основаніямъ, но идти рядомъ съ прогрессистской партіей она на этотъ разъ также не можетъ вслѣдствіе безпримѣрно злобнаго поведенія послѣдней. Оба рѣшенія были предложены и проведены Швейцеромъ какъ въ Дюссельдорфѣ, такъ и въ Эльберфельдѣ, вопреки страстнымъ возраженіямъ рабочихъ, которые всего охотнѣе подали бы голосъ за консервативнаго кандидата, чтобы выразить такимъ путемъ свой протестъ противъ невыносимыхъ условій труда у прогрессистскихъ фабрикантовъ. Впрочемъ, эльберфельдское рѣшеніе вполнѣ оправдывалось обстоятельствами. Будетъ ли сидѣть въ сѣверо-германскомъ рейхстагѣ Бисмаркъ или его „добрый другъ" Форкенбекъ, который въ концѣ концовъ дѣлалъ все по его желанію, это было сравнительно безразлично, но для рабочей партіи было дѣломъ настоятельной необходимости разрушить наконецъ систему лжи относительно соціалъ-демократической агитаціи, которою прогрессистская партія все еще морочила значительную часть рабочаго класса. Въ Рейхенбахѣ-Нейроде дѣла были въ такомъ же положеніи, какъ въ Эльберфельдѣ-Барменѣ, но ходъ ихъ былъ неодинаковъ въ обоихъ округахъ постольку, поскольку силезскіе рабочіе дѣйствительно воздержались отъ голосованія или быть можетъ, даже помогли либеральному кандидату Твестену, такъ что онъ одержалъ побѣду надъ Олеаріемъ,—тогда какъ рейнскіе рабочіе рѣшили вопросъ въ пользу Бисмарка и противъ Форкенбека.

Кромѣ озлобленія по поводу прогрессистскихъ избирательныхъ пріемовъ, на рѣшеніе рейнскихъ рабочихъ повліяло, вѣроятно, еще и то соображеніе, что вслѣдствіе побѣды Бисмарка, выбраннаго уже въ одномъ округѣ Альтмарка, представится случай для новой избирательной борьбы. Швейцеръ назвалъ рѣшеніе рабочихъ „роковымъ шагомъ", но прибавилъ, что это „внушительный урокъ" для прогрессистской партіи, во-первыхъ, какъ расплата за возмутительныя глумленія буржуазіи надъ пролетаріатомъ и

недостойное урѣзываніе его избирательныхъ правъ, во-вторыхъ, какъ выраженіе признательности—не кандидату консервативной партіи, а министру, по собственному побужденію вернувшему народное право, требовать которое либеральная оппозиція такъ упорно забывала. Дѣйствительно, Бисмаркъ отклонилъ мандатъ, и на вторичныхъ выборахъ за Швейцера было подано 4,919 голосовъ, а за либеральнаго кандидата Гнейста — 4,291. Такъ какъ Швейцеръ не получилъ абсолютнаго большинства, то пришлось прибѣгнуть къ перебаллотировкѣ, и тутъ то консерваторы сами разсѣяли всякія иллюзіи насчетъ ихъ мнимыхъ симпатій къ рабочимъ, такъ какъ они склонили побѣду въ пользу Гнейста. Такимъ образомъ, исчезла послѣдняя надежда на то, что сознательный пролетаріатъ будетъ представленъ въ первомъ сѣверо-германскомъ рейхстагѣ. Но нельзя сказать, чтобы рабочіе Эльберфельда-Бармена безплодно напрягали всѣ свои силы въ теченіе восьми недѣль. Какъ заявилъ Швейцеръ въ прощальномъ словѣ къ своимъ избирателямъ, они извлекли изъ выборовъ двоякій урокъ: во-первыхъ, что прогрессистская партія яростно старается затормозить рабочее дѣло, не останавливаясь ни передъ какими, даже самыми предосудительными средствами; во-вторыхъ, что, несмотря на всѣ свои красивыя фразы, консервативная партія также измѣнила въ рѣшительный моментъ.

Относительно общаго результата выборовъ „*Соціалъ-демократъ*“ писалъ: „Давно и страстно ожидаемое 12-ое февраля прошло,— и мы побиты на всѣхъ пунктахъ. Подобнаго исхода ждали немногіе изъ нашихъ, и не одинъ, конечно, останавливается предъ нимъ, какъ предъ неразрѣшимой загадкой. Всѣ эти большія, шумныя собранія съ ихъ энтузіазмомъ и ихъ тріумфами, это бурное движеніе въ массахъ—и все-таки потерпѣли пораженіе, кое-гдѣ почетное, во многихъ мѣстахъ—постыдное“. Это чувство горькаго разочарованія было, къ несчастью, болѣе чѣмъ основательно. Если даже тамъ, гдѣ пораженіе было почетно, избирательные успѣхи не отвѣчали справедливымъ ожиданіямъ, то были обширныя полосы Германіи, гдѣ соціалъ-демократическая агитація пустила корни уже въ теченіе многихъ лѣтъ, гдѣ громадныя избирательныя собранія, казалось, обезпечивали вѣрную побѣду, и гдѣ тѣмъ не менѣе у партіи въ самый день выборовъ почва уходила изъ-подъ ногъ, какъ зыбкій песокъ. Такъ вышло, напримѣръ, въ тюрингенскихъ округахъ, въ области Майна, мѣстѣ стольнихъ тріумфовъ. Во Франкфуртѣ Велькеръ получилъ жал-

кихъ 150 голосовъ, тогда какъ золотой телецъ, котораго коалиція буржуазныхъ партій противопоставила ему въ лицѣ Ротшильда, получилъ въ 40 разъ больше голосовъ. Еще болѣе жестоко было пораженіе въ Берлинѣ, а вѣдь тамъ рабочее населеніе начало уже двумя годами раньше собираться вокругъ знамени соціалъ-демократіи: за типографскаго подмастерья Фейстеля, общаго кандидата тѣхъ берлинскихъ рабочихъ круговъ, которые не желали больше идти на буксирѣ у партіи прогрессистовъ, было подано во всѣхъ шести округахъ около 75 голосовъ.

Безспорно, можно было привести много обстоятельствъ, извинявшихъ и объяснявшихъ пораженіе. Въ Берлинѣ, среди филистеровъ котораго процвѣталъ грубѣйшій шовинизмъ, реакція выставила своими кандидатами министровъ и генераловъ, получившихъ дотаціи въ награду за войну 1866 г., и чтобы помѣшать ихъ побѣдѣ, многіе рабочіе рѣшились въ послѣдній моментъ отдать свои голоса прогрессистскимъ кандидатамъ. На Рейнѣ и въ другихъ мѣстахъ сдѣлала свое дѣло хитрая избирательная геометрія. Такъ, напр., побѣдѣ Аудорфа въ Леннепѣ-Метманѣ помѣшало главнымъ образомъ то обстоятельство, что ткацкія деревни въ долинѣ р. Вупперъ были соединены не съ Золингеномъ, какъ при выборахъ въ прусскую палату депутатовъ, а съ Ремшейдомъ, гдѣ еще довольно крѣпко держалась ремесленная форма производства. Сюда прибавились большіе пропуски въ избирательныхъ спискахъ, придирки полиціи, угрозы голодомъ со стороны фабрикантовъ и прочія мѣры изъ позорнаго арсенала избирательныхъ пріемовъ бюрократіи и капиталистовъ. Но въ противоположность буржуазной оппозиціи, склонной искать причины своихъ избирательныхъ неудачъ гдѣ угодно, только не въ себѣ самой, пролетарская оппозиція всегда слѣдовала похвальному правилу „подметать прежде всего предъ собственными дверьми“, всякій разъ когда она не достигала того, чего хотѣла. Она сумѣла честно отдать себѣ отчетъ въ своихъ ошибкахъ и ясно понять, что она стоитъ предъ неумолимой альтернативой.

Многочисленные успѣхи, которыхъ она достигла въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ, потому расплывались у нея каждый разъ подъ руками, что у нея не было зданія, гдѣ она могла бы хранить добытыя сокровища. Въ рукахъ консервативной партіи была старая и прочная организація государственной власти; либеральная партія имѣла въ своемъ распоряженіи вездѣсущее вліяніе соціальной власти денегъ, и если рабочая партія хотѣла

успѣшно бороться со столь сильными противниками, то она также должна была создать себѣ постоянную, прочную организацію. Дѣло не могло идти такъ дальше, чтобы одинъ большой кошелекъ, какимъ располагала графиня Гацфельдтъ, въ продолженіе ряда лѣтъ обращалъ рабочее движеніе во всеобщее посмѣшище. И безъ того знамя, вокругъ котораго не переставала собираться вновь старая гвардія, грозило упасть; незначительныя средства „*Соціалъ-демократа*" почти истощились, и дальнѣйшій выходъ его въ свѣтъ былъ возможенъ лишь въ томъ случаѣ, если Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ станетъ твердо на ноги въ финансовомъ отношеніи. Дѣло шло отнюдь не о томъ, чтобы разрушить организацію Лассаля, ибо ей Союзъ былъ обязанъ, по крайней мѣрѣ, еще своей моральной силой, а о томъ, чтобы осуществить ее въ дѣйствительности, чтобы за моральной силой поставить и политическую.

Переводя дѣло на лица, это значило, что моральную диктатуру, принадлежавшую Швейцеру съ тѣхъ поръ, какъ умеръ Лассаль, необходимо было превратить въ диктатуру политическую. Нерасположеніе рабочихъ къ Швейцеру постепенно разсѣялось; въ этомъ отношеніи клеветническіе навѣты, которыми его осыпала буржуазная печать, достигли какъ разъ обратнаго дѣйствія, чѣмъ имѣлось въ виду ихъ авторами. Швейцеръ былъ слишкомъ уменъ, чтобы вообразить себѣ, будто массовое пролетарское движеніе можетъ долго оставаться подъ диктатурою одного человѣка, но съ другой стороны, члены Союза также были слишкомъ разсудительны, чтобы не видѣть необходимости временной диктатуры при тогдашнихъ, во многихъ отношеніяхъ критическихъ обстоятельствахъ. По свидѣтельству Тельке, даже Іоркъ, демократъ до мозга костей, которому была не по душѣ уже диктатура Лассаля, считалъ временную диктатуру необходимой въ теченіе болѣе продолжительнаго срока, чѣмъ хотѣлъ самъ Швейцеръ. Всякая диктатура имѣетъ роковыя послѣдствія для самого диктатора; не избѣжалъ этого рока и Швейцеръ, который дорого заплатилъ за свою вину, потерявъ свое честное имя. Но это нисколько не мѣняетъ факта, что въ 1867 г. самые старые и вѣрные члены Союза признавали его диктатуру необходимой.

Онъ былъ уже фактическимъ руководителемъ избирательнаго движенія, и по окончаніи его созвалъ на 19-ое мая, черезъ президента Перля, общее собраніе въ Брауншвейгѣ. На собраніе явилось 18 делегатовъ, представлявшихъ 45 мѣстъ съ 2508 членами.

Число членовъ было крайне незначительно и составляло едва $^1/_4$ числа, представленнаго на лейпцигскомъ общемъ собраніи предшествующаго года, но покуда отсутствовалъ строгій контроль надъ уплатой членскихъ взносовъ, эти цифры вообще имѣли лишь крайне проблематическую цѣнность. Пятое общее собраніе приняло первымъ дѣломъ программу, показывавшую дверь сторонникамъ графини Гацфельдтъ. Главными пунктами ея были: единое и свободное демократическое государство; обобществленное производство и, въ качествѣ перехода къ новому общественному строю, производительныя ассоціаціи при содѣйствіи государственнаго кредита согласно принципамъ Фердинанда Лассаля; общность интересовъ рабочаго класса у всѣхъ культурныхъ народовъ; введеніе всеобщаго и равнаго избирательнаго права въ цѣляхъ воздѣйствія на государственную власть,—при прямой и тайной подачѣ голоса и жалованьѣ депутатамъ. Руководствуясь этой программой, рѣшено было просмотрѣть списки Союза и вычеркнуть всѣхъ членовъ, которые не примыкаютъ къ ней безусловно. Затѣмъ постановлено было выбрать вновь всѣхъ уполномоченныхъ, при чемъ пребываніе ихъ въ должности было ограничено временемъ отъ одного обыкновеннаго общаго собранія до другого. За президентомъ было сохранено право утверждать ихъ избраніе; формально президентъ получилъ даже неограниченное право назначать уполномоченныхъ, такъ какъ полиція открыла въ фактѣ ихъ избранія признакъ „самостоятельныхъ союзовъ". Но вмѣстѣ съ тѣмъ была назначена комиссія, которая должна была принимать и передавать ближайшему общему собранію жалобы на президента по этому предмету. Для предотвращенія полицейскихъ преслѣдованій были устранены также всѣ другіе зародыши недозволеннаго „образованія филіальныхъ отдѣленій Союза": уничтожено обозначеніе мѣстной совокупности членовъ „общиной" и твердо установленъ характеръ единства и замкнутости *союза* путемъ признанія, что мѣстопребываніемъ его является Лейпцигъ и что онъ подчиненъ саксонскому закону о союзахъ, а въ отдѣльныхъ мѣстахъ могутъ происходить лишь *собранія* членовъ,—мѣры предосторожности, имѣвшія кратковременный успѣхъ въ Берлинѣ и другихъ мѣстахъ, но оказавшіяся безсильными дать прочную защиту противъ полицейскаго произвола при растяжимости и неполнотѣ нѣмецкихъ законовъ о союзахъ. Для обезпеченія хорошаго финансоваго управленія было, между прочимъ, постановлено, что по меньшей мѣрѣ половина мѣстныхъ взносовъ должна быть передаваема въ кассу

Союза, и кассиръ долженъ ежемѣсячно публиковать въ „*Соціалъ-демократъ*" названія недоимочныхъ мѣстъ. Кассиромъ выбрали І. М. Гирша, но такъ какъ онъ вскорѣ послѣ того былъ арестованъ и приговоренъ ко многимъ мѣсяцамъ тюрьмы за напечатаніе перваго соціалъ-демократическаго пѣсенника, то должность его перешла къ Бракке. Президентомъ былъ выбранъ Швейцеръ, и секретаріатъ перенесенъ въ мѣсто его жительства; Аудорфа, уѣхавшаго черезъ годъ послѣ этого въ Россію, замѣнилъ стенографъ Роллеръ.

Первымъ послѣдствіемъ этой реорганизаціи Союза было то, что съ графиней Гацфельдтъ были покончены всякіе счеты. Она основала теперь отдѣльную секту подъ названіемъ „Лассалевскаго Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза". Ей удалось отколоть приблизительно шестую часть стараго Союза: большинство членовъ въ королевствѣ Саксоніи и отдѣльныя группы въ Килѣ, Бременѣ и другихъ мѣстахъ. Въ президенты она провела Фёрстерлинга; рядомъ съ нимъ ея правой рукой былъ молодой Фрицъ Менде, которому недоставало самыхъ элементарныхъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ, необходимыхъ для рабочаго вождя. Поведеніе графини, преступное по отношенію къ памяти ея покойнаго друга, не можетъ быть извиняемо рѣшительно ничѣмъ. Ея интриги не представляли больше опасности, такъ какъ можно было предвидѣть,—и это дѣйствительно сбылось,—что тѣ нѣсколько тысячъ честныхъ рабочихъ, которыхъ она морочила именемъ Лассаля, скоро придутъ къ болѣе правильному взгляду на вещи и тогда вернутся къ старому Союзу или примкнутъ къ Саксонской народной партіи. Но было въ высшей степени обидно, что буржуазія получила возможность въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ изощрять свое тупое остроуміе на безобразной агитаціи графини.

Своими резолюціями на брауншвейгскомъ общемъ собраніи Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ опять всталъ въ авангардѣ европейскаго соціалистическаго движенія. Пробнымъ камнемъ былъ въ этомъ отношеніи второй конгрессъ Интернаціонала, происходившій въ началѣ сентября въ Лозаннѣ. На конгрессъ явились 64 делегата, большей частью швейцарцы, за которыми слѣдовали 17 французовъ, 6 нѣмцевъ, 6 англичанъ, 2 итальянца и 2 бельгійца. Среди нѣмецкихъ делегатовъ находился Альбертъ Ланге, Людвигъ Бюхнеръ и Ладендорфъ.

Конгрессъ постановилъ, что соціальное освобожденіе рабочаго

класса нераздѣльно связано съ его политическимъ освобожденіемъ, что завоеваніе политической свободы есть дѣло первой и безусловной необходимости. Это вполнѣ совпадало съ брауншвейгской программой. Но затѣмъ на конгрессѣ Интернаціонала обнаружились глубокія разногласія по вопросу объ обобществленіи земли, относительно котораго Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ давно уже составилъ себѣ ясное мнѣніе. Это соціалистическое требованіе не значилось прямо въ программѣ занятій Лозаннскаго конгресса, но оно прорвалось наружу по нѣсколькимъ поводамъ. О немъ говорили, напр., когда былъ снова поднятъ вопросъ о кооперативныхъ товариществахъ, относительно которыхъ конгрессъ постановилъ, что, ограниченныя рамками капиталистическаго общества, они могутъ только создать крайне жалкое пятое сослові его обсуждали также, когда былъ поставленъ и рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ объ обращеніи средствъ сообщенія и перевозки въ государственную собственность. Въ пользу индивидуальной земельной собственности выступили особенно страстно французы, тогда какъ другіе, отстаивавшіе общую собственность, напр., Ладендорфъ, были очень далеки отъ коммунистическо-революціоннаго пониманія этой идеи. Можно сказать, что почти одинъ только Эккаріусъ и Лесснеръ, старые члены „Союза коммунистовъ", сидѣвшіе теперь въ Генеральномъ совѣтѣ Интернаціонала, трактовали вопросъ столь же основательно и ясно, какъ его уже полтора года передъ тѣмъ трактовалъ Швейцеръ въ своей эрфуртской рѣчи.

Мѣсяцъ спустя въ Герѣ собрался 4-й съѣздъ нѣмецкихъ рабочихъ ферейновъ, и на немъ обнаружилось, что умы начинаютъ все сильнѣе расходиться въ разныя стороны. Улихъ внесъ рядъ резолюцій, согласно которымъ народная школа должна быть устроена сообразно „вѣчнымъ законамъ человѣческой души", а Зонneманъ поразилъ съѣздъ интереснымъ сообщеніемъ, что онъ разрѣшилъ наконецъ, соціальный вопросъ и устроилъ во франкфуртской Sozietätsdruckerei (Артельной Печатнѣ) производительное товарищество, гдѣ онъ является простымъ „сотрудникомъ" наборщиковъ, которые черезъ 5 лѣтъ будутъ въ братскомъ общеніи съ нимъ владѣть типографіей. Само собою разумѣется, что дѣло шло о капиталистической аферѣ; франкфуртская Артельная Печатня представляетъ собою теперь милліонное предпріятіе, гдѣ „другъ рабочихъ" Зоннеманъ эксплуатируетъ „своихъ" наборщиковъ не хуже любого капиталиста. Отрадную противуположность этимъ безоб-

разнымъ рекламамъ составляли рѣчи Бебеля и суконщика Моттелера; первый изъ нихъ со свойственнымъ ему краснорѣчіемъ изобразилъ страшное несчастье въ Лугауской каменноугольной копи, гдѣ свыше ста рабочихъ погибли жертвою преступной алчности капитала и непростительнаго забвенія долга со стороны саксонской горной полиціи, а Моттелеръ развернулъ въ своемъ докладѣ потрясающую картину страданій, которыя выпадаютъ на долю дѣтей, занятыхъ на фабрикахъ. Оба требовали суроваго вмѣшательства государственной власти противъ капиталистической эксплуатаціи.

Болѣе энергичные элементы рабочихъ ферейновъ испытывали неудержимое стремленіе объединиться тѣснѣе, чѣмъ это удалось до тѣхъ поръ осуществить при посредствѣ разсѣяннаго по всей Германіи комитета. Въ данномъ случаѣ также пришлось при помощи всякихъ тонкихъ различеній обойти ловушки нѣмецкихъ законовъ о союзахъ. Одному изъ болѣе значительныхъ ферейновъ была поручена забота объ общихъ дѣлахъ съѣзда, и мѣстонахожденіе этого ферейна было сдѣлано мѣстомъ съѣзда; въ его комитетъ должны были входить впредь 7 членовъ: шесть засѣдателей, выбираемыхъ руководящимъ ферейномъ изъ собственной среды, и седьмой—предсѣдатель, избираемый самимъ съѣздомъ. Въ сущности вопросъ шелъ о томъ, остаться ли съѣзду подъ капиталистической опекой, или развиваться какъ самостоятельная пролетарская организація. Кандидатами на должность предсѣдателя выступили Бебель и Максъ Гиршъ. Бебель побѣдилъ значительнымъ большинствомъ; такимъ образомъ, былъ сдѣланъ большой шагъ впередъ.

Тѣмъ временемъ реорганизація Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза энергично подвигалась впередъ. 22-го ноября въ Берлинѣ засѣдало шестое общее собраніе, на которомъ были представлены 20-ю делегатами 3.408 членовъ. Число членовъ все еще было нѣсколько неопредѣленно, общее собраніе не настаивало еще на этотъ разъ на практическомъ исполненіи брауншвейгской резолюціи, согласно которой на собранія должны были допускаться только делегаты отъ мѣстъ, выполнившихъ свои обязательства по отношенію къ кассѣ союза. Но дѣла кассы были уже приведены Бракке въ образцовый порядокъ. Число подписчиковъ „*Соціалъ-демократа*" съ начала года почти утроилось, и поднялось отъ 450 до 1.200; до 10 экземпляровъ получали 83 пункта, до 25 экземпляровъ — 25 пунктовъ, впереди всѣхъ шли Франкфуртъ съ 50-ю, Эльбер-

фельдъ-Барменъ съ 175-ю и, въ особенности, Гамбургъ съ 375 экземплярами. Единогласное переизбраніе Швейцера разумѣлось само собою. Однако общее собраніе произвело въ уставѣ очень важное измѣненіе, которое проектировалось уже въ Брауншвейгѣ, но было еще тогда отложено: президентъ долженъ былъ впредь выбираться путемъ плебисцита среди членовъ Союза по крайней мѣрѣ за 6 недѣль передъ всякимъ обыкновеннымъ общимъ собраніемъ. Постановленіе это было принято 2.264 голосами противъ 838; воздержались отъ вотума 306 голосовъ подъ предводительствомъ Швейцера. Въ оппозиціи находились, въ особенности, гамбургскіе и изерлонскіе члены. Хотя постановленіе имѣло своей цѣлью демократизировать по возможности диктатуру президента, но оно было весьма обоюдоостро, такъ какъ увеличивало силу президента въ сравненіи съ другими должностными лицами и органами Союза.

Возстановленное согласіе не омрачалось пока ничѣмъ. Швейцеръ, всегда стремившійся будить самостоятельную мысль рабочихъ, впервые устроилъ на этомъ общемъ собраніи публичное засѣданіе, въ которомъ обсуждался рядъ важныхъ вопросовъ. Порядокъ дня былъ нѣсколько великъ: предполагалось говорить о Пруссіи и нѣмецкомъ вопросѣ, о всеобщемъ избирательномъ правѣ, объ отмѣнѣ законовъ противъ ростовщичества, о женскомъ трудѣ, объ арестантскомъ трудѣ, о фальсификаціи пищевыхъ средствъ и рекламѣ, о нормальномъ рабочемъ днѣ и англійскомъ фабричномъ законодательствѣ. При этомъ не обошлось, конечно, безъ многихъ одностороннихъ и поверхностныхъ сужденій, но всетаки желѣзная выносливость ораторовъ и слушателей произвела импонирующее впечатлѣніе на болѣе умные органы буржуазной печати. Они писали: „Почетъ этимъ соціалъ-демократамъ! Гдѣ это люди изъ народа терпѣливо высиживали до сихъ поръ 11 часовъ подъ-рядъ въ слабо натопленномъ помѣщеніи, чтобы обсуждать вопросы о реформахъ? На большихъ научныхъ конгрессахъ участники устраиваются удобнѣе и облегчаютъ себѣ умственное напряженіе благовременнымъ утоленіемъ жажды и голода“.

Приподнятому настроенію берлинскаго общаго собранія не мало способствовало то обстоятельство, что Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ какъ разъ передъ этимъ не безъ урона, но съ честью выдержалъ свой первый парламентскій походъ.

---

5. Первые парламентскіе шаги соціалъ-демократіи.

Конституція, которую рейхстагъ, выбранный 12 февраля, выработалъ вмѣстѣ съ союзными правительствами Сѣверо-германскаго союза, оказалась составленной вполнѣ по указаніямъ Бисмарка. Главной виновницей этого была буржуазія присоединенныхъ или еще не присоединенныхъ государствъ средней и малой величины, у которой слюнки текли при мысли о прелестяхъ единой и большой хозяйственной области; подобно тому какъ она поставляла блаженной памяти „Національному союзу" самыхъ крикливыхъ героевъ слова, такъ она поставляла теперь прусскому абсолютизму самыхъ смиренныхъ перебѣжчиковъ въ лицѣ тѣхъ же „государственныхъ мужей". Остатки старыхъ прогрессистовъ со справедливымъ гнѣвомъ, хотя и обнаруживая обычную путаницу идей, плакались въ одномъ офиціальномъ документѣ: „Новая конституція дала правительству больше правъ и отняла больше правъ у народа, чѣмъ они имѣли раньше". Но всеобщее избирательное право все-таки осталось, хотя Бисмаркъ и настоялъ, чтобы депутаты не получали жалованья, сдѣлавъ изъ этого пункта кабинетный вопросъ. „Ужъ мы не дадимъ нашимъ депутатамъ умереть съ голоду",—сказали рабочіе и бодро принялись опять за дѣло, когда на 31 августа 1867 г. были назначены выборы въ сѣверо-германскій рейхстагъ, для котораго въ новой союзной конституціи былъ предусмотрѣнъ трехлѣтній законодательный періодъ.

Выраженные въ цифрахъ избирательные успѣхи соціалъ-демократіи остались еще на этотъ разъ довольно далеко позади того, чего она достигла на февральскихъ выборахъ. За исключеніемъ эссенскаго округа и города Ганновера, впервые выступившихъ на арену борьбы съ 1.100 голосами каждый, соціалъ-демократія не завоевала новой территоріи, и за исключеніемъ Эльберфельда и Бармена, гдѣ Швейцеръ сразу же получилъ 6.100 голосовъ, нигдѣ не было достигнуто такое количество голосовъ, какъ 6 мѣсяцами раньше. Даже испытанная твердыня Гамбургъ, гдѣ выставилъ свою кандидатуру книгопродавецъ Августъ Гейбъ, дала лишь немногимъ болѣе 2.000 голосовъ. Но среди бодраго настроенія, вызываемаго успѣшнымъ ходомъ реорганизаціи, Союзъ не испытывалъ особаго разочарованія отъ исхода выборовъ,—тѣмъ болѣе, что всѣмъ другимъ партіямъ приходилось жаловаться на еще большее ослабленіе энергіи. Кромѣ Эльберфельда-Бармена Швей-

церъ попалъ еще въ перебаллотировку въ Рейхенбахѣ-Нейроде, несмотря на то, что онъ получилъ въ этомъ округѣ на половину меньше голосовъ, чѣмъ въ февралѣ. Далѣе предстояли перебаллотировки въ Эссенѣ, между Газенклеверомъ и консервативнымъ кандидатомъ ландратомъ Девенсомъ, и въ Леннепѣ-Метманѣ, между Рейнке и старымъ Лудольфомъ Кампгаузеномъ. Рейнке велъ лѣтомъ въ вестфальскихъ газетахъ продолжительную полемику съ прогрессистомъ Гаркортомъ относительно оправданія соціализма и снискалъ этимъ признательность и уваженіе рабочихъ, такъ что онъ былъ выставленъ соціалъ-демократическимъ кандидатомъ не только въ Леннепѣ-Метманѣ, но и въ цѣломъ рядѣ другихъ рейнско-вестфальскихъ избирательныхъ округовъ: въ Дюссельдорфѣ, Мюльгеймѣ, Дуисбургѣ, Золингенѣ и Гагенѣ. Швейцеръ, которому брауншвейгское общее собраніе поручило руководство выборной кампаніей, тщетно обращалъ вниманіе рабочихъ на то, что они не должны такъ застѣнчиво пугаться рабочихъ кандидатуръ; мнѣніе, что рабочій не обладаетъ достаточнымъ престижемъ для роли парламентскаго кандидата, Швейцеръ назвалъ „проклятымъ предразсудкомъ", который нужно вырвать съ корнемъ, такъ какъ господствующіе классы внушили его рабочимъ только въ своихъ собственныхъ интересахъ. Какъ это часто бываетъ, лучшимъ наставникомъ оказался и въ этомъ случаѣ лишь практическій опытъ.

Для перебаллотировокъ Швейцеръ отдалъ пароль, что рабочіе должны участвовать въ нихъ во всякомъ случаѣ, хотя бы дѣло шло только о двухъ буржуазныхъ кандидатахъ. Эта тактика необходима по двумъ основаніямъ: по принципіальному основанію, такъ какъ при неразрывной связи между всѣми политическими и соціальными отношеніями у рабочихъ всегда найдется какой-нибудь интересъ, чтобы побѣдилъ тотъ, а не иной кандидатъ; по практическому—такъ какъ политическая партія должна при всякомъ случаѣ активно проявлять свое существованіе. Что касается вопроса, какую изъ борющихся партій рабочіе должны поддерживать, то здѣсь нужно руководиться прежде всего предшествующимъ поведеніемъ этихъ партій по отношенію къ рабочимъ, особенно во время главныхъ выборовъ. Какъ молодая партія, соціалъ-демократія должна прежде всего утвердиться и разбить систему оклеветанія, при помощи которой старыя партіи хотятъ помѣшать ея росту. Въ Дюссельдорфѣ, напр., поддержка рабочихъ склонила во время февральскихъ выборовъ побѣду въ пользу прогрессистской

партіи, а между тѣмъ выходящая тамъ „Рейнская газета“ въ теченіе всего лѣта только и дѣлала, что печатала злобныя, полныя брани статьи по поводу рабочаго движенія. Отъ этого гнуснаго способа борьбы надо отучить либераловъ; тамъ, гдѣ они провинятся въ немъ, рабочіе должны на перебаллотировкахъ голосовать безусловно за противника либераловъ: дѣло партіи стоитъ выше всякаго другого соображенія. Напротивъ, тамъ, гдѣ либералы вели борьбу съ рабочей партіей честно и по существу дѣла, на что они, конечно, имѣютъ полное право,—тамъ рабочіе должны на перебаллотировкахъ подавать голосъ за либеральнаго кандидата, причемъ такъ наз. націоналъ-либералы не могутъ быть, однако, причисляемы къ либераламъ: они не болѣе какъ реакціонеры въ овечьей шкурѣ либераловъ и въ общественномъ смыслѣ еще вреднѣе открытыхъ консерваторовъ.

Согласно этимъ руководящимъ началамъ были проведены перебаллотировки въ промышленномъ округѣ Бергишъ-Маркъ. Въ Дюссельдорфѣ рабочіе помогли бисмарковскому кандидату Михаэлису одержать побѣду надъ прогрессистскимъ кандидатомъ Бюргерсомъ, тогда какъ въ Эльберфельдѣ-Барменѣ часть консервативныхъ и націоналъ-либеральныхъ избирателей рѣшила побѣду Швейцера противъ кандидата прогрессистовъ Лёве-Кальбе. Эта тактика соціалъ-демократовъ встрѣтила тогда осужденіе съ различныхъ точекъ зрѣнія и, безспорно, она имѣла свои неудобныя стороны. Неправда только, что она покоилась на какихъ-то тайныхъ и предательскихъ сдѣлкахъ съ консервативной партіей или съ правительствомъ. Она была, напротивъ, возвѣщена въ „*Соціалъ-демократѣ*“ задолго до главныхъ выборовъ, притомъ не какъ принципіально правильная, а, наоборотъ, какъ принципіально неправильная тактика, къ которой с.-д. вынуждена прибѣгать въ опредѣленныхъ крайнихъ случаяхъ изъ-за безпринципной и недостойной политики прогрессистовъ. Во всякомъ случаѣ, она обладала тѣмъ преимуществомъ, что достигла цѣли, для достиженія которой была принята. Какъ только прогрессистская партія увидѣла, что рабочіе не позволяютъ, чтобы ихъ третировали пинками, какъ безвольную „голосующую скотину“, она покорилась необходимости и стала вести себя приличнѣе. По взаимному соглашенію соціалъ-демократическіе избиратели въ Гагенѣ и Золингенѣ подавали голосъ за прогрессистскихъ кандидатовъ, а прогрессистскіе избиратели въ Эссенѣ и Леннепѣ-Метманѣ голосовали за соціалъ-демократическаго кандидата. Результатъ получился

тотъ, что Гаркортъ побѣдилъ въ Гагенѣ и Рейнке въ Леннепѣ-Метманѣ; Газенклеверъ въ Эссенѣ и Евгеній Рихтеръ въ Золингенѣ провалились. Въ Рейхенбахѣ-Нейроде Швейцеръ былъ побѣжденъ либеральнымъ кандидатомъ Твестеномъ.

Такимъ образомъ Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ завоевалъ два мѣста въ сѣверо-германскомъ рейхстагѣ. Что касается Саксонской народной партіи, то она не только удержала избирательные округи Глаухау-Мееране и Цвиккау-Криммичау, но пріобрѣла еще два новыхъ: Либкнехтъ вышелъ побѣдителемъ въ Штольбергѣ-Шнеебергѣ, а врачъ Гетцъ въ лейпцигскомъ сельскомъ округѣ. Ферстерлингъ пріобрѣлъ избирательный округъ Хемницъ при обстоятельствахъ, возбуждавшихъ нѣкоторое сомнѣніе. На перебаллотировкѣ соперникомъ его былъ велико-нѣмецкій демократъ, и въ то время говорили, что 3.500 голосовъ, на которые увеличилось— сравнительно съ общими выборами—число голосовъ, поданныхъ за Ферстерлинга, шли отчасти изъ враждебныхъ рабочимъ круговъ, надѣявшихся повредить соціалъ-демократическому дѣлу, если они дадутъ Ферстерлингу возможность выступить въ рейхстагѣ.

Такъ ли это было, или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ, когда 10-го сентября открылась первая сессія рейхстага, то уже при дебатахъ по поводу адреса Ферстерлингъ безтолковымъ повтореніемъ отрывковъ изъ сочиненій Лассаля сдѣлалъ себя въ парламентскомъ смыслѣ невозможнымъ. Но Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ также потерялъ одного изъ своихъ депутатовъ, такъ какъ Рейнке воспользовался первымъ представившимся случаемъ, чтобы отречься отъ пролетарской классовой борьбы и заявить, что задача соціализма заключается не въ созданіи розни между буржуазіей и пролетаріатомъ и взаимномъ натравливаніи ихъ другъ на друга, а въ ихъ примиреніи. Союзу ничего больше не оставалось, какъ разорвать всякія сношенія съ этимъ парламентскимъ представителемъ, что и было сдѣлано на берлинскомъ общемъ собраніи. Гетцъ и Шрапсъ были по существу буржуазными демократами, которые вмѣстѣ съ обостреніемъ пролетарской классовой борьбы превратились скоро въ ярыхъ враговъ соціалъ-демократіи, а Бебель находился еще въ процессѣ перехода отъ буржуазно-радикальныхъ къ соціалъ-демократическимъ воззрѣніямъ. Такимъ образомъ, парламентская защита пролетарско-революціонной точки зрѣнія находилась преимущественно въ рукахъ Либкнехта и Швейцера, и между ними тотчасъ же возгорѣлся старый споръ о наиболѣе правильной тактикѣ.

Либкнехтъ видѣлъ въ Сѣверо-германскомъ союзѣ реакціонное порожденіе насилія и неправды, которое нужно во что бы ни стало разбить; чтобы избѣжать его укрѣпленія, Либкнехтъ отвергалъ всякое практическое сотрудничество въ законодательныхъ работахъ рейхстага: парламентская трибуна была для него только мѣстомъ, съ котораго онъ могъ бросать въ массы свой протестъ противъ новаго порядка вещей въ Германіи. Швейцеръ смотрѣлъ, напротивъ, на Сѣверо-германскій союзъ, какъ на очень прискорбный и непріятный, но все же безповоротный фактъ, съ которымъ соціалъ-демократіи приходится считаться и на почвѣ котораго она должна устроиться, какъ крайняя оппозиція, если она хочетъ остаться политической партіей. Въ то время какъ Либкнехтъ язвительно называлъ его „двойникомъ Вагенера", Швейцеръ не говорилъ, что Либкнехтъ работаетъ на службѣ или въ интересахъ депосседированныхъ князей и австрійскаго правительства; онъ заявлялъ только, что не можетъ раздѣлять точки зрѣнія Либкнехта, такъ какъ послѣ перехода буржуазіи въ бисмарковскій лагерь разрушеніе Сѣверо-германскаго союза не представляется больше возможнымъ, развѣ путемъ насилія иностранныхъ государствъ, что̀ означало бы попасть изъ огня въ полымя. По мнѣнію Швейцера, рабочій классъ долженъ былъ стоять заодно со всѣми другими классами націи противъ интригъ Бонапарта и мечтаній о реваншѣ австрійскаго премьера Бейста; напротивъ, Либкнехтъ видѣлъ въ затрудненіяхъ, которыя Бонапартъ и Бейстъ создавали Бисмарку, логическую участь всякой насильнической завоевательной политики.

Соотвѣтственно съ этимъ Либкнехтъ воспользовался обсужденіемъ новаго союзнаго закона о воинской повинности, чтобы произнести рѣчь, гдѣ онъ заявилъ, что исторія перешагнетъ черезъ насильственное твореніе, представляемое Сѣверо-германскимъ союзомъ, означающимъ не что иное, какъ раздѣленіе, ослабленіе и порабощеніе Германіи; что она перешагнетъ черезъ сѣверо-германскій рейхстагъ, представляющій собою только фиговый листъ абсолютизма. Либкнехтъ протестовалъ противъ постоянныхъ армій, какъ орудія насильнической политики въ родѣ бисмарковской. Онъ только потому не внесъ резолюціи объ устройствѣ народнаго ополченія по швейцарскому образцу, что запутался въ сѣтяхъ парламентской процедуры. Рѣчь Либкнехта словно безжалостный бичъ ударяла по всѣмъ больнымъ мѣстамъ „революціи сверху", и невообразимый шумъ, поднятый вокругъ оратора сыты-

ми патріотами господствующихъ классовъ, только вдвойнѣ дѣлалъ честь его мужеству. Но нравственная чистота и рѣзкость его критики не ручаются еще во всемъ за ея правильность. Если Либкнехтъ предвидѣлъ, что Бисмарку придется помѣряться силами съ Бонапартомъ и что тогда судьба Сѣверо-германскаго союза будетъ лежать на вѣсахъ военнаго счастья, то Швейцеръ видѣлъ еще нѣсколько дальше,—что по всему состоянію историческаго развитія чашка вѣсовъ должна склониться въ пользу Бисмарка.

Послѣ рѣчи Либкнехта Швейцеръ просилъ слова, чтобы выдвинуть пункты, въ которыхъ онъ расходился съ точкой зрѣнія Либкнехта. Въ то время существовалъ еще списокъ ораторовъ, и Швейцеръ записался туда какъ противникъ законопроекта. Когда затѣмъ къ президенту поступило предложеніе о закрытіи дебатовъ, то передъ голосованіемъ по поводу этого предложенія былъ оглашенъ списокъ ораторовъ, и оказалось, что среди депутатовъ, записавшихся говорить противъ законопроекта, Швейцеръ занималъ 9-е мѣсто, между тѣмъ какъ за законопроектъ осталось въ спискѣ всего только два оратора. Въ виду этого Швейцеръ, чтобы получить возможность сказать хоть что-нибудь, перенесъ свое имя на сторону ораторовъ, желавшихъ говорить въ пользу законопроекта,—парламентскій обычай, который при существованіи списка ораторовъ практиковался у всѣхъ партій, когда дѣло шло о краткой поправкѣ или заявленіи, не касавшихся самаго существа обсуждаемаго предмета. Объ этомъ совершенно безразличномъ эпизодѣ рѣшительно не стоило бы упоминать теперь, если бы онъ не составлялъ издавна главнаго доказательства въ пользу мнимой измѣны Швейцера: онъ, дескать, выступилъ „за" прусскій милитаризмъ, и документальнымъ доказательствомъ тому служитъ офиціальный списокъ ораторовъ рейхстага.

Въ дѣйствительности Швейцеръ не говорилъ и не голосовалъ за союзный законъ о воинской повинности; онъ просто сдѣлалъ краткое заявленіе, о которомъ вправѣ былъ сказать, что онъ дѣлаетъ его отъ имени многихъ тысячъ рабочихъ, избравшихъ его своимъ вождемъ: заявленіе въ томъ смыслѣ, что онъ сходится съ Либкнехтомъ въ оппозиціи противъ внутреннихъ порядковъ Сѣверо-германскаго союза, но не въ стремленіи разбить самый этотъ союзъ. Въ особенности Швейцеръ подчеркнулъ, что по отношенію къ иностранному вмѣшательству онъ и рабочіе его направленія стоятъ на сторонѣ Пруссіи. Если онъ употребилъ при

этомъ рискованное выраженіе, что онъ не хочетъ чернить тѣхъ качествъ Пруссіи, которыя враждебный міръ призналъ въ прошломъ году съ чувствами уваженія и удивленія, то это преувеличеніе было вызвано преувеличеніемъ Либкнехта, что Сѣверо-германскій союзъ презираютъ за границей еще больше, чѣмъ блаженной памяти Союзный сеймъ. Теперь, когда эти разногласія давно отошли въ область исторіи, было бы несправедливо придираться къ словамъ того или другого. Однако, когда Либкнехтъ говорилъ, что кто заодно со Швейцеромъ признаетъ твореніе политики „крови и желѣза", тотъ отдѣленъ широкой и непроходимой пропастью отъ соціалъ-демократіи, то его воззрѣніе было вѣрно лишь постольку, поскольку одна часть сознательнаго пролетаріата была отдѣлена тогда отъ другой его части широкою, но не непроходимою пропастью. Не прошло и десятилѣтія, какъ пропасть была заровнена.

Въ сущности новый споръ между Либкнехтомъ и Швейцеромъ сводился къ ихъ старому разногласію. Рѣчь Либкнехта преслѣдовала только цѣли пропаганды; когда во времена конституціоннаго конфликта радикальные демократы мечтали о швейцарскомъ народномъ ополченіи, то Энгельсъ, пожимая плечами, писалъ: „Въ томъ видѣ, въ какомъ они представляютъ себѣ это дѣло, оно невозможно теперь для страны съ 18 милліонами жителей и легко доступными для непріятеля границами, оно невозможно въ такомъ видѣ даже для другихъ условій". Несомнѣнно, это было хорошо извѣстно и Либкнехту, но ему важна была именно только пропаганда демократическихъ идеаловъ. Напротивъ, Швейцеръ защищалъ тотъ взглядъ, что политическая рабочая партія должна заниматься практической политикой, конечно — не въ смыслѣ буржуазнаго оппортюнизма, а оставаясь на принципіально-пролетарской почвѣ. Онъ подалъ голосъ противъ военнаго закона, но полагалъ, что парламентскій рычагъ надо приложить не къ нему, а въ другомъ мѣстѣ, если хотятъ добиться какихъ-нибудь выгодъ для рабочаго класса.

Не въ военной, а въ экономической области лежалъ центръ тяжести Сѣверо-германскаго рейхстага. Этотъ слабый парламентъ безсиленъ былъ помѣшать распространенію военнаго устройства Пруссіи на Саксонію и тѣ двѣ дюжины мелкихъ государствъ, которыя принадлежали къ Сѣверо-германскому союзу. Но онъ вполнѣ могъ оказать вліяніе на экономическое законодательство, которое должно было нѣсколько вымести обломки феодально-цеховаго

строя. Удовлетворенiе ея матерiальныхъ интересовъ—такова была цѣна, за которую буржуазiя продала Бисмарку свои политическiе идеалы; эту цѣну Бисмаркъ былъ принужденъ, да и готовъ заплатить. Практическая политика соцiалъ-демократическихъ депутатовъ въ сѣверо-германскомъ рейхстагѣ должна была, по мнѣнiю Швейцера, заключаться въ слѣдующемъ: въ тотъ моментъ, когда буржуазiя примется расчищать почву, на которой она намѣревалась съ сугубой основательностью эксплуатировать пролетарiатъ, тотчасъ преградить ей дорогу, выдвинувъ неотъемлемыя права рабочаго класса.

При отмѣнѣ законовъ о ростовщичествѣ Швейцеръ внесъ предложенiе сохранить, по образцу англiйскаго законодательства, воспрещенiе взимать ростовщическiе проценты при ссудахъ до 100 талеровъ, и обосновалъ свое предложенiе въ превосходной рѣчи, гдѣ впервые развивались въ стѣнахъ нѣмецкаго парламента нѣкоторыя изъ главныхъ положенiй научнаго коммунизма. Также хорошо защищалъ онъ предложенiе прогрессистской партiи объ отмѣнѣ законовъ противъ коалицiй. Но главной его парламентской работой въ эту короткую сессiю былъ законопроектъ о защитѣ труда противъ капитала. Проектъ состоялъ изъ 47 параграфовъ; частью онъ заключалъ лишь сводку существующихъ уже постановленiй прусскаго законодательства относительно запрещенiя дѣтскаго труда и выдачи заработной платы товарами вмѣсто денегъ, но сверхъ того, онъ требовалъ 10-часового рабочаго дня для всѣхъ взрослыхъ рабочихъ, назначенiя фабричныхъ инспекторовъ съ достаточно широкими полномочiями и, наконецъ, постоянныхъ парламентскихъ комиссiй „для собиранiя свѣдѣнiй объ условiяхъ городского и сельскаго труда въ области Сѣверо-германскаго союза“. Дѣйствiе закона должно было распространяться на всѣ предпрiятiя, занимающiя не менѣе 10-ти наемныхъ рабочихъ, притомъ не только на фабрики въ тѣсномъ смыслѣ слова, но и на сельскохозяйственныя имѣнiя, судостроительныя верфи, желѣзныя дороги, пароходы, наконецъ также на домашнюю промышленность. Основываясь на опытѣ англiйскаго фабричнаго законодательства, Швейцеръ придавалъ особое значенiе устройству дѣйствительнаго фабричнаго надзора, которымъ достигаются гораздо большiе результаты, чѣмъ самыми обширными запретами и наказанiями, красующимися на все терпящей бумагѣ свода законовъ. Отдѣльные прогрессистскiе депутаты, которымъ Швейцеръ показалъ свой проектъ, замѣтили свысока, что это, вѣдь, почти ниче-

го: они внесутъ поправки въ смыслѣ усиленія строгости проектируемаго закона. Швейцеръ, знавшій, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, сухо отвѣтилъ: „Буду очень радъ“.

Чтобы собрать 15 подписей, требовавшихся для внесенія его проекта въ рейхстагъ, Швейцеръ обратился прежде всего къ депутатамъ, выбраннымъ рабочими. Однако Фёрстерлингъ и Рейнке отказали, а Либкнехтъ заявилъ отъ себя и отъ имени своихъ ближайшихъ единомышленниковъ, что они не могутъ подписать никакого предложенія, направленнаго къ поддержанію Сѣверогерманскаго союза посредствомъ важныхъ институтовъ. Швейцеръ обратился тогда къ мудрымъ критикамъ изъ прогрессистской партіи, и они дѣйствительно обѣщали свои подписи, но уже на слѣдующій день взяли обѣщаніе назадъ, ссылаясь на состоявшееся постановленіе фракціи. Совершенно та же комедія повторилась съ націоналъ-либералами: сначала обѣщаніе, затѣмъ постановленіе фракціи и, наконецъ, отказъ. Болѣе сговорчивыми оказались консерваторы, но они поставили условіе, чтобы изъ проекта были выдѣлены сельскохозяйственные рабочіе, на что Швейцеръ, естественно, не согласился. Наконецъ, послѣ несказанныхъ усилій, Швейцеръ добился обѣщанія прогрессистовъ, націоналъ-либераловъ и консерваторовъ, что когда президентъ поставитъ вопросъ, кто поддерживаетъ предложеніе, то изъ ихъ среды встанетъ по 5 человѣкъ. Однако президентъ Симсонъ, закоренѣлый буржуа, всегда обнаруживавшій самую беззастѣнчивую пристрастность по отношенію къ парламентскимъ представителямъ рабочаго класса, заявилъ, что этого ему недостаточно: онъ хочетъ видѣть 15 подписей. Начались новыя попытки Швейцера, новыя отговорки партій и опять упорство президента, пока закрытіе непродолжительной сессіи не вывело этихъ патріотовъ изъ затруднительнаго положенія.

Впослѣдствіи Либкнехтъ и другіе обвиняли Швейцера въ томъ, что своимъ проектомъ онъ хотѣлъ отдать рабочее движеніе въ руки Бисмарку и при этомъ дѣйствовалъ заодно съ Вагенеромъ. На самомъ дѣлѣ въ основу проекта было всецѣло положено англійское фабричное законодательство; въ немъ не было ничего такого, что не повторялось бы точно также въ позднѣйшихъ соціалъ-демократическихъ законопроектахъ объ охранѣ труда. Съ другой стороны, Бисмаркъ принадлежалъ въ то время, какъ и всегда, къ самымъ упрямымъ противникамъ всякой законодательной охраны труда, а новый союзный совѣтъ—представительство союзныхъ правительствъ—отнесся съ полнымъ равнодушіемъ къ проекту

Швейцера, и даже принятое рейхстагомъ предложеніе прогрессистской партіи о признаніи свободы коалицій онъ бросилъ до поры до времени въ корзину. Что Швейцеръ велъ съ прогрессистами, національ-либералами и консерваторами переговоры насчетъ поддержки проекта, это совершенно вѣрно, и было тотчасъ же подробнѣйшимъ образомъ разсказано самимъ Швейцеромъ въ „*Соціаль-демократъ*"; довольно вѣроятно также, что онъ говорилъ при этомъ случаѣ съ Вагенеромъ. Но онъ предпочелъ отказаться лучше отъ поддержки консерваторовъ, чѣмъ купить ее противорѣчащей принципамъ уступкой, и потому мы не видимъ основаній для упрековъ по его адресу.

Швейцеръ дѣйствовалъ просто согласно тому воззрѣнію, которое женевскій конгрессъ Интернаціонала формулировалъ въ предшествующемъ году, сказавъ, что законы объ охранѣ труда не укрѣпляютъ правительственной власти, а обращаютъ ее, напротивъ, въ орудіе рабочаго класса.

Глава IV.

Главное сочиненіе научнаго коммунизма.

1867-й годъ составляетъ эпоху въ исторіи германской соціалъ-демократіи еще и потому, что въ этомъ году появился первый— и въ теченіе многихъ лѣтъ остававшійся единственнымъ—томъ великаго произведенія, гдѣ Марксъ довелъ до классической законченности свою критику политической экономіи. Изобразивъ процессъ производства капитала, Марксъ поднялся на высоту, съ которой ясно разстилалась вся область современныхъ соціальныхъ отношеній, подобно тому, какъ ниже лежащія мѣстности разстилаются предъ туристомъ, стоящимъ на вершинѣ горы.

Въ первомъ отдѣлѣ своего новаго сочиненія Марксъ резюмировалъ еще разъ то, что было сказано имъ о товарѣ и деньгахъ въ работѣ 1859 г. Онъ сдѣлалъ это въ еще несравненно болѣе богатомъ изображеніи, въ широкихъ, какъ міръ, рамкахъ и въ картинѣ, полной тончайшихъ оттѣнковъ. Немногія вещи въ міровой литературѣ могутъ сравниться по литературному мастерству съ этими главами. Ихъ прославленная трудность существуетъ только для читателя, не прошедшаго еще діалектической школы мышлені ; при серьезномъ усиліи предъ каждымъ здравымъ умомъ открывается источникъ познанія, брызжущій ключомъ изъ глубинъ созидающейся человѣческой жизни и притомъ столь ясный и прозрачный, что можно сосчитать каждую песчинку на его днѣ.

Марксъ переходитъ затѣмъ къ изслѣдованію вопроса о превращеніи денегъ въ капиталъ. Если въ товарномъ обращеніи происходитъ обмѣнъ равноцѣнностей, то какимъ образомъ владѣлецъ денегъ можетъ покупать товары по ихъ дѣйствительной

цѣнности, продавать ихъ также по ихъ дѣйствительной цѣнности, и, тѣмъ не менѣе, извлекать въ концѣ процесса бóльшую цѣнность, чѣмъ та, которую онъ внесъ въ обращеніе въ началѣ этого процесса? Это удается ему по той причинѣ, что при теперешнихъ общественныхъ отношеніяхъ онъ находитъ на товарномъ рынкѣ одинъ товаръ, обладающій особеннымъ свойствомъ: потребленіе его является источникомъ новой цѣнности. Товаръ этотъ— рабочая сила. Такимъ образомъ Марксъ разрѣшилъ загадку, которую не удалось рѣшить классической экономіи и надъ которой тщетно бился мелко-буржуазный соціализмъ; онъ объяснилъ разницу между *вознагражденіемъ* труда и *продуктомъ* труда, находившуюся, казалось, въ вопіющемъ противорѣчіи съ капиталистическимъ закономъ цѣнности.

Рабочая сила существуетъ въ образѣ живого рабочаго, которому нужна опредѣленная сумма средствъ для поддержанія своего существованія и существованія своей семьи, такъ чтобы обезпечивалось сохраненіе рабочей силы и послѣ его смерти. Рабочее время, требующееся для производства этихъ средствъ существованія, представляетъ собою цѣнность рабочей силы. Но эта цѣнность, уплачиваемая въ формѣ заработной платы, значительно меньше той цѣнности, которую покупатель рабочей силы можетъ выжать изъ послѣдней. Прибавочный трудъ рабочаго сверхъ времени, необходимаго для возмѣщенія его заработной платы, есть источникъ прибавочной цѣнности, постояннаго накопленія капитала. На неоплаченный трудъ рабочаго содержатся всѣ нетрудящіеся члены общества: изъ него покрываются поземельная рента землевладѣльца, прибыль капиталиста, государственные и мѣстные налоги, на немъ покоится весь общественный строй, среди котораго мы живемъ.

Правда, неоплаченный трудъ самъ по себѣ не представляетъ исключительной особенности современнаго буржуазнаго общества. Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ имущіе и неимущіе классы, неимущій классъ всегда принужденъ былъ отдавать другимъ неоплаченный трудъ. Пока часть общества обладаетъ монополіей средствъ производства, до тѣхъ поръ рабочему, свободному или несвободному, приходится сверхъ рабочаго времени, необходимаго для поддержанія его собственнаго существованія, работать еще нѣкоторое время, чтобы произвести средства существованія для собственниковъ средствъ производства. Наемный трудъ есть лишь особая историческая форма системы неоплаченнаго труда, господ-

ствующей со времени раздѣленія классовъ,—особая историческая форма, которая должна быть изслѣдована, какъ таковая, чтобы быть правильно понятой.

Для превращенія денегъ въ капиталъ владѣлецъ денегъ долженъ найти на товарномъ рынкѣ свободнаго рабочаго,—свободнаго въ томъ двоякомъ смыслѣ, что онъ, будучи свободной личностью, располагаетъ своей рабочей силой, какъ товаромъ, и что у него нѣтъ другихъ товаровъ для продажи, другими словами—что онъ свободенъ отъ всѣхъ вещей, требующихся для реализаціи его рабочей силы. Это не есть естественно-историческое отношеніе, ибо природа не производитъ, съ одной стороны, владѣльцевъ денегъ и товаровъ, а съ другой—лицъ, у которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ собственной рабочей силы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не имѣемъ здѣсь также передъ собою соціальнаго отношенія, общаго всѣмъ историческимъ періодамъ, а имѣемъ только результатъ продолжительнаго историческаго развитія, продуктъ многихъ хозяйственныхъ переворотовъ, гибели цѣлаго ряда болѣе старыхъ формацій общественнаго производства.

Обращеніе товаровъ есть исходный пунктъ капитала. Производство товаровъ, обращеніе товаровъ и развитое товарное обращеніе, торговля, образуютъ историческія предпосылки, при которыхъ капиталъ возникаетъ. Новѣйшая біографія капитала ведетъ свое начало отъ возникновенія современной міровой торговли и мірового рынка въ 16-мъ столѣтіи. Иллюзія вульгарныхъ экономистовъ, будто существовала нѣкогда избранная часть общества, накоплявшая богатство, и масса лѣнивыхъ бездѣльниковъ, у которыхъ въ концѣ концовъ не осталось для продажи ничего, кромѣ собственной шкуры,—эта иллюзія есть плоское ребячество: столь же плоское ребячество, какъ полусвѣтъ, въ которомъ буржуазные историки изображаютъ разложеніе феодальнаго способа производства, разсматривая его исключительно какъ освобожденіе рабочаго, вмѣсто того чтобы представить его одновременно и какъ превращеніе феодальнаго способа эксплуатаціи въ капиталистическій. Одновременно съ тѣмъ, какъ рабочіе перестали принадлежать непосредственно къ орудіямъ производства, въ качествѣ рабовъ и крѣпостныхъ, орудія производства перестали принадлежать имъ, какъ они принадлежатъ, напр., самостоятельно хозяйствующему крестьянину и ремесленнику. Земля, средства существованія и орудія производства были отняты у народныхъ массъ при помощи ряда насильственныхъ и жестокихъ актовъ, которые Марксъ,

пользуясь исторіей Англіи, подробно описываетъ въ своей главѣ о первоначальномъ накопленіи. Такимъ путемъ возникли свободные рабочіе, въ которыхъ нуждается капиталистическій способъ производства; капиталъ явился на свѣтъ, покрытый съ головы до пятъ кровью и грязью, сочащимися изо всѣхъ его поръ. Разъ ставъ на ноги, онъ не только поддержалъ разобщеніе между рабочимъ и собственностью на условія примѣненія труда, но и сталъ воспроизводить это разобщеніе во все болѣе широкомъ масштабѣ.

Отъ прежнихъ видовъ неоплаченнаго труда наемный трудъ отличается тѣмъ, что движеніе капитала безпредѣльно, что его алчность къ прибавочному труду ненасытна. Въ хозяйственномъ строѣ, гдѣ главная роль принадлежитъ не мѣновой, а потребительной цѣнности продукта, прибавочный трудъ ограничивается болѣе или менѣе широкимъ кругомъ потребностей, но изъ самаго характера производства не вытекаетъ никакой безпредѣльной потребности въ прибавочномъ трудѣ. Иначе происходитъ дѣло тамъ, гдѣ перевѣсъ имѣетъ мѣновая цѣнность. Какъ производитель чужого трудолюбія, какъ выжиматель прибавочнаго труда и эксплуататоръ рабочей силы, капиталъ превосходитъ по энергіи, безмѣрности и успѣшности всѣ прежніе способы производства, основанные на прямомъ принудительномъ трудѣ. Для него важенъ не процессъ труда, не производство потребительныхъ цѣнностей, а созданіе мѣновыхъ цѣнностей, которое дало бы ему возможность выжать больше цѣнности, чѣмъ имъ было вложено. Жажда прибавочной цѣнности не знаетъ чувства утоленія; у производства мѣновыхъ цѣнностей нѣтъ той границы, которую ставитъ производству потребительныхъ цѣнностей удовлетвореніе потребностей.

Подобно тому какъ товаръ есть единство потребительной и мѣновой цѣнности, такъ процессъ производства товара есть единство процесса труда и образованія цѣнности. Процессъ образованія цѣнности продолжается до того пункта, гдѣ цѣнность рабочей силы, заплаченная въ формѣ заработной платы, возмѣщается равной цѣнностью; дальше этого пункта онъ становится процессомъ производства прибавочной цѣнности. Какъ единство процесса труда и увеличенія цѣнности онъ становится капиталистическимъ процессомъ производства, капиталистической формой производства товаровъ. Въ процессѣ труда рабочая сила и средства производства дѣйствуютъ совмѣстно; въ процессѣ увеличенія цѣнности тѣ же составныя части капитала фигурируютъ какъ постоян-

ный и перемѣнный капиталъ. Постоянный капиталъ обращается въ средства производства, въ сырье, вспомогательные матеріалы, орудія труда; онъ не мѣняетъ размѣровъ своей цѣнности въ процессѣ производства. Перемѣнный капиталъ обращается въ рабочую силу и мѣняетъ свою цѣнность въ процессѣ труда: онъ воспроизводитъ свою собственную цѣнность и создаетъ еще излишекъ, прибавочную цѣнность, которая сама можетъ измѣняться, быть большей или меньшей. Такимъ образомъ Марксъ прокладываетъ ясный путь для изслѣдованія прибавочной цѣнности, различая при этомъ двѣ формы ея, абсолютную и относительную прибавочную цѣнность, изъ которыхъ каждая играла хотя и неодинаковую, но рѣшающую роль въ исторіи капиталистическаго способа производства.

Абсолютная прибавочная цѣнность производится тогда, когда капиталистъ удлиняетъ рабочій день дальше того времени, которое требуется для воспроизводства рабочей силы. Если бы все шло по желанію капиталиста, то рабочій день содержалъ бы 24 часа, ибо чѣмъ длиннѣе рабочій день, тѣмъ большую прибавочную цѣнность онъ производитъ. Наоборотъ, у рабочаго есть вѣрное сознаніе, что каждый часъ труда, въ теченіе котораго онъ работаетъ сверхъ времени, необходимаго для возмѣщенія его заработной платы, отнимается у него неправильно; ему на собственномъ организмѣ приходится испытывать, чтò значитъ работать слишкомъ долго. Борьба за нормальный рабочій день ведется свободными рабочими съ перваго выступленія ихъ на историческую арену по настоящій день. Капиталистъ борется за свою прибыль, и конкурренція заставляетъ его, будь онъ лично благороднымъ человѣкомъ или мерзавцемъ, растягивать рабочій день до крайней границы человѣческой работоспособности. Напротивъ, рабочій ведетъ борьбу за свое здоровье, за нѣсколько часовъ отдыха въ теченіе дня, чтобы имѣть возможность не только работать, ѣсть и спать, но и проявлять свою человѣческую личность въ другихъ видахъ дѣятельности. Марксъ выпукло изображаетъ полувѣковую междоусобную войну за рабочій день, которую велъ въ Англіи классъ капиталистовъ съ рабочимъ классомъ, начиная съ того момента какъ родилась крупная промышленность, побудившая капиталиста разбить всѣ преграды, которыя ставили эксплуатаціи пролетаріата природа и нравы, возрастъ и полъ, день и ночь, и кончая изданіемъ закона о 10-часовомъ рабочемъ днѣ, который былъ завоеванъ рабочимъ классомъ, какъ непреодоли-

мое общественное препятствіе, мѣшающее ему самому продавать себя и свою семью на смерть и рабство путемъ добровольнаго договора съ капиталомъ.

Относительная прибавочная цѣнность создается тѣмъ, что рабочее время, необходимое для воспроизводства рабочей силы, сокращается въ пользу прибавочнаго труда. Цѣнность рабочей силы понижается путемъ повышенія производительной силы труда въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, продукты которыхъ опредѣляютъ цѣнность рабочей силы. Для этого требуется безпрерывное революціонированіе способа производства, техническихъ и общественныхъ условій рабочаго процесса. Историческія, экономическія, технологическія и соціально-психологическія разсужденія Маркса по этому поводу, заключающіяся въ главахъ о коопераціи, о раздѣленіи труда и мануфактурѣ, о машинномъ производствѣ и крупной промышленности, принадлежатъ къ значительнѣйшимъ вещамъ, которыя онъ когда-либо написалъ. Даже одинъ изъ его буржуазныхъ біографовъ забавляется надъ тѣмъ, что академическіе учебники политической экономіи, вмѣсто того чтобы черпать изъ этой богатой сокровищницы научнаго познанія, все еще поверхностно повторяютъ разсужденія Адама Смита о раздѣленіи труда, которымъ минуло уже больше ста лѣтъ. Извиненіемъ для нихъ можетъ служить лишь то обстоятельство, что легче вырвать у Геркулеса его палицу, чѣмъ найти у такого революціоннаго мыслителя, какъ Марксъ, мысль, которая непосредственно годилась бы для корма въ университетскомъ стойлѣ.

Марксъ не только показываетъ, что машинное производство и крупная промышленность создали ужасающую нищету въ большей мѣрѣ, чѣмъ какой-либо изъ предшествовавшихъ имъ способовъ производства: онъ показываетъ также, что, безпрерывно революціонируя капиталистическое общество, они подготовляютъ высшую соціальную форму. Фабричное законодательство есть первое сознательное и планомѣрное воздѣйствіе общества на стихійно возникшую форму его процесса производства. Пока оно регулируетъ трудъ на фабрикахъ и мануфактурахъ, до тѣхъ поръ на него смотрятъ только какъ на вмѣшательство въ право эксплуатаціи капитала. Но сила фактовъ принуждаетъ скоро законодательство регулировать также домашній трудъ и вмѣшаться въ сферу родительской власти, слѣдовательно—заставляетъ его признать, что крупная промышленность, вмѣстѣ съ экономическимъ основаніемъ прежняго семейнаго быта и соотвѣтствовавшаго ему семейнаго труда, разрушаетъ и преж-

нія семейныя отношенія. „Какъ бы ужасно и отвратительно ни казалось разрушеніе старыхъ семейныхъ отношеній при капиталистической системѣ, тѣмъ не менѣе крупная промышленность, силою той важной роли, которую она отводитъ женщинамъ, несовершеннолѣтнимъ и дѣтямъ обоего пола въ общественно организованныхъ процессахъ производства, внѣ домашней сферы, создаетъ новое экономическое основаніе для высшихъ формъ семьи и отношеній обоихъ половъ. Разумѣется, считать христіанско-германскую форму семьи абсолютною столь же нелѣпо, какъ считать таковой форму древне-римскую, древне-греческую или восточную, которыя, между прочимъ, всѣ вмѣстѣ образуютъ рядъ послѣдовательныхъ формъ развитія. Настолько же ясно, что составленіе коллективнаго рабочаго персонала изъ лицъ обоего пола и самыхъ различныхъ возрастовъ можетъ, при соотвѣтственныхъ условіяхъ, обратиться въ источникъ человѣческаго развитія, несмотря на то, что въ своей грубой капиталистической формѣ, гдѣ рабочій служитъ для процесса производства, а не процессъ производства для рабочаго, оно является источникомъ нравственной порчи и рабства". Машина, низводящая рабочаго до роли простого ея придатка, создаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность довести производительныя силы общества до высоты, которая сдѣлаетъ возможнымъ для всѣхъ членовъ общества одинаково достойное человѣка развитіе,—для чего всѣ прежнія общественныя формы были слишкомъ бѣдны.

Изслѣдовавъ производство абсолютной и относительной прибавочной цѣнности, Марксъ даетъ первую раціональную теорію заработной платы, какую знаетъ исторія политической экономіи. Цѣна товара, это его цѣнность, выраженная въ деньгахъ, а заработная плата есть цѣна рабочей силы. На товарномъ рынкѣ появляется не трудъ, а рабочій, продающій свою рабочую силу; трудъ возникаетъ лишь вслѣдствіе потребленія товара, именуемаго „рабочая сила". Трудъ есть субстанція и имманентное мѣрило цѣнностей, но самъ по себѣ онъ не имѣетъ никакой цѣнности. Тѣмъ не менѣе на первый взглядъ кажется, что трудъ вознаграждается въ заработной платѣ, такъ какъ рабочій получаетъ плату лишь по окончаніи работы. Форма заработной платы стираетъ всякій слѣдъ дѣленія рабочаго дня на оплаченный и неоплаченный трудъ. Съ невольникомъ дѣло происходитъ наоборотъ: невольникъ какъ будто работаетъ на своего господина и въ теченіе той части рабочаго дня, когда онъ только возмѣщаетъ

цѣнность своихъ собственныхъ средствъ существованія; весь его трудъ кажется неоплаченнымъ трудомъ. Напротивъ, при системѣ наемнаго труда даже неоплаченный трудъ кажется оплаченнымъ. Тамъ отношенія собственности скрываютъ трудъ невольника на самого себя, здѣсь же денежныя отношенія скрываютъ даровой трудъ наемнаго рабочаго. Понятно, говоритъ Марксъ, почему такъ важно превращеніе цѣнности и цѣны рабочей силы въ форму заработной платы, или въ цѣнность и цѣну самого труда. На этой формѣ проявленія, скрывающей дѣйствительныя отношенія и показывающей нѣчто, прямо противоположное имъ, основываются всѣ правовыя представленія какъ рабочаго, такъ и капиталиста, всѣ мистификаціи капиталистическаго способа производства, всѣ капиталистическія иллюзіи свободы, всѣ апологетическія уловки вульгарной политической экономіи.

Двумя основными формами заработной платы являются плата по времени и сдѣльная плата. На законахъ повременной платы Марксъ изобличаетъ, между прочимъ, корыстную вздорность фразъ, пускаемыхъ въ ходъ ненасытными эксплуататорами, и прежде всего бравымъ Бисмаркомъ, противъ законодательнаго ограниченія рабочаго дня: фразъ, будто вслѣдствіе такого ограниченія понижается заработная плата. Въ дѣйствительности мы наблюдаемъ явленіе прямо противоположное: временное сокращеніе рабочаго дня понижаетъ заработную плату, но постоянное его сокращеніе дѣйствуетъ на нее повышающимъ образомъ; чѣмъ длиннѣе рабочій день, тѣмъ ниже заработная плата.

Сдѣльная плата есть ничто иное, какъ превращенная форма платы по времени; она представляетъ собою форму рабочей платы, наиболѣе соотвѣтствующую капиталистическому способу производства. Получивъ болѣе значительное распространеніе во время мануфактурнаго періода (въ тѣсномъ значеніи этого слова), она въ періодъ „бури и натиска“ англійской крупной промышленности служила орудіемъ для удлиненія рабочаго дня и уменьшенія заработной платы. Сдѣльная плата очень выгодна для капиталиста, такъ какъ она дѣлаетъ въ значительной степени излишнимъ надзоръ за работой и, сверхъ того, даетъ разнообразные предлоги для вычетовъ изъ заработной платы и иныхъ способовъ обсчитыванія. Для рабочихъ сдѣльная плата соединена съ рядомъ крупныхъ невыгодъ. Рабочіе при этой системѣ вознагражденія надрываютъ свое здоровье чрезмѣрнымъ трудомъ, въ надеждѣ увеличить свой заработокъ, тогда какъ фактически си-

стема эта имѣетъ тенденцію понижать послѣдній. Затѣмъ, сдѣльная плата усиливаетъ конкурренцію между рабочими и ослабляетъ среди нихъ чувство солидарности; благодаря ей создается также между капиталистами и рабочими классъ паразитическихъ посредниковъ, урывающихъ изрядный кусокъ отъ уплачиваемаго вознаграждені за работу, и т. д.

Результатомъ отношенія, связывающаго заработную плату и прибавочную цѣнность, является то, что капиталистическій способъ производства не только безпрерывно воспроизводитъ капиталисту его капиталъ, но и безпрерывно воспроизводитъ бѣдность рабочихъ: онъ воспроизводитъ, съ одной стороны, капиталистовъ, которымъ принадлежатъ въ собственность всѣ средства существованія, всѣ сырые матеріалы и всѣ орудія производства, съ другой—трудовую массу, вынужденную продавать этимъ капиталистамъ свою рабочую силу за количество жизненныхъ средствъ, котораго въ лучшемъ случаѣ едва хватаетъ на поддержаніе ея въ работоспособномъ состояніи и на воспитаніе новаго поколѣнія работоспособныхъ пролетаріевъ. Но капиталъ не только воспроизводится, онъ постоянно увеличивается и растетъ. Этому „процессу накопленія" Марксъ посвящаетъ послѣдній отдѣлъ въ своемъ изображеніи процесса производства капитала.

Прибавочная цѣнность не только возникаетъ изъ капитала, но и наоборотъ: капиталъ получается изъ прибавочной цѣнности. Часть ежегодно производимой прибавочной цѣнности потребляется, въ качествѣ дохода, имущими классами, среди которыхъ она распредѣляется; другая часть накопляется какъ капиталъ. Неоплаченный трудъ, выжатый изъ рабочаго класса, служитъ теперь средствомъ выжимать изъ него все большее количество неоплаченнаго труда. Въ потокѣ производства весь первоначально авансированный капиталъ становится вообще все меньшей величиной въ сравненіи съ непосредственно накопленнымъ капиталомъ, т.-е. въ сравненіи съ превращенной снова въ капиталъ прибавочной цѣнностью или прибавочнымъ продуктомъ, безразлично—функціонируетъ ли этотъ капиталъ въ рукахъ лица, которое накопляло, или въ чужихъ рукахъ. Законъ частной собственности, покоящійся на товарномъ производствѣ и товарномъ обращеніи, въ силу своей внутренней и неизбѣжной діалектики обращается въ прямую свою противоположность. Законы товарнаго производства, казалось, устанавливали право собственности на собственный трудъ. Лицомъ къ лицу стояли равноправные владѣльцы товаровъ, сред-

ствомъ для пріобрѣтенія чужого товара было лишь отчужденіе собственнаго товара, а собственный товаръ могъ быть произведенъ только путемъ труда. Теперь собственность проявляется на сторонѣ капиталистовъ, какъ право присвоить себѣ чужой неоплаченный трудъ или его продуктъ, а на сторонѣ рабочаго—какъ невозможность присвоить себѣ свой собственный продуктъ.

Когда современные пролетаріи начали соображать эту связь явленій, когда ліонскій городской пролетаріатъ ударилъ набатъ, а земледѣльческій пролетаріатъ Англіи сталъ пускать краснаго пѣтуха, то вульгарными экономистами была изобрѣтена „теорія воздержанія“, согласно которой капиталъ возникаетъ вслѣдствіе добровольнаго „воздержанія“ капиталистовъ,—теорія, которую Марксъ бичуетъ столь же безжалостно, какъ ее бичевалъ уже Лассаль въ „*Бастіа-Шульце*“. Въ дѣйствительности накопленію капитала способствуетъ вынужденное „воздержаніе“ рабочихъ, насильственное пониженіе заработной платы ниже цѣнности рабочей силы съ цѣлью обратить часть необходимаго потребительнаго фонда рабочихъ въ фондъ накопленія капитала. Вотъ откуда берутъ фактически свое начало всѣ вопли по поводу „роскошнаго“ образа жизни рабочихъ, безконечныя причитанія по поводу бутылки шампанскаго, будто бы когда-то выпитой берлинскими каменщиками, дешевые кухонные рецепты христіанскихъ соціалъ-реформаторовъ и прочія капиталистическія штуки.

Такимъ образомъ, законъ капиталистическаго накопленія состоитъ въ слѣдующемъ. Ростъ капитала подразумѣваетъ ростъ перемѣнной его части, затраченной на рабочую силу. Если строеніе капитала остается неизмѣннымъ, т.-е. если для приведенія въ дѣйствіе опредѣленной массы средствъ производства (постояннаго капитала) требуется та же масса рабочей силы, то спросъ на трудъ и фондъ существованія рабочихъ, очевидно, растутъ въ той же пропорціи, въ какой растетъ капиталъ, и тѣмъ быстрѣе, чѣмъ быстрѣе капиталъ увеличивается. Подобно тому, какъ простое воспроизводство постоянно воспроизводитъ самыя капиталистическія отношенія, такъ и воспроизводство въ расширяющихся размѣрахъ, или накопленіе капитала воспроизводитъ капиталистическія отношенія въ болѣе широкомъ маштабѣ: оно воспроизводитъ больше капиталистовъ и болѣе крупныхъ капиталистовъ на одномъ полюсѣ, больше наемныхъ рабочихъ — на другомъ. Накопленіе капитала, стало быть, равносильно увеличенію пролетаріата, и притомъ въ предположенномъ выше случаѣ оно еще происхо-

дитъ при условіяхъ, наиболѣе благопріятныхъ для рабочихъ, т.-е. изъ ихъ собственнаго прибавочнаго продукта, который все больше растетъ и увеличиваетъ собою добавочный капиталъ, болѣе значительная часть возвращается къ нимъ назадъ въ формѣ платежныхъ средствъ, такъ что они могутъ расширять кругъ своихъ потребностей и тратить больше денегъ на платье, мебель и т. д. Но рабочіе не перестаютъ влѣдствіе всего этого быть зависимыми и составлять предметъ эксплуатаціи, какъ хорошо одѣтый и хорошо накормленный невольникъ не перестаетъ быть невольникомъ. Рабочіе всегда принуждены отдавать извѣстное количество неоплаченнаго труда; правда, оно можетъ уменьшаться, но оно никогда не можетъ опуститься до пункта, который угрожалъ бы серьезной опасностью капиталистическому характеру производственнаго процесса. Если заработная плата поднимается выше этого пункта, то стимулъ наживы притупляется и накопленіе капитала ослабѣваетъ, пока заработная плата не опустится снова до уровня, соотвѣтствующаго потребности капитала въ наростаніи.

Но золотая цѣпь, которую куетъ себѣ самъ наемный рабочі становится болѣе свободной лишь въ томъ случаѣ, когда при накопленіи капитала отношеніе между его постоянной и перемѣнной частью остается неизмѣннымъ. Фактически, однако, вмѣстѣ съ ростомъ накопленія наступаетъ крупный переворотъ въ органическомъ строеніи капитала: постоянный капиталъ растетъ на счетъ перемѣннаго, возрастающая производительность труда ведетъ къ тому, что количество средствъ производства растетъ сравнительно быстрѣе количества вкладываемой въ нихъ рабочей силы, спросъ на трудъ не поднимается равномѣрно вмѣстѣ съ накопленіемъ капитала, а испытываетъ относительное паденіе. То же дѣйствіе, только въ иной формѣ, производитъ сосредоточеніе капитала, происходящее (независимо отъ его накопленія) вслѣдствіе того, что законы капиталистической конкурренціи приводятъ къ поглощенію мелкаго капитала крупнымъ. Если добавочный капиталъ, образующійся вмѣстѣ съ поступательнымъ ходомъ накопленія, притягиваетъ все меньшее и меньшее, сравнительно съ его размѣрами, число рабочихъ, то, съ другой стороны, воспроизведенный въ новомъ составѣ первоначальный капиталъ все болѣе и болѣе отталкиваетъ рабочихъ, которыхъ онъ занималъ раньше. Такимъ образомъ возникаетъ относительное перенаселеніе, т.-е. избытокъ рабочаго населенія сравнительно съ потребностями самовозрастанія капитала, запасная промышленная армі

эта армія въ періоды застоя или посредственнаго состоянія дѣлъ въ промышленности не имѣетъ правильнаго занятія и вознаграждается *ниже* цѣнности ея рабочей силы или вынуждена обращаться за помощью къ общественной благотворительности, но она всегда и вездѣ является факторомъ, парализующимъ силу сопротивленія занятыхъ рабочихъ и удерживающимъ ихъ плату на низкомъ уровнѣ.

Но если запасная промышленная армія составляетъ необходимый продуктъ накопленія или развитія богатства на капиталистической почвѣ, то она становится, въ свою очередь, факторомъ капиталистическаго накопленія, даже условіемъ существованія капиталистическаго способа производства. Вмѣстѣ съ накопленіемъ капитала и сопровождающимъ его развитіемъ производительной силы труда растетъ способность капитала къ внезапному расширенію, нуждающаяся въ большихъ массахъ людей, чтобы внезапно устремлять ихъ на новые рынки и въ новыя отрасли промышленности, безъ уменьшенія производства въ другихъ областяхъ. Характерный жизненный кругъ современной промышленности—десятилѣтній циклъ, прерываемый мелкими колебаніями и состоящій изъ періодовъ средняго оживленія, производства подъ высокимъ давленіемъ, кризиса и застоя—покоится на постоянномъ образованіи запасной промышленной арміи, большемъ или меньшемъ ея поглощеніи и, затѣмъ, образованіи ея вновь. Чѣмъ значительнѣе общественное богатство, чѣмъ значительнѣе функціонирующій капиталъ, размѣры и энергія его роста, слѣдовательно—чѣмъ значительнѣе также абсолютная величина рабочаго населенія и производительность его труда, тѣмъ больше также относительный избытокъ населенія или запасная промышленная армія. Ея относительная величина растетъ вмѣстѣ съ силами богатства. Но чѣмъ больше запасная промышленная армія въ сравненіи съ дѣйствующей рабочей арміей, тѣмъ болѣе многочисленны рабочіе слои, жалкое вознагражденіе которыхъ находится въ обратномъ отношеніи къ тягости ихъ труда. Чѣмъ значительнѣе, наконецъ, слой Лазарей рабочаго класса и запасная промышленная армі тѣмъ больше также размѣры официіальнаго пауперизма. Таковъ абсолютный, общій законъ капиталистическаго накопленія.

Изъ него вытекаетъ также историческая тенденція этого накопленія. Рука объ руку съ накопленіемъ и концентраціей капитала развивается во все большихъ размѣрахъ кооперативная форма процесса производства, сознательное техническое прило-

женіе науки, планомѣрная совмѣстная эксплуатація земли, превращеніе средствъ труда въ такія средства, которыя могутъ быть прилагаемы только сообща, экономизированіе всѣхъ средствъ производства влѣдствіе совмѣстнаго употребленія ихъ какъ средствъ производства комбинированнаго общественнаго труда. Вмѣстѣ съ постояннымъ уменьшеніемъ числа магнатовъ капитала, которые присваиваютъ себѣ и монополизируютъ всѣ выгоды этого процесса превращенія, возрастаетъ также бѣдность, гнетъ, порабощеніе, униженіе и эксплуатація, но увеличивается также возмущеніе рабочаго класса, который постоянно возрастаетъ и дисциплинируется, объединяется и организуется самимъ механизмомъ капиталистическаго процесса производства. Монополія капитала становится помѣхой для того способа производства, который развился вмѣстѣ съ ней и подъ ея вліяніемъ. Концентрація средствъ производства и обобществленіе труда доходятъ до такого пункта, при которомъ они становятся несовмѣстимыми со своей капиталистической оболочкой. Бьетъ часъ капиталистической частной собственности, экспропріирующихъ экспропріируютъ. Индивидуальная собственность, основанная на собственномъ трудѣ, возстановляется опять, но уже на основѣ завоеваній капиталистической эры, т.-е. на основѣ коопераціи свободныхъ работниковъ и ихъ коллективнаго владѣнія средствами производства, въ томъ числѣ и землею. Разумѣется, процессъ превращенія капиталистической собственности, фактически покоящейся уже на общественномъ веденіи производства, въ собственность общественную далеко не такъ медленъ, тяжелъ и труденъ, какимъ было превращеніе раздробленной частной собственности, основанной на собственномъ трудѣ индивидовъ, въ собственность капиталистическую. Тамъ дѣло шло объ экспропріаціи народной массы немногими узурпаторами, здѣсь дѣло будетъ идти объ экспропріаціи немногихъ узурпаторовъ народной массой.

На протяженіи немногихъ страницъ невозможно, конечно, дать приблизительное понятіе о богатствѣ мыслей и фактовъ, содержащихся въ первомъ томѣ „*Капитала*". То, что въ подобномъ резюме имѣетъ все-таки въ большей или меньшей степени видъ недоказаннаго утвержденія, въ самой книгѣ построено камень за камнемъ, неоштукатуренное и безъ прикрасъ, прочно скрѣпленное желѣзной логикой и твердо покоясь на солидномъ фундаментѣ фактовъ. При всемъ обиліи духовныхъ сокровищъ, разбросанныхъ щедрой рукой по всему сочиненію, оно носитъ на себѣ самую по-

длинную печать генія: читателя не оставляетъ сознані
стеръ еще болѣе великъ, чѣмъ его твореніе.

Критикуя политическую экономію, Марксъ привелъ ее въ законченное состояніе. Онъ строилъ на фундаментѣ, заложенномъ Адамомъ Смитомъ и Рикардо; изслѣдованіе капиталистическаго способа производства онъ продолжалъ съ того пункта, гдѣ названные самостоятельные мыслители оборвали его,—вѣрнѣе говоря, гдѣ они принуждены были его оборвать, такъ какъ игра имманентныхъ законовъ этого способа производства еще не достигла такого развитаго состоянія, чтобы глубокое познаніе ея было возможно. Буржуазные преемники классическихъ экономистовъ шли обратнымъ путемъ: чѣмъ больше капиталистическое производство показывало свой истинный и безспорно некрасивый обликъ, тѣмъ больше они отказывались отъ изслѣдованія и разъясненія и ударялись въ прикрашиваніе и затушевываніе, называя это „дальнѣйшимъ развитіемъ науки". При появленіи книги Маркса они попробовали сначала примѣнить къ ней свою излюбленную систему замалчиванія, но когда эта тактика оказалась недѣйствительной, то они подняли страшный вопль по поводу якобы ненаучной ея тенденціи. Чрезвычайно характерна въ указанномъ смыслѣ критика, которой подвергся въ „*Augsburger Allgem. Zeitung*" первый томъ „*Капитала*" спустя 8 лѣтъ послѣ своего появленія,—критика, исходившая не отъ перваго встрѣчнаго манчестерца, а какъ это явствуетъ изъ всего содержанія, отъ какого-то виднаго представителя исторической школы.

Сей превосходный мужъ писалъ, что кто хочетъ основательно понять сущность капитала, тотъ долженъ научно изслѣдовать дѣйствительную исторію послѣдняго. Для подобной работы требуются силы гиганта и терпѣніе карлика. Кто хочетъ разговаривать о несправедливости нынѣшняго распредѣленія богатствъ, тотъ долженъ изслѣдовать факты, касающіеся современныхъ прибылей и заработныхъ платъ, собственности, ея роста и ея гибели. Только такимъ путемъ онъ можетъ доказать что-нибудь свѣдущимъ читателямъ. Послѣ подобнаго вступленія читатель былъ бы вправѣ ожидать заключенія, что Марксъ удовлетворилъ всѣмъ указаннымъ требованіямъ. Не тутъ то было! „Марксъ — читаемъ мы,—сознательно и намѣренно становится на точку зрѣнія англійской политической экономіи первой четверти 19-го вѣка, пренебрежительно игнорируя или, пожалуй, дѣйствительно не зная всѣхъ дальнѣйшихъ успѣховъ въ разработкѣ науки. Онъ старается раз-

вивать дальше и дополнять Давида Рикардо, слѣдуя его абстрактной манерѣ, старается какъ бы досказать послѣднее недоговоренное слово Рикардо. Со всей гордостью самоучки онъ опирается на предпосылки, которыя для него составляютъ нѣчто безспорное, тогда какъ для другихъ онѣ являются чѣмъ-то давнымъ-давно опровергнутымъ. Рикардо и другіе старые авторы имѣютъ, конечно, ту неоспоримую заслугу, что они примѣняли и усовершенствовали экономическую логику, но все это происходило давно и отошло въ область прошлаго. Кто разсчитываетъ въ настоящее время двигать впередъ науку попытками разрѣшать при помощи экономической логики жгучіе вопросы, связанные съ капиталистической собственностью, тотъ ошибается и... проспалъ цѣлое поколѣніе въ жизни науки". Это „цѣлое поколѣніе", которое будто бы проспалъ Марксъ, было наполнено, съ одной стороны, софизмами, при помощи которыхъ Бастіа и его подражатели фальсифицировали ученія Адама Смита и Рикардо, съ другой — боязливыми усиліями Рошера и прочихъ мастеровъ „историческаго метода" обойти какъ-нибудь неудобные логическіе выводы изъ классической экономіи.

Мы можемъ ограничиться однимъ этимъ образчикомъ, такъ какъ при всей нелѣпости содержащихся въ немъ разсужденій онъ является классическимъ для той мѣры пониманія, которую буржуазная экономія обнаруживала въ теченіе многихъ лѣтъ и десятилѣтій, всякій разъ, когда ей приходилось разбирать сочиненія Маркса. Со временемъ и для нея оказалось невозможнымъ избѣгнуть его вліянія. Самый ходъ вещей слишкомъ разительно подтверждалъ выводы, сдѣланные Марксомъ, чтобы правильность его аргументаціи не стала очевидной даже для близорукихъ глазъ. Ни одинъ буржуазный экономистъ не осмѣливается теперь больше повторять старую дребедень, которою 20 лѣтъ тому назадъ привѣтствовали въ этихъ кругахъ первый томъ „*Капитала*"; можно даже безъ преувеличенія сказать, что вся дѣйствительная работа, какую еще дѣлаетъ буржуазная экономія, находится прямо или косвенно подъ вліяніемъ названнаго сочиненія. Поскольку она борется съ научнымъ коммунизмомъ не при помощи однѣхъ соломинокъ, а имѣя сколько-нибудь твердое оружіе въ рукахъ, она выковала это оружіе въ огнѣ „*Капитала*". Отъ своей судьбы она все-таки не уйдетъ, какъ не могутъ уйти отъ своей судьбы орды варваровъ, даже когда онѣ прибѣгаютъ къ оружію цивилизаціи, чтобы защитить свои отжившіе общественные порядки.

Однако и рабочему классу нужно было еще пройти черезъ школу экономическаго развитія, раньше чѣмъ произведеніе Маркса начало переходить въ его плоть и кровь. Причина заключалась въ положеніи вещей, на которое Марксъ намекнулъ самъ въ предисловіи къ „*Капиталу*", говоря, что Германію, какъ и всю остальную континентальную Европу, угнетаетъ не только развитіе капиталистическаго способа производства, но и недостаточность этого развитія. Длинный рядъ унаслѣдованныхъ золъ, вытекающихъ изъ прозябанія старыхъ, отжившихъ способовъ производства, съ сопровождающими ихъ общественными и политическими анахронизмами, затемнялъ еще для рабочихъ внутреннюю связь современныхъ золъ, раскрытую сочиненіемъ Маркса. Іоганнъ-Филиппъ Беккеръ назвалъ послѣднее библіей рабочаго класса,—теоретически неудачное, но исторически вѣрное сравненіе. На первыхъ порахъ предъ „*Капиталомъ*" больше останавливались въ изумленіи, чѣмъ читали его; ему больше удивлялись, чѣмъ понимали его, его толковали больше съ правовѣрнымъ усердіемъ, чѣмъ съ критической вдумчивостью. Упрекъ по поводу „догматическаго фанатизма" имѣлъ въ то время больше смысла, чѣмъ теперь, когда неудержимый прогрессъ германской крупной промышленности ежедневно показываетъ, насколько правильно Марксъ понялъ типическую сущность англійской крупной промышленности, насколько книга его была не догматическимъ, а историческимъ сочиненіемъ.

Историческое сочиненіе, изображающее опредѣленный періодъ въ процессѣ развитія человѣчества, не можетъ быть непогрѣшимымъ источникомъ мудрости на всѣ грядущія времена, и никто не былъ болѣе далекъ отъ подобной претензіи, чѣмъ самъ Марксъ. За послѣднія 30—40 лѣтъ капиталистическій способъ производства породилъ многія явленія, которыхъ Марксъ не зналъ и не предвидѣлъ въ ихъ теперешнемъ видѣ; характерный жизненный путь современной промышленности не имѣетъ больше формы того 10-лѣтняго круговорота, о которомъ говорилъ Марксъ. Однако всякое уклоненіе въ фактахъ лишь подтверждало правильность общей тенденціи, историческое господство которой Марксъ замѣтилъ въ капиталистическомъ способѣ производства. Обнищаніе, съ которымъ сопряженъ для рабочаго класса капиталистическій способъ производства, тщетно пытаются опровергнуть указаніемъ на успѣхи, достигаемые этимъ классомъ именно тамъ, гдѣ названный способъ производства достигъ наиболѣе высокаго раз-

витія. Тенденція капиталистическаго накопленія, доказанная Марксомъ, въ томъ и состоитъ, что чѣмъ дальше, тѣмъ больше крупная промышленность своимъ бичомъ голода и тяжкаго труда сама обучаетъ и дисциплинируетъ рабочую армію, которая вырветъ ея капиталистическіе корни. Пресловутая мудрость, которая хочетъ убѣдить рабочій классъ въ несостоятельности экономической и политической классовой борьбы, выдавая съ этой цѣлью за плоды крупной промышленности то, что было съ тяжелыми усиліями вырвано у этой промышленности пролетарскою классовой борьбою,—эта мудрость можетъ въ лучшемъ случаѣ сойти за „шутки висѣльника", которыми капиталистическій способъ производства сокращаетъ себѣ горестные этапы своего неудержимаго упадка.

„Хорошее дѣло требуетъ времени",—гласитъ поговорка, и первый томъ „*Капитала*" лишь постепенно сталъ духовнымъ достояніемъ нѣмецкаго пролетаріата, но этотъ отрадный процессъ усвоенія начался все-таки тотчасъ послѣ появленія книги. Первымъ рецензировалъ сочиненіе въ „*Соціалъ-Демократъ*" Швейцеръ; онъ сдѣлалъ это съ полнымъ пониманіемъ его содержанія въ длинномъ рядѣ статей, вызвавшихъ похвалу Маркса. Затѣмъ въ двухъ нумерахъ „*Демократическаго Еженедѣльника*", издававшагося Либкнехтомъ съ начала 1868 г. въ качествѣ органа Саксонской народной партіи, была напечатана безъ подписи рецензія, принадлежавшая, несомнѣнно, перу Энгельса. Первымъ нѣмецкимъ рабочимъ, одолѣвшимъ главное произведеніе научнаго коммунизма, былъ Іосифъ Дицгенъ, кожевникъ, жившій тогда въ Петербургѣ; онъ послалъ въ „*Демокр. Еженед.*" критическую рецензію о „*Капиталѣ*", каждая строчка которой была проникнута духомъ этого великаго сочиненія.

Это обстоятельство всего больше порадовало Маркса; въ знакахъ сочувственнаго пониманія, которое встрѣчалъ среди рабочаго класса его гигантскій трудъ, онъ видѣлъ „лучшую награду" для послѣдняго. Дицгена, который черезъ годъ послѣ этого самостоятельно развилъ теорію историческаго матеріализма въ книгѣ „*О сущности умственнаго труда человѣка*" („*Ueber das Wesen der menschlichen Kopfarbeit*"), Марксъ любилъ называть „нашъ философъ".

Глава V.

Профессіональные рабочіе союзы въ Германіи.

Если кризисъ 1857 г. далъ первый, хотя на первыхъ порахъ лишь косвенный толчокъ къ пробужденію европейскаго рабочаго движенія, то кризисъ 1866 г. произвелъ то же дѣйствіе гораздо болѣе непосредственнымъ образомъ и въ болѣе сильной степени. Крупные банковые крахи англійскихъ фирмъ совершенно парализовали спекуляцію. Наступилъ общій застой въ области обмѣна, многочисленныя фабрики вынуждены были сократить или совершенно пріостановить производство, заработная плата упала, безработица все больше увеличивалась, и одновременно со всѣмъ этимъ цѣны предметовъ первой необходимости для рабочаго класса значительно поднялись вслѣдствіе плохихъ урожаевъ 1866 и 1867 гг.

Подъ этимъ экономическимъ давленіемъ европейское рабочее движеніе испытало мощный подъемъ. Въ зависимости отъ уровня, достигнутаго пролетаріатомъ въ отдѣльныхъ странахъ, его человѣческое возмущеніе противъ безчеловѣчныхъ порядковъ вылилось въ различныя формы. Въ Ирландіи господствовалъ терроръ феніевъ. Въ Бельгіи горнорабочіе поднялись противъ ужасающей нужды и устроили голодный бунтъ, который образцовое буржуазное государство сумѣло подавить лишь порохомъ и свинцомъ. Въ Австріи, гдѣ разгромъ 1866 г. привелъ въ кормилу правленія нѣмецкую буржуазію, тотчасъ же появилась пролетарская оппозиція, внутренняя сила которой не соотвѣтствовала, впрочемъ, ея импонирующему внѣшнему выступленію на политическую арену.

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ рабочее движеніе достигло уже извѣстной высоты, сопротивленіе жестокимъ ударамъ кризиса выразилось въ стачкахъ, сопровождавшихся болѣе тѣснымъ присоеди-

неніемъ къ Интернаціоналу. Совѣщаніе делегатовъ отъ трэдъ-юніоновъ, происходившее въ 1866 г. въ Шеффильдѣ, „настоятельнѣйшимъ образомъ“ убѣждало эти союзы примкнуть къ Интернаціоналу, поддержка котораго оказалась весьма полезной во время стачекъ машиностроительныхъ рабочихъ, бронзовщиковъ, портныхъ, корзинщиковъ и рабочихъ другихъ промысловъ. Когда весною 1867 г. хозяева парижскихъ бронзовщиковъ прибѣгли къ массовому увольненію своихъ рабочихъ, то помощь Интернаціонала обезпечила послѣднимъ только что дарованную свободу коалицій; точно такъ же онъ весною 1868 г. доставилъ побѣду женевскимъ рабочимъ строительныхъ промысловъ, когда они объявили большую стачку съ цѣлью добиться повышенія заработной платы и сокращенія рабочаго дня.

Въ Германіи дѣйствіе хозяйственнаго кризиса затемнялось до извѣстной степени дѣйствіемъ политическаго кризиса, который принесъ съ собою тотъ же 1867 г. Молодой дружбѣ между нѣмецкой буржуазіей и прусскимъ абсолютизмомъ былъ нанесенъ первый ударъ вслѣдствіе назидательной перебранки по поводу того, кто виноватъ въ господствующей среди населенія нуждѣ, дошедшей въ отдѣльныхъ частяхъ страны,—напримѣръ, въ провинціи Вост. Пруссіи, до настоящаго голода. Офиціозная печать объявила непримиримую войну пагубной экономической доктринѣ либеральной буржуазіи, такъ какъ она де виновата во всей бѣдѣ; напротивъ, либеральныя газеты не менѣе энергично утверждали, что общую нужду создали правительства, ибо своими вѣчными вооруженіями и растущей вслѣдствіе этого опасностью войны они парализовали производство и торговый оборотъ. Печать рабочаго класса говорила спорящимъ братьямъ, что имъ нечего кивать другъ на друга, однако она находила, что на этотъ разъ въ безработицѣ виноваты ближайшимъ образомъ правительства. Буржуазный способъ производства, объяснялъ „*Соціалъ-демократъ*“, вообще открываетъ возможность для застоевъ въ производствѣ, ведущихъ къ массовой нуждѣ, но правительство несетъ вину за то, что на указанной основѣ наступилъ теперешній спеціальный застой; подобнымъ же образомъ „*Демократическій Еженедѣльникъ*“ („*Demokratisches Wochenblatt*“) писалъ, что сѣмя, посѣянное политикой крови и желѣза, даетъ теперь жатву въ видѣ безработицы, голода и народнаго обнищанія.

———

1. „*Демократическій Еженедѣльникъ*“ и „*Соціалъ-демократъ*“.

Несмотря на это одинаковое воззрѣніе, антагонизмъ между Всеобщимъ Германскимъ Рабочимъ Союзомъ и Саксонской народной партіей не только не ослабѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ сталъ выходить „*Демократическій Еженедѣльникъ*“, но еще значительно обострился.

Произошло это не потому, чтобы „*Соціалъ-демократъ*“ держался болѣе слабо въ политическихъ вопросахъ. Напротивъ, какъ разъ въ это время Швейцеръ выступилъ противъ прусскаго правительства съ рѣзкостью, навлекшей на него перекрестный огонь судебныхъ преслѣдованій и тюремныхъ каръ, а на газету—дождь полицейскихъ конфискацій; рѣзкость его статей вполнѣ признала даже либеральная „*Народная Газета*“. Конечно, чтобы имѣть возможность выходить хотя сколько-нибудь правильно, „*Соціалъ-демократъ*“ принужденъ былъ нѣсколько сдерживаться въ личныхъ нападкахъ на носителей правительственной власти въ Берлинѣ; отъ необходимости соблюдать такую сдержанность былъ избавленъ „*Демократическій Еженедѣльникъ*“, выходившій въ Лейпцигѣ. Эта вынужденная осторожность нисколько не роняла, однако, достоинства „*Соціалъ-демократа*“, тѣмъ болѣе, что по очереднымъ политическимъ вопросамъ онъ высказывался гораздо убѣдительнѣе и популярнѣе „*Демократическаго Еженедѣльника*“. Вообще онъ не безъ основанія отзывался о тогдашней саксонской свободѣ печати приблизительно такъ, какъ Лессингъ столѣтіемъ раньше отзывался о прусской свободѣ печати при старомъ Фрицѣ. За оскорбленіе Бисмарка „*Демократическій Еженедѣльникъ*“ не былъ привлеченъ къ отвѣтственности, онъ былъ привлеченъ къ ней только за оскорбленіе Бонапарта. Въ общемъ онъ пользовался, однако, завидной свободой печати, тогда какъ „*Соціалъ-демократъ*“ оставался наиболѣе гонимымъ органомъ въ Германіи, и насколько несправедливо было бы порицать лейпцигскую газету за то, что она старалась использовать свое выгодное положеніе, настолько же берлинская газета не заслуживаетъ упрека за то, что она не дѣлала попытокъ прошибить стѣну лбомъ.

Дѣйствительныя различія между обѣими газетами заключались, во-первыхъ, въ томъ, что „*Соціалъ-Демократъ*“ велъ свою оппозицію, исходя изъ признанія Сѣверо-германскаго союза, тогда какъ „*Демократическій Еженедѣльникъ*“ хотѣлъ разбить этотъ союзъ въ дребезги; во-вторыхъ, въ общественно-научномъ познаніи

„*Соціалъ-демократъ*“ ушелъ значительно впередъ отъ „*Демократическаго Еженедѣльника*“. Органъ Саксонской народной партіи считался съ возможностью, что твореніе 1866 г. будетъ уничтожено уже въ ближайшемъ будущемъ. Въ противовѣсъ Бисмарку онъ выставлялъ Бейста, который беретъ, молъ, con amore свой „реваншъ за Кёниггрецъ“, вводя въ Австріи парламентскій режимъ, освобождая печать, устанавливая свободу собраній, подчиняя армію рейхстагу, накладывая топоръ на конкордатъ; даже для пресловутаго „вельфскаго легіона“ „*Демократическій Еженедѣльникъ*“ находилъ извиняющія слова. Напротивъ, по отношенію къ политической и, въ особенности, соціальной точкѣ зрѣнія „*Соціалъ-демократа*“ онъ обнаруживалъ почти полное непониманіе. „*Демократическій Еженедѣльникъ*“ заявлялъ, что Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ не имѣетъ другой основы, кромѣ „нѣсколькихъ вѣчно повторяемыхъ лассалевскихъ фразъ о государственной помощи“, приговоръ, суровость котораго уступаетъ только его несправедливости. Обилію поучительныхъ статей, которыя „*Соціалъ-демократъ*“ постоянно давалъ по вопросамъ научнаго коммунизма, „*Демократическій Еженедѣльникъ*“ могъ противопоставить, какъ нѣчто равноцѣнное, немногимъ больше двухъ рецензій, напечатанныхъ имъ по поводу перваго тома „*Капитала*“. Чтобы пособить „теперешней дороговизнѣ и застою въ дѣлахъ“, онъ выступилъ даже снова съ мѣщанско-соціалистическимъ проектомъ бумажныхъ рабочихъ денегъ. Затѣмъ, въ рядѣ статей о „государственной помощи и самопомощи“ „*Демократическій Еженедѣльникъ*“, защищая принципіально правильное воззрѣніе, снабдилъ его, однако, неправильнымъ политическимъ придаткомъ, такъ какъ утверждалъ, что Лассаль бросилъ въ массы лозунгъ государственной помощи, не уяснивъ себѣ, какое именно государство можетъ и должно помогать; къ этому „*Еженедѣльникъ*“ прибавлялъ, что Лассаль „никогда, впрочемъ, не былъ политикомъ“

Болѣе благопріятенъ былъ отзывъ „*Демократическаго Еженедѣльника*“ о Іоганнѣ Якоби, отъ энергическаго вмѣшательства котораго газета ожидала возрожденія нѣмецкой демократіи. Въ январѣ 1868 г. Якоби произнесъ предъ своими берлинскими избирателями рѣчь о конечныхъ задачахъ Нѣмецкой народной партіи и вскорѣ послѣ этого дополнилъ ее письмомъ къ одному изъ своихъ приверженцевъ. Оба заявленія вѣрно отражаютъ личность Якоби, какъ человѣка съ благороднымъ и чистымъ характеромъ, но въ то же время идеологическаго формальнаго поли-

тика, для котораго классовая борьба современнаго буржуазнаго общества осталась книгой за семью печатями. Его общія формулы могли въ примѣненіи къ конкретнымъ вопросамъ дня означать нѣчто весьма революціонное, но, съ другой стороны, и нѣчто весьма реакціонное. Его требованіе, чтобы каждый народъ, каждая вѣтвь народа имѣли одинаковое право на свободу и самоопредѣленіе, можно было при нѣкоторой доброй волѣ толковать, какъ національную революцію; но такъ, какъ его понималъ самъ Якоби, т.-е. въ смыслѣ права на самоопредѣленіе шлезвигъ-голштинцевъ и другихъ родственныхъ народностей, требованіе было рѣшительно реакціонно и сводилось въ конечномъ счетѣ къ воззрѣнію, которое не мало способствовало неудачѣ мартовской революціи и противъ котораго истинные революціонеры, какъ Марксъ, Энгельсъ и Лассаль, всегда вели безпощадную борьбу.

Столь же двусмысленна была соціальная программа Якоби. Онъ требовалъ справедливаго распредѣленія продукта производства между капиталомъ и трудомъ, установленія преградъ противъ злоупотребленія своимъ могуществомъ со стороны крупнаго капитала и крупнаго землевладѣнія; онъ требовалъ для рабочаго справедливой доли въ продуктѣ производства, полной трудовой ренты, вмѣсто скудной, едва хватающей на жизнь заработной платы. Это были идеологическія фразы, которыя могли означать все, что угодно, но именно потому должны были произвести и дѣйствительно произвели величайшую путаницу въ умахъ. Бракке, человѣкъ съ такимъ же чистымъ и благороднымъ характеромъ, какъ Якоби, толковалъ ихъ въ томъ смыслѣ, что право рабочаго на полную трудовую ренту и справедливое распредѣленіе продукта производства между трудомъ и капиталомъ не одно и то же; капиталъ не имѣетъ права на дальнѣйшую эксплуатацію рабочей силы, а труду, который одинъ создаетъ всѣ цѣнности, долженъ принадлежать полный продуктъ труда. Напротивъ, Зоннеманъ объяснялъ программу Якоби въ томъ смыслѣ, что заработная плата и рента одно и то же, что заработная плата гарантируетъ минимумъ трудовой ренты и что слѣдуетъ обезпечить рабочему, сверхъ заработной платы, еще участіе въ избыткѣ продукта: предоставленіе такого участія лежитъ столько же въ интересахъ фабриканта, сколько въ интересахъ рабочаго, ибо производство увеличивается благодаря тому, что рабочій знаетъ, ради чего онъ трудится. Сказать, кто понималъ правильно лозунги Якоби: честный ли соціалистъ и революціонеръ Бракке, или ка-

питалистъ Зоннеманъ, озабоченный болѣе интенсивной эксплуатаціей рабочаго,—это положительно превосходило силы человѣческой проницательности.

Правда, „*Демократическій Еженедѣльникъ*“ отнюдь не забывалъ, что Якоби еще не соціалъ-демократъ, но онъ думалъ, что Якоби идетъ далеко навстрѣчу соціалъ-демократіи: нужно схватить его руку, чтобы образовать большую демократическую партію и открыть политическую борьбу противъ бисмарковскаго цезаризма въ его собственной области. Независимо отъ принципіальной стороны вопроса, это воззрѣніе было ошибочно уже въ томъ отношеніи, что оно сильно преувеличивало политическое вліяніе Якоби. Послѣдній не имѣлъ за собою ничего, кромѣ кучки буржуазныхъ идеологовъ, располагавшей собственнымъ органомъ въ лицѣ вновь основанной „*Zukunft*“ („*Будущности*“) Гвидо-Вейса,—самой честной и остроумной, но въ то же время и наименѣе читаемой газеты либеральной прессы. Берлинское мелкое бюргерство держалось либо за „*Народную Газету*“, плывшую на буксирѣ у буржуазіи, либо, поскольку у него начинали раскрываться глаза на капиталистическій способъ производства, оно хваталось за шарлатанскую приманку, которую бросалъ ему въ „*Staatsbürgerzeitung*“ снова вынырнувшій откуда-то демагогъ Гельдъ. Честный союзъ съ сознательнымъ пролетаріатомъ попрежнему внушалъ страхъ мѣщанству.

Швейцеръ,—который жилъ въ водоворотѣ этихъ условій и искусно сумѣлъ парализовать интриги Гельда, для чего снизошелъ даже до публичныхъ словесныхъ поединковъ съ этимъ хвастливымъ болтуномъ,—отнесся къ программѣ Якоби, гораздо болѣе трезво, чѣмъ „*Демокр. Еженедѣльникъ*“, но отнюдь не враждебно. Онъ вскрылъ ея половинчатость, но „отъ всей души“ присоединился къ мнѣнію Якоби, что „народная партія и рабочіе ферейны должны идти рука объ руку; только такимъ путемъ можетъ быть достигнута общая имъ обоимъ цѣль — облагороженіе человѣка“; Швейцеръ прибавилъ лишь къ этому: „Да, мы желаемъ идти рука объ руку съ болѣе рѣшительными элементами бюргерства, но какъ самостоятельная рабочая партія съ собственными принципами“. Только когда многолюдное народное собраніе близъ Вольфенбюттеля приняло 19 іюля 1868 г., по предложенію Бракке и съ его толкованіемъ, резолюцію о томъ, что нѣтъ никакой принципіальной разницы въ цѣляхъ между программой Якоби и программой соціалъ-демократіи,—только тогда „*Соціалъ-демократъ*“

пустилъ въ ходъ тяжелую артиллерію. Объяснивъ, по существу совершенно правильно, что принятіе туманныхъ фразъ Якоби отбросило бы европейскій соціализмъ назадъ на цѣлыя десятилѣтія, онъ назвалъ ихъ „безсмысленной, пустой болтовней важничающаго буржуа“, что значило, однако согласно нѣмецкой поговоркѣ, выплеснуть ребенка вмѣстѣ съ ванной. Такому человѣку, какъ Якоби, было совершенно чуждо всякое напусканіе важности на себя. Онъ несомнѣнно былъ искрененъ въ своемъ расположеніи къ рабочимъ, хотя и не понималъ, что̀ нужно дѣлать; въ виду діаметрально противоположныхъ истолкованій, которыя встрѣтила его программа, онъ предпочелъ совершенно смолкнуть.

Сказаннаго достаточно, пожалуй, для характеристики различій во взглядахъ между „*Демократ. Еженедѣльникомъ*“ и „*Соціалъ-демократомъ*“. Говорить теперь о нихъ съ надменно-снисходительнымъ видомъ было бы такимъ же легкимъ подвигомъ, какъ видѣть на одной сторонѣ сплошное предательство, а на другой—сплошную мудрость. Въ дѣйствительности это были историческіе антагонизмы, которые нужно было преодолѣть, какъ таковые, путемъ борьбы, раньше чѣмъ они могли найти свое историческое примиреніе. До поры до времени масса саксонскихъ и южно-нѣмецкихъ рабочихъ такъ же мало въ состояніи была понять „*Соціалъ-демократъ*“, какъ масса берлинскихъ, эльберфельдскихъ, гамбургскихъ и вообще сѣверо-германскихъ рабочихъ могла понять „*Демократическій Еженедѣльникъ*.“

---

2. Гамбургское общее собраніе и Нюрнбергскій съѣздъ.

Отъ роста рабочаго движенія выиграли и Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ и Саксонская народная партія. Какъ бы далеко ни расходились въ своихъ воззрѣніяхъ „*Демократ. Еженедѣльникъ*“ и „*Соціалъ-демократъ*“, все-таки они были единственными органами, гдѣ нѣмецкіе рабочіе находили энергичную поддержку въ трудныя минуты своей жизни. Постоянно возраставшее вліяніе этихъ газетъ было пріобрѣтено ими не при помощи „демагогическихъ фразъ“, какъ единогласно заявляли капиталистическіе и офиціозные писаки, а законнѣйшимъ въ мірѣ образомъ—благодаря той неизмѣнной поддержкѣ, которую онѣ всегда и вездѣ оказывали рабочему классу.

Какъ и въ 1867 г., кругъ читателей *Соціалъ-демократа*“ по-

чти утроился за 1868 г.: съ 1.200 онъ поднялся до 3.400 съ лишнимъ платныхъ подписчиковъ, жившихъ въ 215 пунктахъ. По прежнему далеко впереди шелъ Гамбургъ съ 807 подписчиками, далѣе слѣдовалъ Берлинъ съ 224 подписчиками, а послѣ него Эльберфельдъ-Барменъ (161), Ганноверъ (154), Эссенъ (107), Брауншвейгъ (89), Гарбургъ (61), Альтона (60), Кассель (58), Франкфуртъ (53), Парижъ (50 подписчиковъ). Въ Парижѣ уже нѣсколько лѣтъ существовалъ сплоченный и преданный кружокъ приверженцевъ Лассаля, среди которыхъ выдавались своимъ рвеніемъ и яснымъ взглядомъ на вещи Петерсенъ, старый товарищъ Вейтлинга, и Лео Франкель, впослѣдствіи министръ труда въ парижской Коммунѣ.

Всякія узко-національныя тенденціи были чужды Всеобщему Германскому Рабочему Союзу; онъ и здѣсь умѣлъ ясно различать, что было уже возможно и что не было еще возможно. Когда на рубежѣ 1867 и 1868 г. австрійское рабочее движеніе испытало мощный подъемъ, то Швейцеръ обратился къ работникамъ Вѣны съ превосходнымъ манифестомъ, гдѣ изложилъ задачи и цѣли, общія рабочимъ всѣхъ культурныхъ странъ. Въ особенности онъ подчеркнулъ внутреннее единство, связывающее германскихъ и австрійскихъ рабочихъ. „Мы знаемъ, что образуемъ одну націю и хотимъ остаться одной націей. Насъ никогда не убѣдятъ, что мы находимся за границей, когда мы стоимъ въ вѣнскомъ Пратерѣ или на горахъ Тироля. Всюду, гдѣ звучитъ нѣмецкая рѣчь, тамъ и нѣмецкое отечество". Но Швейцеръ не скрывалъ отъ себя, что при наличныхъ обстоятельствахъ всякая попытка установить внѣшнее единство подвергла бы опасности единство внутреннее. Къ сожалѣнію, Гофштеттенъ держался болѣе фантастическихъ взглядовъ по этому предмету. Во время своего пребыванія въ Вѣнѣ, куда онъ ѣздилъ съ цѣлью основать мѣстную рабочую газету, Гофштеттенъ надѣлалъ путаницу, повредившую одинаково и германскому, и австрійскому рабочему движенію. Предвидя совершенно правильно, что вѣнская буржуазія начнетъ противъ него травлю, какъ противъ „бисмарковца" и „пруссака", Гофштеттенъ проникъ подъ чужой фамиліей въ вѣнскій образовательный рабочій ферейнъ; понятно, что когда маска была снята, его шагъ не только произвелъ въ усиленной степени дѣйствіе, для предупрежденія котораго онъ былъ предпринятъ, но и возбудилъ недовѣріе вѣнскихъ рабочихъ. Швейцеръ исполнилъ лишь свой настоятельный долгъ, когда осудилъ этотъ поступокъ Гоф-

штеттена, сдѣлавъ это, впрочемъ, въ самой деликатной формѣ по отношенію къ своему „преданнѣйшему и испытаннѣйшему другу“ и съ полнымъ признаніемъ заслугъ Гофштеттена предъ органомъ Союза.

Внутренняя организація Союза была теперь вполнѣ закончена и превосходно функціонировала. Правда, старая надежда Лассаля, что онъ сумѣетъ привлечь въ Союзъ всѣхъ сознательныхъ рабочихъ, разсѣивалась все больше и больше; даже въ Эльберфельдѣ-Барменѣ и въ Гамбургѣ, гдѣ соціалъ-демократически настроенные рабочіе считались тысячами, членовъ Союза было приблизительно лишь по 500. Только въ Изерлонѣ неутомимой энергіи Тельке удалось организовать почти всѣхъ рабочихъ, исповѣдывавшихъ соціалъ-демократическіе принципы, и въ этомъ сравнительно небольшомъ городѣ Союзъ имѣлъ 700 членовъ. Союзъ составлялъ только ядро партіи, но къ этому ядру въ случаѣ надобности легко присоединялась масса въ 6, 10 и 20 разъ бóльшая. Когда въ мартѣ 1868 г. происходили дополнительные парламентскіе выборы въ Эссенѣ, гдѣ числилось около 300 членовъ Союза, то Газенклеверъ сразу получилъ 2.065 голосовъ; на перебаллотировкѣ съ консервативнымъ кандидатомъ онъ потерпѣлъ пораженіе лишь потому, что прогрессистскіе избиратели сочли реакціоннаго кельнскаго полицеймейстера болѣе достойнымъ ихъ народнымъ представителемъ, чѣмъ стараго демократа Газенклевера. Зато когда въ іюлѣ 1868 г. Рейнке сложилъ съ себя депутатскія полномочія, то соціалъ-демократіи удалось удержать избирательный округъ Леннепъ-Метманъ: Фрицше получилъ здѣсь при первомъ голосованіи 3.223 голоса и на перебаллотировкѣ одержалъ побѣду надъ консервативнымъ кандидатомъ, котораго Шульце-Деличъ одобрительно рекомендовалъ, а большинство прогрессистскихъ избирателей косвенно поддержало, воздержавшись отъ подачи голоса.

Благодаря заботамъ Бракке финансы Союза были также приведены въ порядокъ. Взносы членовъ составляли по прежнему ползильбергрошена въ недѣлю, а въ особенно бѣдныхъ мѣстностяхъ, напр., въ ткацкихъ округахъ Саксоніи и Силезіи, $^1/_4$ зильбергрошена, при чемъ половина поступающихъ взносовъ должна была всюду отсылаться въ кассу Союза. Управленіе было чрезвычайно экономно: берлинское общее собраніе назначило секретарю, единственному платному должностному лицу Союза, мѣсячное жалованье въ 20 талеровъ, а за полгода со времени браун-

швейгскаго общаго собранія, въ теченіе котораго Роллеръ уже исполнялъ фактически секретарскія обязанности, ему было ассигновано вознагражденіе въ 25 талеровъ. Если въ серединѣ 1867 г. президентъ располагалъ для цѣлей Союза приблизительно 25 талерами въ мѣсяцъ, то полутора годами позже онъ имѣлъ уже въ своемъ распоряженіи ежемѣсячно отъ 300 до 400 талеровъ.

Значительная часть доходовъ шла пока на покрытіе дефицита у союзнаго органа, съ трудомъ поднимавшагося теперь на ноги, послѣ того какъ онъ не разъ стоялъ на краю гибели вслѣдствіе истощенія денежныхъ средствъ у Гофштеттена. Чтобы поддержать газету, Швейцеръ вынужденъ былъ обратиться въ февралѣ 1868 г. къ членамъ Союза съ воззваніемъ, гдѣ настоятельно просилъ объ устройствѣ чрезвычайнаго денежнаго сбора. Не желая доставить удовольствія буржуазіи публичнымъ объясненіемъ цѣли сбора, онъ заявилъ только, что вопросъ идетъ о важныхъ интересахъ Союза и что онъ представитъ ближайшему общему собранію надлежащій отчетъ объ употребленіи поступающихъ денегъ. Воззваніе имѣло тѣмъ не менѣе успѣхъ. Жалованья, въ качествѣ редактора союзнаго органа, Швейцеръ не получалъ, точно такъ, какъ онъ не получалъ его въ качествѣ президента Союза. Однако, когда Гофштеттенъ уѣхалъ въ Берлинъ, и дѣла по управленію Союза стали все больше усложняться, то онъ взялъ на помощь себѣ въ редакцію Вильгельма Гассельмана. Молодой студентъ-химикъ, родомъ изъ Бремена, Гассельманъ рано осиротѣлъ и, вынужденный съ дѣтства пользоваться помощью своихъ богатыхъ родственниковъ, въ избыткѣ вкусилъ всю горечь, большей частью неразрывно связанную съ такой долей. Эти грустныя впечатлѣнія юности обусловили то выраженіе враждебной замкнутости, которое отличало уже внѣшнюю манеру Гассельмана. Глубоко ненавидя капитализмъ и обладая притомъ живымъ умомъ, онъ скоро разобрался въ области соціальныхъ и политическихъ вопросовъ. Гассельманъ не могъ сравниться по способностямъ со Швейцеромъ, но былъ все-таки дѣльнымъ журналистомъ и владѣлъ энергичнымъ перомъ, которое, впрочемъ, больше возбуждало чувство, чѣмъ будило мысль.

Такимъ образомъ, послѣ трехлѣтней тяжелой борьбы Швейцеръ все же достигъ цѣли, которую поставилъ себѣ послѣ смерти Лассаля. Сохраняя организацію и тактику Лассаля, онъ сумѣлъ направить германское рабочее движеніе на болѣе широкіе и свободные пути Коммунистическаго Манифеста. Съ Марксомъ

онъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ. Когда лѣтомъ 1868 г. возникъ проектъ пониженія таможенныхъ пошлинъ на ввозимое изъ-за границы желѣзо, и заводчики сдѣлали попытку поднять противъ него рейнско-вестфальскихъ рабочихъ, пустивъ въ ходъ разныя агитаціонныя фразы, то Швейцеръ обратился за совѣтомъ къ Марксу. Послѣ этого онъ разъяснилъ рабочимъ, что по положенію міроваго рынка нѣмецкая желѣзодѣлательная промышленность можетъ вынести пониженіе таможенныхъ пошлинъ на желѣзо, но, съ другой стороны, сохраненіе послѣднихъ также не помѣшаетъ ея прогрессу. Дѣло идетъ о конфликтѣ внутри класса капиталистовъ, одинаково допускающемъ рѣшеніе въ томъ или иномъ смыслѣ безъ нанесенія ущерба національному развитію. Рабочіе должны, слѣдовательно, руководствоваться только своимъ классовымъ интересомъ. Если протекціонистскіе желѣзозаводчики попросятъ ихъ поддержки, то рабочіе должны попросту отвѣтить: „Хорошо, мы готовы на это, мы будемъ требовать, чтобы до пониженія пошлинъ на желѣзо было назначено разслѣдованіе о положеніи желѣзодѣлательной промышленности; мы ставимъ только условіе, чтобы это разслѣдованіе простиралось не только на интересы капиталистовъ, но и на интересы рабочихъ, въ особенности на заработную плату, продолжительность рабочаго дня и условія жизни рабочихъ, занятыхъ въ желѣзодѣлательной промышленности". Пользуясь этими указаніями Швейцера, Тельке созвалъ въ Гагенъ рейнско-вестфальскій рабочій съѣздъ, на который были приглашены и заводчики. Однако никто изъ лже-братьевъ не явился, послѣ чего рабочій съѣздъ принялъ резолюцію, что пониженіе таможенныхъ пошлинъ на желѣзо нисколько не угрожаетъ опасностью общимъ интересамъ рабочаго класса и потому рабочіе не имѣютъ никакого основанія оказать просимое содѣйствіе желѣзозаводчикамъ—протекціонистамъ.

Къ слову сказать, этотъ случай былъ единственнымъ, когда Швейцеръ опредѣлилъ въ силу своихъ диктаторскихъ полномочій соціально-политическій образъ дѣйствій Союза. Онъ прямо сослался на то, что правильное сужденіе по вопросу о таможенныхъ пошлинахъ на желѣзо предполагаетъ спеціальныя познанія и что онъ запросилъ мнѣніе „самаго крупнаго научнаго авторитета нашего направленія". Примѣнять диктатуру въ смыслѣ какого-нибудь субъективнаго произвола Швейцеръ никогда не пытался; онъ очень хорошо зналъ, что современные пролетаріи—не послушное

стадо барановъ. Правда, непрекращающіяся преслѣдованія полиціи и прокуратуры усердно играли въ руку дурнымъ диктаторскимъ вожделѣніямъ, такъ какъ они толкали ко все болѣе строгой централизаціи. Но Швейцеръ всегда считалъ крайне важнымъ сохранять полное согласіе какъ съ общимъ собраніемъ и правленіемъ, такъ и съ массой членовъ Союза. Несмотря на формально принадлежавшее ему право, онъ ни разу не назначилъ уполномоченнаго, который не былъ бы предложенъ членами соотвѣтственной мѣстности. Свою диктатуру онъ понималъ лишь въ смыслѣ энергичныхъ, ясныхъ и быстрыхъ дѣйствій; онъ представлялъ себѣ ее какъ молотъ, который можетъ, конечно, энергичнѣе всего наносить удары, когда онъ зажатъ въ одной рукѣ, но который долженъ быть выкованъ всѣми сообща.

Однако, съ развитіемъ событій даже такая ограниченная диктатура все больше переставала отвѣчать положенію дѣлъ. Когда въ 1865 г. обнаружилось первое стачечное движеніе въ Германіи, то „*Соціалъ-демократъ*" отнесся къ нему благожелательно, но оставаясь при этомъ всецѣло на точкѣ зрѣнія Лассаля, согласно которой свобода коалицій, будучи неоспоримымъ правомъ рабочихъ, не можетъ все-таки въ сколько-нибудь значительной степени улучшить ихъ положеніе. Затѣмъ, многочисленныя стачки, вспыхнувшія въ 1867 г. въ Англіи и Франціи, привели уже газету къ болѣе глубокому изслѣдованію вопроса. Она сказала себѣ: всюду, гдѣ современная промышленность достигла извѣстной высоты, стачки вспыхиваютъ съ могучей силой, вопреки всѣмъ увѣщаніямъ буржуазныхъ и соціалистическихъ экономистовъ, вопреки горькимъ невзгодамъ, которыя рабочимъ приходится переживать на практикѣ вслѣдствіе прекращенія работъ; не можетъ быть, чтобы рабочіе находились въ столь полномъ и упорномъ заблужденіи насчетъ собственныхъ своихъ интересовъ; забастовки должны имѣть какое-нибудь внутреннее оправданіе. „*Соціалъ-демократъ*" усматривалъ это оправданіе въ томъ, что на отношеніи рабочаго найма пролетаріатъ впервые познаетъ себя, какъ обездоленный и угнетенный классъ, и прилагаетъ здѣсь впервые рычагъ своего освобожденія: что стачки обладаютъ, слѣдовательно, превосходнымъ и въ высшей степени цѣннымъ свойствомъ пробуждать отъ сна всякое рабочее населеніе, не дошедшее еще до сознанія своего классоваго положенія: онѣ уясняютъ ему его приниженость въ обществѣ и въ то же время общность его интересовъ. Но такъ какъ „*Соціалъ-демократъ*" продолжалъ дер-

жаться взгляда, что въ экономическомъ отношеніи стачки непремѣнно должны оставаться безрезультатными и являются именно только средствомъ для развитія классоваго сознанія пролетаріата, то онъ выводилъ отсюда заключеніе, что по общему правилу ихъ нельзя одобрить тамъ, гдѣ рабочій классъ уже стремится открыто къ достиженію своихъ конечныхъ цѣлей.

Въ 1868 г. Швейцеръ подвинулся однако еще на одинъ шагъ дальше. Теоретически онъ узналъ, можетъ быть, изъ сочиненія Маркса, что съ желѣзнымъ закономъ заработной платы дѣло обстоитъ не вполнѣ благополучно, а практически ежедневный опытъ показывалъ ему, что и сознательные рабочіе отнюдь не отказываются отъ забастовокъ и что экономическая безплодность стачекъ отнюдь не есть непреложный догматъ. Уже въ концѣ 1865 г. Фрицше основалъ союзъ сигарниковъ, затѣмъ около середины слѣдующаго года возникъ союзъ типографскихъ подмастерьевъ, теперь и Шобъ основалъ профессіональный союзъ портныхъ, а Любкертъ—союзъ плотниковъ. Въ старыхъ соціалъ-демократическихъ центрахъ, какъ Эльберфельдъ-Барменъ, Эссенъ, Гамбургъ, вспыхнули многочисленныя стачки, съ перемѣннымъ, но въ общемъ довольно благопріятнымъ исходомъ. Правда, завоеванное рабочими повышеніе заработной платы по большей части только уравновѣшивало возросшія цѣны на насущные предметы потребленія, и въ этой мѣрѣ оно скорѣе подтверждало, нежели опровергало желѣзный законъ заработной платы; однако, даже въ этомъ случаѣ оно показывало, что, смотря по обстоятельствамъ, стачки могутъ быть и весьма необходимымъ дѣломъ.

Особенно поучительно было то, что происходило въ Берлинѣ, гдѣ господствующая среди рабочихъ нужда разсѣяла послѣдній туманъ воинственно-патріотическаго опьянѣнія. Рабочее движеніе возобновилось здѣсь съ мощной силой; оно впервые началось также въ Бреславлѣ, родномъ городѣ Лассаля, слишкомъ долго стоявшемъ въ сторонѣ отъ движенія. Въ Берлинѣ профессіональная организація типографскихъ рабочихъ, какъ и сигарниковъ, достигла значительныхъ успѣховъ: типографщики добились устраненія систематически примѣнявшагося воскреснаго труда, а сигарники послѣ доблестной борьбы, тянувшейся нѣсколько мѣсяцевъ, не допустили введенія унизительныхъ правилъ внутренняго распорядка, которыя хотѣли навязать имъ фабриканты. Среди булочниковъ, каменщиковъ и плотниковъ началось движеніе противъ жалкой заработной платы и безконечнаго рабочаго дня;

впервые приподнялась также завѣса съ ужасающихъ тайнъ производства готоваго платья и бѣлья, — такъ наз. „конфекціонной“ промышленности, которая получила громадное развитіе въ Берлинѣ и уже начала хвастать, что занимаетъ здѣсь первое мѣсто.

Эксплуатація достигла въ этой промышленности столь высокой степени, что обнаглѣвшіе капиталисты не постѣснялись сами выставить на дневной свѣтъ свои мошенническіе пріемы. Они давали обыкновенно работавшимъ на нихъ мастерицамъ влажную шерсть, усыхавшую при переработкѣ, и затѣмъ пользовались недостачей въ вѣсѣ при сдачѣ готоваго товара для вычетовъ изъ заработной платы и удержанія представленныхъ залоговъ. Одна фирма, „Шульцъ и Зибенмаркъ“, зашла такъ далеко, что привлекла одну изъ своихъ жертвъ къ уголовной отвѣтственности за растрату, когда та вздумала воспротивиться подобному обирательству. На судѣ работница была, однако, блистательно оправдана, такъ какъ свидѣтельскими показаніями было установлено, что фирма „Шульцъ и Зибенмаркъ“ систематически обманываетъ и безжалостно эксплуатируетъ работающихъ на нее мастерицъ. Произведенная этимъ дѣломъ сенсація привлекла всеобщее вниманіе къ условіямъ, господствующимъ въ берлинской конфекціонной промышленности, и оказалось, что единственную основу ея процвѣтанія составляетъ физическая и нравственная гибель десятковъ тысячъ занятыхъ въ ней молодыхъ работницъ.

Эти несчастныя созданія вынуждены были трудиться отъ ранней зари и до поздняго вечера, если хотѣли заработать столько, чтобы не слишкомъ скоро умереть съ голоду. Когда ихъ усталые глаза отказывались, наконецъ, служить при освѣщеніи настолько скудномъ, что избалованное зрѣніе зажиточныхъ людей не могло бы при немъ различить даже нитки, то ихъ единственной отрадой, единственнымъ наслажденіемъ, которое давала имъ жизнь, были нѣсколько часовъ тревожнаго сна. При всей этой мукѣ онѣ зарабатывали на шитьѣ изъ фланели и суконныхъ матерій максимумъ 10 зильбергрошеновъ въ день, на шитьѣ бѣлья — около восьми, на вышивальныхъ работахъ отъ 3 до 5 зильбергрошеновъ. Изъ этой ужасающей нищеты для работницъ былъ лишь одинъ выходъ, который велъ ихъ подъ полицейскій контроль, въ работный домъ, въ тюрьму, къ смерти и позору: проституція.

Справедливость требуетъ признать, что когда эти условія были разоблачены, то буржуазные круги были охвачены чувствомъ неподдѣльнаго ужаса. Даже наиподлиннѣйшіе манчестерцы выразили

осужденіе мошенническимъ пріемамъ, при посредствѣ которыхъ у работницъ конфекціонной промышленности хотѣли урвать жалкіе гроши изъ ихъ голодной платы. Только прусская полиція стояла вполнѣ на высотѣ капиталистическо-уголовныхъ способовъ грабежа. Она закрыла рабочія собранія, на которыхъ должно было обсуждаться положеніе конфекціонныхъ работницъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что онѣ приняли сами участіе въ нихъ. Права на это она не имѣла даже согласно прусскому закону о союзахъ и собраніяхъ; единственнымъ стимуломъ полиціи было въ данномъ случаѣ безкорыстно-сладострастное удовольствіе, которое доставляли ей мученія этихъ „бѣднѣйшихъ изъ бѣдныхъ". „Соціальная монархія" проявила себя такъ, какъ она должна была себя проявить.

Какъ и три года назадъ, „*Соціалъ-демократъ*" снова выступилъ съ величайшей энергіей въ защиту попраннаго права союзовъ, не обращая вниманія ни на какія полицейскія конфискаціи. Прогрессистскіе мудрецы приплелись только позже. Точно также они лишь вяло присоединились къ энергичнымъ усиліямъ Швейцера, чтобы прошлогоднее предложеніе о законодательномъ признаніи свободы коалицій было снова внесено въ рейхстагъ. Большинство рейхстага, состоявшее изъ консерваторовъ и національ-либераловъ, не хотѣло пока обязываться ни къ чему, но было извѣстно, что свобода коалицій будетъ принята въ ближайшемъ году, хотя бы и съ разными оговорками. Сколько полиція ни продолжала преслѣдовать бастующихъ рабочихъ всякими придирками, однако прокуратура не возбуждала больше преслѣдованій за нарушеніе закона, воспрещающаго коалиціи, съ тѣхъ поръ, какъ во время стачки суконщиковъ, происходившей въ 1865 г. въ Бургѣ, суды оправдали 278 рабочихъ, привлеченныхъ къ отвѣтственности за недозволенное устройство стачки. Слѣдовало ожидать, что законодательное признаніе свободы коалицій дастъ могущественный толчокъ стачечному движенію и что ближайшее будущее рабочаго класса принадлежитъ трэдъ-юніонистской борьбѣ.

Швейцеръ не обманывалъ себя на этотъ счетъ. Онъ по прежнему называлъ грубымъ, невозможнымъ для всякаго соціалиста заблужденіемъ предполагать, что капиталистическій способъ производства можетъ быть сломленъ забастовками, но въ то же время онъ понималъ, что масса рабочаго люда не раньше приходитъ къ классовому сознанію, не ранѣе выходитъ изъ-подъ опеки полицейскаго государства и денежной силы, пока она не убѣдится

изъ практическаго опыта, на какую невѣроятную ненависть способны господствующіе классы, едва рабочіе выступаютъ съ требованіемъ хотя бы малѣйшаго улучшенія ихъ быта. „Однимъ словомъ, стачки представляютъ собою исторически необходимую переходную стадію къ полному господству соціалистическаго и коммунистическаго движенія". Отсюда вытекало само собою заключеніе, что нужно путемъ правильной организаціи стачекъ по возможности сократить эту переходную стадію, не дать существующему въ рабочей массѣ теченію разбросаться и раздробиться, что нужно снабдить его возможно болѣе сильнымъ оружіемъ противъ капиталистическаго способа производства и поддерживать его тѣсную связь съ политической агитаціей.

Швейцеръ шелъ до этого пункта, но не дальше. Признать профессіональное движеніе равноправнымъ и самостоятельнымъ рядомъ съ политическимъ движеніемъ,—на это онъ не могъ согласиться. Оно было въ глазахъ Швейцера только орудіемъ, при помощи котораго можно сообщить большую энергію политическому движенію; онъ смотрѣлъ на него до извѣстной степени какъ на крѣпость, за стѣнами которой могутъ быть обучаемы новобранцы и гдѣ въ случаѣ нужды могутъ найти также убѣжище боевыя колонны пролетарской арміи. Хотя все болѣе и болѣе выяснялось, что политическая организація обнимаетъ лишь избранную часть рабочаго класса, однако это не мѣшало полиціи и прокуратурѣ свирѣпо преслѣдовать ее и безпрестанно находить все новые поводы, чтобы такъ или иначе прижать Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ. Власти снова стали оспаривать легальность почти трети мѣстныхъ членскихъ кружковъ, на томъ основаніи, что въ нихъ имѣло мѣсто недозволенное „образованіе филіальныхъ союзовъ". Правда, въ отдѣльныхъ мѣстахъ, между прочимъ—въ самомъ Берлинѣ, Союзъ добился оправдательныхъ рѣшеній въ первой инстанціи, но прокуроры тотчасъ перенесли дѣла въ высшія инстанціи, рѣшеніе которыхъ по меньшей мѣрѣ нельзя было предугадать. Созывая лѣтомъ 1868 г. общее собраніе Союза въ Гамбургъ, Швейцеръ сдѣлалъ это съ недобрымъ предчувствіемъ, что седьмое общее собраніе будетъ, вѣроятно, послѣднимъ.

Собраніе засѣдало съ 22-го до 26 августа. Швейцеръ созвалъ его въ Гамбургъ въ знакъ уваженія къ тамошнимъ членамъ „за ихъ образцовое для всего Союза поведеніе, отмѣченное самымъ строгимъ порядкомъ, вѣрностью принципамъ, дѣятельной энергіей и самоотверженностью". Въ благодарность за его великій науч-

ный трудъ Карлъ Марксъ былъ офиціальнымъ письмомъ правленія приглашенъ на собраніе въ качествѣ почетнаго гостя. Неотложныя дѣла помѣшали Марксу пріѣхать, и онъ извинился въ письмѣ, гдѣ „съ радостью" констатировалъ, что общимъ собраніемъ внесены въ программу публичныхъ засѣданій пункты, изъ которыхъ должно исходить всякое серьезное рабочее движеніе: агитація за полную политическую свободу, регулированіе рабочаго дня и планомѣрное международное сотрудничество рабочаго класса въ великой всемірно-исторической задачѣ, которую онъ призванъ разрѣшить для всего общества. Общее собраніе рѣшило бороться всѣми законными средствами за достиженіе политической свободы; оно объявило необходимымъ законодательное введеніе 10-часового рабочаго дня и осудило, какъ верхъ соціальной тираніи, воскресный трудъ, отнимающій у рабочихъ послѣдній день отдохновенія и послѣдній остатокъ семейнаго счастья. Наконецъ, имъ была принята резолюція, гласившая, что стремленія рабочихъ могутъ увѣнчаться успѣхомъ лишь въ томъ случаѣ, если послѣдніе будутъ дѣйствовать сообща во всѣхъ культурныхъ странахъ, и слѣдовательно, долгъ нѣмецкой рабочей партіи идти заодно съ рабочими партіями всѣхъ культурныхъ странъ, руководящимися одинаковыми съ нею принципами.

Три публичныхъ засѣданія общаго собранія были внушительными манифестаціями. Гамбургскіе рабочіе выказали себя достойными своей старой репутаціи, доставивъ интеллигентную и благодарную аудиторію изъ 6 тысячъ человѣкъ. Дѣламъ Союза въ тѣсномъ смыслѣ были посвящены 4 закрытыхъ засѣданія. На общемъ собраніи были представлены 36 делегатами 83 мѣста съ 7,274 членами, правильно уплачивающими взносы; 50-60 мѣстъ, привлеченныхъ большей частью въ теченіе послѣдняго года, не прислали еще пока представителей. Общее собраніе одобрило распоряженіе президента, употребившаго финансовые излишки прежде всего на поддержаніе союзнаго органа, причемъ Швейцеръ, въ качествѣ собственника „*Соціалъ-демократа*", остался отвѣтственнымъ предъ Союзомъ въ суммѣ 1.000 талеровъ. Далѣе общее собраніе постановило впредь до приведенія въ равновѣсіе бюджета „*Соціалъ-демократа*" пріобрѣтать нераспроданные экземпляры его для Союза и употреблять ихъ для агитаціи. Оно отклонило, напротивъ, предложеніе вольфенбюттельскихъ членовъ взять газету въ собственность Союза, равно какъ предложеніе одного дюссельдорфскаго члена отдѣлить редакторство отъ президент-

ства; то и другое было признано нецѣлесообразнымъ. Съ того момента какъ „*Соціалъ-демократъ*" началъ бы покрывать свои расходы,—а достигнуть этого надѣялись черезъ полгода,—денежныя средства Союза должны были употребляться на систематическую пропаганду путемъ разсылки платныхъ агитаторовъ, прежде всего по королевству Саксоніи и южной Германіи. Для организаціи этой пропаганды президентъ получилъ необходимыя полномочія. Жалованье секретаря было повышено до 25 талеровъ въ мѣсяцъ.

Важнѣйшая работа закрытыхъ засѣданій касалась отношенія Союза къ стачечному движенію. Брауншвейгскіе члены внесли предложеніе, чтобы Союзъ взялъ на себя организацію забастовокъ. Въ отвѣтъ на это Перль предложилъ, не разсматривая вопроса, перейти къ порядку дня, тогда какъ Фрицше внесъ два контръпредложенія. Общее собраніе должно было объявить, во-первыхъ, что стачки отнюдь не представляютъ собою средства измѣнить основы капиталистическаго способа производства, но онѣ являются средствомъ будить классовое сознаніе рабочихъ, пробивать брешь въ системѣ полицейской опеки и, при условіи правильной организаціи, устранять въ теперешнемъ обществѣ нѣкоторыя изъ наиболѣе вопіющихъ соціальныхъ золъ, въ родѣ чрезмѣрно длиннаго рабочаго дня и воскреснаго труда. Во-вторыхъ, собраніе должно было поручить президенту созвать общегерманскій рабочій конгрессъ для основанія всеобщихъ рабочихъ союзовъ. Послѣ оживленныхъ преній предложеніе Перля было отвергнуто большинствомъ 3.417 противъ 2.583 голосовъ, первое предложеніе Фрицше принято тѣмъ же большинствомъ, а второе отклонено большинствомъ 3.255 голосовъ противъ 3.044. Такимъ образомъ, общее собраніе заняло принципіально дружественную позицію относительно стачекъ, но объявило ненужной практическую организацію ихъ самимъ Союзомъ.

Послѣ такого исхода голосованія Швейцеръ и Фрицше заявили, что они созовутъ теперь конгрессъ профессіональныхъ рабочихъ организацій въ качествѣ членовъ рейхстага. Заявленіе ихъ вызвало снова бурные дебаты по вопросу о томъ, составляетъ ли намѣреніе Швейцера и Фрицше нарушеніе партійной дисциплины, или нѣтъ. Самъ Швейцеръ объяснилъ, что общее собраніе имѣетъ, безъ сомнѣнія, право воспретить президенту все, что оно находитъ вреднымъ для Союза; если онъ не захочетъ подчиниться, то долженъ будетъ выступить изъ Союза. Но общее собраніе, высказавшись—быть можетъ, правильно—противъ того, чтобы Союзъ взялъ

организацію стачекъ въ свои руки, принципіально одобрило, однако, стачки. Отсюда, по мнѣнію Швейцера, слѣдуетъ, что когда собраніе не пожелало обязать президента Союза къ созванію конгресса рабочихъ союзовъ, то оно не думало еще запрещать ему этимъ участіе въ конгрессѣ. Пусть оно выскажется теперь опредѣленнѣе, но ораторъ не скрываетъ, что онъ тотчасъ же вынужденъ будетъ сложить съ себя должность и выступить изъ Союза, если общее собраніе запретитъ ему созваніе конгресса. По его мнѣнію, соціалъ-демократическая партія, какъ наиболѣе передовой элементъ среди рабочихъ, должна организовать стачки; ораторъ не считаетъ себя въ правѣ продолжать отвѣтственное руководство, разъ у него есть сознаніе, что агитація можетъ стать нежизнеспособной вслѣдствіе какого-нибудь существеннаго упущенія. Послѣ этого общее собраніе почти единогласно объявило, что оно не хотѣло выразить запрета: въ качествѣ депутатовъ рейхстага Швейцеръ и Фрицше могутъ созвать конгрессъ.

Къ сожалѣнію, объ этомъ засѣданіи не сохранилось подробнаго отчета, изъ котораго можно было бы видѣть, въ какой мѣрѣ оппозиція руководилась практическими сомнѣніями, и въ какой— правовѣрнымъ лассальянствомъ. Извѣстную роль сыграло то и другое: въ краткихъ мотивахъ, которыми Перль обосновалъ свое предложеніе о переходѣ къ порядку дня, онъ выдвинулъ только финансовыя и формальныя возраженія, тогда какъ Швейцеръ весьма энергично защищался въ „*Соціалъ-демократъ*" противъ упрека, что созваніемъ конгресса онъ покидаетъ традиціи Лассаля. Въ качествѣ рѣшающаго соображенія онъ вполнѣ правильно выдвигалъ тотъ фактъ, что въ массахъ имѣется налицо стачечное движеніе, котораго не было при жизни Лассаля. Призвать къ жизни подобное движеніе такъ же не входило въ задачи Лассаля, какъ оно не можетъ быть задачей всякаго соціалиста, но разъ оно существуетъ, каждый соціалистъ долженъ позаботиться о томъ, чтобы указать ему правильную цѣль; будь Лассаль въ живыхъ, онъ поступилъ бы такимъ же образомъ. Тотчасъ послѣ закрытія общаго собранія, еще изъ Гамбурга, Швейцеръ и Фрицше обратились къ рабочимъ Германіи съ воззваніемъ, въ которомъ созывали на 27-ое сентября въ Берлинъ обще-германскій рабочій конгрессъ; здѣсь предполагалось обсудить все, что имѣетъ отношеніе къ забастовкамъ, и основать обширную, самостоятельную организацію всего рабочаго населенія Германіи для общихъ дѣйствій путемъ забастовокъ.

Десять дней спустя въ Нюрнбергѣ состоялся пятый съѣздъ нѣмецкихъ рабочихъ ферейновъ. Со времени съѣзда въ Герѣ Бебель энергично и искусно руководилъ федераціей (Verband) этихъ ферейновъ, но убѣдился скоро, что полное отдѣленіе передовыхъ элементовъ отъ элементовъ, тянущихъ назадъ, стало неизбѣжной необходимостью. Лучше десять надежныхъ, чѣмъ тридцать колеблющихся ферейновъ, писалъ онъ Альберту Ланге. Развитіе пролетарскаго классоваго сознанія совершалось внутри федераціи вполнѣ стихійнымъ образомъ, подгоняемое убѣдительнымъ краснорѣчіемъ экономическихъ фактовъ, а отнюдь не адвокатскимъ искусствомъ Либкнехта, какъ увѣряетъ ходячая легенда: Либкнехтъ и „*Демократическій Еженедѣльникъ*" стояли еще пока далеко отъ федераціи, какъ таковой; федерація имѣла собственный органъ, „*Die Arbeiterhalle*", выходившій въ Мангеймѣ. Но чѣмъ больше пролетарскіе элементы рабочихъ ферейновъ приходили къ сознанію, что федерація, если она хочетъ сохранить какое-либо значеніе, должна занять опредѣленную позицію относительно жгучихъ вопросовъ въ политической и соціальной области, тѣмъ усерднѣе вооружались буржуазные элементы ферейновъ для защиты послѣдней позиціи, которой буржуазія располагала еще среди пролетаріата. Какъ только главный городъ Лейпцигъ созвалъ съѣздъ на 5-е сентября въ Нюрнбергѣ и высказалъ свое намѣреніе предложить, въ качествѣ программы федераціи, главныя положенія изъ устава Интернаціонала, такъ обѣ стороны начали усиленно агитировать за посылку возможно большаго числа делегатовъ на съѣздъ, причемъ буржуазная сторона не преминула пустить въ ходъ различныя средства, чтобы искусственно раздуть число рабочихъ и рабочихъ ферейновъ, оставшихся еще вѣрными ей.

Все это не помогло имъ, однако, противъ стихійнаго теченія въ рабочихъ массахъ. Нюрнбергскій съѣздъ высказался за принятіе программы, предложенной Лейпцигомъ, и за основаніе централизованныхъ профессіональныхъ рабочихъ союзовъ (Gewerksgenossenschaften); въ то же время онъ отклонилъ предложеніе Зоннемана устроить кассы страхованія рабочихъ на случай старости при содѣйствіи почты, другими словами—въ видѣ учрежденій, находящихся подъ надзоромъ государства. При рѣшающемъ вопросѣ о программѣ 72 ферейна съ 69 голосами вотировали противъ 37 ферейновъ съ 46 голосами. Буржуазное меньшинство сдѣлало еще одну попытку спасти свое дѣло, выступивъ съ утвержденіемъ, что за большинствомъ стоитъ едва 1.800, за мень-

шинствомъ же 8.800 членовъ рабочихъ ферейновъ. Бебель тотчасъ раскрылъ неосновательность этой сказки въ краткомъ и ясномъ заявленіи. Правда, и по его вычисленіямъ меньшинство состояло изъ 5.876 членовъ, а большинство только изъ 6.480 членовъ, но скоро оказалось, что меньшинство, тотчасъ выступившее изъ федераціи, вообще не обладало способностью къ активной дѣятельности. Оно попыталось основать Нѣмецкій Рабочій Союзъ (Deutscher Arbeiterbund) но дальше первыхъ шаговъ дѣло не пошло. Ферейны меньшинства скоро присоединились опять къ большинству или же совсѣмъ закрылись; изъ всѣхъ нихъ теперь существуетъ только „Берлинскій рабочій ферейнъ", который въ то время раскололся, впрочемъ, также на два ферейна, причемъ одинъ изъ нихъ, сохранивъ свое старое названіе, удержалъ прогрессистскую программу, а другой назвалъ себя „Демократическимъ рабочимъ ферейномъ" и примкнулъ къ федераціи рабочихъ ферейновъ.

Нюрнбергскій съѣздъ, какъ и съѣздъ въ Герѣ, знаменовалъ собою большой шагъ впередъ, но къ основанію соціалъ-демократической рабочей партіи онъ еще не привелъ. Формально федерація рабочихъ ферейновъ была сохранена, Бебель былъ снова избранъ ея предсѣдателемъ, а Лейпцигъ—главнымъ городомъ. На съѣздъ прислали делегатовъ австрійскіе и швейцарскіе рабочіе ферейны, генеральный совѣтъ Интернаціонала былъ представленъ Эккаріемъ, и нѣкоторые члены Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза, только что присутствовавшіе на его гамбургскомъ общемъ собраніи, напр. Кирхнеръ изъ Гильдесгейма и Карлъ Гиршъ изъ Берлина, произнесли энергичныя рѣчи въ смыслѣ большинства. Тѣмъ не менѣе среди большинства были еще разные элементы, имѣвшіе столько же общаго съ пролетарской классовой борьбой, какъ вода съ огнемъ: честные малые, какъ Ладендорфъ, ненадежные соратники въ родѣ Зоннемана, всякаго рода хитрецы изъ Нѣмецкой народной партіи, которые въ крайнемъ случаѣ готовы были принять интернаціональную программу, такъ какъ она ничего еще не говорила о національной программѣ рабочаго класса. Нѣмецкая народная партія была офиціально представлена на Нюрнбергскомъ съѣздѣ; точно также Нюрнбергскій съѣздъ послалъ своихъ офиціальныхъ представителей на конференцію Нѣмецкой народной партіи, засѣдавшую 19 и 20 сентября въ Штутгартѣ и разрѣшившуюся, наконецъ, послѣ трехлѣтнихъ родовъ программой по національному и соціальному вопросамъ.

Нѣмецкая народная партія умалилась фактически до положенія

южно-германской партіи, если не считать немногихъ аугустенбургскихъ и гвельфскихъ придатковъ, слабо прозябавшихъ въ Шлезвигѣ-Голштиніи и Ганноверѣ, нѣсколькихъ приверженцевъ Якоби и, въ особенности, Саксонской народной партіи, состоявшей преимущественно изъ рабочихъ и дѣятельно развивавшейся въ соціалъ-демократическомъ направленіи. Однако, именно благодаря своей мѣстной ограниченности Нѣмецкая народная партія могла бы сыграть историческую роль въ годы между Кениггрецемъ и Седаномъ, если бы, пользуясь безсиліемъ и неспособностью южно-германскихъ правительствъ и подъ прикрытіемъ зависти всей Европы, она развернула энергичную демократическую пропаганду, которая явилась бы въ то же время вѣрнѣйшимъ средствомъ отравить жизнь берлинской реакціи. Но благопріятный моментъ былъ безплодно упущенъ: какъ и въ дни нѣмецкой революціи, захолустный партикуляризмъ одержалъ верхъ надъ всѣми демократическими и республиканскими фразами, и, по горькому замѣчанію Ланге, единственной движущей пружиной Нѣмецкой народной партіи была слѣпая ненависть къ Пруссіи, только игравшая въ руку врагу.

И мы дѣйствительно видимъ, что національная программа, которую народная партія изложила наконецъ на бумагѣ осенью 1868 г., была ничѣмъ инымъ, какъ отсталымъ партикуляризмомъ, замазаннымъ пустыми фразами о свободѣ и самоопредѣленіи, соціальная же программа ея была чѣмъ-то худшимъ еще. Нѣмецкая народная партія, объявивъ принципіально, что она „примыкаетъ къ программѣ, принятой Нюрнбергскимъ съѣздомъ", выставила рядъ соціальныхъ требованій, которыя нигдѣ не выходили за предѣлы буржуазнаго горизонта, въ родѣ улучшенія народной школы, свободы передвиженія, промысловой свободы; въ отдѣльныхъ пунктахъ, напр., по вопросу объ упраздненіи постоянныхъ армій и участіи рабочихъ въ чистой прибыли отъ предпріятій, они дѣлали, впрочемъ, логическіе выводы изъ капиталистическаго строя нѣсколько радикальнѣе или хитрѣе, чѣмъ сѣверо-германскіе либералы. Съ программой Интернаціонала, къ которой они якобы „примыкали", эти требованія были въ столь же дружескихъ отношеніяхъ, какъ капиталъ съ трудомъ. Послѣ такихъ подвиговъ не приходится удивляться, если Марксъ назвалъ конфликтъ между сѣверо-германскими націоналъ-либералами и южно-нѣмецкими народниками „мелкими пустяками". Таково же было мнѣніе Энгельса: націоналъ-либералы и народники, говорилъ онъ, ведутъ столь запальчивую войну другъ

съ другомъ лишь потому, что они представляютъ собою противоположные полюсы одной и той же ограниченности; исторія ближайшихъ лѣтъ докажетъ правильность этого утвержденія.

Если Нюрнбергское большинство шло еще заодно съ Нѣмецкой народной партіей, то постановленія гамбургскаго общаго собранія сходились гораздо больше съ постановленіями, принятыми третьимъ конгрессомъ Интернаціонала. На конгрессѣ, засѣдавшемъ съ 6-го до 12-го сентября въ Брюсселѣ, присутствовало 97 делегатовъ, большая половина которыхъ состояла изъ бельгійцевъ; Франція была представлена 18, Англія—11, Швейцарія—8 и Германія—4 делегатами. По вопросу о необходимости политической работы и значеніи стачекъ для рабочаго класса брюссельскій конгрессъ принялъ такія же резолюціи, какъ гамбургское общее собраніе. Затѣмъ конгрессъ Интернаціонала впервые высказался въ пользу общей собственности на землю, хотя необходимо добавить, что противъ резолюціи голосовало крупное меньшинство, состоявшее главнымъ образомъ изъ французскихъ делегатовъ. Швейцеръ получилъ офиціальное приглашеніе на брюссельскій конгрессъ, но не могъ явиться, такъ какъ вслѣдствіе непрекращавшихся преслѣдованій прокуратуры онъ долженъ былъ соблюсти нѣсколько судебныхъ сроковъ. Въ своемъ отвѣтѣ на пригласительное письмо онъ заявилъ, что Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ стоитъ вполнѣ на почвѣ Интернаціонала и отъ формальнаго вступленія въ Международную Ассоціацію Рабочихъ его удерживаютъ только германскіе законы о союзахъ.

Эти законы были именно теперь пущены опять въ ходъ, чтобы разрушить Союзъ, какъ національную организацію. Судебная палата вынесла во второй инстанціи рѣшеніе, что мѣстный кружокъ членовъ въ Берлинѣ, будучи самостоятельнымъ филіальнымъ союзомъ, долженъ быть закрытъ. Правда, рѣшеніе это можно было обжаловать въ высшій трибуналъ, но 16-го августа лейпцигская полиція распорядилась вообще о закрытіи Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза. Предлогомъ послужилъ на этотъ разъ пунктъ устава, разрѣшавшій употребленіе половины членскихъ взносовъ на мѣстныя цѣли, „слѣдовательно, члены Союза въ отдѣльныхъ мѣстахъ являются не только членами Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза, но и членами мѣстнаго союза, имѣющаго собственное кассовое управленіе". Такъ какъ дѣло шло только о предлогѣ, то Швейцеръ счелъ безполезнымъ обжаловать мѣру лейпцигской полиціи, а просто распорядился о немедлен-

номъ распущеніи Союза, не „изъ послушанія властямъ", какъ онъ объяснилъ членамъ, а „потому, что при наличныхъ условіяхъ это—самое разумное, что мы можемъ сдѣлать". Швейцеръ понималъ и открыто высказывалъ, что ударъ, нанесенный въ Лейпцигѣ, шелъ изъ Берлина. Доводить вопросъ о „самостоятельныхъ филіальныхъ союзахъ" до высшаго трибунала онъ не хотѣлъ, опасаясь, что рѣшеніе послѣдняго получитъ тогда обязательную силу для всѣхъ прусскихъ судовъ. Между тѣмъ, распуская добровольно Союзъ, Швейцеръ не лишалъ себя возможности тотчасъ открыть его вновь въ формѣ, исключающей всякія юридическія придирки.

---

3. Раздробленіе профессіональнаго рабочаго движенія.

При всѣхъ своихъ прочихъ различіяхъ гамбургское общее собраніе и нюрнбергскій съѣздъ все-таки сошлись въ двухъ рѣшеніяхъ, открывавшихъ, казалось, общее поле дѣйствій для всего сознательнаго пролетаріата Германіи: въ присоединеніи къ Интернаціоналу и въ основаніи профессіональныхъ рабочихъ союзовъ. „*Демократическій Еженедѣльникъ*" такъ и смотрѣлъ на положеніе. Въ номерѣ отъ 12-го сентября онъ писалъ: „Въ Гамбургѣ, Нюрнбергѣ и Брюсселѣ мы видимъ тѣ же стремленія, тѣ же цѣли: освобожденіе труда отъ оковъ капитала, устраненіе классоваго господства и рабства наемнаго труда, созданіе государства, основаннаго на свободѣ и равноправіи". Одновременно съ этимъ въ „*Будущности*" („*Zukunft*") появилась корреспонденція изъ Лейпцига, гдѣ говорилось, что болѣе или менѣе полное сліяніе демократическихъ рабочихъ ферейновъ съ Всеобщимъ Германскимъ Рабочимъ Союзомъ только вопросъ времени.

Какъ почтенны ни были эти объединительныя стремленія, однако они выражались въ формахъ, уводившихъ далеко въ сторону отъ намѣченной цѣли. Въ лейпцигской корреспонденціи „*Будущности*" говорилось, что, „кое-кто" противится по личнымъ мотивамъ объединенію германскихъ рабочихъ. Еще яснѣе высказался „*Демократическій Еженедѣльникъ*": на второй страницѣ того самаго номера, первая страница котораго содержала одобреніе демократическихъ резолюцій гамбургскаго общаго собранія, „*Еженедѣльникъ*" категорически требовалъ отъ „президента Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза", чтобы тотъ подвергъ дисциплинарному взысканію одного гамбургскаго члена Союза, сапож-

ника Прааста, который, по словамъ одной народническо-гвельфской газеты, позволилъ себѣ на поминкахъ по Лассалѣ въ Ганноверѣ хвалить прусскіе территоріальные захваты. При этомъ не было даже твердо установлено, дѣйствительно ли Праастъ—къ слову сказать, перешедшій спустя годъ отъ Швейцера на сторону Либкнехта—былъ повиненъ въ нарушеніи принциповъ: одно увѣреніе газеты, боровшейся за единство и свободу Германіи подъ сѣнью гвельфовъ, не могло, конечно, служить убѣдительнымъ доказательствомъ. Эта статья „*Демократ. Еженедѣльника*" была также тотчасъ перепечатана „*Будущностью*".

До сихъ поръ Швейцеръ оставлялъ безъ вниманія всѣ нападки „*Демократ. Еженедѣльника*", направленныя противъ его личной и политической честности. Теперь онъ отвѣтилъ „*Еженедѣльнику*", что Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ ни въ коемъ случаѣ нельзя дѣлать отвѣтственнымъ за тѣ или иныя заявленія отдѣльныхъ его членовъ; точно такъ же президентъ не стоитъ, на подобіе полицейскаго служителя и цензора, за спиной каждаго оратора. Если хотятъ, однако, знать, какъ онъ самъ относится къ мнимымъ разсужденіямъ гамбургскаго члена, то онъ заявляетъ, что „къ единому нѣмецкому народному государству, составляющему предметъ нашихъ стремленій, насъ не приближаютъ ни территоріальные захваты, милитаризмъ и полицейскій режимъ Пруссіи, ни безсмысленная и противная пруссофобія, разжигаемая въ среднихъ и малыхъ нѣмецкихъ государствахъ Народной партіей и орудіями прогнанныхъ государей". По поводу лейпцигской корреспонденціи „*Будущности*" Швейцеръ заявилъ, что Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ будетъ такъ же идти рука объ руку съ большинствомъ нюрнбергскихъ ферейновъ, какъ со всѣми сходно мыслящими и дружественными партіями. О сліяніи, однако, не можетъ быть рѣчи, развѣ если бы нюрнбергскіе ферейны вступили во Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ, гдѣ ихъ съ радостью примутъ. Ни въ какомъ случаѣ стройная организація, основанная Лассалемъ, не можетъ быть измѣнена, чтобы уступить мѣсто „туманной галиматьѣ".

Это выраженіе было безспорно очень невѣжливо, но представляло лишь маленькую грубость въ сравненіи съ тѣми вещами, которыя Швейцеру приходилось въ теченіе 9-ти мѣсяцевъ выслушивать отъ „*Демокр. Еженедѣльника*". Во всякомъ случаѣ трудно было не понять, что̀ Швейцеръ разумѣлъ подъ „туманной галиматьей": онъ разумѣлъ не программу Интернаціонала, къ

которой только что самъ примкнулъ, а туманныя отношенія нюрнбергскихъ ферейновъ къ Нѣмецкой народной партіи. Тѣмъ не менѣе „*Демокр. Еженедѣльникъ*" впалъ въ такую ошибку: по его мнѣнію, Швейцеръ могъ своими невѣжливыми словами имѣть въ виду „только" ученіе Маркса, отъ котораго ученіе Лассаля отличается, однако, лишь тѣмъ, что обламываетъ его остріе. Такимъ образомъ Швейцеръ былъ снова объявленъ „измѣнникомъ дѣлу соціализма и демократіи".

Послѣ этого единственнымъ возможнымъ полемъ для совмѣстныхъ дѣйствій оставалось профессіональное движеніе. Однако нюрнбергскіе ферейны не послали своихъ представителей на рабочій конгрессъ, созванный Швейцеромъ и Фрицше къ 27-му сентября. Какъ объяснилъ впослѣдствіи Либкнехтъ, они не прислали делегатовъ потому, что самолюбіе ихъ было слишкомъ чувствительно задѣто объявленіемъ Швейцера, что нюрнбергскіе ферейны не будутъ допущены на конгрессъ. Между тѣмъ дѣло происходило слѣдующимъ образомъ. Послѣ того какъ Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ былъ распущенъ лейпцигской полиціей, „*Соціалъ-демократъ*" объявилъ, что въ виду статьи закона о союзахъ, запрещающей политическимъ союзамъ вступать въ связь другъ съ другомъ, на конгрессѣ не могутъ быть представлены „рабочіе союзы, имѣющіе политическую программу, напр., Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ и нюрнбергское большинство, какъ таковое". Во всемъ этомъ распоряженіи дѣло шло исключительно о формѣ, долженствовавшей оградить конгрессъ отъ насилій полиціи; основаніе жаловаться существовало во всякомъ случаѣ только у ферейновъ нюрнбергскаго меньшинства: они не имѣли политической программы, а между тѣмъ, какъ добавлялъ въ примѣчаніи „*Соціалъ-демократъ*", не могли все-таки быть представлены на конгрессѣ, какъ таковые, потому что это значило бы оказать фактически одной партіи предпочтеніе предъ другой. Для всѣхъ представителей существующихъ уже профессіональныхъ союзовъ, для всѣхъ делегатовъ отъ собраній тѣхъ или иныхъ промысловъ, даже вообще отъ рабочихъ собраній, конгрессъ былъ открытъ безъ всякаго ограниченія.

Скорѣе имѣетъ нѣкоторое основаніе другой упрекъ, дѣлавшійся Швейцеру и Фрицше,—что они слишкомъ поторопились съ созваніемъ конгресса, что имъ слѣдовало выждать сначала результатовъ нюрнбергскаго съѣзда и затѣмъ совмѣстно съ главнымъ городомъ побѣдоноснаго большинства взяться за организацію профессіо-

нальнаго движенія; особенно спѣшить, дескать, не зачѣмъ было, потому что дарованія свободы коалицій все равно нельзя было ожидать раньше, какъ черезъ годъ. Однако, Швейцеръ и Фрицше имѣли основательныя причины ковать желѣзо, пока горячо. Они хотѣли, чтобы полки ихъ были уже организованы и боевая касса полна, прежде чѣмъ раздастся сигналъ къ борьбѣ. Затѣмъ имъ чрезвычайно важно было возможно скорѣе создать „безповоротный фактъ" въ виду противодѣйствія въ рядахъ собственной партіи, которому весьма сомнительная спекуляція на результаты нюрнбергскаго съѣзда дала бы только новую пищу. Но въ особенности важно было разстроить хитрую игру прогрессистской партіи, готовившейся какъ разъ въ этотъ моментъ овладѣть пролетарскимъ стачечнымъ движеніемъ и направить его на ложные пути.

Утвержденіе, что Либкнехтъ и Швейцеръ приступили къ основанію профессіональныхъ рабочихъ союзовъ, послѣ того какъ Максъ Гиршъ предпринялъ поѣздку въ Англію съ цѣлью изучить трэдъюніоны и пересадить ихъ на германскую почву,—это утвержденіе представляетъ собою чистѣйшую выдумку. Либкнехтъ отлично познакомился съ трэдъ-юніонами, еще живя изгнанникомъ въ Англіи, и со времени своего возвращенія въ Германію направлялъ на нихъ вниманіе нѣмецкихъ рабочихъ путемъ многочисленныхъ лекцій. Что касается Швейцера, то онъ занимался въ „*Соціалъ-демократѣ*" соотвѣтственными вопросами по крайней мѣрѣ уже больше года, еще задолго до того, какъ Максу Гиршу пришла въ голову остроумная мысль обмануть прогрессивно настроенныхъ рабочихъ насчетъ ихъ истинныхъ интересовъ при помощи плохой поддѣлки подъ трэдъ-юніоны. Вниманіе Гирша обратили на трэдъ-юніоны лишь въ самой Англіи, куда онъ поѣхалъ собственно для ознакомленія съ кооперативными обществами, и сдѣлалъ это Луйо Брентано, дѣйствительно изучавшій англійскіе рабочіе союзы. Хорошимъ образчикомъ „изученія", которымъ занимался Максъ Гиршъ, можетъ служить тотъ фактъ, что уже послѣ многихъ недѣль расхваливанія нѣмецкимъ рабочимъ третейскихъ и примирительныхъ камеръ, какъ панацеи въ соціальномъ вопросѣ, онъ обратился къ Брентано съ мольбою, чтобы тотъ пособилъ ему изъ своихъ матеріаловъ, такъ какъ самъ онъ, „къ сожалѣнію, не имѣетъ рѣшительно никакого матеріала" объ англійскихъ примирительныхъ и третейскихъ камерахъ. Если это грандіозное невѣжество Макса Гирша исключало возможность

всякихъ заимствованій у него со стороны Либкнехта и Швейцера, то легкомысленная поспѣшность, съ которою Гиршъ намѣревался все-таки приступить къ основанію нѣмецкихъ профессіональныхъ рабочихъ союзовъ, дѣлала тѣмъ болѣе желательнымъ, чтобы его планы были возможно скорѣе разстроены.

Тѣмъ временемъ воззваніе Швейцера и Фрицше произвело свое дѣйствіе въ нѣмецкихъ рабочихъ кругахъ. На рабочій конгрессъ, открывшійся 26 сентября, явилось 206 делегатовъ, представлявшихъ 142.008 рабочихъ въ 110 мѣстахъ, при томъ рабочихъ самыхъ различныхъ промысловъ. Наибольшее участіе принимали, какъ это вполнѣ естественно было, главные центры Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза: Берлинъ былъ представленъ 27-ю, а если считать сосѣдній Бранденбургъ, то даже 42 делегатами, изъ Гамбурга-Альтоны явилось 22, изъ Эльберфельда-Бармена—11, изъ Брауншвейга—7 делегатовъ. Немало делегатовъ было также прислано изъ южной Германіи, наприм., изъ Оффенбаха, Мангейма, Гейдельберга, Фрейбурга, Шпейера, Штутгарта, Аугсбурга, Вюрцбурга; были также представители изъ королевства Саксоні изъ Дрездена, Фрейберга, Глаухау и Лейпцига.

Прогрессистской партіи приходилось, такимъ образомъ, смотрѣть въ оба. Всего за два дня до открытія конгресса ей удалось созвать послѣдній остатокъ оставшихся ей вѣрными машиностроительныхъ рабочихъ, человѣкъ 400-500, среди которыхъ уже раздавались, однако, голоса, находившіе неразумнымъ сторониться отъ хорошаго дѣла только изъ-за того, что починъ въ немъ принадлежалъ соціалъ-демократамъ. Шульце-Деличу пришлось самому встать на защиту угрожаемой позиціи; онъ произнесъ рѣчь, гдѣ расхваливалъ себя, какъ прирожденнаго вождя рабочихъ, и шумѣлъ по поводу „праздной болтовни разныхъ негодяевъ". Собраніе выбрало 12 делегатовъ, которые должны были подъ предводительствомъ Макса Гирша посѣщать рабочій конгрессъ и протестовать „противъ организованія соціальной войны". Эта попытка разстроить конгрессъ не имѣла, конечно, успѣха, и когда Максъ Гиршъ въ первомъ засѣданіи сталъ дѣлать ненужныя пространныя замѣчанія, то онъ былъ удаленъ вмѣстѣ со своими приверженцами, а Шульце, призванный къ отвѣту по порученію Швейцера, заявилъ,—обнаруживая больше осторожности, нежели любви къ истинѣ,—что подъ „праздной болтовней разныхъ негодяевъ" онъ не разумѣлъ воззванія Швейцера и Фрицше. Эта противоположность геройскаго мужества снискала еще Шульце

весьма суровую резолюцію конгресса, заявившаго вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ берлинскихъ машиностроительныхъ рабочихъ онъ признаетъ своихъ братьевъ, удаленіе же ихъ делегатовъ было направлено только противъ лицъ, задавшихся цѣлью устроить скандалъ на конгрессѣ. Къ сожалѣнію, это заявленіе не успокоило оскорбленнаго корпоративнаго духа берлинскихъ машиностроительныхъ рабочихъ, которые теперь снова тѣснѣе примкнули къ прогрессистской партіи.

Въ прочихъ отношеніяхъ конгрессъ прошелъ вполнѣ мирно и привелъ, послѣ 4-дневныхъ трудовъ, къ основанію 10-ти рабочихъ союзовъ (Arbeiterschaften) объединенныхъ въ одинъ большой Союзъ (Verband). На словѣ „Arbeiterschaft" остановились потому, что большинство делегатовъ опасалось, какъ бы названіе „Gewerkschaft" (промысловый союзъ) не вызвало у многихъ рабочихъ непріятныхъ воспоминаній о цеховыхъ стремленіяхъ. Въ образовавшіеся тотчасъ же 10 рабочихъ союзовъ вошли сапожники, портные, каменщики, пекари, рабочіе по металлу, рабочіе по дереву, ручные и фабричные рабочіе, переплетчики, шорники, рабочіе, занятые въ горнозаводской промышленности и соляныхъ копяхъ, наконецъ, красильщики, ткачи и мануфактурные рабочіе. Для отдѣльныхъ союзовъ конгрессъ составилъ образцовые уставы, принятіе, измѣненіе или отклоненіе которыхъ было предоставлено всецѣло ихъ усмотрѣнію. Обязательны были для нихъ лишь правила Verband'a, въ который имъ предоставлено было вступать, какъ только число ихъ членовъ достигнетъ 500 человѣкъ. Самъ Verband былъ организованъ по образцу Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза, какъ боевое товарищество для побѣдоноснаго проведенія рабочихъ забастовокъ. Президіумъ, состоявшій изъ 3 членовъ и двухъ кандидатовъ къ нимъ, выбирался путемъ плебисцита всѣхъ членовъ. Общее собраніе должно было составляться изъ мѣстныхъ делегатовъ отъ отдѣльныхъ рабочихъ союзовъ, при чемъ каждому делегату принадлежало столько голосовъ, сколько членовъ было у рабочаго союза въ представленномъ имъ мѣстѣ. Наконецъ, въ комитетѣ каждый рабочій союзъ былъ представленъ однимъ уполномоченнымъ, располагавшимъ по одному голосу на каждые полные 500 членовъ своего союза. Комитету были предоставлены гораздо болѣе широкія полномочія, чѣмъ соотвѣтствующему органу Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза (правленію). Въ частности, ему одному принадлежало рѣшеніе вопроса, слѣдуетъ ли объявлять данную стачку дѣломъ Союза

союзовъ; комитетъ долженъ былъ представлять собою рѣшающую власть, президіумъ же—только исполнительную.

Изъ существующихъ уже профессіональныхъ союзовъ въ Союзъ вступили временно портные, подъ условіемъ, что на это согласится ихъ общее собраніе; затѣмъ, делегаты отъ сигарниковъ и плотниковъ заявили, что они будутъ настоятельно рекомендовать своимъ общимъ собраніямъ вступленіе въ Союзъ. Напротивъ, представитель союза типографскихъ рабочихъ отказался вступить, на томъ основаніи, что онъ уполномоченъ подать голосъ только за федеративное, а не за централистическое объединеніе отдѣльныхъ профессіональныхъ союзовъ. Конгрессъ послѣ продолжительныхъ преній отклонилъ предложеніе обождать съ учрежденіемъ Verband'а, пока не сорганизуются отдѣльные рабочіе союзы, и только потомъ созвать общее собраніе, — предложеніе, мотивированное тѣмъ, что не слѣдуетъ задѣвать самолюбіе „другихъ соціалистическихъ элементовъ". При этомъ ораторы большинства указали, что, при желаніи, на конгрессѣ могли имѣть своихъ представителей всѣ направленія нѣмецкаго рабочаго класса, что новое общее собраніе было бы сопряжено съ большими расходами и что необходимо лишить буржуазныхъ противниковъ рабочаго дѣла всякаго повода для новыхъ интригъ. Конгрессъ объявилъ себя первымъ общимъ собраніемъ и назначилъ первый президіумъ, въ который вошли Швейцеръ, Фрицше и фабричный рабочій Клейнъ изъ Эльберфельда. Точно также образовался тотчасъ первый комитетъ, для чего делегаты промысловъ, желавшихъ организоваться въ союзы, выбрали по одному уполномоченному. Органомъ Союза союзовъ былъ выбранъ „*Соціалъ-демократъ*".

Швейцеръ дважды писалъ Марксу по поводу конгресса: 15-го сентября и 8-го октября. Текстъ этихъ писемъ до сихъ поръ не опубликованъ, но зато мы знаемъ текстъ отвѣта, который Марксъ послалъ Швейцеру 13-го октября. Судя по этому отвѣту, Швейцеръ просилъ Маркса высказать свое мнѣніе относительно предложеній, внесенныхъ имъ въ конгрессъ, и быть третейскимъ судьей въ вопросѣ о профессіональномъ рабочемъ движеніи между Всеобщимъ Германскимъ Рабочимъ Союзомъ и нюрнбергскими ферейнами. Марксъ выразилъ готовность взять на себя посредничество и обѣщалъ полное безпристрастіе, прибавляя, что въ качествѣ секретаря Интернаціонала для Германіи онъ уже неоднократно призывалъ къ миру, и когда ему отвѣтили, что войну вызываетъ

самъ Швейцеръ, — въ доказательство чего ему были присланы выдержки изъ „*Соціалъ-демократа*", — то онъ заявилъ, что долженъ по необходимости ограничиться ролью безпристрастнаго третьяго лица при дуэли. Трудно говорить лояльнѣе, чѣмъ говоритъ здѣсь Марксъ, но и на этотъ разъ его не освѣдомили, какъ слѣдуетъ, о дѣйствительномъ положеніи вещей въ Германіи. Войны Швейцеръ не вызывалъ, и Марксъ, вѣроятно, самъ убѣдился въ этомъ изъ присланныхъ ему выдержекъ, гдѣ Швейцеръ только защищался противъ вызововъ, — иначе онъ врядъ ли писалъ бы Швейцеру въ такомъ дружественномъ тонѣ. Въ этомъ самомъ письмѣ онъ признаетъ „безусловно энергію и умъ", которыми отмѣчена дѣятельность Швейцера въ германскомъ рабочемъ движеніи; между тѣмъ „*Демократ. Еженедѣльникъ*" всего двумя недѣлями раньше Богъ знаетъ, въ который разъ, обвинялъ Швейцера въ измѣнѣ демократіи и соціализму.

Но при всей своей лояльности по отношенію къ Швейцеру, Марксъ былъ также искрененъ съ нимъ. Онъ не скрывалъ, что уставъ Союза рабочихъ союзовъ былъ принципіально несостоятеленъ. Насколько выбранная организація пригодна для тайныхъ обществъ и сектантскихъ движеній, настолько же она противорѣчитъ существу трэдъ-юніоновъ. Онъ считаетъ ее невозможной, но еслибы она даже была возможна, то она не была бы желательна, особенно для Германіи. Здѣсь, гдѣ рабочій съ малыхъ лѣтъ подчиненъ бюрократической дисциплинѣ и вѣритъ въ авторитетъ, въ предержащую власть,—здѣсь особенно важно научить его ходить самостоятельно. Сверхъ того, уставъ не можетъ способствовать „быстротѣ дѣйствій", къ которой стремится Швейцеръ: общее собраніе, комитетъ, весь излишній президіумъ, эти три независимыя власти различнаго происхожденія, будутъ повсюду приходить въ столкновенія другъ съ другомъ; у трэдъ-юніоновъ дѣло идетъ большей частью о денежныхъ вопросахъ, а въ нихъ прекращается всякое диктаторство. При всемъ томъ Марксъ допускалъ, что раціональной практикой, быть можетъ, удастся уничтожить въ большей или меньшей степени недостатки организаціи.

Марксъ порицалъ Швейцера за то, что онъ ставитъ классовому движенію требованіе занять подчиненную роль по отношенію къ сектантскому движенію. Этотъ упрекъ былъ вполнѣ справедливъ, поскольку Швейцеръ хотѣлъ отвести профессіональному движенію роль второстепеннаго вспомогательнаго средства для политической

организаціи. Но онъ былъ несправедливъ, поскольку Марксъ говорилъ въ этомъ письмѣ о Лассалѣ, какъ объ основателѣ секты, и о Всеобщемъ Германскомъ Рабочемъ Союзѣ, какъ о сектантскомъ движеніи; онъ былъ бы вдвойнѣ несправедливъ, еслибы Марксъ видѣлъ въ нюрнбергскихъ ферейнахъ и въ Саксонской народной партіи исключительныхъ носителей классоваго движенія среди германскаго пролетаріата, — чего онъ не высказывалъ и, быть можетъ, не думалъ также, но что̀ можно было вычитать между строкъ его письма. Такъ дѣла не обстояли въ Германіи. Напротивъ, положеніе было таково, что Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ представлялъ собою несравненно болѣе развитую форму классоваго движенія, чѣмъ нюрнбергскіе ферейны и Саксонская народная партія. Того самаго 13-го октября, когда Марксъ писалъ свое письмо въ Лондонѣ, „*Соціалъ-демократъ*" напечаталъ въ Берлинѣ статью Швейцера, объяснявшую понятіе и существо Интернаціонала вполнѣ въ духѣ Маркса. Въ статьѣ говорилось, что кто принадлежитъ къ Всеобщему Германскому Рабочему Союзу, тотъ принадлежитъ также къ Интернаціоналу, подобно тому какъ гражданинъ кантона Ури является, напримѣръ, также гражданиномъ Швейцаріи. Національныя организаціи рабочихъ необходимы, пока между отдѣльными культурными націями существуютъ большія различія, съ которыми пролетарская освободительная борьба должна считаться, но развитіе идетъ и должно быть поощряемо въ *томъ* направленіи, чтобы центральное руководство Интернаціонала все больше могло замѣнить дѣятельность національныхъ центровъ рабочаго движенія. Въ этихъ взглядахъ предъ нами всего менѣе выступаетъ глава секты, и то обстоятельство, что Марксъ ставилъ Швейцеру на видъ ошибки, отъ которыхъ тотъ чувствовалъ себя свободнымъ, невольно должно было умалить въ глазахъ Швейцера значеніе другихъ упрековъ, которые Марксъ дѣлалъ ему съ полнымъ основаніемъ. Но разъ Швейцеръ стоялъ на точкѣ зрѣнія, что профессіональное рабочее движеніе есть подчиненное вспомогательное средство политическаго движенія, то его рабочіе союзы были задуманы вполнѣ послѣдовательно и логично; его легкое отношеніе къ неодобренію Маркса было, вѣроятно, обусловлено еще однимъ обстоятельствомъ—признаніемъ его противниковъ изъ прогрессистскаго лагеря, что еслибы дѣло шло о войнѣ между капиталомъ и трудомъ, то его Союзъ рабочихъ союзовъ отлично организованъ.

Сами прогрессисты принялись тотчасъ по закрытіи рабочаго

конгресса основывать профессіональные союзы, кладя въ основу ихъ пресловутый принципъ, что между капиталомъ и трудомъ существуетъ гармонія интересовъ. Апостола сбереженія Шульце, окончательно сыгравшаго свою роль, долженъ былъ смѣнить апостолъ гармоніи Гиршъ. Затушевывая тотъ фактъ, что рабочіе, организованные въ трэдъ-юніоны, добились признанія ихъ фабрикантами за равноправныхъ людей въ третейскихъ и примирительныхъ камерахъ только путемъ многолѣтней и трудной борьбы, соединенной съ громадными жертвами, — затушевывая этотъ фактъ, Максъ Гиршъ воображалъ или дѣлалъ видъ, что воображаетъ, будто война, которой трэдъ-юніоны были исключительно обязаны своими успѣхами, составляла колоссальную ошибку, и относительный соціальный миръ, соблюдаемый англійскими фабрикантами изъ почтенія къ силѣ трэдъ-юніоновъ, представляетъ собою естественный порядокъ отношеній между трудомъ и капиталомъ. Нормальный уставъ прогрессистскихъ промысловыхъ союзовъ (такъ наз. Gewerkvereine) былъ скопированъ съ уставовъ большихъ англійскихъ трэдъ-юніоновъ, съ той лишь разницей, что онъ выбросилъ изъ нихъ самую существенную особенность: вступать въ союзы онъ приглашалъ предпринимателей такъ же, какъ рабочихъ, и Максъ Гиршъ заявлялъ, что „его“ профессіональные союзы отнюдь не должны обезпечивать „только права и интересы рабочихъ“, но въ такой же мѣрѣ—права и интересы ихъ эксплуататоровъ. Практическіе виды этой затѣи были основаны на предположеніи, что нѣмецкіе предприниматели добровольно дадутъ „благонамѣреннымъ“ промысловымъ союзамъ то, что̀ трэдъ-юніоны вырвали у англійскихъ предпринимателей путемъ борьбы. Первый заводчикъ, съ которымъ предполагалось сдѣлать пробу, былъ Борзигъ. Онъ долженъ былъ по просьбѣ прогрессистскаго союза машиностроительныхъ рабочихъ уволить одного мастера, давшаго пощечину рабочему; однако, когда Шульце-Деличъ и Максъ Гиршъ обратились по этому дѣлу къ паровозному королю, то онъ ограничился тѣмъ, что выпроводилъ ихъ, надававъ имъ нравственныхъ пощечинъ.

Можно было предвидѣть, что прогрессистскіе промысловые союзы потерпятъ скоро крушеніе. Что же касается сопротивленія, которое оказывала всему профессіональному движенію фракція графини Гацфельдтъ, правовѣрно цѣплявшаяся за слова Лассаля, то оно не имѣло большого значенія. Такимъ образомъ, въ вопросѣ о томъ, раздробится ли это движеніе, все зависѣло отъ того, вой-

детъ ли Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ въ соглашеніе съ нюрнбергскими ферейнами и Саксонской народной партіей. Марксъ сдержалъ свое обѣщаніе и вмѣшался въ примирительномъ смыслѣ: „*Демократ. Еженедѣльникъ*" писалъ о берлинскомъ рабочемъ конгрессѣ сравнительно дружелюбно. Затѣмъ Бебель, въ качествѣ предсѣдателя федераціи нѣмецкихъ рабочихъ ферейновъ, напечаталъ въ той же газетѣ выработанный имъ уставъ для нѣмецкихъ „профессіональныхъ рабочихъ товариществъ" (Gewerksgenossenschaften), гдѣ онъ избралъ средній, притомъ правильный средній путь между проектами Швейцера и Макса Гирша. Уставъ начиналъ постройку не съ крыши, а съ фундамента, и отказывался отъ всякой диктаторской централизаціи профессіональныхъ рабочихъ союзовъ, организуя вмѣсто этого отдѣльные промыслы, какъ крѣпкія соединенія для защиты интересовъ и правъ ихъ членовъ противъ капитала. Своей простой безпритязательностью уставъ производилъ болѣе благопріятное впечатлѣніе, чѣмъ громоздкое искусственное сооруженіе Швейцера и, тѣмъ болѣе, доктринерская болтовня прогрессистскаго устава; въ сравненіи съ ними онъ much more workmanlike (имѣетъ гораздо болѣе дѣловитый видъ),— замѣтилъ одинъ англійскій знатокъ трэдъ-юніоновъ.

Въ то же время собраніе делегатовъ отъ лейпцигскихъ промысловъ, засѣдавшее 26 ноября подъ предсѣдательствомъ Бебеля, приняло единогласно предложенную Либкнехтомъ резолюцію, согласно которой рабочіе союзы (Arbeiterschaften) Швейцера и профессіональныя рабочія товарищества (Gewerksgenossenschaften) нюрнбергскихъ ферейновъ должны, отказавшись отъ всякаго общенія съ прогрессистскими промысловыми союзами (Gewerkvereine), устроить по предварительному взаимному соглашенію профессіональное общее собраніе въ цѣляхъ объединенія и сліянія, до тѣхъ же поръ вступить въ договорное отношеніе другъ съ другомъ, въ особенности—поддерживать другъ друга своими кассами и, если возможно, избрать сообща временный комитетъ. Это предложеніе, ставшее имъ извѣстнымъ изъ „*Будущности*", президіумъ и комитетъ швейцеровскаго Союза рабочихъ союзовъ единогласно и рѣшительно отвергли 29 ноября. Въ принятой по этому поводу резолюціи они заявляли, что единство рабочихъ есть первое условіе для процвѣтанія профессіональныхъ союзовъ. Между тѣмъ основаніе третьей группы рабочихъ союзовъ способствуетъ розни: господа Бебель и Либкнехтъ могли бы поэтому не трудиться возстановлять при помощи предлагаемаго ими договор-

наго отношенія то единство, которое они сами нарушили. Если они дѣйствительно не хотятъ нарушать единства профессіональнаго рабочаго движенія, то ихъ долгъ вступить въ Союзъ рабочихъ союзовъ, агитировать въ его предѣлахъ за тѣ измѣненія, которыя имъ кажутся цѣлесообразными, и во всякомъ случаѣ — подчиниться большинству.

Такимъ образомъ раздробленность профессіональнаго движенія стала совершившимся фактомъ. Нельзя винить за это исключительно ту или другую сторону, другими словами—раздробленность, при всѣхъ своихъ прискорбныхъ послѣдствіяхъ, была дана существующими условіями. Еслибы объединительныя попытки оказались даже болѣе удачными, чѣмъ онѣ фактически были, то рано или поздно онѣ дошли бы все-таки до точки, гдѣ онѣ должны были рушиться. Трещина, проходившая черезъ нѣмецкій рабочій классъ, проникала еще слишкомъ глубоко, чтобы врачебное искусство могло въ одинъ день закрыть ее; она должна была совершенно обезкровиться, раньше чѣмъ могло произойти основательное заживленіе изнутри.

Глава VI.
Соціалъ-демократическая Рабочая Партія.

По закрытіи берлинскаго рабочаго конгресса, 10 октября 1868 г., Швейцеръ вмѣстѣ съ нѣкоторыми товарищами по партіи открылъ вновь Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ; чтобы по возможности отнять у властей всякіе формальные поводы къ придиркамъ и преслѣдованію рабочаго движенія, онъ произвелъ въ правилахъ о дѣлопроизводствѣ Союза тѣ измѣненія, которыя стали необходимыми вслѣдствіе различныхъ судебныхъ и полицейскихъ рѣшеній. Въ то же время Швейцеръ перенесъ мѣстонахожденіе Союза въ Берлинъ,—что также было поставлено ему въ тяжкую вину и даже квалифицировано, какъ „негодяйскій поступокъ", какъ выдача рабочаго движенія Бисмарку, хотя это была безспорно самая правильная тактика, какую могъ избрать Швейцеръ. Въ Лейпцигѣ или Гамбургѣ Союзъ не находился въ большей безопасности, чѣмъ въ Берлинѣ; какъ разъ въ Лейпцигѣ полиція открыла теперь злобный и мелочный походъ противъ начинающагося профессіональнаго рабочаго движенія. Напротивъ, если бы Союзъ началъ энергично развиваться въ центрѣ германской политики, при полной гласности и тщательномъ соблюденіи законовъ о союзахъ, то онъ могъ бы защитить себя противъ нападеній лучше, чѣмъ во всякомъ другомъ мѣстѣ.

Возможно, что пребываніе Союза въ Берлинѣ входило въ виды прусскаго правительства, получившаго такимъ путемъ возможность, смотря по потребностямъ своей политики, терпѣть или закрывать его; объ этомъ свидѣтельствуетъ, по крайней мѣрѣ, то обстоятельство, что несмотря на разныя придирки оно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не закрывало Союза, какъ таковаго. Съ тѣхъ поръ какъ буржуазія стала покорной прислужницей Бисмарка, его демагогическій интересъ къ рабочему движенію значительно охладѣлъ.

Докладная записка Дюринга, долженствовавшая быть актомъ государственнаго значенія, опустилась до степени приватнаго умозрѣнія; Вагенеръ издалъ ее подъ своей собственной фамиліей безъ разрѣшенія автора, который разозлился и возбудилъ противъ него процессъ. Тѣмъ не менѣе Бисмаркъ зналъ, что самое трудное испытаніе его политики еще впереди, и потому онъ въ концѣ 60-хъ гг. еще не предавался систематическому преслѣдованію рабочаго движенія, наиболѣе отвѣчавшему его сердечнымъ желаніямъ. То было межеумочное положеніе, которому Швейцеръ покорился, точно такъ, какъ Либкнехтъ и Бебель покорились межеумочному состоянію свободы печати въ Саксоніи; конечная его цѣль осталась прежняя: развить рабочее движеніе, несмотря на измѣнчивыя внѣшнія условія, въ такую силу, чтобы насильническая политика реакціоннаго полицейскаго государства не могла больше подавить ея даже временно.

Швейцеръ вправѣ былъ видѣть прекрасный успѣхъ въ томъ обстоятельствѣ, что закрытіе Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза не повлекло за собой разложенія въ рядахъ партіи. Послѣ трехнедѣльной остановки жизнь забилась въ ней съ тѣмъ большей силою и интенсивностью. Когда 1 декабря 1868 г. Швейцеръ приступилъ къ отбыванію 3-мѣсячнаго тюремнаго заключенія, то онъ имѣлъ возможность объявить въ рѣчи по поводу финансоваго положенія Союза, что съ начала слѣдующаго года будетъ открыта систематическая агитація при помощи платныхъ агитаторовъ,—чѣмъ была наконецъ достигнута цѣль, которую Лассаль поставилъ себѣ уже въ „Открытомъ письмѣ". На время заключенія Швейцера руководство Союзомъ взялъ на себя Тельке, переѣхавшій съ этой цѣлью въ Берлинъ; Фрицше взялъ на себя руководство Verband'омъ рабочихъ союзовъ, а Гассельманъ—„*Соціаль-демократомъ*". Въ началѣ 1869 г. нѣкоторые дополнительные выборы доказали возрастающую силу партіи. Въ Дуисбургѣ она впервые завоевала мандатъ, одержавъ побѣду уже при первой подачѣ голосовъ. Газенклеверъ побилъ 6.792 голосами обоихъ соперниковъ, какъ консерватора, такъ и національ-либерала. Въ Целле Іоркъ получилъ на главныхъ выборахъ 2.336 голосовъ, а на перебаллотировкѣ—5.259 голосовъ и былъ побѣжденъ лишь незначительнымъ большинствомъ.

Въ исходѣ 1868 г. Швейцеръ получилъ отпускъ изъ тюрьмы на нѣсколько недѣль, чтобы похоронить своего отца и привести въ порядокъ дѣла по наслѣдству. Онъ воспользовался своей сво-

бодой, чтобы распорядиться относительно президентскихъ выборовъ и созвать на Пасху общее собраніе въ Эльберфельдѣ-Барменѣ, а также чтобы наладить агитацію въ южной Германіи и въ королевствѣ Саксоніи. „*Демократ. Еженедѣльникъ*“ сдѣлалъ по этому поводу очень злыя замѣчанія: Швейцеръ получилъ, дескать, отпускъ по „семейнымъ дѣламъ“, чтобы сѣять рознь среди демократіи именно въ настоящій моментъ, когда созданію Бисмарка грозитъ тяжелый кризисъ. Фактическаго основанія эти злые намеки не имѣли: во-первыхъ, творенію Бисмарка не угрожалъ тяжелый кризисъ; во-вторыхъ, Швейцеръ дѣлалъ только то, что предписывали интересы Союза. Созваніе общаго собранія и назначеніе президентскихъ выборовъ должны были свидѣтельствовать о возрожденіи организаціи; они были уступками демократическому началу. Что касается агитаціи въ южной Германіи и Саксоніи, то Швейцеръ только исполнялъ постановленіе гамбургскаго общаго собранія.

Даже въ практическомъ проведеніи этого постановленія онъ не дѣйствовалъ самовластно и воспользовался своимъ пребываніемъ во Франкфуртѣ, чтобы обсудить вопросъ объ агитаціи въ южной Германіи вмѣстѣ съ 25 членами правленія и уполномоченными. По ихъ предложенію онъ поручилъ агитацію технику ф. Бонгорсту изъ Висбадена, сапожнику Кельшу изъ Майнца и рабочему по металлу Гауштейну изъ Оффенбаха, опредѣливъ продолжительность ея въ 6 недѣль и отпустивъ на нее изъ кассы Союза 200 талеровъ. Затѣмъ онъ въ Берлинѣ принялъ подобныя же мѣры относительно агитаціи въ королевствѣ Саксоніи, поручивъ ее гамбургскому портному Либишу и берлинскому сапожнику Шуману.

———

1. Агитація въ южной Германіи и въ Саксоніи.

Въ южной Германіи рабочее движеніе послѣ смерти Лассаля развивалось очень медленно. Старая ненависть къ Пруссіи, пробужденная вновь событіями 1866 г., перекинулась изъ мелко-буржуазныхъ въ пролетарскіе круги и создала среди нихъ недружелюбное отношеніе ко Всеобщему Германскому Рабочему Союзу.

Особенно въ Вюртембергѣ соціалъ-демократическая агитація не сумѣла пустить нигдѣ прочныхъ корней до 1869 г. Правда, иллюзіи Шульце вымерли въ федераціи вюртембергскихъ рабочихъ ферейновъ; быстрота, съ которой крупный капиталъ сметалъ съ

лица земли всякія мелкія учрежденія самопомощи, артели ткачей, банки для ремесленниковъ, товарищества для постройки рабочихъ жилищъ, скоро раскрыла глаза рабочимъ. Во время австро-прусской войны федерація устроила въ Биберахѣ годичное собраніе, участники котораго обнаружили рѣшительную склонность заниматься политическими вопросами, къ величайшей досадѣ разныхъ Эдуардовъ Пфейфферовъ, Киліановъ Штейнеровъ, Густавовъ Зиглей и прочихъ биржевыхъ и фабричныхъ магнатовъ Штутгарта, которые до тѣхъ поръ задавали тонъ въ образовательныхъ рабочихъ ферейнахъ. Ихъ гнѣвъ имѣлъ то послѣдствіе, что мѣстопребываніе федераціи было перенесено на общемъ собраніи 1867 г. изъ Штутгарта въ Гёппингенъ, гдѣ она съ тѣхъ поръ и оставалась; здѣсь же выходила, въ качествѣ ея органа, маленькая ежемѣсячная газета. Господа Пфейфферы съ компаніей удержали подъ своей опекой только штутгартскій рабочій ферейнъ, которымъ они заправляли черезъ надсмотрщиковъ и мастеровъ, служившихъ на фабрикахъ красокъ Зигля. Рядомъ съ нимъ существовалъ въ Штутгартѣ демократическій рабочій ферейнъ. Но если федерація и порвала съ Шульце, то она все-таки примыкала пока только къ швабской Народной партіи, національная касса которой покрыла также расходы по представительству федераціи на нюрнбергскомъ съѣздѣ. Въ началѣ 1869 г. въ федераціи числился 21 ферейнъ съ 1.564 членами; послѣ саксонскихъ ферейновъ они составляли самую сильную опору нюрнбергскаго большинства. Въ январьскомъ нумерѣ органа вюртембергской федераціи была объявлена война агитаторамъ Швейцера, если бы они вздумали появиться гдѣ-либо въ Швабской землѣ.

Въ большей части южной Германіи положеніе дѣла было таково же, какъ въ Вюртембергѣ, а мѣстами, даже въ высоко-развитыхъ промышленныхъ центрахъ, пролетарское движеніе получило еще меньшее развитіе. Старые рабочіе ферейны Фюрта и Нюрнберга остались и послѣ нюрнбергскаго съѣзда на буксирѣ у прогрессистовъ, и лишь самые передовые рабочіе стояли здѣсь на точкѣ зрѣнія Народной партіи. Въ Фюртѣ они были организованы въ рабочій ферейнъ „Будущность“, занимавшійся больше политическими вопросами, чѣмъ соціальными, и относившійся враждебно къ лассалевскому движенію, не понимая еще классоваго характера этого послѣдняго. Въ ферейнѣ имѣли вѣскій голосъ буржуазные демократы, но ихъ вліяніе нашло себѣ скоро противовѣсъ въ позументщикѣ Габріелѣ Левенштейнѣ, предсѣда-

телѣ ферейна. Левенштейнъ предсѣдательствовалъ рядомъ съ Бебелемъ на нюрнбергскомъ съѣздѣ; будучи необыкновенно практическимъ и дѣятельнымъ талантомъ, онъ сумѣлъ на ближайшихъ вопросахъ городского хозяйства и въ борьбѣ съ городской кликой выяснить себѣ и своимъ товарищамъ классовые интересы пролетаріата. Въ Нюрнбергѣ отъ стараго рабочаго ферейна откололась послѣ съѣзда небольшая часть, организовавшаяся самостоятельно подъ названіемъ „Піонеровъ", а затѣмъ—„Образовательнаго рабочаго ферейна". Это была маленькая кучка, которая сначала вела довольно идиллическое партійное существованіе, всегда исполненная бодраго настроенія и всегда безъ денегъ. Постепенно они крѣпко прижали, однако, старый рабочій ферейнъ, который съ своей стороны открылъ, что прогрессистскіе заправилы обращаютъ на него вниманіе лишь тогда, когда онъ имъ нуженъ; сверхъ того, этому ферейну нанесъ непоправимый ударъ крахъ одного потребительнаго общества, съ которымъ онъ находился въ тѣсныхъ сношеніяхъ.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы по ту сторону Майна Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ не сдѣлалъ ровно никакихъ успѣховъ. Изъ Майнца его пропаганда проникла въ Вормсъ, Гейдельбергъ и особенно въ Мангеймъ, гдѣ вокругъ его знамени собралось скоро 400 членовъ. Въ Аугсбургѣ продолжала держаться энергичная стойкая группа приверженцевъ Союза, во главѣ которой стоялъ теперь наборщикъ Таушеръ. Вмѣстѣ съ наборщикомъ Неффомъ Таушеръ агитировалъ также въ Мюнхенѣ, куда Неффъ скоро переселился, чтобы сообща съ наборщикомъ Францемъ работать среди пролетаріата баварской столицы. Неутомимому рвенію этихъ лицъ удалось организовать развѣтвленія Союза въ Ансбахѣ, Вюрцбургѣ, Швейнфуртѣ, Гофѣ, Кауфбейренѣ и Кольбеморѣ, но ни въ Фюртѣ, ни въ Нюрнбергѣ Союзъ, при всѣхъ ихъ усиліяхъ, не пустилъ прочныхъ корней.

Тѣмъ временемъ экономическое развитіе опрокинуло бумажныя стѣны, за которыми окопалась свирѣпая пруссофобія южно-нѣмецкаго партикуляризма. Трезвый таможенный союзъ не позволялъ шутить съ собою. Возобновленіе его настолько лежало въ интересахъ буржуазіи и пролетаріата, что тамъ, гдѣ эти большіе классы современнаго гражданскаго общества ясно сформировались, они безжалостно игнорировали страданія захолустнаго духа, былъ ли этотъ духъ монархическимъ, или республиканскимъ. Когда баварская верхняя палата заупрямилась противъ возобновленія договоровъ о таможенномъ союзѣ, то Таушеръ созвалъ на 29 ок-

тября 1867 г. собраніе въ залѣ „Къ тремъ королямъ", куда явились съ одобренія своихъ предпринимателей тысячи рабочихъ. Таушеръ прочелъ громовымъ голосомъ и при бурномъ одобреніи присутствующихъ проектъ адреса верхней палатѣ, гдѣ ей ставилось категорическое требованіе утвердить договоры о таможенномъ союзѣ. Хотя самъ Таушеръ уже выбралъ рѣзкій языкъ, необходимый для просвѣтленія юнкерскихъ головъ, однако нѣкоторымъ либеральнымъ журналистамъ форма адреса показалась еще „слишкомъ солидной", и они предложили вставить фразу, гдѣ верхней палатѣ давалось обѣщаніе, что если она будетъ дольше упираться, то услышитъ кулаки рабочихъ у своихъ дверей. Съ этимъ охотно принятымъ украшеніемъ адресъ былъ посланъ въ Мюнхенъ, а два дня спустя юнкеры „прыгали черезъ палку"...

Весною 1868 г. состоялись въ южной Германіи, на основаніи договоровъ о таможенномъ союзѣ, выборы въ таможенный парламентъ. За рабочихъ кандидатовъ было подано всего нѣсколько сотъ голосовъ, за Таушера въ Аугсбургѣ—152, но практическое пользованіе всеобщимъ избирательнымъ правомъ не осталось безъ прочнаго вліянія на южно-германскихъ рабочихъ. Не осталось безъ вліянія и профессіональное рабочее движеніе, происходившее въ сѣверной Германіи. Союзъ сигарныхъ рабочихъ распространилъ свою дѣятельность на Мангеймъ и далѣе на Штутгартъ, гдѣ типографскіе рабочіе также имѣли крѣпкую организацію, охватывавшую почти всѣхъ подмастерьевъ. Въ Аугсбургѣ за самое короткое время организовались 1.500 рабочихъ, въ томъ числѣ 800 мануфактурныхъ рабочихъ и 400 рабочихъ по металлу. Въ Нюрнбергѣ рабочіе по металлу, сапожники и портные также начали объединяться. Въ самыхъ различныхъ мѣстахъ южно-германскій пролетаріатъ пришелъ въ движеніе, и такимъ образомъ предзнаменованія, при которыхъ начали свою агитацію Бонгорстъ, Кельшъ и Гауштейнъ, были довольно благопріятны.

Однако южно-германская буржуазія сумѣла оцѣнить опасность и пустила въ ходъ всѣ средства, чтобы отразить страшныхъ пришельцевъ. Это удалось ей въ Карлсруэ и Пфорцгеймѣ, но тѣмъ болѣе постыдное пораженіе она потерпѣла во Фрейбургѣ, гдѣ „апостоламъ травли" загородилъ путь старый Венедей, котораго поддержалъ при этомъ случаѣ молодой и подающій надежды мыслитель Адольфъ Вагнеръ, обнаружившій, по достовѣрному свидѣтельству капиталистической прессы, „уничтожающее" краснорѣчіе. Но, съ другой стороны, эта побѣда осталась един-

ственнымъ крупнымъ успѣхомъ, достигнутымъ агитаторами на дѣвственной еще почвѣ. Въ прочихъ мѣстахъ они лишь дали новый толчокъ агитаціи тамъ, гдѣ она уже существовала: такъ происходило, напр., дѣло въ Вормсѣ, Гейдельбергѣ, Мангеймѣ, затѣмъ—въ Аугсбургѣ, Мюнхенѣ и Вюрцбургѣ. Въ Фюртѣ и Нюрнбергѣ, куда ихъ сопровождалъ Таушеръ, имъ пришлось схватиться и съ прогрессистами и съ приверженцами Народной партіи. Собраніе въ Фюртѣ было распущено полиціей, а на нюрнбергскомъ побѣдили народники. Вюртембергъ агитаторы обошли, за исключеніемъ небольшой экскурсіи въ Ульмъ, но и здѣсь ледъ былъ вскорѣ послѣ этого разбитъ: около Троицына дня 1869 г. мебельщикъ Лейкгардтъ, родомъ штутгартецъ, работавшій два года среди гамбургскихъ членовъ Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза, вернулся назадъ въ свой родной городъ и началъ соціалистическую агитацію.

Для перваго начала южно-германскіе агитаторы имѣли достаточный успѣхъ, и шумъ, поднятый буржуазной печатью, доказывалъ, какой страхъ испытываютъ ея покровители, несмотря на нѣсколько пирровыхъ побѣдъ, еще одержанныхъ ими. Болѣе неблагопріятные результаты дала агитація въ королевствѣ Саксоніи, несмотря на то, что Либишъ и Шуманъ старались, не щадя себя, выполнить свою задачу. Имъ приходилось возстанавливать единство нѣмецкаго рабочаго движенія, парализовать „сепаратныя стремленія“ графини Гацфельдтъ и „господъ Бебеля и Либкнехта“, но такой трудъ былъ выше ихъ силъ. Правда, Союзъ графини Гацфельдтъ находился уже въ состояніи внутренняго разложенія, но борьба противъ профессіональныхъ рабочихъ союзовъ какъ разъ теперь зажгла опять фанатизмъ секты, и на дополнительныхъ выборахъ въ Фрейбергѣ, происходившихъ въ мартѣ 1869 г., былъ выбранъ въ рейхстагъ Менде, одержавшій побѣду надъ консервативно-партикуляристскимъ кандидатомъ. Тѣмъ не менѣе этого противника легко можно было бы одолѣть, если бы саксонскіе агитаторы не были вынуждены растратить свои лучшія силы въ борьбѣ съ рабочими и народными ферейнами, группировавшимися вокругъ „*Демократическаго Еженедѣльника*“.

Въ политическомъ отношеніи этотъ органъ продолжалъ держаться пруссофобско-народническаго курса; въ своемъ новогоднемъ нумерѣ отъ 1869 г. онъ привѣтствовалъ „обновленную“ Австрію, которая стоитъ въ боевой готовности, чтобы отмстить за вѣроломное нападеніе 1866 г. Въ рѣзкую противоположность

этому „*Соціалъ-демократъ*" писалъ одновременно о „либеральномъ шарлатанствѣ австрійскихъ буржуа", обнаруживающемъ по отношенію къ рабочимъ большую безжалостность, произволъ и злобность, чѣмъ это когда-либо было видано въ Пруссіи. Недолго спустя послѣ этого Марксъ также сказалъ, что въ Австріи либеральный средній классъ больше, чѣмъ гдѣ-либо, выставляетъ напоказъ свои себялюбивые инстинкты, свое умственное убожество и мелочную злобу противъ рабочаго класса. Точно такъ же Альбертъ Ланге не находилъ достаточно рѣзкихъ выраженій для характеристики жалкаго либерализма, которымъ Бейстъ пытался лицемѣрно прикрыть самыя отвратительныя реакціонныя мѣры. Но наряду съ односторонней пруссофобіей, пролетарскій характеръ „*Демократическаго Еженедѣльника*" сталъ гораздо рѣзче выступать съ тѣхъ поръ, какъ „Федерація нѣмецкихъ рабочихъ ферейновъ" избрала его въ декабрѣ 1868 г. своимъ органомъ. Ослабленная нюрнбергскимъ расколомъ, федерація принуждена была прекратить изданіе „*Arbeirterhalle*" въ Мангеймѣ. Въ „*Демократическомъ Еженедѣльникѣ*" Бебель редактировалъ теперь „мѣстный и рабочій отдѣлъ", при чемъ онъ мало занимался высшей политикой, но тѣмъ убѣдительнѣе и искуснѣе проводилъ мысль о необходимости крѣпче организовать весьма недостаточно еще сплоченную федерацію. Въ этомъ дѣлѣ его энергично поддерживалъ Моттелеръ, который могъ сравниться съ нимъ по своимъ организаторскимъ способностямъ; Моттелеръ развивалъ въ Криммичау весьма успѣшную политическую и трэдъ-юніонистскую пропаганду, особенно среди рабочихъ текстильной промышленности.

Изъ 72 ферейновъ нюрнбергскаго большинства пять постепенно выступили по различнымъ причинамъ, зато въ теченіе года прибавилось 42 новыхъ, такъ что федерація считала 109 ферейновъ съ 10.000 членовъ. Тѣмъ не менѣе ей приходилось бороться съ величайшими трудностями, въ особенности финансовыми. Такъ какъ годичный взносъ каждаго члена въ кассу федераціи равнялся всего 1 зильбергрошену, то годовой доходъ ея составлялъ нѣсколько болѣе 300 талеровъ, изъ которыхъ нужно было покрывать не только агитаціонные и организаціонные расходы, но и значительные дефициты „*Демократическаго Еженедѣльника*". Въ циркулярномъ письмѣ къ членамъ федераціи отъ марта 1869 г. Бебель призывалъ къ добровольнымъ экстреннымъ взносамъ, указывая на то, что касса федераціи все еще вынуждена прибѣгать къ „поддержкѣ постороннихъ друзей, стоящихъ внѣ нашего

тѣснаго круга". Этими друзьями были архитекторъ Деммлеръ изъ Шверина, столь же честный демократъ, сколько видный художникъ, и въ особенности революціонный фондъ, собранный нѣкогда въ Соединенныхъ Штатахъ Кинкелемъ и Виллихомъ, а теперь управляемый Ладендорфомъ и другими эмигрантами въ Цюрихѣ. Изъ этого фонда федерація нѣмецкихъ рабочихъ ферейновъ получила въ разное время 3.500 франковъ, истраченныхъ большей частью на „*Демократическій Еженедѣльникъ*".

Въ эту трудную реорганизаціонную работу ворвалась теперь враждебная агитація Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза, и необходимость дать ей отпоръ поглотила и безъ того незначительныя суммы, которыя могли бы быть употреблены на болѣе полезныя цѣли. Этимъ объясняется крайнее озлобленіе, съ которымъ Бебель и Либкнехтъ напали на Швейцера, и успѣхъ ихъ обвиненій у саксонскихъ рабочихъ. Они сами подчеркивали при этомъ, что стоятъ на одинаковой принципіальной почвѣ съ Всеобщимъ Германскимъ Рабочимъ Союзомъ; дѣйствительно, первое собраніе лейпцигскихъ рабочихъ, въ которомъ Бебель и Либкнехтъ выступили противъ Шумана, кончилось 11 февраля постановленіемъ созвать на 7-е марта въ Гогенштейнѣ-Эрнстталѣ, въ связи съ собраніемъ Саксонской народной партіи, саксонскій рабочій съѣздъ, чтобы открыть агитацію противъ саксонской реакціи, начавшей теперь выпускать свои когти. Для созванія этого рабочаго съѣзда былъ назначенъ комитетъ, гдѣ рядомъ съ приверженцемъ графини Гацфельдтъ засѣдали по три члена Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза и Саксонской народной партіи. Происходившее три дня спустя второе собраніе лейпцигскихъ рабочихъ, гдѣ говорилъ Либишъ, также кончилось своего рода объединительной попыткой: внесеніемъ предложенія, чтобы Либкнехтъ и Швейцеръ объяснились въ публичномъ собраніи относительно ихъ взаимныхъ обвиненій. Правда, впослѣдствіи такъ и не удалось выяснить съ точностью, было ли предложеніе принято или отклонено. Однако Либкнехтъ, наравнѣ съ Бебелемъ отсутствовавшій въ собраніи, выразилъ въ публичномъ заявленіи готовность доказать одинъ или вмѣстѣ съ Бебелемъ, въ Лейпцигѣ или въ Берлинѣ, въ ближайшемъ общемъ собраніи Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза или въ третейскомъ судѣ предъ генеральнымъ совѣтомъ Интернаціонала, что Швейцеръ за деньги или по личной склонности систематически препятствуетъ съ конца 1864 г. организаціи рабочей партіи, что онъ играетъ въ руку бисмарков-

скому цезаризму и разстраиваетъ всѣ попытки достигнуть объединенія партіи. „*Соціалъ-демократъ*“ принялъ этотъ вызовъ: Бебель и Либкнехтъ получили официіальное приглашеніе явиться на общее собраніе Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза и тамъ обосновать свои обвиненія противъ Швейцера.

---

2. Эйзенахскій конгрессъ.

Пока происходили всѣ эти событія, Швейцеръ сидѣлъ уже опять въ тюрьмѣ. Но Тельке могъ быть увѣренъ, что, принимая вызовъ Либкнехта, онъ дѣйствуетъ въ духѣ Швейцера. Для послѣдняго не могло быть ничего желаннѣе попытки Либкнехта посадить его на скамью подсудимыхъ. Избранный какъ разъ передъ этимъ почти единогласно въ президенты, Швейцеръ получилъ такимъ образомъ вотумъ довѣрія отъ Союза, который не могъ утвердить извѣстныхъ обвиненій Либкнехта, не отрекаясь отъ своей 6-тилѣтней исторіи. Поэтому, когда Швейцеръ былъ снова выпущенъ 5 марта изъ тюрьмы въ виду открытія сѣверогерманскаго рейхстага, то онъ заявилъ, что постарается доставить не-членамъ возможность явиться въ общемъ собраніи и предъявить свои обвиненія противъ него. Но онъ прибавилъ, что не думаетъ перебраниваться со всякимъ, кому придетъ въ голову нападать на него. Его поведеніе и дѣятельность проходили настолько открыто предъ всѣми, что если кто изъ его приверженцевъ считаетъ еще нужной защиту, то можетъ самъ вести ее.

Высокомѣрный тонъ, взятый Швейцеромъ, отнюдь не служилъ прикрытіемъ для нечистой совѣсти. Оглядываясь назадъ на послѣднее 5-лѣтіе, Швейцеръ вправѣ былъ сказать себѣ, что онъ энергичнѣе содѣйствовалъ развитію германскаго рабочаго движенія, чѣмъ какое-либо другое лицо; вполнѣ понятно было, если онъ противопоставлялъ твердую самоувѣренность вѣчнымъ толкамъ объ его предательствѣ. При всемъ томъ ему слѣдовало бы помнить о поговоркѣ, что „высокомѣріе приходитъ передъ паденіемъ“. Несчастье всякой диктатуры состоитъ въ томъ, что диктаторъ никогда не бываетъ способенъ распознать, когда его диктатура начинаетъ становиться излишней. Не только самъ Швейцеръ, но и значительное большинство членовъ считало еще необходимымъ диктаторское руководство Союзомъ, и въ пользу такого взгляда можно было привести пока очень серьезные доводы.

Тѣмъ не менѣе, чѣмъ больше рабочее движенiе крѣпло, чѣмъ обширнѣе становилась область его распространенiя, тѣмъ болѣе оно ускользало изъ-подъ руководства одного лица. Высокомѣрiе, которое началъ выказывать Швейцеръ, было фактически началомъ конца: во-первыхъ, оно невольно свидѣтельствовало, что диктатура внутренно пережила себя; во-вторыхъ, Швейцеръ попалъ, такимъ образомъ, на наклонную плоскость, по которой ему суждено было неудержимо скользить внизъ.

Извѣстная оппозицiя противъ него давно проснулась во Всеобщемъ Германскомъ Рабочемъ Союзѣ. Люди, въ родѣ Бракке, Iорка или Гейба, снискавшаго себѣ большое уваженiе среди гамбургскихъ рабочихъ самоотверженной и неутомимой дѣятельностью въ пользу рабочаго класса, видѣли въ Саксонской народной партiи и въ федерацiи нѣмецкихъ рабочихъ ферейновъ не столько внѣшнюю скорлупу Народной партiи, сколько бодрое пробужденiе пролетарскаго классового сознанiя, и обнаружили этимъ большую прозорливость, чѣмъ Швейцеръ. Еще рѣшительнѣе сблизились съ саксонскими рабочими лассальянскiе членскiе кружки въ Тюрингiи, такъ какъ пруссофобскiй пессимизмъ первыхъ сталъ имъ вполнѣ понятенъ, съ тѣхъ поръ какъ они, сверхъ привычныхъ золъ мелкаго государства, получили еще на шею прусскаго экзекутора и фельдфебеля. Въ самомъ Берлинѣ диктатура Швейцера привела ко всякимъ личнымъ дрязгамъ въ его ближайшемъ кругу, въ особенности съ секретаремъ Союза Роллеромъ и еще болѣе—съ Гофштеттеномъ, который послѣ своего полнаго фiаско въ Вѣнѣ, потребовалъ себѣ опять права сораспоряженiя въ „*Соцiалъ-демократѣ*", увѣряя, что при отъѣздѣ въ Вѣну онъ отказался отъ него лишь временно, а не окончательно, какъ утверждалъ Швейцеръ.

Въ возникшемъ отсюда непрiятномъ спорѣ нельзя и теперь еще разобраться съ полной ясностью. О какомъ-нибудь обманѣ со стороны Швейцера въ уголовномъ смыслѣ не могло, конечно, быть и рѣчи, потому что, во-первыхъ, „*Соцiалъ-демократъ*" никогда не былъ имущественнымъ объектомъ, а во-вторыхъ, Швейцеръ вполнѣ признавалъ право Гофштеттена на половину чистаго дохода отъ изданiя, если бы таковой оказался. Къ тому же газета, какъ духовная сила, не была созданiемъ Гофштеттена, а Швейцера, и такъ какъ Гофштеттенъ заявлялъ открыто, что онъ противъ швейцеровской политики, то возрожденiе его права сораспоряженiя совершенно парализовало бы органъ Союза. Слѣдовательно, если Швейцеръ даже поступилъ со своимъ старымъ товарищемъ не

по товарищески,—что теперь такъ же трудно рѣшить, какъ тогда, ибо уговоръ, о которомъ шла рѣчь, происходилъ между Швейцеромъ и Гофштеттеномъ съ глазу на глазъ,—то онъ сдѣлалъ это не ради денегъ, а ради своего политическаго вліянія. Но именно потому жалобы Гофштеттена усилили недовѣріе къ диктатурѣ Швейцера у всѣхъ тѣхъ, въ комъ оно уже зародилось по другимъ причинамъ.

Швейцеръ принялъ еще одну мѣру для обезпеченія своего права собственности на органъ Союза: съ тѣхъ поръ, какъ Союзъ открылся вновь, онъ отказался отъ всякаго пособія изъ союзной кассы, а появившійся опять дефицитъ по изданію, выходившему въ значительно увеличенномъ размѣрѣ, онъ сталъ покрывать изъ собственнаго кармана, изъ наслѣдства, которое получилъ по смерти отца. Этимъ онъ навлекъ, однако, на себя odium жалобъ на редакцію, которую многіе обвиняли въ томъ, что она обнаруживаетъ въ помѣщеніи статей пристрастность и чрезмѣрную суровость.

Всѣ эти поводы къ неудовольствію не грозили еще, однако, серьезной опасностью положенію Швейцера, и онъ со спокойной увѣренностью ждалъ предстоящаго общаго собранія. На этотъ разъ Швейцеръ созвалъ его въ Эльберфельдъ-Барменъ, гдѣ дымящаяся фабричная труба, этотъ символъ крупной промышленности, на каждомъ шагу возвѣщаетъ о жгучемъ вопросѣ нашего вѣка; подобно Гамбургу въ предшествующемъ году, городъ этотъ былъ выбранъ имъ съ цѣлью выразить уваженіе мѣстнымъ рабочимъ, которые первые сумѣли съ безпримѣрной стойкостью и непреклоннымъ мужествомъ использовать оружіе всеобщаго избирательнаго права. Самъ Швейцеръ внесъ въ общее собраніе только одно предложеніе: чтобы Союзъ тѣснѣе примкнулъ къ Интернаціоналу, насколько это позволяютъ германскіе законы о союзахъ; въ мотивировкѣ онъ выдвинулъ, какъ рѣшающее соображеніе въ пользу международнаго объединенія пролетаріата, фактъ существованія международной связи между реакціонными и враждебными народу элементами: между открытымъ и замаскированнымъ абсолютизмомъ, военщиной, дворянствомъ и попами, силой капитала. Тѣмъ многочисленнѣе были предложенія, заявленныя изъ среды Союза. Большинство ихъ касалось отдѣльныхъ вопросовъ агитаціи и пропаганды, но нѣкоторыя стремились ограничить диктатуру президента, либо путемъ сосредоточенія правленія въ одномъ мѣстѣ, либо путемъ назначенія комиссіи о печати, либо путемъ отдѣленія пре-

зидіума отъ союзнаго органа. Дальше всѣхъ шли аптекарь Фогель и три другихъ члена изъ Берлина, объявившіе излишнимъ „предводительство извѣстныхъ лицъ" и предложившіе созвать конгрессъ, на которомъ всѣ соціалъ-демократическіе элементы Германіи столковались бы насчетъ общей программы и общей организаціи.

Восьмое общее собраніе было открыто 28 марта 1869 г.; на немъ были представлены 126 мѣстъ 57 делегатами, за которыми стояло 12.053 членовъ, правильно уплачивающихъ взносы. Либкнехтъ и Бебель, которые были выслушаны въ первый же день, выставили противъ Швейцера обвиненія, извѣстныя изъ „*Демократич. Еженедѣльника*": Швейцеръ учинилъ, молъ, предательство въ рейхстагѣ, онъ призналъ Сѣверо-германскій союзъ, произнесъ рѣчь въ пользу военнаго закона, назвалъ Нюрнбергскую программу галиматьей, не допустилъ нюрнбергскихъ ферейновъ на рабочій конгрессъ и т. д. Одинъ делегатъ изъ Дуисбурга тотчасъ предложилъ высказать президенту Союза полное довѣріе нѣмецкихъ рабочихъ, такъ какъ объясненія Либкнехта и Бебеля не содержатъ ничего новаго и важнаго; это предложеніе было бы принято единогласно или почти единогласно, если бы Швейцеръ, разыгравъ несвоевременно диктатора, не испортилъ самъ весьма благопріятнаго для него положенія.

Онъ остался на своей старой точкѣ зрѣнія: сліяніе съ другими партіями невозможно; кто хочетъ быть соціалъ-демократомъ, тотъ долженъ примкнуть къ Всеобщему Германскому Рабочему Союзу. Но вполнѣ возможны мирныя и дружественныя отношенія къ другимъ партіямъ, преслѣдующимъ однородныя цѣли; на это онъ охотно согласится, если Бебель и Либкнехтъ изложатъ ему свои желанія, какъ выборному президенту Союза, вмѣсто того, чтобы постоянно нападать на него и расшатывать организацію Союза. Что касается поднятыхъ противъ него обвиненій, то Швейцеръ не сталъ вдаваться въ нихъ по существу, а просто потребовалъ вотума довѣрія — не къ его управленію вообще, которое еще должно быть обревизовано общимъ собраніемъ, но какъ признанія несостоятельности обвиненій, выставленныхъ Бебелемъ и Либкнехтомъ. На это многіе делегаты не могли, однако, рѣшиться, не потому, чтобы они вообще отказывали Швейцеру въ вотумѣ довѣрія, а потому, что они хотѣли составить себѣ мнѣніе только по разсмотрѣніи общаго состоянія Союза. Послѣ продолжительныхъ дебатовъ о порядкѣ дня вотумъ довѣрія былъ при-

нятъ 42 делегатами, представлявшими 7.400 голосовъ, тогда какъ 14 делегатовъ съ 4.635 голосами воздержались отъ голосованія. Въ большинствѣ находились Бонгорстъ, Эльнеръ, Фрицше, Газенклеверъ и Тельке, въ меньшинствѣ—Бракке, Гейбъ, І. М. Гиршъ, Перль, Фогель, Іоркъ.

Голосованіе было чувствительнымъ ударомъ для Швейцера, но не предостерегающимъ урокомъ. Во второй день совѣщаній, когда Бебель и Либкнехтъ больше не присутствовали, Швейцеръ заявилъ, что въ глазахъ внѣшняго міра меньшинство делегатовъ покинуло его въ трудномъ положеніи, и потому онъ предложитъ членамъ тѣхъ мѣстъ, которыми эти делегаты посланы, чтобы они произвели у себя плебисцитъ для рѣшенія вопроса, продолжаютъ ли они дарить его своимъ довѣріемъ, или нѣтъ. Делегаты меньшинства отвѣтили на это,—при чемъ нѣкоторые рѣзко нападали на Либкнехта и Бебеля,—что своимъ воздержаніемъ отъ голосованія они отнюдь не думали выносить вотумъ недовѣрія: они только не хотѣли поддаваться никакому давленію и вообще не считали своей задачей по всякому случаю прибѣгать на сцену и защищать президента. Изъ рѣчей ихъ явствовало, что дѣйствительное недовѣріе къ Швейцеру питаютъ въ худшемъ случаѣ только нѣсколько делегатовъ, напр., І. М. Гиршъ, представлявшій тюрингенскихъ членовъ, и Фогель, взявшій однако свои предложенія обратно, такъ какъ они не имѣли никакихъ шансовъ на успѣхъ. Однако рѣчи меньшинства показывали, что диктаторское поведеніе Швейцера подготовило путь для предложеній, имѣвшихъ цѣлью поставить власть призидента подъ болѣе строгій контроль.

Такъ, общее собраніе постановило назначить редакціонную комиссію изъ 3 членовъ, въ качествѣ апелляціонной инстанціи надъ „*Соціалъ-демократомъ*", и предоставить правленію большее поле дѣйствій, чѣмъ оно когда-либо имѣло до тѣхъ поръ въ жизни Союза. Число членовъ правленія было уменьшено съ 25-ти до 15-ти, при чемъ 12, т.-е. всѣ, кромѣ президента, секретаря и кассира, должны были жить въ одномъ, ежегодно мѣняющемся мѣстѣ и составить своего рода контроль нуюкомиссію надъ тремя названными должностными лицами Союза. Съ этой цѣлью срокъ, въ теченіе котораго президентъ обязанъ былъ, по уставу, испросить согласіе правленія на самостоятельно сдѣланныя имъ распоряженія, былъ сокращенъ съ 3 мѣсяцевъ до 8 дней. Точно также правленіе получило право устранять отъ ихъ должностей пре-

зидента, секретаря и кассира „въ случаяхъ политической нечестности или грубаго нарушенія правилъ о веденіи кассы". Подобное устраненіе нуждалось однако въ окончательномъ утвержденіи экстреннымъ общимъ собраніемъ или референдумомъ среди всѣхъ членовъ Союза въ теченіе 14-дневнаго срока. Всѣ перечисленныя правила, поскольку они заключали въ себѣ измѣненія устава, подлежали утвержденію путемъ референдума среди всѣхъ членовъ союза. Швейцеръ покорился этому, а предложеніе о томъ, чтобы правленію было предоставлено право временно смѣщать должностныхъ лицъ, исходило даже отъ него самого. Врядъ ли, однако, онъ сдѣлалъ это безъ заднихъ мыслей. Швейцеръ заявилъ, что находитъ правильнымъ созданіе противовѣса обширной власти президента путемъ внесенія въ уставъ статьи, допускающей смѣщеніе послѣдняго въ случаѣ злоупотребленій, но пока президентъ находится въ должности, его свободная и энергичная дѣятельность не должна быть стѣсняема. Таковъ не былъ, однако, истинный смыслъ, который общее собраніе связывало съ новыми правилами: оно хотѣло, напротивъ, прежде всего достигнуть ими болѣе строгаго контроля надъ текущимъ управленіемъ.

Послѣ 5-дневныхъ работъ общее собраніе довольно мирно закрылось. На мѣсто Роллера секретаремъ былъ выбранъ Тельке; какъ онъ, такъ и члены новой редакціонной комиссіи, Фрицше, Любкертъ и Шуманъ, принадлежали къ самымъ вѣрнымъ сторонникамъ Швейцера. Новое правленіе было на первый годъ перенесено въ Гамбургъ, гдѣ лучшей порукой противъ всякихъ неумѣстныхъ придирокъ къ президенту служили вполнѣ лояльный характеръ Гейба и, въ такой же степени, ясный взглядъ на вещи и непреклонно стойкое поведеніе мѣстныхъ членовъ Союза, число которыхъ успѣло уже дойти до 1.300 чел. Въ спорѣ между Гофштеттеномъ и Швейцеромъ общее собраніе объявило себя некомпетентнымъ, какъ это обусловливалось самой сущностью дѣла; однако, когда Фогель попытался поддержать заявленія Гофштеттена нападками на Швейцера, которыя нельзя было даже назвать не парламентскими по формѣ, то онъ былъ единогласнымъ постановленіемъ делегатовъ исключенъ изъ Союза. Затѣмъ, даже съ Либкнехтомъ и Бебелемъ состоялось извѣстное сближеніе: общее собраніе приняло предложеніе Швейцера о тѣсномъ присоединеніи къ Интернаціоналу, и Швейцеръ заявилъ, что не будетъ нападать на Либкнехта и Бебеля, если только они не будутъ трогать его. Подъ соотвѣтственнымъ условіемъ прекратилъ так-

же свои нападки на Швейцера *„Демократическій Еженедѣльникъ"*, такъ какъ,—писала газета—теперь существуетъ основательная надежда, если не на сліяніе, то на соглашеніе соціалъ-демократическихъ направленій.

Къ сожалѣнію, одновременно съ этой замѣткой *„Демократ. Еженедѣльника"* въ органѣ народной партіи *„Frankfurter Journal"* появилась корреспонденція, встрѣтившая осужденіе со стороны Бебеля, но тѣмъ не менѣе использованная капиталистической печатью для дискредитированія Швейцера. Въ корреспонденціи было сказано, что въ отвѣтъ на „вполнѣ объективную" обвинительную рѣчь Либкнехта Швейцеръ не защищался, а просилъ 4 раза о вотумѣ довѣрія, который и былъ вынесенъ ему 6.500 голосами, между тѣмъ какъ 4.500 голосовъ отказали въ подобномъ вотумѣ; крайне смущенный Швейцеръ не сложилъ съ себя, однако, должности, несмотря на свое предшествующее заявленіе, что онъ выйдетъ въ отставку, если сколько-нибудь внушительное меньшинство откажетъ ему въ своемъ довѣріи. Раздраженный этимъ новымъ нападеніемъ,—которое фактически объясняется обычной во время войны односторонностью пониманія происходящихъ событій,— Швейцеръ вернулся къ своему прежнему намѣренію и распорядился, чтобы во всѣхъ мѣстахъ, делегаты которыхъ воздержались въ Эльберфельдѣ-Барменѣ отъ голосованія, былъ произведенъ плебисцитъ по вопросу о довѣріи. Швейцеръ получилъ полное удовлетвореніе, такъ какъ, за исключеніемъ Брауншвейга, Вольфенбюттеля и Эйзенаха, члены Союза черезъ головы своихъ делегатовъ выразили ему свое довѣріе, но этотъ успѣхъ былъ купленъ нѣсколько дорогой цѣной новыхъ передрягъ и неудовольствій, которыя были неразрывно связаны съ нимъ. Въ концѣ концовъ этотъ первый порывъ бури прошелъ, не причинивъ большого вреда; въ серединѣ апрѣля *„Демократ. Еженедѣльникъ"* и *„Соціалъ-демократъ"* объявили, что достигнуто соглашеніе, въ силу котораго война между Всеобщимъ Германскимъ Рабочимъ Союзомъ и Саксонской народной партіей должна быть прекращена.

Для объединенія противъ общаго врага существовалъ достаточно настоятельный поводъ. Сѣверо-германскій рейхстагъ обсуждалъ весною этого года новый Уставъ о Промышленности, причемъ парламентскіе представители буржуазіи справляли настоящія оргіи. То была удивительная компанія: острякъ Браунъ, который отдѣлывался отъ рабочаго вопроса шуточками рейнскаго трактирнаго завсегдатая, добродѣтельный Ласкеръ, разыгрывавшій изъ

себя нравственнаго проповѣдника для всего міра, но въ особенности для пролетаріата; жадный до прибыли Штуммъ, закусывавшій соціалъ-демократіей къ завтраку, не подозрѣвая, какую болѣзненную и неизлѣчимую тяжесть въ желудкѣ онъ себѣ наживаетъ этимъ на ближайшія 30 лѣтъ, и т. д. Даже Микель, наиболѣе толковая голова изъ всей этой компаніи, продѣлавшій превращеніе изъ коммуниста и организатора крестьянскихъ возстаній въ прихлебателя у учредительскихъ мясныхъ горшковъ Учетнаго Банка,—даже Микель не нашелъ другого способа побить мнимаго друга рабочихъ Вагенера, какъ повторяя аргументы Коммунистическаго Манифеста противъ феодальнаго соціализма, съ предусмотрительной оговоркой, что онъ нашелъ эти превосходныя мысли у „одного англійскаго писателя“.

Швейцеръ заблаговременно приготовился, чтобы нарушить этотъ пріятный капиталистическій хмель. Уже во время общихъ дебатовъ онъ произнесъ отличную рѣчь, въ которой выяснилъ общія стороны современнаго института наемнаго труда, слѣдуя при этомъ, по собственному указанію, „*Капиталу*“ Маркса. При обсужденіи проекта по статьямъ онъ внесъ значительное число поправокъ, которыя подобно его прежнему законопроекту объ охранѣ труда примыкали къ англійскому фабричному законодательству, но опять-таки держались во вполнѣ скромныхъ границахъ. Онъ требовалъ по части воскресной и ночной работы, женскаго и дѣтскаго труда, нормальнаго рабочаго дня не болѣе того, что могла дать буржуазія въ своемъ собственномъ, правильно понятомъ интересѣ. Если она въ своемъ традиціонномъ ослѣпленіи отклонила тѣмъ не менѣе эти требованія, то политическая экономія рабочаго класса и интеллектуально, и морально выступала въ тѣмъ болѣе блестящемъ свѣтѣ при сравненіи съ политической экономіей буржуазнаго класса. Рука объ руку со Швейцеромъ эту борьбу вели Фрицше, Газенклеверъ и Бебель, подкупающее краснорѣчіе котораго отлично побивало Штумма и его присныхъ.

Практическаго успѣха пролетарская оппозиція не имѣла почти никакого; незначительнымъ большинствомъ было принято только предложеніе Бебеля объ отмѣнѣ обязательности рабочихъ книжекъ. Съ великимъ трудомъ удалось перенести въ новый Уставъ о Промышленности скудныя предписанія прусскаго законодательства о дѣтскомъ трудѣ и системѣ выдачи заработной платы не деньгами, а товарами (такъ наз. truck). Но рейхстагъ упрямо отклонилъ назначеніе фабричныхъ инспекторовъ, которые, быть

можетъ, сумѣли бы даже изъ этихъ жалкихъ зачатковъ развить кое-какую законодательную охрану труда. Тщетно Швейцеръ предлагалъ ввести институтъ фабричныхъ инспекторовъ, назначаемыхъ правительствомъ, но утверждаемыхъ рейхстагомъ. Только консерваторы обнаружили весьма подозрительный интересъ къ этому основному требованію дѣйствительнаго законодательства о защитѣ труда. Напротивъ, прогрессистская партія ратовала противъ него устами апостола бережливости Шульце и апостола гармоніи Макса Гирша, а національ-либеральный острякъ Браунъ заявилъ, что ему часто приходилось въ своей жизни работать болѣе 15-ти часовъ въ день и онъ не умеръ отъ этого; гарантія неприкосновенности жилища должна быть не ослаблена, а усилена противъ вмѣшательства полиціи; никто не будетъ огражденъ ночью въ своей постели отъ вторженія фабричныхъ инспекторовъ, ибо имъ достаточно будетъ объявить при своемъ вторженіи въ квартиру, что они думали найти здѣсь промышленное предпріятіе; изъ офиціальнаго фабричнаго надзора возникнетъ испанская Германдада, своего рода тайное судилище. Эту ужасающую галиматью „представители собственности и образованія" привѣтствовали оживленными одобреніями, и это—цѣлое поколѣніе спустя послѣ введенія въ Англіи института фабричныхъ инспекторовъ, о дѣятельности котораго давнымъ давно имѣлась богатая литература. Подчасъ не вѣришь своимъ глазамъ, когда читаешь въ тогдашнихъ парламентскихъ отчетахъ, съ какимъ пренебрежительнымъ высокомѣріемъ— отъ котораго ихъ, впрочемъ, съ тѣхъ поръ основательно отучили— представители капитализма пробовали отдѣлаться отъ самыхъ скромныхъ требованій рабочаго класса.

Съ совершенно иной, конечно, точки зрѣнія относился отрицательно къ „парламентничанью" Швейцера Либкнехтъ. Онъ видѣлъ въ немъ пожертвованіе принципомъ, приниженіе серьезной политической борьбы до степени парламентскаго жонглерства; въ предложеніи Швейцера о назначеніи фабричныхъ инспекторовъ онъ подозрѣвалъ намѣреніе отдать рабочее движеніе въ руки Бисмарка. 31 мая Либкнехтъ говорилъ въ публичномъ собраніи Демократическаго Рабочаго Ферейна о политическомъ положеніи соціалъ-демократіи, особенно—по отношенію къ рейхстагу. Демократическій Рабочій Ферейнъ имѣлъ лишь немногихъ приверженцевъ среди берлинскихъ рабочихъ, зато между его членами были сравнительно сильно представлены молодые литераторы и купцы, какъ Адольфъ Гепнеръ, Карлъ Гиршъ, Пауль Зингеръ и другіе;

сторонники Швейцера издѣвались надъ этой немногочисленной, но дѣятельной и неудобной оппозиціей, среди которой преобладалъ еврейскій элементъ, обзывая ее „интеллигентами" и „Mühlendammer". Отвергая „парламентничанье", какъ плодъ „близорукости или предательства", Либкнехтъ объявилъ соціализмъ вопросомъ силы, разрѣшаемымъ не въ парламентѣ, а на улицѣ, на полѣ битвы. Онъ высказался за вступленіе соціалъ-демократіи въ болѣе тѣсную связь съ буржуазной демократіей, какъ она представлена въ лицѣ Якоби. По мнѣнію оратора, огромное большинство рабочихъ потому относится равнодушно къ соціалъ-демократіи, что она ведетъ пока только классовую борьбу противъ буржуазіи, а не становится въ авангардѣ политической борьбы, что реакція эксплуатируетъ „націоналъ-либеральный соціализмъ", безсмысленность котораго вытекаетъ уже изъ того, что онъ политически наигрываетъ на той же струнѣ, какъ и націоналъ-либеральная буржуазія, соціальное господство которой хочетъ сломить.

Либкнехтъ издѣвался впослѣдствіи надъ „неисправимыми младенцами", любившими цитировать противъ него эту рѣчь, такъ какъ съ измѣненіемъ условій измѣнился также его взглядъ на политическое положеніе соціалъ-демократіи. Для историческаго сужденія, безспорно, важно лишь одно: отвѣчала ли тактика Либкнехта обстоятельствамъ, при которыхъ онъ ее рекомендовалъ, или нѣтъ? На этотъ вопросъ приходится дать безусловно отрицательный отвѣтъ. „Парламентничанье", въ томъ видѣ, какъ имъ занимался Швейцеръ и вмѣстѣ съ нимъ Бебель, было рекомендовано женевскимъ конгрессомъ Интернаціонала и даже въ самомъ „*Демократ. Еженедѣльникѣ*" Энгельсомъ. Въ своей рецензіи на „*Капиталъ*" Маркса Энгельсъ писалъ: „Ближайшему сѣверо-германскому рейхстагу придется также обсуждать Уставъ о Промышленности, слѣдовательно — регламентацію фабричнаго труда. Мы надѣемся, что ни одинъ изъ депутатовъ, которыхъ провели въ рейхстагъ нѣмецкіе рабочіе, не приступитъ къ обсужденію этого закона, не познакомившись предварительно, какъ слѣдуетъ, съ книгой Маркса. Тамъ нужно многое провести... Четыре или пять представителей пролетаріата являются уже при такихъ обстоятельствахъ силой, если они умѣютъ использовать свое положеніе, если они знаютъ, прежде всего, о чемъ идетъ вопросъ,—чего бюргеры не знаютъ". Но именно такъ, съ первымъ томомъ „*Капитала*" въ рукахъ, занимался своимъ „парламентничаньемъ" Швейцеръ.

Но и въ „авангардѣ политической борьбы“ „*Соціалъ-демократъ*“ шелъ по меньшей мѣрѣ столь же рѣшительно, какъ „*Будущность*“. Вся разница, существовавшая между обѣими газетами въ вопросахъ политической оппозиціи, сводилась къ тому, что Швейцеръ относился къ партикуляристской демократіи болѣе отрицательно, чѣмъ Гвидо Вейсъ. Однако, даже эта разница не была особенно велика, такъ какъ Гвидо Вейсъ слишкомъ хорошо зналъ германскія условія, чтобы надѣяться на разрушеніе Сѣверо-германскаго Союза семью швабами изъ Нѣмецкой народной партіи. Въ прочихъ отношеніяхъ Швейцеръ шелъ въ „авангардѣ политической борьбы“ даже гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ Іоганнъ Якоби. Когда Либкнехтъ напечаталъ свою рѣчь въ „*Демократ. Еженедѣльникѣ*“, то Лео Франкель послалъ ему изъ Парижа открытое письмо, гдѣ самымъ рѣшительнымъ образомъ заступился за Швейцера. Со стороны Швейцера было несомнѣнно грубой ошибкой видѣть въ Либкнехтѣ и Бебелѣ людей, которыхъ водитъ за носъ чисто политическая партія буржуа, но безпрерывныя нападки Либкнехта должны были укрѣпить его въ этомъ роковомъ заблужденіи.

Справедливость требуетъ признанія этого факта, хотя мы не думаемъ оправдывать имъ дальнѣйшее поведеніе Швейцера. Къ ограниченію своей диктатуры Швейцеръ относился какъ къ нестерпимому гнету и, видя въ немъ результатъ тайнаго заговора, онъ не останавливался ни предъ какими средствами, лишь бы такъ или иначе избавиться снова отъ этого ограниченія. Обстоятельства складывались для него довольно благопріятно. Референдумъ по поводу измѣненія устава натолкнулся на значительное равнодушіе членовъ; едва 50 мѣстъ сочли вообще стоющимъ дѣломъ производить голосованіе. Постановленія общаго собранія были, правда, утверждены преобладающимъ большинствомъ, но не безъ энергичныхъ возраженій со стороны такихъ крупныхъ секцій Союза въ Рейнской провинціи, какъ Барменъ, Эльберфельдъ, Дюссельдорфъ. Когда Швейцеръ поѣхалъ въ Гамбургъ, чтобы устроить новое правленіе, то его встрѣтило здѣсь съ шумнымъ ликованіемъ старое, испытанное войско Союза; такой же восторженный пріемъ выпалъ на его долю въ Ганноверѣ, гдѣ Союзъ достигъ высокаго процвѣтанія и насчитывалъ уже въ своихъ рядахъ тысячу платящихъ членовъ. Въ томъ же мѣсяцѣ маѣ, когда Либкнехтъ осуждалъ предъ какими-нибудь 60 членами Демократическаго Рабочаго Ферейна „парламентничанье“ Швейцера,

6 тысячъ берлинскихъ рабочихъ выражали въ Альгамбрѣ бурное одобреніе этому самому „парламентничанью", и „*Соціаль-демократъ*" могъ закончить свой отчетъ объ этомъ внушительномъ массовомъ собраніи гордыми словами: „Берлинъ принадлежитъ намъ"! Крупныя стачки берлинскихъ строительныхъ рабочихъ, искусно и энергично руководимыя Любкертомъ, внесли пролетарскую классовую борьбу въ тѣ, все еще широкіе слои берлинской рабочей массы, которые не были раньше затронуты политическимъ движеніемъ. И вотъ Швейцеръ созвалъ на 22 мая въ Кассель общее собраніе Союза рабочихъ союзовъ (Arbeiterchafts-verband), чтобы произвести смотръ войску, которое могло отнынѣ пользоваться оружіемъ свободы коалицій.

Правда, сѣверо-германскій Промышленный Уставъ намѣренно сдѣлалъ не мало зазубринъ въ этомъ оружіи. Враждебное отношеніе сѣверо-германскаго рейхстага къ рабочимъ прорывалось даже тамъ, гдѣ дѣло шло о простыхъ логическихъ выводахъ изъ фритредерскаго ученія, разъ эти выводы могли принести пользу рабочимъ. Нѣмецкій либерализмъ былъ уже самъ по себѣ настолько робокъ, что даже свободу передвиженія и свободу промысла онъ осмѣлился принять лишь въ предѣлахъ, угодныхъ бюрократі ; главный источникъ полицейскихъ придирокъ, бюрократическую систему разрѣшеній (концессій) на занятіе извѣстными промыслами, онъ спокойно оставилъ существовать попрежнему. Тѣмъ больше онъ старался исказить право коалицій въ такомъ направленіи, чтобы, по выраженію Ласкера, „могущественная и энергичная полиція" могла сдержать всякое стачечное движеніе въ границахъ законности, другими словами—въ границахъ, удобныхъ господствующимъ классамъ. Рейхстагъ не только отказалъ въ правѣ коалицій сельскохозяйственнымъ рабочимъ, но и внесъ особый карательный параграфъ, который долженъ былъ подавить „терроризмъ" бастующихъ рабочихъ и который былъ выраженъ въ достаточно растяжимой формѣ, чтобы при небольшой затратѣ злой воли—а въ ней никогда не бываетъ недостатка у полиціи—парализовать всякое пролетарское движеніе за улучшеніе условій найма. Къ этой privilegium odiosum сознательныхъ рабочихъ сѣверо-германскій рейхстагъ прибавилъ выгодную привилегію для штрейкбрехеровъ (срывателей стачки): нарушеніе условій, заключенныхъ на основѣ права коалицій, не давало основанія ни для иска, ни для защиты противъ иска.

Тѣмъ не менѣе извѣстная доля свободы коалицій была спасена, и потому на общемъ собраніи швейцеровскаго Союза рабочихъ

союзовъ въ Касселѣ господствовало боевое и побѣдное настроеніе. Присутствовали 100 делегатовъ, представлявшіе 220 мѣстъ съ 35.232 членами Союза; всего въ послѣднемъ считалось 50.000 членовъ, дѣлающихъ взносы. Сильнѣе всего были представлены въ Касселѣ сигарники (10.000 членовъ), плотники (5.585), каменщики (3.955), ручные и фабричные рабочіе (3.666), рабочіе по металлу (3.281), рабочіе по дереву (2.137), сапожники (1.808), мануфактурные рабочіе (1.742), горные и горнозаводскіе рабочіе (1.558), портные (671); другіе рабочіе союзы, напр., пекари, переплетчики, маляры и лакировщики не вышли еще изъ первыхъ стадій развитія. Общее собраніе занималось главнымъ образомъ агитаціонными и организаціонными вопросами. Въ президіумъ вступилъ, кромѣ Швейцера и Фрицше, еще Любкертъ, на мѣсто Клейна, не имѣвшаго возможности переѣхать въ Берлинъ. Члены президіума не получали никакого жалованья, какъ таковые, но спеціальная комиссія, назначенная общимъ собраніемъ въ Эльберфельдѣ-Барменѣ, ассигновала около этого времени 45 талеровъ мѣсячнаго содержанія Швейцеру, какъ президенту Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза. Повидимому, назначеніе жалованья президенту было также задумано въ видахъ ограниченія его диктатуры; во всякомъ случаѣ Швейцеръ воспротивился рѣшенію комиссіи: онъ убавилъ назначенные ему 45 талеровъ до 25-ти, а фактически не бралъ даже этой суммы. Впрочемъ, въ Касселѣ почти не было замѣтно того недовольнаго настроенія, которое господствовало среди части делегатовъ въ Эльберфельдѣ-Барменѣ. Вотумъ довѣрія къ Швейцеру былъ предложенъ однимъ тюрингенскимъ делегатомъ и принятъ всѣми голосами противъ шести. Въ общемъ 5-дневныя работы съѣзда явились торжествомъ для Швейцера, обнаружившаго, повидимому, въ области профессіональнаго объединенія рабочихъ такой же организаторскій талантъ, какъ въ политической области.

Ко всему этому прибавилось, что онъ сумѣлъ благопріятно настроить въ свою пользу приверженцевъ графини Гацфельдтъ. Менде, функціонировавшій теперь въ качествѣ президента Лассалевскаго Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза, былъ арестованъ въ Мюнхенѣ-Гладбахѣ, якобы какъ зачинщикъ драки, которую въ дѣйствительности вызвала сама полиція, распустивъ незаконно одно рабочее собраніе. Однако рейхстагъ, по предложенію Швейцера, отказался дать требуемое конституціей согласіе на арестъ Менде; такимъ образомъ, былъ сдѣланъ шагъ къ установленію

дружественныхъ отношеній между обѣими соціалъ-демократическими фракціями, ссылавшимися на Лассаля. Вскорѣ послѣ этого Либкнехтъ произнесъ въ Демократическомъ Рабочемъ Ферейнѣ рѣчь, которая должна была возбудить въ Швейцерѣ представленіе, что съ этимъ противникомъ никакое прочное соглашеніе невозможно. Съ другой стороны, Бебель предпринялъ агитаціонную поѣздку по тюрингенскимъ округамъ и говорилъ здѣсь съ большимъ успѣхомъ въ Герѣ, Песнекѣ, Апольдѣ, Іенѣ, Веймарѣ, Готѣ и Эрфуртѣ. Въ своихъ рѣчахъ Бебель воздерживался отъ всякихъ нападокъ на Швейцера и отстаивалъ только необходимость объединенія всѣхъ соціалъ-демократическихъ фракцій, встрѣтивъ при этомъ живое сочувствіе со стороны тюрингенскихъ членовъ Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза. Въ большинствѣ собраній были приняты соотвѣтственныя резолюціи; кое-гдѣ, впрочемъ, было прибавлено пожеланіе, чтобы соціалъ-демократическія фракціи объединились съ буржуазной демократіей. Швейцеръ продолжалъ, однако, стоять на той точкѣ зрѣнія, что съ подобными объединительными предложеніями можно обращаться только къ нему, какъ къ выборному представителю Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза; въ тюрингенской агитаціи Бебеля онъ усмотрѣлъ „нарушеніе договора" и счелъ моментъ достаточно благопріятнымъ для боевого выступленія.

18-го Іюня „*Соціалъ-демократъ*" въ Берлинѣ и „*Свободная Газета*" („*Freie Zeitung*"), органъ графини Гацфельдтъ, въ Лейпцигѣ обнародовали напыщенное воззваніе Менде и Швейцера, гдѣ „верховному народу" предлагалось „возстановить единство лассальянской партіи", и притомъ на слѣдующихъ основаніяхъ. Оба разъединенныхъ до тѣхъ поръ союза должны быть распущены своими президентами 24 іюня, и въ тотъ же день необходимо основать новый общій союзъ со старымъ уставомъ 23 мая 1863 г. Затѣмъ президентъ этого союза долженъ быть тотчасъ же выбранъ путемъ общей подачи голосовъ во всѣхъ членскихъ кружкахъ и результатъ выборовъ объявленъ 3-го іюля. Такимъ же образомъ должно послѣдовать избраніе новаго правленія, которое функціонировало бы до ближайшаго общаго собранія, и, наконецъ, на Менде возлагается временное руководство новымъ общимъ Союзомъ въ теченіе времени съ 24-го іюня до 3-го Іюля. Эти предложенія были сообщены Швейцеромъ и Менде членамъ обоихъ союзовъ съ тѣмъ, чтобы они отвѣтили на нихъ „да" или „нѣтъ" до 22-го іюня включительно.

Это былъ настоящій coup d'État со стороны Швейцера, для котораго отнынѣ его диктатура перестала быть только средствомъ къ цѣли, а превратилась въ самоцѣль. Союзъ графини Гацфельдтъ страдалъ неизлѣчимой чахоткой. Признаки жизни, какіе онъ еще подавалъ, были лишь судорожными движеніями умирающей секты; такой же характеръ носили его ярое противодѣйствіе профессіональной организаціи и грубое насиліе, съ которымъ онъ сорвалъ въ мартѣ собраніе Саксонской народной партіи въ Гогенштейнъ-Эристалѣ, разстроивъ вслѣдствіе этого также проектированный общій конгрессъ саксонскихъ рабочихъ. Швейцеръ, годомъ раньше грозившій своей отставкой, если гамбургское общее собраніе не разрѣшитъ ему организацій профессіональныхъ рабочихъ союзовъ, вступилъ теперь въ союзъ съ заклятыми противниками этой организаціи; въ то время, какъ самъ онъ отказался требовать какой-либо уступки высшему развитію руководимаго имъ союза, онъ сдѣлалъ сектантскому лассальянству другого союза ту важную уступку, что возстановилъ старый уставъ Лассаля. Предметъ его стремленій былъ, такимъ образомъ, совершенно ясенъ: Швейцеръ стремился къ возобновленію своей неограниченной диктатуры. Что такова была тайная цѣль Швейцера, явствовало, между прочимъ, изъ поставленнаго имъ требованія, чтобы „верховный народъ" въ теченіе трехъ дней цѣликомъ принялъ или отклонилъ его предложенія. Правда, Швейцеръ ссылался на необходимость спѣшить, иначе полиція можетъ закрыть оба союза на томъ основаніи, что они вступили въ сношенія другъ съ другомъ, но онъ самъ же и создалъ это формальное затрудненіе своимъ образомъ дѣйствій. Расчетъ Швейцера былъ основанъ на томъ, что всѣмъ дѣльнымъ рабочимъ надоѣли междуфракціонные раздоры и что, проникнутые искреннимъ и настоятельнымъ стремленіемъ къ единству, они постараются побороть свои сомнѣнія; расчетъ этотъ въ общемъ не обманулъ Швейцера.

Предложенія его были приняты въ обоихъ союзахъ подавляющимъ большинствомъ путемъ плебисцита. Новое правленіе въ Гамбургѣ поставило только два условія: во-первыхъ, графиня Гацфельдтъ не должна была войти въ объединенный союзъ; во-вторыхъ, Швейцеръ долженъ былъ обязаться, что на первомъ общемъ собраніи новаго союза онъ будетъ добиваться возстановленія резолюцій, принятыхъ въ Эльберфельдѣ-Барменѣ. Когда Тельке, пріѣхавшій лично въ Гамбургъ, по порученію Швейцера принялъ оба предложенія, то правленіе дало свое согласіе и,

такимъ образомъ, само распустило себя. Открыто протестовали сначала лишь нѣкоторые члены въ Брауншвейгѣ, Целле, Гарбургѣ, Магдебургѣ, Эрфуртѣ, Готѣ, Франкфуртѣ, въ томъ числѣ—Бракке, Іоркъ, Бонгорстъ, Эльнеръ. Въ воззваніи отъ 22-го іюня они предложили созвать общій конгрессъ всѣхъ соціалъ-демократическихъ рабочихъ Германіи, чтобы создать дѣйствительно демократическую организацію. Произведенный Швейцеромъ переворотъ, говорилось здѣсь, есть буквально нападеніе врасплохъ; подозрѣніе, что Швейцеръ злоупотребляетъ Союзомъ для удовлетворенія своего личнаго честолюбія, что онъ хочетъ принизить его до степени орудія въ рукахъ реакціонной и враждебной рабочимъ политики,—это подозрѣніе составляетъ отнынѣ безспорный фактъ. Днемъ позже, 23 іюня, Бебель и Либкнехтъ заявили въ отвѣтъ на публичный упрекъ Швейцера, что своей тюрингенской агитаціей они совершили „нарушеніе договора“: они принимаютъ вызовъ; будущее покажетъ, кто одержитъ въ концѣ концовъ побѣду: „продажность, низость и развращенность на той сторонѣ, или чистота побужденій и честность на нашей сторонѣ“. Затѣмъ Швейцеръ дѣйствительно нарушилъ слово, данное черезъ Тельке: онъ напечаталъ въ „*Соціалъ-демократѣ*“, что нѣтъ надобности исключать графиню Гацфельдтъ изъ объединенія и нѣтъ также основанія мѣнять уставъ 1863 г.; тогда ему объявили разрывъ 10 членовъ въ Гамбургѣ, и во главѣ ихъ — Гейбъ и другіе члены прежняго правленія.

Всѣ эти заявленія сопровождались ожесточенной канонадой между „*Демократ. Еженедѣльникомъ*“ и „*Соціалъ-демократомъ*“. Какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, и тутъ и тамъ было не мало согрѣшено. Одна сторона изображала Швейцера, какъ наемника Бисмарка, а Тельке какъ страшнаго преступника, лишеннаго даже почетныхъ гражданскихъ правъ, другая обвиняла Либкнехта въ тайномъ союзѣ съ буржуазіей, а Бебеля—въ томъ, что онъ состоитъ на жалованьѣ у эксъ-короля Ганноверскаго. Буржуазія была, конечно, въ восторгѣ отъ подобныхъ взаимныхъ обвиненій, причемъ она опять благополучно проглядѣла крупный шагъ впередъ, сдѣланный нѣмецкимъ рабочимъ движеніемъ во время этого тяжелаго кризиса. 17-го іюля „*Демократическій Еженедѣльникъ*“ напечаталъ воззваніе къ „нѣмецкимъ соціалъ-демократамъ“, гдѣ на 7-ое, 8-ое и 9-ое августа созывался въ Эйзенахъ „обще-нѣмецкій соціалъ-демократическій рабочій конгрессъ“. Воззваніе подписали 63 бывшихъ члена Всеобщаго Германскаго Рабочаго

Союза, 3 бывшихъ приверженца графини Гацфельдтъ, Комитетъ австрійскихъ рабочихъ, Центральный Комитетъ нѣмецкихъ рабочихъ ферейновъ въ Швейцаріи, нѣмецкая секція Интернаціонала въ Женевѣ, Нѣмецкій республиканскій ферейнъ въ Цюрихѣ и, наконецъ, Федерація нѣмецкихъ рабочихъ ферейновъ, за которую подписалось около 100 членовъ, въ томъ числѣ Бебель, Либкнехтъ, Вальтейхъ, Мецнеръ, Гуго Гильманъ, Моттелеръ, Штолле, Габріель Лёвенштейнъ, Карлъ Гиршъ, І. М. Гиршъ, Гепнеръ, Фогель и Вильгельмъ Эйхгоффъ.

Когда это воззваніе было опубликовано, для всѣхъ уже было ясно, что масса Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза останется вѣрной ново-избранному своему президенту Швейцеру и, слѣдовательно, эйзенахскій конгрессъ сдѣлаетъ расколъ въ средѣ германской соціалъ-демократіи до извѣстной степени безповоротнымъ фактомъ. Въ этой мѣрѣ злорадство буржуазіи могло, пожалуй, имѣть извѣстный смыслъ. Но въ общемъ положеніе дѣла было совершенно иное. Пока продолжали существовать реальныя причины, раздроблявшія нѣмецкій пролетаріатъ, до тѣхъ поръ раздѣльную организацію обоихъ направленій слѣдовало предпочесть всѣмъ объединительнымъ попыткамъ, ибо послѣднія должны были постоянно разбиваться объ упомянутыя причины и каждый разъ вызывать опять озлобленіе. Предпочтительнѣе этой хронической, изнуряющей лихорадки была открытая война, которая при всѣхъ своихъ невыгодахъ имѣла также крупныя удобства: она выгнала наружу дѣйствительно существующія противорѣчія, она дала имъ въ извѣстномъ смыслѣ самую сжатую и краткую формулировку, она сообщила могучій толчокъ пропагандѣ и создала двѣ сильныя организаціи, которыя могли заключить миръ тотчасъ послѣ того, какъ историческое развитіе устранило дѣйствительныя препятствія къ объединенію,—миръ, гдѣ не было ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ.

Война началась уже на эйзенахскомъ конгрессѣ. Швейцеръ рѣшился послать на него представителей, въ надеждѣ задушить новую организацію еще въ зародышѣ или, по крайней мѣрѣ, сразу же поставить ее въ тѣни, показавъ во внушительной формѣ свою силу. Такъ какъ самому ему приходилось еще въ теченіе двухъ мѣсяцевъ отбывать тюремное заключеніе, то на конгрессъ явился Тельке во главѣ 110 делегатовъ, представлявшихъ 102 тысячи рабочихъ; расходы по делегаціи были покрыты пополамъ изъ кассъ Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза и швейце-

ровскаго Союза профессіональныхъ рабочихъ союзовъ (Arbeiterschaftsverband). Но съ противной стороны явились 262 делегата, за которыми стояли 140 тыс. рабочихъ. Первымъ дѣломъ посыпались взаимныя обвиненія въ недобросовѣстномъ преувеличеніи числа полномочій, причемъ обѣ стороны были одинаково неправы или, въ извѣстномъ смыслѣ, одинаково правы. Такъ какъ весь кризисъ вызвалъ сильное движеніе среди нѣмецкаго рабочаго міра, и полномочія были даны большей частью массовыми собраніями, то цифры сами по себѣ могли быть довольно вѣрными, но если онѣ не были недобросовѣстнымъ преувеличеніемъ, то онѣ всетаки не представляли собою надежнаго масштаба для измѣренія силы спорящихъ сторонъ. Швейцеръ далеко еще не собралъ въ профессіональной и политической организаціи 102 тыс. человѣкъ; точно такъ же въ новую организацію, основанную въ Эйзенахѣ, не вступили еще 140 тыс. членовъ.

Прежде всего австрійскіе и швейцарскіе вспомогательные отряды были чисто декоративные. Швейцеръ оказался правымъ въ своемъ утвержденіи, что организаціонная связь между германскими и австрійскими рабочими является иллюзіей; она не была иллюзіей только въ томъ печальномъ смыслѣ, что участіе австрійскихъ рабочихъ въ эйзенахскомъ конгрессѣ послужило для австрійской реакціи предлогомъ къ злобнымъ преслѣдованіямъ противъ молодого рабочаго движенія на Дунаѣ, которое вслѣдствіе этого зачахло такъ же быстро, какъ оно расцвѣло. Въ дѣйствительности новая организація состояла изъ двухъ элементовъ: изъ федераціи нѣмецкихъ рабочихъ ферейновъ и изъ отколовшихся членовъ Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза. Какъ велико было число послѣднихъ, нельзя съ точностью установить: Тельке опредѣлялъ его въ 300, Либкнехтъ въ 5.000 чел., истина же лежала, вѣроятно, не по серединѣ, а довольно близко къ расчету Тельке и далеко отъ исчисленія Либкнехта. Врядъ ли ихъ была даже тысяча человѣкъ, но среди нихъ находилось сравнительно много силъ, отлично испытанныхъ и вышколенныхъ въ организованной классовой борьбѣ. Затѣмъ, въ федерацію нѣмецкихъ рабочихъ ферейновъ входили 10.000 членовъ, которые согласно списку, составленному въ то время Бебелемъ, были организованы въ 58 мѣстахъ Саксоніи, 25 мѣстахъ Вюртемберга, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бадена, Гессена и Баваріи; сюда присоединялись еще отдѣльныя слабыя вѣтви въ Берлинѣ и на Рейнѣ.

Послѣ бурнаго засѣданія, на которомъ выяснилась невозмож-

ность совмѣстной работы, каждое изъ двухъ направленій устроило въ Эйзенахѣ свой особый конгрессъ, имѣвшій, конечно, для делегатовъ Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза только значеніе демонстраціи. Напротивъ, другая сторона образовала „соціалъ-демократическую рабочую партію", въ существенныхъ чертахъ по плану, уже задолго до этого подготовленному Бебелемъ для переустройства руководимой имъ федераціи. Въ основу принципіальной части эйзенахской программы были положены тезисы нюрнбергской, а въ основу ея „ближайшихъ требованій"—положенія хемницкой программы. При этомъ тотчасъ же обнаружилось, что принципіальныхъ разногласій между эйзенахцами и лассальянцами, какъ отнынѣ стали называть другъ друга враждебныя фракціи (о болѣе невѣжливыхъ боевыхъ кличкахъ мы не упоминаемъ), въ сущности нѣтъ. Если Либкнехтъ вправѣ былъ сказать, что эйзенахская программа содержитъ послѣдніе логическіе выводы коммунизма, то Тельке съ такимъ же правомъ говорилъ, что въ сущности эйзенахская программа совпадаетъ съ лассалевской. Въ ней не было ни одного пункта, который не отстаивался бы въ теченіе пяти лѣтъ „*Соціалъ-демократомъ*". Мало того, дѣйствительно спорный пунктъ лассалевской программы получилъ въ эйзенахской еще болѣе спорную формулировку: по предложенію Карла Гирша, въ число „ближайшихъ требованій", которыя всѣ могутъ быть достигнуты уже на почвѣ буржуазнаго общества, были включены поощреніе кооперативнаго дѣла государствомъ и государственный кредитъ для свободныхъ производительныхъ товариществъ при демократической гарантіи. Такимъ образомъ, революціонный смыслъ лассалевскихъ производительныхъ ассоціацій при содѣйствіи государственнаго кредита, столько разъ выдвигавшійся Швейцеромъ, былъ снова затемненъ.

Болѣе существенны были различія въ организаціи. Бебель самъ былъ слишкомъ хорошимъ организаторомъ, чтобы не оцѣнить преимуществъ лассалевской организаціи, но такъ какъ нужно было избѣгнуть диктатуры и, сверхъ того, по возможности отнять у полиціи всякій поводъ къ придиркамъ, то онъ былъ связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Руководство партіей было возложено на комитетъ изъ 5 членовъ, надъ которымъ стояла контрольная комиссія изъ 15-ти членовъ; оба органа должны были выбираться членами партіи въ тѣхъ городахъ, которые конгрессъ партіи изберетъ мѣстомъ ихъ пребыванія. Они являлись также высшей инстанціей для партійной газеты, но сами были подчинены кон-

грессу партіи, который долженъ былъ собираться не менѣе одного раза въ годъ. На конгрессѣ каждый делегатъ имѣлъ одинъ голосъ, но члены партіи въ каждомъ мѣстѣ не вправѣ были посылать больше 5-ти делегатовъ. Взносъ въ пользу партіи выражался въ томъ, что каждый членъ партіи долженъ былъ либо вносить въ комитетъ по 1 грошену въ мѣсяцъ, либо подписаться на органъ партіи. На членахъ партіи каждаго мѣста лежала обязанность основывать соціалъ-демократическіе рабочіе ферейны на основѣ партійной программы, причемъ ферейны должны были платить для общихъ агитаціонныхъ цѣлей по 1 грошену съ человѣка, входящаго въ ихъ составъ. Органомъ партіи былъ выбранъ „*Демократич. Еженедѣльникъ*", который долженъ былъ выходить съ 1-го октября дважды въ недѣлю, называться впредь „*Volksstaat*" („Народное государство") и принадлежать партіи. Центральнымъ пунктомъ партіи былъ назначенъ Эйзенахъ, мѣстопребываніемъ комитета — Брауншвейгъ-Вольфенбюттель, контрольной комиссіи—Вѣна. Ясно, что эта организація была гораздо демократичнѣе, но зато и гораздо слабѣе и болѣе хрупка, нежели организація Лассаля.

По вопросу о положеніи, которое слѣдуетъ занять относительно Интернаціонала, эйзенахскій конгрессъ могъ принять лишь такое же рѣшеніе, какое было принято уже общими собраніями въ Гамбургѣ и Эльберфельдѣ-Барменѣ. Бебель и высказалъ теперь то, на что такъ часто напиралъ Швейцеръ: „Соціалъ-демократическая партія должна прежде всего сформироваться сама въ Германіи, такъ какъ рядомъ съ международной необходима и національная организація, и первая безъ второй была бы только призракомъ". Правда, эйзенахскій конгрессъ рекомендовалъ членамъ партіи вступать въ Интернаціоналъ, но это постановленіе должно было сдѣлать и безъ того тяжеловѣсную организацію еще болѣе тяжеловѣсной, если бы оно не осталось только на бумагѣ. Конгрессъ рекомендовалъ также международную организацію профессіональнымъ рабочимъ союзамъ, образовавшимся на основаніи устава Бебеля, и они стали отнынѣ называться международными профессіональными товариществами (Internationale Gewerksgenossenschaften). Ихъ было пока немного: переплетчики организовались въ Лейпцигѣ, горные и горнозаводскіе рабочіе—въ Цвиккау, „мануфактурные, фабричные и ручные рабочіе"—въ Криммичау; рабочіе по металлу взялись теперь за свою профессіональную организацію въ Нюрнбергѣ, каменщики и плотники—въ Дрезденѣ, са-

пожники—въ Лейпцигѣ. Эти союзы были еще слабы; „мануфактурные, фабричные и ручные рабочіе", устроившіе въ Троицынъ день свой первый конгрессъ въ Лейпцигѣ, считали всего около 3.000 членовъ, а между тѣмъ они подъ искуснымъ руководствомъ Моттелера развились еще сравнительно сильнѣе другихъ.

Когда эйзенахскій конгрессъ закончилъ свои засѣданія, федерація нѣмецкихъ рабочихъ ферейновъ собралась на свой послѣдній съѣздъ. Основанная шестью годами раньше, какъ оплотъ буржуазіи противъ поднимавшихся еще только волнъ пролетарскаго движенія, она теперь была уже затоплена и подмыта нарастающимъ приливомъ. Она растворилась въ Соціалъ-демократической Рабочей Партіи.

---

3. Первые раздоры между фракціями.

Если уже при составленіи эйзенахской программы обнаружилось, что среди сознательнаго пролетаріата Германіи нѣтъ никакого принципіальнаго разномыслія, то борьба ближайшихъ мѣсяцевъ начала устранять практическія препятствія для объединенія. Она разбила диктатуру, тяготѣвшую надъ лассальянцами, и разорвала узы, связывавшія эйзенахцевъ съ Нѣмецкой народной партіей.

На первыхъ порахъ дѣла приняли благопріятный для Швейцера оборотъ. Четвертый конгрессъ Интернаціонала, засѣдавшій съ 5-го до 12-го сентября въ Базелѣ, посвятилъ главное свое вниманіе обсужденію аграрнаго вопроса. Правда, уже годомъ раньше, на брюссельскомъ конгрессѣ, вопросъ былъ рѣшенъ въ смыслѣ научнаго коммунизма, но противъ этого рѣшенія голосовало значительное меньшинство французскихъ делегатовъ, и чтобы окончательно выяснить дѣло, генеральный совѣтъ поставилъ его на первомъ мѣстѣ въ программѣ занятій для конгресса въ Базелѣ. На конгрессѣ этомъ присутствовали 78 делегатовъ, изъ которыхъ Франціей была прислана ровно треть, въ томъ числѣ Варленъ, благородный мученикъ Коммуны. Генеральный совѣтъ прислалъ Аппльгарта, Локрафта, Коуэлла Степнея, Эккаріуса, Юнга и Леснера; изъ нѣмцевъ присутствовали кромѣ Либкнехта, представлявшаго эйзенахцевъ, Моисей Гессъ, Риттинггаузенъ, учитель Шпиръ изъ Вольфенбюттеля и профессоръ Яннашъ изъ Магдебурга; изъ швейцарцевъ явился Іоганнъ-Филиппъ Беккеръ, Бюркли и Грейлихъ, а какъ представитель неаполитанцевъ прибылъ

Бакунинъ. Собраніе было весьма внушительное, и по главному вопросу оно вынесло такое же рѣшеніе, какое было принято въ Брюсселѣ. Конгрессъ объявилъ 54 голосами, что общество *вправѣ* обратить землю въ коллективную собственность, и 53 голосами, что это превращеніе *необходимо* въ интересахъ общества. Меньшинство почти все воздержалось отъ голосованія: противъ второй резолюціи подали голосъ только 8 делегатовъ, противъ первой—только 4 французскихъ делегата. Но если воззрѣніе научнаго коммунизма одержало, такимъ образомъ, верхъ надъ мелкобуржуазными иллюзіями прудонизма, то битва возгорѣлась еще разъ при вопросѣ о правѣ наслѣдованія, занимавшемъ второе мѣсто въ программѣ занятій. Эккаріусъ защищалъ логическое воззрѣніе генеральнаго совѣта, по которому наслѣдственное право, будучи неразрывно связано съ частной собственностью, держится и падаетъ вмѣстѣ съ нею. Между тѣмъ Бакунинъ смѣшивалъ идеологическую надстройку съ экономическимъ фундаментомъ и хотѣлъ устранить право наслѣдованія по соображеніямъ справедливости, какъ самостоятельный источникъ неравенства. Ни одно изъ обоихъ воззрѣній не привлекло на свою сторону большинства, и вопросъ остался открытымъ.

Базельскія резолюціи относительно земельной собственности вызвали всеобщее возбужденіе среди нѣмецкой буржуазіи. Ихъ осудили, какъ легкомысленныя, недостойныя и безпутныя, не только „мужи науки" въ родѣ Адольфа Вагнера: храбрые воины Нѣмецкой народной партіи также исчерпали весь лексиконъ ругательствъ по поводу „властолюбивой банды" Интернаціонала. Швейцеръ, только что выпущенный изъ тюрьмы, могъ съ чувствомъ удовлетворенія сказать рабочимъ: стоитъ Интернаціоналу недвусмысленно выступить въ защиту соціалистической точки зрѣнія, и буржуазная оппозиція обрушивается на него съ такими же клеветами, какъ на лассалевскую агитацію. Относительно общей собственности на землю Швейцеру не было надобности терять много словъ, такъ какъ онъ давно съ исчерпывающей ясностью разобралъ этотъ вопросъ въ „*Соціалъ-демократъ*". Но о правѣ наслѣдованія онъ написалъ теперь двѣ превосходныя статьи, дающія замѣчательное свидѣтельство того, въ какомъ совершенствѣ Швейцеръ овладѣлъ научнымъ коммунизмомъ. Его воззрѣніе совпало до мелочей съ докладомъ о наслѣдственномъ правѣ, представленнымъ базельскому конгрессу генеральнымъ совѣтомъ. Но докладъ этотъ появился только въ октябрьской книжкѣ „*Vorbote*",

тогда какъ Швейцеръ напечаталъ свои статьи въ номерахъ „*Соціалъ-демократа*“ отъ 17-го и 19-го сентября на основаніи первыхъ бѣглыхъ газетныхъ отчетовъ о засѣданіяхъ базельскаго конгресса. Швейцеръ подробно развилъ въ нихъ мысль, что въ капиталистическомъ обществѣ упраздненіе права наслѣдованія является утопическимъ требованіемъ, а въ соціалистическомъ—излишнимъ, но для диктатуры пролетаріата въ переходный періодъ отъ капиталистическаго общества къ соціалистическому оно имѣетъ большое практическое значеніе.

Швейцеръ не задумался, конечно, использовать свое преимущество. Онъ могъ отнынѣ ссылаться на то, что Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ представляетъ собою не только наиболѣе сплоченную рабочую партію, но и самую передовую въ смыслѣ принциповъ. Съ Интернаціоналомъ онъ старался жить въ мирѣ и призналъ значеніе базельскихъ резолюцій, хотя и писалъ, что на международныхъ конгрессахъ „полу-соціализмъ“ задаетъ „не мало хлопотъ школѣ Карла Маркса“. Тѣмъ рѣзче были его отзывы о Соціалъ-демократической Рабочей Партіи, не осмѣливающейся выступить въ пользу базельскихъ резолюцій: бывшіе лассальянцы, входящіе въ брауншвейгскій комитетъ, — писалъ онъ,—настоящія соломенныя куклы, они не смѣютъ пикнуть противъ буржуа изъ Народной партіи

Въ дѣйствительности брауншвейгскій комитетъ, къ которому принадлежали Бракке, Бонгорстъ и Шпиръ, хотѣлъ выступить съ офиціальнымъ заявленіемъ въ пользу базельскихъ резолюцій, но онъ натолкнулся на сопротивленіе Либкнехта. Уже въ Базелѣ Либкнехтъ выставилъ практическія соображенія противъ того, чтобы дѣлать коллективную земельную собственность предметомъ программной резолюціи, хотя самъ онъ былъ рѣшительнымъ сторонникомъ этого логическаго вывода изъ научнаго коммунизма. Онъ писалъ брауншвейгскому комитету, что не хочетъ вступать теперь преждевременно въ драку съ Нѣмецкой народной партіей, и считалъ достаточнымъ, если органъ партіи не отвергаетъ базельскихъ постановленій. На вопросъ, какое положеніе занимаетъ Соціалъ-демократическая Рабочая Партія относительно этихъ резолюцій, „*Демократич. Еженедѣльникъ*“ отвѣтилъ въ послѣднемъ своемъ номерѣ: „Никакого. Каждый членъ партіи можетъ и долженъ занять извѣстное положеніе, партія же, какъ таковая, не должна этого дѣлать, тѣмъ болѣе, что она ни въ какомъ отношеніи не связана резолюціями, какъ не связана ими и сама

Международная Ассоціація Рабочихъ". Однако, противъ этого взгляда можно было спорить съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія, и среди нихъ не послѣднее мѣсто занимала тактическая точка зрѣнія, имѣвшая рѣшающее значеніе для Либкнехта. Швейцеръ сталъ теперь говорить, что эйзенахцы не имѣютъ смѣлости объявить себя сторонниками основного положенія научнаго коммунизма, обобществленія средствъ производства; съ другой стороны, Нѣмецкая народная партія требовала прямого отреченія отъ базельскихъ резолюцій.

Такимъ образомъ, дѣло все же дошло до разрыва, котораго Либкнехтъ хотѣлъ до поры до времени избѣжать. Отдѣльные вожди Народной партіи еще участвовали въ эйзенахскомъ съѣздѣ; среди нихъ былъ, напр., Зонneманъ, пытавшійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ оспаривать этотъ фактъ, между тѣмъ какъ его присутствіе было документально установлено. Трудно предположить, чтобы такіе хорошіе знатоки капиталистическаго способа производства, какъ онъ и ему подобные, находились въ столь полномъ заблужденіи относительно принципіальнаго значенія нюрнбергской и эйзенахской программы; вѣроятно они хотѣли остаться участниками въ игрѣ, чтобы въ послѣднюю еще минуту попробовать, нельзя ли все-таки удержать подъ своимъ вліяніемъ рабочихъ. Скорѣе уже можно сдѣлать предположеніе въ пользу швабскихъ мелкихъ буржуа, что они просто не поняли настоящаго смысла резолюцій, принятыхъ въ Нюрнбергѣ и Эйзенахѣ, но заметались потомъ, словно укушенные тарантуломъ, когда базельскія резолюціи показали имъ дѣло въ неожиданномъ свѣтѣ. Въ особенности они прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы отъ Соціалъ-демократической Рабочей Партіи откололись южно-нѣмецкіе члены; они спекулировали, и не безъ нѣкотораго успѣха, на остатки партикуляристскаго духа, особенно среди швабскихъ рабочихъ. Федерація вюртембергскихъ рабочихъ ферейновъ не закрылась, несмотря на свое присоединеніе къ эйзенахцамъ, и ея секретарь Броннен-мейеръ, искони являвшійся душой федераціи, высказался въ „*Штутт. Наблюдатель*" („*Stuttgarter Beobachter*") весьма недовѣрчиво по отношенію къ диктатурѣ Маркса, которую усмотрѣлъ въ совершенно невинномъ постановленіи базельскаго конгресса, что генеральный совѣтъ Интернаціонала долженъ въ случаѣ надобности служить посредникомъ для установленія международной связи между профессіональными рабочими союзами.

Но Бебель быстро и искусно разстроилъ махинаціи дѣятелей

Народной партіи. Онъ предпринялъ съ 5 до 30 ноября агитаціонную поѣздку по южной Германіи; посѣтивъ Кобургъ, Бамбергъ, Эрлангенъ, Фюртъ, Нюрнбергъ, Регенсбургъ, Аугсбургъ, Мюнхенъ и рядъ вюртембергскихъ городовъ, онъ вполнѣ просвѣтилъ южногерманскихъ рабочихъ. Швабская федерація рабочихъ ферейновъ отказалась отъ дальнѣйшаго самостоятельнаго существованія, и полный разрывъ съ Народной партіей произошелъ бы уже въ Штутгартѣ, гдѣ Бебель говорилъ въ большомъ залѣ Liederhalle, если бы не примирительное вмѣшательство редактора „*Штутгартскаго Наблюдателя*". Но затѣмъ самъ „*Штутг. Наблюдатель*" напечаталъ три длинныхъ статьи противъ Бебеля, которыя по своему изумительному невѣжеству въ соціальныхъ вопросахъ стояли, если это возможно, еще ниже мудрости Шульце-Делича; статьи принадлежали перу Юлія Фреезе, пруссофоба изъ Народной партіи, ставшаго вскорѣ послѣ того габсбургской рептиліей. Бебель отвѣтилъ въ „*Народномъ Государствѣ*" рядомъ статей, изданныхъ затѣмъ отдѣльно подъ общимъ заглавіемъ: „Наши цѣли". Это былъ его литературный первенецъ; живо и энергично написанный, памфлетъ Бебеля болѣе чѣмъ въ одномъ мѣстѣ свидѣтельствовалъ о прилежномъ изученіи „*Капитала*" Маркса, но въ существенныхъ частяхъ своихъ онъ все-таки опирался на агитаціонныя работы Лассаля. Теперь и Либкнехтъ отрекся отъ Народной партіи; 13 января 1870 г. онъ чрезвычайно мѣтко охарактеризовалъ ее предъ лейпцигскими рабочими въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Это партія, возникшая благодаря случаю; совершенно безсильная, она никогда не сможетъ разбить Сѣверный союзъ. Она умѣетъ шумѣть, больше ничего. Въ сѣверной Германіи, экономически болѣе развитой, чѣмъ южная Германія, она состоитъ изъ какихъ-нибудь двухъ, трехъ именъ. Только въ южной Германіи, да и то въ одной Швабіи, она имѣетъ за собою массы, но тамъ она представляетъ собою мѣшанину самыхъ разношерстныхъ элементовъ, объединяемыхъ въ данную минуту борьбою противъ пруссификаціи". Мѣсяца два спустя Либкнехтъ прочелъ въ Мееране лекцію объ аграрномъ вопросѣ, успѣшно защищавшую базельскія резолюціи противъ нападокъ Народной партіи; напечатанная впослѣдствіи въ дополненномъ видѣ, она вмѣстѣ съ полемической брошюрой Бебеля составила отличное агитаціонное оружіе для эйзенахцевъ.

Однако первоначальная сдержанность этой фракціи по отношенію къ базельскимъ постановленіямъ несомнѣнно содѣйство-

вала укрѣпленію позиціи Швейцера. Правда, подписка на „*Соціалъ-демократъ*" не возросла въ октябрѣ, какъ это наблюдалось каждую четверть года въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, но она и не уменьшилась. Въ 16 мѣстахъ она упала, но зато въ 12-ти поднялась; какъ всегда впереди всѣхъ шелъ Гамбургъ съ 1.214 подписчиками, затѣмъ слѣдовали Берлинъ (765), Эльберфельдъ-Барменъ (176), Ганноверъ (130). Въ общемъ у „*Соціалъ-демократа*" было 5.000 подписчиковъ, тогда какъ „*Народное Государство*" имѣло ихъ всего 2.000. Печатая подробный отчетъ о подпискѣ, „*Соціалъ-демократъ*" торжествуя прибавлялъ, что весь штурмъ „буржуазной демократіи" не достигъ ничего, кромѣ минутной остановки въ побѣдномъ шествіи рабочаго класса. Не подлежитъ сомнѣнію, что утвержденіе эйзенахцевъ, будто Швейцеръ имѣлъ теперь за собою только фанатизированное стадо, совершенно не отвѣчало дѣйствительности. Дисциплинированныя рабочія массы въ Гамбургѣ и на Рейнѣ очень хорошо знали, почему онѣ держатся за старое знамя, а люди, ставшіе на мѣсто Бракке, Гейба и Іорка, не уступали имъ по своей энергіи и дѣловитости: тутъ были ткачъ Гармъ изъ Эльберфельда, столяръ Дреезбахъ изъ Дюссельдорфа, сигарникъ Реймеръ изъ Альтоны, машиностроительный рабочій Фроме и сигарникъ Мейстеръ изъ Ганновера, столяръ Пфанкухъ изъ Касселя, столяръ Рейндерсъ изъ Бреславля, плотники Августъ и Отто Каппель изъ Берлина и многіе другіе. Швейцеръ предпринялъ теперь 7-недѣльную поѣздку по Германіи, чтобы удалить послѣдніе слѣды замѣшательства внутри Союза. Онъ отправился въ Штеттинъ, оттуда въ Бреславль и Петерсвальдау, затѣмъ въ Королевство Саксонское—въ Дрезденъ, Лимбахъ и Лейпцигъ, потомъ черезъ Штасфуртъ, Эгельнъ и Магдебургъ—въ Гамбургъ, Альтону, Киль, Неймюнстеръ, Гарбургъ, Люнебургъ, Ганноверъ, Бременъ, Кассель. На Рейнѣ онъ посѣтилъ Эльберфельдъ, Барменъ, Дюссельдорфъ, Эссенъ, Ремшейдъ, Кельнъ и, наконецъ, въ южной Германіи—Франкфуртъ, Оффенбахъ, Карлсруэ, Штутгартъ, Аугсбургъ, Мюнхенъ и Вюрцбургъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ онъ устроилъ закрытыя собранія членовъ, предоставляя здѣсь всякому члену задавать ему вопросы относительно тѣхъ упрековъ, какіе противъ него выставляются. Вознагражденіе за утомительную поѣздку Швейцеръ получалъ такое же, какое было установлено для агитаторовъ Союза: проѣздъ въ третьемъ классѣ и $^1/_2$ талера суточныхъ.

Еще раньше, чѣмъ онъ вернулся изъ поѣздки, Тельке завоевалъ,

наконецъ, Берлинъ. Съ 1866 г. партія прогрессистовъ перестала понимать, что вокругъ нея дѣлается. Она хотѣла непремѣнно возсѣдать за столомъ матеріальныхъ благъ, который былъ накрытъ Бисмаркомъ для буржуазіи, но въ то же время не желала бросить подъ этотъ столъ свои политическіе идеалы съ такой беззаботностью, какъ это сдѣлали національ-либералы: ей хотѣлось употребить ихъ, какъ невинное украшеніе для стола, чего не вынесли, однако, нервы Бисмарка. Въ этой дилеммѣ она зачахла. Когда лѣтомъ 1869 г. она попробовала поднять шумъ противъ основанія небольшого монастыря въ „городѣ интеллигенціи", то обнаружилось, насколько старчески - слаба и немощна она стала: одинъ энергичный слесарь собралъ немногіе ультрамонтанскіе элементы, какіе имѣлись въ Берлинѣ, и пробилъ по всѣмъ правиламъ искусства дыру въ культурномъ барабанѣ, въ который пытались громко колотить прогрессисты. Тогда они сдѣлали попытку въ другомъ направленіи: ихъ представители въ ландтагѣ внесли предложеніе, которымъ прусское правительство торжественно приглашалось сдѣлать дипломатическіе шаги въ пользу всеобщаго разоруженія великихъ европейскихъ державъ. Предложеніе было ни рыба, ни мясо: наканунѣ франко-прусской войны, которую предвидѣлъ всякій мыслящій европеецъ, оно не имѣло смысла даже съ точки зрѣнія, именуемой смирнымъ бюргеромъ „практической политикой", какъ принципіальный же протестъ противъ милитаризма оно представляло собою нѣчто весьма слабое и половинчатое. Сверхъ того, оно было выставлено въ прусской палатѣ депутатовъ, гдѣ у большинства, состоявшаго изъ консерваторовъ и національ-либераловъ, имѣлся удобный предлогъ отдѣлаться отъ него ссылкой на некомпетентность палаты, такъ какъ дипломатическія и военныя дѣла перешли къ Сѣверо-германскому союзу. Но именно потому, что предложеніе не налагало на партію прогрессистовъ никакой серьезной политической отвѣтственности, она обратилась къ нему, какъ къ агитаціонному средству, чтобы снова привлечь подъ свое знамя массы, которыя стонали подъ усиливающимся гнетомъ милитаризма.

Она созвала на воскресенье 7-е ноября народное собраніе въ громадный залъ Концертнаго Дома и поставила на очередь дня свое предложеніе о разоруженіи. Не только въ офиціальномъ объявленіи говорилось о народномъ собраніи, но прогрессистскія газеты прямо подчеркивали, что собраніе должно быть не партійнымъ, а народнымъ, хотя онѣ знали, что въ народномъ собра-

ніи, созываемомъ безъ различія партій, будутъ участвовать и соціалъ-демократическіе рабочіе. „*Volkszeitung*“ говорила увѣреннымъ въ побѣдѣ тономъ, что комитетъ по устройству собранія, въ которомъ сидѣли почти всѣ заправилы прогрессистской партіи, принялъ необходимыя мѣры противъ „возможныхъ попытокъ нарушить порядокъ въ грандіозной демонстраціи“.

Демонстрація вышла „грандіозной“, но не въ честь прогрессистской партіи. Уже по открытіи переполненнаго собранія, когда приступили къ выбору предсѣдателя, обнаружилось, что преобладающее большинство присутствующихъ состоитъ изъ соціалъ-демократическихъ рабочихъ. Тельке былъ выбранъ предсѣдателемъ, послѣ чего прогрессистскій штабъ, успѣвшій уже размѣститься уютно въ бюро, исчезъ безслѣдно по черной лѣстницѣ. Прогрессистское меньшинство, присутствовавшее въ самомъ залѣ, пыталось затѣмъ мѣшать занятіямъ, поднимая съ этой цѣлью оглушительный шумъ, но его каждый разъ удаляли при помощи мѣръ болѣе или менѣе мягкихъ, смотря по тому, какъ оно само вело себя, и послѣ этого собраніе прошло вполнѣ спокойно подъ предсѣдательствомъ Тельке. Не только лассальянцы, но и эйзенахцы и сторонники Шульце, просившіе слова, были внимательно выслушаны. Собраніе закончилось резолюціей, объявлявшей предложеніе прогрессистовъ чѣмъ-то непростительно-половинчатымъ: европейскимъ народамъ, — гласила резолюція, — нужно упраздненіе постоянныхъ армій и устройство народныхъ милицій, основанныхъ на соотвѣтственномъ обученіи юношества; прогрессистскіе депутаты—представители буржуазіи, рабочимъ же могутъ принести пользу только депутаты, принадлежащіе къ соціалъ-демократической партіи.

Прогрессистская партія подняла вопль по поводу грубаго насилія, учиненнаго надъ правомъ собраній. Тѣ самые люди, которые безцеремоннѣйшимъ образомъ срывали или пытались срывать закрытыя партійныя собранія Лассаля, теперь разыгрывали изъ себя оскорбленную невинность, когда состязаніе, ими же вызванное, кончилось не въ ихъ пользу. Они, и только они нарушили свободу собраній, такъ какъ ихъ вожди отказались признать правильное избраніе Тельке, а ихъ приспѣшники пытались воспрепятствовать продолженію занятій подъ предсѣдательствомъ Тельке. Точка зрѣнія „*Соціалъ-демократа*“ была столь же проста, сколько ясна: „Разъ созываютъ общія народныя собранія, на которыя можетъ являться всякій безъ различія партій, то надо быть

готовымъ къ тому, что и наша партія будетъ присутствовать во всѣхъ случаяхъ, когда мы сочтемъ это умѣстнымъ. По установившемуся демократическому обычаю, во всѣхъ подобныхъ собраніяхъ предсѣдатель выбирается большинствомъ. Если не хотятъ имѣть соціалъ-демократовъ въ своей средѣ, пусть созываютъ собранія опредѣленной партійной окраски. На собранія прогрессистской и Народной партіи мы не будемъ являться". Поэтому со стороны Демократическаго Рабочаго Ферейна, нѣсколько членовъ котораго получили безпрепятственно слово въ Концертномъ Домѣ, было совершенно неумѣстно предлагать „всѣмъ партіямъ" союзъ для защиты свободы собраній, ссылаясь еще вдобавокъ на свою принадлежность къ Интернаціоналу. Буржуазныя партіи не перестали оттого пренебрежительно относиться къ нему, тогда какъ Тельке справедливо задавалъ вопросъ, что̀ скажетъ генеральный совѣтъ Интернаціонала по поводу подобной тактики. Неизбѣжнымъ, къ сожалѣнію, послѣдствіемъ этого крайне ложнаго шага была отвратительная полемика ме́жду обѣими сторонами. Въ свою очередь „*Народное Государство*" честно заявило, что прогрессистамъ было только воздано по заслугамъ, хотя и выразило сожалѣніе, что плоды побѣды достались ближайшимъ образомъ „придворному соціализму".

Но пышущая злобой буржуазія не хотѣла удовольствоваться ложными заподозриваніями. Она побудила приверженныхъ еще къ ней машиностроительныхъ рабочихъ снова созвать общее рабочее собраніе на воскресенье, 28-го ноября, въ Universum, гдѣ „большинство берлинскихъ рабочихъ должно было рѣшительно осудить скандальную агитацію Швейцера". Прогрессистскія газеты и ферейны открыли усердную травлю, которая должна была подготовить хитрую операцію, сводившуюся къ устройству маленькаго переворота среди берлинскихъ рабочихъ. Начало собранія было назначено на 11 часовъ утра, но уже около 9 часовъ прогрессистскіе рабочіе должны были черезъ заднюю дверь пробраться украдкой въ Universum, такъ чтобы соціалъ-демократическіе рабочіе, явившись около 11 часовъ, нашли уже залъ занятымъ. Прогрессистскіе заправилы надѣялись, что тогда поднимется жестокая драка, и съ какимъ глубокимъ пониманіемъ полиція оцѣнила эти цвѣты бюргерскаго благодушія, показалъ сборъ всѣхъ полицейскихъ силъ, которыя въ рѣшительное утро заняли подъ начальствомъ самого полицеймейстера всѣ площади и улицы вокругъ Universum'а. Но Тельке былъ осторожнымъ полководцемъ. Когда часовъ въ 9 утра явилось

около тысячи прогрессистскихъ рабочихъ, то они нашли Universum окруженнымъ 4 тысячами соціалъ-демократическихъ рабочихъ, которые, несмотря на холодное зимнее утро, были уже на мѣстѣ съ 7 часовъ. Не успѣлъ маленькій авангардъ прогрессистскаго войска подъ покровомъ тумана пробраться черезъ заднюю дверь въ зданіе, какъ соціалъ-демократическіе рабочіе нашли эту дверь и тотчасъ заперли ее. И вотъ, когда враждебные лагери очутились другъ противъ друга на открытой улицѣ, то въ прогрессистскихъ рабочихъ мощно проснулось классовое сознаніе. Ни за что не допустить драки между рабочими къ великой радости буржуазіи и реакціи,—такова была мысль, охватившая всѣхъ. Когда около 11 часовъ открылись ворота Universum'a, то массы спокойно прошли туда. Машиностроительный рабочій Андреакъ, прогрессистъ, открылъ засѣданіе сердечнымъ призывомъ къ миру и согласію среди рабочихъ, затѣмъ были выбраны въ предсѣдатели Тельке и Любкертъ, и послѣ оживленныхъ, но мирныхъ дебатовъ собраніе постановило, что вина за безпорядки въ Концертномъ Домѣ ложится на прогрессистскую партію, такъ какъ она не захотѣла признать постановленія большинства, и что всякій, кто нарушаетъ правильный ходъ занятій въ собраніи посредствомъ шума или недобросовѣстнаго веденія засѣданія, тѣмъ самымъ совершаетъ безчестное покушеніе на право собраній. Господству прогрессистской партіи надъ берлинскими рабочими былъ навсегда положенъ конецъ.

Такимъ образомъ звѣзда Швейцера сіяла ярче, чѣмъ когда-либо. Но современное рабочее движеніе никогда не можетъ стать игралищемъ диктаторскихъ вожделѣній; оно неумолимо мститъ за всякую попытку вести съ ними своекорыстную игру. Уже во время своей круговой поѣздки, какъ успѣшна она ни была въ общемъ, Швейцеръ получилъ чувствительный ударъ по затылку. Баварскіе члены Вс. Гер. Раб. Союза продолжали и послѣ эйзенахскаго конгресса оставаться самыми вѣрными приверженцами Швейцера, и когда эйзенахцы сдѣлали на одномъ рабочемъ съѣздѣ въ Нюрнбергѣ попытку сближенія съ ними, то она была отклонена. Баварцы окрѣпли настолько, что могли уже содержать маленькую еженедѣльную газету „*Пролетарій*" („*Proletarier*"). Но Швейцеръ былъ недоволенъ этимъ: пріѣхавъ въ Аутсбургъ и наэлектризовавъ членовъ увлекательной рѣчью, онъ потребовалъ прекращенія „*Пролетарія*": газета, молъ, какъ и организація, должна быть одна. Чтобы вознаградить издателей „*Пролетарія*", Швейцеръ предлагалъ

Францу и Таушеру по 400 экземпляровъ „*Соціалъ-демократа*" для продажи въ ихъ собственную пользу. Однако баварцы отказались, хотя Швейцеръ и угрожалъ, что онъ лучше поступится всѣми южно-германскими членскими кружками, чѣмъ потерпитъ дальнѣйшій выходъ въ свѣтъ „*Пролетарія*". Затѣмъ онъ бесѣдовалъ еще наединѣ съ Таушеромъ, чтобы обработать его, но тотъ заявилъ, что не отдѣлится отъ своихъ товарищей. На другой день послѣ этого Швейцеръ хотѣлъ было провести резолюцію о прекращеніи „*Пролетарія*" въ собраніи мюнхенскихъ членовъ, но и тутъ онъ потерпѣлъ неудачу. Слухъ объ его намѣреніи распространился съ быстротою молніи среди мюнхенскихъ рабочихъ, у которыхъ „*Пролетарій*" пользовался большими симпатіями. Когда Швейцеръ явился, то былъ не дружелюбно принятъ. Онъ ни слова не сказалъ о прекращеніи „*Пролетарія*" и исчезъ, чтобы никогда больше не возвращаться.

Слѣдствіемъ всего этого было отпаденіе всѣхъ баварскихъ членскихъ кружковъ отъ Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза. Они созвали на 23 января 1870 г. въ Аугсбургъ всеобщій рабочій конгрессъ съ цѣлью основать „Лассальянскую Рабочую Партію", которая должна была, съ одной стороны, отдѣлаться отъ всякихъ „вождей", съ другой — рѣзко отграничить себя отъ Нѣмецкой народной партіи. На конгрессъ послали своихъ представителей почти одни только баварскіе рабочіе. По порученію брауншвейгскаго комитета явился Бебель, чтобы уговорить баварцевъ присоединиться къ Соціалъ-демократической Рабочей Партіи. Рѣчь его произвела хорошее впечатлѣніе и достигла бы, вѣроятно, своей цѣли, если бы Бонгорстъ не раздалъ въ залѣ памфлета, гдѣ Таушеръ былъ выставленъ креатурой Швейцера, который напоилъ-де его шампанскимъ. Раздраженные этими измышленіями, баварцы рѣшили до поры до времени держаться выжидательно; они образовали четвертую фракцію.

Мы говоримъ четвертую фракцію, ибо графиня Гацфельдтъ успѣла уже тѣмъ временемъ опять поссориться со Швейцеромъ. Она обвиняла Швейцера въ нарушеніи договора: онъ, молъ, не соблюдаетъ даннаго при объединеніи обязательства все больше отодвигать на задній планъ профессіональное рабочее движеніе и по возможности препятствовать организованнымъ стачкамъ. Съ своей стороны Швейцеръ отрицалъ, чтобы онъ когда-либо бралъ на себя подобное обязательство: онъ всегда отводилъ рабочимъ союзамъ и стачкамъ подчиненную роль въ сравненіи съ полити-

ческимъ движеніемъ, но никогда не давалъ обѣщанія поставить ихъ еще ниже. Трудно предположить, чтобы Швейцеръ скомпрометировалъ себя настолько, насколько это утверждала гр. Гацфельдтъ, но онъ не доказалъ также и не пытался даже доказать, что онъ когда-либо убѣдилъ приверженцевъ гр. Гацфельдтъ въ правильности своего взгляда на профессіональное рабочее движеніе. Если онъ тѣмъ не менѣе согласился на сліяніе, то навлекъ на себя вину, за которую ему приходилось теперь тяжко расплачиваться. Черезъ какіе-нибудь полгода послѣ торжественно возвѣщеннаго объединенія нѣмецкой рабочей партіи она раскололась на 4 части, и это плачевное слѣдствіе диктаторской политики наносило жестокій ударъ политическому престижу диктатора. Правда, Швейцеръ не безъ основанія говорилъ, что при новомъ отпаденіи за графиней Гацфельдтъ пошла только незначительная часть ея прежнихъ сторонниковъ; дѣйствительно, отнынѣ эта секта почти безслѣдно исчезаетъ изъ исторіи германской соціалъ-демократіи. Тѣмъ не менѣе она сохранила еще покуда достаточно силъ, чтобы созвать своего рода общее собраніе въ Галле, гдѣ раздавались самыя запальчивыя обвиненія противъ Швейцера, обвиненія, компрометировавшія его еще больше, если они были неосновательны, чѣмъ если они были основательны. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могъ онъ, хотя при нѣкоторой проницательности, обманываться насчетъ этихъ ненадежныхъ союзниковъ?

Несравненно хуже еще было то, что тактика Швейцера дѣйствительно нанесла тяжкій вредъ профессіональному движенію. Само по себѣ оно находилось въ состояніи отраднаго подъема. Въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ былъ проведенъ цѣлый рядъ стачекъ, всегда съ честью и часто также съ успѣхомъ. Въ Берлинѣ каменщики и плотники добились такимъ путемъ повышенія заработной платы и сокращенія рабочаго дня. Въ Гамбургѣ рабочіе по дереву и по металлу на лауенштейнскомъ вагоностроительномъ заводѣ посредствомъ упорной стачки, полной возбуждающихъ инцидентовъ, отстояли себя противъ пониженія ихъ сдѣльныхъ расцѣнковъ на $33^1/_3\%$, предпринятаго заводской администраціей на томъ миломъ основаніи, что рабочіе могутъ обойтись безъ масла къ хлѣбу. Въ Аугсбургѣ двѣ большія забастовки имѣли своей цѣлью добиться удаленія двухъ деспотическихъ служащихъ: на машиностроительномъ заводѣ „Аугсбургъ“ литейщики послѣ недѣли борьбы одержали побѣду благодаря единодушной сплоченности рабочихъ, зато на ткацкой фабрикѣ

Крауса рабочіе послѣ двухнедѣльной забастовки потерпѣли пораженіе, такъ какъ фабриканту удалось навербовать въ Богеміи 500 ткачей и привезти ихъ въ экстренномъ поѣздѣ въ Аугсбургъ. Съ какой самоотверженностью проводились эти стачки, видно изъ того факта, что только на двухъ собраніяхъ, изъ которыхъ одно происходило въ Аугсбургѣ, а другое въ Мюнхенѣ, было собрано въ пользу забастовщиковъ 700 гульденовъ. Но въ то время какъ соціалъ-демократическіе рабочіе вели свою профессіональную борьбу всегда съ честью и часто также съ успѣхомъ, прогрессистскіе профессіональные союзы получили смертельный ударъ благодаря вальденбургской стачкѣ. Желая помѣряться силами съ соціалъ-демократическимъ движеніемъ, Максъ Гиршъ сдѣлалъ попытку основаться съ своей агитаціей въ вальденбургскомъ округѣ. Бѣдствующіе горнорабочіе приняли его легкомысленную игру въ серьезъ и забастовали въ количествѣ 6,500 человѣкъ. Между тѣмъ владѣльцы копей, по большей части либералы, отнеслись къ апостолу гармоніи, какъ къ злонамѣренному смутьяну, и съ бичомъ голода въ рукахъ продиктовали распущеніе „его" профессіональнаго союза. Забастовка кончилась полнымъ и, поскольку дѣло касалось Макса Гирша и его прогрессистскихъ приспѣшниковъ, постыднымъ также пораженіемъ. Силезскимъ горнорабочимъ пришлось дорого заплатить за свою ошибку; будучи разсудительными людьми, они перешли къ соціалъ-демократіи. Точно такъ же поступили фабричные рабочіе Форста, которые вскорѣ послѣ того вынесли изъ своихъ сношеній съ Максомъ Гиршемъ столь же печальный урокъ. Едва начавшись, игра прогрессистской партіи была, такимъ образомъ, совершенно разстроена.

Всѣмъ этимъ благопріятнымъ шансамъ профессіональнаго рабочаго движенія нанесла тяжкій вредъ себялюбивая диктаторская политика Швейцера. Политическіе раздоры проникли почти во всѣ рабочіе союзы; только каменщики и плотники, подъ руководствомъ Любкерта, стояли довольно дружно на сторонѣ Швейцера. Въ остальныхъ рабочихъ союзахъ произошелъ расколъ: президенты ихъ, и въ томъ числѣ Фрицше, отложились отъ Швейцера, тогда какъ болѣе или менѣе значительная часть членовъ осталась вѣрной ему. Въ профессіональной организаціи распря между фракціями гораздо больше отравляла отношенія, чѣмъ въ организаціи политической, ибо эта распря была чужда ея существу, безполезно дробила пріобрѣтенныя уже силы и тѣмъ болѣе отпугивала непривлеченныя еще къ движенію массы, что обусловила неудачный исходъ

нѣсколькихъ забастовокъ, напр., стачки сигарныхъ рабочихъ въ Лейпцигѣ. Но Швейцеръ былъ теперь уже настолько ослѣпленъ, что только и сталъ настоящимъ образомъ входить въ роль диктатора. Вернувшись изъ своей организаціонной поѣздки, онъ предложилъ слить всѣ рабочіе союзы въ одну Всеобщую Федерацію для взаимной поддержки (Allgemeiner Unterstützungsverband), что̀ значило прямо-таки удвоить недостатки основанной имъ профессіональной организаціи.

5-го января 1870 г. въ Берлинѣ открылось 9-ое общее собраніе Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза, на которое явилось 39 делегатовъ отъ 8.062 платящихъ членовъ, и тутъ обнаружилось, что оппозиція противъ диктатуры Швейцера отнюдь не заглохла. Произошелъ рядъ непріятныхъ объясненій. Швейцеръ жаловался на „аристократію Союза", на „интеллигентовъ", не перестающихъ возбуждать смуту; онъ не понимаетъ, какъ люди могутъ по цѣлымъ днямъ заниматься бабьими сплетнями; ему надоѣло препираться такимъ образомъ сначала съ противниками Союза, а затѣмъ съ членами Союза. На это Пфанкухъ мѣтко возразилъ, что своимъ союзомъ съ графиней Гацфельдтъ Швейцеръ самъ навязалъ бабьи сплетни на шею Всеобщему Германскому Рабочему Союзу. Въ общемъ 6-дневныя работы собранія прошли, однако, еще довольно благопріятно для Швейцера. Въ частности, послѣ тщательнѣйшей ревизіи кассы было объявлено ни на чемъ неоснованнымъ постоянное утвержденіе эйзенахцевъ, что Швейцеръ покрываетъ расходы по агитаціи изъ секретныхъ фондовъ прусскаго правительства и при этомъ не забываетъ также себя. Затѣмъ Швейцеру удалось сохранить свою диктатуру въ почти неумаленномъ видѣ. Президентъ долженъ былъ по прежнему выбираться путемъ общаго голосованія всѣхъ членовъ, только не до, а послѣ каждаго общаго собранія. Переходъ „*Соціалъ-демократа*" въ собственность Союза былъ отклоненъ, и комиссія по дѣламъ печати не была выбрана вновь. Только правленіе получило нѣсколько болѣе широкія полномочі оно по прежнему осталось разбросаннымъ по всей Германіи, но должно было поддерживать впредь правильныя письменныя сношенія въ своей средѣ и собираться нѣсколько разъ въ годъ. Правленіе получило право вмѣшаться противъ „всякаго злоупотребленія властью" со стороны президента, который въ прочихъ отношеніяхъ долженъ былъ, однако, сохранить всю „полноту власти". Секретаремъ былъ выбранъ Тельке, а кассиромъ Газенкле-

веръ, вступившій вмѣстѣ съ тѣмъ въ редакцію „*Соціаль-демократа*“.

Непосредственно за этимъ общимъ собраніемъ происходило общее собраніе швейцеровскаго Союза рабочихъ союзовъ, на которомъ присутствовало 89 делегатовъ, представлявшихъ 20.674 платящихъ членовъ. Собраніе продолжалось 3 дня и также кончилось успѣхомъ для Швейцера. Дѣла кассы оказались въ порядкѣ, и предложеніе Швейцера о сліяніи всѣхъ рабочихъ союзовъ въ одинъ большой союзъ было принято большинствомъ 12.000 противъ 9.000 голосовъ. Изъ вниманія къ такому крупному меньшинству общее собраніе рѣшило отложить фактическое проведеніе своего постановленія до 1 іюля 1870 г., но въ этомъ не было скрыто никакого недовѣрія къ Швейцеру. Какъ явствовало изъ преній, меньшинство отнюдь не относилось враждебно къ предложенію Швейцера, а хотѣло лишь, чтобы оно было осуществлено постепенно, въ виду „цеховыхъ“ предразсудковъ многихъ рабочихъ.

Тотчасъ послѣ этихъ собраній Швейцеръ одержалъ еще побѣду надъ Іоганномъ Якоби. Избирательное правленіе второго избирательнаго округа города Берлина (по выборамъ въ ландтагъ) созвало избирателей на 20 января, чтобы выслушать отчетъ своихъ депутатовъ — городского гласнаго Рунге и Іоганна Якоби. Среди этихъ избирателей было много соціалъ-демократовъ; они явились подъ предводительствомъ Швейцера и Газенклевера, жившихъ также въ округѣ, и при выборѣ предсѣдателя оказалось, что они располагаютъ значительнымъ большинствомъ. Вожаки прогрессистовъ опять разыграли изъ себя оскорбленную добродѣтель и удалились съ Рунге во главѣ; напротивъ, Якоби мыслилъ достаточно логично, чтобы признавать демократическій принципъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Онъ остался подъ предсѣдательствомъ Швейцера и говорилъ о цѣляхъ рабочаго движенія. Несмотря на его тихій голосъ, рабочіе съ величайшимъ уваженіемъ прислушивались къ его рѣчи, содержавшей знаменитыя слова: „Основаніе самаго маленькаго рабочаго союза представитъ для будущаго историка культуры бо́льшую цѣнность, нежели день битвы при Садовѣ“. Рѣчь приближалась къ научному коммунизму настолько, насколько это возможно было для буржуазнаго идеолога; во всякомъ случаѣ она подходила къ нему достаточно близко, чтобы одинаково поразить ужасомъ берлинскихъ прогрессистовъ и франкфуртскихъ демократовъ. Но она и практически и теоретически остерегалась сдѣлать послѣдній шагъ. Въ теоретическомъ

отношенiи она не высказывалась прямо въ пользу обобществленiя средствъ производства, дѣлающаго невозможной всякую эксплуатацiю; въ практическомъ отношенiи она не становилась на точку зрѣнiя классовой борьбы,—въ полной гармонiи съ тѣмъ фактомъ, что незадолго до того Якоби подписалъ воззванiе прогрессистскихъ манчестерцевъ въ пользу вальденбуржцевъ, гдѣ было сказано, что въ Германiи нѣтъ мѣста для классовой борьбы. Якоби хотѣлось, чтобы соцiальный вопросъ былъ разрѣшенъ путемъ согласованной дѣятельности государства, предпринимателей и рабочихъ, и потому собранiе поступило совершенно правильно, когда по предложенiю Газенклевера постановило, что Якоби усвоилъ себѣ многiя соцiалистическiя истины, но остановился на полпути.

Швейцеръ значительно переоцѣнивалъ, однако, свой успѣхъ, если онъ думалъ, что сдѣлалъ этимъ сильный ходъ противъ эйзенахцевъ. Практически рѣчь Якоби не имѣла особаго значенiя; правда, „*Народное Государство*“ напечатало ее in extenso и защищало ее также противъ нападокъ Швейцера, но газета была слишкомъ глубоко вовлечена въ водоворотъ классовой борьбы, чтобы дать Якоби сбить себя съ толку. Какъ саксонское правительство, такъ и саксонскiе фабриканты разрушали своими преслѣдованiями утопiю мирной совмѣстной работы эксплуатирующихъ и эксплуатируемыхъ; они сдѣлали бы это даже въ томъ случаѣ, если бы указанная утопiя возникла гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, а не въ ученой кабинетной атмосферѣ Якоби. Эйзенахцамъ приходилось вести очень тяжелую борьбу, въ особенности съ финансовой нуждой; революцiонный фондъ, буржуазно-республиканскiе распорядители котораго стали теперь также дѣлать затрудненiя, помогъ имъ еще разъ преодолѣть первыя препятствiя, выдавъ имъ субсидiю въ 3.500 фр., но въ концѣ концовъ они мужественно пробились и, въ частности, создали себѣ неприступную твердыню въ лицѣ саксонскаго пролетарiата. Въ апрѣлѣ 1870 г. Бебелемъ былъ завоеванъ Плауенъ, важнѣйшiй фабричный городъ Фохтланда, гдѣ въ 1869 г., на дополнительныхъ выборахъ въ рейхстагъ, проскочилъ въ депутаты Максъ Гиршъ. Послѣднiй съ отчаянiемъ признавалъ самъ, что только благодаря великодушiю Бебеля онъ вообще получилъ возможность быть выслушаннымъ какъ выборный представитель названнаго избирательнаго округа. За исключенiемъ Циттау и Франкенберга, во всей остальной Саксонiи господствующему влiянiю прогрессистовъ-манчестерцевъ на рабочихъ наступилъ конецъ. Число подписчиковъ

„Народнаго Государства“ дошло къ серединѣ января 1870 г. до 3.000 съ лишнимъ: въ Лейпцигѣ ихъ было 198, въ Дрезденѣ—159, въ Кельнѣ—128, въ Криммичау—124, въ Глаухау—119, въ Майнцѣ—96, въ Цвиккау—93, въ Мееране—91, въ Бреславлѣ—88, въ Хемницѣ—85, въ Брауншвейгѣ—78, въ Гамбургѣ—75, въ Штутгартѣ — 71, въ Берлинѣ — 63, въ Вердау — 61, въ Пештѣ — 55, въ Аугсбургѣ—40 и столько же въ Нюрнбергѣ.

Внѣшнимъ образомъ борьба между обѣими фракціями разыгрывалась въ весьма непріятныхъ формахъ. Въ печати сыпались взаимные упреки въ измѣнѣ рабочему дѣлу, въ рабочихъ собраніяхъ доходило часто до бурныхъ сценъ. Въ первомъ пунктѣ бо̀льшая часть вины падала на эйзенахцевъ, во второмъ—на лассальянцевъ. Но несмотря на эту борьбу и даже въ извѣстномъ смыслѣ благодаря ей, происходило все большее сближеніе фракцій. Типичнымъ въ этомъ отношеніи былъ ходъ второго конгресса, устроеннаго эйзенахцами въ Троицынъ день 1870 г. въ Штутгартѣ. Согласно подсчету комиссіи по провѣркѣ полномочій, въ конгрессѣ участвовало 74 делегата отъ 111 мѣстъ; 47 мѣстъ, гдѣ партія имѣла своихъ приверженцевъ, не были представлены. Общее число членовъ партіи, представленныхъ въ Штутгартѣ, равнялось 15.398, слѣдовательно — только десятой или девятой части рабочихъ, представленныхъ въ Эйзенахѣ, и даже эта цифра была весьма спорна, такъ какъ, во-первыхъ, она не ограничивалась исключительно членами, производящими взносы, а во-вторыхъ, въ нее вошло нѣсколько тысячъ австрійскихъ и швейцарскихъ рабочихъ. *„Народное Государство“*, которому никакъ нельзя было сдѣлать упрека въ пессимистическомъ взглядѣ на успѣхи собственной партіи, опредѣляло число активныхъ членовъ партіи, на основаніи того расчета, какой позволялъ сдѣлать штутгартскій конгрессъ, въ 10.000 чел.

Лассальянцы попытались разстроить конгрессъ. Несмотря на неблагопріятную для нихъ почву, они все-таки укрѣпились въ швабской столицѣ благодаря усердной агитаціи Лейкгардта; недѣли за двѣ до открытія конгресса туда пріѣхало еще нѣсколько агитаторовъ извнѣ, и имъ удалось крѣпко сорганизовать около 250 рабочихъ, сумѣвшихъ парализовать въ публичныхъ собраніяхъ работу штутгартской организаціи эйзенахцевъ. Когда затѣмъ собрался самъ конгрессъ эйзенахцевъ, то онъ въ закрытомъ предварительномъ совѣщаніи рѣшилъ, хотя и допускать не-членовъ на свои публичныя собранія, но устранить ихъ отъ участія въ

преніяхъ, что привело въ первомъ же публичномъ собраніи къ бурнымъ сценамъ и къ преждевременному закрытію засѣданія. Конгрессъ обезпечилъ себѣ возможность безпрепятственнаго продолженія своихъ работъ лишь тѣмъ, что закрылъ для не-членовъ доступъ и на свои публичныя собранія.

Несмотря на это невеселое начало, работы штутгартскаго конгресса много способствовали выясненію отношеній между обѣими фракціями, какъ въ томъ, что касалось организаціи, такъ и въ вопросахъ принциповъ и тактики. Обнаружилось, во-первыхъ, что организація, принятая въ Эйзенахѣ, слишкомъ тяжеловѣсна. Комитетъ былъ оставленъ въ Брауншвейгѣ - Вольфенбюттелѣ, но контрольная комиссія перенесена изъ Вѣны въ Гамбургъ-Альтону-Гарбургъ. Далѣе, невозможно было осуществить на практикѣ, чтобы каждый членъ эйзенахской партіи состоялъ одновременно членомъ Интернаціонала, партіи и мѣстнаго ферейна. Требованіе вступить лично въ Интернаціоналъ выполнили лишь немногіе члены, и его не стали трогать. Зато штутгартскій конгрессъ отмѣнилъ обязательство членовъ основывать мѣстные союзы: онъ рѣшилъ, что мѣстные членскіе кружки должны выбирать довѣренныхъ лицъ и ревизоровъ, чтобы сноситься черезъ нихъ съ комитетомъ; такимъ образомъ организація эйзенахцевъ значительно приблизилась къ лассальянской. Въ другомъ отношеніи различіе въ организаціи обѣихъ фракцій стало, впрочемъ, еще глубже, но при этомъ ясно выступила бòльшая правильность воззрѣнія эйзенахцевъ. „*Соціалъ-демократъ*" все еще стоялъ значительно выше „*Народнаго Государства*" по послѣдовательному пониманію научнаго коммунизма, но зато широкій просторъ, который предоставлялся органомъ эйзенахцевъ членамъ партіи для споровъ и обмѣна мнѣніями, имѣлъ ту хорошую сторону, что сообщалъ дѣятельный стимулъ ихъ духовнымъ интересамъ. Въ Штутгартѣ рѣшено было основать литературное предпріятіе на акціяхъ для распространенія партійной литературы, а баварской партіи, окончательно слившейся теперь съ эйзенахцами, позволили продолжать изданіе „*Пролетарія*". Тотчасъ послѣ этого Карлъ Гиршъ основалъ въ Криммичау первую ежедневную мѣстную газету партіи— „*Der Bürger-und Bauernfreund*" („*Другъ бюргеровъ и крестьянъ*"). Правда, и Швейцеръ съ согласія правленія началъ 1 апрѣля 1870 г. издавать маленькую еженедѣльную газету „*Агитаторъ*", настолько дешевую, что по самому благопріятному расчету она могла покрыть свои расходы только при 50.000 подписчиковъ;

изданіе было предпринято Швейцеромъ съ цѣлью задушить *„Пролетарій“* и для болѣе успѣшнаго привлеченія массъ на свою сторону, особенно въ южной Германіи. Но газета пріобрѣла всего 15.000 подписчиковъ и, сверхъ того, настолько повредила *„Соціалъ-демократу“*, отдѣленіемъ котораго, при всей искусности редакціи, она оставалась, что главный органъ лассальянцевъ принужденъ былъ съ 1-го іюля снова начать выходить въ меньшемъ форматѣ. Въ томъ то и дѣло, что слишкомъ строгая централизація также имѣла свои тѣневыя стороны.

Что касается принципіальныхъ вопросовъ, то штутгартскій конгрессъ объявилъ по предложенію Бебеля, что „экономическое развитіе современнаго общества сдѣлаетъ общественной необходимостью превращеніе пахотной земли въ общую собственнность“. Этимъ было установлено единомысліе обѣихъ фракцій по одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ научнаго коммунизма. Другое согласіе въ воззрѣніяхъ обнаружилось по вопросу о профессіональныхъ рабочихъ союзахъ, хотя на первыхъ порахъ они совпали больше въ смыслѣ неясности, чѣмъ ясности. Мысль о сліяніи рабочихъ союзовъ въ одинъ большой союзъ живо отстаивалась также въ Штутгартѣ и была отклонена по той же причинѣ, по которой противъ нея возстало сильное меньшинство на общемъ собраніи швейцеровскаго Verband'а рабочихъ союзовъ: потому, что дѣло это слѣдуетъ пріурочить къ учрежденіямъ, съ которыми рабочіе знакомы и свыклись издавна,—къ цехамъ. Эти соображенія развивалъ докладчикъ Іоркъ, и по его предложенію штутгартскій конгрессъ объявилъ главной задачей профессіональныхъ рабочихъ союзовъ основаніе производительныхъ кооперативныхъ товариществъ и содѣйствіе ихъ развитію.

Одинъ буржуазный писатель не безъ основанія замѣчаетъ, что изъ преній не видно, какимъ образомъ штутгартскій конгрессъ пришелъ именно къ этому постановленію. Повидимому, тутъ сыграли роль два мотива. Во-первыхъ, рабочіе круги были недовѣрчиво настроены вслѣдствіе многочисленныхъ стачекъ, нѣсколько опрометчиво объявленныхъ въ первой половинѣ 1870 г., въ обратномъ отношеніи къ заминкѣ въ развитіи рабочихъ союзовъ. Какъ обстояло въ этомъ смыслѣ дѣло, мы можемъ видѣть изъ отчета Союза рабочихъ союзовъ (Arbeiterschaftsverband), опубликованнаго Швейцеромъ въ сентябрѣ 1870 г.; согласно отчету, расходы Союза составили за первые 8 мѣсяцевъ 1870 г.: по счету администраціи—637 талеровъ, по счету агитаціи—217 талеровъ,

а по счету забастовокъ — всего только 395 талеровъ, которыми были поддержаны 11 стачекъ въ Гамбургѣ, Килѣ, Люнебургѣ, Юльценѣ, Магдебургѣ, Эльберфельдѣ, Золингенѣ, Мюнстерѣ и Мюнхенѣ. Швейцеръ высчитывалъ, правда, что кассами отдѣльныхъ рабочихъ союзовъ и добровольными сборами иногороднихъ товарищей, не считая мѣстныхъ сборовъ, было собрано въ пользу упомянутыхъ 11 стачекъ 22.500 талеровъ, но и это не было особенно много, а вѣдь рабочіе союзы лассальянцевъ были безспорно самыми сильными. Съ протестомъ противъ „безсмысленнаго бастованія" выступили и президіумъ Союза рабочихъ союзовъ, и „*Народное Государство*"; Іоркъ предостерегалъ въ Штутгартѣ противъ ошибочнаго взгляда, что „безусловная задача" рабочихъ союзовъ состоитъ въ устройствѣ забастовокъ, при которыхъ „бóльшая часть силъ растрачивается безплодно". Во-вторыхъ, тогда еще недостаточно ясно сознавали различіе между профессіональными рабочими союзами и кооперативными товариществами, которыя смѣшивалъ въ одну кучу даже такой развитой пролетарій, какъ Іоркъ. Въ партіи постановленіе штутгартскаго конгресса по вопросу о рабочихъ союзахъ вызвало лишь единичные протесты; характерно, что съ нимъ выступили два бывшихъ лассальянца, Гуго Гильманъ и шорникъ Крекеръ изъ Бреславля. Они доказывали въ „*Народномъ Государствѣ*", что постановленіе конгресса допускаетъ самыя превратныя толкованія и игнорируетъ историческое существо рабочихъ союзовъ; на это редакція не столько возразила, сколько уклончиво замѣтила, что производительныя предпріятія, основаніе которыхъ возлагается на рабочіе союзы, должны имѣть только значеніе опытовъ, подобно англійскимъ кооперативнымъ обществамъ.

По вопросамъ тактики штутгартскій конгрессъ постановилъ, на основаніи доклада Либкнехта, принять участіе въ предстоявшихъ осенью выборахъ въ рейхстагъ и въ таможенный парламентъ „исключительно съ агитаціонной цѣлью". Избранные представители партіи должны были въ общемъ занять отрицательную позицію и пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы разоблачать, какъ комедію, работы обоихъ собраній, но при этомъ они должны были все-таки „по мѣрѣ возможности дѣйствовать въ пользу рабочихъ классовъ",—что также означало собою сильное приближеніе эйзенахцевъ къ точкѣ зрѣнія лассальянцевъ. Приблизительно около того же времени Швейцеръ опредѣлилъ въ „*Агитаторѣ*" задачи соціалъ-демократическихъ депутатовъ въ томъ смыслѣ, что

рейхстагъ и таможенный парламентъ являются для нихъ „въ сущности не болѣе какъ агитаціоннымъ средствомъ". При всякомъ удобномъ случаѣ они должны провозглашать соціалистическіе принципы, разоблачать публично реакціонную лже-парламентскую политику и участвовать въ важныхъ голосованіяхъ (наприм., подавать голосъ противъ всѣхъ налоговъ). Фактически различіе выражалось весною 1870 г. въ томъ, что Бебель и Либкнехтъ очень мало участвовали въ парламентскихъ работахъ, а когда они это дѣлали, то въ рѣзко-вызывающей формѣ бросали перчатку буржуазнымъ партіямъ, между тѣмъ какъ Швейцеръ принималъ въ засѣданіяхъ болѣе правильное участіе, защищая соціалъ-демократическую точку зрѣнія путемъ болѣе дѣловитой, хотя ничуть не менѣе рѣзкой критики отдѣльныхъ законопроектовъ.

Но если Швейцеръ слѣдовалъ въ данномъ случаѣ тактикѣ, правильность которой подтвердилъ историческій опытъ ближайшихъ десятилѣтій, то въ другомъ тактическомъ вопросѣ поведеніе его сдѣлало очевиднымъ для всѣхъ, что со своимъ разыгрываніемъ диктаторской роли онъ дѣйствительно опустился до положенія узкаго главы секты. Штутгартскій конгрессъ постановилъ не вступать при выборахъ въ союзы и компромиссы ни съ какой партіей, но тамъ, гдѣ соціалъ-демократическая рабочая партія не выставляетъ собственнаго кандидата, отдавать свои голоса кандидатамъ, которые въ политическомъ, по крайней мѣрѣ, отношеніи раздѣляютъ въ существенныхъ чертахъ ея точку зрѣнія, въ особенности — дѣйствительнымъ рабочимъ кандидатамъ, выдвигаемымъ другими партіями. Напротивъ, правленіе Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза постановило мѣсяцемъ позже подъ предсѣдательствомъ Швейцера въ Ганноверѣ—выставлять собственныхъ кандидатовъ повсюду, гдѣ имѣются члены партіи, а на перебаллотировкахъ голосовать за наиболѣе передового либеральнаго кандидата, но никакъ не за реакціонера или эйзенахца; при перебаллотировкѣ между реакціонеромъ и эйзенахцемъ предписывалось воздержаніе отъ подачи голоса, при перебаллотировкѣ между эйзенахцемъ и либераломъ—подача голоса за либерала. Такимъ образомъ, при перебаллотировкѣ между Бебелемъ и Максомъ Гиршемъ члены Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза должны были голосовать за Макса Гирша. Мотивировалась эта разнузданная резолюція мнимымъ лицемѣріемъ эйзенахцевъ, которое будто бы приноситъ рабочему дѣлу больше вреда, чѣмъ могло бы принести пользы достиженіе политическихъ требованій эйзенахской

программы. На эту жалкую софистику брауншвейгскій комитетъ эйзенахцевъ правильно возразилъ, что это значитъ натравливать рабочихъ противъ рабочихъ, соціалъ-демократовъ противъ соціалъ-демократовъ, и Соціалъ-демократическая Рабочая Партія будетъ твердо держаться тактики—отдавать всякому рабочему кандидату предпочтеніе предъ всякимъ буржуазнымъ кандидатомъ.

Ложные пути, на которые все больше сбивалась диктатура Швейцера, должны были неизбѣжно привести ее къ жалкой гибели. Для нея было еще счастьемъ, что она раньше полнаго своего банкротства рухнула въ мощной грозѣ, которая смыла вмѣстѣ съ нею самую глубокую причину раскола въ сознательномъ пролетаріатѣ Германіи. Если расколъ этотъ родился на полѣ битвы при Кёниггрецѣ, то Седанъ сталъ его могилою.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Періодъ съ 1863 г. до 1878 г., который въ первомъ изданіи былъ соединенъ въ одинъ отдѣлъ подъ заглавіемъ „Молодые годы соціалъ-демократіи“, разбитъ теперь на три отдѣла, изъ которыхъ первый простирается до смерти Лассаля, второй—до франко-прусской войны, а третій—до изданія закона противъ соціалистовъ. Я сдѣлалъ это съ цѣлью отчетливѣе представить внутреннюю связь историческаго развитія. Чѣмъ больше я занимался предметомъ, тѣмъ яснѣе становилось для меня, что внутренніе раздоры, которыми наполнено первое 10-тилѣтіе въ исторіи партіи, имѣли настоящимъ своимъ корнемъ національный вопросъ, что всѣ прочія политическія и соціальныя разногласія вели въ послѣднемъ счетѣ къ проблемѣ: какое положеніе относительно указаннаго вопроса долженъ занять рабочій классъ, не принципіально—въ принципѣ всѣ были согласны, что нѣмецкое единство на основѣ бисмарковской политики крови и желѣза представляетъ собою все, что угодно, только не осуществленіе демократическихъ идеаловъ,—а практически и тактически. И если эта проблема явилась причиною междоусобнаго раздора, то оглядываясь на замолкшіе навсегда споры, мы можемъ теперь утѣшаться тѣмъ, что только путемъ этого раздора ее возможно было разрѣшить: самъ вопросъ имѣлъ свои двѣ стороны, и каждая изъ нихъ могла получить прочное рѣшеніе не раньше, чѣмъ содержаніе ея будетъ раскрыто борьбою.

Изъ трехъ книгъ, на которыя я раздѣлилъ теперь 15-тилѣтній періодъ отъ „Открытаго письма“ Лассаля до изданія закона противъ соціалистовъ, настоящій томъ содержитъ двѣ первыя книги: объ агитаціи Лассаля и о раздорахъ между фракціями. Въ сравненіи съ первымъ изданіемъ особенно существенное и, какъ мнѣ

кажется, цѣнное дополненіе получила глава о первыхъ шагахъ партіи, благодаря связкѣ изъ 87 писемъ, депешъ, протоколовъ и прочаго рукописнаго матеріала, которую старый, преданный архиваріусъ партіи Моттелеръ собралъ съ неутомимой заботливостью и предоставилъ въ мое пользованіе, за что я приношу ему здѣсь свою искреннюю благодарность. Теперь можно установить до мелочей, съ одной стороны, какимъ естественнымъ дѣтищемъ нѣмецкаго рабочаго класса является нѣмецкая соціалъ-демократія, а съ другой—какія неоцѣнимыя и безсмертныя услуги оказалъ ей Лассаль въ качествѣ акушера при ея рожденіи.

Въ книгѣ о раздорахъ между фракціями мнѣ не приходилось предпринимать никакихъ коренныхъ улучшеній, всего менѣе въ томъ, что я говорю о Швейцерѣ. Если въ первомъ изданіи я считался съ возможностью, что другіе обработаютъ по первоисточникамъ ту же историческую тему и придутъ къ другимъ заключеніямъ, то это ожиданіе не сбылось. Моя оцѣнка Швейцера рѣшительно ни въ одномъ пунктѣ не была серьезно оспорена, не говорю уже опровергнута. Дѣло не мѣняется отъ того, что „*Vorwārts*“ попытался въ своей рецензіи по поводу перваго изданія выудить изъ мною же приведеннаго матеріала разные факты, говорящіе противъ Швейцера, или отъ увѣренія К. Эйснера въ его брошюрѣ о Либкнехтѣ, будто „дальнѣйшее историческое развитіе недвусмысленно доказало“, что Швейцеръ велъ „самую близорукую политику минуты“. Все это фразы, изъ которыхъ ничего не слѣдуетъ, кромѣ того, что ихъ авторы не дали себѣ труда сами изучить предметъ.

Иначе обстоитъ, конечно, дѣло съ полемикой Бебеля противъ моего взгляда на Швейцера. Бебель хочетъ доказать неправильность моего изложенія, разсказавши самъ исторію всей борьбы, которую онъ и Либкнехтъ вели со Швейцеромъ; понятно, что я могу только выразить свое удовольствіе по этому поводу. Ни отъ чего я не былъ такъ далекъ, какъ отъ личнаго пристрастія въ пользу Швейцера, съ которымъ никогда не былъ знакомъ и котораго также считалъ весьма сомнительнымъ политическимъ дѣятелемъ, пока источники не убѣдили меня въ противномъ. Для меня важна только историческая истина, которой я, смотря по обстоятельствамъ, такъ же готовъ принести въ жертву Швейцера, какъ я отстаиваю ее противъ самой укоренившейся партійной легенды. Если мой взглядъ на Швейцера будетъ опровергнутъ такъ же документально, какъ онъ развитъ мною, то я охотно

откажусь отъ него; съ другой стороны, я буду, не смущаясь, держаться его и впредь, покуда онъ документально не опровергнутъ.

Не только всѣ старые лассальянцы, но и всѣ старые эйзенахцы, высказывавшіеся мнѣ письменно или устно по поводу моей исторіи партіи, выразили свое удовольствіе по поводу того, что нисколько не скрашивая дѣйствительныхъ ошибокъ Швейцера и не умаляя значенія борьбы эйзенахцевъ противъ него, я устранилъ избытокъ вины, тяготѣющій надъ нимъ согласно принятой партійной традиціи; только нѣкоторые изъ нихъ сдѣлали оговорку, что изъ желанія выпрямить согнутую палку, я въ той или другой детали слишкомъ перегнулъ ее въ противоположную сторону, о чемъ я не стану долго спорить. Но я не хочу даже ссылаться на эти одобрительные отзывы, какъ на доводъ противъ Бебеля: какъ ни порадовали они меня, я не вижу въ нихъ, однако, рѣшающаго доказательства *за* меня и *противъ* Бебеля, по той простой причинѣ, что подобные спорные вопросы вообще не могутъ быть рѣшены путемъ личныхъ воспоминаній о времени, удаленномъ отъ насъ на цѣлое человѣческое поколѣніе. Когда Энгельсъ писалъ свой біографическій очеркъ о Марксѣ для „Словаря государственныхъ знаній" Конрада, онъ безъ сомнѣнія тщательно провѣрялъ свои личныя воспоминанія, и тѣмъ не менѣе мы находимъ почти въ каждомъ предложеніи какую-нибудь ошибку. Или пусть читатель сопоставитъ съ опубликованными теперь письмами Лассаля къ Марксу и Энгельсу утвержденіе, которое Либкнехтъ повторялъ еще въ послѣдніе годы своей жизни,— что Лассаль былъ въ 1859 г. проникнутъ энтузіазмомъ къ Наполеону и что онъ учинилъ въ 1864 г. косвенное самоубійство изъ страха предъ свиданіемъ съ Марксомъ и Энгельсомъ.

Рѣшаются подобные историческіе вопросы только путемъ исторической критики. Поэтому я радостно привѣтствую возвѣщенный Бебелемъ очеркъ, до тѣхъ же поръ пребываю въ твердой надеждѣ, что когда онъ тщательно просмотритъ документальный матеріалъ о распрѣ между лассальянцами и эйзенахцами, то его сужденіе о Швейцерѣ существенно измѣнится въ пользу послѣдняго; для этого ему нѣтъ надобности признавать себя сколько-нибудь неправымъ въ борьбѣ, которую онъ нѣкогда велъ со Швейцеромъ.

Главными источниками для исторіи партіи съ 1863 до 1878 г. являются ея тогдашнія газеты: Nordstern, Hamb. 63 до 65, Sozialdemokrat, Berl. 64 до 71, Demokr. Wochenblatt,

Leipz. 68 и 69, Volksstaat, Leipz. 69 до 76, Neuer Sozialdemokrat, Berl. 71 до 76, Vorwärts, Leipz. 76 до 78. Вообще же этотъ періодъ сравнительно часто подвергался обработкѣ: Jörg, Gesch. d. sozialpolit. Part., Freiburg 67, и Jäger, D. moderne Sozialism., Berl. 73, оба съ ультрамонтанской точки зрѣнія; R. Meyer, Emanzipationskampf. d. vierten Standes, Berl. 74, съ консервативно-соціальной, Mehring, D. deutsche Sozialdemokr., Bremen 77, съ буржуазно-либеральной точки зрѣнія. Книги Іерга и Іегера, въ особенности же обширное сочиненіе Мейера, были для своего времени весьма полезными работами; что касается моей тогдашней книжки, то обращаю вниманіе интересующихся ею на Mehring, Kapital und Presse, Berl. 91. Laveleye, Le socialisme contemporain. Brux. 81, поверхностенъ и скомпилированъ главнымъ образомъ по Іегеру и Мейеру; гораздо лучшій обзоръ соціально-политическихъ партій въ 70-хъ гг. даетъ Scheel, Uns. sozialpolit. Part., Leipz. 78. Но всѣ эти сочиненія, поскольку они пытаются дать историческую оцѣнку германской соціалъ-демократіи, въ большей или меньшей степени устарѣли.

Книга третья.

Лассаль и лейпцигскій Центральный Комитетъ. Schmoller, Kleingewerbe. Kampffmeyer, Mod. Gesellschaftsklassen. J. S., Beiträge z. Entwicklungsgesch. d. deutschen Grossindustrie NZ 11[2], 620. Huber, Handwerkerbund u. Handwerkernot, Nordh. 67. Thun, Industrie a. Niederrhein. Vahlteich, Weitling, Zukunft 78. Ellissen, Langes Biographie, Leipz. 94. Die Gründung der deutschen Sozialdemokratie, Festschrift der Leipziger Arbeiter zum 23. Mai 1903 (mit Beiträgen von Bebel, Vahlteich, Mehring und Jaeckh), Leipz. 03. Rossmässler, Ein Wort an die deutschen Arbeiter, Berl. 63. Vahlteich, Der Parteikampf zwischen d. Sozialisten i. Deutschland, Chemnitz. Allgemeine deutsche Arbeiterzeitung, Koburg 63 — 66. Schulze-Delitzsch, Arbeiterkatechismus, Leipz. 63. Lassalle, Off. Antwortschr. Въ введеніяхъ къ агитаціоннымъ работамъ Лассаля Бернштейнъ даетъ много историческаго матеріала о лассалевской агитаціи. Marx, Programmbrief, NZ 9[1], 561. Marx, Kapital 1, 662. Bernstein, Z. Frage d. ehernen Lohngesetzes 9[1], 294. Lassalle, Briefe an Rodbertus (въ посмертныхъ соч. P.); письма

Бухера къ Лассалю въ біографіи Бухера, составленной Пошингеромъ. B. Becker, Gesch. d. Arbeiteragitation Lass., Braunschw. 74; заслуживаетъ вниманія по своимъ документальнымъ сообщеніямъ, общая же точка зрѣнія Беккера сплошь неправильна и часто весьма несправедлива къ Лассалю. Rodbertus, Off. Brief, Leipz. 63, перепечатано у Kozak, l. c. Lassalle, Zur Arbeiterfrage, Leipziger Rede. L. Büchner, Herr Lassalle u. d. Arbeiter, Frankf. 63. L. Büchner, M. Begegn. mit Lassalle, Berl. 94. Oberwinder, Sozialism. u. Sozialdem., Berl. 78, содержитъ нѣкоторыя интересныя данныя о тогдашнемъ положеніи во Франкфуртѣ и его окрестностяхъ. Lassalle, Arbeiterlesebuch, Frankfurter Rede. Huber, Die Arbeiter u. ihre Ratgeber, Berl. 63. Schweitzer, D. Zeitgeist u. d. Christentum, Leipz. 61. Schweitzer, Luzinde, Frankf. 64.

Тактическій поворотъ Лассаля. Die Volkszeitung in ihr. Gesamthalt., напеч. на правахъ рукописи, Berl. 63. Lassalle, Die Feste, d. Presse u. d. Frankf. Abgeordnetent. Что письмо въ *Южно-Герм. Газетѣ* принадлежитъ перу А. Ланге, убѣдительно доказано Бернштейномъ. Lassalle, An d. Arbeiter Berlins. Busch, Unser Reichskanzler, Leipz. 84. Lassalle, D. Wissenschaft u. d. Arbeiter. Lassalle, Kriminalprozess II и III. Lassalle, Die indirekte Steuer u. d. Lage d. arbeit. Klassen. Der Hochverrathsprozess wider Lassalle. Lassalle, Bastiat-Schulze. Неспособность университетской учености понять дѣятельность Лассаля въ ея общей связи теперь такъ же велика, какъ 30 лѣтъ тому назадъ: см. по этому поводу, кромѣ Зомбарта и Геркнера, G. Mayer, Lassalle als Sozialökonom, Berl. 94, и L. O. Brandt, Lassalles sozialökonom. Anschauungen u. prakt. Vorschläge, Jena 95. О прудонистскомъ планѣ агитаціи, будто бы найденномъ въ бумагахъ Лассаля, Бухеръ писалъ 15 янв. 66 г. графинѣ Гацфельдтъ: „Я полагаю, что выполню волю Лассаля, если уничтожу эти бумаги“, но лѣтомъ 89 г. онъ сказалъ своему біографу Пошингеру, по крайней мѣрѣ—по увѣренію послѣдняго: „Я не сказалъ, что уничтожилъ бумаги Лассаля, я фактически и не уничтожилъ ихъ, а нарочно выразился двусмысленно, чтобы избавиться отъ дальнѣйшихъ требованій графини, которая согласно завѣщанію и не имѣла никакого права на *эти* бумаги“ Судя по этому, агитаціонный планъ Лассаля долженъ былъ бы находиться еще въ бумагахъ, оставшихся послѣ Бухера, и какъ бы некрасива ни была сама по себѣ двусмысленность Бухера, онъ какъ разъ въ этомъ

пунктѣ не былъ бы такъ виновенъ въ злоупотребленіи довѣріемъ Лассаля, какъ въ другихъ пунктахъ.

Конецъ Лассаля. Lassalle, Ronsdorfer Rede. Ketteler, D. Arbeiterfrage u. d. Christentum, Mainz 64. Lassalle, Erwiderung auf Wageners Rezension des Bastiat-Schulze. Der Düsseldorfer Prozess wider Lassalle. B. Becker, Lebensende Lassalles, нов. обраб., Nürnb. 92. Жаль, что „новая обработка" не была основательнѣе очищена отъ злобныхъ комментаріевъ Беккера и не остереглась въ достаточной мѣрѣ отъ новыхъ добавленій къ легендамъ о смерти Лассаля. Helene v. Racowitza (Dönniges), Meine Beziehungen zu Ferd. Lassalle, Bresl. 79—книжка, разсчитанная на сенсацію, производитъ тягостное впечатлѣніе; то же замѣчаніе приложимо къ Poschinger, Lassalles Leiden, Berl. 88, поскольку эта книжка торопливаго и плодовитаго писателя не ограничивается воспроизведеніемъ писемъ Лассаля.

Книга четвертая.

Международная Ассоціація Рабочихъ. Лучшей работой о возникновеніи и первыхъ годахъ Интернаціонала все еще остается Eichoff, Die Internat. Arbeiterassoz., Berl. 68. Книги Testut, Villetard и др. съ самаго начала стоили немногаго и давнымъ давно устарѣли. M(oritz) B(usch), Z. Geschichte d. Internationalen, Leipz. 72; авторъ на плагіаторскій манеръ всѣхъ бисмарковскихъ писакъ смѣшиваетъ въ несъѣдобную окрошку всякаго рода отрывки изъ чужихъ сочиненій, которые онъ для вящшей рекламы выдаетъ за свою собственную стряпню, но которые, помимо этого, не безъ основанія высмѣиваетъ какъ „поверхностныя издѣлія". Важнѣйшимъ источникомъ для исторіи Интернаціонала, особенно въ его отношеніяхъ къ Германіи, является *Vorbote* Іоганна-Фил. Беккера, Genf 66—71. О фразѣ Гладстона, будто бы фальсифицированной Марксомъ въ „учредительномъ адресѣ", см. Brentano, M. Polemik m. Karl Marx, Berl. 90, и Engels, In Sachen Brentano contra Marx, Hamb. 91.

Наслѣдники Лассаля. Время отъ смерти Лассаля до австро-прусской войны должно быть написано преимущественно на основаніи „Полярной Звѣзды" и „Соціалъ-демократа". K. Schilling, D. Ausstoss. B. Beckers, Berl. 65, даетъ отчетъ о борьбѣ внутри берлинской общины, какъ сторонникъ гр. Гац-

фельдтъ, такъ что правильность его разсказа оспаривалась и Либкнехтомъ и Швейцеромъ. Engels, D. preuss. Militärfrage u. d. deutsche Arbeiterpartei, Hamb. 65. F. A. Lange, D. Arbeiterfrage, Duisb. 65. (Eugen Richter), Gesch. d. sozialdemokr. Partei i. Deutschland seit d. Tode Lassalles, Berl. 65. Schulze-Delitzsch, Die Abschaff. d. geschäftl. Ris., Berl. 66. Schweitzer, D. tote Schulze geg. d. leb. Lassalle, Zür. 86. Tölcke, Zweck etc. d. Allgem. Deutsch. Arbeitervereins, Berl. 73. О преніяхъ по поводу права коалицій въ прусской палатѣ депутатовъ см. также Schippel, Beitr. z. Gesch. d. Koalitionsrechts i. Deutschl., NZ 17^2, 81. Mehring, Z. Kritik d. Kritik, тамъ же 818. Bebel, E. Amendirg. d. Zuchthausvorl., NZ 18^1, 180. Schippel, D. Fortschrittspartei u. d. Koalitionsrecht 252, и Bebel 253.

Революція сверху. Эта глава въ еще большей степени, чѣмъ предшествующая, основана на газетной литературѣ, особенно на „Соціалъ-демократѣ" и „Предвѣстникѣ" („Vorbote"), содержащихъ обильныя сообщенія о тогдашнихъ движеніяхъ среди нѣмецкаго пролетаріата. Историческіе документы, относящіеся къ австро-прусской войнѣ, можно найти у Hahn, Schulthess и др. Verwaltungsbericht берлинскаго полицейскаго управленія съ 71 г. до 80 г., Berl. 82. Dühring, Sache, Leben u. Feinde, Karlsruhe 82. Der Sozialdemokrat u. seine Helfershelfer, Genf, 67, памфлетъ, при помощи котораго гр. Гацфельдтъ вела агитацію противъ избранія Швейцера въ Эльберфельдѣ - Барменѣ и Рейхенбахѣ - Нейроде. Стенограф. отчеты сѣверо-германскаго рейхстага.

Главное сочиненіе научнаго коммунизма. Превосходнымъ введеніемъ къ изученію „Капитала" можетъ служить Kautsky, Marx' Ökonom. Lehren, Stuttg. 87. Allgem. Zeitung, Augsb. 75, № 49 и 50.

Профессіональные рабочіе союзы въ Германіи. Demokr. Wochenblatt, Sozialdemokrat, Vorbote. Jacoby, D. Ziele d. deutsch. Volkspartei u. Z. demokr. Programm. О легкомысліи, съ которымъ М. Гиршъ основалъ прогрессистскіе промысловые союзы, см. Brentano, D. Hirsch-Dunkerschen Gewerkvereine, Jahrb. f. Gesetzgebung etc., Leipz. 78. M. Hirsch, D. deutsch. Gewerkver. u. ihr. neuest. Gegn., Berl. 79, отнюдь не удалось поколебать документальныя доказательства Брентано.

Соціалъ-демократическая Рабочая Партія. Demokr. Wochenblatt, Sozialdemokr., Vorbote. Hofstetten, M.

Verhältniss z. Schweitzer u. z. Sozialdemokr., Berl. 69, Стеногр. отчеты о преніяхъ по поводу Промышленнаго Устава въ сѣверогерманскомъ рейхстагѣ. Liebknecht, Ueber d. polit. Stellung d. Sozialdemokr., insbes. m. Bezug. a. d. Reichst., Leipz. 69. A. Wagner, Die Abschaff. d. privaten Grundeigent., Leipz. 70. Bebel, Unsere Ziele, Leipz. 70. Liebknecht, Z. Grund- u. Bodenfrage, Leipz. 74. Jacoby, D. Ziel der Arbeiterbewegung.

Замѣченныя опечатки.

Стран.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
136	4 св.	потрясеніями и	потрясеніями, и
154	14 св.	Лассаля, набралось	Лассаля набралось
233	4 сн.	забыто	забыто,
235	1 сн.	или,	, или
250	7—8 св.	поднимается	поднимется
260	5 св.	игры и	игры въ союзъ и
266	4 сн.	говорилъ	говорилъ: